РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА и Я. Я. ГУРЕВИЧА.

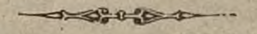
ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 10—11.

ОКТЯБРЬ—НОЯБРЬ 1904 г.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, а также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній (Ж. М. Н. Пр. за апрѣль 1902 годъ).

Золотая медаль на международной выставкѣ „Дѣтскій Міръ“ въ 1904 году.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.

1904.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 19 Ноября 1904 года.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО УЧЕБНОМУ ВѢДОМСТВУ.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

Объ освобожденіи отъ призыва изъ запаса въ армію и дѣйствующія команды флота и отъ службы въ государственномъ ополченіи должностныхъ лицъ по С.-Петербургскому женскому медицинскому институту *).

Государь Императоръ, согласно положенію комитета министровъ, въ 15-й день апрѣля 1904 года, Высочайше соизволилъ на включеніе въ списокъ должностямъ по государственной гражданской службѣ, исполненіе коихъ освобождаетъ офицерскихъ и нижнихъ чиновъ отъ призыва изъ запаса въ армію и дѣйствующія команды флота и отъ службы въ государственномъ ополченіи (свод. зак. т. IV, уст. о воинской повинности, изд. 1897 г., прил. къ ст. 25), профессоровъ и постоянныхъ преподавателей, прозекторовъ, имѣющихъ степень доктора, лаборантовъ, имѣющихъ ученую степень доктора или магистра, и библіотекаря С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института. (Циркуляръ по С.-Петербурскому уч. окр. 1904 г. № 10).

Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта. О преобразованіи С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института **).

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о преобразованіи С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

За предсѣдателя государственнаго совѣта (подп.) графъ *Сольскій*.

10-го мая 1904 года.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Выписано изъ журналовъ соединенныхъ департаментовъ промышленности, наукъ и торговли, законовъ и государственной экономіи 20-го февраля и общаго собранія 26-го апрѣля 1904 года.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли, законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о преобразованіи С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института, *мнѣніемъ положилъ*:

*) Изъ собранія узакон. и распор. правит. № 139, 1904 г.

**) Изъ собр. узакон. и распор. правит. № 112, 1904 года.

I. Проекты положенія и штата С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе и, по воспослѣдованіи онаго, ввести въ дѣйствіе, въ теченіе 1904 г., въ срокъ по усмотрѣнію министерства народнаго просвѣщенія, въ зависимости отъ имѣющихся на сей предметъ средствъ.

II. Лицамъ, занимающимся въ означенномъ институтѣ (отд. I), до введенія въ дѣйствіе настоящаго узаконенія, должности, коимъ присвоивается нынѣ право на пенсію по учебной службѣ, зачесть въ срокъ выслуги на эту пенсію все время ихъ прежней службы при условіи внесенія ими въ казну установленныхъ на пенсію вычетовъ за все означенное время.

III. Предоставить министру народнаго просвѣщенія выдать лицамъ, окончившимъ курсъ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института по дѣйствующему положенію объ ономъ, дипломы на званіе лѣкаря съ тѣми же правами, кои присвоиваются оканчивающимъ курсъ института по издаваемому положенію.

IV. Предоставить лицамъ женскаго пола, какъ окончившимъ курсъ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института, такъ и выдержавшимъ соотвѣтствующія испытанія, право пріобрѣтать ученыя медицинскія степени при университетахъ и военно-медицинской академіи.

V. Лицъ женскаго пола, имѣющихъ дипломъ иностранныхъ университетовъ на степень доктора медицины и представившихъ удостовѣреніе въ полученіи ими образованія, дающаго право на поступленіе въ С.-Петербургскій женскій медицинскій институтъ, допускать къ испытаніямъ на званіе лѣкаря при означенномъ институтѣ, наравнѣ съ лицами, окончившими курсъ онаго.

VI. Впредь до общаго пересмотра законовъ о евреяхъ, постановить, что число слушательницъ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института іудейскаго исповѣданія не должно превышать трехъ процентовъ общаго комплекта сихъ слушательницъ.

VII. На содержаніе означеннаго въ отдѣлѣ I института отпускать изъ государственнаго казначейства, начиная съ 1905 г., по *сто тридцать девять тысячъ девятьсотъ* руб. въ годъ, въ дополненіе къ имѣющимся въ распоряженіи института на сей предметъ средствамъ. Въ 1904 г. обратить на расходы по содержанію института, независимо отъ сихъ послѣднихъ средствъ, кредитъ въ *восемьдесятъ тысячъ руб.*, внесенный для сего къ условному отпуску въ дѣйствующую смѣту министерства народнаго просвѣщенія, разрѣшивъ оный къ расходованію на общемъ основаніи.

VIII. Предоставить министру народнаго просвѣщенія подвергнуть ближайшей разработкѣ вопросъ объ устройствѣ и порядкѣ дѣйствія попечительнаго комитета при С.-Петербургскомъ женскомъ медицинскомъ институтѣ и свои по сему предмету предположенія представить на законодательное разсмотрѣніе въ возможно непродолжительномъ времени.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: *„быть по сему"*. (ib).

Въ Царскомъ Селѣ.
10-го мая 1904 года.

———————

Объ измѣненіи нѣкоторыхъ правилъ о ветеринарныхъ институтахъ (10 мая 1904 года).

Государственный Совѣтъ, въ департаментѣ промышленности, наукъ и торговли и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ измѣненіи нѣкоторыхъ правилъ о ветеринарныхъ институтахъ, *мнѣніемъ положилъ*:

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

1) Министру народнаго просвѣщенія предоставляется устанавливать опредѣленный комплектъ учащихся въ Варшавскомъ ветеринарномъ институтѣ.

2) По ходатайствамъ совѣтовъ ветеринарныхъ институтовъ, попечителямъ учебныхъ округовъ предоставляется: а) принимать молодыхъ людей въ число студентовъ этихъ институтовъ сверхъ комплекта, въ предѣлахъ 5% сего послѣдняго, и б) оставлять учащихся въ означенныхъ учебныхъ заведеніяхъ на третій годъ на одномъ и томъ же курсѣ.

Государь Императоръ изложенное мнѣніе Государственнаго Совѣта 10-го мая 1904 г. Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. (Циркуляръ по Рижскому уч. окр. 1904 г. № 8).

О пріобрѣтеніи учебными заведеніями Русскаго Біографическаго Словаря. (2 марта 1904 г.).

Государь Императоръ, по докладу предсѣдателя Императорскаго Русскаго историческаго общества, во 2 день марта 1904 года Высочайше соизволилъ на то, чтобы учебныя заведенія, получающія безплатно „Сборникъ Императорскаго Русскаго историческаго общества“, пріобрѣли, за пониженную плату, уже вышедшіе томы и пріобрѣтали бы впредь имѣющіе выйти томы „Русскаго Біографическаго словаря“, издаваемаго названнымъ обществомъ. (Циркуляръ по Рижскому учебному окр. 1904 г. № 7).

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

О правильной постановкѣ физическаго развитія учащихся. (10 іюня 1904 года № 18066).

Министерство Народнаго Просвѣщенія, озабочиваясь правильною постановкою физическаго развитія учащихся, насколько таковое находится въ средствахъ школы, предложило въ послѣдніе годы цѣлый рядъ мѣропріятій, направленныхъ къ достиженію означенной цѣли. Такъ, въ циркулярномъ предложеніи отъ 2-го августа 1900 г., за № 20185, касающемся лѣтнихъ вакаціонныхъ занятій учащихся, особенное вниманіе учебно-окружного начальства было обращено на образовательныя прогулки и путешествія учащихся, подъ руководствомъ ихъ наставниковъ, въ виду благотворнаго вліянія, какое эти прогулки и путешествія могутъ имѣть на учащихся и въ духовномъ и въ физическомъ отношеніи. Затѣмъ, въ циркулярѣ отъ 15-го августа 1902 г. за № 21600 Министерствомъ намѣченъ цѣлый рядъ мѣръ, имѣющихъ цѣлью урегулировать трудъ учащихся и содѣйствовать правильному ихъ физическому развитію; мѣры эти имѣютъ одинаково въ виду какъ улучшеніе гигіеническихъ условій пребыванія учащихся въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, такъ и

введеніе въ обиходъ школы различныхъ видовъ физическихъ упражненій, имѣющихъ главною цѣлью поддержаніе достаточнаго запаса энергіи въ нервно-мышечной системѣ, пріученіе учащихся къ выносливости, выработку стройности, легкости и изящества всѣхъ движеній, развитіе ловкости, находчивости и разумной увѣренности въ себѣ. Наконецъ, въ циркулярахъ отъ 20 сентября 1902 г. за № 25985, 12-го марта 1903 г. за № 9106 и 29 іюня 1903 г. за № 20152 Министерствомъ было указано на желательность учрежденія школьныхъ дачъ-колоній, имѣющихъ цѣлью дать учащимся возможность провести лѣтнее вакаціонное время въ условіяхъ, наиболѣе благопріятныхъ для ихъ физическаго, а отчасти и нравственнаго развитія, причемъ были намѣчены и способы къ осуществленію предположеній объ устройствѣ школьныхъ дачъ-колоній тамъ, гдѣ по мѣстнымъ условіямъ учрежденіе таковыхъ будетъ признано желательнымъ.

Раздѣляя и съ своей стороны мнѣніе о полной цѣлесообразности и необходимости указанныхъ мѣропріятій, я считаю долгомъ покорнѣйше просить Ваше Превосходительство обратить вниманіе начальниковъ подвѣдомственныхъ Вамъ среднихъ учебныхъ заведеній на необходимость и впредь принимать всѣ зависящія отъ нихъ средства для улучшенія здоровья и физическихъ силъ учащихся, будучи вполнѣ увѣренъ, что всѣ лица, коимъ ввѣрено попеченіе объ учащейся молодежи, сочувственно и съ должнымъ вниманіемъ отнесутся къ преподаннымъ указаніямъ. Вмѣстѣ съ симъ я нахожу полезнымъ, въ развитіе и дополненіе предложенныхъ раньше мѣропріятій, указать на нижеслѣдующія, принимая ихъ за нормы, видоизмѣненія коихъ въ сторону наибольшей пользы учащихся, подсказанныя сердечнымъ сочувствіемъ дѣлу,—почту полнымъ одобреніемъ.

1. Желательно, чтобы въ лѣтнія и въ рождественскія вакаціи устраивались дальнія поѣздки по Россіи, въ особенности съ цѣлью ознакомленія учащихся съ историческими мѣстами, памятниками, святынями, музеями, извѣстными фабриками и заводами. Чтобы не лишать возможности сиротъ и дѣтей недостаточныхъ родителей пользоваться такимъ сильнымъ образовательнымъ средствомъ, какъ путешествія, можно было бы, въ видѣ поощренія, назначать въ число экскурсантовъ достойныхъ изъ бѣднѣйшихъ учениковъ, пополняя расходъ по ихъ поѣздкѣ изъ спеціальныхъ средствъ учебнаго заведенія или другихъ источниковъ. При этомъ само собой разумѣется, что и независимо отъ образовательныхъ экскурсій представляется необходимымъ обратить вниманіе на ознакомленіе учащихся съ родиной и ея исторіей, а также непремѣнно съ достопримѣчательностями тѣхъ мѣстъ, гдѣ живетъ и учится молодежь,

Нахожу также полезнымъ, чтобы, кромѣ прогулокъ преподавателей съ своими классными отдѣленіями, не въ ущербъ учебному дѣлу, съ учениками заведенія изрѣдка устраивались весною и раннею осенью прогулки въ ближайшія окрестности. Весьма желательно, чтобы по возможности весь составъ служащихъ участвовалъ въ прогулкѣ, причемъ преподаватели во всемъ принимали бы живое участіе и руководили играми, хоровымъ пѣніемъ, музыкой; хорошо было бы, если бы семьи служащихъ и родственники нѣкоторыхъ учениковъ также принимали участіе въ гуляніи: такія прогулки, если онѣ обставлены умѣло и съ любовью, оставляютъ въ молодежи прекрасное впечатлѣніе, сближаютъ учащихъ съ учащимися и сплачиваютъ заведеніе какъ бы въ одну хорошую семью, что, несомнѣнно, можетъ благотворно отразиться на результатахъ образовательнаго и воспитательнаго дѣла въ учебномъ заведеніи.

Для тѣхъ изъ учащихся, которые на лѣто остаются въ городѣ, также было бы желательно устраивать различныя физическія упражненія и игры на открытомъ воздухѣ, обезпеченныя надлежащимъ руководствомъ и наблюденіемъ. При благопріятныхъ условіяхъ съ такими учениками могли бы быть предпринимаемы прогулки въ окрестности или въ ближайшіе города, гдѣ мѣстныя учебныя заведенія, безъ сомнѣнія, охотно предоставятъ экскурсантамъ свои помѣщенія.

2. Изъ многихъ видовъ физическихъ упражненій, рекомедуемыхъ циркуляромъ 15-го августа 1902 г., особаго вниманія заслуживаютъ катанье на лодкахъ, купанье и плаваніе, какъ наиболѣе любимыя дѣтьми лѣтнія развлеченія и вмѣстѣ съ тѣмъ представляющія собою могучій факторъ въ дѣлѣ физическаго развитія. Желательно поэтому, чтобы тамъ, гдѣ это по мѣстнымъ условіямъ окажется возможнымъ, были устраиваемы школы плаванія и прочаго водяного спорта или, по крайней мѣрѣ, были отводимы безопасныя мѣста для купанья учащихся, или, наконецъ, заарендованы на извѣстный часъ дня купальни, гдѣ молодежь могла бы купаться и вмѣстѣ съ тѣмъ учиться плавать подъ руководствомъ опытныхъ лицъ. На обученіе воспитанниковъ плаванію надлежитъ обратить особенное вниманіе въ виду того обстоятельства, что несчастные случаи съ учащимися, происходящіе отъ неумѣнія ихъ держаться на водѣ, представляютъ собою нынѣ, къ сожалѣнію, заурядное явленіе. Тамъ, гдѣ имѣются рѣчные яхтъ-клубы, администрація послѣднихъ, надо надѣяться, не откажетъ учебному начальству въ своемъ благосклонномъ содѣйствіи къ сообщенію учащейся молодежи необходимыхъ въ водяномъ спортѣ навыковъ и къ предоставленію учащимся удовольствія пользоваться катаньемъ на лодкахъ подъ опытнымъ и умѣлымъ руководствомъ членовъ яхтъ-клубовъ.

Статистика несчастныхъ случаевъ съ учащимися показываетъ, что еще чаще, чѣмъ отъ водяной стихіи, несчастія съ учащеюся молодежью случаются отъ огнестрѣльнаго оружія. Принимая во вниманіе, что такого рода несчастія происходятъ въ большинствѣ случаевъ отъ неумѣнія обращаться съ оружіемъ, я полагаю, что лучшимъ противодѣйствіемъ этому было бы ознакомленіе воспитанниковъ гимназій и прочей учащейся молодежи старшаго возраста съ огнестрѣльнымъ оружіемъ при посредствѣ войсковыхъ частей, начальники коихъ, при предварительномъ сношеніи съ ними мѣстнаго учебнаго начальства, безъ сомнѣнія, не откажутъ въ своемъ содѣйствіи, при посредствѣ завѣдывающихъ оружіемъ въ частяхъ или оружейныхъ мастеровъ.

3. Необходимо, чтобы въ большихъ городахъ начальники заведеній, при посредствѣ мѣстнаго начальства и участіи городскихъ и земскихъ дѣятелей, на лѣтнее время устраивали для слабыхъ здоровьемъ учениковъ санаторіи или особыя помѣщенія за городомъ, въ здоровыхъ и удобныхъ мѣстностяхъ. Заботы объ учрежденіи такихъ санаторій должны быть предпринимаемы главнымъ образомъ въ интересахъ дѣтей неимущихъ родителей. Въ нихъ, а равно и тамъ, гдѣ для слабосильныхъ и больныхъ учениковъ уже устроены колоніи или арендованы дачи, необходимо наблюдать, чтобы дѣти большую часть времени проводили на воздухѣ, а для того, чтобы они, отдыхая и укрѣпляя ослабленныя силы и здоровье, не находились въ праздности, слѣдуетъ устроить гимнастическіе городки, кегельбаны и т. п., поставить купальни, пріобрѣсти лодки, различныя игры и составить небольшія библіотеки. При этомъ само собою разумѣется, что для воспитанниковъ, живущихъ въ санаторіяхъ и колоніяхъ, необходимо установить соотвѣтственный режимъ, строго наблюдая затѣмъ, чтобы они пользовались питательнымъ и сытнымъ

продовольствіемъ. Врачу учебнаго заведенія надлежитъ вмѣнить въ обязанность нѣсколько разъ въ недѣлю посѣщать и осматривать воспитанниковъ живущихъ въ санаторіи, а въ началѣ и въ концѣ лѣта взвѣшивать каждаго изъ нихъ, записывая вѣсъ, что дастъ цѣнный матеріалъ для наблюденія за ходомъ физическаго развитія учащихся.

Въ виду важности цѣли, ради которой преподаны вышеизложенныя указанія, Министерство Народнаго Просвѣщенія, сообразно съ имѣющимися въ его распоряженіи средствами, всегда готово оказать матеріальное пособіе учебнымъ заведеніямъ въ ихъ заботахъ касательно физическаго развитія учащихся и съ искреннимъ сочувствіемъ встрѣтить всякую мѣру, направленную на пользу учебно-воспитательнаго дѣла.

Принимая во вниманіе важное значеніе настоящаго дѣла и желая знать, въ какой мѣрѣ намѣченныя Министерствомъ мѣропріятія проникаютъ въ жизнь школы, я прошу Ваше Превосходительство представлять ежегодно въ Министерство, не позднѣе 1-го декабря, отчеты о предпринятыхъ учащимися, подъ руководствомъ наставниковъ, экскурсіяхъ съ описаніемъ послѣднихъ, составленнымъ кѣмъ-либо изъ участниковъ, а также свѣдѣнія о томъ, что сдѣлано въ учебныхъ заведеніяхъ ввѣреннаго Вамъ округа относительно всего вышеуказаннаго. (Циркуляръ по Западно-Сибирскому уч. окр. 1904 г. №№ 7—8).

По вопросу о томъ, можетъ ли учительница или классная надзирательница учебнаго заведенія, по выходѣ замужъ, сохранить за собою службу.

Въ 1880 г. въ Виленскомъ учебномъ округѣ возникъ вопросъ, можетъ ли учительница или классная надзирательница женской прогимназіи, по выходѣ замужъ, сохранить за собою, въ случаѣ своего желанія и согласія мужа, мѣсто въ прогимназіи.

Начальство учебнаго округа, предложивъ по учебному заведенію, возбудившему означенный вопросъ, держаться въ этомъ отношеніи практики, принятой въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, подвѣдомственныхъ бывшему IV отдѣленію собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, донесло объ этомъ министерству народнаго просвѣщенія.

Министерство народнаго просвѣщенія не признало, однако, возможнымъ согласиться съ таковымъ распоряженіемъ и 28-го августа 1880 г., за № 9922, разъяснило управленію округа, что оно не находитъ справедливымъ принять за общее правило, чтобы учительницы и надзирательницы женскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства были увольняемы отъ службы при выходѣ ихъ замужъ, такъ какъ замужество не можетъ лишать учительницу пріобрѣтенныхъ ею образованіемъ правъ, и что если въ отдѣльномъ случаѣ семейныя обязанности препятствуетъ какой-либо учительницѣ съ успѣхомъ исполнять служебныя ея обязанности, то вопросъ объ оставленіи ея на службѣ долженъ быть рѣшенъ для каждаго такого случая отдѣльно, на общемъ основаніи.

Въ истекшемъ году одинъ изъ попечителей учебныхъ округовъ вновь возбудилъ тотъ же вопросъ и, указавъ на неудобства, происходящія въ томъ случаѣ, когда въ учебномъ заведеніи состоятъ на службѣ преподавательницами, либо классными надзирательницами, замужнія женщины, просилъ разрѣшенія министерства: 1) объявить циркулярно лицамъ женскаго пола, состоящимъ на службѣ въ учебныхъ заведеніяхъ округа, что они по выходѣ

замужъ теряютъ право на безпрепятственное продолженіе своей службы въ должности учительницъ или классныхъ надзирательницъ, и 2) обязать такихъ лицъ подпискою въ томъ, чтобы при выходѣ замужъ они увѣдомляли о томъ подлежащія начальства для распоряженія по замѣщенію имѣющихъ открыться вакансій.

Въ виду сего министерствомъ предложено было начальствамъ всѣхъ учебныхъ округовъ высказаться, насколько представляется желательнымъ введеніе проектируемой мѣры.

Ознакомившись въ настоящее время съ содержаніемъ полученныхъ министерствомъ отзывовъ попечителей учебныхъ округовъ по изложенному предмету, г. управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ въ предложеніи отъ 25-го іюля 1904 г. за № 22811, что онъ признаетъ необходимымъ, чтобы вышеупомянутое разъясненіе министерства, за № 9922, было принято на будущее время къ общему руководству по всѣмъ учебнымъ округамъ.

Объявляются по округу для руководства въ подлежащихъ случаяхъ. (Циркуляръ по С.-Петербургскому уч. окр. 1904 г. № 10).

Правила о С.-Петербургскомъ технологическомъ институтѣ Императора Николая I-го *).

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія, 8-го августа 1904 года).

ПРОЕКТИРУЕМЫЯ ПРАВИЛА.

§ 1. Съ цѣлью лучшаго усвоенія предметовъ преподаванія въ первомъ и второмъ курсахъ института, установлены упражненія и практическія занятія; кромѣ того производятся контрольныя репетиціи по математикѣ, механикѣ, сопротивленію матеріаловъ, а также и по другимъ предметамъ по постановленію учебнаго комитета.

§ 2. Число репетицій и сроки ихъ сдачи назначаются на каждый учебный годъ учебнымъ комитетомъ въ началѣ учебнаго года.

Отвѣты на репетиціяхъ оцѣниваются баллами. Для сдачи на репетиціи назначается по возможности законченный отдѣлъ предмета, прочитанный преподавателемъ.

§ 3. Сдача репетицій въ назначенные сроки для студентовъ обязательна. Исключенія допускаются начальствомъ института лишь по причинамъ, признаннымъ имъ уважительными. Въ такихъ случаяхъ помощникъ директора назначаетъ окончательный срокъ для сдачи репетиціи; причемъ пропущенныя репетиціи перваго полугодія непремѣнно должны быть сданы никакъ не позже, чѣмъ въ теченіе первой недѣли занятій второго полугодія. За несданную репетицію выставляется въ журналѣ отмѣтка 0. По предметамъ, по которымъ установлены обязательныя репетиціи, выводится средняя репетиціонная отмѣтка.

§ 4. Ежегодно по окончаніи преподаванія въ концѣ апрѣля и въ маѣ производятся экзамены, по особому расписанію, въ назначенные учебнымъ комитетомъ дни.

---

*) Препровождены при предложеніи минист. нар. просв. отъ 8-го августа 1904 г. за № 3970.

§ 5. Къ экземенамъ допускаются тѣ студенты, которые исправно относились къ своимъ учебнымъ занятіямъ въ теченіе года, выполнили удовлетворительно всѣ установленныя графическія, лабораторныя и другія практическія работы, и которые не имѣютъ неудовлетворительной (менѣе трехъ) средней репетиціонной отмѣтки ни по одному предмету, по которому установлены репетиціи. Въ уважительныхъ случаяхъ учебный комитетъ можетъ допустить къ экзамену тѣхъ студентовъ, которые имѣютъ среднюю неудо влетворительную отмѣтку за репетиціи, но не болѣе, какъ по одному предмету.

§ 6. Съ разрѣшенія преподавателя въ сроки, назначенные учебнымъ комитетомъ, студенты могутъ въ теченіе года сдать освободительную репетицію по цѣлому предмету или по совершенно законченному отдѣлу предмета послѣ ихъ прочтенія; студенты, сдавшіе такую репетицію вполнѣ удовлетворительно, освобождаются отъ вторичной сдачи соотвѣтственнаго отдѣла на экзаменѣ. Такія репетиціи могутъ быть разрѣшаемы учебнымъ комитетомъ и на старшихъ курсахъ.

§ 7. Удостаиваются перевода въ слѣдующій курсъ тѣ изъ допущенныхъ къ экзаменамъ студентовъ, корорые выдержали всѣ экзамены удовлетворительно, не получивъ ни по одному предмету отмѣтки менѣе трехъ. По усмотрѣнію учебнаго комитета въ уважительныхъ случаяхъ студенту, не выдержавшему одного изъ переходныхъ экзаменовъ, можетъ быть разрѣшенъ для перевода на слѣдующій курсъ соотвѣтствующій экзаменъ послѣ каникулъ.

§ 8. Если при значительномъ числѣ студентовъ въ какомъ-либо курсѣ на экзамены по предметамъ этого курса будетъ назначено нѣсколько дней, то студенты дѣлятся съ помощникомъ директора на группы, и для экзамена каждой группы назначается опредѣленный день. Самовольный переходъ изъ одной группы въ другую не допускается.

§ 9. Студенты, по уважительнымъ причинамъ не явившіеся на испытанія не болѣе какъ изъ двухъ предметовъ въ назначенное по расписанію время, могутъ быть допущены учебнымъ комитетомъ къ дополнительнымъ испытаніямъ, которыя производятся въ теченіе не болѣе пяти дней вслѣдъ за окончаніемъ для каждаго курса всѣхъ назначенныхъ по расписанію экзаменовъ.

§ 10. Студенты, не удовлетворившіе условіямъ перевода въ слѣдующій курсъ, могутъ быть оставляемы учебнымъ комитетомъ при особо уважительныхъ на то причинахъ на второй годъ. Во всякомъ случаѣ такое оставленіе на второй годъ можетъ повториться не болѣе двухъ разъ во все время пребыванія студента въ институтѣ. Оставленіе студента на третій годъ въ одномъ и томъ же курсѣ не дозволяется.

§ 11. Годовая отмѣтка по тѣмъ предметамъ, по которымъ установлены обязательныя репетиціи, выводится какъ средняя ариѳметическая изъ средней репетиціонной и экзаменной. Въ случаѣ, если студентъ былъ допущенъ къ экзамену при неудовлетворительной средней отмѣткѣ за репетиціи и этотъ экзаменъ выдержалъ, ему по данному предмету выставляется въ балловую вѣдомость, какъ годовая отмѣтка, три. (Циркуляръ по С.-Петербургскому учебн. окр. 1904 г. № 10).

———————

По вопросу о порядкѣ разрѣшенія принимать въ среднія и низшія промышленныя училища министерства народнаго просвѣщенія лицъ въ возрастѣ, превышающемъ норму.

Въ министерство народнаго просвѣщенія поступаетъ значительное число прошеній отъ лицъ, которымъ было отказано въ пріемѣ въ промышленныя училища вслѣдствіе того, что возрастъ этихъ лицъ превышаетъ установленную на сей предметъ норму.

Между тѣмъ, согласно п. 11-му статьи 38-й Высочайше утвержденнаго 19-го апрѣля текущаго года мнѣнія государственнаго совѣта объ измѣненіи порядка разрѣшенія нѣкоторыхъ дѣлъ, восходящихъ нынѣ на усмотрѣніе Государя Императора, а также разрѣшаемыхъ въ центральныхъ и высшихъ правительственныхъ установленіяхъ, разрѣшеніе пріема въ среднія и низшія учебныя заведенія вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія лицъ, не достигшихъ установленнаго возраста или перешедшихъ оный, принадлежитъ власти попечителей учебныхъ округовъ и, слѣдовательно, всѣ ходатайства по сему предмету должны получать окончательное разрѣшеніе въ управленіяхъ учебныхъ округовъ.

Въ виду сего отдѣлъ промышленныхъ училищъ въ отношеніи отъ 20-го августа 1904 г. за № 4194 проситъ разъяснить начальствамъ промышленныхъ училищъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, что они не должны отказывать лицамъ, желающимъ поступить въ названныя училища въ возрастѣ, превышающемъ норму, а направлять ихъ ходатайства на разрѣшеніе начальства округа.

Объ этомъ объявляется по округу для руководства въ подлежащихъ случаяхъ. (Циркуляръ по С.-Петербургскому уч. окр. 1904 г. № 10).

О сообщеніи Императорской академіи художествъ вакансій учителей рисованія въ учебныхъ заведеніяхъ округа.

Въ § 1 утвержденнаго 18-го іюля 1903 г. министерствомъ народнаго просвѣщенія положенія объ учителяхъ и учительницахъ рисованія и черченія, перечислены спеціальныя учебныя заведенія, окончаніе коихъ даетъ право преподавать рисованіе во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, причемъ эти спеціальныя учебныя заведенія расположены въ послѣдовательности, въ какой они должны быть разсматриваемы относительно правъ ихъ питомцевъ на преимущественное занятіе должностей учителей рисованія. Кромѣ лицъ, перечисленныхъ въ § 1 положенія, къ занятію учительскихъ мѣстъ по рисованію допускаются (по § 3 того же положенія) лица, получившія свидѣтельства на право преподаванія рисованія, по выдержаніи особаго установленнаго для сего экзамена.

Изложенная въ § 1 положенія постепенность учебныхъ заведеній, облегчая для учебнаго начальства сравненіе правъ кандидатовъ на предпочтительное занятіе вакантныхъ должностей учителей рисованія, должна быть принята въ руководство учебнымъ начальствомъ при опредѣленіи учителей рисованія въ смыслѣ предоставленія, по возможности, преимущества кандидатамъ, обладающимъ болѣе высокимъ подготовительнымъ цензомъ.

На основаніи § 2 того же положенія, чтобы облегчить начальникамъ

учебныхъ заведеній выборъ учителей и учительницъ рисованія, свѣдѣнія объ имѣющихся вакансіяхъ и о свободныхъ въ данное время учителяхъ и учительницахъ рисованія, въ порядкѣ окончанія курса учебныхъ заведеній, перечисленныхъ въ § 1 положенія, съ подробнымъ указаніемъ ихъ ценза и всѣхъ требуемыхъ справокъ, сосредоточиваются въ Императорской академіи художествъ, дабы академія могла имѣть возможность указывать начальствамъ учебныхъ заведеній, если бы они къ ней обратились, не только нѣсколькихъ кандидатовъ, но и сообщать полный списокъ свободныхъ учителей. Посему попечители учебныхъ и директоры начальныхъ училищъ, согласно § 2 того же положенія, увѣдомляютъ Императорскую академію художествъ объ освободившихся вакансіяхъ.

Находя полезнымъ привести въ исполненіе изложенный въ § 2 положенія порядокъ, г. министръ народнаго просвѣщенія, въ предложеніи отъ 25-го августа за № 1172 проситъ сообщать Императорской академіи художествъ о вакансіяхъ учителей рисованія въ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербургскаго учебнаго округа въ тѣхъ случаяхъ, когда учебное начальство не имѣетъ кандидата, удовлетворяющаго условіямъ § 1 положенія, причемъ при извѣщеніи о вакансіи необходимо увѣдомлять о числѣ часовъ занятій, о классахъ и о размѣрѣ причитающагося вознагражденія.

По полученіи этихъ свѣдѣній, Императорская академія художествъ будетъ съ своей стороны сообщать учебному начальству, извѣстившему о вакансіи, имѣющій находиться въ академіи полный списокъ свободныхъ учителей и учительницъ рисованія для облегченія учебнымъ начальствамъ выбора таковыхъ.

Объявляется по округу для исполненія. (Циркуляръ по С.-Петербургскому уч. окр. 1904 г. № 10).

Объ ограниченіи срока командировокъ съ ученою цѣлью.
(7 мая 1904 г. за № 14564).

Въ министерство народнаго просвѣщенія неоднократно поступаютъ ходатайства отъ начальства учебныхъ округовъ о командированіи съ научною цѣлью за границу и внутри Имперіи лицъ изъ преподавательскаго персонала высшихъ учебныхъ заведеній, причемъ срокъ этихъ командировокъ по тѣмъ или другимъ соображеніямъ весьма часто простирается далеко за 1-е сентября.

Принимая во вниманіе, что столь продолжительное со времени начала учебныхъ занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ отсутствіе ихъ преподавателей бываетъ неминуемо сопряжено съ усиленнымъ чтеніемъ извѣстнаго предмета въ послѣдующее время, что несовмѣстимо съ цѣлями академическаго преподаванія, требующаго отъ студентовъ равномѣрныхъ занятій въ теченіе всего учебнаго года, г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія проситъ сдѣлать распоряженіе объ ограниченіи на будущее время срока означенныхъ командировокъ, съ пріуроченіемъ его къ сроку окончанія каникулъ. (Циркуляръ по Рижскому уч. окр. 1904 г. № 8).

По вопросу о томъ, что надлежитъ понимать подъ кондуитомъ, изъ котораго должна быть выдаваема полная выписка абитуріентамъ средней школы *). (30 апрѣля 1903 г. за № 14791).

Циркулярнымъ предложеніемъ министерства народнаго просвѣщенія отъ 29 іюля 1902 г. за № 20058 былъ отмѣненъ существовавшій до тѣхъ поръ порядокъ доставленія ректорамъ университетовъ и директорамъ высшихъ спеціальныхъ заведеній секретныхъ характеристикъ соотвѣтственныхъ абитуріентовъ средней школы; взамѣнъ того, было предложено выдавать воспитанникамъ, окончившимъ курсъ средней школы и заявившимъ о желаніи поступить въ высшее учебное заведеніе министерства народнаго просвѣщенія, полную выписку изъ кондуита за послѣдніе три года ихъ пребыванія въ гимназіи или реальномъ училищѣ.

Въ цѣляхъ установленія единообразія примѣненія упомянутаго циркулярнаго предложенія, за № 20058, и въ разъясненіе возбужденнаго однимъ изъ попечителей учебныхъ округовъ вопроса, г. министръ народнаго просвѣщенія проситъ указать директорамъ среднихъ учебныхъ заведеній Харьковскаго учебнаго округа, что подъ кондуитомъ надлежитъ понимать, согласно точному смыслу § 14-го утвержденныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія 4 мая 1874 г. правилъ о взысканіяхъ, налагаемыхъ на учениковъ гимназій, полный списокъ наказаній, наложенныхъ съ вѣдома педагогическаго совѣта, съ обозначеніемъ самаго проступка, навлекшаго взысканіе. Изъ такого именно кондуита и должна быть выдаваема полная выписка за послѣдніе три года абитуріентамъ средней школы, выразившимъ желаніе продолжать свое образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія. Всякаго же рода записи классныхъ наставниковъ, весьма полезныя для характеристики ученика въ бытность его въ гимназіи, не должны быть принимаемы въ разсчетъ при оставленіи имъ учебнаго заведенія и не подлежатъ сообщенію начальства высшихъ учебныхъ заведеній. (Циркуляръ по Рижскому уч. окр. 1904 г. № 8).

Къ вопросу о повѣрочномъ испытаніи по географіи съ цѣлью повышенія отмѣтки по сему предмету въ аттестатѣ зрѣлости **). (2 апрѣля 1904 г. за № 10873).

Препровождая при семъ къ Вашему Превосходительству, на распоряженіе согласно правиламъ, прошеніе съ 1 приложеніемъ мѣщанина *Арона Быховскаго* о разрѣшеніи его сыну Михоэлю, ученику VIII класса Черниговской гимназіи, держать повѣрочное испытаніе по географіи съ цѣлью повышенія отмѣтки по сему предмету въ аттестатѣ зрѣлости, Департаментъ Народнаго Просвѣщенія по приказанію Г. Временно-Управляющаго Министерствомъ Товарища Министра имѣетъ честь изъяснить, что § 69 правилъ объ испытаніяхъ учениковъ гимназій вмѣняетъ въ обязанность при испытаніи зрѣлости по исторіи, удостовѣряться въ географическихъ познаніяхъ экзаменующагося, имѣющихъ связь съ курсомъ исторіи. Основываясь на результатахъ сего испытанія, а также на наблюденіяхъ тѣхъ или другихъ преподавателей,

*) Изъ № 4 цирк. по Харьк. учеб. окр. за 1904 г.
**) Изъ № 6 цирк. по Кіев. учеб. окр. за 1904 г.

имѣвшихъ случай убѣдиться въ томъ, что абитуріентъ вполнѣ удовлетворяетъ изложеннымъ въ п. 3 § 75 правилъ объ испытаніяхъ требованіямъ по географіи, педагогическій совѣтъ можетъ повысить отмѣтку по этому предмету, полученную на испытаніи при переходѣ изъ IV-го въ V-ый классъ. (Циркуляръ по Рижскому уч. окр. 1904 г. № 8).

Относительно предѣльнаго возраста лицъ, подвергающихся испытанію въ знаніи курса первыхъ 4 классовъ женскихъ гимназій *) (7 апрѣля 1904 г. № 11331).

Вслѣдствіе отношенія отъ 26 минувшаго марта, за № 6357, департаментъ народнаго просвѣщенія имѣетъ честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что такъ какъ для лицъ женскаго пола, желающихъ держать, въ качествѣ экстерновъ, экзамены изъ курса четырехъ классовъ женской гимназіи, на предметъ пріобрѣтенія впослѣдствіи званія фельдшерицы, не установлено предѣльнаго возраста, то къ допущенію Надежды *Бочкоревой*, имѣющей 30 лѣтъ отъ роду, къ означенному испытанію препятствій не встрѣчается. (Циркуляръ по Рижскому уч. окр. 1904 г. № 8).

Относительно пріема въ VIII классъ женскихъ гимназій лицъ, имѣющихъ званіе домашнихъ учительницъ по одной спеціальности, для изученія другихъ спеціальностей **). (9 апрѣля 1904 г. за № 11725).

Увѣдомляю Ваше Превосходительство, что отъ лицъ, имѣющихъ званіе домашней учительницы по одной спеціальности и поступающихъ въ VIII педагогическій классъ женской гимназіи для изученія другихъ спеціальностей, прохожденіе общеобразовательныхъ предметовъ не требуется.

Что же касается пріема таковыхъ лицъ въ VIII классъ, то такой пріемъ послѣ начала учебныхъ занятій не долженъ быть допускаемъ, въ виду установленныхъ въ VIII классѣ практическихъ упражненій, въ коихъ должна участвовать каждая воспитанница въ теченіе всего учебнаго года. (Циркуляръ по Рижскому уч. окр. 1904 г. № 8).

О своевременномъ началѣ чтенія лекцій и другихъ учебныхъ занятій въ университетахъ. (9 іюня 1904 года № 18589)

Въ виду имѣющихся свѣдѣній о томъ, что, несмотря на циркулярное предложеніе Министерства отъ 7-го іюля 1899 г. за № 16153, учебныя занятія въ университетахъ въ полномъ объемѣ устанавливаются иногда значительно позже срока, указаннаго въ дѣйствующихъ по сему предмету законоположеніяхъ, Министерство въ циркулярномъ предложеніи отъ 16 сентября 1903 г. за № 28348 просило гг. Попечителей учебныхъ округовъ сообщить о томъ,

*) Изъ № 5 цирк. по Моск. уч. окр. за 1904 г.

**) Изъ № 5 цирк. по Моск. уч. окр. за 1904 г.

своевременно ли начались учебныя занятія во ввѣренныхъ ихъ попеченію университетахъ, и если нѣтъ, то по какимъ причинамъ.

Изъ поступившихъ въ Министерство по сему поводу донесеній усматривается, что почти во всѣхъ университетахъ начало занятій до нѣкоторой степени замедляется, и что главнѣйшими обстоятельствами, препятствовавшими своевременному началу чтенія лекцій и другихъ учебныхъ занятій по тому или иному предмету, слѣдуетъ признать: а) отсутствіе или малочисленность слушателей; б) отпускъ и ученыя командировки лицъ изъ преподавательскаго персонала; в) ремонтъ университетскихъ помѣщеній и г) позднее утвержденіе Министерствомъ обозрѣній преподаванія.

По поводу сего Г. Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ предложеніи отъ 9 іюня текущаго года за № 18589 считаетъ нужнымъ замѣтить слѣдующее:

а) Изъ объясненій учебнаго начальства, а равно изъ мнѣній, высказанныхъ въ засѣданіяхъ Высочайше утвержденной Коммиссіи по преобразованію высшихъ учебныхъ заведеній, усматривается, что отсутствіе и малочисленность слушателей въ началѣ учебнаго года объясняется главнымъ образомъ существующимъ порядкомъ записи на лекціи и полученія входного билета. Подобное явленіе могло бы быть до извѣстной степени устранено своевременнымъ объявленіемъ студентамъ о срокѣ, въ теченіе котораго должна быть окончена указанная запись на лекціи, съ предупрежденіемъ, что отступленія отъ сего допускаются лишь по уважительнымъ причинамъ. Затѣмъ указывается вообще на слишкомъ позднее возвращеніе студентовъ съ лѣтнихъ вакацій, причемъ это обстоятельство объясняется отчасти укоренившимся въ студентахъ заблужденіемъ, что учебныя занятія въ полномъ объемѣ фактически начинаются съ половины сентября, независимо отъ числа явившихся въ срокъ слушателей. Къ сожалѣнію, указанное заблужденіе имѣетъ нѣкоторое основаніе, такъ какъ нерѣдко бывали случаи, когда по тѣмъ или инымъ причинамъ нѣкоторые профессора и преподаватели начинали свои курсы лишь въ половинѣ сентября. Въ устраненіе сего надлежитъ указать преподавательскому персоналу на необходимость начинать учебныя занятія своевременно и не смущаться малочисленностью слушателей, ибо только при неуклонномъ исполненіи преподавателями въ этомъ отношеніи своихъ обязанностей можно будетъ бороться съ указаннымъ выше заблужденіемъ.

б) По поводу второго изъ упомянутыхъ обстоятельствъ, препятствующихъ началу учебныхъ занятій по тому или иному предмету, а именно, нахожденія преподавателей въ отпуску или командировкахъ, Министерствомъ уже сдѣланы соотвѣтствующія распоряженія въ циркулярномъ предложеніи отъ 7 мая сего года за № 14564.

в) Затѣмъ, въ нѣкоторыхъ отзывахъ имѣются указанія на то, что начало учебныхъ занятій, въ особенности на факультетахъ физико-математическомъ и медицинскомъ, задерживаются вслѣдствіе ремонта клиникъ, лабораторій и другихъ университетскихъ помѣщеній. Такое явленіе нельзя не признать крайне нежелательнымъ, и Правленіе университета должно принять съ своей стороны всѣ зависящія мѣры къ тому, чтобы къ началу учебнаго года ремонтъ такихъ помѣщеній былъ вполнѣ законченъ, въ противномъ случаѣ необходимо озоботиться, чтобы для учебныхъ занятій по тому или иному предмету были пріисканы соотвѣтствующія помѣщенія.

г) Равнымъ образомъ нежелательна и задержка въ учебныхъ занятіяхъ, происходящая отъ поздняго утвержденія Министерствомъ обозрѣній преподаванія, и, въ устраненіе сего, я признаю необходимымъ, чтобы проекты

этихъ обозрѣній представлялись Министерству не позже конца іюня, т. е. съ такимъ разсчетомъ, чтобы Министерство имѣло достаточное время на ихъ разсмотрѣніе, и чтобы проекты эти въ утвержденномъ видѣ возвращались по принадлежности не позднѣе 10—15 августа.

Наконецъ, въ отзывахъ имѣются указанія и на то, что нѣкоторые профессора, состоя въ то же время на службѣ въ учебномъ заведеніи другого вѣдомства и будучи занятыми въ немъ производствомъ испытаній, принуждены запаздывать съ началомъ чтенія лекцій въ университетѣ. Въ подобныхъ случаяхъ Его Высокопревосходительство полагалъ бы необходимымъ напомнить такимъ профессорамъ о необходимости принять надлежащія мѣры къ тому, чтобы служба въ постороннемъ учебномъ заведеніи или вѣдомствѣ не препятствовала исполненію ихъ прямыхъ обязанностей.

Все вышесказанное относится главнымъ образомъ къ возстановленію правильности и полноты учебныхъ занятій въ началѣ учебнаго года; но то же должно быть принято во вниманіе и при возобновленіи учебныхъ занятій послѣ рождественскихъ вакацій.

Въ заключеніе Г. Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія проситъ подлежащіе органы университетскаго управленія принять со своей стороны всѣ мѣры къ тому, чтобы университетское преподаваніе шло правильно и въ надлежащей полнотѣ. (Циркуляръ по Западно-Сибирскому уч. окр. 1904 г. №№ 7—8).

О томъ, что должности почетныхъ смотрителей городскихъ училищъ могутъ быть занимаемы лишь лицами христіанскаго исповѣданія. (25 іюля 1904 года № 22730).

Начальствомъ одного изъ учебныхъ округовъ возбужденъ предъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія вопросъ о томъ, могутъ ли караимы назначаться почетными смотрителями городскихъ училищъ по положенію 31 мая 1872 года.

Вслѣдствіе сего г. Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, въ циркулярномъ предложеніи отъ 25 іюля 1904 года за № 22730, увѣдомилъ Попечителя учебнаго округа для руководства по ввѣренному ему округу, что должности почетныхъ смотрителей городскихъ училищъ по правиламъ и обязанностямъ соотвѣтствуютъ должностямъ попечителей начальныхъ училищъ, а такъ какъ по духу закона, согласно Указу Правительствующаго Сената отъ 13 іюля 1889 года, должности попечителей начальныхъ училищъ могутъ быть замѣщаемы лишь лицами христіанскаго исповѣданія, то такого правила слѣдуетъ придерживаться и относительно почетныхъ смотрителей городскихъ училищъ. (Циркуляръ по Западно-Сибирскому уч. окр. 1904 г. №№ 7—8).

О недопущеніи публикаціи въ газетахъ о вакантныхъ должностяхъ въ учебныхъ заведеніяхъ *). (23 декабря 1903 г. № 40112).

По поводу помѣщеннаго попечительнымъ совѣтомъ Балашовской женской прогимназіи объявленія въ газетѣ „Новое Время“ о вакансіи начальницы этой прогимназіи, безъ разрѣшенія на сіе начальства учебнаго округа, за Министра Народнаго Просвѣщенія г. Товарищъ Министра просилъ Попечителя

*) Циркуляры по Казанскому учебн. окр. 1904 г. № 1.

Казанскаго учебнаго округа указать попечительному совѣту названной прогимназіи на неправильность сдѣланной имъ публикаціи, такъ какъ замѣщеніе должностей въ учебныхъ заведеніяхъ составляетъ предметъ заботъ учебнаго начальства, къ которому и слѣдуетъ обращаться въ надлежащихъ случаяхъ. (Циркуляръ по Западно-Сибирскому уч. окр. 1904 г. №№ 7—8).

По вопросу о томъ, слѣдуетъ ли требовать отъ лицъ, окончившихъ курсъ двухклассныхъ городскихъ училищъ по положенію 26 мая 1869 года, знанія всеобщей исторіи при допущеніи ихъ къ испытанію на званіе аптекарскаго ученика (отнош. Департ. Нар. Просв. отъ 22 іюня—13 іюля 1904 г. за № 19450).

Одинъ изъ Попечителей учебныхъ округовъ возбудилъ передъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія ходатайство о разрѣшеніи ему вопроса о томъ, слѣдуетъ ли, въ силу циркулярнаго распоряженія Министерства отъ 20 мая 1903 года за № 15533, требовать отъ лицъ, окончившихъ курсъ двухклассныхъ городскихъ училищъ по положенію 26 мая 1869 года, знанія всеобщей исторіи при допущеніи ихъ къ испытанію на званіе аптекарскаго ученика.

Ученый Комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, на разсмотрѣніе котораго былъ переданъ означенный вопросъ, мнѣніемъ своимъ, утвержденнымъ Министерствомъ, опредѣлилъ, что отъ лицъ, ищущихъ званія аптекарскаго ученика, изъ числа окончившихъ курсъ городскихъ училищъ по положенію 29 мая 1869 г., должно требовать сверхъ выдержанія дополнительнаго испытанія изъ латинскаго языка, одного изъ новыхъ языковъ, нѣмецкаго или французскаго, и изъ алгебры, еще и выдержанія испытанія по предмету всеобщей исторіи въ объемѣ курса городскихъ по положенію 1872 года училищъ. (Циркуляръ по Кіевскому уч. окр. 1904 г. № 7).

Къ вопросу объ испытаніи на званіе аптекарскаго ученика лицъ, окончившихъ курсъ четырехъ классовъ коммерческаго училища (отнош. Департ. Нар. Просв. 1 іюля 1904 г. № 20284).

Одинъ изъ Попечителей учебныхъ округовъ возбудилъ передъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія ходатайство о разъясненіи ему вопроса о томъ, какому дополнительному испытанію должны подвергаться лица, ищущія званія аптекарскаго ученика по свидѣтельству объ окончаніи курса четырехъ классовъ коммерческаго училища.

Ученый Комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, на разсмотрѣніе котораго былъ переданъ означенный вопросъ, мнѣніемъ своимъ, утвержденнымъ Министерствомъ, опредѣлилъ, что прошедшіе курсъ четырехъ классовъ коммерческаго училища должны быть подвергаемы для полученія званія аптекарскаго ученика дополнительному испытанію лишь изъ латинскаго языка.

Объ изложенномъ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія имѣетъ честь увѣдомить, для руководства въ подлежащихъ случаяхъ, присовокупляя, что Управленіе Главнаго Врачебнаго Инспектора Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, съ которымъ было сдѣлано сношеніе по возбужденному вопросу, от-

ношеніемъ отъ 3-го минувшаго іюня за № 690 увѣдомило, что оно вполнѣ раздѣляетъ вышеприведенное мнѣніе Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія. (Циркуляръ по Кіевскому уч. окр. 1904 г. № 7).

По вопросу о закрытіи школъ и пріютовъ въ случаѣ появленія въ нихъ заразительныхъ болѣзней (предлож. Мин. Нар. Просв. отъ 7—10 іюля 1904 г. № 21176).

Циркуляромъ отъ 29-го февраля 1884 года за № 3191 Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія было предложено, для распоряженій и руководства, что Медицинскій Совѣтъ находитъ цѣлесообразнымъ рекомендовать подлежащимъ начальствамъ закрывать школы и пріюты только въ исключительныхъ случаяхъ, когда эти заведенія, особенно школы съ интернатомъ, сами дѣлаются гнѣздами заразныхъ болѣзней; во всѣхъ же прочихъ случаяхъ, и гдѣ это будетъ возможно, учреждать ежегодный, а если окажется удобнымъ, то и двукратный осмотръ всѣхъ дѣтей предъ началомъ и по окончаніи классныхъ занятій.

Нынѣ, въ отмѣну подлежащихъ распоряженій, по указанному предмету Министерство Народнаго Просвѣщенія по соглашенію съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ постановило:

1. Закрытіе школъ и пріютовъ, въ случаѣ появленія въ нихъ заразительныхъ болѣзней, должно производиться по распоряженію мѣстнаго участковаго врача, который о своемъ распоряженіи доводитъ до свѣдѣнія инспектора народныхъ училищъ, въ вѣдѣніи коего находятся заведенія.

2. По означенному въ пунктѣ 1-мъ предмету предоставляется право училищнымъ совѣтамъ издавать особыя инструкціи.

3. Инструкціи вырабатываются не иначе, какъ при участіи врача, приглашаемаго въ засѣданія училищнаго совѣта порядкомъ, опредѣленнымъ примѣчаніемъ 1-мъ къ ст. 3497 Св. Зак. т. XI ч. I уст. уч. учр. и учеб. зав. изд. 1893 года.

Объ изложенномъ за Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія т. с. И. Ренаръ предложеніемъ отъ 7/10 іюля 1904 г. за № 21176 увѣдомилъ для зависящихъ распоряженій. (Циркуляръ по Кіевскому уч. окр. 1904 г. № 8).

Къ вопросу о выдачѣ свидѣтельствъ на поступленіе въ войска вольноопредѣляющимся 2-го разряда (отнош. Департ. Нар. Просв. отъ 16 іюля 1904 г. № 21780).

Въ отношеніи отъ 1-го марта сего года за № 3480 Попечитель Кіевскаго Учебнаго Округа возбудилъ вопросъ о томъ, можетъ ли лицо, выдержавшее испытаніе и получившее свидѣтельство на поступленіе въ войска вольноопредѣляющимся 2-го разряда, быть допущено къ новому испытанію на сей же предметъ въ томъ случаѣ, если со дня выдачи такому лицу установленнаго свидѣтельства прошелъ годичный срокъ, а также, какъ поступать въ этомъ случаѣ съ первымъ свидѣтельствомъ о выдержаніи означеннаго испытанія, какія дѣлать отмѣтки на второмъ таковомъ же свидѣтельствѣ, а равно черезъ сколько времени выдержавшій первое испытаніе можетъ быть допущенъ ко второму и какъ поступать съ первымъ свидѣтельствомъ, если владѣющее имъ лицо не выдержитъ второго испытанія.

Вслѣдствіе сего Департаментъ Народнаго Просвѣщенія имѣетъ честь увѣдомить, что, согласно съ отзывомъ Главнаго Штаба, съ которымъ было сдѣлано сношеніе по сему дѣлу, 1) лицо, владѣющее свидѣтельствомъ на поступленіе въ войска вольноопредѣляющимся 2-го разряда, которое утратило свою силу за истеченіемъ годичнаго срока со дня выдачи сего документа, должно признаваться имѣющимъ право держать упомянутое испытаніе на основаніяхъ, установленныхъ для молодыхъ людей, вовсе не державшихъ этого испытанія; 2) первое свидѣтельство о выдержаніи экзамена на поступленіе въ войска вольноопредѣляющимся 2-го рязряда, если владѣющее имъ лицо выдержитъ таковой же экзаменъ второй разъ, должно уничтожаться; но если это лицо не выдержитъ сего послѣдняго экзамена, а ранѣе полученное имъ свидѣтельство на поступленіе въ войска вольноопредѣляющимся 2-го разряда можетъ быть признано дающимъ право на какую-либо льготу по образованію при исполненіи воинской повинности по жребію, то въ такомъ случаѣ первое свидѣтельство о выдержаніи экзамена должно оставлять у владѣльца его; 3) если, какъ выше изложено, лицо, владѣющее свидѣтельствомъ на право поступленія въ войска вольноопредѣляющимся 2-го разряда, утратившимъ свою силу за истеченіемъ годичнаго срока, будетъ разсматриваться, какъ не державшее вовсе экзамена на полученіе этого свидѣтельства, то устанавливать какой-либо срокъ для держанія такого же экзамена второй разъ не усматривается надобности, и 4) относительно невыдержанія во второй разъ указаннаго экзамена должно быть отмѣчаемо въ свидѣтельствѣ о припискѣ къ призывному участку державшаго этотъ экзаменъ. (Циркуляръ по Кіевскому уч. окр. 1904 г. № 8).

Къ вопросу о принятіи бывшихъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ учительскихъ институтовъ въ число студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній (предлож. Г. Управ. Мин. Нар. Просв. отъ 25-го іюля 1904 г. № 22729).

Въ послѣднее время стали наблюдаться нерѣдкіе случаи принятія бывшихъ воспитанниковъ учительскихъ институтовъ, обязанныхъ за полученное ими казенное содержаніе въ институтѣ выслугою установленнаго срока въ должности учителя городскихъ училищъ, въ число студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній, безъ разрѣшенія на то со стороны учебнаго начальства.

Вслѣдствіе сего и въ предупрежденіе повторенія подобныхъ случаевъ въ будущемъ, я признаю необходимымъ установить, 1) чтобы въ аттестатахъ помянутыхъ лицъ дѣлалась подлежащая оговорка о томъ, что они обязаны, согласно ст. 2291 Уст. Учен. учр. и учебн. зав., по окончаніи курса прослужить шесть лѣтъ учителями въ городскихъ училищахъ; 2) чтобы начальники высшихъ учебныхъ заведеній округа требовали отъ воспитанниковъ учительскихъ институтовъ, состоящихъ на учительской службѣ и желающихъ поступить въ высшія заведенія, помимо прочихъ документовъ, удостовѣренія директора народныхъ училищъ о неимѣніи препятствій къ поступленію въ названныя учебныя заведенія, и 3) чтобы, въ случаѣ поступленія означенныхъ лицъ въ высшія учебныя заведенія другихъ вѣдомствъ до истеченія срока обязательной службы, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ дѣлались сношенія съ сими вѣдомствами объ уплатѣ означенными лицами причитающихся съ нихъ за казенное содержаніе въ институтѣ денегъ или о возвращеніи ихъ къ учительскимъ должностямъ. (Циркуляръ по Кіевскому уч. окр. 1904 г. № 8)

Къ вопросу объ испытаніяхъ зрѣлости для постороннихъ лицъ, выдержавшихъ предварительно экзаменъ изъ курса шести классовъ (отнош. Департ. Нар. Просв. отъ 17-го августа 1904 года за № 97).

На основаніи § 55 (п. б.) правилъ объ испытаніяхъ учениковъ гимназій и прогимназій вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія (утвержденныхъ 12-го марта 1891 года), предметами испытаній зрѣлости служатъ для постороннихъ лицъ, выдержавшихъ предварительно, *по меньшей мѣрѣ за два года* до испытанія зрѣлости, экзаменъ изъ курса шести классовъ гимназій, всѣ предметы, преподаваемые въ другихъ старшихъ классахъ гимназіи, и притомъ въ объемѣ курса сихъ классовъ.

Съ состоявшеюся въ 1902 и 1903 гг. отмѣною такъ называемаго правила о „сверстникахъ" учащихся (циркуляры отъ 31 марта 1902 г. и 27 іюля 1903 г., за №№ 9829 и 22826), лицо, получившее свидѣтельство въ знаніи курса шести классовъ гимназіи, можетъ теперь *черезъ годъ* подвергнуться испытанію на свидѣтельство зрѣлости (если имѣетъ не менѣе 16 лѣтъ).

Вслѣдствіе сего въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія былъ возбужденъ вопросъ, надлежитъ ли подвергать такихъ молодыхъ людей испытанію зрѣлости на указанныхъ въ п. б. § 55 правилъ основаніяхъ, или же они должны держать полное испытаніе зрѣлости, и, въ случаѣ признанія за означенными молодыми людьми права держать испытаніе изъ курса только VII и VIII классовъ, въ теченіе какого именно срока они сохраняютъ это право.

Ученый Комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, разсмотрѣвъ означенный вопросъ, пришелъ къ слѣдующему заключенію.

1. Предметами испытанія зрѣлости служатъ для постороннихъ лицъ, выдержавшихъ предварительно экзаменъ изъ курса 6-ти классовъ, всѣ предметы, преподаваемые въ *2-хъ старшихъ классахъ* гимназіи и притомъ въ объемѣ курса сихъ классовъ.

2. Срокъ, въ теченіе котораго названные молодые люди пользуются предоставляемою имъ льготою, долженъ быть не менѣе одного года и не болѣе трехъ лѣтъ, такъ какъ учениковъ гимназіи, перешедшихъ въ VII классъ, отъ испытаній зрѣлости отдѣляетъ двухгодичный срокъ, который можетъ быть увеличенъ однимъ годомъ, если ученикъ останется на повторительный курсъ въ VII или VIII классѣ.

Изложенное заключеніе Ученаго Комитета утверждено Г. Министромъ.

Объ этомъ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія имѣетъ честь увѣдомить для соотвѣтствующихъ распоряженій. (Циркуляръ по Кіевскому уч. окр. 1904 г. № 8).

Къ вопросу объ освобожденіи учениковъ VI класса гимназій отъ изученія греческаго языка (отнош. Департ. Нар. Просв. отъ 17-го августа 1904 г. за № 888).

Вслѣдствіе отношенія отъ 2-го минувшаго іюля за № 10580 по вопросу о томъ, могутъ ли быть освобождаемы отъ изученія греческаго языка тѣ ученики VI класса гимназій, поименованныхъ въ п. IV Высочайшаго повелѣнія 20 іюля 1902 года, которые начали изученіе этого языка и, на этомъ основаніи, были освобождены уже отъ изученія второго новаго языка, Департаментъ Народнаго Просвѣщенія имѣетъ честь увѣдомить, что, такъ какъ Высочайшее повелѣніе 1 мая сего года объ устройствѣ учебной части въ

среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ 1904 — 1905 учебномъ году ничѣмъ не обусловливаетъ освобожденія учениковъ упомянутаго класса отъ изученія греческаго языка, то означенный вопросъ, по мнѣнію Департамента, долженъ быть рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ.

Къ вопросу о принятіи въ высшія учебныя заведенія лицъ, выдержавшихъ испытаніе изъ курса гимназіи безъ древнихъ языковъ (предлож. г. управл. Мин. Нар. Просв. отъ 1 іюня 1904 года за № 2701).

Въ іюлѣ 1903 года отдѣленіемъ промышленныхъ училищъ былъ препровожденъ къ начальствамъ подлежащихъ учебныхъ округовъ утвержденный Министромъ Народнаго просвѣщенія 8 іюля того года списокъ среднихъ учебныхъ заведеній, окончаніе курса коихъ даетъ право на поступленіе въ высшія спеціальныя учебныя заведенія Министерства Народнаго просвѣщенія.

Однимъ изъ существенныхъ отличій этого списка отъ утвержденнаго въ 1898 г. подобнаго же списка является то, что лица, выдержавшія испытаніе изъ курса гимназіи безъ древнихъ языковъ, не должны быть допускаемы съ начала 1904—1905 учебнаго года къ пріему въ высшія техническія учебныя заведенія.

Это измѣненіе было признано необходимымъ на томъ основаніи, что испытаніе изъ курса гимназіи безъ древнихъ языковъ было установлено лишь для лицъ, ищущихъ правъ по отбыванію воинской повинности, и допускалось только въ тѣхъ городахъ, гдѣ нѣтъ реальныхъ училищъ. Объемъ предметовъ этого испытанія не соотвѣтствуетъ ни курсу реальныхъ училищъ, такъ какъ нѣтъ естественныхъ наукъ, второго новаго языка, рисованія и черченія, ни курсу гимназіи, ибо въ это испытаніе не входятъ древніе языки.

На основаніи сего лица, получившія свидѣтельства о выдержаніи подобнаго рода испытанія, не могутъ быть приравнены къ окончившимъ полный курсъ средняго учебнаго заведенія, а слѣдовательно и допускаемы къ пріему въ высшія техническія учебныя заведенія.

Сообщая объ этомъ, г. управляющій Министерствомъ Народнаго просвѣщенія, въ виду многочисленности ходатайствъ лицъ, выдержавшихъ испытаніе изъ курса гимназіи безъ древнихъ языковъ, о принятіи ихъ въ высшія учебныя заведенія и неоднократныхъ случаевъ допущенія ихъ къ конкурснымъ испытаніямъ, для поступленія въ сіи заведенія, проситъ не допускать упомянутыхъ лицъ къ конкурснымъ испытаніямъ, а равно предлагаетъ Гг. директорамъ гимназій учебнаго округа разъяснять лицамъ, подвергающимся означеннымъ испытаніямъ, что таковое испытаніе не даетъ права, согласно вышеизложеннымъ соображеніямъ, на поступленіе въ высшія техническія учебныя заведенія.

О вышеизложенномъ, согласно предложенію г. управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія отъ 1-го іюня сего года за № 2701, сообщается для надлежащаго распоряженія. (Циркуляръ по Кіевскому уч. окр. 1904 г. № 9).

О томъ, что къ испытаніямъ, установленнымъ для лицъ домашняго образованія, могутъ быть допускаемы въ августѣ только тѣ лица, которыя не подвергались испытанію весною того же года.

За управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія Тайный Совѣтникъ Ренаръ предложеніемъ отъ 10 іюля за № 21323 увѣдомилъ, что къ испытаніямъ, установленнымъ циркулярнымъ распоряженіемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 29 января 1897 г. за № 2517, для лицъ домашняго образованія, могутъ быть допускаемы въ августѣ только тѣ лица, которыя не подвергались испытанію весною того же года.

Объ изложенномъ сообщается для соотвѣтствующихъ распоряженій. (Циркуляръ по Кіевскому уч. окр. 1904 г. № 9).

О желательности ознакомленія учащихся среднихъ учебныхъ заведеній, при изученіи естествовѣдѣнія, съ ядовитыми растеніями.

Одинъ изъ учениковъ гимназіи, собиравшій вмѣстѣ съ товарищами травы для гербаріума, сорвавъ нѣсколько стручковъ съ дерева „ракитникъ“ и съѣвъ ихъ, впалъ въ обморочное состояніе и чрезъ нѣсколько времени, не приходя въ сознаніе, умеръ.

За управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія тайный совѣтникъ Ренаръ, разсмотрѣвши обстоятельства этого дѣла, предложеніемъ отъ 22 минувшаго іюля за № 22541 обращаетъ вниманіе на желательность ознакомленія учащихся среднихъ учебныхъ заведеній, при изученіи естествовѣдѣнія, съ ядовитыми растеніями, что могло бы предотвратить повтореніе подобныхъ несчастныхъ случаевъ.

Объ изложенномъ сообщается для соотвѣтствующихъ распоряженій. (Циркуляръ по Кіевскому уч. окр. 1904 г. № 9).

О распространеніи изданій департамента земледѣлія въ учебныхъ заведеніяхъ сельско-хозяйственнаго характера.

Департаментъ земледѣлія, признавая желательнымъ возможно шире распространить свои казенныя изданія среди воспитанниковъ всѣхъ вообще сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній и установивъ для этой категоріи лицъ скидку въ 50% съ объявленныхъ цѣнъ названныхъ изданій, обратился въ департаментъ народнаго просвѣщенія съ просьбою сообщить имѣющимся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія учебнымъ заведеніямъ сельско-хозяйственнаго характера объ изданіяхъ департамента земледѣлія.

Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, на разсмотрѣніе котораго былъ переданъ означенный вопросъ, не встрѣтилъ съ своей стороны препятствій къ осуществленію ходатайства департамента земледѣлія о распространеніи его изданій въ учебныхъ заведеніяхъ сельско-хозяйственнаго характера. Вмѣстѣ съ тѣмъ ученый комитетъ признавалъ желательнымъ, чтобы на изданія департамента земледѣлія было обращено также вниманіе и педагогическихъ совѣтовъ общеобразовательныхъ среднихъ учебныхъ заведеній, а равно учительскихъ институтовъ и семинарій.

Объ изложенномъ мнѣніи ученаго комитета, утвержденномъ министерствомъ, департаментъ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ въ отношеніи отъ 3-го іюля 1904 г. за № 20395.

Объявляется по округу. (Циркуляръ по С.-Петербургскому уч. окр. 1904 г. № 9).

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Миквицъ, К. Л.* Основы нѣмецкой грамматики. 4-е изданіе, И. И. Глазунова. С.-Пб. 1904. Стр. XII+176+41+1. Цѣна 1 руб. 25 коп.“

— „*Сигъ, И.* Практическій курсъ нѣмецкаго языка по натуральному методу. 1-й курсъ. 1-й годъ обученія. Изданіе 4-е. М. 1903. Стр. IV+150. Цѣна 60 коп.

— „*Сигъ, И.* Учебникъ нѣмецкаго языка. Курсъ старшихъ классовъ. Часть II. Синтаксисъ. 2-е изданіе. М. 1903. Стр. IV+190. Цѣна 80 коп.“

— „*Шмейль, О.* Элементарный учебникъ естествовѣдѣнія на біологической основѣ. Часть II. Жизнь растеній (ботаника). Пер. съ нѣм. *А. П.* Изданіе А. В. Павлова. М. 1904. Стр. 164. Цѣна 80 коп.“ (для реальныхъ училищъ и женскихъ гимназій).

— „*Янчинъ, И.* Краткій учебникъ географіи. Изданіе В. В. Думнова. М. 1904. Курсъ II. (Австралія, Африка, Азія, Америка). Изданіе 25-е, испр. Стр. 127. Цѣна 60 коп.—Курсъ III. (Европа). Изданіе 23-е, испр. Стр. 120. Цѣна 60 коп.“ (для низшихъ классовъ).

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Геродотъ.* Греко-персидскія войны. Объяснилъ *Г. О. фонъ-Гаазе* (Иллюстр. собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ, подъ ред. *Льва Георгіевскаго* и *Сергѣя Манштейна).* Изданіе 3-е. С.-Пб. 1904. Часть I: Текстъ. Стр. 90+1 карта.—Часть II: Комментарій. Стр. 170. Цѣна за обѣ части 1 руб.“

— „*Ливій, Титъ.* Книга XXI. Нашествіе Анибала. Объяснилъ *Ѳ. Зелинскій.* (Иллюстр. собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ, подъ ред. *Льва Георгіевскаго* и *Сергѣя Манштейна).* Изданіе 4-е. С.-Пб. 1904. Часть I: Текстъ. Стр. 57.—Часть II: Комментарій. Стр. 164. Цѣна за обѣ части 1. руб.“

— „*Овидій Назонъ, П.* Избранныя стихотворенія. Объяснилъ *И. В. Нетушилъ.* (Иллюстр. собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ, подъ ред. *Льва Георгіевскаго* и *Сергѣя Манштейна).* Изданіе 5-е. С.-Пб. 1904. Часть I Текстъ. Стр. 94+1 карта.—Часть II: Комментарій. Стр. 174+2. Цѣна за обѣ части 1 руб.“

— „*Цицеронъ, М. Туллій.* Рѣчи противъ Катилины. Объяснилъ *И. Нетушилъ.* (Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ, подъ ред. *Льва Георгіевскаго* и *Сергѣя Манштейна*). Изданіе 4-е. С.-Пб. 1904.

Часть I: Текстъ. Стр. 47 съ 1 картою и 2 планами.—Часть II: Комментарій. Стр. 108. Цѣна за обѣ части 80 коп."

„Ушинскій, К. Дѣтскій міръ и хрестоматія. Часть 1. Изданіе 39-е, пересмотр. *Я. Н. Наумовымъ.* С.-Пб. 1904. Стр. III+200+74. Цѣна 50 коп." (также къ классному употребленію въ низшихъ училищахъ).

в) въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— *„Агапьевъ, Ѳ. П.* Методъ аналогіи въ преподаваніи элементарной математики. Тифлисъ. 1904. Стр. VIII+165. Цѣна 1 руб. 25 коп." (также въ ученическія библіотеки учительскихъ семинарій).

— *„Алабина, Т.* Картины изъ жизни государства Аѳинскаго въ V в. до Р. Хр. (Истор. коммиссія учебн. отд. общ. распр. технич. знаній). Изданіе С. Скирмунта. М. 1903. Стр. 111+32. Цѣна 25 коп." (для старшаго и средняго возрастовъ, а равно въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— *„Алькокъ, Д.* Вокругъ собора. Повѣсть изъ временъ XV вѣка. Переводъ съ франц. *Н. П. Двигубскаго.* Изданіе П. П. Сойкина. С.-Пб. 1904. Стр. 208. Цѣна 50 коп." (для старшаго возраста).

— *„Водовозова, Е.* Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Нѣмцы. Изданіе 3-е, испр. и дополн. С.-Пб. 1904. Стр. IV+223. Цѣна 40 коп." (для старшаго возраста).

— *„Гарраденъ, Беатриса.* Корабли, проходящіе ночью. Переводъ *А. Н. Линдегренъ.* Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1904. Стр. 116. Цѣна 50 коп." (для старшаго возраста, а равно въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— *„Желиховская, В. П.* Какъ я была маленькой. 4-е изданіе, А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1901. Стр. 280. Цѣна 1 р., въ папкѣ 1 руб. 20 коп." (для младшаго возраста).

— *„Марковъ, Евгеній.* Очерки Кавказа. Картины Кавказской жизни, природы и исторіи. Изданіе 2-е, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1904. Стр. III+591. Цѣна 6 руб." (для старшаго возраста, а также въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— *„Модестовъ, В. И.* Введеніе въ римскую исторію. Часть II. Этруски и мессапы. С.-Пб. 1904. Стр. XXI+162+26+7 фототип. табл. Цѣна 3 руб." (для старшаго возраста, а равно рекомендовать, особымъ циркуляромъ попечителямъ учебныхъ округовъ, вниманію педагогическихъ совѣтовъ среднихъ учебныхъ заведеній для пріобрѣтеній въ фундаментальныя библіотеки).

— *„Светъ-Марденъ, Орисонъ,* Пробивайтесь впередъ! Переводъ съ англ. *М. А. Шишмаревой.* Изданіе О. Н. Поповой. (Библіотека „Другъ"). С.-Пб. 1904. Стр. 325. Цѣна 1 руб. 20 коп." (для старшаго возраста, а равно въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— *„Эмерсонъ, Ральфъ.* О довѣріи къ себѣ. Съ англ. Изданіе 2-е, „Посредника". LXXIV. (Замѣчательные мыслители древняго и новаго міра). М. 1904. Стр. 16. Цѣна 10 коп."

2. Допустить *условно* слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній:

— *„Ройтманъ, Дм.* Курсъ космографіи (начальная астрономія). Изданіе Н. Д. Тяпкина. С.-Пб. 1904. Стр. VIII+239. Цѣна 1 руб. 10 коп." (для муж-

скихъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ тѣмъ, чтобы въ послѣдующемъ изданіи были исправлены погрѣшности).

б) въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Бычковъ*, *Ѳ.* Сборникъ примѣровъ и задачъ, относящихся къ курсу элементарной алгебры. Изданіе 17-е. С.-Пб. 1904. Стр. VI+574. Цѣна 1 руб. 35 коп." (съ тѣмъ, чтобы въ послѣдующемъ изданіи книги были обязательно приняты во вниманіе указанія, сдѣланныя ученымъ комитетомъ по поводу 15-го изданія; въ противномъ случаѣ сочиненіе г. Бычкова не будетъ болѣе допускаемо къ классному употребленію въ учебныхъ заведеніяхъ министерства).

в) въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Роайе*, *Кл.* Исторія неба. (Histoire du ciel). Переводъ съ франц. *Ѳ. Ф. Александрова.* Изданіе П. В. Луковникова. С.-Пб. 1902. Стр. 172. Цѣна 65 коп." (съ тѣмъ, чтобы въ послѣдующихъ изданіяхъ были исправлены погрѣшности).

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Журналъ: „Мирный Трудъ. (Повременное научно-литературное и общественное изданіе). Редакторъ-издатель *А. Вязигинъ.* Харьковъ. Выходитъ 10 разъ въ годъ. Подписная цѣна: для городскихъ (харьковскихъ) подписчиковъ 5 руб. въ годъ, для иногородныхъ съ пересылкой 6 руб., на полгода 3 руб,"—допустить къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ безплатныя народныя читальни.

— Книгу: „*Доне*, *Фридрихъ.* Сборникъ методически распредѣленныхъ ариѳметическихъ задачъ въ связи съ важнѣйшими ариѳметическими объясненіями и правилами. Часть II. Изданіе 3-е, передѣл., В. Мелина и К°. Рига. 1904. Стр. 144. Цѣна въ перепл. 50 коп."—допустить въ качествѣ учебнаго пособія для начальныхъ народныхъ школъ, преимущественно Прибалтійскаго края.

— Изданіе: „Портретная галлерея замѣчательныхъ русскихъ людей. Серія II. 12 портретовъ русскихъ писателей. Изданіе К. А. Фишера. Москва."—признать заслуживающей рекомендаціи министерства народнаго просвѣщенія, посредствомъ особаго циркуляра, вниманію педагогическихъ совѣтовъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній для пріобрѣтенія и вывѣшиванія портретовъ на стѣнахъ классныхъ комнатъ и коридоровъ, а также допустить къ пріобрѣтенію для той же цѣли въ низшія училища и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „*Янчинъ*, *И.* Краткій учебникъ географіи. Курсъ IV. Географія Россійской Имперіи. Изданіе 7-е, испр., В. В. Думнова. М. 1903. Стр. 149. Цѣна 60 коп."—**изъять изъ обращенія** въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Бѣлоруссовъ, И.* Краткая русская грамматика съ прибавленіемъ необходимыхъ свѣдѣній по церк.-слав. языку. Изд. 2-е, испр. и доп. Орелъ. 1904. Стр. 49. Цѣна 15 коп." (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Добровольскій, В.* Русская грамота. По способу барона Н. А. Корфа. Изд. 28-е, Н. Фену и К°. С.-Пб. 1903. Стр. 32. Цѣна 5 коп." (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Поповъ, Д.* Книга для чтенія и письменныхъ работъ по русскому языку. I-й годъ. 10-е испр. изд. М. 1903. Стр. 126. Цѣна 15 коп." (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Протопоповъ, Д. И.* Толковый молитвенникъ. Молитвы, символъ вѣры, заповѣди и тропари двунадесятыхъ праздниковъ. Изд. 11-е, А. Д. Ступина. М. 1903. Стр. 180. Цѣна 10 коп." (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Пуцыковичъ, Ѳ. Ѳ.* Вокругъ насъ. Элементарныя свѣдѣнія изъ міровѣдѣнія. Изд. 9-е, П. В. Луковникова. С.-Пб. 1904. Стр. 79. Цѣна 30 коп." (для 2-хклассныхъ народныхъ училищъ).

— „*Фармаковскій, В.* Русская исторія съ присовокупленіемъ необходимыхъ свѣдѣній изъ исторіи всеобщей. По способу Грубе. Изд. 10-е. С.-Пб. 1903. Стр. 254. Цѣна 75 коп." (для городскихъ училищъ, а также въ ученическія библіотеки прочихъ низшихъ учебныхъ заведеній).

— „*Чернышевъ, В.* Сборникъ статей для письменнаго и устнаго изложенія. С.-Пб. 1904. Стр. IV + 160 + V. Цѣна 75 коп." (для городскихъ училищъ).

б) въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Гортовъ, А. К.* Методическое руководство къ обученію письму. Изд. 4-е, испр. и доп. Елабуга. 1904. Стр. 120 + 4 лист. Цѣна 70 коп.".

в) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній *):

— „*Авчинниковъ, А. Г.* Къ послѣднимъ событіямъ. I. Современный флотъ. Екатеринославъ. 1904. Стр. 32. Цѣна 15 коп.".

— „*Брандтъ, Э. К.* О чесоточныхъ зудняхъ и другихъ клещахъ, живущихъ на тѣлѣ человѣка. Изд. 2-е. С.-Пб. 1904. Стр. 24. Цѣна 10 коп."

---

*) Сочиненія, допущенныя въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, считаются допущенными также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для публичныхъ народныхъ чтеній, а равно могутъ быть пріобрѣтаемы, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— „Въ плѣну. Перевелъ съ малоросс. *Н. П. Перелыгинъ.* Изд. Д. П. Ефимова. М. 1904. Стр. 23. Цѣна 4 коп.“

— „*Гринченко, Б.* Кто работаетъ, тотъ и имѣетъ. Разсказъ про Джемса Гарфильда. Переводъ съ малоросс. *Н. И. Перелыгина.* Изд. Д. П. Ефимова. М. 1904. Стр. 63. Цѣна 10 коп.“

— „*Догановичъ, Анна.* Отзывчивыя сердца. 3-е изд. „Въ кругу дѣтей“. Изд. М. В. Клюкина. М. 1904. Стр. 88. Цѣна 45 коп.“

— „*Желиховская, В. П.* Изъ тьмы къ свѣту. 3-е изд., А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1900. Стр. 127.“ (Цѣна не обозначена) (для городскихъ училищъ, а также въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Жизнь и подвиги преподобнаго Сергія, игумена Радонежскаго. Изд. книжн. маг. „Вѣра и знаніе“. С.-Пб. 1904. Стр. 16. Цѣна 10 коп.“

— „Жизнь преподобнаго Антонія, Печерскаго, Любечскаго и Кіевскаго чудотворца. Изд. Ѳ. И. Митюрникова. С.-Пб. 1904. Стр. 15.“

— „*Истоминъ, Д.* Русскіе писатели. Изд Н. С. Аскарханова. (Маленькая хрестоматія, Вып. 26). С.-Пб. 1904. Стр. 96. Цѣна 20 коп.“ (для городскихъ и 2-хклассныхъ сельскихъ училищъ).

— „*Карцовъ, А. С.* Огородничество на югѣ Россіи. С.-Пб. 1900. Стр. VI + 308. Цѣна 2 руб.“ (для начальныхъ училищъ).

— „*Кунаховичъ, А. Ф.* Пчела и пчеловодство. Изд. А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1900. Стр. VII + 219. Цѣна 75 коп.“

— „*Милорадовичъ,* графъ. Чудотворная Любечская икона Божіей Матери въ Любечѣ. Изд. 6-е. С.-Пб. 1903. Стр. 16.“

— „*Пуцыковичъ, Ѳ. Ѳ.* Библейскіе разсказы. Изд. П. В. Луковникова. 1) Сотвореніе міра и всемірный потопъ. Изд. 5-е. С.-Пб. 1899. Стр. 16. Цѣна 6 коп.—2) Праотцы-патріархи: Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ. Изд. 4-е. С.-П. 1898. Стр. 24. Цѣна 8 коп.—3) Іосифъ Прекрасный. Изд. 4-е. С.-Пб. 1898. Стр. 16. Цѣна 6 коп.—4) Пророкъ Моисей. Изд. 5-е. С.-Пб. 1899. Стр. 24. Цѣна 8 коп.—5) Іисусъ Навинъ. Изд. 4-е. С.-Пб. 1898. Стр. 16. Цѣна 6 коп.—6) Сампсонъ, Изд. 4-е. С.-Пб. 1898. Стр. 8. Цѣна 4 коп.—7) Пророкъ Самуилъ. Изд. 3-е. С.-Пб. 1899. Стр. 8. Цѣна 4 коп.—8) Саулъ, первый царь израильскій. Изд. 3-е. С.-Пб. 1899. Стр. 16. Цѣна 5 коп. — 9) Руѳь. Изд. 4-е. С.-Пб. 1898. Стр. 8. Цѣна 4 коп. — 10) Царь и пророкъ Давидъ-псалмопѣвецъ. Изд. 3-е. С.-Пб. 1899. Стр. 16. Цѣна 5 коп.—11) Царь Соломонъ-Мудрый. Изд. 4-е. С.-Пб. 1898. Стр. 16. Цѣна 6 коп. — 12) Святые пророки: Илія, Елисей, Іона. Изд. 4-е. С.-Пб. 1898. Стр. 24. Цѣна 8 коп. — 13) Многострадальный Іовъ. Изд. 4-е. С.-Пб. 1898. Стр. 16. Цѣна 5 коп.—14) Товитъ. Изд. 4-е. С.-Пб. 1898. Стр. 15. Цѣна 5 коп.—15) Пророкъ Даніилъ. Изд. 3-е. С.-Пб. 1899. Стр. 16. Цѣна 5 к.—16) Іудиѳь. Изд. 4-е. С.-Пб. 1898. Стр. 16. Цѣна 6 коп.—17) Есѳирь. Изд. 4-е. С.-Пб. 1899. Стр. 15. Цѣна 5 коп.—18) Ездра и Неемія. Изд. 3-е. С.-Пб. 1900. Стр. 16. Цѣна 5 коп. — 19) Іуда Маккавей. Изд. 3-е. С.-Пб. 1899. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“ (также для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Пуцыковичъ, Ѳ. Ѳ.* Жизнь Господа нашего Іисуса Христа, Спасителя міра. Изд. 5-е, П. В. Луковникова. С.-Пб. 1900. Стр. 176. Цѣна 60 коп.“

— „*Пуцыковичъ, Ѳ. Ѳ.* Изъ народовѣдѣнія. Изд. П. В. Луковникова. 1) Французы. Изд. 3-е. С.-Пб. 1904. Стр. 16. — 2) Нѣмцы. Изд. 3-е. С.-Пб. 1904 Стр. 16. - 3) Англичане. Изд. 3-е. С.-Пб. 1901. Стр. 16.—4) Скандинавы. Изд. 2-е. С.-Пб. 1898. Стр. 16.—5) Финны. Изд. 2-е. С.-Пб. 1899. Стр. 16.—6) Голландцы. Изд. 2-е. С.-Пб. 1899. Стр. 16.—7) Швейцарцы. Изд. 2-е. С.-Пб. 1899. Стр. 16.—8) Итальянцы. Изд. 2-е. С.-Пб. 1898. Стр. 16.—9) Испанцы. Изд. 2-е. С.-Пб.

1898. Стр. 16. — 10) Венгерцы. Изд. 2-е. С.-Пб. 1898. Стр. 16. — 11) Болгары. Изд. 3-е. С.-Пб. 1902. Стр. 16.—12) Черногорцы. Изд. 3-е. С.-Пб. 1902. Стр. 16.—13) Сербы. Изд. 3-е. С.-Пб. 1902. Стр. 16. — 14) Чехи. Изд. 3-е. С.-Пб. 1903. Стр. 16.—15) Румыны. Изд. 2-е. С.-Пб. 1899. Стр. 16.—16) Хорваты. Изд. 3-е. С.-Пб. 1904. Стр. 16.—17) Русины. Изд. 3-е. С.-Пб. 1904. Стр. 16.—18) Цыганы. Изд. 2-е. С.-Пб. 1899. Стр. 16.—19) Поляки. Изд. 2-е. С.-Пб. 1899. Стр. 16. — 20) Турки. Изд. 2-е. С.-Пб. 1898. Стр. 16.—21) Греки. Изд. 2-е. С.-Пб. 1899. Стр. 16.—22) Самоѣды. Изд. 2-е. С.-Пб. 1900. Стр. 16.—23) Татары. Изд. 2-е) С.-Пб. 1900. Стр. 16.—24) Хивинцы и бухарцы. Изд. 2-е. С.-Пб. 1900. Стр. 16.—25) Афганцы. Изд. 2-е. С.-Пб. 1899. Стр. 16.—26) Персы. Изд. 2-е. С.-Пб. 1898. Стр. 16.—27) Индусы. Изд. 2-е. С.-Пб. 1898. Стр. 16. — 28) Японцы. Изд. 2-е. С.-Пб. 1898. Стр. 16.—29) Корейцы. Изд. 2-е. С.-Пб. 1898. Стр. 16.—30) Сіамцы. Изд. 2-е. С.-Пб. 1899. Стр. 16.—31) Малайцы. Изд. 2-е. С.-Пб. 1900. Стр. 16.—32) Евреи. Изд. 2-е. С.-Пб. 1899. Стр. 16. — 33) Арабы. Изд. 2-е. С.-Пб. 1898. Стр. 16.—34) Египтяне. Изд. 2-е. С.-Пб. 1898. Стр. 16. — 35) Негры. Изд. 2-е. С.-Пб. 1898. Стр. 16.—36) Абиссинцы. Изд. 3-е. С.-Пб. 1902. Стр. 16.—37) Сѣверо-Американцы. Изд. 2-е. С.-Пб. 1898. Стр. 16. — 38) Южно-Американцы. Изд. 2-е. С.-Пб. 1899. Стр. 16.—39) Индѣйцы. Изд. 2-е. С.-Пб. 1899. Стр. 16.—40) Китайцы. Изд. 3-е. С.-Пб. 1901. Стр. 16. Цѣна каждой книжки 5 коп.“

— „*Пуцыковичъ, Ѳ, Ѳ.* Краткая русская исторія. Эпизодо-біографическіе разсказы. Изд. 22-е, П. В. Луковникова. С.-Пб. 1903. Стр. 96. Цѣна 25 коп.“

— „*Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ.* Избранныя сочиненія. Для дѣтей школьнаго возраста. Младшій возрастъ. Составила *Е. Н. Тихомирова.* 9-е изд. (Библіотека „Дѣтскаго Чтенія“). М. 1900. Стр. XXV + 179. Цѣна 25 коп.“

— Размышленія по поводу праздника Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы. Изд. книжн. маг. „Вѣра и знаніе“. С.-Пб. 1904. Стр. 14. Цѣна 10 коп.“

— „Святые равноапостольные Кириллъ и Меѳодій, первоучители словенскіе. Изд. книжн. маг. „Вѣра и знаніе“. С.-Пб. 1904. Стр. 16. Цѣна 10 коп.“

— „*Симонова, Л.* Лаача. Очерки изъ быта вогуличей. 5-е изд. С.-Пб. 1901. Стр. 88. Цѣна 40 коп.“

— „*Сливицкій, А.* Полное житіе преподобнаго отца нашего Ѳеодосія, игумена Печерскаго. Изд. 4-е, испр. и доп., К. И. Тихомирова. М. 1903. Стр. 95. Цѣна 10 коп.“

— „Страданія святыя преподобномученицы Анастасіи (Римляныни). Изд. книжн. маг. „Вѣра и знаніе“. С.-Пб. 1903. Стр. 18. Цѣна 10 коп.“

— „*Сысоева, Е. В.* Люди труда и сильной воли. Жизнь Джемса Гарфильда. Сост. по Тэйеру. 5-е испр. и удешевл. изд., Н. Н. Морева. С.-Пб. 1899. Стр. 171. Цѣпа 60 коп.“

— „*Сѣверцевъ, Г. (Полиловъ).* У святого ручья. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1904. Стр. 24. Цѣна 4 коп.“

— „*Топеліусъ, З.* Сказки. Переводъ со шведскаго. Изд. Н. Аскарханова. (Дешевая иллюстр. библіотека. № 1). С.-Пб. 1897. Стр. 96. Цѣна 20 коп.“ (для городскихъ училищъ, съ условіемъ исправнаго печатанія ея въ слѣдующихъ изданіяхъ).

— „Угодникъ Божій Николай Чудотворецъ, нашъ покровитель и помощникъ. Изд. книжн. маг. „Вѣра и знаніе“. С.-Пб. 1904. Стр. 20. Цѣна 10 коп.“

— „*Чижовъ, Е.* 1) Въ царствѣ солнца. Природа и жизнь въ жаркихъ странахъ. М. 1904. Стр. 93. Цѣна 20 коп.“ — 2) Стекло. Разсказы про старое и новое время. М. 1904. Стр. 150. Цѣна 25 коп.—3) Мой микроскопъ. Простыя

занятія съ самыми дешевыми инструментами. М. 1904. Стр. 69. Цѣна 15 коп.— 4) Великіе люди изъ простого званія. Ливингстонъ, знаменитый путешественникъ по Африкѣ. М. 1904. Стр. 64. Цѣна 15 коп.“

г) въ безплатныя народныя читальни и библіотеки *):

— „*Березинъ*, *Н.* Разсказы о лавинахъ и о людяхъ, засыпанныхъ снѣгомъ. Изд. кн. маг. „Знаніе“. С.-Пб. 1899. Стр. 32. Цѣна 5 коп.“

— „Графиня Екатерина Ивановна Головкина. По Хмырову. Изд. Общ распр. пол. кн. № 600. М. 1893. Стр. 72. Цѣна 15 коп.“

— „Деревенскіе разсказы. Изд. 3-е, А. Д. Ступина. М. 1901. Стр. 59. Цѣна 10 коп.“

— „*Зеттегастъ*, *Г.* Воздѣлываніе и уходъ за сельскохозяйственными растеніями. Изложилъ по нѣм. оригиналу *Ѳ. Косоротовъ*. (Библіотека земледѣльца. 9) Изд. 2-е. С.-Пб. 1903. Стр. 102. Цѣна 30 коп.“

— „*Ирвингъ*, *В.* Жизнь Магомета. Переводъ съ англ. *Л. Соколовой*. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1904. Стр. 400 + VI. Цѣна 1 руб.“

— „*Каразинъ, Н. Н.* На далекихъ окраинахъ. Романъ. Изд. 2-е, П. П. Сойкина. С.-Пб. 1903. Стр. 346. Цѣна 1 руб. 50 коп.“

— „*Кирѣевъ, П. Г.* Общедоступное руководство къ возведенію огнестойкихъ сельскихъ зданій. Изд. 2-е, знач. испр. Ялта. 1904. Стр. VI + 125. Цѣна 50 коп.“

— „*Лейкинъ, Н. А.* 1) Воскресные охотники. Воскресенье на дачѣ. Рыболовы. Изд. 4-е. С.-Пб. 1899. Стр. 335. Цѣна 1 руб. — 2) Голь перекатная. Разсказы. С.-Пб. 1903. Стр. 327. Цѣна 1 руб.—3) Задушевныя письма. 2-е изд. С.-Пб. 1895. Стр. 274. Цѣна 1 руб.—4) Сватовство профессора. Романъ. Ефимъ и Катерина. Повѣсть. Изд. 4-е. С.-Пб. 1897. Стр. 305. Цѣна 1 руб.“

— „*Медвѣдевъ, Л. М.* Старая трубка. Разсказъ изъ военнаго быта. Изд. ред. журн. „Дѣтское чтеніе“. (Библіотека для семьи и школы). М. 1904. Стр. 76. Цѣна 25 коп.“

— „*Нефедовъ*, *Ф. Д.* Сочиненія. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Т. I. М. 1894. Стр. 461.—Т. II. М. 1895. Стр. 448. Цѣна каждаго тома 1 руб. 50 коп.“

— „*Подшиваловъ*, *Д. И.* Воспоминанія кавалергарда. Тверь. 1904. Стр. 129.“

— „*Поповъ*, *Ив.* О ковкѣ лошадей и объ уходѣ за здоровымъ и больнымъ копытомъ. Изд. Петербургскаго собранія сельскихъ хозяевъ. (Сельскій трудъ. Народная сельско-хозяйственная библіотека. Книжка № 5). С.Пб. 1902. Стр. 11 Цѣна 2 коп.“

— „Руководство для химическаго изслѣдованія вина. Перевелъ съ нѣм. *М. Щербаковъ*. Изд. А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1900. Стр. 35. Цѣна 50 коп.“

— „*Соколинскій*, *А.* Три золотыхъ. Разсказъ для дѣтей. Изд. 2-е, Общ. распр. пол. кн. № 831. М. 1900. Стр. 32. Цѣна 5 коп.“

„*Твайнъ*, *Маркъ*. Принцъ и нищій. Полный переводъ съ англ. *Льва Уманца*. Изд. т-ва И. Д. Сытина. Подъ ред. *Н. В. Тулупова*. М. 1904. Стр. 341. Цѣна 1 руб.“ (также въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*фонъ-Тюбефъ*, *К.* Хвойныя древесныя породы. Переводъ *Г. И. Кор-*

---

*) Книги, допущенныя въ безплатныя народныя читальни и библіотеки считаются допущенными также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, а равно могутъ быть пріобрѣтаемы, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

курико и *М. П. Попова* подъ ред. *В. Ф. Хмѣлевскаго.* Изд. А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1902. Стр. VIII+203. Цѣна 2 руб.“

— „*Урусовъ, С., Ав. А. Калантаръ, Е. М. Гедда* и *М. А. Дерновъ.* Сельскохозяйственныя постройки. Вып. I. Конюшня, скотный дворъ, свинарникъ, птичникъ, омшанникъ, молочня. Изд. 2-е. С.-Пб. 1903. (Библіотека земледѣльца. 10). Стр. 105. Цѣна 40 коп.“

— „*Ф—въ, Н.* Иностранные писатели. Изд. Н. С. Аскарханова. (Маленькая хрестоматія. Вып. 29). С.-Пб. 1904. Стр. 64. Цѣна 10 коп.“

— „*Филоновъ, А. Г.* Николай Васильевичъ Гоголь. Съ портретомъ. С.-Пб. 1901. Изд. Н. С. Аскарханова. Стр. 48. Цѣна 8 коп.“ (также для библіотекъ учительскихъ семинарій).

— „*Харузина, В.* Царевна Каменное Сердечко. Сказочная повѣсть. Изд. Е. В. Лавровой и Н. А Попова. С.-Пб. 1899. Стр. 49. Цѣна 30 коп.“

— „*Шанцеръ, Леонъ.* Винодѣліе и погребное хозяйства. Изд. А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1900. Стр. XIV+292. Цѣна 1 руб. 75 коп.“

2. Допустить *условно* слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Свирѣлинъ, Александръ.* Краткая церковная исторія и ученіе о богослуженіи православной церкви. Изд. 9-е, В. В. Думнова. М. 1903. Стр. 134. Цѣна 40 коп.“ (для городскихъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи были сдѣланы надлежащія исправленія).

б) въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Любимовъ, А. Н.* Родная рѣчь. Пособіе къ изученію строя родной рѣчи. Вновь пересм. и доп. изд. Архангельскъ. 1904. Стр. 75+III. Цѣна 30 коп.“ (для начальныхъ школъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „Русскія пѣсни и стихотворенія. Вып. 3-й. Для смѣшаннаго хора. С.-Пб. 1903. Стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.“

в) въ безплатныя народныя читальни и библіотеки:

— „*Станюковичъ, К. М.* Въ нянькахъ. Изъ разсказовъ стараго боцмана. Изд. М. В. Клюкина. (Добрыя души). М. 1904. Стр. 20. Цѣна 6 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

Опредѣленіемъ особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, постановлено:

— „Изданіе: „Садоводъ. Ежемѣсячный журналъ плодоводства, огородничества и декоративнаго садоводства. Органъ Ростовскаго на Дону о-ва садоводства. Подписная цѣна въ годъ съ перес. 2 руб.“—допустить къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССІОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессіональному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Альбомъ, составленный художниками *А. Ѳ. Гаушомъ* и *Н. Ѳ. Роотомъ*, подъ заглавіемъ: „Рисунки русскихъ художниковъ"—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для промышленныхъ училищъ.

— Брошюры подъ заглавіями: 1) „*Г. Я. Назаровъ*. Кожевенное дѣло. Выдѣлка овчинъ. Изд. 2-е. Москва. 1903. Цѣна 10 коп." и 2) „*В. Н. Спасскій*. Производство крахмала, крупы или саго, муки изъ картофеля и воздѣлываніе картофеля. Москва. 1903 г. Цѣна 10 коп."—допустить въ библіотеки ремесленныхъ учебныхъ заведеній и ремесленныхъ отдѣленій при общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Брошюру подъ заглавіемъ: „Пиротехникъ-любитель. Подробное и практическое руководство къ изготовленію всевозможныхъ фейерверковъ, бенгальскихъ огней, фонтановъ и т. п. Составилъ *П. А. Федоровъ*. Изд. *А. Суховой*. С.-Пб. 1904 г. Цѣна 40 коп."—допустить въ основныя библіотеки химико-техническихъ училищъ.

ИЗВѢЩЕНІЕ.

Желая познакомить съ жизнью и произведеніями А. П. Чехова, учрежденная по Высочайшему повелѣнію постоянная коммиссія народныхъ чтеній выпустила чтеніе для народа, посвященное памяти покойнаго писателя, подъ названіемъ „Жизнь и произведенія А. П. Чехова". Содержаніе чтенія слѣдующее: I. Чеховъ какъ человѣкъ и писатель; II. Народная жизнь въ изображеніи Чехова; III. Русская природа въ разсказахъ Чехова; IV. Жизнь каторжныхъ по описанію Чехова; V. Образованные люди въ изображеніи Чехова; VI. Чеховъ о смыслѣ и цѣли жизни. Брошюра иллюстрирована 2 портретами,—цѣна 8 коп.; для чтеній же въ аудиторіяхъ изготовлены свѣтовыя картины на стеклѣ (12 картинъ), которыя могутъ быть пріобрѣтены черезъ посредство коммиссіи (черныя или раскрашенныя).

Кромѣ того постоянною коммиссіею выпущены въ свѣтъ новыя чтенія:

1. Крестовые походы для освобожденія Святой земли. Съ картою пути крестовыхъ походовъ. (Цѣна 15 коп.).
2. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. Съ портретомъ. (Цѣна 8 коп.).
3. Александръ Николаевичъ Островскій. Съ портретомъ. (Цѣна 10 коп.).
4. Семья Аксаковыхъ. (Цѣна 10 коп.).
5. Китай. Состав. Ѳ. А. Тарапыгинъ. (Цѣна 8 коп.).
6. Кубанская область. Состав. Н. Н. Тулиновъ. (Цѣна 7 коп.).
7. Австралія (Цѣна 12 коп.).
8. Какъ беречь глаза. Состав. А. П. Протасовъ. (Цѣна 10 коп.).
9. Японія и ихъ страна. Н. А. Лухмановой. (Цѣна 6 коп.).
10. Корея и ея жители. (Запретная страна). Съ картою. Генералъ-лейтенанта Д. Ѳ. Мертваго. (Цѣна 4 коп.).
11. Манчжурія. Прив.-доцента В. Л. Комарова. (Цѣна 5 коп.).

12. Движеніе Россіи на Дальній Востокъ. Л. Г. Жданова. Съ картою (Цѣна 10 коп.).
13. Русскіе въ Манчжуріи. Разсказы о послѣднемъ Китайскомъ походѣ въ 1900 г. А. В. Верещагина. (Цѣна 5 коп.).

Выпущены новыми изданіями—пересмотрѣнными и дополненными слѣдующія чтенія:

Вторымъ изданіемъ.

14. Русская исторія въ романахъ и повѣстяхъ. Послѣдовательная хрестоматія. Книга первая. Отъ смутнаго времени до Петра Великаго. (Цѣна 40 коп.).

Третьимъ изданіемъ.

15. О сбереженіи здоровья. Состав. А. Борисовъ. (Цѣна 12 коп.).
16. Крымъ. (Цѣна 10 коп.).

Четвертымъ изданіемъ.

17. Объ Индіи и Индусахъ. И. П. Азбелева. (Цѣна 8 коп.).

Пятымъ изданіемъ.

18. О Жизни и дѣяніяхъ Императора Александра II-го. Два чтенія. (Цѣна 20 коп.).
19. Пожарный. (Разсказъ). А. П. Смирнова. (Цѣна 5 коп.).

Шестымъ изданіемъ.

20. Нашествіе татаръ и князь Михаилъ Тверской. Съ картинкою. (Цѣна 8 коп.).
21. Іоаннъ Дамаскинъ. Выдержки изъ поэмы графа Алексѣя Толстого. (Цѣна 8 коп.).
22. Старикъ Никита и его три дочери. (Цѣна 8 коп.).

Седьмымъ изданіемъ.

23. Дѣдушка Крыловъ. А. Г. Филонова. (Цѣна 10 коп.).
24. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. (Цѣна 5 коп.).
25. Великій Постъ. (Цѣна 8 коп.).

Восьмымъ изданіемъ.

26. Разсказы о севастопольцахъ. А. Н. Супонева. (Цѣна 8 коп.).
27. Архангельскіе китоловы. Повѣсть А. Сѣтковой (Катенкампъ). (Цѣна 15 коп.).

Девятымъ изданіемъ.

22. Жизнь св. Николая Чудотворца. Пр. Михаила Соколова. (Цѣна 8 коп.).

Французскіе университеты накануне великой революціи.

ГЛАВА III.

(*Окончаніе*).

Университеты и общественное мнѣніе.

Парламентскіе проекты реформъ: національное преподаваніе, разнообразіе занятій, университеты полные и неполные.—Энциклопедисты; планъ Дидро: полезность, какъ исключительная цѣль преподаванія; четыре факультета; преобладаніе точныхъ наукъ на артистическомъ факультетѣ. — Наказы 1789 года; пожеланія относительно университетовъ.

Обратимся теперь къ той средѣ, въ которой умирали медленной смертью университеты. Со всѣхъ сторонъ вторгалось въ нее множество идей: однѣ уже вполнѣ ясныя и отчетливо обрисовавшіяся, другія еще смутныя, только что народившіяся. Существовало ли тамъ какое-нибудь отчетливое представленіе о реформѣ публичнаго преподаванія, какой-нибудь зародышъ новой системы воспитанія? Посмотримъ, каковы были относительно этого пункта мнѣнія парламента, философовъ и ученыхъ и мнѣніе самой націи.

Парламентаристовъ изображали иногда противниками университетовъ. Нѣтъ ничего болѣе неправильнаго. Напротивъ, это были самые просвѣщенные друзья университетовъ. Правда, послѣ изгнанія іезуитовъ, они захотѣли создать національное воспитаніе, и по ихъ мнѣнію однимъ изъ недостатковъ университета было отсутствіе достаточной связи съ государствомъ, связи, которую они поставили себѣ цѣлью установить; далѣе, они подвергали безпощадной критикѣ университетское преподаваніе; но намѣревались ли они создать новую корпорацію для новаго воспитанія, котораго они желали? Нисколько. Развѣ не отъ университетовъ, но только реформированныхъ, болѣе просвѣщенныхъ, ожидали они того національнаго воспитанія, ради котораго были ими изгнаны іезуиты? Въ концѣ-

концовъ они вѣрили въ прирожденную, хотя временно и ослабѣвшую, жизненность этихъ старыхъ организмовъ; они полагали, что можно было ее пробудить, и что, будучи пробуждена, она справится съ поставленной ей задачей.

Главная черта ихъ представленія о публичномъ преподаваніи заключалась въ томъ, что они требовали преподаванія *національнаго.* Образовательныя учрежденія преподаютъ не для самихъ себя; они преподаютъ для общества, для націи, для отечества. „Главное состоитъ въ томъ, говоритъ Гитонъ де Морво, чтобы создавать гражданъ, запечатлѣвать въ душу ребенка образъ отечества и давать ему знанія, приготовляющія его къ различнымъ обязанностямъ гражданской жизни". „Дѣти государства должны быть воспитаны, какъ члены государства", говоритъ Ла-Шалотэ. „Дѣти, обучающіеся въ коллегіяхъ, родятся гражданами", заявляетъ столь же отчетливо и твердо парламентъ Гренобля; слѣдовательно, „учителя должны быть гражданами и зависѣть только отъ государства". Отсюда и комитетъ преподаванія, задуманный Ролланомъ, настоящій совѣтъ національнаго образованія, цѣль котораго была связать съ государствомъ университеты, коллегіи и школы, не дѣлая однако изъ нихъ казенныхъ учрежденій.

Разсматриваемое съ точки зрѣнія его индивидуальнаго воздѣйствія, публичное преподаваніе должно быть существеннымъ факторомъ воспитанія; недостаточно, чтобы оно давало полезныя знанія въ обычномъ смыслѣ этого слова; высшая полезность есть та, которая проистекаетъ отъ хорошо воспитаннаго ума и сердца, слѣдовательно, есть воспитаніе сердца и воспитаніе ума. Первое должно быть одинаковымъ для всѣхъ, ибо только оно управляетъ нравами, и каково бы ни было соціальное положеніе человѣка, одинаково важно, чтобы въ его сердцѣ были насаждены „завѣты божественной и утѣшительной религіи", „принципы морали и общественныхъ обязанностей", „чувства общей благонамѣренности", „любовь къ отечеству" „преданность королевской династіи и привязанность къ устоямъ государства". Таково мнѣніе парламентаристовъ. Но то, что необходимо, когда дѣло идетъ о нравахъ, которые должны были бы во всѣхъ мѣстахъ королевства и при всѣхъ общественныхъ условіяхъ вдохновляться одними и тѣми же завѣтами и регулироваться одними и тѣми же принципами, было бы безполезнымъ и даже вреднымъ, когда дѣло касается воспитанія ума. Въ этомъ именно и заключается недостатокъ университетскаго воспитанія: оно замыкаетъ всѣ умы въ одномъ и томъ же кругѣ занятій; оно формируетъ ихъ всѣхъ по одному и тому же шаблону; оно не принимаетъ во вниманіе ни различія въ способностяхъ, ни разнообразія въ потребно-

стяхъ отдѣльныхъ лицъ. „Оно слишкомъ однообразно, говоритъ Ролланъ; слѣдовало бы видоизмѣнять образовательныя нормы, чтобы всѣ дѣти могли заниматься наукой, соотвѣтствующей ихъ склонностямъ и способностямъ, или тому общественному положенію, какое они займутъ впослѣдствіи". „Я не боюсь выставить положеніе, что въ коллегіяхъ огромное большинство молодыхъ людей попусту проводитъ время; одни изучаютъ то, что имъ безполезно, а иногда и вредно знать; другимъ не дали существенно важныхъ для нихъ знаній". Отсюда двойная необходимость ввести больше разнообразія въ предметы преподаванія и установить различные типы учебныхъ заведеній.

Новые предметы преподаванія, требуемые парламентаристами, суть: исторія и географія, французскій языкъ, иностранные языки и точныя науки. Уже дѣлались попытки ввести ихъ частью въ университеты и акклиматизировать ихъ тамъ, но серьезныхъ результатовъ эти попытки не имѣли. „Преподаваніе исторіи, говоритъ Ролланъ, настолько подчинено изученію грамматики, что оно ограничивается чтеніемъ тѣхъ же самыхъ авторовъ, у которыхъ почерпаютъ знаніе языковъ; изъ школы выносятъ кое-какія смутныя понятія о древней исторіи, но, оканчивая курсъ, не имѣютъ никакого представленія о новой исторіи.—Надо бороться противъ „общей распущенности въ учебныхъ занятіяхъ... и противъ обычая ограничивать обыкновенный учебный курсъ рамками слишкомъ малаго количества свѣдѣній"; вновь поднять преподаваніе классическихъ языковъ, „съ нѣкотораго времени находящихся въ загонѣ", присоединить къ этому, въ нѣкоторыхъ коллегіяхъ, преподаваніе живыхъ языковъ, изучать исторію ради нея самой, и дать точнымъ наукамъ мѣсто, соотвѣтствующее ихъ важности. Настоящее средство достигнуть успѣха—это назначить спеціальнаго преподавателя для каждой области учебныхъ занятій и даже разбить ее „на разные курсы". Какъ можно требовать, чтобы профессоръ грамматики и словесности зналъ надлежащимъ образомъ исторію и заинтересовался преподаваніемъ предмета, который никогда не былъ его спеціальностью, или чтобы профессоръ философіи могъ преподавать заразъ логику, метафизику, мораль, разныя отрасли математики и физическія науки? Спеціальные предметы преподаванія требуютъ прежде всего спеціальныхъ преподавателей; въ противномъ случаѣ, они становятся простыми придатками.

Всѣ коллегіи не могутъ быть одинаково обезпечены матеріальными средствами; но развѣ истинное зло заключается не въ томъ, что всѣ онѣ организованы по одному образцу, и не лучше ли было бы имѣть коллегіи разныхъ типовъ? По существу парламентаристы,

по крайней мѣрѣ Ролланъ, мало сочувствовали группировкѣ факультетовъ въ университетахъ. „Я отнюдь не намѣренъ порицать ассоціацію факультетовъ въ томъ видѣ, въ какомъ она установилась; я знаю, что всѣ человѣческія знанія соединены цѣпью; одинъ конецъ которой касается науки самой возвышенной, а другой искусства самаго простого... Но опытъ указываетъ, что между разными факультетами существуютъ зависть и соперничество, которыя приносятъ имъ болѣе вреда, чѣмъ пользы; каждый магистръ хочетъ видѣть только свой предметъ; каждый факультетъ знаетъ только свои права и прерогативы, высшія науки обыкновенно стараются задавить науки элементарныя, которыя, какъ болѣе необходимыя, должны имѣть большее распространеніе". Хотя Ролланъ и не доходитъ до требованія расчленить университетъ на коллегіи и спеціальныя учебныя заведенія, но возможно, что задняя мысль его была именно такова; по крайней мѣрѣ, дѣлая логическій выводъ изъ общей концепціи публичнаго преподаванія, онъ рѣшительно предлагаетъ уменьшить число университетовъ и организовать ихъ по двумъ типамъ.

Какъ мы уже видѣли, въ то время во Франціи было двадцать два университета, изъ числа которыхъ многіе прозябали безъ учащихся и служили только къ пониженію качествъ преподаванія и значенія академическихъ степеней. Начиная съ семнадцатаго вѣка, стали уже указывать на то, что это число слишкомъ велико: „Это большое число университетовъ во Франціи, говоритъ одинъ историкъ XVII в., вноситъ только безпорядокъ, смуту и пренебреженіе къ словесности (belles-lettres)... Воздвигли и уравновѣсили всѣ факультеты, придавъ имъ одинаковое значеніе, и точно также равномѣрно распредѣлили между всѣми факультетами науки... Слѣдовало дать одному университету только богословскій факультетъ, другому только юридическій, какому-нибудь слѣдующему — медицинскій, смотря по мѣстностямъ, городамъ и обычаямъ, а для надобностей вышеуказанныхъ факультетовъ придать каждому изъ университетовъ вообще факультетъ грамматики и свободныхъ искусствъ". Ролланъ, цитируя это мѣсто изъ произведенія историка Орлеанскаго университета, раздѣляетъ выраженныя въ немъ чувства, и Ролланъ не единственный человѣкъ, думающій такимъ образомъ. „Обиліе богословскихъ и медицинскихъ факультетовъ", говоритъ Гитонъ де Морво, „было бы мало благопріятно, быть можетъ даже безполезно, а часто и пагубно для прогресса наукъ".

Ролланъ желалъ бы, чтобы существовали два рода университетовъ: одни полные, другіе неполные; первые объединяли бы преподаваніе всѣхъ наукъ, а вторые „были бы ограничены однимъ, самое большее—двумя факультетами, смотря по тому, какъ будетъ при-

знано необходимымъ". Полные университеты должны быть весьма немногочисленны и находиться только въ главныхъ городахъ, которые своимъ величіемъ, богатствомъ, положеніемъ предназначены быть научными центрами; въ нихъ будетъ по четыре факультета; въ ихъ коллегіяхъ спеціальные магистры должны преподавать исторію, иностранные языки, точныя науки, однимъ словомъ „всѣ необходимыя знанія и искусства". Чтобы обезпечить за каждымъ университетомъ извѣстный контингентъ учащихся, предполагалось дать каждому изъ нихъ опредѣленную территорію.

Наконецъ, съ цѣлью установить нѣчто въ родѣ научнаго единства во всемъ королевствѣ и облегчить сношенія между провинціальными университетами и парижскимъ, проектировали дать послѣднему, „хотя и не безусловную власть надъ всѣми остальными, которая могла бы стѣснять преподаваніе, но, по крайней мѣрѣ, постоянное вліяніе", могущее служить имъ „поддержкой и поощреніемъ".

Такимъ образомъ, дать публичному преподаванію національный характеръ, опредѣлить предметы учебныхъ занятій по ихъ воспитательному значенію и практической полезности, сохранить за словесными науками (lettres) значеніе великой школы ума, но рядомъ съ ними дать мѣсто необходимымъ нововведеніямъ, видоизмѣнять преподаваніе соотвѣтственно индивидуальнымъ способностямъ и мѣстнымъ условіямъ или нуждамъ, назначить спеціальныхъ преподавателей для спеціальныхъ знаній, сократить число университетовъ и организовать ихъ по двумъ типамъ, одни весьма немногочисленные, но богато обставленные всѣми предметами преподаванія, которыхъ требовало современное состояніе наукъ и общества, другіе, ограниченные тѣмъ, что служитъ общей основой публичнаго преподаванія, объединить всѣ университеты узами научнаго порядка, поставить ихъ въ извѣстную зависимость отъ государства, не сливая ихъ съ послѣднимъ окончательно,—вотъ то, чего требовали парламентаристы послѣ изгнанія іезуитовъ, и что они предлагали университетамъ.

Это была не революція; это была реформа, осторожная, разумная и практичная, обѣщавшая продолжительные результаты; цѣною нѣкоторыхъ жертвъ ею достигался подъемъ учрежденій, которыя упали настолько, что не могли уже справляться съ собственными функціями, и при томъ имъ предоставлялось достаточно простора для осуществленія въ позднѣйшее время еще и тѣхъ измѣненій, какія могли бы оказаться необходимыми.

Переходя къ энциклопедистамъ и философамъ, мы вступаемъ на новую почву. На этотъ разъ передъ нами отъявленные противники

университетовъ. И развѣ могло быть иначе? Творцы и пропагандисты новыхъ вѣяній и новой науки, развѣ могли они не преслѣдовать въ лицѣ университета традицію, рутину и сопротивленіе наукѣ? И они обрушиваются на университеты всею силою своихъ сарказмовъ и критики. Такъ какъ они не возлагаютъ на университеты никакихъ надеждъ и не мечтаютъ ихъ реформировать и улучшать, то щадить ихъ энциклопедистамъ и философамъ не за чѣмъ.

Они отмѣчаютъ, они утрируютъ безъ всякихъ оговорокъ всѣ недостатки, всѣ слабыя мѣста университетовъ: „Въ глупости Сорбонны я уже распознаю перстъ Божій“, пишетъ Вольтеръ д'Аламберу послѣ запрещенія „Велисарія“ Мармонтеля; „она сдѣлалась смѣшнѣе самихъ іезуитовъ и гораздо менѣе сильной... эти бездѣльники—позоръ Франціи“.

Дидро не болѣе почтителенъ. „Богословскій факультетъ приноровилъ предметы преподаванія къ современнымъ обстоятельствамъ; они направлены на полемику съ протестантами, лютеранами, социніанами, деистами и цѣлой тучей невѣрующихъ настоящаго времени. Факультетъ самъ по себѣ превосходная школа невѣрія. Мало такихъ сорбонистовъ, которые не прятали бы подъ своей шкурой деизма или атеизма. Но отъ этого они становятся еще нетерпимѣе, еще большими изувѣрами“. „Въ этихъ же самыхъ школахъ (артистическій факультетъ) еще и въ настоящее время изучаютъ подъ именемъ словесности мертвые языки, которые полезны только очень небольшому числу гражданъ; тамъ изучаютъ ихъ въ теченіе шести-семи лѣтъ, но въ концѣ концовъ все-таки не знаютъ ихъ; тамъ подъ именемъ риторики преподаютъ искусство говорить раньше искусства думать, искусство красиво выражаться — раньше, чѣмъ имѣть идеи; тамъ подъ именемъ логики наполняютъ головы аристотелевскими тонкостями и его великолѣпнѣйшей теоріей силлогизма... тамъ подъ именемъ метафизики съ увлеченіемъ толкуютъ о протяженіи, пространствѣ, бытіи вообще, вѣроятности, сущности, существованіи, различеніи двухъ субстанцій... защищая тезисы равно фривольные и щекотливые... первые элементы скептицизма и фанатизма... зародышъ несчастной способности всезнайства“. (Дидро).

Что касается юридическаго факультета, то онъ „жалокъ“; тамъ находится въ загонѣ все, что могло бы интересовать гражданъ; но за то тамъ культивируютъ „римское право во всѣхъ его развѣтвленіяхъ, право, которое не имѣетъ почти никакой связи съ нашимъ“; „римская юриспруденція“ продолжаетъ тамъ царить, какъ „схоластика... въ центрѣ „Сорбонны“. „Факультетъ помѣщается уже не въ старомъ готическомъ зданіи; но онъ говоритъ по-готски подъ

величественными аркадами современнаго зданія, которое для него воздвигли“.

Относительно медицины можно сказать, что „нѣтъ такихъ научныхъ или практическихъ занятій“, пишетъ Викъ д'Азиръ въ Энциклопедіи, „куда вкралось-бы столько злоупотребленій... Писателю, который разоблачилъ бы ихъ всѣ, пришлось бы совершить большой и продолжительный трудъ; и это предпріятіе было бы полезнымъ и достойнымъ просвѣщеннаго вѣка“.—Повсюду звучитъ все та же рѣзкая, суровая или насмѣшливая нота.

Энциклопедисты не разрабатывали вопросовъ воспитанія, какъ Руссо; они не составляли плана реформы образовательныхъ учрежденій, какъ парламентаристы; но изъ ихъ идей, разсѣиваемыхъ во всѣ стороны и подхватываемыхъ на лету общественнымъ мнѣніемъ, вырастаетъ впослѣдствіи цѣлая система общественнаго воспитанія. Нетрудно было бы найти зародыши системы въ ихъ писаніяхъ, и указать связь между нею и ихъ принципами. Самый блестящій изъ энциклопедистовъ, Дидро, избавилъ насъ отъ этого труда, намѣтивъ лично планъ университета для Россіи. Такъ какъ онъ писалъ для страны новой, гдѣ ничто не стѣсняло его, ни традиціи, ни существовавшія раньше учрежденія, то можно думать, что, не считая нѣкоторыхъ ограниченій, продиктованныхъ извѣстными политическими и соціальными условіями, онъ далъ себѣ полную свободу и вдохновился идеями, которыя раздѣлялъ со своими друзьями. За недостаткомъ плана воспитанія въ „Энциклопедіи“, мы имѣемъ планъ одного изъ энциклопедистовъ.

У Дидро не существуетъ вопроса относительно „воспитанія сердца и ума“; это взглядъ сантиментальный и устарѣлый; дѣло сводится просто къ полезности. Полезность—вотъ raison d'être общественныхъ учебныхъ заведеній; цѣль ихъ состоитъ въ томъ, чтобы „ознакомить человѣка съ большимъ количествомъ знаній, отсутствіе которыхъ вредило бы ему при всякихъ жизненныхъ условіяхъ“. Слѣдовательно, степени преподаванія опредѣляются единственно „общеполезностью“, какую могутъ представить преподаваемые предметы. Въ основаніе будутъ положены предметы, „примѣнимые вообще ко всѣмъ учащимся“; затѣмъ выше ихъ идутъ знанія, расположенныя въ порядкѣ постепеннаго суженія круга ихъ полезности; наконецъ, при вершинѣ знанія наименѣе полезныя изъ всѣхъ. „Порядокъ ученія“ представляетъ какъ бы „длинную улицу“, въ которую всѣ входятъ, но до конца которой доходятъ не всѣ; на каждомъ этапѣ батальонъ уменьшается, и въ концѣ концовъ должны остаться только тѣ, которые для занятія особаго общественнаго положенія нуждаются въ знаніяхъ, безполезныхъ всѣмъ остальнымъ.

Такова основная идея, изъ которой развивается вся система Дидро. Для осуществленія ея Дидро беретъ традиціонныя рамки университета; у него тоже четыре факультета: артистическій, богословскій, юридическій и медицинскій; къ нимъ онъ присоединяетъ для спеціальнаго образованія школу политики, школу инженернаго или военнаго искусства, морскую школу, школы агрономическую и коммерческую, чертежную, рисовальную, живописную, скульптурную и архитектурную.

Одна черта, вытекающая изъ основной концепціи системы, рѣзко отличаетъ артистическій факультетъ отъ трехъ остальныхъ. Артистическій факультетъ — это „совокупность учебныхъ предметовъ, примѣнимыхъ вообще ко всѣмъ учащимся"; другіе факультеты представляютъ совокупность учебныхъ предметовъ, требуемыхъ той или иной наукой, той или иной спеціальной профессіей. Слѣдовательно, преподаваніе „искусствъ", какъ и въ старыхъ университетахъ, служитъ цѣлямъ общаго и подготовительнаго образованія, но характеръ его уже совершенно иной.

Въ университетѣ господствуютъ главнымъ образомъ грамматика, классическіе языки и словесность; точнымъ наукамъ едва удѣлено небольшое мѣсто въ самомъ концѣ занятій въ теченіе второго года класса философіи. На артистическомъ факультетѣ Дидро роли мѣняются, и пропорціи становятся обратными: преподаваніе начинается съ точныхъ наукъ; оно продолжается такимъ же образомъ, и только въ самомъ концѣ появляются словесность, греческій и латинскій языки, элоквенція и поэзія. Легко догадаться о причинѣ этого. „Кому безусловно полезны эти древніе языки? Я рѣшился бы почти отвѣтить: никому, если не считать поэтовъ, ораторовъ, ученыхъ и другихъ классовъ профессіональныхъ литераторовъ, т. е. наименѣе необходимыхъ слоевъ общества". Науки, напротивъ, имѣютъ гораздо болѣе обширную полезность; нѣтъ такого общественнаго положенія или профессіи, которыя могли бы обойтись безъ нихъ.

Дидро вводитъ въ свой артистическій факультетъ четыре курса учебныхъ занятій и упражненій, идущихъ параллельно другъ другу и имѣющихъ одинаковую продолжительность. Пропустимъ упражненія, то есть: рисованіе, музыку, танцы, фехтованіе, верховую ѣзду и плаваніе. Первый курсъ занятій подраздѣленъ на восемь классовъ; учебный матеріалъ распредѣленъ между ними сообразно только что изложеннымъ нами принципамъ: въ первомъ классѣ ариѳметика, алгебра, начала теоріи вѣроятностей и геометріи; во второмъ механика и гидравлика; въ третьемъ изученіе земной сферы, система міра и астрономія; въ четвертомъ—естественная исторія и экспериментальная физика; въ пятомъ —химія и анатомія; въ шестомъ—

общая логика, критика и грамматика; въ седьмомъ — подробное объяснительное изученіе русской грамматики и языка; наконецъ, въ восьмомъ — греческій и латинскій языки, элоквенція и поэзія. Такимъ образомъ, на каждой ступени все новыя знанія, расположенныя по мѣрѣ суженія круга ихъ примѣненія въ жизни и слѣдовательно полезности. Параллельно первому курсу въ теченіе всего времени, требуемаго для его прохожденія, идутъ два класса: одинъ — классъ метафизики, морали и религіи; другой — исторіи и географіи; метафизика сводится у Дидро къ различенію двухъ субстанцій, доказательствамъ бытія Божія и королларіямъ этой истины, а къ исторіи примѣшивались начальныя основанія экономической науки, или наставленія о томъ, какъ использовать наиболѣе выгоднымъ образомъ свое время и свои таланты, какъ управлять своимъ домомъ и сохранять свое имущество. Устраните метафизику и религію, которымъ Дидро даетъ мѣсто въ программѣ ради одного только приличія, и вы получите всю энциклопедію во всемъ ея объемѣ, разбитую на части и распредѣленную по классамъ.

Безполезно говорить о богословскомъ факультетѣ. Дидро отводитъ ему мѣсто только потому, что въ Россіи есть духовенство и въ концѣ концовъ для государства лучше самому подготовлять себѣ священниковъ, чѣмъ предоставить имъ подготовляться самимъ.— Его медицинскій факультетъ удерживаетъ почти въ полномъ объемѣ преподаваніе тогдашнихъ университетскихъ факультетовъ: анатомія и акушерство-одна каѳедра; медицинскія институціи, физіологія, гигіена, патологія, профилактика и общая терапія — двѣ каѳедры; хирургія—одна каѳедра; фармакологія и фармація—одна каѳедра; исторія болѣзней и ихъ лѣченіе — двѣ каѳедры. Однако, оригинальная черта заключается въ томъ, что вездѣ теорія связана съ практикой; на этомъ факультетѣ будетъ не только естественно-научный кабинетъ, анатомическій амфитеатръ, коллекціи чучелъ, химическая лабораторія, аптека, но и факультетскій госпиталь, „гдѣ ученики будутъ пріучаться къ практикѣ“; въ этомъ госпиталѣ двѣ палаты на двадцать пять постелей каждая: одна для хроническихъ, другая для острыхъ болѣзней; студенты будутъ сопровождать профессоровъ при обходѣ больныхъ, и вскрытія будутъ производиться всегда въ ихъ присутствіи. — На своемъ юридическомъ факультетѣ Дидро сохраняетъ институціи Юстиніана и церковное право; но онъ не ограничиваетъ этимъ всего объема преподаванія: онъ присоединяетъ сюда естественное право, исторію законодательства, основы народнаго права, національное гражданское право, а также гражданское и уголовное судопроизводство. Если добавить сюда все, что Дидро считаетъ необходимымъ для своей „школы политики и обществен-

ныхъ дѣлъ", то получится полная программа факультета юриспруденціи и политическихъ наукъ въ томъ видѣ, въ какомъ эти факультеты существуютъ въ настоящее время въ нѣкоторыхъ университетахъ.—Запомнимъ всѣ эти черты: онѣ намъ встрѣтятся отчасти во время революціи.

И въ этой системѣ, и въ болѣе скромныхъ планахъ парламентаристовъ насъ поражаетъ одно обстоятельство, а именно: между среднимъ и высшимъ образованіемъ не существовало никакого разграниченія по существу, вслѣдствіе чего не существовало и дѣйствительно высшаго образованія.

Хотя медицинскій и юридическій факультеты именовались высшими, но это только такъ, для краснаго словца; они выше артистическаго факультета исключительно потому, что поступить на нихъ можно было, только пройдя предварительно этотъ факультетъ, но по характеру своего преподаванія старшіе стояли не выше его. Даже у Дидро эти факультеты остаются тѣмъ, чѣмъ и были, то есть, профессіональными школами; практическое обученіе не пойдетъ тамъ рука объ руку съ работами, изысканіями въ чисто научномъ духѣ. Ни словесныя, ни точныя науки не преподаются въ такомъ объемѣ, чтобы можно было говорить о высшемъ образованіи; правда, точныя науки преобладаютъ надъ словесными на артистическомъ факультетѣ, но послѣдній сохраняетъ все-таки характеръ подготовительной школы; онъ служитъ преддверіемъ юридическаго и медицинскаго факультетовъ, но ему недостаетъ завершенія, которое, казалось, было бы наиболѣе естественнымъ: высшей школы словесныхъ и точныхъ наукъ. Парламентаристы, навѣрное, не видѣли этого; Дидро могъ видѣть, но, если даже и видѣлъ, на его взглядъ, это не было пробѣломъ, и онъ намѣренно не ставитъ надъ своимъ артистическимъ факультетомъ научнаго или философскаго факультета... Для него „курсъ университета былъ совокупностью элементарныхъ курсовъ, прогрессивно преподаваемыхъ". Въ школу поступаютъ невѣжественнымъ; оканчиваютъ ее ученикомъ, а учителями дѣлаютъ сами себя, „направляя всѣ свои врожденныя способности и все свое прилежаніе на отдѣльный предметъ".

Послѣ отчетливыхъ концепцій и ученыхъ системъ перейдемъ ко взглядамъ всей націи въ ея цѣломъ, отличающимся неизбѣжной отрывочностью, разрозненностью и большею смутностью, но за то представляющими большій интересъ. Мы находимъ ихъ въ *наказахъ*, составленныхъ тремя сословіями въ виду созванія Генеральныхъ Штатовъ въ 1789 году. Вопросы общественнаго воспитанія и преподаванія занимаютъ въ нихъ большое мѣсто; огромное соціальное значеніе ихъ живо чувствовалось во всемъ королевствѣ и всѣми

тремя сословіями. Отмѣтимъ то, что ярче всего характеризуетъ взгляды общества на университеты и пожеланія страны относительно постановки высшаго образованія.

Слѣдуетъ отмѣтить прежде всего, что радикальныхъ переворотовъ не требуютъ; никто ни среди духовенства, ни среди третьяго сословія не проситъ о закрытіи университетовъ; кое-гдѣ, да и то крайне рѣдко—мнѣніе третьяго сословія Кюкюрона (Cucuron), Пейпенъ д'Эга (Peypin d'Aygues) и Ренна (Rennes)—высказывается пожеланіе относительно уменьшенія ихъ числа; единственно только духовенство Вильневъ-де-Берга (Villeneuve-de-Berg) объявляетъ ихъ безполезными: „Университеты, оказавшіе столь великія услуги религіи до учрежденія семинарій, перестали быть полезными со времени возникновенія послѣднихъ". И, кромѣ того, слѣдуетъ еще замѣтить, что здѣсь идетъ рѣчь не столько объ университетѣ въ цѣломъ, сколько о богословскихъ факультетахъ. Повсемѣстно сходятся на томъ, что ихъ надо сохранить, но подъ непремѣннымъ условіемъ ихъ реформированія.

Какія же обвиненія выставляются противъ нихъ? Много злоупотребленій; профессора мало усердны—Пуату, духовенство;—слишкомъ легко даются льготы по возрасту и освобожденіе отъ обязательныхъ занятій — Беарнскіе штаты, общій наказъ трехъ сословій; Сенъ-Флуръ, третье сословіе, Мэнъ, духовенство и т. д.;— „Студенты, готовящіеся къ государственной службѣ, рѣдко посѣщаютъ юридическія школы"—Бургъ, духовенство; — но главное — это скандальная раздача академическихъ степеней: „Нѣкоторые провинціальные университеты сдѣлались въ настоящее время не столько учебными заведеніями, гдѣ дается образованіе, сколько лавками, гдѣ покупаютъ дипломы",—Кюкюронъ, третье сословіе; — „необходимо, чтобы академическія степени не пріобрѣтались на будущее время цѣною денегъ, простого появленія или физической усидчивости" — Клермонъ - Ферранъ, духовенство; — „необходимо, чтобы были приняты мѣры противъ злоупотребленій въ университетахъ, гдѣ академическія степени получаются иногда за однѣ деньги, и чтобы ни въ коемъ случаѣ возрастъ не ставился на мѣсто ученья",—приморская Фландрія, духовенство;—„академическія степени, которыя были прежде доказательствомъ и наградой за знанія, стали теперь, въ провинціальныхъ университетахъ, прерогативой, покупаемой за деньги",—епархіальная церковь Вилльнёвъ де-Бергъ; —„вмѣсто призрачныхъ экзаменовъ" должны быть введены экзамены дѣйствительные—Бюже и Вальроме, дворянство;—„не слѣдуетъ давать званія практикующаго магистра хирургіи" „на основаніи однихъ только письменныхъ удостовѣреній отъ профессоровъ безъ предваритель-

наго испытанія въ присутствіи судей", — Алансонъ третье сословіе; — „есть такіе (университеты), гдѣ учебныя занятія совершенно оставлены и сохранены только смѣшныя права продавать дипломы", — Віеннъ, третье сословіе; — „необходимо, чтобы академическія степени выдавались на будущее время осмотрительно, послѣ строгаго испытанія", Форкалькіеръ, третье сословіе;—для полученія академическихъ степеней необходимо, чтобы кандидаты провели въ учебномъ заведеніи назначенное время за занятіями и были подвергаемы письменнымъ и устнымъ испытаніямъ не для одной только видимости",—Монтаржи, третье сословіе; необходимо, чтобы профессора не могли ничего ни требовать, ни получать подъ видомъ подарка по случаю выдачи удостовѣреній о занятіяхъ или по поводу письменныхъ испытаній и экзаменовъ", Монтаржи, третье сословіе и т. д.

Указываютъ на тотъ фактъ, что вездѣ, кромѣ Парижа, учебное дѣло опустилось: „Всѣ добрые граждане и особенно служители религіи сокрушаются объ упадкѣ воспитанія во Франціи",—Баръ-сюръ-Сенъ, духовенство;—„къ несчастью, признано всѣми, что воспитаніе находится въ самомъ плачевномъ состояніи и что неизбѣжно необходимо принять наискорѣйшія и наидѣйствительнѣйшія мѣры для его улучшенія",—городъ Парижъ, духовенство. Относительно причинъ такого упадка мнѣнія расходятся; нѣкоторые изъ среды духовенства приписываютъ его изгнанію іезуитовъ: „Обыкновенно признаютъ, что оно (воспитаніе) начало вырождаться уже болѣе двадцати-пяти лѣтъ тому назадъ, и что съ этой стороны послѣ знаменитаго общества остался прискорбный пробѣлъ, который еще не могъ быть заполненъ"— Баръ-сюръ-Сенъ.—„Духовенство не можетъ безъ величайшей скорби видѣть источники начальнаго воспитанія изсякшими, а большинство провинціальныхъ коллегій, нѣкогда столь цвѣтущихъ, лишенными преподавателей, коихъ добродѣтели, таланты и стойкость могли бы заслуживать довѣрія".—Другіе, какъ, напримѣръ, протестантское дворянство Сэнта, осуждаютъ рутину учебнаго дѣла: „Общественно-воспитательныя учрежденія, почти сплошь древняго происхожденія, сохранили рутину тѣхъ отдаленныхъ вѣковъ, которые видѣли ихъ возникновеніе; пора уже заставить ихъ войти въ сферу современнаго просвѣщенія".

Чего требуютъ, что предлагаютъ въ качествѣ общихъ реформъ?

Прежде всего, введенія *національнаго* воспитанія. Слово пошло въ ходъ; пущенное парламентаристами, оно отвѣчаетъ желаніямъ всѣхъ, и его можно встрѣтить одинаково въ наказахъ всѣхъ трехъ сословій.

Кромѣ того—и не менѣе единогласно — требуютъ, чтобы планъ

постановки учебнаго дѣла отличался единствомъ и былъ обязателенъ вездѣ: „Необходимо, чтобы во всѣхъ случаяхъ, когда будетъ признано полезнымъ сдѣлать улучшенія въ общественномъ преподаваніи“, составлялся „планъ абсолютно единообразный: этотъ планъ, изслѣдованный и принятый правительствомъ, становится кодексомъ національнаго преподаванія“,—Реймсъ, духовенство;—„Нужно, чтобы составленъ былъ планъ учебныхъ занятій..., который будетъ общимъ для всѣхъ коллегій и университетовъ,“—Оксерръ, третье сословіе. Относительно направленія, въ которомъ слѣдуетъ вести преподаваніе, мнѣнія болѣе расходятся и, какъ и должно, отличаются большей неясностью. Однако нѣкоторыя изъ пожеланій заслуживаютъ быть отмѣченными. Дворянство Нанси проситъ, чтобы воспитаніе направлялось „къ обязанностямъ, которыя предписываются человѣку моралью и которыя гражданинъ при рожденіи принимаетъ на себя относительно своего государя и отечества“.

Аналогичное ходатайство встрѣчается въ наказѣ парижскаго дворянства: „Необходимо, чтобы общественное воспитаніе было усовершенствовано, чтобы оно было распространено на всѣ классы гражданъ; чтобы была составлена для всѣхъ элементарная книга, содержащая, въ краткомъ изложеніи, главныя основы государственнаго строя“.—То же самое въ Бордо: „Необходимо, чтобы былъ составленъ планъ общественнаго воспитанія, основанный на принципахъ, аналогичныхъ принципахъ народнаго строя“, — Гіеннь, дворянство.—Дворянство Турени проситъ, „чтобы, послѣ религіи, публичное право составляло основу всѣхъ учебныхъ занятій“. — Въ томъ же смыслѣ пишетъ дворянство Дурдана: „Единственные предметы, которые слѣдуетъ поставить цѣлью преподаванія, таковы: принципы естественнаго права, выясняющіе права и обязанности человѣка, принципы гражданскаго права, выясняющіе права и обязанности гражданина, принципы публичнаго права, выясняющіе права и обязанности націи“.

Въ другихъ мѣстахъ Франціи заботятся о практической полезности: „Общественное воспитаніе должно быть видоизмѣнено настолько, чтобы оно удовлетворяло состояніямъ всѣхъ трехъ сословій и образовывало людей добродѣтельныхъ и полезныхъ для всѣхъ классовъ общества“,—Ла Рошель, третье сословіе. — „Генеральные штаты должны заняться пріисканіемъ средствъ, чтобы придать, путемъ перемѣнъ, національный характеръ дѣлу воспитанія обоихъ половъ, при чемъ это воспитаніе должно быть основано на принципахъ, соотвѣтствующихъ предполагаемому назначенію этихъ дѣтей,— Ліонъ, дворянство.—„Пора уже дать имъ (общественно-образовательнымъ учрежденіямъ) режимъ, пригодный для образованія гражданъ.

всѣхъ состояній“,—Сэнтъ, дворянство.—Что касается практическихъ мѣръ для осуществленія этой реформы, то нѣкоторые—впрочемъ, эта группа наименѣе многочисленна—просятъ, „чтобы была учреждена корпорація преподавателей подъ управленіемъ духовенства“,—Шалонъ на Марнѣ, духовенство;—другіе, чтобы возстановили во всей строгости старинные статуты университетовъ. Въ Пероннѣ предлагаютъ нѣчто аналогичное *отношенію* между коллегіями и университетами, придуманному президентомъ Ролланомъ: „подчинить пенсіонаты коллегіямъ, коллегіи администраціи университетовъ, провинціальные университеты непосредственному наблюденію Парижскаго университета“. Духовенство Реймса высказываетъ пожеланія „чтобы въ случаѣ, если признаютъ полезнымъ сдѣлать улучшенія въ общественномъ преподаваніи, была учреждена для столь важнаго дѣла коммиссія, составленная частью изъ лицъ, взятыхъ изъ каждаго университета“. Дворянство Сентъ-Мигіеля желало бы точно также учрежденія коммиссіи для выработки плана учебныхъ занятій и дисциплины; въ эту коммиссію должны войти „лица, взятыя отъ всѣхъ университетовъ“. По мнѣнію третьяго сословія Аннонє, эта коммиссія должна была состоять изъ ученыхъ.

Если отъ пожеланій общаго характера мы перейдемъ къ сѣтованіямъ и пожеланіямъ, относящимся къ каждой категоріи факультетовъ въ отдѣльности, то касательно артистическаго факультета придется отмѣтить очень немногое; впрочемъ, именно на него и указываютъ чаще всего въ проектахъ общей реформы учебнаго дѣла. Однако, слѣдуетъ отмѣтить пожеланія третьяго сословія Клермонъ-Феррана относительно „учрежденія каѳедры математики въ королевскихъ коллегіяхъ“. Это единственное указаніе такого рода въ наказахъ трехъ сословій. Слѣдуетъ привести также пожеланіе третьяго сословія Гіеньскаго сенешальства, чтобы Генеральные Штаты составили новый планъ національнаго воспитанія, чтобы вмѣсто старинной методы, которая практикуется въ нашихъ коллегіяхъ, заставляя тратить первые годы сознательной жизни на сухое изученіе мертваго языка, были учреждены учебныя заведенія, гдѣ религія, мораль, изящная словесность, языки, точныя науки, исторія, народное право и естественное право преподавались бы по такимъ программамъ, которыя приличествуютъ настоящему времени, общественнымъ интересамъ и подданнымъ великаго и богатаго государства“; а также—пожеланіе третьяго сословія Вентабра, „чтобы были учреждены коллегіи морали, естественной исторіи, физики и математики въ каждомъ изъ главныхъ городовъ“.

Вниманіе трехъ сословій, особенно третьяго, обращено больше на юридическій факультетъ; оно привлекается къ нему злоупотре-

бленіями и скандалами, соціальныя послѣдствія которыхъ бросаются въ глаза, а также устарѣлымъ преподаваніемъ, несоотвѣтствующимъ господствовавшему въ то время пониманію принциповъ права управленія. Однако точныя указанія, какова должна быть реформа, встрѣчаются рѣдко и, вообще, мало значительны. Это чаще всего мѣры упорядоченія: „необходимо понудить профессоровъ читать лекціи; требовать отъ учащихся посѣщенія лекцій, не давать больше льготъ по возрасту и не освобождать отъ обязательныхъ занятій; установить одинаковую для всѣхъ законную продолжительность ученія либо въ два, либо въ три года; подвергать кандидатовъ „строгимъ письменнымъ испытаніямъ, отъ которыхъ нельзя было бы уклониться", Брестъ, Дурданъ, Бріе—третье сословіе; Бюже и Вальроме, Сэнтъ, дворянство и т. д. требуютъ и нѣсколькихъ новыхъ учрежденій: юридическіе университеты должны быть учреждены во всѣхъ городахъ, гдѣ будетъ коронный судъ; Клермонъ-Ферранъ, дворянство;—въ Мецѣ должна была учреждена школа національнаго и иностраннаго права, Мецъ, третье сословіе; что касается сущности преподаванія, то указываютъ на необходимость учредить на факультетахъ каѳедру народнаго права,—Байонна, духовенство, или публичнаго права,—Каэнъ, духовенство, Турэнь, Вилльфраншъ-де-Руэргъ дворянство; Ошъ, Шалонъ на Сонѣ, Доль, Орлеанэ, Ривьеръ, Вердюнъ, Виллефраншъ де-Руэргъ, Нанси, третье сословіе,—или публичнаго и естественнаго права,—Кюкюронъ, Кабріеръ д'Эгъ, третье сословіе.—Самое точное указаніе даетъ третье сословіе Ренна: „Сократить на половину общее число каѳедръ латинскаго языка; замѣстить упраздненныя каѳедры второй каѳедрой французскаго права и каѳедрой естественнаго права".

Неудовлетворительность преподаванія на медицинскомъ факультетѣ чувствуется чрезвычайно живо; одинъ и тотъ же вопль негодованія повторяется около ста разъ въ наказахъ трехъ сословій: не хватаетъ врачей, не хватаетъ хирурговъ, не хватаетъ повивальныхъ бабокъ. Деревенскіе больные отданы на произволъ неопытныхъ самоучекъ и знахарокъ, не имѣющихъ права практиковать. И первое, о чемъ ходатайствуютъ повсемѣстно, это объ учрежденіи курса акушерства; потомъ кое-гдѣ, затерянныя въ остальномъ, слышатся нѣсколько отдѣльныхъ пожеланій: пять лѣтъ занятій въ госпиталяхъ и школахъ—Амьенъ, третье сословіе;—обязательныя пять лѣтъ студенчества,—корпорація врачей Арля; шесть лѣтъ,—корпорація врачей Арраса;—учрежденіе хирургической школы въ каждой провинціи,—Монтрейль-сюръ-Меръ, третье сословіе;—запрещеніе профессорамъ открывать частные курсы, „дабы они съ большей аккуратностью исполняли свои обязанности относительно публичныхъ курсовъ", — врачи

Арля;—закрытіе „всѣхъ медицинскихъ университетовъ, которые выдаютъ академическія степени людямъ, не исполнившимъ ни одной изъ тѣхъ формальностей, какія признаны необходимыми мудрымъ закономъ",—врачи Арля;—сведеніе числа медицинскихъ факультетовъ къ двумъ, въ Парижѣ и Монпелье,—врачи Арраса;—къ тремъ или четыремъ, изъ коихъ одинъ въ Реннѣ,—третье сословіе Ренна;—наконецъ, учрежденіе каѳедры практической медицины во всѣхъ университетахъ королевства,—врачи Арля.

Вотъ каково было въ точности состояніе общественнаго мнѣнія, его сѣтованія и пожеланія; сѣтованія рѣзки, но пожеланія большею частью неотчетливы и не глубоки. Самыя распространенныя и самыя рѣзкія жалобы раздаются по поводу злоупотребленій, и преимущественно тѣхъ, которыя являются результатомъ иногда скандальной легкости, съ какой выдаются академическія степени; дѣйствительно, соціальныя послѣдствія этого ясно сказываются: въ церковной сферѣ бенефиціи даются неспособнымъ, но дипломированнымъ кандидатамъ; въ судебномъ—имущество, честь и свобода подданныхъ часто попадаютъ въ распоряженіе не знающихъ своего дѣла судей; въ медицинской — человѣческая жизнь ввѣряется какимъ-то врачамъ-убійцамъ. Словесныя и точныя науки возбуждаютъ менѣе заботъ; соціальные результаты злоупотребленій этой области не такъ очевидны.

Въ итогѣ намѣчаемыя реформы сводятся къ пустякамъ: устраненію злоупотребленій; соблюденію установленныхъ правилъ, строгости экзаменаціонныхъ требованій; ни одной радикальной мѣры, ни одной основательной реформы; нѣсколько отдѣльныхъ и неавторитетныхъ заявленій о томъ, что цѣлесообразнѣе было бы уменьшить число университетовъ; нѣсколько другихъ, болѣе многочисленныхъ заявленій о желательности учрежденія каѳедръ публичнаго права—вотъ и все. О словесныхъ дисциплинахъ почти ничего; о точныхъ наукахъ—ничего, если не считать пожеланія третьяго сословія Клермонъ-Феррана. Нѣтъ представленія о цѣломъ; нѣтъ общаго плана; ничего научнаго; о роли науки въ высшемъ образованіи даже не подозрѣваютъ: никакой потребности въ расширеніи рамокъ преподаванія, если не считать указаній на публичное право; никакого пониманія солидарности наукъ. Примите предположенныя мѣры; осуществите ихъ—они не поведутъ ни къ чему истинно новому, великому, устойчивому, возвышенному; это мѣры упорядоченія, но не органическая реформа Наказъ 1789 года по вопросамъ высшаго образованія сводился къ двумъ пунктамъ: устраненію злоупотребленій и сообщенію университетскому образованію національнаго характера. Но вопросъ, поставленный такъ узко, неизбѣжно долженъ былъ расширяться и расти вмѣстѣ съ революціей.

Луи Ліаръ.

Перев. подъ ред. **А. Г. Готлиба**.

Совмѣстное обученіе въ англійской средней школѣ.

I.

Нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

Многимъ изъ нашихъ читателей, вѣроятно, извѣстно, что совмѣстное образованіе лицъ обоего пола широко распространено въ С. Штатахъ Америки*) и въ Австраліи. Нѣкоторымъ, можетъ быть, извѣстно и то, что совмѣстное образованіе издавна практикуется въ Шотландіи, а съ нѣкоторыхъ поръ въ Норвегіи, отчасти въ Швеціи**) и, наконецъ, въ Финляндіи. Въ Англіи принципъ совмѣстнаго образованія получилъ примѣненіе сравнительно недавно и находится пока въ періодѣ первыхъ опытовъ, хотя, впрочемъ, нѣкоторые изъ этихъ опытовъ продолжаются уже десятки лѣтъ. Эти опыты касаются, главнымъ образомъ, воспитанія и обученія дѣтей между 10 и 14 годами, хотя въ видѣ исключенія въ Англіи можно найти школы, гдѣ совмѣстно учатся дѣти обоего пола до 16 и 17 лѣтъ.

Происхожденіе указываемаго нами явленія, т. е. совмѣстнаго обученія дѣтей въ средней школѣ, какъ и происхожденіе многихъ другихъ новшествъ, объясняется простою необходимостью, а именно: невозможностью содержать двѣ сколько нибудь сносныхъ школы тамъ, гдѣ и одну обставить удовлетворительно было бы весьма трудно, вслѣдствіе незначительности города и рѣдкости окрестнаго населенія. Когда, такимъ образомъ, прямая необходимость понудила людей рискнуть на этотъ новый и любопытный педагогическій опытъ, то оказалось, что система совмѣстнаго обученія имѣетъ за себя много основаній и помимо соображеній чисто экономическаго

---

*) См. нашу книгу „Женское образованіе и общественная дѣятельность женщинъ въ Америкѣ“ (изд. журн. „Русская школа“).

**) См. наши сочиненія „Народное образованіе и реформа средней школы въ Норвегіи“ 1903 и „Начальное и среднее образованіе въ Швеціи“ 1904.

характера, а это создало уже принципіальныхъ сторонниковъ совмѣстнаго обученія. Нѣкоторые изъ нихъ принялись за пропаганду этой идеи, считая распространеніе ея дѣломъ великой важности для настоящихъ и въ особенности для будущихъ поколѣній.

Такой характеръ—характеръ пропаганды идеи совмѣстнаго обученія въ средней школѣ—имѣетъ вышедшая въ этомъ году (1903) въ Лондонѣ книга „Совмѣстное обученіе" *), представляющая собой рядъ статей, въ которыхъ изложены разными лицами результаты ихъ опытовъ совмѣстнаго обученія дѣтей въ средней школѣ. Общая редакція книги принадлежитъ г-жѣ Алисѣ Удсъ (Woods), которая составила также введеніе и заключительную главу книги **).

Вотъ что мы имѣемъ въ введеніи г-жи Удсъ: „Повидимому, нельзя болѣе сомнѣваться въ томъ, что идея совмѣстнаго обученія мальчиковъ и дѣвочекъ быстро распространяется среди насъ (англичанъ). Какихъ нибудь 25 лѣтъ тому назадъ эту идею едва-ли упоминали, да и то лишь по отношенію къ начальнымъ школамъ въ сельскихъ областяхъ; теперь же многіе считаютъ совмѣстное обученіе не только терпимымъ въ случаѣ необходимости, но даже по существу весьма желательнымъ. Теперь вопросъ состоитъ лишь въ томъ, какъ долго можетъ быть продолжаемо совмѣстное обученіе и воспитаніе и какъ далеко оно можетъ заходить".

„Настоящая книга есть результатъ поѣздки, предпринятой мною въ 1901 г. въ разныя части трехъ графствъ (Hampshire, Derbyshire, Lancashire) для того, чтобы узнать, что дѣлается въ этихъ графствахъ въ дѣлѣ совмѣстнаго обученія мальчиковъ и дѣвочекъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Самая мысль о такой поѣздкѣ явилась какъ слѣдствіе моего убѣжденія, что, хотя въ Англіи производятся во многихъ мѣстахъ опыты совмѣстнаго обученія, эти опыты остаются весьма часто неизвѣстными даже педагогамъ и потому не приносятъ обществу всей той пользы, которую они могли бы принести при иныхъ условіяхъ..."

„Я сама въ теченіе 8 лѣтъ была начальницей средней школы, гдѣ обучались совмѣстно мальчики и дѣвочки, но это было уже десять лѣтъ тому назадъ, и потому я не сочла нужнымъ излагать результаты своего опыта. Скажу лишь, что мой опытъ былъ вполнѣ удаченъ и внушилъ мнѣ полную вѣру въ принципъ совмѣстнаго обученія".

---

*) Coeducation. A series of essays by various authors edited by Alice Woods. London. 1903.

**) Кстати сказать, сама г-жа Удсъ завѣдывала учебнымъ заведеніемъ, посѣщаемымъ дѣтьми обоего пола.

„Задача наша въ настоящей книгѣ состояла въ томъ, чтобы ознакомить читателей съ результатами наблюденій лицъ, работающихъ въ школахъ, гдѣ совмѣстно учатся дѣти обоего пола. Первыя статьи настоящаго сборника относятся къ *закрытымъ учебнымъ заведеніямъ* (boarding schools). Считаемъ не лишнимъ прибавить, что всѣ предлагаемыя читателямъ статьи написаны авторами ихъ совершенно независимо другъ отъ друга".

Книга г-жи Удсъ заканчивается спискомъ 30 англійскихъ школъ, частью или всецѣло относящихся къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, гдѣ примѣняется принципъ совмѣстнаго обученія и воспитанія дѣтей обоего пола. Составляя этотъ списокъ, г-жа Удсъ, какъ видно изъ ея словъ, хотѣла помочь тѣмъ, кто пожелалъ бы непосредственно ознакомиться съ этими школами. Такой списокъ тѣмъ болѣе умѣстенъ, что г-жа Удсъ отнюдь не претендуетъ на то, что школы, описанныя въ ея сборникѣ, чѣмъ-либо лучше другихъ, въ которыхъ примѣняется принципъ совмѣстнаго обученія.

Таково содержаніе книги, съ которой мы хотимъ познакомить нашихъ читателей*), полагая, что вопросъ, разбираемый въ этой книгѣ, представляетъ и для русскаго общества серьезный принципіальный интересъ и поставленъ, кромѣ того, г-жей Удсъ на единственно правильную почву—на почву практическаго опыта, а не какихъ-либо теоретическихъ разсужденій. Мы надѣемся даже, что недалеко время, когда этотъ вопросъ будетъ имѣть въ Россіи и практическое значеніе, такъ какъ въ пользу принципа совмѣстнаго обученія говорятъ слишкомъ сильные не только очевидные для всѣхъ аргументы экономическаго характера, но также и аргументы совершенно иного рода, съ которыми мы познакомимъ читателей нашихъ на послѣдующихъ страницахъ.

Желая быть возможно болѣе краткими, мы позволимъ себѣ привести лишь наиболѣе характерныя мѣста изъ нѣкоторыхъ статей, вошедшихъ въ сборникъ г-жи Удсъ. Мы заключимъ наше изложеніе указаніемъ на нѣкоторыя иныя данныя по тому же вопросу, который въ Англіи имѣетъ уже немалую литературу.

---

*) Кстати сказать, книга г-жи Удсъ произвела большое впечатлѣніе; это объясняется важностью затронутаго ею вопроса и чрезвычайно практичнымъ, дѣльнымъ характеромъ статей, принадлежащихъ частью лицамъ, пользующимся извѣстностью въ Англіи.

II.

Нѣкоторые вопросы внутренняго распорядка (закрытыхъ) учебныхъ заведенiй для совмѣстнаго обученiя.

Такое заглавiе*) носитъ первая изъ статей, помѣщенныхъ въ сборникѣ г-жи Удсъ. Мы приводимъ далѣе наиболѣе важныя части этой статьи, принадлежащей Джону Бэдли (Badley), не безызвѣстному и въ Россiи начальнику (headmaster) такъ называемой Бедэльской школы, находящейся въ Петерсфильдѣ (Гэмпширское графство). Скажемъ кстати, что Бэдли получилъ среднее образованiе въ одной изъ знаменитыхъ англiйскихъ общественныхъ**) школъ (Rugby school), высшее въ Кэмбриджѣ и затѣмъ въ теченiе трехъ лѣтъ состоялъ учителемъ въ такъ называемой „Новой Школѣ“ въ Абботсхольмѣ (Abbotsholme), описанiе которой произвело въ свое время сенсацiю въ Германiи.

„Каждому, кто взялъ на себя трудъ воспитывать дѣвочекъ и мальчиковъ вмѣстѣ“, говоритъ Бэдли, „должно представиться множество различныхъ вопросовъ. Слѣдуетъ ли обращаться одинаково съ мальчиками и дѣвочками? Насколько свободны могутъ быть сношенiя тѣхъ и другихъ между собою? Можно ли допустить нѣкоторую разницу въ требованiяхъ, предъявляемыхъ мальчикамъ и дѣвочкамъ въ работѣ или въ играхъ, въ поведенiи, манерахъ, языкѣ и проч.? Слѣдуетъ ли увеличивать свободу дѣвочекъ, чтобы сравнять ихъ режимъ съ тѣмъ, какой принятъ по отношенiю къ мальчикамъ или, наоборотъ, слѣдуетъ ограничить свободу мальчиковъ? Однимъ словомъ, при какихъ условiяхъ можно установить общiй режимъ школьной жизни для дѣтей обоего пола?“

„Таковы практическiе вопросы, на которые слѣдуетъ отвѣчать не на основанiи однихъ апрiорныхъ данныхъ, а главнымъ образомъ, если не исключительно, на основанiи опыта. Теоретизировать по поводу различiй между полами дѣло не трудное, не трудно также на основанiи такихъ апрiорныхъ разсужденiй составлять подробныя школьныя программы и т. п.“

„Дѣло въ томъ однако, что до сихъ поръ существуетъ весьма мало согласiя даже относительно того, какова должна быть разница въ физическомъ воспитанiи мальчиковъ и дѣвочекъ, поскольку эта

---

*) Someproblems of governement in a mixed school.

**) См. нашу книгу „Очеркъ развитiя и современнаго состоянiя средняго образованiя въ Англiи“, гдѣ можно найти главу объ англiйскихъ „общественныхъ“ школахъ. См. также извѣстное сочиненiе Леклерка.

разница обусловливается различіемъ въ физической природѣ дѣтей разнаго пола. Когда же приходится рѣшать вопросъ о томъ, какова должна быть разница въ пріемахъ умственнаго и нравственнаго воспитанія мальчиковъ и дѣвочекъ, поскольку эту разницу можно поставить въ зависимость отъ различія въ умственной и нравственной структурѣ мужчинъ и женщинъ (если мнѣ будетъ позволено такое выраженіе) и отъ разныхъ условій послѣдующей жизни дѣтей разнаго пола, когда, говорю я, намъ приходится рѣшать такіе вопросы, мы положительно ходимъ въ потемкахъ и руководимся главнымъ образомъ предразсудками и традиціями".

„Въ самомъ дѣлѣ, пока мы не поставимъ оба пола въ одинаковыя условія относительно воспитанія, мы никогда не будемъ въ состояніи сказать, какія различія между ними слѣдуетъ считать природными и какія надо признать проистекающими отъ различныхъ условій воспитанія и развитія вообще"....

„Переходя отъ этихъ общихъ разсужденій къ нашему собственному опыту совмѣстнаго обученія, мы должны сказать, во-первыхъ, что онъ сравнительно недолгій, а именно продолжается всего три года, причемъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ нашъ опытъ и не совсѣмъ нормаленъ. Дѣло въ томъ, что мы преобразовали прежнюю нашу школу для мальчиковъ въ школу для совмѣстнаго воспитанія и обученія дѣтей обоего пола, вслѣдствіе чего у насъ пока на 80 мальчиковъ приходится 12—15 дѣвочекъ. Нашъ опытъ такимъ образомъ нѣсколько одностороненъ, но, какъ мы полагаемъ, онъ имѣетъ всетаки извѣстный интересъ и значеніе".

„Вообще говоря, мы, повидимому, можемъ утверждать, что въ нашей школѣ выигрываютъ пока больше дѣвочки вслѣдствіе того, что онѣ попали въ атмосферу и традиціи школъ для мальчиковъ. Впрочемъ, полныхъ результатовъ системы совмѣстнаго обученія нельзя прослѣдить и на дѣвочкахъ, такъ какъ онѣ пока не дошли еще до старшихъ классовъ школы".....

„Нашъ опытъ, какъ и всякій опытъ вообще, имѣетъ въ основѣ нѣкоторую гипотезу. Цѣль наша заключается въ томъ, чтобы воспитывать совмѣстно дѣтей обоего пола во все время и въ школьной жизни, дѣлая при этомъ самое воспитаніе по возможности совершенно одинаковымъ какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ. Мы разсчитывали, что такимъ образомъ выяснимъ, въ какихъ случаяхъ и насколько необходима разница въ пріемахъ воспитанія и въ обращеніи съ дѣтьми разнаго пола, причемъ наши выводы будутъ основываться на опытѣ, а не на какихъ-либо апріорныхъ соображеніяхъ. Только при такихъ условіяхъ, какъ намъ кажется, дѣвочки могутъ получить надлежащее воспитаніе, готовящее ихъ къ жизни; только при

такихъ условіяхъ—и это соображеніе намъ кажется еще важнѣе—возможно полное взаимное вліяніе одного пола на другой, благодаря чему мальчики и дѣвочки обратятся съ теченіемъ времени во взрослыхъ людей съ общими интересами и симпатіями, со взаимнымъ пониманіемъ, съ общими традиціями, какъ результатъ общей жизни и общаго воспитанія“...

„Въ настоящей своей статьѣ мы вовсе не имѣемъ въ виду разсматривать аргументы за выставленные нами идеалы или противъ нихъ: мы укажемъ лишь тѣ пріемы, которыми мы у себя въ школѣ пользуемся для достиженія этихъ идеаловъ“...

„Само собой разумѣется, что въ закрытомъ учебномъ заведеніи жизнь мальчиковъ и дѣвочекъ по необходимости должна быть въ извѣстной мѣрѣ раздѣльной. У насъ мальчики и дѣвочки живутъ въ разныхъ домахъ. Цѣль наша однако, какъ мы говорили выше, заключается въ томъ, чтобы не подчеркивать этой необходимой раздѣльности, а, напротивъ, сводить ее по возможности до минимума. Дѣвочки пьютъ у себя утренній чай *), исполняютъ тамъ необходимыя работы по приведенію комнатъ въ порядокъ, убираютъ постели и т. п.; тамъ же онѣ берутъ уроки шитья, рукодѣлія и домоводства. Вообще же говоря, съ 8 час. 30 м. утра, когда начинаются классы, и до 8 ч. 30 м. вечера, когда всѣ дневныя занятія кончаются, мальчики и дѣвочки проводятъ время вмѣстѣ. Все классное обученіе проходитъ вмѣстѣ, причемъ какъ въ классахъ, такъ и за столомъ во время обѣда дѣвочки сидятъ въ перемѣшку съ мальчиками (girl sitting beside boy in class, as also at meals)“.

„Учителя обращаются одинаково какъ съ мальчиками, такъ и съ дѣвочками; во всѣхъ случаяхъ, когда приходится располагать дѣтей въ порядкѣ первенства, мѣста опредѣляются не поломъ, а возрастомъ. Наказанія за лѣность или шалости во время уроковъ совершенно одинаковы для дѣтей обоего пола. Игры и занятія дѣтей, за немногими исключеніями, также одинаковы“.

Опуская нѣкоторыя довольно длинныя разсужденія Бэдли о такихъ сторонахъ школьной жизни, которыя составляютъ исключительную особенность англійской школы, мы переходимъ прямо къ той части статьи, гдѣ Бэдли говоритъ по поводу высказываемыхъ нерѣдко опасеній, какъ бы въ совмѣстныхъ школахъ грубость мальчиковъ не передалась и дѣвочкамъ.

„Мнѣ кажется, говоритъ по этому поводу Бэдли, что всѣ эти опасенія неосновательны. Если такое огрубѣніе и возможно, то оно бу-

*) Этотъ утренній чай сопровождается всегда въ Англіи легкой ѣдой и называется breakfast.

детъ только внѣшнимъ и кратковременнымъ, такъ какъ я не могу допустить, чтобы устраненіе этой внѣшней грубости могло представить какія-либо затрудненія, если вести дѣло какъ слѣдуетъ и безъ излишнихъ страховъ. Я полагаю, кромѣ того, что намъ ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ открещиваться отъ совмѣстнаго обученія только потому, что намъ случится, можетъ быть, и услышать, какъ та или другая ученица произнесетъ какое-нибудь нѣсколько рѣзкое или вульгарное выраженіе *) тѣмъ болѣе, что такія выраженія можно иногда услышать и въ такихъ школахъ, гдѣ и въ поминѣ нѣтъ „грубыхъ мальчиковъ".

„Само собой разумѣется, что разъ мальчики и дѣвочки учатся вмѣстѣ, дѣвочки въ извѣстной мѣрѣ усвоятъ жаргонъ мальчиковъ. Впрочемъ, я въ этомъ не вижу, право, большого зла, разъ дѣло не заходитъ дальше извѣстныхъ границъ. Я, однако, вовсе не хочу этимъ сказать, что дѣвочкамъ надо позволять употреблять бранныя выраженія; но вѣдь того же не слѣдуетъ позволять и мальчикамъ".

„Конечно, у школьниковъ всегда будетъ извѣстный жаргонъ (schoolboy language), пока мальчики будутъ оставаться мальчиками, а я, право, ничего другого изъ нихъ и не собираюсь дѣлать. Желательно, однако, чтобы даже и мальчики сознавали, что есть такіе слова и поступки, которыхъ не слѣдуетъ позволять ни себѣ, ни другимъ, въ особенности же по отношенію къ дѣвочкамъ. Если даже найдутся въ школѣ дѣти, которыя этого не понимаютъ, наше дѣло создать въ школѣ такое общее настроеніе, такой тонъ,—дѣйствуя сначала на старшихъ, который не допускалъ бы ничего грубаго и пошлаго. Это, разумѣется, требуетъ большихъ заботъ со стороны воспитателей, но зависитъ еще болѣе отъ усерднаго содѣйствія мальчиковъ и дѣвочекъ старшаго возраста, которые способны понять важность принципа... Въ этомъ случаѣ и можетъ сказаться вся польза для мальчиковъ отъ непрерывнаго воздѣйствія на нихъ дѣвочекъ"...

„Надо помнить также, что у всякаго мальчика есть извѣстная доля рыцарскаго чувства, и мы должны умѣло имъ пользоваться. Я этимъ не хочу вовсе сказать, чтобы мы должны были требовать отъ мальчиковъ преувеличенной вѣжливости по отношенію къ дѣвочкамъ. Надо только не допускать между ними грубыхъ словъ или поступковъ, не допускать притомъ ни въ школѣ, ни дома. Желательно, чтобы между дѣтьми были естественныя, нормальныя отношенія, для чего необходимо нѣкоторое наблюденіе и контроль, а при случаѣ и наставленіе или даже строгое внушеніе".

---

*) Въ качествѣ примѣра Бэдли приводитъ слово „pig" (свинья), которое мальчики иногда употребляютъ по отношенію другъ къ другу.

„Но при такомъ положеніи дѣла, — скажутъ, пожалуй, нѣкоторые,—выиграютъ только мальчики. Не будетъ ли, однако, этотъ выигрышъ для мальчиковъ пріобрѣтенъ нѣкоторой потерей для дѣвочекъ, потерей, состоящей въ пониженіи изящества языка и манеръ?“

Исходя изъ своего опыта, Бэдли утверждаетъ, что бояться этого не приходится. Онъ указываетъ въ то же время на то обстоятельство, что, благодаря совмѣстному обученію, дѣвочки пріобрѣтутъ прямоту, твердость, независимость, правдивость—свойства, которыя наблюдаются въ большей степени у мальчиковъ, чѣмъ у дѣвочекъ. Въ самомъ дѣлѣ, дѣвочкамъ не трудно внушить, что именно перечисленныя качества составляютъ истинные признаки мужественности и что, наоборотъ, грубость манеръ и языка никакъ нельзя считать свойствомъ мужского характера. Съ другой стороны, и мальчикамъ можно внушить, что мягкость (gentleness) и мужественность (maniness) не только не противоположны другъ другу, но особенно хороши при ихъ соединеніи.

Такимъ образомъ, Бэдли устраняетъ опасенія относительно огрубѣнія дѣвочекъ въ школахъ для совмѣстнаго обученія. Эти школы имѣютъ въ то же время на дѣвочекъ чрезвычайно благотворное вліяніе въ другихъ отношеніяхъ, какъ это прекрасно выражено Бэдли въ слѣдующихъ словахъ: „Для дѣвочекъ весьма важно освободиться отъ непріятныхъ и вредныхъ стѣсненій, замедляющихъ ихъ нормальное развитіе какъ физическое, такъ и нравственное, разумѣя подъ послѣднимъ развитіе характера. Дѣвочки, подобно мальчикамъ, проходятъ черезъ такую стадію развитія, когда ихъ потребность въ физической дѣятельности съ трудомъ поддается контролю. Онѣ тогда не могутъ долго оставаться безъ движенія или говорить тихо; имъ неудержимо хочется сильныхъ, быстрыхъ движеній. Тѣхъ дѣвочекъ, которыя особенно рѣзко проявляютъ такія стремленія, называютъ „мальчишками“. Однако подобныя стремленія обнаруживаютъ въ извѣстной мѣрѣ всѣ здоровыя дѣти, да это такъ и должно быть. Говорить дѣвочкамъ въ это время, что всякія рѣзкія и сильныя движенія „неприличны для барышенъ“,—по меньшей мѣрѣ, не разумно. Не слѣдуетъ однако ударяться и въ другую крайность и вмѣсто режима постоянныхъ стѣсненій предоставлять дѣвочкамъ полный просторъ и волю, смотря сквозь пальцы на ихъ взаимные толчки, драку, разныя другія грубыя выходки и слова. Однимъ словомъ, мы желаемъ лишь сблизить мужское и женское воспитаніе; мы хотимъ сдѣлать болѣе мужественнымъ воспитаніе дѣвочекъ и болѣе мягкимъ воспитаніе мальчиковъ“.

Останавливая на этомъ свои цитаты изъ статьи Бэдли, въ которыхъ высказываются идеалы Бедэльской школы, мы переходимъ

прямо къ заключительнымъ строкамъ той-же статьи, гдѣ даются нѣкоторыя дальнѣйшія подробности, характеризующія режимъ этой школы.

„Изъ того, что было сказано выше, видно, что мы стараемся установить съ дѣтьми самыя простыя отношенія. У насъ установилась традиція называть мальчиковъ по фамиліи, а дѣвочекъ по имени или по имени и фамиліи; такимъ же образомъ дѣти называютъ другъ друга. Въ промежутки между уроками (на которыхъ ученики и ученицы сидятъ вмѣстѣ) дѣвочки и мальчики сообща и совершенно свободно проводятъ свое время. Только при такихъ условіяхъ—при устраненіи какихъ-либо искусственныхъ ограниченій—разсчитываемъ мы достигнуть нашей цѣли:—установленія взаимнаго пониманія между полами, установленія взаимной симпатіи, какъ результата общихъ занятій и интересовъ“.

„Мы думаемъ, что нашъ порядокъ не только не приводитъ къ развитію сантиментальности, но, напротивъ, представляетъ вѣрнѣйшій способъ борьбы съ ней. По тѣмъ же причинамъ мы не запрещаемъ дружбы между мальчиками и дѣвочками, не видя въ этомъ непремѣнно чего-либо худого. Но только эта дружба должна быть проста и открыта. Нельзя здѣсь допускать какой-либо утайки или секретовъ, да этого и не можетъ быть, если только въ школѣ существуетъ здоровое общественное мнѣніе, которое должно также относиться отрицательно къ такимъ фактамъ. Чувство юмора великая вещь въ школѣ, особенно среди дѣвочекъ, въ качествѣ противоядія противъ сантиментальности“.

Прекращая на этомъ наши выдержки изъ статьи Бэдли, мы позволимъ себѣ закончить ихъ такой фразой, принадлежащей тому же Бэдли и заключающей въ сущности основной принципъ, которымъ руководятся онъ и его сотрудники по школѣ. „Нашъ опытъ содѣйствовалъ укрѣпленію существовавшаго у насъ ранѣе убѣжденія въ томъ, что наиболѣе безопасный путь воспитанія заключается въ предоставленіи дѣтямъ разнаго пола свободнаго и естественнаго общенія во всей той мѣрѣ, въ какой только это возможно. Мы думаемъ, что всегда лучше расширять, чѣмъ ограничивать такого рода общеніе дѣтей какъ во время работы, такъ и во время отдыха“.

III.

Совмѣстное обученіе въ Кесвикской школѣ.

Въ предшествующей главѣ мы ознакомились съ опытомъ совмѣстнаго обученія въ Бедэльской школѣ. Теперь мы познако-

мимся съ такимъ же опытомъ другого закрытаго учебнаго заведенія—школы для мальчиковъ и дѣвочекъ въ Кесвикѣ. Кесвикъ представляетъ собой мѣстечко съ 4.500 жителей, находящееся въ графствѣ Кумберлэнда на границѣ Шотландіи въ такъ называемой „Lake Country“, т. е. „странѣ озеръ“, въ высшей степени живописной мѣстности, воспѣтой многими англійскими поэтами, особенно же Вордсвортомъ.

По поводу этой школы въ книгѣ г-жи Удсъ имѣются двѣ статьи, изъ которыхъ одна принадлежитъ директору школы Сесилю Гранту, другая одному изъ учителей той же школы преподавателю математики Альфреду Перксу.

Директоръ Кесвикской школы Сесиль Грантъ—духовное лицо, что вовсе не рѣдкость между англійскими педагогами. Извѣстно, что въ наиболѣе популярныхъ англійскихъ школахъ, какъ, напримѣръ, Итонъ, Харроу, Регби и т. д., и теперь еще чаще всего директорами бываютъ духовныя лица. Не безызвѣстный и русской публикѣ Куикъ (Quick), авторъ классическаго сочиненія „Essays in Educational Reformes“ (переведено на русскій языкъ подъ названіемъ „Педагогическіе реформаторы“), былъ духовнымъ лицомъ (Куикъ умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ). Кстати сказать, среди англійскаго духовенства можно найти не только замѣчательныхъ педагоговъ, но даже и крупныхъ ученыхъ, при томъ по такимъ областямъ знанія, какъ физико-математическія науки (напр., физикъ Стоксъ) или науки экономическія (проф. Ингрэмъ). Замѣчательно при этомъ, что англійскіе ученые и педагоги, принадлежащіе къ духовному званію, нерѣдко являются смѣлыми новаторами въ области школы или науки, какъ это можно видѣть, между прочимъ, на примѣрѣ школы въ Кесвикѣ.

Сесиль Грантъ,—питомецъ Оксфордскаго университета, отъ котораго онъ имѣетъ двѣ ученыхъ*) степени (по классическимъ языкамъ и по всеобщей литературѣ); онъ окончилъ курсъ въ началѣ 90-хъ годовъ, служилъ нѣсколько лѣтъ преподавателемъ въ разныхъ школахъ, а съ 1898 г. состоялъ директоромъ школы въ Кесвикѣ, гдѣ, кстати сказать, среди учащаго персонала насчитывается три женщины**).

---

*) Условія полученія ученыхъ степеней въ англійскихъ университетахъ изложены нами вкратцѣ въ цитированной книгѣ „Среднее образованіе въ Англіи“.

**) См. новое любопытное англійское изданіе „The Schoolmasters Yearbook and Directory for 1903. A reference book of secondary education in England and Wales. London. 1903.

Сесиль Грантъ энтузіастъ и знатокъ вопроса о совмѣстномъ обученіи; ему принадлежитъ, напримѣръ, статья о совмѣстномъ обученіи, помѣщенная въ одномъ изданіи, выпущенномъ англійскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Частью въ виду такого своего отношенія къ вопросу, Грантъ предоставилъ описаніе своей школы одному изъ ея преподавателей, вышеупомянутому Перксу, остановившись самъ лишь на одной сторонѣ того же вопроса.

Статья С. Гранта называется „Лѣность и совмѣстное обученіе" (Jdleness and Coeducation). Въ этой статьѣ Грантъ доказываетъ на основаніи своего опыта благотворное вліяніе совмѣстнаго обученія на успѣшность школьныхъ занятій. Онъ много говоритъ также о томъ, какъ хорошо вліяетъ совмѣстное обученіе на нравственное развитіе дѣтей, забота о которомъ, по словамъ Гранта, представляетъ чрезвычайныя трудности для англійскихъ педагоговъ, чему легко повѣрятъ, конечно, педагоги другихъ странъ, имѣющіе возможность близко наблюдать школьную жизнь въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ мужскихъ или женскихъ.

„Не слѣдуетъ забывать", говоритъ, между прочимъ, въ своей статьѣ Грантъ, „что система особыхъ школъ для мальчиковъ унаслѣдована нами отъ того времени, когда всякія школы предназначались только для мальчиковъ. Если бы наши предки находили полезнымъ, чтобы сестры усвоивали себѣ тотъ же кругъ знаній, какъ и ихъ братья, нѣтъ никакихъ основаній думать, что они стали бы посылать дѣвочекъ въ особыя школы. Напротивъ того, есть весьма много основаній для того, чтобы думать,—въ особенности относительно сѣвера (здѣсь Грантъ имѣетъ, вѣроятно, въ виду Шотландію, гдѣ принципъ совмѣстнаго обученія имѣетъ издавна сравнительно широкое распространеніе),—что всякій разъ, когда считалось нужнымъ, чтобы мальчики и дѣвочки усвоивали себѣ въ одинаковой мѣрѣ извѣстныя знанія, ихъ учили совмѣстно, собирая въ школы дѣтей разнаго пола и возраста. Однако, вообще говоря, дѣвочекъ или вовсе не посылали въ школы, или давали имъ совершенно особое воспитаніе и образованіе".

„Такъ возникъ обычай раздѣльнаго обученія мальчиковъ и дѣвочекъ. Впослѣдствіи, на этотъ обычай, который, какъ и многія другія соціальныя условности (convention), былъ результатомъ случайности, стали смотрѣть какъ на мѣру, принятую сознательно во имя интересовъ нравственности. Опытъ, однако, не только не оправдываетъ такого мнѣнія, но—по крайней мѣрѣ—побуждаетъ утверждать прямо противное, а именно—монастырскій принципъ (обособленія половъ) въ школахъ представляетъ собой величайшую опасность для нравственности".

Едва ли можно выразить свой взглядъ болѣе опредѣленно. Взглядъ этотъ, намъ кажется, тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что принадлежитъ человѣку, практически знакомому съ обычнымъ типомъ школъ и принадлежащему къ такому званію (духовному), которое отнюдь не располагаетъ къ слишкомъ радикальнымъ взглядамъ и дѣятельности.

Какъ мы уже говорили, опытъ Кесвикской школы описанъ однимъ изъ учителей этой школы — преподавателемъ математики А. Перксомъ. Статья Перкса называется „Impressions of a convert to co-education", т. е. „Впечатлѣнія человѣка, обращеннаго въ сторонника совмѣстнаго обученія". Въ самомъ дѣлѣ, какъ видно изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Перксомъ, до поступленія въ Кесвикскую школу онъ не зналъ не только того, что совмѣстное обученіе широко практикуется въ школахъ Америки, но не зналъ даже, что подобные опыты производятся и въ самой Англіи. Получивъ самъ среднее образованіе въ одной изъ знаменитыхъ англійскихъ „общественныхъ школъ" *), Перксъ считалъ порядки этихъ школъ въ общемъ очень хорошими и не думалъ, чтобы эти порядки можно было въ чемъ нибудь значительно улучшить. Этого мнѣнія Перкса не измѣнила и пятилѣтняя служба въ качествѣ учителя одной частной школы. Однако, поступивъ въ Кесвикскую школу, Перксъ скоро убѣдился, какое благотворное дѣйствіе имѣетъ введенный тамъ принципъ совмѣстнаго образованія, и сдѣлался рѣшительнымъ его сторонникомъ, какъ это мы увидимъ изъ цитированной выше его статьи, изъ которой мы позволимъ себѣ привести нѣсколько наиболѣе интересныхъ фактовъ и соображеній.

„Кесвикская школа", говоритъ А. Перксъ, „существуетъ въ настоящее время уже четыре года и имѣетъ цѣлью воспитывать совмѣстно мальчиковъ и дѣвочекъ, придерживаясь въ остальномъ, насколько возможно, порядковъ, принятыхъ въ англійскихъ „общественныхъ школахъ". Мальчики и дѣвочки учатся въ школѣ до 18 лѣтъ, но съ согласія директора могутъ оставаться въ школѣ и до болѣе поздняго времени. Школьныя зданія состоятъ изъ директорскаго дома съ примыкающимъ (adjoining) къ нему пансіономъ на 30 мальчиковъ, особаго школьнаго дома съ большимъ рекреаціоннымъ заломъ и примыкающими къ нему классными комнатами и изъ отдѣльной постройки, гдѣ помѣщается лабораторія, лекціонный-залъ (lecture theatre), гимнастическій залъ и столярная мастер-

*) Извѣстно, что въ Англіи подъ названіемъ „Public Schools" подразумѣваются знаменитыя школы—Итонъ, Регби, Хорроу, Винчестеръ и десятка два-три аналогичныхъ учебныхъ заведеній.

ская: Кромѣ того, имѣется особое зданіе, гдѣ живутъ дѣвочки подъ наблюденіемъ помощника директора и жены этого помощника, имѣющихъ квартиру въ томъ же домѣ".

Въ настоящее время въ школѣ около ста учащихся, при чемъ число мальчиковъ и дѣвочекъ почти одинаково. Составъ предметовъ преподаванія почти не отличается отъ курса обыкновенной англійской средней школы: латинскій языкъ обязателенъ, греческій и нѣмецкій необязательны; впрочемъ, англійскому языку и ботаникѣ въ Кесвикской школѣ посвящается больше времени, чѣмъ это принято въ другихъ англійскихъ школахъ того же типа. Замѣтимъ также, что для мальчиковъ обязательны занятія столярнымъ ремесломъ, а для дѣвочекъ занятія шитьемъ.

„Въ классахъ мальчики и дѣвочки", говоритъ Перксъ. „сидятъ въ перемѣшку (together side by side) при совершенно одинаковыхъ условіяхъ. Самый внимательный наблюдатель не только не нашелъ бы, что это отвлекаетъ вниманіе учениковъ отъ занятій или что-либо подобное, но, напротивъ, былъ бы пораженъ тотчасъ, какъ легко поддерживается въ классахъ дисциплина. Надо сказать притомъ, что дисциплина въ Кесвикской школѣ строгая; отъ учащихся требуется немедленное и безусловное послушаніе, каковое и оказывается всегда безпрекословно Для того, чтобы достигнуть этого, учителя не стѣсняются налагать строгія наказанія, которыя въ случаѣ необходимости повторяются. Впрочемъ, благодаря системѣ совмѣстнаго обученія, наказанія въ нашей школѣ болѣе рѣдки, чѣмъ это бываетъ обыкновенно въ школахъ, предназначенныхъ для дѣтей одного пола".

„Система наказаній, принятая въ Кесвикской школѣ, не сложна. Вообще говоря, примѣняются два рода исправительныхъ мѣръ: для мальчиковъ оставленіе безъ отпуска (detention) и физическое наказаніе; для дѣвочекъ—оставленіе безъ отпуска и временное удаленіе изъ школы. Оставленіе практикуется разъ въ недѣлю по средамъ, когда другіе учащіеся свободны послѣ полудня. Физическое наказаніе (caning) назначается за какое-нибудь грубое непослушаніе или за рядъ сравнительно маловажныхъ проступковъ, за которые при иныхъ условіяхъ было бы назначено оставленіе безъ отпуска. Если въ книгу оставленій попадаютъ слишкомъ часто дѣвочка, для исправленія ея обыкновенно бываетъ довольно выговора директора школы; если же это не дѣйствуетъ, ученицу на время удаляютъ изъ школы".

„Игры въ Кесвикской школѣ обязательны какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ, какъ для пансіонеровъ, такъ и для приходящихъ. Имъ придается большое значеніе въ качествѣ средства для воспитанія характера, почему освобожденіе отъ игръ дается въ очень

рѣдкихъ случаяхъ, и не иначе, какъ по письменному заявленію доктора. Мальчики играютъ въ крокетъ и футболъ, дѣвочки въ крокетъ и въ сравнительно новую игру—hockey (родъ крокета). Мальчики и дѣвочки играютъ на той же лужайкѣ, но въ разныхъ ея частяхъ; впрочемъ, лѣтомъ часто организуется игра въ крикетъ, въ которой участвуютъ дѣвочки и мальчики младшихъ возрастовъ; зимой устраивается часто такая же игра въ hockey. Дѣвочки увлекаются играми не меньше мальчиковъ и живо интересуются играми другъ друга. За играми мальчиковъ и дѣвочекъ ведется тщательное наблюденіе, но при этомъ стараются, чтобы оно не бросилось въ глаза и не свидѣтельствовало о какой-либо подозрительности. Хотя мальчики и дѣвочки могутъ сходиться совершенно свободно, тѣмъ не менѣе, вообще говоря, мальчики держатся отдѣльно и дѣвочки отдѣльно. Отношенія между ними самыя естественныя и простыя и не подаютъ повода ни къ какимъ затрудненіямъ, которыя склонны ожидать люди, не наблюдавшіе совмѣстнаго обученія“.

Ал. Перксъ говоритъ далѣе о красотѣ мѣстности, въ которой расположена Кесвикская школа, приписывая этой красотѣ извѣстное воспитательное и облагораживающее вліяніе на дѣтей. Начальство школы позаботилось, кромѣ того, чтобы самая школа по своему устройству была не только удобна, но и изящна. На стѣнахъ классныхъ комнатъ развѣшаны хорошія копіи картинъ извѣстныхъ художниковъ; дѣвочекъ поощряютъ къ тому, чтобы онѣ приносили въ классы живые цвѣты и возможно чаще ихъ мѣняли.

Статья Перкса, изъ которой мы привели не болѣе одной трети, заключается такимъ образомъ: „Какъ мы уже сказали, дисциплину въ Кесвикской школѣ поддерживать не трудно, что несомнѣнно объясняется сдерживающимъ вліяніемъ, которое мальчики и дѣвочки оказываютъ другъ на друга. Всякій, кто посѣтилъ бы Кесвикскую школу, былъ бы пораженъ общимъ видомъ довольства и счастія мальчиковъ и дѣвочекъ, работающихъ и играющихъ вмѣстѣ, что слѣдуетъ также приписать естественнымъ условіямъ, въ которыхъ проходитъ жизнь дѣтей въ школѣ... Учителя и учительницы обыкновенныхъ школъ убѣдились бы, что въ нашей школѣ отсутствуютъ такія дурныя явленія, какъ угрюмость, злое настроеніе, грубость, физическая нервность, причиняемыя раздѣленіемъ половъ. Счастье, которое наблюдается въ нашей совмѣстной школѣ, доказываетъ, какъ много выигрываютъ мальчики и дѣвочки, когда они учатся и воспитываются вмѣстѣ“.

„Мы лично видѣли только одно хорошее во взаимныхъ отношеніяхъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Основныя различія между дѣтьми разнаго пола составляютъ преграду для слишкомъ интимной дружбы;

тѣмъ не менѣе мальчики научаются вѣжливому и предупредительному отношенію къ дѣвочкамъ, у которыхъ сохраняется свойственная имъ мягкость и скромность... Однимъ словомъ, дурныя слѣдствія совмѣстнаго обученія существуютъ лишь въ воображеніи тѣхъ, у кого не хватаетъ развитія или смѣлости, чтобы примириться съ такимъ педагогическимъ новшествомъ. Если бы даже система совмѣстнаго обученія имѣла свои дурныя стороны, мы убѣждены все-таки, что эти дурныя стороны совмѣстнаго обученія значительно слабѣе, чѣмъ несомнѣнное зло, которое проистекаетъ отъ существованія школъ, назначенныхъ лишь для дѣтей одного пола".

П. Г. Мижуевъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Еще о русскомъ языкѣ въ японскихъ, китайскихъ и корейскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

I. Японія.

1) Русская школа для японскихъ учениковъ. Еще до открытія Токійской школы русскаго языка (съ 1895 г.) въ столицѣ Японіи въ этомъ же направленіи дѣйствовала „Русская школа для японскихъ воспитанниковъ“. Послѣдняя существовала въ „Странѣ Восходящаго Солнца“ очень давно, едва ли не съ начала XIX в., но организована была она на новый ладъ и совершенно преобразована лишь въ 1874 году, не безъ содѣйствія русскаго правительства, пребывавшимъ тогда въ Японіи многосторонне образованнымъ и знаменитымъ своими приключеніями путешественникомъ, ученымъ и публицистомъ *Л. И. Мечниковымъ*, какъ объ этомъ говорится подробно въ предисловіи къ его посмертному труду „La civilisation et grandes fleuves, avec une Préface de M. Elisé de Reclu. Paris. 1889. Русскій переводъ: „Цивилизація и великія историческія рѣки“. Графическая теорія общества. Переводъ съ франц. М. Д. Городецкаго. Спб. 1898. *)

---

*) Большой педагогическій, психологическій и общественный интересъ имѣетъ кипучій характеръ этого замѣчательно даровитаго человѣка, о которомъ вполнѣ можно сказать, что онъ не находилъ себѣ мѣста на... землѣ. Вотъ въ нѣсколькихъ строкахъ его богатое событіями curriculum vitae. Левъ Ив. Мечниковъ, изъ дворянскаго рода Мечниковыхъ-Спаѳаровыхъ, молдавскихъ выходцевъ въ Россіи при особѣ кн. Дмит. Кантемира, союзника Петра В., теперешнихъ помѣщиковъ Купянскаго у. Харьков. губ. Онъ родной братъ теперь покойнаго прокурора Харьков. Судебной Палаты И. И. Мечникова и знаменитаго русскаго біолога, теперь директора Пастеровскаго Института въ Парижѣ, Ильи Ив. Мечникова, и дядя бывшаго кратковременнаго сотрудника „Русской Школы“, моего ученика Ильи Ив. Мечникова

2) Токійскій университетъ, въ лицѣ состоящаго при немъ математическаго общества, подъ предсѣдательствомъ проф. Кикучи, въ 1893 г. тоже принималъ участіе во всемірномъ чествованіи знаменитаго русскаго геометра, исповѣдника „четвертаго измѣренія", профессора Казанскаго университета Н. И. Лобачевскаго. Это показываетъ „Книга протоколовъ" названнаго японскаго ученаго общества. (Tokyo Sugaki Butsuri gaki Kwau Keji). Книжка содержитъ въ себѣ англійскій переводъ одного изъ сочиненій Лобачевскаго, исполненный ректоромъ и профессоромъ Техасской Академіи Наукъ мистеромъ Гальстэдомъ (въ Сѣверо-Амер. Соед. Штатахъ.) *)

3) Токійская православная причетническая

(† 1900). Еще въ бытность ученикомъ харьковской второй гимназіи, Л. И. Мечниковъ, до окончанія курса, бѣжалъ оттуда на югъ защищать Севастополь, а по окончаніи курса въ гимназіи проходилъ медицину въ харьковскомъ университетѣ и въ С.-Петербургской медико-хирургической академіи. Затѣмъ онъ быстро переходитъ съ медицинскаго факультета на физико-математическій; далѣе поступаетъ въ академію художествъ и наконецъ въ институтъ восточныхъ языковъ. Едва имѣя 20 лѣтъ, отъ роду, онъ получаетъ мѣсто драгомана при русскомъ дипломатическомъ представительствѣ въ Константинополѣ (при кн. Мансуровѣ), Аѳинахъ и Іерусалимѣ. Дуэль была причиной того, что онъ оставляетъ правительственную службу, но потомъ онъ вновь служитъ „по вольному найму", прежде всего при россійскомъ обществѣ пароходства и торговли въ Одессѣ. Во время итальянской междоусобной войны изъ-за объединенія Аппенинскаго полуострова, мы видимъ Л. И. Мечникова сражающимся добровольцемъ въ рядахъ сардинско-пьемонтской арміи, въ качествѣ адъютанта Гарибальди, и при какомъ то сраженіи нашъ волонтеръ получаетъ тяжелую рану. Далѣе, мы находимъ его безъ опредѣленныхъ занятій въ Бейрутѣ, Галацѣ и Венеціи, но тѣмъ временемъ Л. И. Мечниковъ мастеритъ и печатаетъ безконечный рядъ статей о біологіи и борьбѣ за существованіе, въ обширномъ смыслѣ, въ журналѣ Г. Е. Благосвѣтлова „Дѣло", а также пишетъ біографію генералъ-фельдмаршала Гарибальди. Нуждаясь матеріально, Л. И. Мечниковъ соглашается принять предложеніе поѣхать на службу въ Японію, гдѣ въ 1874 году при поддержкѣ русскаго правительства, именно по порученію Министерства Народнаго Просвѣщенія, преобразовываетъ кореннымъ образомъ токійскую школу русскаго языка для японскихъ воспитанниковъ.

Не ужившись въ „Странѣ Восходящаго Солнца", онъ удаляется на Сандвичевы о-ва (теперь Гавайскій архипелагъ), далѣе въ С. Франциско, Нью-Іоркъ и, наконецъ, въ Парижъ. Въ послѣднемъ городѣ онъ получаетъ (при Элизе Реклю) должность секретаря и сотрудника его многотомной всеобщей географіи. Въ послѣдніе годы Л. И. Мечникова мы застаемъ въ Швейцаріи, гдѣ (въ Лозанскомъ университетѣ) онъ занималъ должность профессора статистики и сравнительной географіи вплоть до своей смерти (въ 1888 году).

*) См. объ этомъ болѣе подробно въ статьѣ П. Драганова „Каѳедры русскаго языка и его литературы въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ". *„Новое Время"*, 1902, декабря 12.

школа. При этомъ учебномъ заведенiи преподавателемъ русскаго языка и вмѣстѣ съ тѣмъ православнаго партеснаго пѣнія состоитъ г-нъ Д. Львовскій, онъ же регентъ архiерейскаго хора при каѳедральномъ соборѣ японской православной церкви въ Токiо *).

4) Токійское православное катехизаторское училище вѣдомства русской православной миссiи. Занятія по русскому языку ведетъ здѣсь православный японецъ, воспитанникъ Спб. Императорской придворной пѣвческой капеллы г-нъ Иннокентій Накачива, онъ же и регентъ хора при посольской церкви въ Токiо.

5) Хеодское (Кеодское) женское училище. Съ 24-мя ученицами, при 3-хъ учителяхъ и 2-хъ учительницахъ. Смотрителемъ школы и учителемъ русскаго языка въ ней состоитъ кандидатъ Московской духовной академiи Симеонъ Мiа.

6) Нангазакское коммерческое училище. Это правительственное учебное заведеніе съ 3-хлѣтнимъ курсомъ, и на каждомъ изъ нихъ русскій языкъ преподается по 3 часа еженедѣльно. Объ этомъ см. статью „Русскій языкъ въ Японiи" въ портъ-артурской газетѣ „Новый Край" въ № 18 за 1900 г.

7) Хамомачская частная школа русскаго языка. Учительствуетъ въ ней японецъ, хорошо знающій русскій языкъ, съ обязательною платою по одному доллару въ мѣсяцъ съ учащагося. („Новый Край", 1900 № 18).

Говоря о русскихъ писателяхъ въ японскомъ переводѣ, мы имѣли въ виду главнымъ образомъ свѣтскихъ авторовъ. **) Но представителями юной японской православной церкви сдѣлано весьма не мало и для ознакомленія съ духовною литературою нашей церкви. Въ этомъ отношенiи, какъ уже извѣстно всей Россiи, особенныя заслуги принадлежатъ преосвященному Николаю Касаткину, еще раньше на всю Японію прославившемуся безукоризненнымъ переводомъ на японскій языкъ книгъ священнаго писанія, служебника и требника. Кромѣ того, еп. Николай основалъ въ Японiи „Обще-

*) Г-нъ Д. Львовскій—родной братъ покойнаго духовнаго композитора и регента Спб. Александро-Невскаго Митрополичьяго хора гр. Львовскаго. Но онъ, какъ сообщали въ свое время южныя газеты, уже возвратился въ Россію (на родину, въ Бессарабію), по начатiи со стороны Японiи враждебныхъ дѣйствій по отношенію къ его отечеству.

**) Серію русскихъ писателей въ японскомъ переводѣ мы завершимъ указанiемъ на недавно скончавшагося *А. П. Чехова*, извѣстнаго у японцевъ главнымъ образомъ по переводамъ его повѣстей и разсказовъ нѣкоего Коiо, тоже умершаго японскаго беллетриста. Свѣдѣніе объ этомъ напечатано въ московской газетѣ „Русскій Листокъ", перепечатка въ „Новомъ Времени" въ № отъ 8 авг. за 1904.

ство переводчиковъ русскихъ религіозныхъ книгъ". При немъ штатными переводчиками состоятъ слѣдующія лица: о. Павелъ Никай (бывшій буддійскій жрецъ), о. Игнатій Мацомота, о. Акилла Кодзима, о. Павелъ Іосида и о. Матвѣй Уеда. Объ обширной, весьма оживленной и въ высокой степени полезной дѣятельности этого общества можно судить по тому, что за одинъ лишь отчетный 1903 годъ было издано множество переводовъ съ русскаго языка, и, кромѣ того, отпечатанъ рядъ оригинальныхъ трудовъ православныхъ японцевъ, и т. д.

Къ первымъ (переводнымъ) относятся:

Тріодь Цвѣтная (Пентекостарій), переводъ самого еп. Николая и нѣкогда яраго буддійскаго жреца, теперь же ревностнаго и престарѣлаго и православнаго японца, протоіерея Павла Накаи.

Бахметева, А. Разсказы изъ исторіи христіанской церкви. Часть I. Переводъ Іоанна Оваты.

Смирновъ, Е. Исторія христіанской церкви. Переводъ Игнатія Мацумоты.

Сергіевъ, Іоаннъ (Кронштадтскій). Моя жизнь во Христѣ.

Указатель Церковныхъ чтеній на весь годъ изъ Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта. Переводъ Акиллы Кодзимы.

Краткій Молитвословъ, изданіе 6-е, исправленное.

Златоустъ, Св. Іоаннъ. Бесѣды изъ его толкованія. I посланіе ап. Павла къ Коринѳянамъ. Переводъ Павла Іосида.

Контексты къ Новому Завѣту. Переводъ православной миссіи подъ редакціей Акиллы Кодзимы.

Извлеченіе изъ „Книги Правилъ". Переводъ Матвѣя Уеды.

Ко вторымъ (оригинальнымъ) принадлежатъ слѣдующіе авторы и ихъ труды:

Ямада, Павелъ. Сборникъ религіозно-философскихъ сочиненій и статей.

Его же. Краткія свѣдѣнія о книгахъ Священ. Писанія Ветхаго Завѣта.

Ямада, Василій. Религія и красота природы.

Кодзима, Акилла. Новопрославленный Святой преподобный Серафимъ Саровскій. Для раздачи въ японскихъ церквахъ въ день прославленія Святого.

Кодзима, Акилла. Преподобный отецъ нашъ Серафимъ, Саровскій Чудотворецъ.

Судзуки, Сергѣй. Краткое объясненіе Всенощнаго бдѣнія и Литургіи.

Міа, Симонъ. Кандидатъ богословскихъ наукъ и священникъ: Краткое изложеніе Православнаго вѣроученія (для раздачи японскому народу во время освященія церкви и училища при ней въ г. Кеото), 2-е изданіе.

Мидзусима, Исаія, проповѣдникъ. Святой великій пророкъ и предтеча Христовъ Іоаннъ Креститель.

Его же. Начатки Христіанскаго ученія. Иллюстрованный учебникъ для воскресныхъ школъ, книги I—VI, изданіе 2.

Мацумото, Игнатій. Разсказы о Православной вѣрѣ, 3 изданіе.

Никава, Петръ. Невидимый Богъ, 3 изданіе.

Уеда, Матвѣй. Краткое объясненіе Символа вѣры, 3 изданіе.

Въ анонимномъ переводѣ явились:

„Сборникъ общепринятыхъ проповѣдей, сказанныхъ съ церковной каѳедры японскимъ священникамъ и церковнослужащимъ“.

Обиходъ одноголоснаго и четырехголоснаго пѣнія службы первой недѣли Великаго Поста и Страстныя Седмицы. 5 книгъ.

Протоколы Засѣданій Собора Японской Православной Церкви въ Токіо 2—4 Іюля 1903 г.

Въ составъ „Общества переводчиковъ русскихъ религіозныхъ книгъ“ входитъ 9 лицъ и между ними трое редакторовъ періодическихъ изданій миссіи—двухнедѣльнаго „Православнаго Вѣстника“ (Сейкео Симпо), съ офиціальнымъ отдѣломъ миссіи, „Скромность“ (по-японски „Уранисики“), издаваемой при миссіонерскомъ женскомъ училищѣ, преимущественно для женскаго чтенія, и ежемѣсячной „Православной Бесѣды“ (Сейкео-Еова), въ которой преимущественно помѣщаются проповѣди, произносимыя при богослуженіяхъ и церковныхъ собраніяхъ служителей церкви, а также переводныя статьи богословскаго характера.

Наконецъ, немало японцевъ (конечно, православныхъ) сотрудничало и до сихъ поръ сотрудничаетъ въ настоящее время въ разныхъ русскихъ періодическихъ изданіяхъ—въ газетахъ и даже въ спеціальныхъ журналахъ. Таковы: Иванъ Кавамото, авторъ замѣчательнаго сборника статей, подъ заглавіемъ: „Сила православія въ Японіи“ (Въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ за 1893; Сергѣй Сеодзи, воспріемный сынъ знаменитаго русскаго педагогическаго дѣятеля, профессора С. Рачинскаго, имя котораго онъ и носитъ (сотрудничаетъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и „Московскихъ Вѣдомостяхъ“); Саратори и Такаки—сотрудники (собесѣдники) „Руси“; Даніилъ Павловичъ Кониси, кандидатъ историко-филологическаго факультета Импе-

раторскаго Московскаго Университета и членъ-сотрудникъ Московскаго Психологическаго Общества. Само собою разумѣется, главными сотрудниками въ этомъ отношеніи являются: профессоръ японскаго языка въ факультетѣ восточныхъ языковъ СПБ. Университета г. Іосифъ Куроно и профессоръ японскаго языка и его литературы Института Восточныхъ языковъ во Владивостокѣ г. Мадема.

Литература и публицистика, вызванныя переживаемою великою войною, выяснила, между прочимъ, изученіе въ достаточной степени Японіею и японцами Россіи, русскихъ, русской публицистики, русскаго языка, русской жизни и всего русскаго во всѣхъ отношеніяхъ и на всѣхъ поприщахъ общественной и государственной жизни. Въ дипломатическомъ корпусѣ Японіи славою отличнаго знатока русскаго языка пользовался особенно г. Нисси, бывшій 15 лѣтъ тому назадъ японскимъ посланникомъ въ С.-Петербургѣ. Весьма интересныя свѣдѣнія объ этомъ „симпатичномъ“ японскомъ государственномъ дѣятелѣ, „говорящемъ по-русски, какъ будто онъ природный русскій“, можно найти въ газетѣ „Свѣтъ“ въ № 171 за 1887 годъ

II. Китай.

Преподаваніе русскаго языка въ Китаѣ въ новѣйшее время основано на постановленіи палаты церемоній въ Пекинѣ, въ силу которой въ 1897 году, во время экзаменовъ на ученую степень магистра (цзюй-жэнь), изъ каждыхъ 30 кандидатовъ одному выдавался дипломъ за удовлетворительныя свѣдѣнія въ русскомъ или англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Это лишь одна изъ мѣръ китайскаго правительства, имѣющая цѣлью распространеніе европейскихъ знаній среди китайскихъ ученыхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ кандидаты должны обнаружить основательныя познанія въ китайскомъ языкѣ и литературѣ.

А) Собственно Китай.

1) Тянь-цзинская русско-китайская школа и при ней горное училище. До самаго послѣдняго времени вплоть до взятія японцами Нью-Чжана (Инкоу) учителемъ русскаго языка состоялъ здѣсь генеральный консулъ В. Ѳ. Гроссе, обнаружившій при организаціи этого дѣла недюжинныя педагогическія способности.

Б) Манджурія.

2) Харбинская русско-китайская школа (съ 1902 года). Находится она при Бюро дипломатическихъ сношеній

въ Харбинѣ. Возникла по инициативѣ *А. П. Хитрово*, супруги штабсъ-офицера для порученій при генералъ-губернаторѣ Амурскаго края. Эта школа является могучимъ рычагомъ для упорядоченія добрососѣдскихъ отношеній съ китайцами, и въ этомъ отношеніи значеніе ея громадно. Обучающіеся въ ней китайчата оказываютъ поразительные успѣхи въ русскомъ языкѣ. Переводчикомъ при обученіи начинающихъ является молодой китаецъ Тандинъ, по прозванію Чарльзъ. Менѣе двухъ лѣтъ существуетъ это училище, и, несмотря на это, оно уже успѣло научить русскому языку около сотни молодыхъ китайцевъ.

О русской школѣ въ Харбинѣ см. статью военнаго корреспондента И. К. Шаховскаго („Петербургскій Листокъ", 1904 №№ 17 и 88). О ней же замѣтка въ „Русской Школѣ", 1904 № 4 стран. 91. Срав. статью: „Русскій языкъ въ Шанхай-Гуанѣ и его распространитель французскій капитанъ Плеи". („Новое Время", 25 февраля 1904 г., перепечатка изъ „Развѣдчика").

3) Цицикарская русско-китайская городская школа (съ 1902 г.). Курсъ въ ней пятилѣтній, съ программой нашихъ министерскихъ двухклассныхъ училищъ. Однако съ программой русскою,—обученіемъ русскому языку съ другими принятыми въ подобныхъ русскихъ школахъ науками,—въ этомъ учебномъ заведеніи не исключена и китайская литература, которая преподается тамъ особымъ штатнымъ учителемъ и безъ которой трудно было бы, по выраженію очевидца, „уважить" китайцевъ. На испытаніяхъ послѣдняго года, какъ свидѣтельствуетъ нашъ этнографъ и оріенталистъ г-нъ К. Носиловъ, мальчики китайскіе, пробывшіе два года въ этомъ учебномъ заведеніи, обнаружили свободное знаніе разговорнаго русскаго языка, свободно читали русскія книги, переводили удивленнымъ китайцамъ ихъ содержаніе на свой родной языкъ, прекрасно разрѣшали несложныя задачи по ариѳметикѣ и обнаружили такую массу знаній,—несмотря на то, что они, поступая на службу въ Цицикарѣ не знали ни слова по-русски— что китайскія власти, присутствовавшія на публичномъ актѣ этого учебнаго заведенія, пришли въ удивленіе отъ этого и приказали наградить успѣшныхъ учениковъ второго и перваго класса, всего 10 человѣкъ изъ 37 учащихся, щедрою наградою, выдавъ по 3 и по 2 серебр. ланы каждому учащемуся... Премія, говоритъ очевидецъ, едва ли гдѣ такъ щедро вознаграждающая успѣшность учениковъ въ Россіи. Кромѣ того, мѣстнымъ цзинь-цзюнемъ (губернаторомъ) было приказано перевести эту школу въ другое, болѣе помѣстительное помѣщеніе, такъ какъ первое было буквально переполнено желающими учиться по-русски.

Что намъ дастъ такая школа въ Китаѣ нечего и говорить; но тутъ важно то обстоятельство, что китайцы сами пошли на встрѣчу этой школѣ русскаго языка и русскихъ наукъ, съ одной стороны давно убѣдившись, что ихъ школы не даютъ такого практическаго результата, какъ наши, а съ другой стороны—наши школы не отличаются такою схоластикою, какъ китайскія-національныя. Уже по одному тому, что ученики этой школы—въ большинствѣ случаевъ дѣти мѣстнаго чиновничества и купечества, ясно, чего китайцы ожидаютъ отъ этой русской школы, именно: знающихъ русскій языкъ чиновниковъ и купцовъ, которые руководили бы остальною массою китайцевъ. *)

4) Гиринская русско-китайская школа (съ 1902 г.).

В) Квантунскій полуостровъ.

3) Портъ-Артурская русская школа имени А. С. Пушкина. Объ этомъ учебномъ заведеніи имѣются статьи—до времени осады знаменитой крѣпости—полковника Тыртова: „Освященіе Пушкинской школы въ Портъ-Артурѣ“ въ газетѣ „Новый Край“, 1899 № 63, а за время осады твердыни—иллюстрація школы въ „Новомъ Времени“ въ № 10210 отъ 4 августа 1904 г.

III. Корея.

1) Сеульская русская школа при корейской православной миссіи (въ Сеулѣ). Учителемъ русскаго языка состоитъ природный кореецъ, воспитанникъ казанской духовной академіи, теперь членъ миссіи, г-нъ Лянъ. См. статью „Отношенія корейцевъ къ японцамъ и русскимъ“ въ вечернемъ изданіи „Биржевыхъ Вѣдомостей“ въ № отъ 2 іюня за 1904 г.

П. Драгановъ.

---

*) См. статью К. Носилова: „Русско-Китайская Школа въ Цицикарѣ“. Новое Время, 16 авг. 1904 г.).

Первый ректоръ Кіевскаго университета М. А. Максимовичъ.

(По поводу столѣтія со дня рожденія 3-го сентября 1804 г.).

До основанія университета Св. Владиміра въ Кіевѣ образованіе въ юго-западномъ краѣ находилось въ самомъ жалкомъ положеніи. Правда, до польскаго возстанія 1830—1831 гг. въ краѣ процвѣтали польскія школы, устроителемъ которыхъ въ началѣ XIX в. былъ преимущественно Ѳад. Чацкій. Главнымъ созданіемъ его была образцовая Кременецкая гимназія, которая, по мысли Чацкаго, долженствовала замѣнить высшее учебное заведеніе для губерній Волынской, Кіевской и Подольской (1805 г.). Позже по образцу ея открыты гимназіи въ Кіевѣ (1812 г.) и въ Винницѣ (Подольск. г.). Эти учебныя заведенія закрыты были (кромѣ Кіевскаго) послѣ польскаго возстанія. Сверхъ того было закрыто въ краѣ 245 школъ — повѣтовыхъ училищъ и приходскихъ, содержавшихся монахами. Къ 1833 г. здѣсь осталось всего 19 учебныхъ заведеній: гимназія—въ Кіевѣ, 4 уѣздныхъ училища (3 — въ Кіевской, 1 — въ Волынской г.), 14 приходскихъ (10 — въ Кіевской, по 2 — въ Волынской и Подольской г.) Тогда всѣ эти школы еще только подлежали рѣшительному преобразованію по уставу 1828 г. Ни одно изъ нихъ не имѣло ни полнаго состава учителей, ни опредѣленной системы управленія и обученія; рѣдкое имѣло прочную осѣдлость, ожидая перевода изъ одного мѣста въ другое. Учениковъ было мало: старые разошлись подъ вліяніемъ паническаго страха; новые приходили, но нерѣшительно и боязливо оглядывались назадъ, какъ выражается историкъ университета Св. Владиміра. Не лучшее положеніе занимала и близкая къ Кіеву „гимназія высшихъ наукъ“ кн. Безбородка въ Нѣжинѣ, открытая 1820 г. Мы знаемъ о ней хотя бы по отзывамъ ученика ея—Н. В. Гоголя, который опредѣленно говорилъ въ письмахъ къ матери: „Нужно удивляться, что я въ этомъ заведеніи могъ столько узнать еще. Кромѣ неискусныхъ преподавателей наукъ, кромѣ великаго нерадѣнія и пр., здѣсь языкамъ совершенно не

учатъ. Доказательствомъ сему служатъ тѣ, которые, пріѣхавши сюда съ нѣкоторыми познаніями въ языкахъ, выѣзжали, позабывъ послѣднія. Если я что знаю, то этимъ обязанъ единственно самому себѣ". (Зап. о жизни Гоголя, т. I, стр. 53). Другой воспитанникъ нѣжинской высшей гимназіи, профес. Рѣдкинъ, добавляетъ: „Можно вообразить, какое великолѣпное юридическое образованіе могли вынести слушатели изъ лекцій, напримѣръ, профессора Бѣлевича, который опредѣлялъ различіе между воровствомъ-кражею и воровствомъ-грабежемъ, подражая лаю собаки, которая издыхаетъ отъ отравы, брошенной тихо крадущимся ночнымъ воромъ, и стономъ людей, грабимыхъ ночнымъ воромъ и громкимъ крикомъ среди бѣла дня". Какъ бы то ни было, но 14 дек. 1832 г. былъ учрежденъ особый Кіевскій учебный округъ (Черниг., Кіевск., Волынск. и Подольск. губ.) и ввѣренъ управленію д. с. с. Ег. Ѳед. фонъ-Брадке. Учрежденіе округа почти совпало со вступленіемъ въ управленіе Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія С. С. Уварова. Извѣстные принципы министерской программы были высказаны весьма ясно въ словахъ оповѣщенія попечителей о вступленіи Уварова въ отправленіе своихъ обязанностей: общая наша обязанность, говорилъ онъ состоитъ въ томъ, чтобы народное образованіе, согласно съ высочайшимъ намѣреніемъ августѣйшаго монарха, совершалось въ соединенномъ духѣ православія, самодержавія и народности. Какъ проводились въ юго-западномъ краѣ понятія объ этомъ тройственномъ началѣ, можно видѣть изъ дѣлъ объ открытіи гимназій въ 1832 и 1833 гг. Тамъ встрѣчается, напримѣръ, такой случай, что начальникъ учебнаго заведенія требуетъ отъ католическаго священника, чтобы онъ читалъ ученикамъ священную исторію не по избранной имъ книгѣ „Historya starego i nowego Testamentu", но по изданной Св. Синодомъ „Краткой священной исторіи" для православныхъ. Или же бывало и такъ, что самъ директоръ заведенія въ торжественной публичной рѣчи, желая сказать нѣчто лестное городничему и другимъ мѣстнымъ властямъ, называлъ ихъ „отблескомъ Божества" и т. п. (В. Шульгинъ „Исторія университета Св. Владимира, стр. 35—36) Брадке былъ, однако, человѣкъ энергичный и въ теченіе одного 1833 г. открылъ гимназіи въ Луцкѣ, Житомірѣ, Каменецъ-Подольскѣ и Винницѣ, 6 уѣздныхъ и 26 приходскихъ училищъ. Недоставало только высшаго учебнаго заведенія въ краѣ. Еще съ 1832 г. начались хлопоты Харьковскаго попечителя Филатьева о переводѣ закрытаго тогда Кременецкаго лицея въ Кіевъ. Въ то же время Кіевскій генералъ-губернаторъ гр. Левашовъ хлопоталъ объ учрежденіи въ Кіевѣ „Института правовѣдѣнія". Хлопоты эти и объ устройствѣ чего-то въ родѣ прежнихъ гимназій

высшихъ наукъ, и объ учрежденіи чисто спеціальнаго учебнаго заведенія въ родѣ юридическаго факультета закончились согласіемъ Николая I на учрежденіе въ Кіевѣ университета съ присвоеніемъ ему имени—Св. Владимира. Императоръ написалъ на докладѣ: „совершенно согласенъ, но съ тѣмъ, чтобы были только два факультета—философскій и юридическій; медицинскій имѣть въ виду; богословскаго же не имѣть: ибо для сего есть академія“. Открытіе университета было назначено на 15 іюля 1834 г. Ректоромъ новаго высшаго учебнаго заведенія былъ назначенъ, по избранію Уварова, профессоръ ботаники московскаго университета Михаилъ Александровичъ Максимовичъ, столѣтіе со дня рожденія котораго минуло 3-го сентября сего года. Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ первомъ ректорѣ Кіевскаго университета, мы считаемъ нужнымъ остановиться на описаніи торжества открытія его: многое и въ дальнѣйшей, полной злоключеній судьбѣ этого высшаго разсадника наукъ, и въ судьбѣ Максимовича станетъ понятнымъ, если мы выяснимъ себѣ, чего ждало съ одной стороны правительство, съ другой общество, наконецъ, представители науки отъ университета.

Еще за нѣсколько дней до открытія въ Кіевъ начало съѣзжаться дворянство западныхъ губерній; среди нихъ попадались изрѣдка и лѣвобережные помѣщики. Особое сочувствіе и энтузіазмъ были замѣтны именно среди польскаго многочисленнаго дворянства. Небольшая актовая зала не могла вмѣстить всѣхъ желавшихъ попасть на торжество. Здѣсь-то попечитель Брадке въ назиданіе собравшимся указалъ на то, что главною цѣлью учрежденія университета должно быть „сближеніе жителей западныхъ губерній съ русскими нравами и обычаями, уменьшеніе религіознаго фанатизма въ отношеніи къ частному ихъ вѣроисповѣданію, содѣланіе имъ любезнымъ общаго отечества... въ семъ отношеніи, говорилъ онъ, хорошо разсчитаны дѣйствія *миссіонеровъ*, которые полагаютъ, что половина пути ими совершена, если послѣ долгихъ неудачъ они получаютъ вліяніе на воспитаніе юношества обитаемаго ими края“. Понятно было, что здѣсь шла рѣчь о миссіонерскомъ значеніи кіевскаго университета въ смыслѣ знаменитой уваровской формулы—православіе, самодержавіе и „офиціальная“ народность. Кромѣ того, попечитель въ своей рѣчи устанавливалъ связь образованія въ юго-западномъ краѣ съ окончаніемъ свода законовъ, указалъ, что право, преподаваемое здѣсь, будетъ положительнымъ и, не безъ ядовитаго намека, выразилъ надежду, что именно эта положительность законовѣдѣнія изгонитъ въ западномъ краѣ безконечныя тяжбы, разорившія столь многія семейства. Въ дальнѣйшихъ словахъ Брадке была высказана мысль о необходимости, чтобы изъ университетскихъ слушателей

выходили благовоспитанные, энциклопедически-образованные и вполнѣ преданные русскому правительству молодые люди, которые могли бы, въ случаѣ нужды, передать свои свѣдѣнія ученикамъ гимназій. Собравшееся общество, почти исключительно польское, выразило попечителю свою искреннѣйшую благодарность (Черниговцы и Полтавцы не являлись благодарить) и устроило ему шумную овацію: очевидно, общество это совсѣмъ въ иномъ смыслѣ, чѣмъ правительство, понимало значеніе учрежденія университета въ западномъ краѣ.

Въ противоположность практической точкѣ зрѣнія, высказанной въ заключительныхъ словахъ Брадке, выступилъ въ своей рѣчи проф. Цыхъ съ разъясненіемъ общаго значенія университета для страны, помимо его мѣстнаго значенія. Онъ твердо и ясно отвергъ утилитарное значеніе науки, что тогда вообще было мыслью новою въ виду направленія русскаго образованія, даннаго Петромъ Великимъ. Цыхъ назвалъ утилитарное воззрѣніе на науку „неприличнымъ человѣку, истинно образованному, неприличнымъ гражданину, коего сердцу дорого благо его отечества“; „важность образованія“, по его мысли, „должна быть измѣряема важностью слѣдствій его для блага общественнаго“ (М. Владимірскій - Будановъ „Ист. университета св. Владиміра“, т. I, стр. 89). Но и защитникъ чистой науки не могъ воздержаться отъ изображенія перспективы тѣхъ выгодныхъ результатовъ, которые должны были явиться косвеннымъ слѣдствіемъ устройства въ Кіевѣ высшаго учебнаго заведенія. Университетъ, говорилъ онъ, дастъ совершенно другой видъ городу. Бѣдныя лачужки, тѣснящіяся одна подлѣ другой въ отдаленныхъ частяхъ города, обратятся въ огромныя, красивыя зданія; на обширныхъ пустыряхъ, отдѣляющихъ одну часть города отъ другой, представляющихъ столько неудобства для жителей его, возникнутъ прекрасныя строенія или красивыя гульбища... Теперь эта часть пророчества профессора сбылась почти во всѣхъ подробностяхъ. Открытіе университета св. Владиміра было, дѣйствительно, эпохою и въ исторіи города Кіева. Въ тѣ былые дни это былъ бѣдный провинціальный городокъ, правильнѣе, — рядъ близъ стоящихъ городковъ, или одни предмѣстья безъ города, какъ выразилась Екатерина II. Тамъ, гдѣ нынѣ университетъ, нѣсколько гимназій, соборъ Св. Владиміра, множество улицъ съ богатѣйшими домами, Ботаническій и Николаевскій сады и т. п., тамъ въ дикихъ ярахъ росъ густой кустарникъ, гдѣ охотились на бекасовъ. Глухая и грязная долина (нынѣ Крещатикъ—главная улица Кіева) отдѣляла старый Кіевъ отъ Липокъ, представлявшихъ рядъ дачъ, тонувшихъ въ зелени. Совсѣмъ отдѣльно, вокругъ Лавры располагалась тогда лучшая часть города—Печерскъ, и не даромъ: Кіевъ жилъ только богомольцами, только

всероссійскимъ значеніемъ Лавры. Нѣкоторыя крупицы перепадали и за ограду Лавры свѣтскимъ обывателямъ. Университетъ создалъ новую большую часть города — новое строеніе; онъ подѣйствовалъ на возвышеніе благоденствія всего города: во-первыхъ, притекла масса новыхъ лицъ—преподавателей, чиновниковъ, студентовъ; во-вторыхъ, сюда начали переселяться тѣ семейства, которыя хотѣли воспитывать дѣтей, не отдѣляясь отъ нихъ; сюда же временно ѣхали со всего края, какъ въ центръ учебнаго управленія (Ibid. стр. 91).

Итакъ, ректоромъ новаго высшаго учебнаго заведенія, учрежденнаго въ Кіевѣ, назначенъ былъ М. А. Максимовичъ, прибывшій ко дню торжественнаго открытія 15 іюля 1834 г. Родомъ онъ былъ изъ Полтавск. губ., родился на хуторѣ Тимковщинѣ близъ гор. Золотоноши. Предокъ его былъ житель Кіева, о которомъ извѣстно, что онъ обновилъ трапезную церковь въ Печерской Лаврѣ 1694 г. Сынъ его Іоаннъ Максимовичъ былъ Тобольскимъ митрополитомъ. По матери нашъ Максимовичъ происходилъ изъ рода Тимковскихъ, давшихъ русской наукѣ и литературѣ нѣсколько выдающихся дѣятелей. Съ шести лѣтъ онъ началъ учиться грамотѣ въ Золотоношскомъ Благовѣщенскомъ женскомъ монастырѣ, потомъ у своего дяди Ив. Ѳед. Тимковскаго; съ 1812 по 1819 гг. былъ въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, окончивъ которую, поступилъ въ Московскій университетъ. Другой дядя его, Романъ Ѳед. Тимковскій, профессоръ греческой и римской словесности въ Москвѣ, записалъ племянника въ студенты словеснаго отдѣленія, но сердце его лежало болѣе къ занятіямъ ботаникой. 1821 г. Максимовичъ перебрался на физико-математическій факультетъ, который и окончилъ 1823 г. Къ этому времени имъ было написано нѣсколько работъ по естествовѣдѣнію; двѣ изъ нихъ были напечатаны въ „Новомъ Магазинѣ“—1821: „Къ чему служатъ листья на растеніяхъ“ и 1823 „О системѣ растительнаго царства“. Лѣтомъ 1824 и 1825 онъ былъ командированъ университетомъ для обзора Московской губерніи и описанія ея естественныхъ произведеній вообще и растеній въ частности. Во время своихъ путешествій Максимовичъ собралъ много растеній и минераловъ, предоставленныхъ имъ московскому университету. Въ началѣ 1826 онъ одновременно занялъ должности преподавателя естественной исторіи въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ и завѣдующаго ботаническимъ садомъ и гербаріемъ. Въ 1827 г. Максимовичъ достигъ магистерскаго званія и, начавъ читать лекціи по ботаникѣ въ московскомъ университетѣ, въ 1829 г. сталъ адъюнктомъ, въ 1833 профессоромъ. Таковы сухія біографическія данныя о неутомимомъ молодомъ естествоиспытателѣ. Но, ревностно занимаясь своимъ предметомъ и близкими къ нему науками, Максимовичъ находилъ также

время для занятій исторіею, языковѣдѣніемъ и особенно литературою. Еще будучи студентомъ, онъ познакомился съ Н. А. Полевымъ; знакомство скоро перешло въ дружбу, и когда Полевой сталъ издавать „Московскій Телеграфъ“, Максимовичъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ этого журнала. Черезъ Полевого онъ познакомился и съ другими литераторами — М. Погодинымъ, И. Кирѣевскимъ, Одоевскимъ, Веневитиновымъ, Шевыревымъ, Хомяковымъ и др.,—и, такимъ образомъ, вошелъ въ московскій литературный кружокъ конца 20-хъ и начала 30-хъ гг. Позже молодой профессоръ сотрудничалъ въ „Телескопѣ“ Н. И. Надеждина, и самъ издалъ три альманаха „Денницы“ 1830, 1831 и 1834 гг. Имъ же была написана и въ 1833 г. вышла въ свѣтъ „Книга Наума о великомъ Божьемъ мірѣ“—популярная географія и космографія для народа — первый опытъ подобной литературы, встрѣченный съ большимъ одобреніемъ. Но еще важнѣе было изданіе Максимовичемъ сборниковъ малорусскихъ пѣсенъ. Первый сборникъ появился въ 1827 г., второй въ 1834 (третій—1849) подъ заглавіемъ „Украинскія народныя пѣсни“. Сборники эти знакомили съ новой до того невѣдомой малорусской бытовой и обрядовой лирикой (первый), украинскими думами и козацкими пѣснями былевыми и бытовыми (второй сборникъ). Они были встрѣчены въ литературѣ съ большимъ сочувствіемъ и послужили однимъ изъ главныхъ основаній для извѣстности Максимовича. Всего больше радовалъ его отзывъ Пушкина, который говорилъ, что для „Полтавы“ *обобралъ* первый сборникъ пѣсенъ; онъ же вызвалъ дружескія связи съ Гоголемъ. Познакомились они въ Петербургѣ, а особенно сблизились въ 1832 г. при свиданіи въ Москвѣ. Гоголь въ это время былъ увлеченъ исторіей и этнографіей Малороссіи,—это и были тѣ точки соприкосновенія между поэтомъ и ученымъ, при томъ—земляками, которыя повели къ установленію тѣсной дружбы и дѣятельной переписки. Гоголь писалъ Максимовичу передъ изданіемъ втораго сборника пѣсенъ: „Какъ бы я желалъ теперь быть съ вами и пересмотрѣть ихъ (пѣсни) вмѣстѣ при трепетной свѣчѣ, между стѣнами, убитыми книгами и книжною пылью, съ жадностью жида, считающаго червонцы! Моя радость, жизнь моя, пѣсни! Какъ я васъ люблю! Что всѣ черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь, передъ этими звонкими, живыми лѣтописями. Я самъ теперь получилъ много новыхъ, и какія есть между ними! Прелесть! Я вамъ ихъ спишу... Не такъ скоро, потому что ихъ очень много. Да, я васъ прошу, сдѣлайте милость, дайте списать всѣ находящіяся у васъ пѣсни, выключая печатныхъ и сообщенныхъ вамъ мною. Сдѣлайте милость и пришлите этотъ экземпляръ мнѣ. Я не имѣю терпѣнія дождаться печатнаго... Вы не

можете представить, какъ мнѣ помогаютъ въ исторіи пѣсни... Я вамъ за то пришлю находящіяся у меня, которыхъ будетъ до двухсотъ, и что замѣчательно, что многія изъ нихъ похожи совершенно на антики, на которыхъ лежитъ печать древности, но которые совершенно не были въ обращеніи и лежали зарытые". (Соч. и письма Гоголя, стр. 203). Въ концѣ 1833 г. у Гоголя зародилась мысль о томъ, чтобы занять каѳедру исторіи во вновь учреждаемомъ кіевскомъ университетѣ. Ему страстно хотѣлось перебраться въ древній прекрасный Кіевъ; ему казалось, что тамъ можно обновиться всѣми силами и много тамъ можно надѣлать добра. О своихъ правахъ на эту каѳедру Гоголь имѣлъ опредѣленное мнѣніе,—онъ находилъ эти права въ своихъ работахъ и стараніяхъ, но главное въ томъ, что онъ истинно просвѣщенный человѣкъ, человѣкъ честный и добрый—такъ, по крайней мѣрѣ, онъ аттестуетъ себя въ письмѣ къ Максимовичу, который, кажется, и подалъ ему первую мысль о кіевской профессурѣ, куда и онъ самъ стремился. Гоголь набрасываетъ мысли и планъ преподаванія, хлопочетъ черезъ Пушкина у Уварова, черезъ Максимовича у кіевскаго попечителя, получаетъ кое-какія обѣщанія и мечтаетъ о работѣ въ Малороссіи. „Какъ закипятъ труды мои въ Кіевѣ—лѣнь къ чорту! Чтобы и духъ ея не пахъ. Да превратится онъ въ русскія Аѳины, богоспасаемый нашъ городъ". Но въ будущія Аѳины Гоголь не попалъ; онъ отказывался отъ предлагаемому каѳедры русской исторіи, и претендовалъ на всеобщую исторію, пока не явился конкуррентъ поэту въ лицѣ адъюнкта харьковскаго университета В. Х. Цыха; онъ и занялъ кіевскую каѳедру, а Гоголь остался въ Петербургѣ.

Максимовичъ къ осени 1834 г. окончательно поселился въ Кіевѣ и занялся своимъ нелегкимъ дѣломъ по профессурѣ и по исполненію обязанностей ректора. И тѣ, и другія занятія оказались весьма разнообразными, многочисленными и сложными. Какъ ректоръ, онъ долженъ былъ нести въ то время на себѣ большую часть хлопотъ по устройству учебной и хозяйственной части университета и по надзору за учебными заведеніями кіевскаго учебнаго округа, три раза въ недѣлю собирать университетскій совѣтъ, а три раза засѣданія Правленія. На случай отсутствія въ городѣ попечителя его долженъ былъ замѣнять ректоръ. Дѣла было до чрезвычайности много, и нужно было начинать все снова и преодолѣвать постоянныя препятствія. Дѣятельнѣйшимъ руководителемъ молодого ректора былъ попечитель Брадке, который и по энергичной натурѣ своей, и по положенію тогдашней попечительской службы сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ не только наблюденіе за университетской жизнью, но и дѣйствительное официальное управленіе имъ. Брадке и

къ наукѣ, и къ профессорамъ относился съ достаточнымъ уваженіемъ, но надо сказать, что, будучи приверженцемъ строгихъ дисциплинарныхъ мѣръ, онъ примѣнялъ ихъ не только къ студентамъ, но и къ преподавателямъ. Самъ съ утра до вечера посѣщая учебныя занятія, попечитель требовалъ отъ профессоровъ неукоснительнаго посѣщенія лекцій и извинялъ скорѣе плохое преподаваніе, чѣмъ неаккуратность въ преподавателѣ. Въ аудиторіяхъ, напримѣръ, заведены имъ были классные журналы, въ которые каждый лекторъ долженъ былъ записывать, о чемъ читалъ лекцію. Какъ профессоръ, Максимовичъ выдвинулся въ Кіевѣ сразу своей вступительной рѣчью „О значеніи и происхожденіи слова". По ней можно судить о томъ неотразимомъ вліяніи, какое производили его слова въ аудиторіи. Біографъ профессора говоритъ, что не часто удается и въ послѣдующей русской литературѣ встрѣтиться съ такими образцами истинно русскаго краснорѣчія, сущность котораго заключается не въ красотѣ фразы, а въ образахъ, живыхъ и не вымученныхъ, соединенныхъ при томъ съ серьезною и подчасъ глубокою мыслью. И теперь читатель испытываетъ на себѣ увлекающее вліяніе такихъ спокойно-поэтическихъ и созерцательныхъ мѣстъ, каково, напримѣръ, то мѣсто этой лекціи, гдѣ ораторъ говоритъ о способности природы выражаться пластическими и живописными образами. Одинъ изъ слушателей Максимовича сообщаетъ о немъ вообще, какъ о преподавателѣ, одаренномъ живою одушевленною рѣчью, которою онъ увлекалъ университетскую молодежь. При этомъ слѣдуетъ сказать, что старый слушатель переноситъ позднѣйшую научную точку зрѣнія на болѣе отдаленное время, когда говоритъ,—однако „положительныхъ знаній изъ лекцій его выносили студенты мало". Ученые труды и печатныя лекціи профессора свидѣтельствуютъ объ этомъ совсѣмъ другое, и въ одномъ обольстительномъ краснорѣчіи его упрекать не приходится. По научному составу своему каѳедра Максимовича была чрезвычайно обширна: до назначенія ему адъюнктовъ, людей при томъ весьма неталантливыхъ, онъ долженъ былъ читать и филологію русскую и славянскую, и теорію словесности, и исторію литературы. Ни одна изъ этихъ наукъ въ то время не только не достигала совершенства, но можно сказать—не была начата. Первое научное основаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ значительной степени положено въ русской литературѣ именно нашимъ ученымъ. Ему же принадлежитъ первому честь научнаго открытія народной русской словесности; мы уже упоминали выше, что лично онъ былъ однимъ изъ самыхъ первыхъ собирателей и издателей малорусскихъ народныхъ пѣсенъ; по его же инициіативѣ направилъ въ эту сторону свою дѣятельность лучшій

собиратель великорусскихъ пѣсенъ П. В. Кирѣевскій. Старый слушатель говоритъ, что всѣмъ были памятны лекціи Максимовича о народной поэзіи и близкомъ ей „Словѣ о полку Игоревѣ", и его замѣчательные критическіе разборы авторовъ, такъ какъ онъ умѣлъ внушить слушателямъ любовь къ прекрасному и дѣйствовать на эстетическое развитіе молодыхъ людей. Въ этомъ и заключалась великая задача Максимовича, гораздо болѣе плодотворная и въ то же время необходимая, чѣмъ огромная, но сухая эрудиція. Въ области филологіи научныя работы профессора представляли также немалую цѣнность,—укажемъ, что одинъ изъ важнѣйшихъ признаковъ русской рѣчи среди другихъ славянскихъ языковъ навсегда сохранилъ имя, данное ему Максимовичемъ,—„полногласіе", что онъ же былъ однимъ изъ первыхъ, опредѣлившій признаки не только крупныхъ, но и мелкихъ дѣленій русской рѣчи — нарѣчій не только малорусскихъ, но и великорусскихъ. В. Даль признавалъ, что почти все, что Максимовичъ говоритъ о распредѣленіи нарѣчій, вѣрно; онъ владѣетъ завидною способностью схватывать по немногимъ даннымъ отличительные признаки нарѣчій и подводить ихъ подъ грамматическія правила. Изданные имъ „Начатки русской филологіи" показываютъ, сколь серьезно и научно для того времени было обставлено профессоромъ преподаваемое имъ на лекціяхъ. И эта область знанія получала особое значеніе въ кіевскомъ университетѣ. Въ аудиторіи Максимовича сталкивались двѣ враждующія славянскія націи, дошедшія до полнаго забвенія объ единствѣ своего происхожденія. Въ рукахъ преподавателя филологіи находилось наилучшее средство умственнаго воздѣйствія на умиротвореніе этой вражды путемъ науки.

Не меньшимъ уваженіемъ, чѣмъ среди слушателей, пользовался нашъ ученый и среди своихъ сослуживцевъ. Надо принять во вниманіе, что основаніе кіевскому университетскому ученому сословію положила преимущественно польская колонія профессоровъ закрытаго ранѣе Кременецкаго музея. Принесенные ими оттуда старые нравы и обычаи, какъ пишетъ историкъ университета, должны были видоизмѣняться вслѣдствіе постепенно возраставшаго прилива новыхъ людей и вслѣдствіе общественныхъ и политическихъ отношеній той новой среды, въ которой имъ приходилось жить. Дѣйствительность, волею или неволею, заставила ихъ сблизиться съ новыми сослуживцами тѣмъ болѣе, что у этихъ послѣднихъ не было особыхъ интересовъ, а, напротивъ, проявлялась полная готовность къ сближенію и живая потребность общенія. Небольшой кругъ профессоровъ собирался на общіе вечера и у нѣкоторыхъ сослуживцевъ. Разговоры шли на этихъ вечерахъ о городскихъ и универси-

тетскихъ дѣлахъ, кое когда прерывались разсказами и воспоминаніями о старинѣ, впрочемъ, не касавшимися тѣхъ серьезныхъ сторонъ былого, которыхъ всѣ, по безмолвному соглашенію, не затрагивали. Если же случалось, разсказываетъ современникъ, что разговоръ неосторожно шевелилъ не остывшее прошлое, то чаще всего профессоръ римскаго и гражданскаго права Мицкевичъ (братъ поэта) тотчасъ приглашалъ сѣсть за карточные столы. Одни садились за карты, другіе продолжали общій разговоръ, перемѣнивъ, разумѣется щекотливую тему его. Научные вопросы рѣшались на этихъ вечерахъ рѣдко; развѣ, бывало, профессоръ химіи, старикъ Зѣновичъ, начнетъ, размахивая руками, оживленный разсказъ о происхожденіи міра и людей изъ атомовъ. Глубиною и основательностью отличались разсказы и бесѣды профессора энциклопедіи права Неволина: только отъ нихъ несло школьнымъ запахомъ. Но когда нитью разговора овладѣвалъ Максимовичъ,—все умолкало и обращалось въ одинъ слухъ и вниманіе, какъ свидѣтельствуетъ тотъ же его современникъ: самая одушевленная, живая рѣчь лилась изъ устъ этого человѣка, и самый простой обыденный разсказъ получалъ въ устахъ его живой интересъ для всѣхъ. Разскажетъ ли онъ, бывало, объ извѣстномъ отвѣтѣ стараго московскаго профессора на похвалу попечителя его молодому товарищу; „поживетъ съ наше, такой же, какъ и мы, дуракъ будетъ“, разскажетъ ли о томъ, какъ онъ самъ, Максимовичъ, открывалъ поэтическіе таланты у женщинъ - писательницъ,—все равно интересовало слушателей, даже чуждыхъ тому обществу, о которомъ шла рѣчь. Разсказъ былъ всегда спокойный, и, если такъ можно выразиться, удивительно свѣтлый и простой.

Внѣ университетскаго кружка, въ городскомъ обществѣ, Максимовичъ также былъ достойнымъ представителемъ ученаго сословія и занималъ весьма видное положеніе. Какъ первый ректоръ новаго университета, какъ профессоръ, имѣвшій болѣе другихъ литературную извѣстность, онъ пользовался особымъ авторитетомъ и являлся дѣятельнымъ органомъ, сближавшимъ общество съ университетомъ. Особенно сблизился онъ въ Кіевѣ съ ректоромъ Духовной академіи (въ тѣ годы) Иннокентіемъ Борисовымъ впослѣдствіи архіепископомъ Херсонскимъ, извѣстнымъ проповѣдникомъ и ученымъ: знакомство, начавшееся на торжественномъ открытіи университета, перешло вскорѣ въ самыя дружескія отношенія, продолжавшіяся до самой смерти Иннокентія въ 1857 г. Вмѣстѣ оба друга пришли къ мысли объ основаніи въ Кіевѣ историческаго общества; собрался было кружокъ любителей старины и началъ вырабатывать программу будущей дѣятельности общества (1841), но какія-то офиціальныя препятствія помѣшали осуществленію этого дѣла: только позже, въ 70-е годы,

мысль Максимовича получила свое осуществленіе въ видѣ историческаго общества Нестора Лѣтописца въ Кіевѣ. Тогда же (1843) учреждена была при Кіевскомъ генер. губернаторѣ „Временная коммиссія для разбора древнихъ актовъ“. Нашъ профессоръ принялъ въ ней дѣятельное участіе и издалъ первые томы ея Памятниковъ, а позже проредактировалъ два труда—„Обозрѣніе Кіева“ и „Описаніе могилъ, валовъ и городищъ въ Кіевск. губ.“

Въ годы своей Кіевской жизни Максимовичъ не прерывалъ связей со своими московскими и петербургскими друзьями—литераторами. Гоголь, хотя послѣ неудачи съ профессорской кандидатурой, отзывался о кіевскомъ университетѣ, что онъ наполненъ всякимъ сбродомъ, однако, продолжалъ интересоваться Кіевской жизнью и настойчиво просилъ Максимовича поддерживать переписку. Въ 1835 г. самъ онъ пріѣхалъ къ пріятелю въ Кіевъ. Это было въ концѣ іюля. Гоголь пробылъ у Максимовича пять дней. Преимущественно по вечерамъ поэтъ и ученый вели долгія бесѣды, а днемъ Максимовичъ работалъ въ университетѣ, Гоголь бродилъ и осматривалъ городъ. Древности и святыни Кіева производили сильное впечатлѣніе на поэта: дотолѣ откровенный, живой и свободно шутливый, онъ возвращался теперь всякій вечеръ неожиданно скромнымъ и задумчивымъ; не разъ онъ при этомъ проявлялъ сожалѣніе, что ему не пришлось поселиться въ Кіевѣ на житье. Максимовичъ полагаетъ, что именно къ этому времени надо отнести первые ясно выраженные признаки новыхъ настроеній въ душѣ Гоголя. Послѣ 1835 г друзья разстались надолго: они встрѣтились въ Москвѣ въ 1849 г., вмѣстѣ поѣхали въ іюнѣ 1850 г. на родину; путешествіе было веселое и увлекательное; это было послѣднее время, когда Гоголь еще чувствовалъ живую жизнь и ея радости. Максимовичъ въ августѣ того же года ѣздилъ къ Гоголю въ с. Василевку... Послѣ этого они уже не видались никогда. Осенью 1835 въ Кіевъ пріѣхали къ Максимовичу изъ-за границы московскіе друзья его: М. П. Погодинъ, Н. И. Надеждинъ, П. В. Кирѣевскій и Д. М. Княжевичъ. Они побывали на лекціяхъ въ университетѣ, у ректора академіи Иннокентія, исходили Кіевъ въ сопровожденіи Максимовича, который уже тогда началъ увлекаться изученіемъ былой судьбы своего края. Надеждинъ около этого времени оставилъ московскій университетъ; Максимовичъ рѣшилъ его устроить въ Кіевскомъ университетѣ и выхлопоталъ согласіе у попечителя. Однако этотъ переходъ въ Кіевъ Надеждина, по причинамъ, зависѣвшимъ отъ него же, не состоялся.

Между тѣмъ Максимовичъ усталъ за $1^1/_2$ года отъ ректорской работы и отказался отъ должности въ декабрѣ 1835. О своемъ отказѣ онъ писалъ такъ: „Мнѣ стало не въ моготу тянуть двойную лямку—

ректора и профессора; я видѣлъ, что ректорство, начатое мною въ Университетѣ, можно было продолжать всякому, и было кому продолжать, а мнѣ оно было помѣхою въ дѣлѣ доставшейся на мою долю *науки*, нескончаемой въ своемъ требованіи и усовершенствованіи". Профессоромъ онъ оставался до 1841 г., когда вышелъ по болѣзни въ отставку; онъ былъ дѣйствительно боленъ, да и усталъ. Съ этого времени Максимовичъ жилъ большею частью у себя въ живописномъ хуторѣ на Михайловой горѣ, у берега Днѣпра, Золотон. уѣзда Полтавск. губ. Здѣсь была у него небольшая усадьба; отсюда же онъ отъ времени до времени наѣзжалъ въ Кіевъ и въ Москву, проживая тамъ иногда подолгу. Послѣ двухъ съ половиной годовъ отдыха на лонѣ природы нашъ ученый въ срединѣ 1843 г. былъ опять приглашенъ, за отсутствіемъ профессора по каѳедрѣ, къ чтенію лекцій въ университетѣ св. Владиміра, каковыя и велъ въ теченіе полныхъ двухъ лѣтъ, но не поступая на службу, а по вольному найму. Лекціи по исторіи русской словесности Максимовичъ продолжалъ по прежнему методу. Кромѣ того, онъ особенно занялся обработкою русской филологіи какъ науки, и началъ было изданіе своихъ изслѣдованій въ 1845 г. подъ заглавіемъ „Русская рѣчь въ сравненіи съ западнославянскою". Возстановившееся здоровье Максимовича позволяло ему еще работать и читать лекціи, но къ веснѣ 1845 его отношенія въ университетѣ осложнились вопросомъ о недоплатѣ ему вознагражденія за лекціи, столкновеніемъ на магистерскомъ экзаменѣ со своимъ же ученикомъ Костыремъ и, наконецъ, назначеніемъ на каѳедру русской словесности А. М. Селина, прослужившаго въ университетѣ до самой смерти 1877. Максимовичъ тогда окончательно и навсегда оставилъ университетъ, уѣхалъ къ себѣ на Михайлову гору и отдался ученымъ работамъ и изслѣдованіямъ. Больше онъ не поступалъ на службу, хотя матеріальное положеніе его было самое незавидное: онъ имѣлъ вѣрныхъ только 762 р. пенсіи и почти всѣ 30 лѣтъ оставшейся жизни принужденъ былъ изо дня въ день думать о томъ, какъ бы найти себѣ способъ заработка.

Ученая и литературная дѣятельность Максимовича за всѣ слишкомъ 35 лѣтъ, которыя провелъ онъ на югѣ, отличалась замѣчательной производительностью. У него была особая манера писать: Максимовичъ не оставилъ послѣ себя объемистыхъ трудовъ; его работы имѣютъ большею частью характеръ этюдовъ, иногда просто писемъ къ ученымъ людямъ или по ученымъ вопросамъ; но каждая статья профессора являлась цѣннымъ вкладомъ въ тѣ области знанія, которыхъ касалась, и большинство работъ не потеряли совсѣмъ своего значенія и до сихъ поръ. Съ конца 30 г. онъ болѣе всего удѣляетъ времени трудамъ историческимъ; начало ихъ было положено 1837

изслѣдованіемъ. „Откуда идетъ русская земля“? Въ 1839 г. написано было имъ „Сказаніе о Коліивщинѣ,“ впрочемъ по цензурнымъ условіямъ увидѣвшее свѣтъ только въ 1875 г., въ 1843 г. „Изслѣдованіе о Германѣ Сагайдачномъ“, 1857 г. „О мнимомъ запустѣніи Украйны и населеній ея новопришлымъ народомъ“, 1859 „Письма о Богд. Хмельницкомъ“ и др. Кромѣ того, Максимовичъ за это время написалъ много историко-топографическихъ, этнографическихъ, филологическихъ и археологическихъ работъ, въ 1839 г. издалъ „Исторію древней русской словесности“, въ 1856 и 1863 напечаталъ свои Письма къ Погодину по поводу старобытности малорусскаго нарѣчія, выступая противъ нынѣ уже оставленнаго мнѣнія, утверждавшаго, что жители древняго Кіева были великоруссы, а что племя малорусское, и съ нимъ его языкъ, являются только послѣ XIII столѣтія, когда въ опустошенную татарами южную Русь надвинулись новые поселенцы изъ-за Карпатъ. Въ 1856 г. появилась оригинальная статья Максимовича. „Дни и мѣсяцы украинскаго селянина“. Какъ издатель, онъ выступалъ въ этотъ періодъ два раза съ альманахами, содержаніе которыхъ было преимущественно историческаго характера и относилось къ югу Россіи“. Въ 1840, 1841 и 1850 гг. появились три книги „Кіевлянина“, чѣмъ положено было начало періодической печати въ Кіевѣ, въ 1859 и 1864—двѣ книги „Украинца“. Сверхъ того, послѣ Максимовича остался рядъ стихотвореній на малорусскомъ языкѣ, а также переводъ Псалмовъ на малорусскій языкъ.

Такъ продолжалъ работать неутомимый труженикъ. Въ сентябрѣ 1871 въ Кіевѣ былъ торжественно отпразднованъ 50 лѣтній юбилей его научно-литературной дѣятельности, при чемъ Максимовичъ былъ избранъ Кіевскимъ университетомъ въ доктора славяно-русской филологіи, Московскимъ же и Новороссійскимъ—въ почетные члены. А черезъ два года его не стало: онъ умеръ 10 ноября 1873 въ усадьбѣ Михайловой горы, гдѣ и похороненъ; на могильномъ памятникѣ его высѣчена надпись: „помянухъ дни древніе и поучихся“.

Среди характеристикъ Максимовича, встрѣчающихся въ русской литературѣ, наиболѣе любопытны отзывы проф. Владимирскаго-Буданова, Драгоманова и академика Пыпина. Первый изъ нихъ опредѣляетъ, что тайна обаянія Максимовича, какъ профессора, писателя и ученаго, скрывается въ личныхъ чертахъ его характера. Это былъ человѣкъ не только богато одаренный, но и высокой нравственной пробы, симпатичный, отзывчивый, сердечный, съ постоянною поэтическою стрункою въ рѣчи и обращеніи съ людьми. Въ сочиненіяхъ, относящихся къ русской исторіи, авторъ историческаго очерка университета св. Владиміра ищетъ выраженія задушевныхъ

убѣжденій нашего ученаго: истинный источникъ теплоты его маленькихъ изслѣдованій по сухимъ предметамъ, по мнѣнію профессора, есть искренняя и глубокая любовь къ своему народу и отечеству. Въ немъ горячее поклоненіе быту, языку и устройству Малороссіи соединялось съ такою же неподдѣльною любовью къ цѣлой Руси. Лучше всего выражено политическое исповѣданіе Максимовича въ слѣдующихъ словахъ его: „у васъ (въ Великороссіи) многіе смотрятъ на всю русскую землю съ москворѣцкой высоты Ивана Великаго; здѣсь (въ Малороссіи) иные глядятъ на нее съ запорожской, поэтической Саворъ-могилы; моя точка зрѣнія на всю единую русскую землю надъ Днѣпромъ съ высоты Старо-Кіевской, съ холма Св. Андрея Первозваннаго". Драгомановъ (Вѣстн. Европы 1874 г.. Мартъ) вспоминаетъ, какъ нѣкогда Пушкинъ сказалъ о Ломоносовѣ, что онъ самъ былъ первымъ русскимъ университетомъ; онъ же думаетъ, что Максимовичъ былъ для Кіевской Руси цѣлымъ ученымъ историко-филологическимъ учрежденіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ живымъ народнымъ человѣкомъ. Въ странѣ столь обширной, какъ Россія, областная жизнь въ прошломъ и настоящемъ должна представлять не мало разнообразія, — потому вопросъ объ изученіи областей и представляетъ такую важность для науки, а вопросъ объ установленіи равновѣсія въ степени жизненности областей и центровъ такъ важенъ для общественнаго дѣятеля. М. А. Максимовичъ былъ у насъ однимъ изъ первыхъ дѣятелей для областной науки и жизни. А. Н. Пыпинъ въ „Ист. Этнографіи" говоритъ, что многіе изъ трудовъ нашего ученаго устарѣли въ настоящее время, напримѣръ, его филологическія теоріи, его сужденія о древней литературѣ и пр. Это и не могло быть иначе при быстромъ развитіи нашей филологической и этнографической науки съ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, когда она воспользовалась готовыми уроками цѣлой науки европейской, и когда новѣйшая усиленная разработка старой письменности и живой народной словесности открыла множество памятниковъ, не только неизвѣстныхъ, но даже совсѣмъ не подозрѣваемыхъ пятьдесятъ и сорокъ лѣтъ тому назадъ; но въ свое время Максимовичъ былъ самымъ дѣятельнымъ работникомъ въ историко-этнографической области. Наконецъ, рѣдко ученый стараго вѣка сохранялъ такую дружелюбную близость съ молодыми поколѣніями, какъ Максимовичъ. Наука прошла гораздо дальше тѣхъ основаній и пріемовъ, какими онъ нѣкогда руководился; онъ понялъ это, покинулъ старые теоретическіе пріемы и продолжалъ работать надъ собираніемъ и ближайшимъ истолкованіемъ фактовъ, всегда необходимыхъ для науки, а его преданность своему дѣлу, живое чувство своей мѣстной народности

остались тѣ же и образовали ту нравственную связь съ новыми поколѣніями, которая, къ сожалѣнію, рѣже встрѣчается въ нашей „ученой республикѣ", чѣмъ должно бы быть...

Вотъ кто и вотъ каковъ былъ ученый профессоръ и первый ректоръ Кіевскаго университета—М. А. Максимовичъ.

Иг. Житецкій.

Изъ воспоминаній о Главномъ Педагогическомъ Институтѣ.

Главный Педагогическій Институтъ былъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ, готовившимъ наставниковъ гимназій и профессоровъ для высшихъ учебныхъ заведеній. Подъ именемъ „Главнаго Педагогическаго Института“ онъ существовалъ съ 1828 года по 1859 годъ,—когда былъ упраздненъ.

Это заведеніе, и нынѣ съ искреннимъ сочувствіемъ воспоминаемое, занимало половину того зданія С.-Петербургскаго Университета, которая идетъ отъ церковнаго подъѣзда къ биржѣ Елисѣева; другая половина того зданія, отъ церковнаго подъѣзда къ Невѣ, была занята Университетомъ.

Въ Главный Педагогическій Институтъ поступали по экзамену окончившіе курсъ ученики гимназій и семинарій. Всѣ студенты были на казенномъ иждивеніи, и всѣ жили въ зданіи Института, который занималъ всѣ три этажа. Въ первомъ этажѣ были: швейцарская, пріемная зала, столовая, кухня, квартиры гувернеровъ и канцелярія; во второмъ этажѣ—аудиторіи (нѣкоторыя), камеры для студентовъ, квартиры директора и инспектора, а также библіотека; въ третьемъ этажѣ—еще нѣкоторыя аудиторіи, еще камеры для студентовъ, спальни и квартира главнаго надзирателя. Лазаретъ помѣщался въ особомъ зданіи. Строенія во дворѣ были заняты служителями.

Пріемный экзаменъ происходилъ въ началѣ августа. Экзаменъ былъ самый снисходительный. Прорѣхи знаній не замѣчались нашими профессорами: профессора хотѣли усматривать у насъ задатки знаній. Если студентъ поступалъ на филологическое отдѣленіе, то съ него не требовали свѣдѣній большихъ по математикѣ (или, вѣрнѣе, совсѣмъ не ставили ему въ вину малознаніе „математическое“). Я напр., по алгебрѣ не могъ сдѣлать простого алгебраическаго сложенія, и ничего,—обратили вниманіе на мое сочиненіе о моей родинѣ, на кое-какія знанія по латинскому и греческому языку,—на

знаніе Закона Божія,—и приняли въ Институтъ. Я не могъ на экзаменѣ показать разницу между барометромъ и термометромъ (у профессора физики Пчельникова) — и это ничего: не всякое лыко въ строку! Профессоръ спросилъ, на какой факультетъ я поступаю, и узнавъ, что на филологическій, — онъ, профессоръ, только сказалъ: „слабо знаете физику",—и все. И я былъ принятъ въ Главный Педагогическій Институтъ.

Профессорами у насъ были преимущественно наставники Университета С.-Петербургскаго. Вотъ имена нѣкоторыхъ изъ нихъ: Остроградскій (математикъ европейски извѣстный), Куторга (геологъ), Шиховскій (ботаникъ), Воскресенскій (химикъ), Брандтъ (зоологъ), Михайловъ (законовѣдъ), Устряловъ, Н. Г. (русская исторія), Срезневскій (славянскія нарѣчія), Благовѣщенскій (латинскій языкъ и литература), Грефе (греческій языкъ) и др. Собственно питомцами Института были слѣдующіе его профессора: С. И. Лебедевъ (русская словесность) А. И. Смирновъ (древняя географія и исторія). Всеобщую исторію намъ преподавалъ Фридрихъ Лоренцъ (авторъ многотомной всеобщей исторіи — есть и на русскомъ языкѣ), французскій языкъ—Креси (онъ былъ преподавателемъ и въ духовной академіи), нѣмецкій языкъ—Блюмъ.

Мы учились рисованію у академика Педцольта (для желающихъ), гимнастикѣ (на рапирахъ), танцамъ (изъ Императорскаго театра учитель).

Сверхъ того, желающимъ извѣстный лингвистъ Коссовичъ, Каэтанъ Андреевичъ, читалъ лекціи по санскритской литературѣ и училъ этому языку.

Законъ Божій (богословіе) преподавалъ магистръ протоіерей П. С. Солярскій: ему же, по духу того времени (а я учился въ Институтѣ съ 1851 г. по 1855 годъ, по весну), поручено было преподаваніе логики и психологіи. Къ намъ приходили ксендзъ и пасторъ для преподаванія инославной вѣры исповѣдующимъ ее.

Инспекторомъ у насъ былъ магистръ математики А. Н. Тихомандритскій (авторъ алгебры), а директоромъ бывшій профессоръ Московскаго Университета Ив. Ив. Давыдовъ (философъ, математикъ, словесникъ, — авторъ „Чтеній о словесности", 1837 г. и „Опыта общесравнительной грамматики русскаго языка", издан. 1852 г.).

Учебный день у насъ начинался съ шести часовъ утра. Ровно въ шесть часовъ утра служитель съ колокольчикомъ въ рукахъ ходилъ по спальнямъ и звонилъ. Спальни наши помѣщались въ третьемъ этажѣ зданія: это были двѣ длиннѣйшія комнаты: въ нихъ направо и налѣво стояли кровати. Между рядами кроватей шелъ

служитель и звонилъ. Не скоро встававшихъ подгонялъ дежурный гувернеръ, который обязанъ былъ спать съ нами.

Здѣсь кстати скажу, что у насъ было нѣсколько гувернеровъ: одинъ русскій (Гавриловъ), другой—французъ (m-r Rucault), третій—нѣмецъ (Шмальгаузенъ), четвертый — англичанинъ (высочайшаго роста,—фамилію его забылъ). Желающіе могли имѣть практику нѣмецкаго языка, французскаго и англійскаго. У гувернеровъ хранились бумага, перья, карандаши и другія принадлежности. Желая получить перо, я съ помощью товарищей составлялъ фразу по-французски, съ обращеніемъ къ гувернеру французу, — а также нѣмецкую фразу къ нѣмцу-гувернеру. До поступленія въ Институтъ я не зналъ ни французскаго, ни нѣмецкаго языка:—и тому и другому языку я научился въ Институтѣ, — и на экзаменѣ въ концѣ перваго года біографію Шатобріана я отвѣчалъ уже по-французски, къ удивленію наставника своего Адольфа де-Креси.

Но возвращаюсь къ учебному дню.

Въ $7^1/_2$ ч. утра мы шли въ столовую попарно (въ нижній этажъ зданія). Здѣсь въ присутствіи дежурнаго гувернера пѣли молитву „Царю Небесный“, потомъ очередной студентъ читалъ рядъ утреннихъ молитвъ *). Послѣ пѣнія молитвы „Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ“, студенты садились за столы и пили молоко съ булкой (и черным хлѣбомъ, кто хотѣлъ). Тогда (1851—1855 гг.) на утренній завтракъ не давали намъ чаю,—а давали каждому студенту по кружкѣ молока и по французской булкѣ. По окончаніи завтрака пѣли молитву „Благодаримъ Тя, Христе Боже нашъ!“

Въ столовой потомъ оставались только тѣ студенты, которые имѣли свой собственный чай и сахаръ. Для такихъ студентовъ ставили огромный самоваръ, и начиналось чаепитіе. Я, какъ одинъ изъ бѣднѣйшихъ студентовъ, рѣдко могъ позволять себѣ такое удовольствіе.

Между утреннимъ завтракомъ и началомъ лекцій (онѣ начинались въ 9 часовъ ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней) студенты-курильщики устраивали куреніе табаку. У насъ строго запрещалось куреніе,—потому студенты устраивали стражу: человѣкъ пять-шесть наблюдали, не идетъ ли старшій надзиратель (имя ему „Андрей“), или инспекторъ (имя ему или прозвище было „Никита“ вмѣсто „Никитичъ“). Если кто-нибудь изъ нихъ являлся, студенты говорили: „Андрей“, или „Никита“, и всѣ курильщики—

*) А при первомъ директорѣ Института Миддендорфѣ читалось студентомъ Евангеліе дневное на греческомъ языкѣ. Но я при первомъ директорѣ не былъ въ Институтѣ.

прочь отъ трубы: курили въ трубу. Въ то время и на улицѣ никто не смѣлъ курить: за куреніе на улицѣ брали штрафъ (будочникъ, или по нынѣшнему—городовой).

Въ девять часовъ, по звонку, начинались лекціи. До 12-ти часовъ было двѣ лекціи. Профессора всѣ ходили въ вицмундирахъ (я никого не видѣлъ въ сюртукѣ). Въ 12 часовъ давали намъ второй завтракъ. Онъ былъ очень, очень простъ. Наверхъ, въ 3-й этажъ служитель приносилъ огромное ведро квасу (всегда хорошаго и вкуснаго) и много нарѣзанныхъ большихъ скибокъ (ломтей) чернаго хлѣба (всегда хорошо пропеченнаго) и нѣсколько кружекъ. Я съ великимъ аппетитомъ ѣлъ хлѣбъ и запивалъ его квасомъ.

Большая перемѣна продолжалась полчаса. Въ это время студенты устраивали куреніе, опять со всѣми предосторожностями.

Странное дѣло это куреніе. У насъ въ Институтѣ было 120 воспитанниковъ (студентовъ), и только двое не курили (я и А. Д. В. впослѣдствіи профессоръ Историко-Филологическаго Института), а остальные всѣ курили, и все въ трубу.

По окончаніи большой перемѣны еще были двѣ лекціи, съ небольшимъ перерывомъ между третьею и четвертою лекціями.

Лекціи наши почти ежедневно посѣщалъ директоръ Института. Иногда онъ только раскланяется, постоитъ и уйдетъ. А иногда онъ садился, вмѣшивался въ изложеніе профессора и самъ дополнялъ изложеніе профессора или новыми данными, или новыми воззрѣніями на прежнія данныя.

Иногда директоръ приводилъ съ собою посѣтителей. Я помню, что разъ на лекцію по педагогикѣ онъ привелъ въ нашу аудиторію А. Д. Галахова (составителя христоматіи, явившейся въ 1843 году). Галаховъ былъ во фракѣ, а директоръ въ вицмундирѣ со звѣздою. Профессоръ педагогики Н. А. Вышнеградскій (основатель женскихъ гимназій въ Россіи) указывалъ намъ источники для составленія понятія о русскомъ воспитаніи и не упомянулъ въ числѣ источниковъ о Домостроѣ. Галаховъ и указалъ на этотъ источникъ, а профессоръ привелъ свои доводы, почему онъ не назвалъ этого источника.

Бывали и другіе посѣтители. Одинъ разъ посѣтилъ насъ французъ-педагогъ и сказалъ намъ на французскомъ языкѣ нѣсколько словъ о важности воспитанія въ жизни.

Во время лекцій иногда посѣщалъ насъ министръ народнаго просвѣщенія Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ. Онъ иногда бралъ классика,—когда была лекція по древнимъ языкамъ, и испытывалъ студентовъ въ знаніи древнихъ языковъ.

Обѣдъ у насъ былъ около трехъ часовъ. Обѣдъ состоялъ изъ двухъ сытныхъ блюдъ, приготовленныхъ изъ свѣжихъ матеріаловъ,

а по праздникамъ—изъ трехъ. Студенты по очереди дежурили на кухнѣ, свидѣтельствовали отпускаемые припасы и во время обѣда неотлучно находились въ кухнѣ. Къ обѣду являлся старшій надзиратель и весьма часто самъ директоръ. Обошедъ столовую и попробовавъ на пробномъ столѣ порціи супа или жаркого, директоръ шелъ на кухню и спрашивалъ у дежурнаго студента, что было сегодня изготовлено.

Столъ у насъ былъ хорошій, вкусный, сытный. Мы ѣли вволю. Никогда не было какихъ-либо пререканій изъ-за стола; по крайней мѣрѣ, въ мое время (1851—1855 гг.) не было ихъ.

Послѣ обѣда мы могли уходить, куда угодно, до ужина, въ $7^1/_2$ ч. вечера: кто шелъ гулять, кто на уроки, кто къ роднымъ, а иные—усердные – посѣщали Императорскую Публичную Библіотеку, или Румянцевскій Музеумъ (находившійся тогда въ Петербургѣ, вблизи Николаевскаго моста, въ 1851 году открытаго). Другіе студенты ходили за книгами въ Академію Наукъ, гдѣ по запискѣ отъ директора Института и получали ихъ безпрепятственно.

Послѣ обѣда, часа въ четыре, студенты опять шли въ столовую, гдѣ подавался большущій самоваръ, и студенты, имѣющіе свой чай и сахаръ, могли пить чай. Казеннаго же чаю никогда намъ не давали. Мы и не роптали.

Между обѣдомъ и ужиномъ нѣкоторые студенты занимались пѣніемъ. Студентъ математическаго факультета Краевичъ (впослѣдствіи авторъ физики) пѣлъ, и очень хорошо пѣлъ новые романсы. Я восхищался его пѣніемъ романса Кольцова: „Осѣдлаю коня, коня быстраго“. Краевичу многіе подпѣвали. Я слышалъ пѣніе и другихъ романсовъ, напр., „На зарѣ ты ея не буди“,—„Что такъ жадно глядишь на дорогу“ (первый романсъ—Фета, а второй—Некрасова).

Студенты, не принимавшіе участія въ пѣніи, занимались чтеніемъ книгъ, подготовкою лекцій, перепиской сочиненій на темы, задаваемыя профессорами.

Книги мы получали отъ библіотекаря Шмальгаузена безпрепятственно. Онъ былъ весьма внимательный къ намъ библіотекарь. У меня была масса книгъ казенныхъ изъ Институтской библіотеки.

А эта библіотека занимала въ Институтѣ обширное помѣщеніе: она тянулась въ длину всего Института, во второмъ этажѣ. Шкафы громадные стояли тутъ, ясеневаго дерева, и всѣ на одной сторонѣ. Книгъ и журналовъ по всѣмъ предметамъ преподаванія было великое изобиліе. Хвала и честь устроителямъ такой библіотеки. Я только въ Институтѣ впервые познакомился со всѣми русскими авторами. Въ библіотекѣ было множество диссертацій и изслѣдованій по разнымъ научнымъ вопросамъ.

Лекціи профессоровъ записывались студентами. Нѣкоторые профессора имѣли обычай требовать составленія лекцій самими студентами. Такъ, профессоръ Измаилъ Ивановичъ Срезневскій назначалъ очередь между студентами для составленія лекцій его по слафянской филологіи. Студентъ, пользуясь и своими замѣтками и записями своихъ товарищей и просто своими припоминаніями, составитъ прочитанную лекцію и передъ началомъ слѣдующей лекціи представитъ ее профессору, который здѣсь же, передъ нами, слушателями, прочтетъ ее въ слухъ, исправитъ, выдастъ студенту-составителю, а мы всѣ (или желающіе) списываемъ исправленную лекцію, и такимъ образомъ весь курсъ профессора у насъ былъ подъ руками.

У меня и до сихъ поръ есть записанныя лекціи по славянскимъ нарѣчіямъ, по словесности, педагогикѣ, русской исторіи, логикѣ и психологіи, законовѣдѣнію и другимъ наукамъ. И теперь я въ нихъ нахожу много поучительнаго, несмотря на усиленное развитіе въ позднѣйшее время указанныхъ здѣсь наукъ.

У насъ литографированныхъ лекцій не было. Студенты трудолюбивые у себя имѣли записки по всѣмъ предметамъ: сами записывали и составляли лекціи для своего руководства. Не отказывали и товарищамъ въ сообщеніи имъ своихъ записокъ, или во время репетицій, или во время экзаменовъ.

Студенты, имѣвшіе уроки въ городѣ, отправлялись между обѣдомъ и ужиномъ въ городъ и давали уроки.

Ужинъ давали въ восьмомъ часу. Онъ малымъ чѣмъ отличался отъ обѣда.

Послѣ ужина, не выходя изъ столовой, студенты слушали молитвы на сонъ грядущій. Очередной студентъ читалъ рядъ избранныхъ молитвъ, а нѣкоторыя молитвы пѣлись всѣми студентами.

Спальни открывались въ половинѣ десятаго вечера. Студенты могли въ это же время идти въ спальни, а нѣкоторые студенты оставались еще въ камерахъ, гдѣ занимались, до половины одиннадцатаго ночи. Въ половинѣ одиннадцатаго ночи лампы тушились, и всѣ студенты обязаны были ложиться спать. Въ спальняхъ съ нами ночевалъ и очередной гувернеръ.

Студенты, ложившіеся на ночной покой, соблюдали должную тишину, бывали тихіе говоры, но и они немедленно прекращались по первому напоминанію гувернера, который ходилъ между кроватями, направо и налѣво стоящими, и не прежде уходилъ къ своей постели, какъ замѣтивъ, что всѣ улеглись.

Были тутъ нѣкоторыя замѣчательныя явленія религіознаго настроенія студентовъ. Я часто замѣчалъ, какъ студентъ математическаго разряда Будаевъ молился усердно Богу, стоя на колѣняхъ у

своей постели. Иногда я уже засыпалъ (а я всегда шелъ въ спальню въ половинѣ десятаго), а онъ все еще стоялъ на колѣняхъ и все молился, и все молился... Меня особенно удивляло молитвенное настроеніе этого студента старшаго курса потому, что онъ былъ математикъ, а я помнилъ пословицу латинскую „mathematici malefici"... И не одинъ только Будаевъ (впослѣдствіи профессоръ чистой математики въ Артиллерійскомъ училищѣ и академіи) совершалъ свою молитву въ это время: я видѣлъ и другого студента нашего (младшаго) курса, М., который тоже прилежно молился въ этотъ полночный часъ. (М., впослѣдствіи—европейски-извѣстный ученый). И другіе студенты молились, стоя на колѣняхъ передъ своими кроватями, хоть и не столь продолжительно, какъ Будаевъ и М.

Къ 12-ти часамъ ночи уже вся студенческая молодежь спала... Ровно въ 12-ть часовъ являлся (чуть не ежедневно) въ спальню директоръ Института, Ив. Ив. Давыдовъ. Онъ былъ въ сюртукѣ; въ рукѣ у него ночничекъ съ едва свѣтящимся огонькомъ. Директоръ шелъ по спальнямъ тихо, едва слышно; за нимъ въ вицмундирѣ старшій надзиратель и адъюнктъ - профессоръ древней исторіи и древней географіи, А. И. Смирновъ, а за нимъ въ форменномъ сюртукѣ вахтеръ. Эти три лица еженедѣльно (или почти ежедневно) въ 12 часовъ ночи посѣщали наши спальни...

Въ шесть часовъ утра, а по праздникамъ въ семь часовъ опять являлся служитель и будилъ насъ своимъ колокольчикомъ къ дневному педагогическому труду.

Ученье въ Институтѣ было систематическое. Каждый профессоръ обязанъ былъ пройти свой курсъ въ системѣ и весь курсъ, а не одну только часть его, или отдѣлъ. Каждому студенту выдавалась программа курса, въ печатномъ видѣ,—у меня и до сихъ поръ хранятся эти программы, какъ завѣтная святыня моего студенческаго образованія. Каждый профессоръ, приступая къ изложенію своего предмета, указывалъ намъ пособія и руководства какъ для всего предмета, такъ и въ отдѣльности для каждой его части, или отдѣла, или же одного извѣстнаго лица (или событія). Указанныя профессорами ученыя сочиненія или цѣнныя литературныя произведенія мы получали изъ своей институтской библіотеки. Кто хотѣлъ, могъ всегда совершенствовать себя.

Для удостовѣренія нашихъ познаній въ наукахъ у насъ существовали репетиціи и экзамены, а для составленія понятія о нашихъ преподавательскихъ способностяхъ насъ пріучали давать пробныя лекціи.

Репетиціи назначались передъ святками, въ концѣ ноября или началѣ декабря, во все продолженіе четырехлѣтняго образованія сту-

дентовъ въ Институтѣ. Въ началѣ декабря или концѣ ноября профессоръ раздѣлялъ пройденный курсъ на нѣсколько частей и на каждую лекцію назначалъ одну какую-либо часть. Мы готовились, отвѣчали профессору,—въ это время (т. е. на время репетицій) не было чтенія лекцій, а во время отвѣтовъ студента профессоръ или дополнялъ пропущенное, или объяснялъ мало понятое. Все это намъ приносило существенную пользу, побуждая осмотрѣть разомъ все пройденное, освѣжить знанія и укрѣпить добытое вновь.

Экзамены происходили на каждомъ курсѣ разъ въ годъ, передъ лѣтомъ, въ маѣ и іюнѣ. Лекціи прекращались въ апрѣлѣ, а начинались съ 7-го августа. Пройденный курсъ раздѣлялся по билетамъ, а билеты разсыпались по столу директоромъ, который присутствовалъ на всѣхъ экзаменахъ. Время экзаменовъ было тяжелымъ временемъ для нѣкоторыхъ студентовъ, не позаботившихся своевременно о записываніи лекцій за профессорами, или не составлявшихъ, или же не переписавшихъ лекцій у другого студента. Такіе студенты обыкновенно присосѣживались къ другимъ товарищамъ и вмѣстѣ съ ними готовились. А вставали въ это время нѣкоторые студенты въ четыре и даже въ три часа утра. Кто же былъ старателенъ во все теченіе года и имѣлъ свои записанныя за профессоромъ лекціи, тотъ вставалъ въ обыкновенное время, въ 6 часовъ утра, при звонѣ колокольчика въ спальняхъ.

Экзамены начинались въ десять часовъ утра и происходили съ нѣкоторою торжественностью. У насъ на экзаменахъ присутствовали директора здѣшнихъ гимназій, пріѣзжалъ нерѣдко и Министръ Народнаго Просвѣщенія, А. С. Норовъ (одна нога у него была на деревяшкѣ: онъ потерялъ ногу на Бородинскомъ полѣ). Присутствовали инспекторъ и профессора (экзаменаторъ и ассистентъ). На экзаменѣ Закона Божія присутствовали высшія духовныя особы. Бывали ученые протоіереи того времени—Кочетовъ и Райковскій.

Съ четверть часа, а иногда и двадцать минутъ отвѣчалъ каждый студентъ. Директоръ съ особой внимательностью слѣдилъ за нашими отвѣтами.

На экзаменѣ по латинскому и греческому языку мы отвѣчали по-латыни. И въ теченіе всего курса обученія мы отвѣчали по-латыни профессорамъ латинскаго и греческаго языка; всѣ свои объясненія классиковъ профессора дѣлали на латинскомъ языкѣ, и мы, объясняя тексты классика, объясненія давали на латинскомъ языкѣ. Нѣкоторые студенты бѣгло объяснялись по-латыни. У насъ былъ прекрасный знатокъ латинскаго языка профессоръ Н. М. Благовѣщенскій (авторъ книгъ о римскихъ сатирикахъ и о Гораціи). Онъ

отлично говорилъ по-латыни, какъ по-русски (онъ сынъ священника),— и мы, ему отвѣчая на лекціяхъ, говорили по-латыни.

Преподаватель же новогреческаго языка Гумаликъ училъ насъ говорить по-новогречески во время своихъ лекцій.

На экзаменахъ мы всѣ, студенты, были въ мундирахъ. И всѣ присутствовавшіе являлись къ намъ въ форменныхъ костюмахъ.

За отвѣты на экзаменѣ намъ ставили баллы,—которые и прочитывались инспекторомъ студентамъ, по окончаніи экзамена, къ тремъ или четыремъ часамъ, въ присутствіи директора и профессоровъ.

Для приготовленія къ экзамену по каждому предмету намъ давали по нѣскольку дней: по два дня, по три, по четыре, а иногда — по пяти. И въ это время студенты очень измучивались. Но никто не заболѣвалъ.

Послѣ экзамена намъ давали отдыхъ. Мы уходили въ городъ, къ роднымъ, къ знакомымъ и просто на прогулку на биржу. Садикъ есть противъ Университета и Института, называемый „биржевой“. Въ наше время (1851—1855 годы) туда привозили много обезьянъ, много всякой птицы (канареекъ, голубей, попугаевъ); бывали тутъ раковины, черепахи, стояла разная посуда изящной работы. Птицы пѣли, попугаи по своему говорили. Стонъ стоялъ тогда въ этомъ садикѣ. Много изящныхъ барынь пріѣзжало, много дѣтей. Всякій что-нибудь домой тащилъ изъ садика: цѣны были недорогія. А солнце такъ ярко грѣло, а вѣтерокъ отъ Невы такъ освѣжительно вѣялъ. Славно было освѣжиться въ этомъ садикѣ, послѣ утомительнаго экзамена.

Если былъ лишній рубль въ карманѣ (за урокъ полученный), то мы съ покойнымъ Полотебновымъ шли къ Елисѣеву въ магазинъ (недалеко отъ Института), брали тамъ особый кабинетикъ, покупали за 80 к. с. бутылку хересу (тогда давали хорошій хересъ за эту цѣну), покупали на 20 к. мармеладу; Полотебновъ закуривалъ папиросу (я не курилъ никогда), и завязывался у насъ разговоръ, а мы глотали рюмочку за рюмочкой, и закусывали мармеладомъ. А разговоры наши касались правильности произведенныхъ экзаменовъ, оцѣнки хорошихъ отвѣтовъ студентовъ, а также будущей судьбы нашей съ нимъ, т. е. куда то насъ по окончаніи курса пошлютъ. Полотебновъ всегда себя ставилъ ни во грошъ и убѣжденно говорилъ, что его пошлютъ въ г. Шавли... Разговоры наши оканчивались, когда осушалась бутылка хереса и исчезалъ мармеладъ. Тогда мы шли домой, въ Институтъ ужинать.

А если у насъ съ означеннымъ моимъ товарищемъ не было рубля, — то мы шли въ трактиръ „Золотой Якорь“ (на Васильевскомъ Островѣ), тамъ пили чай, осушая его стакановъ по пяти (я,

можетъ быть, и болѣе), слушали органъ, на которомъ играли русскія пѣсни: „Лучинушку“, „Матушку-голубушку“ „Какъ на матушкѣ на Невѣ рѣкѣ“. Тутъ мы тратили 20 к., 30 к., а потомъ шли въ Институтъ ужинать, къ 8-ми часамъ.

Иногда съ тѣмъ же Полотебновымъ мы (въ праздничные дни) уходили на уголъ Невскаго и Литейнаго въ трактиръ Палкина и заставляли играть на органѣ „Персидскій Маршъ“, — тогда модная музыкальная піеса, самимъ персидскимъ посланникомъ данная одному изъ нашихъ композиторовъ. (Посланникъ, говорятъ, устно передалъ игривую музыку этого живого марша).

Я выше сказалъ, что пробныя лекціи, которыя давались студентами, содѣйствовали развитію педагогическихъ ихъ способностей. Это дѣло такъ у насъ было поставлено. Когда студенты переходили на старшій курсъ (онъ продолжался два года, какъ и младшій), то профессора назначали заблаговременно каждому студенту время (опредѣленный день и часы), когда онъ долженъ прочесть въ аудиторіи передъ товарищами пробную лекцію. Наступалъ день и часъ. Профессоръ приходилъ, какъ на обыкновенную свою лекцію, садился на стулъ, или за скамьею, гдѣ студенты, а студентъ, которому предстояло читать лекцію, восходилъ на каѳедру и занималъ за нею кресло профессора, и начиналась лекція... Не могу обстоятельно сказать о другихъ студентахъ, а я со страхомъ и трепетомъ приступалъ къ чтенію своей лекціи. Да что я говорю „къ чтенію“. Я испытывалъ страхъ и тогда, когда готовился къ этому дѣлу. Мнѣ для пробной лекціи по греческому языку надо было приготовить одинъ монологъ изъ трагедіи Софокла „Электра“. Сколько я словарей перебралъ! Сколько я комментаріевъ перечиталъ, чтобы разъяснить избранный монологъ „Электры“! Сколькихъ товарищей побезпокоилъ, чтобы только обстоятельнѣе разъяснить данный монологъ! Набрался я мученій... Со стѣсненнымъ сердцемъ и робкою душею взошелъ я на каѳедру, чтобы объяснять на латинскомъ языкѣ монологъ. Профессоръ греческаго языка Штейманъ (онъ впослѣдствіи былъ директоромъ Историко-Филологическаго Института) сѣлъ на стулъ у скамеекъ студентовъ. Онъ изрѣдка дѣлалъ замѣчанія, тоже на латинскомъ языкѣ, относительно моихъ объясненій. Я почти не видѣлъ студентовъ, хотя передъ ними показывалъ мои педагогическія силы... Въ концѣ концовъ профессоръ остался доволенъ моей лекціей, и тогда (только тогда) кончились мои педагогическія муки.

По предмету славянскихъ нарѣчій профессоръ Срезневскій назначилъ мнѣ пробную лекцію о Кириллѣ Туровскомъ. Тутъ я держалъ себя бодрѣе, потому что въ продолженіе не малаго времени

изучалъ этого писателя по печатному изданію его сочиненій Калайдовичемъ (1822 г.), а также по рукописямъ Императорской Публичной Библіотеки и Румянцевскаго Музеума,—посѣщать которыя чуть не ежедневно, между обѣдомъ и ужиномъ, для меня сдѣлалось въ то время потребностью. Эта лекція мнѣ больше удалась, и профессоръ Срезневскій отозвался лестно о моемъ чтеніи: въ лекціи я указывалъ на источники и пособія, которыми я пользовался, съ оцѣнкою ихъ внутренняго достоинства, а также знакомилъ слушателей съ языкомъ Кирилла Туровскаго и содержаніемъ его произведеній.

Студентъ Роговъ читалъ пробную лекцію о Дмитріевѣ, какъ русскомъ баснописцѣ.—И другіе студенты обязаны были читать пробныя лекціи. Студентъ В. прекрасно объяснялъ на своей пробной лекціи исландскія саги. Это былъ отличный знатокъ древнихъ языковъ и нѣмецкаго. Его очень пріятно было послушать. Студентъ Чистяковъ (впослѣдствіи директоръ двухъ гимназій въ Петербургѣ) на своей пробной лекціи объ одѣ Горація показалъ хорошее знаніе латинскаго языка и свободно имъ владѣлъ въ своей устной рѣчи на пробной лекціи. Профессоръ Н. М. Благовѣщенскій самымъ лестнымъ образомъ отозвался объ его пробномъ чтеніи.—Студентъ Ѳирсовъ Николай (впослѣдствіи профессоръ русской исторіи въ Казанскомъ университетѣ и проректоръ), суровый на видъ студентъ, основательно изложилъ исторію Стилихона на своей пробной лекціи (эта его статья напечатана въ журн. Мин. Народ. Просвѣщенія за 1856 годъ, по желанію профессора исторіи Лоренца).

Эти пробныя лекціи заставляли основательнѣе изучать данный матеріалъ и показывали нашимъ наставникамъ наши педагогическія силы.

Было ли обращено вниманіе на развитіе въ насъ религіознаго чувства? Было обращено надлежащее вниманіе. Молитвы ежедневныя—утромъ и вечеромъ—посѣщеніе всенощной и обѣдни въ университетской церкви, постъ на страстной недѣлѣ, исповѣдь и причащеніе Св. Тайнъ,—все это вмѣстѣ взятое должно было вліять очень хорошо на наше воспитаніе. Каждое богослуженіе посѣщалъ и нашъ директоръ и нашъ старшій воспитатель. Причащались съ нами нѣкоторые изъ нашихъ профессоровъ со своими семействами. Для поддержанія религіознаго чувства у насъ существовалъ церковный хоръ, составленный единственно изъ студентовъ Института. Хоръ имѣлъ спѣвки. Въ немъ были только тенора и басы. На страстной недѣлѣ студенты же пѣли передъ алтаремъ „Да исправится молитва моя!“ Я не помню случая, когда бы начальство принимало какія-либо мѣры къ побужденію хора исполнять

свою обязанность. Студенты сами заботились объ устройствѣ хора и согласнаго пѣнія имъ церковныхъ службъ. Среди участниковъ хора особенно выдѣлялись искусствомъ пѣнія и качествомъ голоса Краевичъ, Чистяковъ, а также хорошій басъ Р. (нынѣ членъ Ученаго Комитета Мин. Нар. Просвѣщ., авторъ многихъ учебныхъ книгъ).

На развитіе вообще любви къ изящному имѣли въ мое время (1851--1855 г.г.) вліяніе университетскіе концерты. Это было въ высшей степени благодѣтельное учрежденіе, почипъ которому положилъ инспекторъ университета Фицтумъ, большой знатокъ и любитель музыкальнаго образованія.

Эти концерты устраивались осенью, зимою и во все время великаго поста по воскресеньямъ, ровно въ 2 часа дня. Концерты происходили въ актовой залѣ Университета. Тутъ становилось множество рядовъ стульевъ, а на эстрадѣ располагались музыканты, и помѣщались пѣвцы и пѣвицы, а также солисты на инструментахъ. Большимъ для насъ удобствомъ было то, что изъ нашихъ спаленъ былъ ходъ прямо въ университетскую актовую залу, — съ насъ не брали ничего за право входа на концертъ; мы сидѣли на хорахъ. Публика изысканная, аристократическая обоихъ половъ собиралась на эти концерты, и притомъ въ великомъ множествѣ. Здѣсь играли на віолончеляхъ Шубертъ и Кологривовъ, съ другими двумя артистами, квартеты,—здѣсь гремѣлъ полный оркестръ разныхъ инструментовъ подъ управленіемъ Шуберта. Въ оркестрѣ играли и студенты Университета. Здѣсь появлялись пѣвцы и пѣвицы изъ итальянской оперы нашей (тогда была въ Петербургѣ постоянная итальянская опера, гдѣ гремѣли славою Маріо, Дебассини и другіе). Чарующее пѣніе пѣвцовъ и пѣвицъ итальянской оперы я здѣсь *впервые* слышалъ, не имѣя денегъ, чтобы посѣщать оперу въ большомъ театрѣ (гдѣ нынѣ консерваторія).

Случалось мнѣ посѣщать и итальянскую оперу. Я видѣлъ „Осаду Гента“ (такъ тогда называлась опера „Пророкъ“) и восхищался пѣніемъ Нантье-Дидье, когда она видѣла своего сына въ „Пророкѣ“ и восклицала „mio filio“ Опера роскошно была поставлена,—а я сидѣлъ въ „райкѣ“: тогда „раекъ“ стоилъ 25 коп. Трудно было видѣть артистовъ во весь ихъ ростъ: я видѣлъ преимущественно ноги,— но утѣшались всѣ мы, меломаны, тѣмъ сознаніемъ, что главное— пѣніе и музыка, а все остальное—не важно.

Рѣдко, но посѣщалъ я и Александринскій театръ. Тамъ я видѣлъ оперу „Аскольдова Могила“. Партію неизвѣстнаго исполнялъ Петровъ, а партію Торопки исполнялъ Булаховъ. Въ этомъ же театрѣ я видѣлъ знаменитаго трагика Вас. Андреевича Каратыгина въ піесѣ „Материнское Благословеніе“, въ „Денщикѣ“, Кукольника, въ „Та-

расѣ Бульбѣ“, въ піесѣ „Отецъ и Дочь“ и въ „Русской Свадьбѣ“, Сухорукова. Игра этого артиста иногда до слезъ меня трогала, и публика относилась къ нему самымъ благосклоннымъ образомъ. Видѣлъ и другую знаменитость того времени въ театрѣ — комика А. Евстафіевича Мартынова въ піесѣ „Я именинникъ“. Тутъ Мартыновъ былъ неподражаемъ простотою своею, самою простѣйшею простотою. Въ комедіи „Знакомые Незнакомцы“ Мартыновъ былъ удивителенъ.. Весь театръ помиралъ со смѣху...

Развитію любви къ изящному у студентовъ содѣйствовало посѣщеніе ими выставокъ въ Академіи Художествъ. Какія мы тогда картины видѣли,—того я не въ силахъ передать. Еще тогда (1851 г.) были живы Ивановъ и Брюлловъ. Ихъ картины выставлялись въ Академіи Художествъ. Я видѣлъ геніальную картину Иванова „Явленіе Мессіи народу“. Что это была за картина! Часъ бывало стоишь, еще часъ стоишь, а все хочется смотрѣть на нее. И въ другое воскресенье придешь, и опять благоговѣйный трепетъ находитъ на тебя, и смотришь и стоишь, и стоишь и смотришь... То же чувство охватывало душу другихъ посѣтителей, стоявшихъ у высокохудожественной картины...

Развитію литературнаго образованія содѣйствовала тогдашняя литература наша. Тогда еще (1851 — 1852 гг.) живы были Гоголь, Жуковскій, прежніе вожатые литературы. Студенты говорили о второй части „Мертвыхъ Душъ“. Былъ въ Институтѣ тогда на старшемъ курсѣ студентъ Эдуардъ Эвальдъ (впослѣдствіи извѣстный преподаватель словесности въ Академіи Художествъ, въ Консерваторіи,—владѣвшій замѣчательнымъ даромъ слова). Онъ приносилъ намъ изъ города вѣсти о новинкахъ литературы, а тогда были въ полномъ юношескомъ цвѣту Тургеневъ, Григоровичъ, Писемскій, В. Крестовскій (псевдонимъ) и начинавшій свою литературную извѣстность гр. Л. Н. Толстой (въ 1852 году „Дѣтство и отрочество“ напечатано въ „Современникѣ“). Въ журналахъ появлялись поэтическія стихотворенія Фета, Майкова, Полонскаго.

На лекціи славянскихъ нарѣчій профессоръ Срезневскій читалъ намъ стихотвореніе Майкова „Клермонтскій Соборъ“. Возвратившійся изъ города студентъ спроситъ товарища: а читали вы „Лѣшій“ Писемскаго? а читали вы „Провинціалку“ Тургенева? а читали вы „Проселочныя Дороги“ Григоровича? Другой спроситъ: а читали вы новыя стихотворенія Щербины? а Фета? а Майкова? А читали разсказъ С. Т. Аксакова „Охота съ острогою?“ (въ „Москвитянинѣ“ 1854 г. напечатано). — А читали критику Кавелина на І-й томъ „Исторіи“ Соловьева? — А „Пропилеи“ видѣли? Такъ назывался журналъ по классической древности, издававшійся профессоромъ

Леонтьевымъ въ Москвѣ. — А читали разборъ Кудрявцева (профессора Московскаго) трагедіи „Эдипъ-Царь?“ (Напечатано было въ „Пропилеяхъ“): такой вопросъ мнѣ задавалъ Н. Ѳ. Соколовъ, впослѣдствіи начальникъ женскихъ гимназій.—А „Ярмарку Тщеславія“ Тэккерея читали? А „Холодный Домъ“ (романъ Диккенса)? Вопросъ вызывалъ желаніе добыть тотъ журналъ, гдѣ появились указанныя (или другія) произведенія хорошихъ русскихъ писателей. Я доставалъ современные журналы у профессора словесности Института С. И. Лебедева. Нѣкоторые студенты получали современные журналы изъ библіотеки и отъ директора и дѣлились ими со своими товарищами.

Въ Институтѣ самими студентами практиковались литературныя чтенія. Студентъ нашего младшаго курса, Силинъ (болѣзненный юноша), прекрасно читалъ повѣсти Гоголя,—и когда онъ читалъ, то около него собиралась кучка студентовъ, внимательно его слушавшихъ. Я и теперь (1904 г.) помню, съ какимъ воодушевленіемъ читалъ Силинъ „Тараса Бульбу“, особенно описаніе степей. Слова „чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши!“, — эти слова Силинъ произносилъ съ особенною увлекательною выразительностью. Нѣкоторые студенты читали вмѣстѣ классиковъ и толковали ихъ другъ другу (такъ дѣлалъ А. Д. В.).

Для развитія умѣнья излагать свои мысли въ письмѣ, намъ задавали рядъ темъ по словесности на каждое полугодіе. Я писалъ разсужденія на слѣдующія темы: „Семейный бытъ въ русскихъ пословицахъ“,—„О св. Кириллѣ Туровскомъ“ (часть этого моего труда напечатана въ „Извѣстіяхъ 2-го Отдѣленія Академіи Наукъ“), разборъ драмы Пушкина „Борисъ Годуновъ“ (напечатано Глазуновымъ въ 1899 году, „О русскихъ учебникахъ по теоріи прозаическихъ сочиненій“ (напечатано въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“ за 1856 и 1861—1862 гг.), — „О Симеонѣ Полоцкомъ“ (находятся у меня въ рукописи съ поправками К. А. Скворцова, бывшаго адъюнктъ-профессоромъ въ Институтѣ).

По опредѣленію Конференціи Главнаго Педагогическаго Института, выходили время отъ времени сборники сочиненій, написанныхъ студентами Института. Намъ, студентамъ младшаго курса, выдали на руки одинъ изъ такихъ сборниковъ подъ названіемъ: „Опыты историко-филологическихъ и физико-математическихъ трудовъ студентовъ Главнаго Педагогическаго Института седьмого выпуска“. Спб. 1853 г. — Здѣсь напечатаны: 1. Мысли Платона о воспитаніи юношества. *А. Кургановича.*—2. Глоссы Mater Verborum. *К. Скворцова* (впослѣдствіи адъюнктъ - профессора). — 3. Теорія маятника. *Н. Будаева.* — 4. Аналитическій выводъ явленія, замѣчаемаго при

прохожденіи круговымъ образомъ поляризованнаго свѣта черезъ пластинку шпата по направленіямъ, близко подходящимъ къ его оптической оси. *Е. Кедрова*. — 5. Объ анализахъ пива и виноградного вина. *В. Григорьева*.

Кромѣ курсовыхъ (или полукурсовыхъ) сочиненій, мы составляли у профессора словесности (С. И. Лебедева, впослѣдствіи былъ членомъ - ревизоромъ при Св. Синодѣ) классныя сочиненія, т. е. такія небольшія сочиненія, которыя мы читали въ аудиторіи въ присутствіи профессора и товарищей. Тему мы избирали сами, разрабатывали ее, потомъ писали сочиненіе и приносили въ аудиторію для прочтенія. Я такимъ образомъ написалъ одно сочиненіе (на младшемъ курсѣ) подъ названіемъ „Разборъ драмы Н. А. Полевого „Костромскіе Лѣса". Это сочиненіе я читалъ въ аудиторіи, въ два пріема, такъ какъ въ теченіе одной лекціи я не могъ его окончить. Этотъ же профессоръ назначалъ намъ практическія упражненія въ чтеніи (и тоже на младшемъ курсѣ). Онъ хотѣлъ пріучить насъ хорошо читать. Для этого совѣтовалъ избирать сочиненія Карамзина, отличнаго стилиста. При чтеніи студента вслухъ профессоръ поправлялъ его, если студентъ монотонно читалъ, или не умѣлъ ставить логическаго ударенія, или вносилъ въ свое чтеніе провинціальное произношеніе,—однимъ словомъ—пріучалъ насъ къ хорошему и выразительному чтенію. И въ продолженіе перваго учебнаго года каждая лекція профессора словесности начиналась чтеніемъ Карамзина студентомъ. На первомъ курсѣ оба отдѣленія (и словесное, и физико-математическое) вмѣстѣ собирались на лекціяхъ по словесности и слушали весь курсъ словесности какъ теоретическій, такъ и историческій (исторія русской словесности здѣсь читалась вкратцѣ,—а на старшемъ курсѣ профессоръ подробно излагалъ словесному отдѣленію исторію русской словесности).

Изъ фактовъ воспитательнаго характера разскажу только о нѣкоторыхъ, и доселѣ живо стоящихъ передъ мною.

Первый день Пасхи мы встрѣчали по-семейному. Въ церковь приходили директоръ съ семействомъ, ректоръ университета П. А. Плетневъ съ семействомъ (онъ каждое воскресенье посѣщалъ церковь во время литургіи), нѣкоторые профессора со своими женами, инспекторъ нашъ съ супругою, старшій надзиратель съ супругою и всѣ студенты, остававшіеся въ Петербургѣ на святую недѣлю. Студенты были всѣ въ мундирахъ. Пѣніе ихъ на клиросѣ было старательное, радостное: студенты-пѣвчіе особенно усердствовали въ этотъ день. По окончаніи богослуженія нашъ законоучитель, протоіерей Солярскій (онъ же и настоятель университетской церкви) приходилъ съ крестомъ къ намъ въ институтъ и послѣ пасхальнаго

пѣснопѣнія всѣ (и директоръ съ семействомъ, и профессора съ ихъ семействами) разговлялись: директоръ и его гости — въ пріемной длинной залѣ, а мы, студенты,—въ столовой. Директоръ со всѣми намъ христосовался. Въ такой радостный день намъ давали праздничную пищу въ изобиліи; отъ казны полагалась бутылка вина на каждый столъ для студентовъ. Давали намъ и по чашкѣ кофею со сливками. Было всѣмъ хорошо и радостно: все, видѣнное нами, напоминало намъ семью нашихъ родителей, нашихъ братьевъ и сестеръ...

Нашъ директоръ (Ив. Ив. Давыдовъ) пользовался всякимъ случаемъ, чтобы привить намъ хорошія привычки. Такъ, посѣщая уроки танцевъ нашихъ и присутствуя на нихъ неоднократно, онъ внушалъ намъ, что первое дѣло образованнаго человѣка умѣть представиться, входя въ домъ знакомыхъ—умѣть раскланяться и войти. И потому заставлялъ насъ каждаго по очереди подходить къ нему и раскланяться, отходя, и это въ присутствіи учителя танцевъ. Если что-нибудь не такъ выходило, то учитель танцевъ (изъ Императорскаго театра) самъ показывалъ намъ, какъ надо входить и уходить.

Гуманность директора показываютъ тѣ взысканія, которыя онъ налагалъ на провинившихся. Главнымъ его взысканіемъ было отправленіе виновнаго въ лазаретъ на габеръ-супъ. Директоръ внушалъ студенту, что проступокъ противъ правилъ Института (а эти правила въ печатномъ видѣ каждому изъ насъ были выданы) есть болѣзнь, и больного такою болѣзнью студента надо лѣчить въ лазаретѣ. И студента отправляли въ лазаретъ, при Институтѣ же находившійся. Директоръ говорилъ виновному, что, когда онъ одумается и придетъ въ себя, пусть напишетъ ему, директору, письмо... Студентъ, пробывъ день (много два) въ лазаретѣ, писалъ покаянное письмо директору съ обѣщаніемъ впредь не нарушать установленныхъ правилъ,—директоръ прочитывалъ письмо и дѣлалъ распоряженіе о выпускѣ студента изъ лазарета.

Со мною разъ былъ такой случай. 17 сентября, въ день памяти Вѣры, Надежды, Любви и матери ихъ Софьи, мы, по заведенному порядку, получали отъ директора разрѣшеніе на отпускъ послѣ лекцій къ роднымъ и знакомымъ до 11-ти часовъ ночи, а нѣкоторые студенты могли въ этотъ день и ночевать дома, если имѣли разрѣшеніе. Надѣясь на такой прежде бывшій обычай, я, не дождавшись общаго разрѣшенія директора на отпускъ въ этотъ день, ушелъ изъ Института до обѣда, сейчасъ послѣ лекцій и отправился въ Александровскую мануфактуру (въ окрестностяхъ Петербурга) на именины... Побылъ на именинахъ и захотѣлъ еще пожить здѣсь недѣльку, чтобы полюбоваться на увяданіе природы, подышать свѣжимъ осеннимъ воздухомъ и послушать шелестъ листьевъ въ ро-

щахъ, которыя тогда росли здѣсь около Невы; пріятно также мнѣ было посмотрѣть на хмурыя, чернѣвшія поля. Я дышалъ полною свободою... Чтобы исполнить формальности, я упросилъ хозяина семейства, гдѣ я пребывалъ (а онъ былъ „губернскій секретарь" по чину, а по должности смотритель лазарета), написать извѣщеніе въ Институтъ, что я-де захворалъ. Хозяинъ исполнилъ мою просьбу. И я успокоился и продолжалъ мои наблюденія надъ осеннею природою. И такъ я прожилъ здѣсь цѣлую недѣлю... Возвращаясь въ Институтъ, я узналъ, что разрѣшенія отъ директора на бывалый отпускъ въ день 17-го сентября не послѣдовало, и—я поникъ всѣмъ сердцемъ своимъ... Направляясь по Институту въ свою камеру въ 3-мъ этажѣ, я проходилъ черезъ комнату, гдѣ директоръ и старшій надзиратель ходили... Увидя меня, директоръ сказалъ: „Вы теперь все потеряли"... и продолжалъ ходить, а я—стоять. Помолчавши, я сказалъ: „увѣдомленіе было послано о моей болѣзни". А директоръ въ отвѣтъ: „понималъ ли *губернскій* секретарь, что онъ писалъ?" А немного погодя сказалъ: „идите въ свою камеру"...

Я былъ ни живъ, ни мертвъ. Слова „вы теперь все потеряли" меня потрясли (я былъ на старшемъ курсѣ и учился послѣдній годъ въ Институтѣ)...

Всю ночь я не спалъ и все думалъ, что дѣлать... Въ пять часовъ утра я всталъ. Написалъ директору покаянное письмо, гдѣ ничего не скрывая, повѣдалъ ему все, что я дѣлалъ эту недѣлю и просилъ прощенія... Послѣ утренняго завтрака, часовъ въ $8^1/_2$ явился я въ квартиру директора съ письмомъ своимъ (у него тогда никого не было; директоръ меня принялъ, прочелъ мое письмо и сказалъ: „идите съ Богомъ"! и—тѣмъ все кончилось... Никто мнѣ о моемъ проступкѣ не напоминалъ потомъ—ни директоръ, ни инспекторъ, ни старшій надзиратель, ни гувернеръ... Я ждалъ грозной расправы, а вышла полная Божья милость... Такимъ человѣкомъ былъ нашъ директоръ, Ив. Ив. Давыдовъ...

Грознымъ, но грустно-грознымъ онъ явился въ одномъ только случаѣ, когда студентъ старшаго курса, первый по списку, попался въ нетрезвомъ видѣ на улицѣ и учинилъ столкновеніе съ полиціею... Дѣло было очень серьезное, а царствовалъ тогда Императоръ Николай Павловичъ, строгій исполнитель законовъ благочинія. Подробностей проступка студента я не знаю, а разскажу только, что я видѣлъ самъ. Днемъ намъ велѣно было всѣмъ—и старшему и младшему курсамъ—выстроиться въ корридорѣ передъ нашими камерами. Пришелъ директоръ и старшій надзиратель. Директоръ, видимо опечаленный, сказалъ намъ: „Вы знаете, какое пятно наложилъ на наше заведеніе одинъ недостойный студентъ. Я доложилъ, „съ растерзан-

нымъ сердцемъ“ (его подлинныя слова) министру, и студентъ виновный подлежитъ исключенію... Берегите себя, своихъ родителей и честь заведенія“. Голосъ директора какъ бы оборвался, онъ поклонился намъ и удалился, сильно опечаленный, скорбящій...

Онъ исполнилъ свой долгъ, какъ директоръ учебнаго заведенія... Потомъ сталъ исполнять въ отношеніи этого студента долгъ гуманности. Виновный студентъ былъ племянникъ директора, одинъ изъ даровитѣйшихъ студентовъ. Директоръ устроилъ исключеннаго изъ института студента въ Медико-Хирургической Академіи. Тамъ этотъ молодой человѣкъ пошелъ въ гору, и скоро мы услышали о большихъ его успѣхахъ по медицинѣ. Бывшій съ нимъ случай, грѣхъ молодости, вразумилъ его, и онъ сталъ воспитывать дарованные ему Богомъ таланты.

Ораторское свое дарованіе нашъ директоръ показывалъ на выпускныхъ актахъ. На каждомъ актѣ, при выпускѣ новыхъ педагоговъ послѣ четырехлѣтняго ихъ обученія въ Институтѣ, директоръ говорилъ краткую, но умную рѣчь, обращаясь къ новымъ воспитателямъ юношества. Въ рѣчи, обращенной къ нашему выпуску, онъ, разъяснивъ нашу обязанность совершенствовать свое образованіе новыми чтеніями и размышленіями, сказалъ намъ изъ оды Ломоносова слѣдующія слова:

О вы, которыхъ ожидаетъ отечество отъ
нѣдръ своихъ
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ изъ странъ чужихъ.
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ ободрены
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать.

Эти слова такъ сильно были произнесены, съ такимъ ораторскимъ одушевленіемъ, что невольно дрожь проникала въ сердце. Директоръ былъ большой мастеръ произносить умныя рѣчи.

Въ 1878 году, въ день пятидесятилѣтія отъ основанія Главнаго Педагогическаго Института, мы, бывшіе студенты его, а тогда уже состоявшіе на службѣ государственной, собрались, по предварительному соглашенію, устроенному усердными хлопотами П. И. Степанова (нынѣ начальника женскихъ гимназій въ Петербургѣ и бывшаго питомца Института), — на обѣдъ. Тутъ былъ и нашъ бывшій инспекторъ А. Н. Тихомандритскій и наши бывшіе профессора. Многое припоминалось изъ жизни Института... За бокаломъ шам-

панскаго директоръ Строительнаго училища, бывшій питомецъ Института, Богоявленскій, сказалъ:

„Птенцы, за колыбель“! и всѣ молча выпили за свою „колыбель“, т. е. за Главный Педагогическій Институтъ, въ 1859 г. закрытый...

Пусть эти краткія воспоминанія будутъ привѣтомъ бывшему Главному Педагогическому Институту,—этой „колыбели“ моего педагогическаго образованія,—и его трудящимся питомцамъ, покрытымъ теперь уже „зимою дней“... Это говоритъ имъ—

Одинъ изъ птенцовъ Института.

Педагогическій процессъ.

(*Окончаніе*).

XI.

Видоизмѣненія педагогическаго процесса по возрастамъ.

Какую общую картину представляетъ педагогическій процессъ въ тѣ различные возрасты, въ которые онъ совершается? Какія главныя измѣненія въ немъ происходятъ? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что наблюдающіе за развитіемъ и формировкой человѣческой личности довольно ясно представляютъ эту картину и ея главнѣйшія перемѣны. На первыхъ порахъ дитя вполнѣ безпомощно; за нимъ долженъ быть самый тщательный уходъ; все должно быть дано ему, иначе оно погибнетъ. Каково будетъ это дитя,—здоровое или слабое, больное, крѣпкое, сильное, умное или глупое, доброе или злое—ничего неизвѣстно; нужно, чтобы дитя выжило, а тамъ видно будетъ, что изъ него выйдетъ. Помаленьку дитя набирается силъ, становится на свои ноги; но еще долго его природа, его наслѣдственныя личныя особенности остаются неясными. Поэтому ничего не остается воспитателямъ, какъ только давать пищу, матеріалъ для всесторонняго саморазвитія дитяти, для обнаруженія всѣхъ его свойствъ. Мало-по-малу свойства обнаруживаются; между ними оказываются удобныя и неудобныя. Что дѣлать? Бороться съ неудобными прямо невозможно, потому что воспитываемый никакихъ своихъ недостатковъ не замѣчаетъ и продолжаетъ равно жить всѣми своими свойствами какъ хорошими, такъ и дурными. У него пока нѣтъ еще критики ни себя, ни другихъ: себя онъ еще не позналъ, держивать себя не умѣетъ. На попытки ограниченія дурныхъ своихъ свойствъ онъ смотритъ, какъ на стѣсненіе своей свободы, на насильственное угнетеніе своей личности. Слѣдовательно, воспитываемый продолжаетъ развиваться всѣмъ своимъ существомъ, а бороться съ его недостатками можно пока косвенно, устрояя обстановку дитяти такъ, чтобы получаемыя имъ впечатлѣнія

способствовали его благу, а не вреду, содѣйствовали бы усовершенствованію его личности. Такая обстановка будетъ состоять въ гигіеническомъ помѣщеніи, добромъ товариществѣ, хорошемъ ученьи и т. п.

Мало-по-малу у воспитываемаго пробуждается критическое отношеніе и къ другимъ и къ себѣ: онъ начинаетъ замѣчать разные недочеты и въ себѣ и въ другихъ Если педагогическій процессъ совершался правильно, то сознаніе недочетовъ вызываетъ обыкновенно намѣренное желаніе усовершенствованія и своей личности и другихъ и цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ осуществленію этого желанія. Самоусовершенствованіе становится прямою задачею жизни и дѣятельности и выражается во множествѣ дѣйствій, въ порядкѣ жизни, знакомствахъ, занятіяхъ и пр. Чѣмъ острѣе критическое отношеніе къ дѣйствительности, къ дѣятельности другихъ и къ своей личности, тѣмъ живѣе бываетъ сознаніе потребности усовершенствованія всей окружающей среды, господствующихъ въ ней порядковъ и самоусовершенствованія собственной личности. Критика и самоусовершенствованіе нераздѣльны.

Такимъ образомъ, педагогическій процессъ въ общемъ своемъ ходѣ и основномъ психологическомъ смыслѣ представляетъ двѣ главныя эпохи, или два періода: саморазвитія и самоусовершенствованія, вѣры и критики, непосредственнаго, наивнаго, довѣрчиваго отношенія ко всему и рефлективнаго, отрицательнаго. Въ первомъ періодѣ все представляется мудрымъ, все истиннымъ, все авторитетнымъ; во второмъ многое, если не все, сомнительнымъ, прямо ложнымъ, подлежащимъ уничтоженію и измѣненіямъ. „Долой авторитеты!“— девизъ второго періода.

Охарактеризуемъ подробнѣе каждый изъ этихъ періодовъ, имѣя въ виду тѣ измѣненія, которыя вносятся въ каждый періодъ различными возрастами.

Періодъ саморазвитія отличается преобладаніемъ воспріятій, усвоенія надъ творчествомъ, надъ такой или иной переработкой получаемыхъ впечатлѣній. Въ первые годы жизни совершается громадная работа усвоенія. Усвояются предметы и явленія природы съ ихъ частями, свойствами, примѣненіями и отношеніями; усвояется языкъ, родной и иностранный; усвояются начала различныхъ наукъ и искусствъ; усвояется порядокъ жизни и ея явленій, т. е. факты семейной и общественной среды. Каждая изъ поименованныхъ группъ заключаетъ въ себѣ неизмѣримое число явленій; всѣ они тѣснятся въ память дитяти, поперемѣнно завладѣваютъ его вниманіемъ и оставляютъ въ его сознаніи болѣе или менѣе прочные слѣды. Дитя жадно впитываетъ всѣ эти впечатлѣнія, и ихъ громадное число

и разнообразіе неизбѣжно даютъ одностороннее направленіе всей душевной жизни—преобладаніе процесса усвоенія надъ творчествомъ, надъ переработкой впечатлѣній. Чтобы творчество было возможно, нужно ослабленіе притока впечатлѣній, другими словами, нѣкоторое знакомство съ ними, усвоеніе ихъ.

Другая характерная черта перваго періода есть преобладаніе въ духовной жизни субъективныхъ элементовъ надъ объективными, въ частности значительное вліяніе чувствованій на мышленіе и всю дѣятельность. Ранѣе было упомянуто, что количество нервныхъ волоконъ у ребенка то же, что и у взрослаго, а площадь распространенія ихъ различна: у дитяти мала, у взрослаго велика. Поэтому дѣти чувствительны и страстны и къ объективному мышленію и дѣйствованію мало склонны и способны. Они постоянно гонятся за удовольствіемъ; что пріятно, то, по ихъ взглядамъ, и истинно, и справедливо. Чѣмъ меньше дѣти, тѣмъ тверже они вѣруютъ въ догматъ, что единственная цѣнность жизни—это непосредственное, сейчасъ испытываемое, удовольствіе. И эта вѣра у нихъ, конечно, есть не результатъ какого-либо теоретическаго убѣжденія и размышленія, а непосредственное изліяніе ихъ природы, непроизвольная мысль и настроеніе. Стремиться къ чему-либо, не имѣющему непосредственной пріятности, дѣтямъ несвойственно: такія стремленія имъ чужды, непонятны, и доводы въ этомъ направленіи не имѣютъ въ ихъ глазахъ никакой убѣдительной силы. Сдѣлать что-либо, не обѣщающее непосредственнаго удовольствія, ихъ можно заставить, но убѣдить ихъ разумъ въ цѣлесообразности такой дѣятельности невозможно.

Третья характерная черта педагогическаго процесса въ періодъ вѣры есть быстрота и живость реакцій, не задерживаемыхъ широко развитою мыслительностью и опытомъ. Душевное явленіе обыкновенно представляетъ въ своемъ развитіи смѣну трехъ моментовъ: впечатлѣнія, его переработки и выраженія во внѣ. Дѣтская душевная жизнь характеризуется, какъ уже было замѣчено, слабостью средняго момента, недостаткомъ переработки впечатлѣній, творчества. Внѣшнее впечатлѣніе не задерживается долго въ сознаніи дитяти и почти сейчасъ же выражается во внѣ какимъ-либо движеніемъ. Дитя что-либо видитъ, слышитъ, осязаетъ и сейчасъ же, подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія, говоритъ, кричитъ, смѣется, плачетъ, прыгаетъ и т. п. Быть неподвижнымъ, затаивать впечатлѣніе въ себѣ, не сообщать о немъ другимъ, секретничать, хранить тайны—дитя не можетъ и не желаетъ. Это противорѣчитъ его натурѣ. Съ полученнымъ впечатлѣніемъ оно ничего еще подѣлать не можетъ, перерабатывать его не въ состояніи; оно не можетъ и просто держать его въ памяти, такъ какъ каждое впечатлѣніе есть живая

сила, требующая выраженія, толкающая на дѣятельность. Поэтому реакціи дѣтей на получаемыя впечатлѣнія весьма быстры и живы.

Нерефлективный періодъ, періодъ вѣры, обнимаетъ собою различные возрасты: младенчество, дѣтство и отрочество. Эти три возраста, по своему психологическому характеру, распадаются на двѣ эпохи: время преобладанія во всей жизни и дѣятельности впечатлѣній на органы внѣшнихъ чувствъ (младенчество и дѣтство) и время преобладанія книжной памяти и учебныхъ интересовъ (отрочество).

Господствующее положеніе впечатлѣній на органы внѣшнихъ чувствъ во всей дѣятельности въ возрасты младенчества и дѣтства очевидно. Въ эти возрасты человѣкъ живетъ духовно лишь до тѣхъ поръ, пока получаетъ впечатлѣнія на органы внѣшнихъ чувствъ. Если взрослый человѣкъ ищетъ уединенія и перерыва внѣшнихъ впечатлѣній, чтобы хорошенько обдумать какую-либо мысль, или сосредоточиться на какомъ-либо чувствѣ, то дитя поступаетъ совершенно напротивъ: оно и думаетъ и чувствуетъ только до тѣхъ поръ, пока внѣшнія впечатлѣнія возбуждаютъ его; уединеніе, темнота, тишина, лишая его духовной пищи, уничтожаютъ вмѣстѣ и его духовную дѣятельность. Поэтому дитя рвется вонъ изъ темныхъ и безшумныхъ мѣстъ; оно постоянно ищетъ свѣта, звуковъ, товарищей, совмѣстныхъ шумныхъ игръ. Оно замираетъ при отсутствіи внѣшнихъ возбужденій; у него въ душѣ почти ничего не остается, кромѣ страха. Съ глазъ долой — и изъ сердца, и изъ памяти, и изъ ума вонъ. Такъ обыкновенно бываетъ у дѣтей. Естественно поэтому, что у дѣтей реакціи на впечатлѣнія бываютъ почти мгновенны, и возможна смѣна почти противоположныхъ, одно за другимъ непосредственно слѣдующихъ, настроеній и чувствъ. Поэтому же обдуманности въ дѣйствіяхъ у дѣтей никакой не бываетъ, и способность сдержки отсутствуетъ почти сполна.

Отрочество приноситъ съ собою значительное измѣненіе въ складѣ душевной жизни. Дитя начинаетъ учиться, посѣщать школу: у него возникаютъ особенные школьные интересы. Этотъ возрастъ характеризуется преобладаніемъ книжной памяти. Нужно замѣтить, что дѣтская память много и сильно работала и въ первый періодъ: одновременно съ впечатлѣніями на органы внѣшнихъ чувствъ совершается и ихъ запоминаніе. Въ первый періодъ дитя усвояетъ очень много. Во второй періодъ преобладаніе усвоенія надъ творчествомъ продолжается, но усвоеніе бываетъ въ этотъ періодъ другого рода: не дѣйствительныхъ впечатлѣній природы и жизни, но книжныхъ знаній, обыкновенно довольно отвлеченныхъ и далекихъ отъ окружающей дитя среды. Въ періодъ отрочества, въ школѣ, дитя знакомится съ началами наукъ и искусствъ; его кругозоръ чрезвы-

чайно расширяется, выходитъ далеко за предѣлы окружающей среды, а вмѣстѣ быстро начинаетъ формироваться и усиливаться средній моментъ душевныхъ явленій, т.-е. переработка полученныхъ впечатлѣній. Отрокъ начинаетъ думать и задумываться, хотя больше при помощи памяти, чѣмъ ума, т.-е. больше припоминать по поводу полученнаго впечатлѣнія, чѣмъ разсуждать по настоящему; но и это много значитъ. Переработка полученнаго впечатлѣнія, хотя и въ весьма несовершенномъ видѣ, служитъ основой нѣкоторой обдуманности въ дѣйствіяхъ, появленія сдержки въ поведеніи, что въ свою очередь влечетъ меньшую быстроту реакціи на впечатлѣнія. Душевная жизнь измѣняется въ своемъ строѣ, начинается заря новой эпохи во всемъ развитии человѣка.

Начала критики падаютъ на періодъ вѣры. Критика начинается потрясеніемъ авторитетовъ родителей, старшихъ въ семьѣ, учителей въ школѣ, подъ вліяніемъ замѣчаемаго несогласія между словомъ и дѣломъ старшихъ, ихъ недостаточныхъ въ какомъ-либо отношеніи знаній, ихъ разными другими личными недостатками, а также вслѣдствіе стѣсненія свободы дѣтей и лишенія ихъ удовольствій. Извѣстно, что и небольшія дѣти весьма живо и энергично протестуютъ противъ всякаго рода стѣсненій и готовы бываютъ видѣть высшую несправедливость въ лишеніи ихъ какихъ-либо пріятныхъ вещей и состояній. Больше или меньше критики въ періодъ вѣры — это зависитъ отъ постановки воспитанія и отношеній взрослыхъ. При разумной постановкѣ воспитанія періодъ вѣры изживается весь сполна; при недочетахъ критика начинается рано и нерѣдко выражается въ рѣзкихъ формахъ.

Особенно критика свойственна юности. Новыя поколѣнія хотя и воспитываются старшими, но всегда отъ нихъ отличаются, преслѣдуютъ свои задачи и цѣли. Борьба поколѣній рано даетъ себя чувствовать: старшіе борятся за свою руководящую, направляющую роль, за свое господствующее положеніе, а младшіе за свою самостоятельность, за право имѣть и подавать свой голосъ. Въ юношескомъ возрастѣ зарождается неискоренимое недовѣріе къ авторитетамъ, глубокое стремленіе ихъ развѣнчать и низвергнуть, и параллельно съ этимъ возникаютъ грандіозные замыслы о преобразованіи всего существующаго строя жизни, всѣхъ учрежденій и установленій. Довѣріе къ своимъ силамъ въ юности бываетъ большое; умственный кругозоръ значительно расширяется, является стремленіе обнять всю вселенную, составить стройное міровоззрѣніе. Въ то же время чувство является очень живымъ; пробуждающаяся половая любовь окрашиваетъ настроеніе въ особый цвѣтъ. Эгоистическое настроеніе дѣтства значительно смягчается, появляется глубокое сочувствіе ко всѣмъ

страждущимъ и угнетеннымъ. Словомъ, юношескій возрастъ представляетъ собою расцвѣтъ силъ и педагогическаго процесса жизни.

Нужно глубоко продуманное и симпатическое отношеніе къ юности, чтобы направить педагогическій процессъ надлежащимъ образомъ въ этотъ періодъ. Дѣло въ томъ, что юношескій расцвѣтъ жизни легко можетъ превратиться въ пустоцвѣтъ, излиться звонкими фразами и дальше не пойти. Нерѣдко юноши отвергаютъ авторитетъ съ чужого голоса, повинуясь другому авторитету, такъ что собственно происходитъ не отрицаніе авторитетовъ вообще, а смѣна различныхъ, можетъ быть, даже противоположныхъ авторитетныхъ направленій. Своего продуманнаго и прочувствованнаго у юности бываетъ мало: всѣ замыслы носятъ книжный характеръ, часто бываютъ навѣяны со стороны; настоящаго творчества еще нѣтъ, а есть мечты и фантазіи. Главный же недостатокъ юности заключается въ томъ, что она очень часто забываетъ о своемъ личномъ самоусовершенствованіи. Все критикуется, авторитеты отвергаются, существующій строй жизни признается совершенно неудовлетворительнымъ и подлежащимъ коренному преобразованію; одно только хорошо—личность реформатора, не требующая никакихъ усовершенствованій: она совершенна. Такое убѣжденіе было бы печально и несомнѣнно свидѣтельствовало бы о поверхностности реформаторскихъ стремленій: все худо, только я одинъ хорошъ; все подлежитъ коренной ломкѣ, только моя личность останется неизмѣнной; я буду все реформировать, только самъ не буду совершенствоваться. Это плохо. Стремленіе къ усовершенствованію нужно направить прежде всего на собственную личность. У каждаго есть недостатки; критическое отношеніе къ себѣ и другимъ должно обнаружить ихъ, и нужно сознательно и намѣренно стремиться къ искорененію недостатковъ и пополненію разныхъ личныхъ недочетовъ и пробѣловъ. Охотниковъ же реформировать весь міръ кореннымъ образомъ, оставляя въ полномъ покоѣ свою личность, бываетъ очень много, но толку изъ ихъ реформаторскихъ стремленій не выходитъ никакого. Врачъ, исцѣлися прежде всего самъ!

Твердо помня указанные два недостатка юности—стремленіе отвергать всякаго рода авторитеты часто не по требованію собственнаго разума, а по требованію другого авторитета, и стремленіе все реформировать, мало озабочиваясь усовершенствованіемъ собственной личности, не нужно забывать, что эти недостатки естественно истекаютъ изъ благороднѣйшихъ свойствъ развивающейся человѣческой натуры: пробуждающейся самодѣятельности разума и возникающихъ широкихъ альтруистическихъ свойствъ. Было бы не только печально, но и прямо опасно для благополучія общества, борясь съ

недостатками юности, изсушать и самые источники юношескихъ непріятныхъ стремленій. Конечно, и грустно отчасти и отчасти комично наблюдать, какъ юноша, съ яростью ополчаясь противъ одного авторитета, сейчасъ же добровольно отдается въ плѣнъ другому. Задача педагога въ этомъ случаѣ заключается не въ навязываніи авторитета старшихъ, а въ развитіи и поддержкѣ умственной самодѣятельности юношества, въ томъ, чтобы помочь стать молодымъ людямъ на собственныя ноги въ умственной жизни. Точно также, указывая юношеству на необходимость личнаго усовершенствованія, не слѣдуетъ пытаться закрыть ихъ глаза на недостатки существующаго и убѣждать ихъ, что окружающій строй жизни не требуетъ реформъ, и что они должны замкнуться въ своей дѣятельности предѣлами данной личности. Проповѣдь такого ограниченнаго и въ то же время эгоистическаго самоусовершенствованія противорѣчитъ широкому альтруизму юности и подсѣкаетъ его, что въ высшей степени вредно; общественный квіетизмъ и самоуслажденіе никому не нужны. Жизнь требуетъ непрерывнаго самоусовершенствованія, личнаго и общественнаго.

Вообще юношество нуждается въ симпатичномъ, осторожномъ и мудромъ руководствѣ. Оно стремится постоянно къ идеальному, даже въ своихъ увлеченіяхъ и преувеличеніяхъ, и за осуществленіе своихъ стремленій готово жертвовать всѣмъ, не исключая и жизни. Это нужно помнить и цѣнить.

Разсматриваемая вторая эпоха педагогическаго процесса падаетъ на юношескій и зрѣлый возрастъ. Съ окончаніемъ школьнаго образованія нерѣдко оканчиваются всѣ попытки самоусовершенствованія, даже самыя легкія и поверхностныя, и человѣкъ начинаетъ заботиться исключительно о карьерѣ и гоняться за матеріальными благами, всецѣло погрязая въ житейскомъ болотѣ. Если же юношескія попытки самоусовершенствованія продолжатся, то онѣ могутъ получить слѣдующія направленія:

1) заботы объ укрѣпленіи тѣла гигіенической обстановкой, регулярнымъ трудомъ, спортомъ, гимнастикой, физической работой и т. п.;

2) заботы объ умственномъ самоусовершенствованіи систематическимъ чтеніемъ, изученіемъ какой-либо науки, искусства;

3) заботы о нравственномъ самоусовершенствованіи участіемъ въ общеполезныхъ предпріятіяхъ, обществахъ, жертвами на общее благо своимъ трудомъ, средствами, выработкой сдержки, сочувствія къ людямъ, борьбой съ своими личными недостатками.

Надлежащія заботы о самоусовершенствованіи личности должны обнять всѣ эти стороны, иначе педагогическій процессъ явится одностороннимъ.

XII.

Видоизмѣненія педагогическаго процесса подъ вліяніемъ личныхъ свойствъ воспитываемыхъ.

Наряду съ вліяніемъ внѣшней природы и общественной среды, пола и возрастовъ, есть еще не менѣе необходимый родъ вліяній, измѣняющихъ педагогическій процессъ, именно воздѣйствіе личныхъ свойствъ воспитываемыхъ. Не только каждый народъ все воспринимаетъ по своему и обо всемъ думаетъ по своему, но и каждый человѣкъ. Каждая, самая скромная, личность есть свой особенный міръ, съ своими чувствованіями и намѣреніями, своеобразными помыслами и стремленіями; каждый человѣкъ неискоренимый субъективистъ: у каждаго свой характеръ, свой вкусъ, свои особенные органы внѣшнихъ чувствъ, свое здоровье и болѣзни, особенные умъ, память и фантазія. Когда смотришь на толпу, имѣешь дѣло съ массой людей, поражаешься ея однообразіемъ, одинаковостью стремленій и дѣйствій, подражательностью ея членовъ. Тогда ищешь, ищешь чего-либо своеобразнаго, особеннаго, личнаго и не находишь, какъ будто людская толпа простое стадо животныхъ, куча овецъ, подпрыгивающихъ тамъ, гдѣ подпрыгнулъ вожакъ. Совсѣмъ иное дѣло, когда имѣешь дѣло съ немногими отдѣльными личностями и когда тщательно къ нимъ присматриваешься: тогда открывается удивительное явленіе—разница во взглядахъ, споры и взаимное непониманіе, которые возрастаютъ почти съ каждой минутой; каждая личность представляется крѣпостью, въ которую никто посторонній проникнуть не можетъ, которую покорить невозможно. Каждый говоритъ свое и всѣхъ другихъ понимаетъ весьма плохо, безцеремонно извращая ихъ мысли и слова и приспособляя ихъ къ своимъ подчасъ самымъ удивительнымъ образомъ.

Въ чемъ заключаются источники личныхъ свойствъ? Почему они неизбѣжны въ каждомъ человѣкѣ? Источники личныхъ свойствъ заключаются въ наслѣдственности и особенностяхъ первоначальныхъ вліяній на дитя.

Наслѣдственность у каждаго своя, особенная. Въ крови, въ тѣлѣ, въ душѣ каждаго живутъ безчисленные предки, оставившіе своему потомку въ наслѣдство различныя свойства и предрасположенія къ извѣстнымъ дѣятельностямъ. Этими свойствами каждый человѣкъ предопредѣленъ въ своемъ характерѣ, въ своихъ поступкахъ и жизни. Нельзя по своей волѣ сдѣлаться умнымъ или красивымъ или сильнымъ или добрымъ; всѣ такія свойства въ насъ предопредѣлены живущими въ насъ предками. У каждаго свои предки съ особен-

ными свойствами; поэтому и потомки такихъ предковъ являются своеобразными личностями.

Въ одной и той же семьѣ наслѣдственность бываетъ различная. Предки тѣ же самые, но передача ими своихъ свойствъ потомкамъ бываетъ различной: у одного изъ потомковъ проявляются съ особенною силою свойства одного предка, ближайшаго, а у другого— отдаленнаго. Особенно замѣтное неравновѣсіе замѣчается по отношенію къ наслѣдованію отцовскихъ и материнскихъ свойствъ. Затѣмъ, родители, ихъ организмъ и соціальное положеніе не остаются неизмѣнными: съ каждымъ годомъ родители становятся старше, переносятъ болѣзни и различныя огорченія переселяются изъ мѣста въ мѣсто, съ квартиры на квартиру, глупѣютъ или умнѣютъ съ теченіемъ времени, становятся состоятельнѣе или беднѣе, заводятъ новыя знакомства и т. д. Все это вліяетъ на врожденныя свойства новыхъ членовъ семьи, а съ другой создаетъ особый, второй источникъ личныхъ свойствъ—своеобразныя не повторяющіяся впечатлѣнія на родившихся дѣтей, воспитаніе ихъ среди такихъ условій, которыхъ не было при воспитаніи старшихъ дѣтей и не будетъ при воспитаніи младшихъ. Эти своеобразныя впечатлѣнія глубоко западаютъ въ нѣжную дѣтскую душу, способствуя ея образованію въ извѣстныхъ направленіяхъ. Каждый знаетъ, какъ вліятельны и неискоренимы раннія дѣтскія впечатлѣнія и привычки, какую большую власть онѣ имѣютъ надъ дѣтской душой, и какъ сильно опредѣляютъ весь складъ человѣка, а вмѣстѣ и всю его дальнѣйшую судьбу. А при непрерывной измѣнчивости родительскихъ организмовъ и всей домашней обстановки раннія дѣтскія впечатлѣнія разныхъ дѣтей, принадлежащихъ и къ одной и той же семьѣ, не могутъ быть одинаковыми.

Личныя особенности съ наибольшей отчетливостью наблюдаются въ томъ случаѣ, когда онѣ состоятъ главнымъ образомъ въ какой-либо одной выдающейся чертѣ и соотвѣтствующей ей дѣятельности. Такъ, бываютъ дѣти съ явною преобладающею наклонностью къ наблюденію и изученію природы — насѣкомыхъ, растеній, животныхъ, звѣздъ и т. п., которыя каждую свободную минуту употребляютъ на любимое занятіе; бываютъ дѣти, выдающіяся своею способностью къ счету и математикѣ, къ изученію языковъ, къ состраданію къ другимъ, къ твердости и выдержкѣ дѣйствій и т. п. Тѣ измѣненія, которыя вносятъ эти преобладающія личныя черты въ педагогическій процессъ, совершенно очевидны даже для невнимательнаго наблюдателя.

Но не всегда личныя особенности выражаются такъ явно: часто личныя свойства бываютъ менѣе бросающимися въ глаза. Такъ

именно бываетъ, когда личныя особенности заключаются не въ преобладаніи одной какой-либо черты, а въ извѣстномъ сочетаніи, нѣсколькихъ свойствъ, въ ихъ группировкѣ и относительной вліятельности. Иной отличается мягкостью характера и обходительностью въ соединеніи съ хитростью и значительною эгоистичностью, иной прямотою въ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ, доходящею нерѣдко до рѣзкости и грубости, въ соединеніи съ глубокою благожелательностью и неизмѣнною готовностью помочь, выручить человѣка; у одного умственная ограниченность и отчасти тупость сопровождается большою памятью и временными проблесками какого-то своеобразнаго остроумія, при безпредѣльной усидчивости, трудолюбіи и честности; у другого чрезвычайно богата творческая способность, но память довольно плоха и рѣшительно нѣтъ безпристрастія въ отношеніяхъ къ людямъ и усидчивости въ работѣ. Подобныя сочетанія личныхъ свойствъ безчисленны, и ихъ постигнуть и опредѣлить гораздо труднѣе, чѣмъ какую-либо одну выдающуюся черту, такъ какъ онѣ выражаются не столь рельефно и районъ ихъ приложенія несравненно обширнѣе, чѣмъ первыхъ.

Тѣмъ не менѣе всѣ личныя особенности сказываются рано, и внимательному наблюдателю онѣ открываютъ себя во множествѣ явленій. Спросите наблюдательную мать про ея маленькихъ дѣтей, одинаковы ли они? Она вамъ отвѣтитъ: нѣтъ, различныя, и перечислитъ особенности каждаго. Спросите толковаго школьнаго учителя объ усвоеніи учениками или ученицами его класса однихъ и тѣхъ же уроковъ, о вліяніи уроковъ на развитіе дѣтей, и онъ вамъ отвѣтитъ, что дѣти воспринимаютъ и развиваются неодинаково, каждый изъ урока усвояетъ лучше то, къ чему онъ больше подготовленъ, что больше отвѣчаетъ его природѣ, его личнымъ свойствамъ. Дайте дѣтямъ того же возраста и пола прочитать одну книгу, поставьте ихъ предъ однимъ и тѣмъ же событіемъ, и потомъ спросите, что они вычитали изъ книги, что замѣтили въ событіи, и вы получите разные отвѣты: каждый по своему пойметъ и книгу и событіе. Личныя особенности даютъ себя чувствовать всюду, на каждомъ шагу.

Такъ какъ педагогическій процессъ есть не что иное, какъ усовершенствованіе личности, то онъ, очевидно, долженъ постоянно имѣть въ виду личныя свойства воспитываемыхъ. Прежде всего на эти личныя свойства должна обратить вниманіе семья. Хотя семья и строится на общихъ народныхъ началахъ и воспитываетъ въ духѣ народности, тѣмъ не менѣе она много можетъ помочь развитію личныхъ свойствъ: она легко можетъ отлично изучить ихъ и, въ слу-

чаѣ признанія ихъ цѣнными, отыскать достаточное время для соотвѣтствующихъ упражненій, дать нужное руководство, необходимыя пособія, словомъ, пещись о цѣнныхъ личныхъ свойствахъ, беречь и лелѣять ихъ.

Школѣ трудно содѣйствовать развитію личныхъ свойствъ при ея фабричной организаціи; но и она можетъ кое что сдѣлать въ этомъ отношеніи, именно: не переутомлять учащихся обязательными курсами и занятіями, оставляя время для упражненій учащихся въ предметахъ по ихъ личному желанію; вводить въ учебный курсъ, по возможности, больше факультативныхъ предметовъ, вообще стараться о томъ, чтобы устроить больше параллельныхъ курсовъ, между которыми учащіеся могли бы дѣлать выборъ; устроять различные кабинеты, гербаріи, музеи, библіотеки или систематическіе подборы книгъ по разнымъ отраслямъ вѣдѣнія и всячески поощрять учащихся къ свободнымъ занятіямъ, причемъ учащіеся могутъ образовывать съ этою цѣлью различные кружки и товарищества.

Конечно, и въ семьѣ, и въ школѣ легко можетъ оказаться недостаточно внимательное отношеніе къ личнымъ свойствамъ: тамъ всегда будутъ преобладать заботы о народномъ и общечеловѣческомъ развитіи. Развитіе личныхъ свойствъ во всю ихъ ширину и глубину нужно признать первою и священною обязанностью самихъ личностей. Насколько онѣ сознали силу и цѣнность этихъ свойствъ, пусть заботятся сами объ ихъ развитіи и въ семьѣ, и въ школѣ. Но особенно заботы о личномъ усовершенствованіи должны быть выдвинуты на первый планъ съ окончаніемъ школьнаго обязательнаго образованія. Тогда каждый человѣкъ получаетъ много свободы, тогда на досугѣ онъ и можетъ заняться усовершенствованіемъ своей личности. То, что обыкновенно называется самообразованіемъ, должно, по настоящему, заключаться не столько въ пополненіи разныхъ пробѣловъ въ полученномъ обязательномъ образованіи, сколько въ упражненіяхъ для развитія своихъ личныхъ свойствъ. Пробѣлы можно пополнять безъ конца, такъ какъ знаніе безгранично, а прорѣхъ въ немъ всегда много; но и при возможной полнотѣ знаній человѣкъ можетъ достигнуть лишь учености, но не развитія и укрѣпленія своей личности. Послѣдняя можетъ быть создана лишь соотвѣтствующими упражненіями личныхъ свойствъ. А что такое человѣкъ безъ достаточнаго развитія личныхъ свойствъ? Безличная личность, какое-то живое ходячее противорѣчіе и во всякомъ случаѣ нѣчто весьма тусклое, блѣдное, мгновенно и безслѣдно исчезающее въ массѣ. Не такими людьми дѣлается исторія, не о такихъ людяхъ хлопочетъ педагогика, ставя себѣ цѣль — усовершенствованіе

личности. Ея задача — выростить такого общественника, который имѣлъ бы нѣчто свое, свою особенную, личную, духовную физіономію, который не только количественно увеличивалъ бы творчески дѣятельную силу человѣчества, но и качественно, внося въ нее разнообразіе, новые элементы и черточки. Безъ личнаго, индивидуальнаго начала, хотя и подчиняющагося закону, не можетъ развиваться духовная жизнь.

П. Каптеревъ.

Къ дефектамъ средней школы.

(Письма педагога).

I.

Отношеніе къ школѣ Учебно-окружного Управленія.

Никогда, кажется, русское общество не относилось съ такимъ интересомъ, съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ къ жизни средней общеобразовательной школы, какъ въ послѣдніе три, четыре года. И немудрено: вѣдь, эта школа уже давно стала больнымъ мѣстомъ нашей общественной и государственной жизни.

Печать энергично занялась обсужденіемъ различныхъ вопросовъ, относящихся къ тѣмъ или инымъ сторонамъ учебно-воспитательнаго строя этой школы. Накопился огромный матеріалъ, посвященный постановкѣ и рѣшенію задачъ учебно-воспитательнаго дѣла; но тѣмъ не менѣе и теперь многое въ этой области является не достаточно разработаннымъ и нуждается въ большемъ освѣщеніи. Тридцатилѣтняя служба по Министерству Народнаго Просвѣщенія, обогативши меня значительными фактическими данными, касающимся школьной жизни, дала мнѣ возможность составить о положеніи среднеобразовательной школы болѣе или менѣе вѣрное представленіе. Правда, я былъ дѣятелемъ и очевидцемъ лишь въ двухъ учебныхъ округахъ, но, безспорно, и во многихъ мѣстностяхъ Россіи подобное, видѣнному мною, имѣло и имѣетъ мѣсто, о чемъ мнѣ приходилось не разъ читать и слышать отъ очевидцевъ. Здѣсь я не имѣю въ виду говорить о недостаткахъ классической или реальной школы, а лишь о дефектахъ, такъ сказать, общаго характера, имѣющихъ одинаковое значеніе какъ для той, такъ и другой школы.

Въ этомъ первомъ письмѣ я изложу свои выводы объ отношеніяхъ къ школѣ Учебно-окружного Управленія, о той опекѣ, подъ властью которой находятся наши, такъ сказать, втройнѣ зрѣлые просвѣтители-педагоги.

Тройственность зрѣлости преподавателей средней школы легко

подтвердить: во 1-хъ, ихъ метрическими свидѣтельствами о рожденіи; во 2-хъ, полученными ими ихъ аттестатами зрѣлости и въ 3-хъ, ихъ компетентностью въ выдачѣ аттестатовъ зрѣлости другимъ лицамъ.

Учебный Округъ есть главный вершитель судебъ средней школы, а потому и вопросъ о правильной постановкѣ отношеній Округа къ этой школѣ слѣдуетъ считать однимъ изъ важнѣйшихъ.

Главный начальникъ Учебно-окружного Управленія именуется попечителемъ: слѣдовательно, главная и священная обязанность этого, облеченнаго большой властью лица, а также и его сотрудниковъ, т. е. помощника попечителя и окружныхъ инспекторовъ,—пещись о благосостояніи подвѣдомственныхъ имъ учебныхъ заведеній, т. е., изыскивать средства и способы къ тому, чтобы школа не терпѣла въ чемъ нибудь недостатковъ, а тѣмъ болѣе нужды, чтобы должностной персоналъ учебныхъ заведеній стоялъ на высотѣ своего призванія, чтобы между начальствомъ округа и ближайшими дѣятелями школы отношенія основывались на взаимномъ довѣріи, чтобы всѣ подчиненныя лица могли смѣло обращаться со всѣми нуждами и сомнѣніями къ окружному начальству.

Къ сожалѣнію, за все время моей тридцатилѣтней службы дѣйствительность часто не соотвѣтствовала вышеизложенному идеалу отношеній Округа въ школѣ. Въ большинствѣ случаевъ намъ, рядовымъ учителямъ, Учебно-окружное Управленіе представлялось грознымъ и сильнымъ учрежденіемъ, изъ котораго исходилъ потокъ бумагъ и распоряженій, которыя давили живое школьное дѣло мелочной и бездушной регламентаціей. Кромѣ того, изъ Округа по временамъ являлись къ намъ облеченные властью ревизоры, которые любили показать свою власть и „изловлять" подчиненныхъ въ какихъ либо промахахъ. Эти начальствующія лица еще болѣе поддерживали въ насъ убѣжденіе въ строгости Учебно-окружнаго Управленія. Весьма нерѣдкіе случаи придирчиваго отношенія „окружныхъ" къ преподавателямъ, случаи, доходившіе иногда до увольненій безъ прошенія такихъ преподавателей, которые прослужили лѣтъ двадцать, также, конечно, не могли измѣнить сложившагося у насъ убѣжденія.

Окружныя ревизіи при мнѣ не рѣдко сводились какъ-бы къ тріумфальному шествію „окружного" по мѣстнымъ школамъ. Тогда педагоги подтягивались, облекались въ блестящіе мундиры, надѣвали шпаги и ордена; учебныя заведенія блестѣли чистыми полами, свѣтлыми скобками, украшались коврами, а учащіеся испытывали двойное давленіе съ учебной и дисциплинарной стороны и двойной страхъ, который и безъ того всегда имѣлъ, а частью и теперь имѣетъ въ

нашей школѣ слишкомъ ужъ господствующее значеніе. Еще хуже, если ревизоръ является „изловляющимъ“ и любящимъ показать свою власть и силу. Такое начальствующее лицо всегда и во всѣхъ отношеніяхъ считаетъ себя лучше, достойнѣе и даже образованнѣе подчиненныхъ; изъ такого мнѣнія вытекаетъ и соотвѣтствующее обращеніе ревизующаго съ персоналомъ ревизуемой школы. Посѣщеніе такого начальства дурно отзывается на учебно-воспитательномъ дѣлѣ, а также на учащихъ и учащихся, поддерживаетъ въ учебной жизни царство мертваго формализма, лжи и безсердечія.

Большинство окружныхъ ревизій, которыя мнѣ пришлось видѣть за всю мою долголѣтнюю службу, отличались весьма поверхностнымъ характеромъ. Ревизоръ побываетъ на урокахъ у нѣсколькихъ преподаватей, посидитъ у одного учителя полчаса, много часъ, у другого, у третьяго столько же, и ревизія заканчивается.

Послѣ ревизіи обыкновенно изъ Округа посылались бумаги „о результатахъ ревизіи“, и въ нихъ сказывалось, на сколько большинство ревизій не соотвѣтствовали своей цѣли: то дѣльный и хорошій преподаватель въ нихъ третируется, какъ плохой, едва терпимый; то преподаватель, у котораго дѣло ведется непозволительно слабо и прямо недобросовѣстно, восхваляется, какъ образцовый. Основаніемъ для подобныхъ выводовъ служатъ случайные, удачные или неудачные отвѣты учениковъ при ревизорѣ или отзывы директора объ учителѣ, отзывы иногда далеко не соотвѣтствующіе дѣйствительности. Докладъ „результатовъ“ ревизій Педагогическому Совѣту нерѣдко по своему содержанію бываетъ столь неожиданъ, что на лицахъ членовъ Совѣта вызываетъ выраженіе вопроса и недоумѣнія, а, случается, приводитъ всю коллегію педагоговъ въ веселое настроеніе. Напримѣръ: — преподаватель ничего не дѣлавшій, около учениковъ котораго всегда кормилось много репетиторовъ, который буквально годами не исправлялъ письменныхъ работъ своихъ учениковъ (но отъ платы „за исправленіе“ тетрадей, не отказывался), въ отзывѣ ревизора именовался добросовѣстнымъ и впослѣдствіи получалъ повышеніе по службѣ. Другой преподаватель, годами беззастѣнчиво обманывавшій самымъ возмутительнымъ образомъ ревизоровъ (выдавая, напримѣръ, при чтеніи выученное учениками за незнакомое имъ), получалъ въ циркулярѣ благодарность по Округу. О моемъ преподаваніи естествовѣдѣнія въ одной и той же бумагѣ было сказано, въ началѣ, — „знанія учениковъ по этому предмету весьма удовлетворительны“, а въ концѣ — „знанія учениковъ по естественной исторіи не выше посредственныхъ“.

Однажды послѣ ревизіи было сдѣлано распоряженіе о томъ, чтобы во время большой перемѣны дѣтямъ не позволяли завтракать въ

залѣ. „гдѣ находятся иконы", какъ будто это противно требованіямъ религіи и обычаямъ русскаго народа.

Замѣчательно, что крупные, нетерпимые въ благоустроенной школѣ недостатки въ постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла, за все время моей службы въ тѣхъ школахъ, гдѣ я былъ учителемъ, большею частью оставались не замѣченными гг. ревизорами.

Въ слѣдующихъ письмахъ при разсмотрѣніи другихъ сторонъ школьной жизни я приведу много фактовъ, характеризующихъ недостатки средней школы „конца вѣка"; въ этомъ же письмѣ скажу о томъ, какое ненужное стѣсненіе приноситъ учебному дѣлу въ средней школѣ, а также личному составу ея, усердная регламентація жизни учебныхъ заведеній со стороны Учебно-окружныхъ Управленій.

Всѣмъ извѣстно, что въ руководство преподавателямъ и начальствующимъ лицамъ среднихъ учебныхъ заведеній со стороны Министерства Народнаго Просвѣщенія было издано не мало программъ и правилъ, циркуляровъ и разъясненій, въ которыхъ каждый преподаватель, каждый директоръ можетъ найти указанія, касающіяся даже второстепенныхъ и третьестепенныхъ вопросовъ школьной жизни. Трудно придумать, какіе вопросы остались безъ соотвѣтственныхъ указаній и разъясненій. Учебно-окружному начальству, кажется, оставалось бы только слѣдить за тѣмъ, насколько правильно примѣняются къ дѣлу распоряженія министерства, но не издавать еще новыхъ правилъ, которыя совершенно излишни. Однако со своей стороны и окружныя управленія въ концѣ истекшаго столѣтія усердно старались регламентировать чуть не каждый шагъ преподавателей. Такая опека породила массу преподавателей, равнодушныхъ къ дѣлу, неспособныхъ ни къ какой иниціативѣ, людей „въ футлярѣ", т. е. такихъ учителей и воспитателей юношества, которые, оставаясь на службѣ, способны провалить успѣхъ всякой реформы, какъ бы благодѣтельна она ни была, потому что не могутъ „угасившіе духъ" служить живому дѣлу обученія, а тѣмъ болѣе воспитанія. До чего у нашихъ педагоговъ доходитъ боязнь самостоятельнаго шага даже при очевидной его „дозволительности", свидѣтельствуетъ, напримѣръ, слѣдующее:—Министерствомъ народнаго просвѣщенія было когда-то вмѣнено въ обязанность начальству учебныхъ заведеній брать, при опредѣленіи учениковъ, съ ихъ родителей подписку о недопущеніи учащихся къ огнестрѣльному оружію. Затѣмъ, уже въ недавнее время, въ среднія учебныя заведенія было прислано распоряженіе, коимъ предписывались поощрять среди учащихся склонность къ физическому спорту, къ прогулкамъ на судахъ, къ охотѣ съ ружьемъ и т. п.

Теперь всякій здравомыслящій и нормальный человѣкъ, конечно,

понимаетъ, что подписка о недопущеніи дѣтей къ огнестрѣльному оружію уже сама собой отмѣняется; но не такъ смотрятъ многіе педагоги: они съ одной стороны покровительствуютъ ружейной охотѣ, а съ другой стороны продолжаютъ брать съ родителей учениковъ обязательство о недопущеніи дѣтей-гимназистовъ къ огнестрѣльному оружію; вѣдь, циркуляръ о подпискѣ еще не отмѣненъ. А вотъ еще примѣръ. Въ третьемъ году программы первыхъ двухъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ были сравнены; стало для всѣхъ очевиднымъ, что ученики, чрезъ это уравненіе программъ, получили право свободнаго перехода изъ гимназій въ соотвѣтственный классъ реальныхъ училищъ и наоборотъ; большинство же директоровъ и Педагогическихъ Совѣтовъ не допускали свободныхъ переходовъ, не смотря на усердную просьбу многихъ родителей, просьбу, иногда вызываемую крайней нуждой. Такъ бы и теперь не было свободнаго перехода, если бы какой то догадливый директоръ не расхрабрился и не спросилъ чрезъ попечителя указаній Министерства.

Приведу примѣры, характеризующіе, до какихъ мелочей доходила, а, можетъ быть, доходитъ и теперь окружная регламентація.

Недавно былъ отмѣненъ (хотя и не вполнѣ) циркуляръ, дѣйствовавшій въ одномъ, а быть можетъ и не въ одномъ (навѣрно не знаю) учебномъ округѣ, который въ теченіе двѣнадцати лѣтъ безъ всякой надобности обременялъ ненужной работой всѣхъ преподавателей и преподавательницъ гимназій, реальныхъ училищъ, женскихъ гимназій и прогимназій, а также городскихъ и уѣздныхъ училищъ.

Этотъ циркуляръ обязывалъ преподавателей предъ началомъ каждаго учебнаго года представлять въ Учебно-окружное Управленіе на утвержденіе *распредѣленіе учебнаго матеріала*, предполагаемаго къ прохожденію съ учениками въ теченіе учебнаго года, отдѣльно по каждому предмету и классу. Это распредѣленіе должно было составляться по четвертямъ года, недѣлямъ, учебнымъ днямъ и даже урокамъ. По окончаніи каждой учебной четверти этотъ циркуляръ обязывалъ (не обязываетъ ли гдѣ-нибудь и теперь?) преподавателей представлять свѣдѣнія объ исполненіи предположеннаго къ прохожденію, а въ случаѣ невыполненія—составлять и представлять новое распредѣленіе учебнаго матеріала.

Постараюсь выяснить, что стоило преподавателю исполненіе этого требованія начальства.

Чтобы выполнить циркуляръ о распредѣленіи учебнаго матеріала, учитель долженъ былъ ежегодно продѣлывать слѣдующее:

1. Высчитать, сколько у него будетъ дано уроковъ въ каждомъ классѣ, по каждому преподаваемому имъ предмету, въ теченіе всего

предстоящаго учебнаго года, въ каждую учебную четверть, въ каждую недѣлю и въ каждый день.

2. Распредѣлить по высчитаннымъ урокамъ весь учебный матеріалъ съ такимъ расчетомъ, чтобы проходимые уроки были равномѣрны по трудности усвоенія ихъ учениками.

3. Представить распредѣленіе матеріала на предварительное разсмотрѣніе и утвержденіе Педагогическаго Совѣта, а затѣмъ, исправленное, согласно указаніямъ Совѣта, потщательнѣе переписать и представить чрезъ директора на утвержденіе попечителя учебнаго округа.

4. По окончаніи каждой четверти учебнаго года снова представлять распредѣленіе матеріала въ округъ, но уже или съ отмѣткой объ исполненіи („предположенное пройдено"), или съ объясненіемъ причинъ, почему противъ предположеннаго пройдено больше или меньше.

Нужно замѣтить, что предварительныя распредѣленія учебнаго матеріала по четвертямъ года, недѣлямъ и днямъ никогда не сходились съ дѣйствительностью, такъ какъ число предполагаемыхъ уроковъ почти никогда не соотвѣтствуетъ дѣйствительному числу уроковъ, данныхъ въ году.

Это несоотвѣтствіе числа предполагаемыхъ уроковъ съ числомъ даваемыхъ зависѣло отъ многихъ причинъ: то учитель пропуститъ по какой-либо причинѣ нѣсколько уроковъ въ четверть, то отсутствіе многихъ учениковъ заставитъ преподавателя дольше остановиться на томъ или иномъ отдѣлѣ программы, то составъ учениковъ извѣстнаго класса даннаго года слабѣе или способнѣе учениковъ того же класса предыдущаго года, и учителю неожиданно придется проходить съ учениками тотъ же матеріалъ или быстрѣе или медленнѣе, то, наконецъ, придетъ распоряженіе отъ начальства о праздновавіи того или иного событія государственной жизни, или же учениковъ освободятъ отъ занятій по случаю большихъ морозовъ и т. п. И вотъ начинается путаница въ исполненіи предположеннаго распредѣленія учебнаго матеріала, а вмѣстѣ съ ней начинаются „объясненія", почему предположенное не пройдено, и составленіе новыхъ распредѣленій на остальную часть учебнаго года. Каждое учебное заведеніе такимъ образомъ ежегодно представляло въ округъ цѣлый ворохъ исписанной бумаги въ видѣ распредѣленія учебнаго матеріала. Понятно, что полученные со всего округа вороха распредѣленій въ окружномъ управленіи никогда не читались; болѣе храбрые и догадливые учителя пользовались этимъ, и, большею частью, по окончаніи учебной четверти, посылая срочныя распредѣленія, дѣлали отмѣтку, что, „предположенное все пройдено", и только въ

случаѣ, если предварительное распредѣленіе по какой-либо причинѣ сильно отличалось отъ дѣйствительнаго, преподавателемъ составлялось новое распредѣленіе.

Трудно понять, съ какой цѣлью возлагалась на всѣхъ учителей такая обременительная и, по своей безмысленности и безцѣльности, каторжная работа.

Учителя изъ шутниковъ говорили, что это дѣлалось съ воспитательной цѣлью, чтобы отвлечь педагоговъ отъ бездѣлья и особенна отъ разныхъ тлетворныхъ увлеченій, а также отъ легкомысленнаго отношенія къ учебному дѣлу.

Впрочемъ, „нѣтъ худа безъ добра“: не было бы этого циркуляра, преподаватели десятковъ учебныхъ заведеній нашего округа, а можетъ быть, и другихъ округовъ, не испытывали бы радости при отмѣнѣ этого циркуляра: вѣдь, въ нѣкоторомъ родѣ, тогда было сверженіе ига.

А вотъ еще циркуляры, кажется, и донынѣ еще не вездѣ отмѣненные.

Одинъ изъ нихъ обязываетъ секретарей Педагогическихъ Совѣтовъ цѣликомъ вписывать въ протоколы засѣданій совѣтовъ всѣ вновь выходящія распоряженія Министерства Народнаго Просвѣщенія, заслушиваемыя въ педагогическихъ совѣтахъ, не смотря на то, что эти распоряженія имѣются въ канцеляріяхъ учебныхъ заведеній и печатаются въ циркулярахъ по округу. А, вѣдь, безцѣльная переписка эта отнимаетъ не мало времени.

Въ другомъ циркулярѣ говорится приблизительно слѣдующее: замѣчено, что преподаватели иногда пропускаютъ уроки по семейнымъ обстоятельствамъ — и по болѣзни. Первая причина неуважительна, а вторая уважительна только тогда, когда подтверждена медицинскимъ свидѣтельствомъ. Въ виду сего рекомендуется преподавателямъ безъ разрѣшенія начальства уроковъ не пропускать, а въ случаѣ болѣзни, въ удостовѣреніе ея представлять свидѣтельство отъ врача.

Представьте себѣ, что у преподавателя неожиданно и серьезно заболѣваетъ жена или ребенокъ; согласно циркуляру въ этомъ случаѣ онъ можетъ остаться дома и пропустить хотя бы одинъ урокъ лишь тогда, когда получитъ на то разрѣшеніе директора.

Если же предъ отправленіемъ въ училище преподаватель заболѣетъ головной или зубной болью, или острымъ страданіемъ желудка, а потомъ, почувствовавъ себя здоровымъ, пойдетъ на службу, не представивъ медицинскаго свидѣтельства, то онъ совершитъ нарушеніе своихъ служебныхъ обязанностей.

Такая мелочная опека надъ людьми, не замѣченными ни въ чемъ

предосудительномъ, безцѣльна и вредна; она пріучаетъ людей неуважать законъ и снисходительно относиться къ его нарушенію, порождая въ жизни людей всевозможную фальшь и ложь. Понятно, что въ полугодовыхъ вѣдомостяхъ о пропущенныхъ преподавателями урокахъ дѣлаются до сихъ поръ отмѣтки,—„съ разрѣшенія начальства", „по болѣзни, удостовѣренной врачемъ", хотя преподаватели продолжаютъ пропускать уроки по уважительнымъ семейнымъ причинамъ,—не испрашивая разрѣшенія директора и по болѣзни,—не представляя удостовѣреній врача. И неизвѣстно, долго ли въ учебныхъ заведеніяхъ нашего края будетъ продолжаться эта унизительная ложь.

Можно привести еще нѣсколько окружныхъ циркуляровъ, на столько же ярко характеризующихъ опеку, царствующую надъ преподавателями средней общеобразовательной школы, какъ и вышеуказанные циркуляры; но я думаю, что и приведенныхъ достаточно.

Упомяну лишь о томъ, что въ нашихъ краяхъ многія даже незначительныя постановленія педагогическихъ совѣтовъ, въ родѣ составленія недѣльнаго расписанія уроковъ, расписанія уроковъ гимнастики, утвержденія представленныхъ преподавателемъ темъ для ученическихъ письменныхъ работъ или списка предполагаемыхъ къ заучиванію стихотвореній, обязательно представляются на утвержденіе въ округъ. Неужели цѣлый синклитъ преподавателей, руководимый такимъ облеченнымъ властью и во многихъ другихъ, болѣе важныхъ случаяхъ, большимъ довѣріемъ, какъ директоръ, не съумѣетъ составить разумно расписанія уроковъ или выбрать, какіе стихи учить дѣтямъ? Да если бы совѣтъ и пропустилъ какое нибудь вредное для юношества стихотвореніе, то, вѣдь, вредъ его не былъ бы особенно великъ, такъ какъ стихотворенія для заучиванія выбираются изъ хрестоматій, допущенныхъ къ употребленію Ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, и, кромѣ того, протоколы педагогическихъ совѣтовъ два раза въ годъ (по крайней мѣрѣ въ томъ округѣ, гдѣ я служилъ) представляются на благоусмотрѣніе попечителя, и всякое дѣтски неразумное постановленіе педагоговъ будетъ пресѣчено, а за выборъ неподходящаго стихотворенія будетъ сдѣлано замѣчаніе.

Наконецъ, отвѣчающій за ввѣренное ему учебное заведеніе директоръ гимназіи никогда не допуститъ, чтобы совѣтъ поступилъ легкомысленно, тѣмъ болѣе, что онъ въ рукахъ своихъ имѣетъ много средствъ къ предупрежденію и пресѣченію всего, что исходитъ незрѣлаго отъ собранія зрѣлыхъ педагоговъ.

Современный учитель средняго учебнаго заведенія является вѣчнымъ нарушителемъ какого нибудь циркуляра или распоряженія, а

потому начальство всегда имѣетъ возможность привлечь его къ отвѣтственности. Такое положеніе педагоговъ столь ненормально, что породило среди нихъ массу людей чудаковатыхъ, которые иногда рѣзко выдѣляются изъ среды другихъ образованныхъ людей: здѣсь вы найдете немало людей „въ футлярѣ", страдающихъ маніей преслѣдованія, сухихъ, холодныхъ формалистовъ, враговъ истиннаго просвѣщенія, равнодушныхъ и къ дѣлу, и къ дѣтямъ, людей, которые о предстоящихъ занятіяхъ въ училищѣ выражаются: „опять завтра идти на фабрику"!

Senex.

Пасынки духовной школы.

(О положеніи помощниковъ инспектора духовной семинаріи и учителей духовныхъ училищъ).

(*Окончаніе*).

Учитель духовнаго училища.

I.

Нѣсколько лучше помощничества въ семинаріи считается учительство въ духовныхъ училищахъ. Но и оно, по сравненію съ преподавательствомъ въ семинаріи, оставляетъ желать много лучшаго. Правда, учитель духовнаго училища *тоже* (какъ и преподаватель семинаріи) учитъ, но—*кого* и *чему*?—Ребятишекъ, дѣтей девяти-тринадцати лѣтъ, и—самымъ элементарнымъ вещамъ! Азбука—русская, латинская и греческая,—склоненія именъ существительныхъ, прилагательныхъ и др., спряженіе глагола, первыя четыре дѣйствія ариѳметики, священная исторія Ветхаго и Новаго Завѣта, молитвы, заповѣди, символъ вѣры съ краткими объясненіями и пр. въ томъ же родѣ,—вотъ что служитъ предметомъ „преподаванія" (обученія) академиста... Можетъ ли подобное занятіе удовлетворить прошедшихъ всякую премудрость, достигшихъ высокаго развитія кандидатовъ богословія? Для обученія ребятъ русской грамотѣ, счисленію и начаткамъ Закона Божія—достаточно - предостаточно и меньшаго, семинарскаго образованія, какъ это и было раньше...

Скажутъ, можетъ быть, что повышеніе умственнаго уровня учительскаго персонала должно отразиться соотвѣтствующимъ образомъ на учебномъ дѣлѣ и на самыхъ ученикахъ. Къ сожалѣнію, этого нельзя сказать, и выходившіе изъ-подъ попеченія учителей-семинаристовъ были ничѣмъ не хуже, если не лучше, теперешнихъ учениковъ. Въ дѣлѣ элементарнаго обученія—главное—не въ высотѣ умственнаго развитія, а въ энергіи, любви къ своему дѣлу и умѣньѣ учителя; занятіе съ дѣтьми требуетъ не сообщенія новыхъ истинъ, а усерднаго, терпѣливаго пережевыванія старыхъ, давно извѣстныхъ,

матерій,—непрерывныхъ объясненій, поясненій, повтореній, разжевываній одного и того же на тысячу ладовъ, внимательнаго отношенія къ дѣтямъ, искусства заинтересовывать ихъ самою обычною вещью и пр. и пр. въ томъ же родѣ; а въ этомъ отношеніи любой народный учитель съ низшимъ образованіемъ (учительская семинарія) далеко оставитъ позади себя, заткнетъ за поясъ самаго ученаго „академика“: высшее, притомъ спеціальное, образованіе послѣдняго служитъ только тормазомъ учебному дѣлу въ училищѣ, создавая непроходимую пропасть между нимъ и учащимися *)...

Да и помимо этого, то маленькое дѣло, которое мы приставлены дѣлать, не такъ ужъ легко и просто, какъ кажется нѣкоторымъ **). Во-первыхъ, эти ужаснѣйшія дѣтскія письменныя упражненія (а ихъ каждую недѣлю, особенно учителю русскаго языка, приходится перечитывать цѣлыя горы); во вторыхъ,—и это главное,—классная возня съ дѣтьми: эти безконечныя, на разные лады и манеры, объясненія, повторенія, эта вѣчная борьба съ дѣтской неразвитостью, невниманіемъ, разсѣянностью, недисциплинированностью и пр. и пр. въ томъ же родѣ,—способныя вымотать и измочалить всѣ нервы у самаго здороваго человѣка, — развѣ все это — не трудъ? Во всякомъ случаѣ, въ этомъ отношеніи „учителя“ духовныхъ училищъ едва ли могутъ считать себя болѣе счастливыми, чѣмъ „преподаватели“ семинаріи!...

---

*) Учитель спеціалистъ, говоритъ Демоленъ, рѣдко бываетъ истинно хорошимъ учителемъ. Во-первыхъ, ему труднѣе примѣнить свое знаніе къ дѣтскому пониманію... Ему знакомѣе пріемы университетскаго и спеціальнаго обученія, только что имъ пройденнаго, и трудно ему усвоить себѣ простѣйшіе пріемы обученія, начальнаго или средняго. Извѣстно по опыту, что самые ученые люди рѣдко бываютъ хорошими учителями. Я самъ, по своей спеціальности, занимаясь болѣе 20 лѣтъ, гораздо болѣе затрудняюсь передавать своимъ дѣтямъ элементы географіи и соціальной исторіи, нежели читать полный курсъ этихъ наукъ студентамъ. И иные изъ моихъ слушателей гораздо лучше меня умѣютъ приспособиться къ дѣтскому пониманію, потому что не вдаются въ подробности, коихъ я избѣжать не умѣю. Во-вторыхъ, учитель спеціалистъ мало способенъ овладѣть вниманіемъ дѣтей и, стало быть, мало способенъ имѣть на него вліяніе. Онъ дѣйствуетъ лишь на одну точку въ разумѣніи ученика, потому что умъ его самого дѣйствуетъ въ тѣсныхъ предѣлахъ одной лишь области вѣдѣнія. И отъ этого еще усиливается разобщеніе между учителемъ и ученикомъ (См. „Новая Школа“, 72—73).

**) Въ первыхъ номерахъ „Церковнаго Вѣстника“ за текущій годъ были напечатаны статьи г. Лебедева, трактующія, между прочимъ, о ненормальности существующей системы вознагражденія преподавателей соотвѣтственно количеству уроковъ по тому или иному предмету. Авторъ предлагаетъ руководиться въ рѣшеніи вопроса объ учительскихъ окладахъ качествомъ труда, полагаемаго наставниками на преподаваніе ихъ предметовъ. При-

II.

Мы не случайно въ предыдущихъ строкахъ отмѣтили кавычками такія слова, какъ учителя и преподаватели: ими полагается строгое различіе между занимающимися въ училищѣ и семинаріи: только послѣдніе удостаиваются названія преподавателей (а иногда даже и профессоровъ), тогда какъ первые — просто учителя или даже „учителишки", и третируются, какъ существа далеко низшаго порядка... И, дѣйствительно, они, т. е. учителя духовныхъ училищъ, стоятъ ниже преподавателей семинаріи не только по характеру своей

ближая наставниковъ старшихъ классовъ семинаріи къ профессорамъ высшихъ учебныхъ заведеній, г. Лебедевъ ставитъ ихъ ниже ихъ—преподавателей младшихъ классовъ, а наставниковъ духовныхъ училищъ—еще ниже, близко къ положенію народныхъ учителей, получающихъ за свой трудъ въ 15—20 разъ меньше профессоровъ (ib., № 5). Но справедлива ли такая градація, въ частности то, что работа учителей духовныхъ училищъ можетъ быть сведена на какихъ-нибудь два-три часа классныхъ занятій, спрашиваетъ г. Лебедева его оппонентъ, и отвѣчаетъ отрицательно. Мы не думаемъ, говоритъ г. „не-профессоръ," чтобы мало-мальски порядочный училищный наставникъ согласился ограничить свои познанія тѣмъ тощимъ учебникомъ, какой назначенъ для его учениковъ, и не позаботился о расширеніи своихъ свѣдѣній, объ изученіи всевозможныхъ пособій и методикъ по своему предмету. Конечно, это не потребуетъ такого усидчиваго труда, какой вынужденъ нести на первыхъ порахъ своей службы преподаватель семинаріи. Зато работа семинарскаго наставника облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ имѣетъ дѣло со взрослыми и довольно уже развитыми воспитанниками, которымъ можно уже и достаточно „прочесть лекцію"; учитель же училища видитъ передъ собою малолѣтнихъ и мало развитыхъ дѣтей, которымъ каждое отдѣльное правило грамматики или ариѳметики, каждый пунктъ катехизиса нужно втолковать и разъяснить не разъ и не два, чтобы они, наконецъ, поняли и усвоили, что нужно. А это требуетъ не только предварительнаго тщательнаго обдумыванія каждаго урока во всѣхъ деталяхъ, но еще особаго терпѣнія и большой затраты нервной силы. И намъ кажется, что наставникъ училища идетъ домой болѣе разбитымъ и утомленнымъ, чѣмъ любой семинарскій „профессоръ." Да и дома учителю училища найдется не мало работы, хотя бы по исправленію ученическихъ письменныхъ работъ. Конечно, работы эти элементарнѣе и короче семинарскихъ сочиненій; но ихъ такъ много, что, уступая сочиненіямъ по количеству страницъ каждой отдѣльной работы, онѣ далеко превосходятъ семинарскія упражненія своею общею массою. У одного учителя русскаго языка набирается въ теченіе учебнаго года до 90—100 экземпляровъ письменныхъ работъ, у классиковъ отъ 50 до 60 у каждаго. По исправленіи упражненій ученики пишутъ еще корректы (т. е. переписываютъ работу такъ, какъ онѣ исправлены учителемъ), которые опять должны быть перечитаны наставникомъ. Такимъ образомъ, количествомъ труда преподаватели училищъ нисколько не обойдены сравнительно съ наставниками семинаріи (См. ib., 11. „Audiatur et altera pars)".

учительской дѣятельности, но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, касающихся, напр., условій жизни, матеріальнаго и служебно юридическаго положенія и пр.

Въ то время, какъ преподаватели семинаріи (не говоря уже о профессорахъ академіи, *тоже* коллегахъ!) живутъ въ столичныхъ и губернскихъ городахъ, пользуются всѣми удобствами и преимуществами культурной жизни,—къ ихъ услугамъ и театры, и концертныя залы, и библіотеки, и подходящее общество и пр. и пр.,—бѣдные „учителишки“ (какъ ихъ называютъ часто ихъ же семинарскіе собратья) ютятся большею частью въ какихъ-нибудь медвѣжьихъ углахъ, волчьихъ ямахъ, допотопныхъ захолустьяхъ,—зачастую совершенно заброшенныхъ и отрѣзанныхъ отъ цивилизованнаго міра, не имѣющихъ не только указанныхъ культурныхъ приспособленій, но даже—путей сообщенія—ни желѣзныхъ, ни водныхъ... Каково это—человѣку, воспитавшему (иногда volens—nolens, въ періодъ обученія въ семинаріи и академіи) въ себѣ культурныя потребности, видавшему кое-что на своемъ вѣку!.. Удивительно ли, что онъ дичаетъ, теряетъ часто свой академическо-интеллигентный обликъ, обращается въ самаго зауряднаго обывателя, спивается съ кругу?..

Далѣе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ вышли новыя правила касательно распорядка въ полученіи наградъ въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ, на основаніи коихъ преподаватели семинаріи получаютъ награды по пропорціи 8:1, учителя же училища—20:1, то есть, иначе говоря, изъ 100, напр., преподавателей семинаріи получатъ награды почти 13 человѣкъ, а изъ того же числа училищныхъ учителей—будетъ награждено только 5 человѣкъ. Разница, какъ видите, довольно значительная не въ пользу „учителей“. Въ этомъ отношеніи учитель училища поставленъ ниже даже... помощника инспектора семинаріи!..

III.

Движеніе по службѣ тѣхъ и другихъ (преподавателей семинаріи и учителей училища) несоизмѣримо. Преподавателю семинаріи открытъ свободный, непосредственный доступъ: и въ смотрителя духовныхъ училищъ, и въ инспектора семинаріи или епархіальныхъ женскихъ училищъ, и въ епархіальные наблюдатели церковно-приходскихъ школъ и въ члены Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ (а слѣдовательно, и въ ревизоры) и другія высшія мѣста и должности по духовно-учебному вѣдомству. И нерѣдки случаи, когда преподаватель семинаріи не успѣетъ прослужить нѣсколькихъ лѣтъ, какъ уже опредѣляется смотрителемъ, инспекторомъ и т. п. Не то—съ учителемъ духовнаго училища: для него все это большею частью

недоступно,—онъ можетъ, да и то весьма рѣдко (на 100—одинъ) попасть только въ помощники смотрителя училища или преподаватели семинаріи... Большею же частью онъ такъ и остается до гробовой доски незамѣченнымъ, и незамѣтнымъ, ничтожнымъ, „учителишкой", зачастую просто фатально, въ силу указанныхъ нами и разныхъ другихъ неблагопріятныхъ условій своей жизни, не имѣя возможности „выбиться въ люди"...

Главное же это—зависимость, подчиненное положеніе духовныхъ училищъ и его персонала по отношенію къ правленію семинаріи.

Послѣднее опредѣляетъ чуть ли не всю—какъ внѣшнюю, такъ и внутреннюю—жизнь духовныхъ училищъ. Оно и обсуждаетъ программы преподаваемыхъ въ училищѣ предметовъ, и *изыскиваетъ* учебныя руководства, если таковыя не назначены Св. Синодомъ, а также лучшія учебныя пособія, разсматриваетъ представленія училищныхъ правленій по предметамъ, относящимся къ учебнымъ и воспитательнымъ частямъ, и дѣлаетъ по нимъ *свои* заключенія; то же дѣлаетъ и съ отчетами по учебно-воспитательной части; даже расписаніе учебныхъ часовъ и экзаменовъ можетъ измѣнять по своему усмотрѣнію (См. „Уставы правосл. духов. семин. и учил., высочайше утвержд. 22 авг. 84 г.; II, Уставъ духов. учил., гл. IV, объ отношеніи семинар. правл. къ училищ. § 24—28).—Такимъ образомъ, духовныя училища, въ лицѣ своихъ представителей, поставлены въ положеніе какихъ то несовершеннолѣтнихъ или неправоспособныхъ въ умственномъ отношеніи, которые сами о себѣ не могутъ надлежащимъ образомъ заботиться по своемъ дѣлѣ Но вотъ правленіе все „удумало" и устроило для опекаемыхъ имъ паціентовъ. Послѣднимъ остается только въ точности выполнять чужія, а нерѣдко—и чуждыя имъ, предписанія и планы... Для наблюденія за „правильностью" этихъ работъ время отъ времени заботливымъ опекуномъ посылаются въ духовныя училища особые агенты, именуемые ревизорами (См. ib., § 29),—все отношеніе которыхъ къ духовнымъ училищамъ до командировки зачастую исчерпывается только пребываніемъ ихъ въ этихъ училищахъ—во времена давно прошедшія—въ качествѣ учениковъ; а для провѣрки успѣшности тѣхъ же работъ имъ (опекуномъ) производятся ежегодно экзамены пріемные ученикамъ училища, поступающимъ въ семинарію, опытомъ цѣлыхъ пяти лѣтъ и всѣмъ сонмомъ училищныхъ наставниковъ, признанныхъ достойными дальнѣйшаго—семинарскаго образованія!..

Конечно, всѣ эти акты и проявленія начальственности и патронатства семинаріи не остаются безъ вліянія на и такъ незавидную участь бѣднаго „учителишки", а также... на его душевное настроеніе и самочувствіе...

Матеріальное положеніе нашего учительскаго персонала, особенно въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ *), какъ извѣстно, весьма незавидно. Но и въ этомъ отношеніи учитель духовнаго училища, особенно захолустнаго (какихъ—большинство), уступаетъ своимъ семинарскимъ коллегамъ. Во-первыхъ, въ семинаріи есть окладъ въ 1.500 р., какого нѣтъ въ духовныхъ училищахъ. Должности секретаря правленія и секретаря епархіальнаго училищнаго совѣта оплачиваются рублей въ 400 каждая, въ училищахъ же дѣлопроизводительскій трудъ возлагается на наставниковъ безъ вознагражденія за него. Кромѣ того, преподаватели семинаріи могутъ занимать дополнительные уроки по языкамъ—еврейскому, французскому и нѣмецкому, а также имѣть постороннія занятія и уроки, что также даетъ существенную прибавку къ штатнымъ окладамъ. У наставниковъ же духовныхъ училищъ, кромѣ штатнаго жалованья, нѣтъ никакихъ дополнительныхъ рессурсовъ. А между тѣмъ учитель духовнаго училища едва ли въ меньшихъ средствахъ, чѣмъ кто-либо другой, нуждается—для сколько-нибудь сноснаго устроенія своей жизни.

Живя большею частью по уѣзднымъ городамъ, учителя духовныхъ училищъ не только лишены удобствъ большого города, но поставлены еще въ необходимость воспитывать своихъ дѣтей на сторонѣ, ибо нельзя же ограничиться однимъ училищнымъ образованіемъ, а это ведетъ къ такимъ непосильнымъ расходамъ, которые заставляютъ ограничивать себя до послѣдней крайности: вѣдь дешевизна ѣздной жизни уже давно отошла въ область преданій.

Семинарскіе же преподаватели имѣютъ полную возможность обучать дѣтей въ любомъ учебномъ заведеніи губернскаго города безъ всякихъ особыхъ затратъ и пр.

И учитель духовнаго училища, подобно помощнику инспектора семинаріи, не можетъ считать своего жребія завиднымъ, по крайней мѣрѣ, по сравненію съ таковымъ же—его однокашниковъ—преподавателей семинаріи. О томъ ли онъ мечталъ, идя въ академію, сидя за академической скамьей?.. Неудивительно, что въ немъ замѣчается неудовлетворенность и недовольство своимъ положеніемъ, своей судьбой,—какъ человѣка, умаленнаго паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ, то есть академическихъ, кромѣ, можетъ быть, помощника инспектора, котораго, впрочемъ, никто и не признаетъ за настоящаго человѣка... Это, вмѣстѣ съ неудовлетворенностью своимъ маленькимъ дѣломъ, должно, конечно, неблагопріятно отзываться на его отношеніи къ своимъ обязанностямъ. И, дѣйствительно, если

*) См. „О положеніи учителей дух. семин. и училищъ“ въ „Русск. Школѣ“, 1900 г., № 1.

сравнить отношеніе къ дѣлу учителей семинаристовъ и академистовъ, то преимущество окажется вовсе не на сторонѣ послѣднихъ. Учителя съ семинарскимъ образованіемъ далеко энергичнѣе и любовнѣе (а часто и съ бо́льшимъ пониманіемъ и знаніемъ) относились и относятся *) къ своему дѣлу, чѣмъ академисты, отличительными чертами которыхъ, какъ учителей, являются: вялость, индифферентизмъ, формализмъ и т. п. А съ такими доблестями въ дѣлѣ преподаванія—едва ли далеко уѣдешь...

IV.

Если это—такъ, то не возвратиться ли опять къ прежнимъ временамъ и порядкамъ, когда преподавателями въ духовныхъ училищахъ были лица исключительно съ однимъ семинарскимъ образованіемъ?

Мнѣ кажется, нѣтъ надобности въ этомъ, какъ и въ возстановленіи старыхъ порядковъ въ училищахъ, въ *возвращеніи вспять* (вѣдь семинаристы такъ же мало и даже еще меньше академистовъ подготовлены и призваны къ дѣятельности педагога, въ частности учителя!): нужно только позаботиться немножко объ улучшеніи нынѣшняго положенія, условій жизни и дѣятельности учителей духовныхъ училищъ, прежде всего, обратить вниманіе на неудовлетворенность ихъ своимъ, кажущимся имъ слишкомъ малымъ, ничтожнымъ для нихъ дѣломъ, и неприспособленность къ нему,—влекущія за собою печальныя послѣдствія какъ для самого учителя, такъ и для учебнаго дѣла... Что же дѣлать? Какъ бороться съ этимъ зломъ нашего учителя духовнаго училища?

Тутъ будутъ говорить (и совершенно справедливо), прежде всего, объ упраздненіи и искорененіи ложнаго взгляда, пониманія своего, повидимому, маленькаго и ничтожнаго дѣла, занятія съ дѣтьми духовнаго училища („Что можетъ быть прекраснѣе, что болѣе возвышаетъ учительское сердце,—говоритъ Келльнеръ,—какъ не указаніе малымъ пути въ небесное царство? Какое дѣло можетъ быть радостнѣе для любящаго сердца и интереснѣе для наблюдателя, чѣмъ возможность давать первое возбужденіе, пищу и направленіе пробуждающейся душѣ?" **), потомъ—объ условіяхъ, необходимыхъ для правильнаго отношенія и веденія дѣла,—о *призваніи* къ учительскому званію, особенно любви къ дѣтямъ, являющейся первымъ и

*) Обязанности учителей—русскаго языка въ первомъ классѣ и въ приготовительномъ классѣ и теперь исполняются, главнымъ образомъ, студентами семинаріи.

**) См. „Учительская хрестоматія", ib., стр. 38—40.

главнымъ условіемъ любви къ учительству *), о приспособленіи, приближеніи къ дѣтскому пониманію и развитію, о соотвѣтствующей преподаванію въ училищахъ *педагогической подготовкѣ*,—объ организаціи при академіяхъ практическо-педагогическихъ занятій и пр. и пр. матеріяхъ, столь же прекрасныхъ, какъ и извѣстныхъ; но... при чемъ же, опять-таки, тутъ академія съ ея спеціальнымъ курсомъ, со всѣми этими *высшими* богословіями, философіями, метафизиками, лингвистиками et cet. et cet? Развѣ все это, въ самомъ дѣлѣ, нужно для того, чтобы научить дѣтей письму, чтенію, ариѳметикѣ, грамотѣ русской, греческой, латинской, начальнымъ свѣдѣніямъ Закона Божьяго, географіи и т. п.?

Зачѣмъ эта трата—ненужная,—времени, средствъ, здоровья, силъ, эта обуза знаній,—тяжелая какъ для учителя, такъ и для учениковъ?

Вѣдь какъ бы ни былъ призванъ и подготовленъ къ своему дѣлу, какъ бы ни понималъ всей важности и серьезности его нашъ высокоученый кандидатъ богословія,—все же онъ едва ли будетъ удовлетворенъ скромной ролью учителя дѣтей, совпадающей съ ролью начальнаго учителя, все будетъ смотрѣть выше... Да и ученики едва ли найдутъ въ немъ того живого, непосредственнаго и вполнѣ доступнаго и понятнаго имъ учителя, который единственно имъ нуженъ и полезенъ... Такому учителю нѣтъ надобности ни въ столь продолжительномъ срокѣ ученья, ни во всѣхъ тѣхъ спеціальныхъ премудростяхъ, которыя проходятся въ теченіе шести лѣтъ, начиная съ пятаго класса семинаріи и оканчивая четвертымъ курсомъ академіи,—съ него достаточно и того общаго семинарскаго образованія, которое мы признали довлѣющимъ и для будущихъ помощниковъ инспектора семинаріи; вмѣсто же спеціально философскихъ и богословскихъ наукъ, ему (учителю духовнаго училища), какъ и будущему воспитателю въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, должно быть дано хорошее, спеціально *педагогическое* образованіе,—въ томъ объемѣ и видѣ, какъ это указано нами выше, при обсужденіи вопроса о приготовленіи воспитателей для нашихъ духовно-учебныхъ заведеній... При этомъ особенное вниманіе должно быть обращено на *практическо*-педагогическую подготовку будущихъ учителей ду-

*) „Полюбить ихъ (дѣтей) нужно,—говоритъ герой повѣсти И. Н. Потапенко „Побѣда“ Барановъ, бывшій сначала такимъ же учителемъ индифферентистомъ и рутинеромъ, какъ и большая часть его теперешнихъ коллегъ,—и все полюбится... Даже на что греческій языкъ—и тотъ можно полюбить... Одушевленный искреннимъ желаніемъ принести добро и пользу „малымъ симъ“ почерпнетъ въ этомъ источникѣ и силы, и энергію, и охоту къ своему дѣлу!..

ховныхъ училищъ, для каковой цѣли должна быть устроена при педагогическихъ (гдѣ будутъ *специализироваться* будущіе учителя духовныхъ училищъ и помощники инспектора семинаріи) *начальная образцовая школа*. Такая школа давала бы возможность студентамъ академіи и абитуріентамъ курсовъ „практически провѣрять тѣ методы и пріемы обученія, исторію и разборъ которыхъ они слушаютъ въ аудиторіи. Тѣмъ самымъ они подготовлялись бы къ отвѣтственной роли преподавателей педагогики въ духовныхъ семинаріяхъ“ *), а также—и это, можетъ быть, главнѣе,—прибавимъ мы,—къ умѣнью обращаться съ дѣтьми и учить ихъ,—къ роли *вообще* учителей—какъ семинаріи, такъ и, въ особенности, духовныхъ училищъ **)...

Только такой учитель будетъ вполнѣ отвѣчать своему назначенію и чувствовать себя на своемъ мѣстѣ, будетъ, дѣйствительно не только призваннымъ и вполнѣ подготовленнымъ, но и болѣе или менѣе довольнымъ той скромной ролью учителя дѣтей, какая выпадаетъ ему на долю въ духовномъ училищѣ...

Въ добросовѣстномъ выполненіи своихъ обязанностей такой учитель обрѣтетъ для себя лучшее и высшее удовлетвореніе...

Но это не значитъ, что ему не нужны будутъ никакія внѣшнія поощренія, повышенія и т. п. Нѣтъ, учителю духовнаго училища должна быть открыта широкая дорога, доступъ къ занятію другихъ, высшихъ въ служебномъ отношеніи, мѣстъ и должностей по духовно-учебному вѣдомству.

Правда, при новыхъ, нѣсколько измѣненныхъ, условіяхъ учительства въ духовныхъ училищахъ, учителя послѣднихъ не могутъ уже претендовать на занятіе преподавательскихъ мѣстъ въ духовныхъ семинаріяхъ, которыя будутъ замѣщаться исключительно кандидатами академіи; но зато, напримѣръ, имъ, какъ наиболѣе примыкающимъ по характеру своихъ занятій къ начальному учительству, должно быть предоставлено *полностью*—и при томъ безъ

*) См. „Къ реформѣ духовно-учебныхъ заведеній“, „Вѣстникъ Воспитанія“, 1901 г., № 4. стр. 148.

**) Считая однимъ изъ главныхъ условій „нужнаго для дѣла учителя“ прохожденіе „чрезъ *лабораторію* дѣйствительнаго учительства въ *начальной школѣ*, гдѣ пріобрѣтается *искусство* учить не посредствомъ книжныхъ лекцій, но обращеніемъ съ живыми дѣтьми, при томъ не съ тѣми или другими дѣтьми, но съ цѣлой организованной массой дѣтей“, К. П. Побѣдоносцевъ говоритъ: „Поэтому едва ли годится учить какъ слѣдуетъ и въ *средней* школѣ учитель, не прошедшій искуса въ школѣ начальной, гдѣ надобно подлинно *учить* дѣтей. Если онъ въ курсѣ приготовленія къ учительству привыкъ только *пріобрѣтать* знанія, но не умѣетъ *сообщать* (курсивъ вездѣ автора) ихъ, то и средняя школа немного пріобрѣтетъ въ немъ“. (См. „Ученье и учитель“, изд. К. П. Побѣдоносцева, стр. 18).

обязательной рясы—занятіе мѣстъ епархіальныхъ и уѣздныхъ наблюдателей церковно-приходскихъ школъ и пр.; должности смотрителя и помощника смотрителя духовнаго училища,—теперь замѣщаемыя: первая—почти всегда, вторая—часто—преподавателями семинаріи, нерѣдко впервые, въ качествѣ училищнаго персонала, видящими въ глаза училище,—также должны быть замѣщаемы *исключительно* учителями духовныхъ училищъ, какъ лицами, въ силу уже своей, болѣе или менѣе продолжительной, службы, связанными съ ними (духовными училищами) болѣе тѣсными, глубокими и непосредственными узами, а въ воспитательномъ отношеніи—и болѣе опытными, компетентными, чѣмъ преподаватели семинаріи *)... Затѣмъ, въ интересахъ учащихъ въ духовныхъ училищахъ и самого учебнаго дѣла, слѣдовало бы ослабить опеку семинаріи надъ училищами, предоставить послѣднимъ больше самостоятельности по отношенію къ первой.

Развѣ, напр., нормально, что правленіе семинаріи не только *опредѣляетъ* программы преподаваемыхъ предметовъ, но и *изыскиваетъ* учебныя руководства и пособія для училищъ, а также имѣетъ право *измѣнять* расписаніе учебныхъ часовъ и экзаменовъ въ нихъ и пр.? Кому же лучше всего знать, какъ *лучше и цѣлесообразнѣе* устроить свое учебное дѣло, какъ не тѣмъ, которые находятся у самаго дѣла? У учителя духовнаго училища (какъ, впрочемъ, и у всякаго другого педагога) и такъ достаточно всякой—и внѣш-

---

*) Что объясняется болѣе широкой *воспитательской* практикой (помимо всего другого) ихъ по сравненію съ преподавателями семинаріи, особенно старшихъ классовъ. Въ то время, какъ послѣдній, имѣя дѣло уже съ болѣе или менѣе пришедшей въ разумъ, дисциплинированной аудиторіей, ограничиваетъ свои отношенія къ ученикамъ исключительно почти однимъ „чтеніемъ лекцій“ и спрашиваніемъ ихъ,—учителю духовнаго училища то и дѣло приходится сталкиваться съ тѣми или другими проявленіями характера и воли своихъ юныхъ слушателей, употреблять тѣ или иныя мѣры для приведенія въ порядокъ этой буйной, своенравной и непокорной толпы, дѣлать замѣчанія и указанія касательно сидѣнья въ классѣ, на урокѣ, отношенія къ дѣлу, обязанностямъ, направлять, исправлять и пр., причемъ, конечно, ему нужно употреблять не мало энергіи и умѣнья, такта, чтобы привести дѣло къ надлежащимъ, желательнымъ результатамъ, установить въ классѣ желаемый порядокъ, дисциплину и пр. Такимъ образомъ, если гдѣ, то преимущественно въ дѣятельности учителя училища осуществляется, въ большей или меньшей степени, новѣйшій педагогическій постулатъ—касательно неразрывности обученія и воспитанія... Эта дѣятельность учителя духовнаго училища служитъ не только *лучшей школой*, но и лучшей *пробой* его воспитательскихъ способностей и талантовъ. По ней безошибочнѣе, вѣрнѣе можно судить о пригодности или непригодности къ воспитательской дѣятельности, чѣмъ по семинарскому преподавательству...

ней и внутренней — опеки, регламентаціи, чтобы присоединять къ ней еще лишнюю семинарскую опеку!.. Лишать учителя духовнаго училища *послѣдней* доли самостоятельности и самостоятельнаго отношенія къ дѣлу, значитъ обрекать его на полное рабство и пассивность въ выполненіи чужихъ плановъ и намѣреній, дѣлать его совершеннымъ *ремесленникомъ* своего дѣла, понизить качества его труда до nec plus ultra!.. Семинарская ревизія духовныхъ училищъ, особенно въ настоящемъ ея видѣ, тоже представляется намъ излишней. Ревизорами должны быть извѣстныя, пользующіяся авторитетомъ, лица, признанные педагоги, съ теоретической и съ практической стороны зарекомендовавшіе себя знатоками учебнаго и воспитательнаго дѣла, притомъ, прослужившіе сами съ честью во всѣхъ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, ревизовать которыя они посылаются, а—не случайно набранные съ бору да съ сосенки, зачастую не только ничѣмъ не заявившіе себя въ педагогическомъ отношеніи, но и не знакомые совершенно съ училищнымъ преподаваніемъ и воспитаніемъ.

Такіе ревизоры, кромѣ развѣ вреда для дѣла и раздраженія въ средѣ учителей, вслѣдствіе, напр., неправильной или односторонней оцѣнки ихъ дѣятельности, едва ли могутъ что-нибудь принести...

То же нужно сказать и о пріемныхъ экзаменахъ въ семинарію для окончившихъ духовное училище. Съ какой цѣлью они устраиваются: для испытанія ученическихъ познаній или контроля самихъ учителей? Ни той, ни другой цѣли они не могутъ достигать. Ужъ сколько разъ твердили міру, что... случайные, зависящіе отъ перемѣны обстановки, настроенія, характера экзаменующаго и т. под. обстоятельствъ, отвѣты учащихся на экзаменѣ едва ли могутъ служить *серьезнымъ* показателемъ *дѣйствительнаго* положенія дѣла, *дѣйствительныхъ* успѣховъ учениковъ и педагогической способности учителей. Для этого необходимо болѣе или менѣе *продолжительное* и *тщательное* наблюденіе за ходомъ занятій и проявленіями ученической успѣшности, при чемъ главное вниманіе должно быть обращено не столько на *количественную* сторону успѣховъ, обиліе детальныхъ, фактическихъ знаній, познаній ученика, сколько—на *качественную* ихъ сторону, на степень *усвоенія* и *пониманія* ихъ, на *общее* умственное развитіе ученика.

Все это недостижимо на экзаменахъ, особенно пріемныхъ; для этого экзаменующимъ недостаетъ ни необходимаго времени, ни терпѣнія ни умѣнія *) А между тѣмъ, по этимъ экзаменамъ семинар-

*) Прекрасно разсуждаетъ о несостоятельности нашихъ, особенно пріемныхъ, экзаменовъ К. П. Побѣдоносцевъ. „Экзаменъ означаетъ *испытаніе*

скіе преподаватели-экзаменаторы судятъ не только о познаніяхъ учениковъ, но и о способностяхъ и достоинствахъ самихъ учителей духовныхъ училищъ. Какая глубокая несправедливость!.. Мы уже не говоримъ о томъ, ничѣмъ неоправдываемомъ и оскорбительномъ недовѣріи къ учителямъ, какое лежитъ въ основѣ этихъ экзаменовъ. Въ свое время обстоятельство это было уже отмѣчено свѣтской повременной печатью *).

Въ виду сказаннаго, отмѣна неизвѣстно зачѣмъ и почему возстановленныхъ пріемныхъ экзаменовъ въ семинарію была бы дѣломъ столь же желательнымъ и цѣлесообразнымъ, сколько—и справедливымъ...

Испытаніе въ истинномъ педагогическомъ смыслѣ предполагаетъ личное отношеніе къ тому, кого испытываютъ, требуетъ спокойнаго отношенія къ дѣлу, разума, терпѣнія и времени. А времени очень мало для испытанія цѣлой массы, по одиночкѣ,—для спокойствія же и терпѣнія—условія самыя неблагопріятныя. Остается примѣнять къ испытанію механическую формулу вопросовъ, взятыхъ или выдергиваемыхъ изъ программы каждаго предмета. Это признается кратчайшимъ способомъ повѣрки *знаній* (курс. авт.), вынесенныхъ ученикомъ изъ годичнаго курса. Этой повѣркѣ подвергается масса; экзаменатору нѣтъ дѣла до личности ученика. Самъ приведенный въ нервное состояніе механической работой, онъ выдергиваетъ вопросы, на которые долженъ отвѣчать ученикъ. А ставить вопросы—дѣло искусства, нераздѣльнаго съ наблюденіемъ за тѣмъ, кому вопросы предлагаются; для такого наблюденія большею частью нѣтъ ни способности, ни времени. Выходитъ нѣчто, подобное прикидыванію мѣрки роста на рекрута. Въ пять минутъ можно справиться съ каждымъ, предложивъ ему нѣсколько вопросовъ: если молчитъ или неладно отвѣчаетъ, или не припомнитъ названіе царя, города, рѣки или цыфру года, стало быть, не годится—разсуждать нечего. Такого рода мѣрка оказывается особливо жестокою при экзаменахъ пріемныхъ. И здѣсь требуется такъ называемое знаніе, то есть запоминаніе отвѣтовъ, именъ, формулъ и чиселъ,—тогда какъ самое нужное и существенное—распознать, что есть въ мальчикѣ, что онъ понимаетъ, на что онъ способенъ,—всмотрѣться въ его взглядъ и манеру, вслушиваться въ рѣчь его. На все это—увы!—недостаетъ времени, умѣнья и терпѣнія" (см. „Ученье и учитель", стр. 37—39).

*) Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" за 1901 г. одинъ „сельскій священникъ" сѣтуетъ (и справедливо) на ненормальность порядка относительно пріема дѣтей въ семинарію по экзаменамъ и указываетъ, что по существу дѣла семинарія является продолженіемъ духовнаго училища, что эти учебныя заведенія связаны между собою и послѣдовательностью ихъ программъ, и единствомъ ихъ цѣлей, и общностью надзора, и одинаковымъ въ образовательномъ отношеніи контингентомъ преподавателей такъ что недовѣріе къ свидѣтельствамъ духовныхъ училищъ объ успѣхахъ ихъ питомцевъ, представляется совершенно необъяснимымъ... О томъ же говорено было и въ „Церк. Вѣд." и др. органахъ печати.

V.

Таковы тѣ улучшенія, которыя могутъ быть произведены въ служебномъ положеніи и дѣятельности учителей духовныхъ училищъ. Что касается внѣслужебной, частной стороны ихъ жизни, то и тутъ нужно кое-что сдѣлать для поднятія ихъ духа. Тутъ на первомъ планѣ стоятъ запросы учителя, духовные и соціально-общественные. При отсутствіи въ захолустьѣ (мы здѣсь говоримъ исключительно объ учителяхъ, находящихся на службѣ въ захолустныхъ духовныхъ училищахъ) какихъ-либо *культурныхъ* развлеченій и интересовъ, большое, прямо громадное значеніе пріобрѣтаетъ *книга*. Но что и гдѣ читать? Частныхъ или городскихъ библіотекъ въ разныхъ Чухломахъ и Царевококшайскахъ, гдѣ обыкновенно ютятся уѣздныя духовныя училища,—нѣтъ, своей, по извѣстнымъ каждому причинамъ, не можетъ быть; а потому—вся надежда на училищную библіотеку. Но, увы, и тутъ немного поживишься. Въ наши духовно-училищныя библіотеки не выписывается ничего, кромѣ обязательныхъ Церковныхъ и Епархіальныхъ Вѣдомостей (иногда еще, пожалуй—„Церковнаго Вѣстника“), да нѣсколькихъ духовныхъ журналовъ („Православный Собесѣдникъ“, „Душеполезное Чтеніе“, „Труды Кіевской духовной академіи“, „Странникъ“, „Вѣра и разумъ“ и пр.) и одного-двухъ педагогическихъ; изрѣдка къ этому сонму сопричисляется „Русскій Вѣстникъ“... Но, не говоря уже о Церковныхъ и Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, въ которыхъ самый интересный отдѣлъ—о распоряженіяхъ и назначеніяхъ духовнаго начальства, которыя обыкновенно „пробѣгаются“ тутъ же, въ училищѣ во время урочныхъ перемѣнъ,—и въ остальныхъ нашихъ духовныхъ органахъ мало найдешь чего-нибудь другого, кромѣ обычныхъ перепѣвовъ на разные лады одной и той же, давно извѣстной и набившей оскомину еще на школьной скамьѣ, пѣсни... Подобныя изданія, къ числу которыхъ нужно отнести и *единственно* дозволенный для библіотекъ духовно-учебныхъ заведеній изъ свѣтскихъ журналовъ, пережевывающій на разные лады односторонне консервативные взгляды и мысли своихъ дорогихъ покойниковъ—Каткова и Леонтьева,—всѣми правдами и неправдами „охраняющій“ мысль и чувство современниковъ отъ всего живого, человѣчнаго, прогрессивнаго, съ энергіей, достойной лучшей участи, отстаивающій начала мракобѣсія, кастовыхъ перегородокъ, человѣконенавистничества и пр., реакціонный „Русскій Вѣстникъ“,—едва-ли могутъ внушить охоту и желаніе находить удовольствіе въ чтеніи, *духовно* развлекаться; хочется чего-нибудь посвѣжѣе, поживѣе, поновѣе, хочется знать и пріобщаться духовно къ иному,—къ тому, что думаетъ,

чувствуетъ, чѣмъ живетъ весь остальной міръ, все человѣчество (вѣдь и учителя духовныхъ училищъ,—люди, и, слѣдовательно, ничто человѣческое имъ не чуждо)... А для этого не мѣшало бы нашимъ духовнымъ училищамъ, кромѣ лучшихъ духовныхъ журналовъ и газетъ, выписывать еще лучшія свѣтскія изданія, какъ, напр.: „Русское Богатство", „Міръ Божій", „Русская Мысль", „Русскія Вѣдомости", „Петербургскія Вѣдомости" и др.

Правда, это потребуетъ большихъ, чѣмъ теперь, матеріальныхъ затратъ: но предъ этимъ едва ли стоитъ останавливаться, особенно, если добрую половину выписываемаго теперь—похѣрить...

Другимъ условіемъ, могущимъ служить къ уменьшенію и ослабленію неудобствъ захолустнаго существованія учителя, а также—къ удовлетворенію его общежительныхъ запросовъ, являются: хорошо устроенный домашній очагъ, порядочное общество, педагогическіе или учительскіе кружки, общества и пр.

Наши педагоги—и захолустные и незахолустные—живутъ обыкновенно замкнутою жизнью, не имѣютъ никакого общенія между собою (только въ столицахъ начинаютъ возникать педагогическія общества, кружки и т. п.). Не знаю, чѣмъ объяснить эту изолированность, розн педагоговъ, но она—весьма нежелательное явленіе, такъ какъ, благодаря ей, они лишаютъ себя не только полезнаго обмѣна мыслей по своей профессіи, но и другихъ—пріятныхъ и полезныхъ—сторонъ хорошаго общества единомысленныхъ лицъ,—столь цѣннаго особенно въ захолустьѣ, лишенномъ зачастую всякихъ общественно-культурныхъ развлеченій и интересовъ, къ которымъ можно было бы прибѣгнуть для спасенія отъ тоски и одиночества...

Мы кончили. Надѣемся, что, съ проведеніемъ въ жизнь указанныхъ нами въ положеніи и дѣятельности помощниковъ инспектора семинаріи и учителей духовныхъ училищъ измѣненій и улучшеній, значительно улучшится какъ дѣло воспитанія и обученія въ семинаріяхъ и духовныхъ училищахъ, такъ и участь самихъ воспитателей и учителей этихъ заведеній: они перестанутъ жаловаться или, по крайней мѣрѣ, сократятъ свои жалобы на свою трудную, неблагодарную службу, на свое низкое, незавидное положеніе, вообще, на свою не особенно счастливую долю, сдѣлаются бодрѣе, энергичнѣе, лучше и—поведутъ дѣло, какъ истинные пастыри и преданные слуги его...

И. Я.

Народная школа и сельское хозяйство.

Въ настоящее время вновь выдвинутъ вопросъ о преподаваніи сельскаго хозяйства въ народныхъ школахъ. Этимъ вопросомъ давно уже интересуются земства и разныя правительственныя учрежденія, особенно послѣ изданія законоположеній, разрѣшающихъ отводъ для народныхъ школъ участковъ казенной земли. Благодаря этой мѣрѣ, а еще болѣе—многочисленнымъ пожертвованіямъ землевладѣльцевъ, сельскихъ обществъ, церквей и пр., до двадцати тысячъ начальныхъ школъ разныхъ вѣдомствъ обладаютъ участками земли площадью отъ нѣсколькихъ квадратныхъ саженъ до 10—20 дес. и болѣе. Является прежде всего вопросъ: какъ использовать всѣ эти участки, составляющіе въ общей сложности около 70.000 дес., и какъ устроить на этихъ участкахъ обученіе сельскому хозяйству подростающихъ молодыхъ поколѣній? Далѣе, при обсужденіи мѣропріятій къ распространенію сельскохозяйственныхъ знаній, необходимыхъ для поднятія сельскаго хозяйства, возникъ самъ собою вопросъ о приспособленіи для этого дѣла нашей народной школы, единственно доступной большинству сельской молодежи и нерѣдко для нея и окончательной. Въ такомъ направленіи вопросъ поставленъ уже высшимъ правительствомъ, а это даетъ намъ поводъ привести здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія и высказать нѣсколько замѣчаній, въ дополненіе къ нашимъ работамъ, напечатаннымъ за время съ 1887 г. въ разныхъ журналахъ и отдѣльными брошюрами.

I.

Въ 1888 г. Императорское Вольное Экономическое Общество, на основаніи моего доклада „О надѣленіи народныхъ школъ землею въ интересахъ школьнаго дѣла и сельскаго хозяйства“, возбудило предъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ ходатайство объ отводѣ школамъ казенныхъ участковъ земли и о другихъ мѣрахъ.

Это ходатайство встрѣтилось съ оффиціальною перепискою, возбужденною еще въ 1885 г. Министромъ Нар. Пр. и Об. Прок. Св. Си-

нода о предоставленіи нѣкоторымъ начальнымъ школамъ участковъ казенной земли и объ отпускѣ казеннаго лѣса на ихъ постройку и отопленіе; при этомъ указывалось и на возможность распространенія среди народа, путемъ школъ, полезныхъ сельскихъ знаній. Однако, дѣло это откладывалось вплоть до вступленія въ управленіе Министерствомъ Гос. Им. статсъ-секретаря А. С. Ермолова.

Его предшественникъ М. Н. Островскій, повидимому, мало сочувствовалъ обращенію хотя бы части казенныхъ земель на нужды начальнаго образованія; напротивъ, онъ пошелъ на встрѣчу начавшемуся движенію въ пользу с.-хоз. направленія народной школы. Такъ, имъ было испрошено Высочайшее разрѣшеніе на безплатный отпускъ изъ подвѣдомственныхъ Министерству Гос. Им. с.-х. и садов. заведеній растеній и сѣмянъ для народныхъ духовныхъ и другихъ училищъ, въ видахъ устройства при нихъ садовъ - питомниковъ, огородовъ и опытныхъ полей (31 октября 1888 г.); на отпускъ пособій на преподаваніе сельскаго хозяйства въ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ до 1.200 р. на каждое заведеніе (24 апрѣля 1889 г). и на устройство с.-х. курсовъ для народныхъ учителей (23 апрѣля 1890 г. и 8 февраля 1893 г.). Мѣры эти принесли благіе результаты; но онѣ, можетъ быть, были-бы еще производительнѣе, если-бы своевременно было принято обезпеченіе землею возможно большаго числа сельскихъ школъ.

Статсъ-секретарь А. С. Ермоловъ широко взглянулъ на дѣло и въ концѣ 1895 г., послѣ необходимыхъ сношеній съ вѣдомствами, вошелъ въ Государственный Совѣтъ съ представленіемъ о разрѣшеніи Министру Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ производить сельскимъ училищамъ и школамъ земельные участки изъ свободныхъ оброчныхъ статей и малогорныхъ лѣсныхъ площадей, площадью каждый участокъ не болѣе *пяти* душевыхъ или указныхъ надѣловъ и не свыше 15 дес., а школамъ грамоты—въ половинномъ размѣрѣ, и притомъ въ возможно близкомъ разстояніи отъ школъ, а въ случаѣ неимѣнія такихъ участковъ—вымѣнивать ихъ у частныхъ лицъ и крестьянъ на казенныя земли въ предѣлахъ данной губерніи. Отводимые участки предполагалось передавать на все время существованія училищъ и школъ, съ изданіемъ относительно способа и условія пользованія этими участками особыхъ правилъ подлежащими вѣдомствами по соглашенію съ Министромъ Земледѣлія. Безденежный отпускъ казеннаго лѣса растущаго на постройку, починку училищъ и школъ, и валежнаго, и вообще лежащаго, а также сухостойнаго и поврежденнаго на отопленіе долженъ былъ производиться по особымъ правиламъ, издаваемымъ М-вомъ З.

Противъ проекта были сдѣланы такія возраженія: условія отвода

участковъ и отпуска лѣса школамъ нужно опредѣлить законодательнымъ путемъ; не выяснено, какимъ образомъ будутъ обезпечены училища, какимъ нельзя будетъ отвести участка казенной земли· кто воспользуется доходами отъ школьныхъ участковъ, на какихъ условіяхъ они будутъ отводиться, и кто будетъ имѣть надзоръ за правильной ихъ обработкою; участки въ 15 дес. могутъ оказаться въ однихъ случаяхъ недостаточными, а въ другихъ очень большими, и друг. Государственный Совѣтъ, однако, съ полнымъ сочувствіемъ отнесся къ мысли—обратить часть государственнаго фонда земельныхъ и лѣсныхъ имуществъ на удовлетвореніе потребностей нашихъ народныхъ училищъ и школъ, опредѣливъ, что мѣра эта послужитъ средствомъ къ осуществленію одной изъ неотлагательнѣйшихъ современныхъ государственныхъ задачъ—упроченію и распространенію образованія въ сельскихъ мѣстностяхъ. Для болѣе подробной разработки вопроса было образовано затѣмъ особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ М. Н. Островскаго, которымъ и были собраны обширные матеріалы и поставлены различные вопросы, направленные къ разнымъ ограниченіямъ предположенной мѣры. Дѣло, однако, окончилось благополучно, и въ результатѣ послѣдовало Высочайше утвержденное 12 мая 1897 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта, ограничившее отводъ казенныхъ участковъ властью Министра лишь площадью въ три десятины, но безъ оговорокъ относительно ближайшаго назначенія участковъ.

Право отвода школамъ участковъ земли и отпуска имъ лѣса, по закону 12 мая 1897 г., постановлено было распространить лишь на губерніи, управляемыя по общему губернскому учрежденію, кромѣ прибалтійскихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ было предоставлено сообразить вопросъ о распространеніи означенныхъ мѣръ и на губерніи и области, управляемыя по особымъ учрежденіямъ. По представленію статсъ-секретаря А. С. Ермолова, 2 іюня 1899 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ отводѣ сельскимъ училищамъ и школамъ въ губ. Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской въ размѣрѣ 15 дес. на каждую школу (одновременно съ отводомъ надѣловъ сельскимъ обществамъ и селеніямъ) и при томъ упрощеннымъ пропускнымъ порядкомъ—мѣстными чинами и общими присутствіями, какъ существующимъ школамъ, такъ и могущимъ быть открытыми. Этимъ порядкомъ къ 1 января 1902 г. было уже предположено къ отводу 428 школьныхъ участковъ общею площадью 5.946 дес. (въ среднемъ около 14 дес. на каждую школу). Приведенное узаконеніе предположено распространить и на забайкальскую область, гдѣ приступлено къ поземельно устроительнымъ работамъ.

Ожиданіе, что изданіе закона объ отводѣ казенныхъ земель школамъ вызоветъ новыя пожертвованія земель со стороны учрежденій и частныхъ лицъ, оправдалось на дѣлѣ блестящимъ образомъ, и, можно сказать, еще раньше, чѣмъ законъ 1897 г. началъ примѣняться. Такъ, по свѣдѣніямъ за 1901 г., участками были надѣлены уже 7.979 церковныхъ школъ съ общею площадью 11.477 дес., тогда какъ въ 1896 г. тѣхъ же школъ съ земельными участками было только около 2.000.

Изъ школъ, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія, въ 1895 г. земля имѣлась уже при 9.760 училищахъ въ количествѣ всего 59.634 дес. Въ настоящее время число школъ съ землею, вѣроятно, еще болѣе увеличилось.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ въ лицѣ начальныхъ и другихъ училищъ около 20.000 преимущественно мелкихъ землевладѣльцевъ Въ отношеніи употребленія этой земли, и въ вопросѣ о надѣленіи школъ землею, жизнь далеко опередила законодательную и административную дѣятельность.

Учащіе, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, подъ вліяніемъ личныхъ соображеній, обрабатываютъ, какъ могутъ и умѣютъ, предоставленные имъ школьные участки, знакомясь съ сельскимъ хозяйствомъ на практикѣ, изъ книгъ и на курсахъ и сообщая свои свѣдѣнія помогающимъ имъ нерѣдко учащимся и взрослому населенію. Многія земства и частныя лица, нѣкоторыя сельскохозяйтвенныя и даже сельскія общества содѣйствуютъ учителямъ въ въ этомъ благомъ дѣлѣ. Число школьныхъ участковъ съ каждымъ годомъ увеличивается, равно какъ и возрастаютъ площади, занятыя посадками и посѣвами при школахъ. Начальствующимъ, земскимъ гласнымъ и др. лицамъ приходится или радоваться успѣхамъ школьныхъ садовъ и другихъ хозяйствъ, или же съ своихъ точекъ критиковать такую „постороннюю“ работу народныхъ учителей... Матеріаловъ, даже печатныхъ, относящихся къ этому предмету, такъ много, что изложеніе ихъ могло бы составить предметъ особаго изслѣдованія. Достаточно сказать, что не осталось почти ни одной губерніи, въ которой не дѣлалось-бы опытовъ устройства школьныхъ садовъ и другихъ хозяйствъ, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, и въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ. Отчеты народныхъ учителей, инструкторовъ садоводства, губернскихъ уполномоченныхъ по сельско-хозяйственной части, земскихъ управъ, инспекторовъ и директоровъ народныхъ училищъ, наблюдателей церковныхъ школъ и др. лицъ и учрежденій представляютъ огромный архивъ, свидѣтельствующій объ интересѣ, съ которымъ относятся всѣ эти лица и учрежденія къ могучему движенію нашей народной школы на

пользу сельскому хозяйству. Движеніе это, можно сказать, еще только начинается, и расцвѣтъ возникшей дѣятельности нар. учителей, вѣроятно, наступитъ еще впослѣдствіи...

Полезная дѣятельность народныхъ учителей на поприщѣ сельскаго хозяйства неоднократно обращала на себя вниманіе еще покойнаго государя Александра Александровича и нынѣ царствующаго Императора.

Въ 1895 и 1896 гг. Государственный Совѣтъ, признавая очень полезнымъ устройство преподаванія сельскаго хозяйства въ низшихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ, указывалъ на необходимость подробной разработки этого вопроса, предварительно испросивъ на это средствъ изъ Государственнаго Казначейства. На эту потребность было указано и при изданіи Высочайше утвержденнаго 10 мая 1900 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта по тому-же дѣлу.

Въ 1890-хъ годахъ дѣло преподаванія сельскаго хозяйства въ начальныхъ и учительскихъ школахъ вѣдомствъ народнаго просвѣщенія и Св. Синода поддерживалось главнымъ образомъ министерствомъ земледѣлія слѣдующими мѣрами:

1) Безплатнымъ отпускомъ растеній и сѣмянъ для народныхъ и др. училищъ. Такъ, въ 1897 г. было отпущено на 5.285 р., въ 1898 г. на 5.200 р. и въ 1899 г. на 6.900 р., а всего за 3 года на 17.385 р. Въ послѣдующіе годы отпускъ, повидимому, еще болѣе увеличился.

2) Устройствомъ сельско-хозяйственныхъ курсовъ для народныхъ учителей и учительницъ, съ разсылкою на нихъ, для раздачи слушателямъ, инструментовъ и книгъ. Въ 1901 г. такихъ курсовъ было устроено 30 при 853 слушателяхъ, а въ 1902 г.—разрѣшены были курсы въ 33 мѣстахъ.

3) Выдачею наградъ и пособій наиболѣе отличившимся учителямъ. Такихъ выдачъ было въ 1895—97 гг. 70 учителямъ на сумму 3.750 р., въ 1899 г.—4 учителямъ 300 р., въ 1901 г.—4 учителямъ 350 р. и въ 1902 г.—775 руб. Императорское россійское общество садоводства учредило особую премію учителямъ въ память Императора Александра III, впервые обратившаго вниманіе на школьные сады.

4) Выдачею пособій по образованію учительскимъ семинаріямъ, церковно-учительскимъ школамъ и другимъ заведеніямъ на вознагражденіе особыхъ учителей и на другія надобности по устройству преподаванія сельскаго хозяйства. Такихъ пособій выдавалось въ 1896 г. 13.000 р. 21 учебному заведенію; затѣмъ суммы эти стали отпускаться по принадлежности вѣдомства Народнаго Просвѣщенія и Св. Синода.

Закономъ 10 мая 1900 г. разрѣшено оберъ-прокурору св. Синода и Министру Народнаго Просвѣщенія, по принадлежности, вводить преподаваніе сельскаго хозяйства или отдѣльныхъ его отраслей въ учительскія семинаріи и церковно-учительскія школы, а также въ тѣ второклассныя школы, при которыхъ имѣются достаточные для сего участки земли.

Узаконеніе это явилось результатомъ совмѣстнаго представленія оберъ-прокурора св. Синода и Министровъ Народнаго Просвѣщенія и Земледѣлія по вопросу о преподаваніи сельскаго хозяйства въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ, на основаніи заключенія особой междувѣдомственной коммиссіи (подъ предсѣдательствомъ В. К. Саблера), которой предшествовалъ рядъ другихъ коммиссій и совѣщаній. Всѣ эти длительныя работы, излагать которыя едва-ли нужно здѣсь, встрѣтили возраженія со стороны бывшаго Министра Финансовъ С. Ю. Витте, который усомнился въ самой пользѣ преподаванія сельскаго хозяйства въ народныхъ школахъ и въ необходимости тратить на это государственныя средства. Государственный Совѣтъ, разрѣшивъ вводить преподаваніе сельскаго хозяйства въ учительскія школы, потребовалъ новой болѣе подробной разработки общихъ основаній, на которыхъ это преподаваніе можетъ быть введено въ низшія народныя училища, и чрезъ какія именно школы наиболѣе соотвѣтственно распространять въ народѣ сельско-хозяйственнаго познанія...

II.

Нельзя обойти молчаніемъ весьма многочисленныя попытки снабдить народныхъ учителей указаніями, какъ устраивать и вести школьныя хозяйства и занятія на нихъ учащихся дѣтей. Къ сожалѣнію, мы не можемъ здѣсь исчерпать всего относящагося сюда, хотя бы даже литературнаго, матеріала, такъ какъ это завлекло-бы насъ далеко, и потому ограничимся только общимъ обозрѣніемъ.

Въ трудахъ Е. П. Ковалевскаго, Н. П. Шаврова, Ф. К. Калайдъ, П. А. Бильдерлинга и др. лицъ приведены довольно подробныя свѣдѣнія объ организаціи сельско-хозяйственнаго преподаванія въ начальныхъ школахъ Западной Европы. Изъ этихъ матеріаловъ видно, что во Франціи главное вниманіе обращено на преподаваніе опредѣленнаго курса сельскаго хозяйства въ школахъ, повидимому, безъ всякой связи со школьными садами, а въ Германіи и Австріи школьные участки служатъ больше интересамъ самихъ учителей, нежели для обученія. Хотя на нѣмецкомъ языкѣ и встрѣчаются руководства, рекомендующія устраивать сады ботаническаго характера, какъ наглядныя пособія для преподаванія (напр. Max Kolb. Der Schulgarten

Stuttgart. Брошюра эта очень интересна, какъ педагогическій опытъ устройства ботаническихъ учебныхъ питомниковъ, и могла бы быть примѣнена въ нашихъ городскихъ школахъ), однако нѣтъ свѣдѣній, чтобы такое направленіе было господствующимъ. Напротивъ, преобладаетъ, повидимому, болѣе простая точка зрѣнія на землю, какъ на источникъ дохода учителя и какъ на косвенное средство къ развитію садовъ и огородничества.

На русскомъ языкѣ имѣется нѣсколько руководствъ по устройству школьныхъ хозяйствъ. Первое изъ нихъ появилось въ „Русскомъ Начальномъ Учителѣ“ за 1891 г.: „Какъ устраивать сады при народныхъ школахъ“. Наставленіе для учителей, земскихъ дѣятелей и др. Составилъ И. И. Мещерскій (въ 1900 г. вышло 5-е изданіе). Работа эта изъ нижеслѣдующаго обозрѣнія, понятно, исключается. Затѣмъ появились въ свѣтъ руководства: А. Волотовскаго („Школьный Садоводъ“), В. Шимановскаго („Садъ при народной школѣ“ и „Пасѣка при народной школѣ)“, В. А. Александрова и др. Въ 1895 г. въ Екатеринославѣ была издана составленная особымъ комитетомъ подробная „Программа для организаціи сельскохозяйственныхъ занятій въ народныхъ школахъ“, а въ 1898 г. Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія были утверждены особыя, весьма подробныя, правила для устройства и веденія садовъ и огородовъ при начальныхъ училищахъ. Полезныя указанія по этой части сдѣланы были Е. П. Ковалевскимъ въ брошюрѣ: „Сельскохозяйственныя занятія въ учительскихъ семинаріяхъ и начальныхъ школахъ“ (1892 г.), С. А. Рачинскимъ въ его статьяхъ: „Начальная школа и сельское хозяйство“ и „Школьное цвѣтоводство“. („Народное образованіе“ 1896 г.)

Всѣ эти наставленія, за исключеніемъ одного-двухъ, смотрятъ на дѣло съ утилитарной точки зрѣнія, разсматривая условія, при которыхъ усердный и знающій учитель, извлекая свою пользу изъ школьнаго участка, можетъ при нѣкоторой сторонней помощи оказывать и воспитательное вліяніе на подрастающія поколѣнія въ лицѣ участвующихъ въ сельскохозяйственныхъ работахъ учениковъ, а также своимъ примѣромъ—и на взрослыхъ односельчанъ. Среди этихъ наставленій, совѣты Рачинскаго и Шимановскаго проникнуты глубокимъ пониманіемъ дѣла, простотою и задушевностью. „Не мудрствуя лукаво“, они даютъ учителямъ посильные техническіе совѣты относительно посадокъ и посѣвовъ, для своей пользы или просто удовольствія (одинъ для юга, другой для сѣвера), и попутно рекомендуютъ пріемы, какъ распоряжаться рабочею силою учащихся дѣтей. Можетъ быть, не все, ими предлагаемое, окажется исполнимымъ для обыкновеннаго учителя, но во всякомъ случаѣ читателю

ясны благія цѣли авторовъ и доступность предлагаемыхъ ими средствъ, испытанныхъ на опытѣ.

Нельзя того же сказать про книжку г. Александрова: „Руководство къ устройству и веденію школьныхъ садовъ при сельскихъ училищахъ". Въ ней авторъ какъ будто употребилъ старанія устрашить обыкновеннаго учителя сложными и трудными обязанностями, разъ онъ возьмется за устройство сада. Конечно, какъ авторъ предыдущихъ своихъ опытовъ („Санитарно-воспитательныя требованія начальныхъ школъ", „Задача и организація школьнаго дѣла", и друг.), г. Александровъ правъ, предаваясь нѣкоторымъ мечтаніямъ и забывая, въ ихъ пользу, убогую дѣйствительность. Но едва-ли можно даже запомнить, не только продѣлать все то, что онъ предлагаетъ сельскому учителю въ своемъ „Руководствѣ". Въ народной школѣ, по совѣту автора, требуется пройти наглядно цѣлый курсъ естествовѣдѣнія, какъ подготовительный къ сельскохозяйственному, продѣлать для этого цѣлый рядъ опытовъ и наблюденій, выполнить сложную программу экскурсій, составлять гербаріи, различныя коллекціи и т. д. „Школьные сады, говоритъ авторъ (стр. 18), устраиваются при сельскихъ школахъ прежде всего съ цѣлью учебно-воспитательной для школы, а при достаточной величинѣ участка и съ экономической для учащаго". Развивая далѣе эту задачу въ цѣломъ рядѣ предположеній, авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ довольно легко смотритъ на подготовку учителей къ этому дѣлу, полагая достаточнымъ учителю прочитать нѣсколько книжекъ, бесѣдовать съ опытными людьми и практиковаться (стр. 21). При этомъ „Руководство" наполнено самыми разнообразными указаніями какъ педагогическими, такъ и чисто техническими по сельскому хозяйству. Программы работъ по саду, наблюденій и экскурсій занимаютъ въ книжкѣ 30 страницъ, но едва-ли онѣ могутъ быть осуществлены и въ $^1/_{30}$ своей долѣ, въ условіяхъ сельскаго училища.

Педагогическое направленіе сельскохозяйственныхъ занятій гораздо лучше разработано въ „Пропедевтикѣ Земледѣлія" одесскаго педагога Абкройца. Его указанія очень практичны и примѣнимы къ самымъ ограниченнымъ условіямъ мѣста и даже къ классной комнатѣ. Мы горячо рекомендуемъ эту брошюру, составленную авторомъ на основаніи опыта, хотя и со многими погрѣшностями по части сельскаго хозяйства.

III.

Чтобы хотя нѣсколько разобраться въ довольно сложномъ школьно-земельномъ вопросѣ и по возможности устранить нѣкоторыя противорѣчія и разногласія, возникающія при его обсужденіи, мы нѣ-

сколько расчленимъ вопросъ и разсмотримъ слѣдующія стороны дѣла:

1) Значеніе земельныхъ надѣловъ для обезпеченія существованія самихъ школъ.

2) Значеніе школьныхъ участковъ для учителей.

3) Общественное значеніе садовъ и другихъ хозяйствъ, которые ведутся учителями.

4) Педагогическое значеніе занятій учащихся въ школьныхъ хозяйствахъ.

5) Организація сельскохозяйственнаго обученія въ начальныхъ школахъ.

По *первому* вопросу въ настоящее время можетъ быть данъ только положительный отвѣтъ. Обычаи, практика школьнаго дѣла и законодательства почти всѣхъ странъ направляются на обезпеченіе землею разнаго рода учебныхъ заведеній, какъ и многихъ другихъ общественныхъ учрежденій. Начальная школа, построенная на своемъ участкѣ земли, не умретъ и не закроется, коль скоро будутъ желающіе учиться въ ней. Равнымъ образомъ школа, для которой отведенъ земельный участокъ, вѣроятно, скорѣе устроится и будетъ открыта, чѣмъ та школа, у которой еще нѣтъ своей земли (при прочихъ равныхъ условіяхъ).

Средствомъ обезпеченія для каждаго учрежденія являются и такіе земельные участки, которые удалены отъ него. Въ условіяхъ нашей цивилизованной жизни земля можетъ приносить доходъ или ренту, возрастающую по мѣрѣ увеличенія народонаселенія, проведенія желѣзныхъ дорогъ, съ устройствомъ по близости фабрикъ, заводовъ, новыхъ поселеній; каждый изъ насъ можетъ привести нѣсколько примѣровъ сильнаго возрастанія цѣнъ на землю и доходности ея въ сравнительно короткое время, на глазахъ у одного—двухъ поколѣній. Поэтому и участки, предоставляемые школамъ даже въ значительномъ отдаленіи отъ нихъ, могутъ имѣть большое значеніе, какъ источникъ доходовъ, постепенно увеличивающихся, независимо отъ какого-либо педагогическаго значенія ихъ.

Сказаннымъ отчасти опредѣляются и пожеланія, которыя можно сдѣлать въ отношеніи земельнаго обезпеченія нашихъ школъ. Конечно, закономъ 12 мая 1897 г. объ отводѣ сельскимъ начальнымъ училищамъ казенныхъ участковъ, приводимымъ нынѣ въ исполненіе и постепенно распространяемымъ на Сибирь и другія окраины, сдѣланъ огромный шагъ на пользу начальнаго образованія, и лица, проводившія этотъ законъ съ такими затрудненіями, должны испытывать нѣкоторое удовлетвореніе. Но для земельнаго обезпеченія

школъ остается сдѣлать у насъ еще гораздо больше, чѣмъ этого достигнуто.

Участки земли необходимы не только сельскимъ начальнымъ училищамъ, которымъ приходитъ на помощь законъ 1897 г., но и всякимъ другимъ учебнымъ заведеніямъ, которыя не могутъ теперь ни развиваться, ни множиться по недостатку у государства готовыхъ средствъ; земельные же фонды Имперіи, остающіеся въ распоряженіи казны, можно сказать, огромны и едва-ли могутъ быть даже когда-либо исчерпаны на общественныя надобности.

Требованія приведеннаго закона, чтобы отводимые участки земли находились „вблизи училища“, чтобы эти участки были *земельные* (только изъ свободныхъ оброчныхъ статей и *маловажныхъ* лѣсныхъ площадей) и не превышали трехъ десятинъ на каждую школу, вѣроятно, устранятъ большинство школъ отъ безплатнаго пользованія казенною землею. Затрудненія могутъ возникнуть и на почвѣ издаваемыхъ въ развитіе закона правилъ и даже личныхъ взглядовъ и отношеній въ тѣхъ многочисленныхъ инстанціяхъ, которыя должно проходить каждое ходатайство объ отводѣ того или другого участка.

Конечно, съ государственной точки зрѣнія гораздо лучше, чтобы отводимые изъ казны участки находились *по близости* школы и обрабатывались самими учителями. Но чрезъ это школы въ мѣстностяхъ малоземельныхъ съ бѣднымъ населеніемъ ставятся въ гораздо худшее положеніе, нежели на окраинахъ при избыткѣ казенныхъ земель и въ особенности при вновь образуемыхъ селеніяхъ. Справедливо-ли это и желательно? Въ послѣднее время самимъ правительствомъ поставленъ на очередь вопросъ о поднятіи благосостоянія оскудѣвшаго населенія въ центральныхъ губерніяхъ, и изъ числа мѣръ, которыя рекомендовались съ этою цѣлью, пришлось почти исключить самую главную, по нашему мнѣнію,—улучшеніе начальнаго образованія. На долю центра Россіи всегда выпадало и понынѣ падаютъ главныя тягости нашей государственной жизни; этотъ центръ постоянно теряетъ свои силы, выросшія на родныхъ нивахъ, выдѣляя каждый годъ десятки тысячъ переселенцевъ и рабочихъ на окраины; обѣднѣвшему крестьянскому населенію остаются лишь истощенныя земли; но поднять ихъ производительность онъ не можетъ по недостатку спеціальныхъ знаній и даже по неграмотности. Свободныхъ денежныхъ средствъ для устройства школъ нѣтъ; нѣтъ не только по близости, но и на сотни верстъ кругомъ, и казенныхъ земель, изъ которыхъ можно бы было отвести участки для школъ. Намъ кажется, что государство, въ интересахъ поднятія народнаго образованія въ центральныхъ губерніяхъ, могло бы поступиться хотя бы малой частью казенныхъ земель, предоставивъ въ пользу этихъ

губерній извѣстныя площади въ другихъ многоземельныхъ губерніяхъ. Для этого нѣтъ даже надобности обращать взоры въ тундры и на степи Сибири и молодыя азіатскія владѣнія. Казенныхъ земель, необходимыхъ для обезпеченія народнаго образованія въ центральныхъ губерніяхъ можно было бы найти даже въ сосѣднихъ губерніяхъ и, во всякомъ случаѣ, въ Европейской Россіи. Отводъ земель въ пользу учебныхъ заведеній центра,—земель, большею частью завоеванныхъ кровью кореннаго русскаго населенія,—могъ бы хоть нѣсколько возмѣстить продолжающіяся потери этой части нашего отечества и вознаградить ее за историческое прошлое. А наши пустынныя еще владѣнія на востокѣ, слабо населенныя инородцами и требующія пока лишь расходовъ по управленію ими, со временемъ, съ вздорожаніемъ земель, могли бы дать обильныя средства для устройства и содержанія тысячъ, а можетъ быть и десятковъ тысячъ начальныхъ школъ въ центральной Россіи.

Обращаясь къ нормѣ въ 3 дес., назначенной закономъ 12 мая 1897 г. для всякихъ сел. школъ, нельзя не замѣтить, что эта норма крайне недостаточна съ точки зрѣнія обезпеченія этихъ школъ. Конечно, на 3 дес. можно имѣть очень доходные виноградники на югѣ, плодовый садъ въ иной мѣстности средней Россіи, огородъ на сѣверѣ... Но такое использованіе участковъ, если бы оно было сдѣлано обязательнымъ, не только не дало-бы средствъ на школы, а напротивъ—обременило бы ихъ расходами на продолжительное время. Для интенсивныхъ культуръ требуются огромныя затраты труда или капитала на обработку или удобреніе земли, на пріобрѣтеніе сѣмянъ и растеній, на уходъ за посадами и посѣвами и на огораживаніе ихъ въ ожиданіи результатовъ. По силамъ ли все это нашимъ сельскимъ школамъ, и много ли учителей пожелаютъ трудиться долгіе годы для обращенія школьныхъ участковъ въ доходные? Далѣе, не во всѣхъ мѣстностяхъ и случаяхъ возможны интенсивныя культуры, доступныя вообще только зажиточнымъ владѣльцамъ, и далеко не всѣ сады и виноградники оправдываютъ сдѣланныя на нихъ затраты. Пользованіе же участкомъ въ 1—2 дес. для своихъ полевыхъ посѣвовъ чаще всего не представитъ никакихъ выгодъ ни школѣ, ни учителю, а сдача земли въ аренду крестьянамъ не обезпечитъ школу средствами, сколько-нибудь замѣтными въ общемъ ея бюджетѣ.

Такимъ образомъ, законъ 12 мая 1897 г. было бы желательно значительно расширить и примѣнить къ большому числу случаевъ и потребностей народнаго образованія, въ смыслѣ большаго и лучшаго обезпеченія его изъ государственнаго земельнаго фонда. Ту же мысль надо проводить и при обезпеченіи школъ участками земли, при устройствѣ ихъ на пожертвованія и др. частныя средства.

По *второму*, поставленному выше пункту,—о значеніи школьныхъ участковъ для учителей, говорить много не приходится. Значеніе это въ смыслѣ матеріальнаго дополнительнаго довольствія учителей подтверждается множествомъ фактовъ изъ жизни нашихъ школъ—рьяной работой многихъ учителей на участкѣ при малѣйшей къ тому возможности и достигаемыми при этомъ выгодами. Несомнѣнно также, что большинство учителей, „копающихся" на школьныхъ участкахъ (по выраженію Рачинскаго), содѣйствуютъ этимъ своему здоровью и получаютъ удовольствіе физическаго труда и отдыха на свѣжемъ воздухѣ послѣ утомительныхъ классныхъ занятій въ душныхъ и пыльныхъ комнатахъ. Но не у всѣхъ хватаетъ рѣшительности, энергіи и умѣнія взятся за дѣло. Мѣшаютъ и матеріальныя причины—отсутствіе изгороди на участкѣ, денегъ на лопату, ножъ, сѣмена и т. д. Кромѣ того, на лѣтніе мѣсяцы молодые учителя и въ особенности учительницы (а молодыхъ—большинство) уѣзжаютъ къ роднымъ, или же, столуясь на сторонѣ, не имѣютъ надобности въ овощахъ и плодахъ. Но едва-ли не главнымъ тормазомъ является неувѣренность большинства учителей въ прочности своего мѣста и несомнѣнное желаніе многихъ изъ нихъ ускользнуть съ должности, при первомъ случаѣ, на другое болѣе легкое или прибыльное занятіе. Со всѣми этими обстоятельствами нужно считаться при сужденіяхъ о значеніи школьныхъ хозяйствъ, и надо пожелать, чтобы лица, заинтересованныя въ народномъ образованіи и близко стоящія къ учителямъ, участливо относились къ ихъ скромнымъ средствамъ и силамъ и къ ихъ потребностямъ.

Поэтому мы настаиваемъ по прежнему на томъ, чтобы веденіе *садовъ и другихъ хозяйствъ* на школьныхъ участкахъ предоставлялось *на добрую волю учителей*, а не вводилось бы въ ихъ непремѣнную обязанность, какъ дѣлали нѣкоторые рьяные поборники школьныхъ садовъ. Лучше видѣть пустующій участокъ, нежели работающихъ „изъ подъ палки" учителей и ихъ воспитанниковъ.

Общественное значеніе садовъ, пасѣкъ и другихъ хозяйствъ, которыя ведутся лично учителями (3-й пунктъ), опредѣляется размѣрами и качествами ихъ хозяйствъ. Хозяйство, приносящее доходъ учителю, который прилагаетъ къ этому дѣлу не только трудъ и деньги, но и знанія, почерпнутыя на курсахъ и въ книгахъ, всегда будетъ служить нагляднымъ доказательствомъ пользы умѣлаго примѣненія этихъ знаній и вызывать, при благопріятныхъ условіяхъ, подражанія крестьянъ. Примѣровъ такого полезнаго вліянія учительскихъ хозяйствъ такъ много на каждомъ шагу, что едва-ли и нужно останавливаться на нихъ. Если же хозяинъ-учитель выращиваетъ прививки, выводитъ или даже выписываетъ хорошія сѣмена

для продажи, отпускаетъ пчелъ и улья и т. п., то указанное значеніе такого учителя еще болѣе увеличивается, и онъ можетъ даже содѣйствовать развитію въ окружающей мѣстности новой доходной отрасли хозяйства.

Такая полезная дѣятельность нѣкоторыхъ учителей, независимо отъ прямыхъ школьныхъ обязанностей ихъ, находитъ иногда справедливую оцѣнку сельско-хозяйственнаго общества, земскихъ и правительственныхъ учрежденій, выдающихъ за это медали, преміи или денежныя награды и пособія. Надо пожелать, чтобы и впредь эти учрежденія *поощряли* учителей, оказывающихъ полезное вліяніе на крестьянское хозяйство, и чтобы въ интересахъ такого именно вліянія учителямъ *оказывалась помощь* на устройство ихъ хозяйствъ.

Теперь возьмемъ случаи, когда учителя, устраивающіе сады, питомники и пр., привлекаютъ къ сельско-хозяйственнымъ занятіямъ и своихъ учениковъ. Какое же педагогическое значеніе имѣютъ такія занятія?

По этому вопросу (п. 4 нашей программы) мы имѣемъ довольно обширный матеріалъ въ отчетахъ по школьнымъ садамъ и въ ихъ описаніяхъ. Не вдаваясь въ общія посылки педагогики — о душевномъ и тѣлесномъ развитія учащихся, о значеніи физическаго труда, наблюденій, опытовъ и пр. и пр., какъ дѣлаютъ иные авторы, разсматривающіе поставленный вопросъ съ теоретической стороны или вѣрнѣе, на основаніи собственныхъ своихъ измышленій,—мы далеки отъ мысли склонять этимъ путемъ къ преувеличеннымъ ожиданіямъ. Обратимся прежде всего къ самой жизни.

Многіе сельскіе учителя несомнѣнно сумѣли на дѣлѣ заинтересовать учениковъ школьными садами и не только съ внѣшней стороны (раздачею растеній, сѣмянъ, лакомствъ, платы и пр.), но и внутренно—возбужденіемъ любознательности, вдумчиваго отношенія къ природѣ и ея явленіямъ, уваженія къ труду и чужой собственности, преклоненія передъ знаніями и спеціальными книгами и т. д. Эти зародыши нерѣдко развивались затѣмъ долго по выходѣ изъ школъ, и приносили и приносятъ пышные плоды такой умѣлой и добровольной дѣятельности хорошихъ учителей. Для такого именно вліянія школьные сады представляютъ прекрасное мѣсто.

Но изъ этихъ фактовъ, хотя они и многочисленны, нельзя выводить заключенія о возможности достигнуть подобныхъ же блестящихъ результатовъ во всѣхъ вообще школьныхъ садахъ. Затрудненія этому встрѣчаются не только со стороны учителей—ихъ неподготовленности или недостатка живого интереса къ воспитательному дѣлу—явленій временныхъ,—но и со стороны положенія самихъ школъ. Бѣдное крестьянское населеніе часто пользуется трудомъ

дѣтей и беретъ ихъ изъ школъ на все лѣтнее время. Едва-ли поэтому чисто учебныя занятія, безъ особой матеріальной пользы, могутъ отвлечь учащихся отъ домашнихъ работъ. Нельзя забывать и того, что большинство нашихъ начальныхъ училищъ и не можетъ задаваться воспитательными цѣлями, такъ какъ не даютъ дѣтямъ даже и хорошей грамоты. Но если бы учитель и ученики и нашли время производить наблюденія и опытъ по сельскому хозяйству и естествознанію, подкрѣплять ихъ экскурсіями, составленіемъ гербаріевъ, коллекцій и пр., то могутъ встрѣтиться затрудненія въ недостаткѣ или незначительности средствъ на это. Со всѣми этими грустными явленіями надо считаться при обсужденіи вопроса о воспитательномъ воздѣйствіи школьныхъ садовъ. Тѣмъ не менѣе такое значеніе ихъ несомнѣнно, и надо позаботиться, чтобы по возможности дѣло это облегчалось. Но едва-ли возможно будетъ достигнуть здѣсь очень большихъ результатовъ при маломъ курсѣ въ народныхъ школахъ и при отсутствіи лѣтнихъ занятій.

Обращаясь, наконецъ, къ послѣднему изъ поставленныхъ нами вопросовъ—объ организаціи сельско-хозяйственнаго обученія въ начальныхъ школахъ, мы должны признать, что имѣемъ очень мало практическихъ данныхъ для увѣреннаго рѣшенія этого вопроса. Конечно, на него прежде всего надо взглянуть съ обще-педагогической точки зрѣнія и потому признать, что простѣйшія занятія и элементарныя наблюденія должны легче привести къ изученію болѣе сложныхъ пріемовъ или явленій. Въ этомъ смыслѣ принципы „*ручного труда*", выработанные на опытѣ, имѣютъ особое право на вниманіе къ себѣ и при устройствѣ сельскохозяйственныхъ практическихъ занятій. Но едва-ли эти принципы вполнѣ приложимы въ настоящее время къ земледѣльческимъ занятіямъ. Веденіе хозяйства требуетъ своевременнаго выполненія многихъ пріемовъ въ одно и то же время, а продѣлываніе различныхъ пріемовъ въ порядкѣ педагогической ихъ надежности и искусственной обстановки, въ видахъ обученія, не всегда возможно, да едва-ли и нужно. Во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ примѣнять указанные принципы, необходимо пересмотрѣть всѣ сельскохозяйственныя работы и попытаться раздѣлить ихъ на элементы, подлежащіе изученію въ порядкѣ извѣстной постепенности. Опыта въ этомъ направленіи еще мало, и не только въ начальныхъ школахъ, но и въ спеціальныхъ сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ преподаваніи сельскаго хозяйства принято различать теоретическія и практическія занятія, въ начальныхъ школахъ—лучше всего было-бы слить ихъ воедино; но и здѣсь мы встрѣчаемся съ

цѣлою неразработанною областью. Одни учителя предпосылаютъ предстоящимъ сельскохозяйственнымъ работамъ чтеніе книжекъ и посильныя свои объясненія въ зимнее время или весною; иные совѣтуютъ даже проходить естествознаніе. Другіе же педагоги прежде всего показываютъ самыя работы, объясняя ихъ значеніе при производствѣ, „теорію“ же проходятъ послѣ того, какъ работы продѣланы. Многіе учителя стараются довести учениковъ до пониманія разныхъ пріемовъ и явленій и вдаются даже въ физіологію растеній и химію; но въ большинствѣ случаевъ цѣль эта не достигается, и ученикамъ (да и учителямъ) только кажется, что они понимаютъ дѣло. Потому было бы, можетъ быть, разумнѣе, не увлекаясь подобною игрою въ науку, постараться преподать дѣтямъ хотя бы немногія свѣдѣнія, но чисто нагляднымъ и практическимъ путемъ.

Изъ свѣдѣній, приведенныхъ выше, можно усмотрѣть, что практика дѣла выдвинула нѣсколько видовъ сельскохозяйственнаго обученія въ различныхъ начальныхъ училищахъ, въ соотвѣтствіи съ цѣлями учредителей и имѣющимися средствами. Мы не имѣемъ основанія отказываться отъ продолженія дѣла на такихъ различныхъ началахъ. Но слѣдуетъ признать, что въ громадномъ большинствѣ школъ трудно было-бы достигнуть сколько-нибудь законченнаго профессіональнаго образованія. Поэтому, не задаваясь широкими цѣлями послѣдняго, слѣдуетъ позаботиться главнымъ образомъ о воспитаніи сознательнаго и любовнаго отношенія къ сельскому труду и къ сообщенію хотя-бы немногихъ навыковъ и умѣній, полезныхъ для окружающаго населенія. Часто мѣстное крестьянское хозяйство нуждается въ одномъ-двухъ улучшеніяхъ (посѣвъ травъ, культура льна, картофеля и др.) или въ какомъ-либо пріемѣ работъ (напр., прививки деревьевъ, винограда и пр.). Учитель можетъ узнать такіе рецепты (при помощи земскихъ агрономовъ и др. лицъ) и затѣмъ своими опытами и нагляднымъ примѣромъ склонить хозяевъ къ тому или другому улучшенію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ учителямъ слѣдовало бы избѣгать передъ дѣтьми въ школѣ неосновательной критики мѣстныхъ пріемовъ хозяйства, къ чему могутъ подать поводъ нѣкоторыя книги. У каждаго крестьянина есть чему поучиться въ хозяйствѣ, и часто дѣти-школьники знаютъ его больше и лучше, нежели учителя.

Такимъ образомъ всего легче и проще рѣшаются на практикѣ вопросы по обезпеченію школъ и учителей участками земли и отчасти по использованію этихъ участковъ умѣлымъ трудомъ учителей. Для этого требуются главнымъ образомъ матеріальная помощь учителямъ. Гораздо труднѣе провести въ жизнь пожеланія, обращенныя къ школьнымъ учителямъ и хозяйствамъ, въ отношеніи воспи-

танія дѣтей и сельскохозяйственнаго обученія ихъ. Но это все-таки возможно, хотя и не сразу и далеко не во всѣхъ школахъ.

Сказанное выше относительно значенія школьныхъ садовъ и хозяйствъ и сельскохозяйственныхъ занятій въ начальныхъ школахъ можетъ быть сведено къ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ:

1) Учрежденіе школьныхъ садовъ и другихъ хозяйствъ, предпринятое въ разныхъ мѣстахъ Россіи, имѣетъ большое значеніе для обезпеченія существованія школъ, для улучшенія быта и общественнаго положенія учителей и для воспитанія подрастающихъ поколѣній.

2) Устройство и веденіе учителями школьныхъ хозяйствъ и сельскохозяйственныхъ занятій въ начальныхъ школахъ должны быть руководимы и поощряемы всѣми заинтересованными учрежденіями и лицами, но могутъ быть возлагаемы, при необходимой матеріальной помощи, только на учителей, добровольно принимающихъ на себя такія обязанности и подготовленныхъ къ тому.

3) Сельскохозяйственное преподаваніе въ начальныхъ школахъ, гдѣ оно возможно, должно быть направляемо главнымъ образомъ къ воспитанію въ дѣтяхъ сознательнаго и любовнаго отношенія къ сельскому труду и природѣ и къ сообщенію навыковъ и умѣній, полезныхъ для окружающаго населенія и доступныхъ дѣтскому возрасту. Въ нѣкоторыхъ школахъ, при благопріятныхъ условіяхъ, возможно и чисто профессіональное обученіе сельскому хозяйству, напр., въ особыхъ дополнительныхъ классахъ и отдѣленіяхъ, а также и другіе виды обученія, согласно имѣющемуся опыту и мѣстнымъ условіямъ.

4) Имѣющійся опытъ и руководства по устройству нагляднаго преподаванія научныхъ основъ сельскаго хозяйства въ начальныхъ школахъ въ европейскихъ странахъ съ цѣлями чисто воспитательными еще недостаточны для прочнаго водворенія этого новаго дѣла, требующаго особыхъ условій и приспособленій въ школахъ, а главное—соотвѣтственной подготовки учителей въ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ.

5) Въ интересахъ сельскохозяйственнаго обученія и еще болѣе—для обезпеченія необходимаго числа начальныхъ школъ, особенно въ центральныхъ губерніяхъ, необходимо возможно большее надѣленіе ихъ землею, и съ этою цѣлью необходимо расширить законъ 12 мая 1897 г., касающійся обезпеченія народнаго образованія изъ государственнаго земельнаго фонда.

И. Мещерскій.

Воспитательныя задачи начальной школы и дѣйствующая программа.

I.

Среди теченій жизни, характеризующихъ современное состояніе нашего народа, особенное вниманіе привлекаютъ къ себѣ двѣ черты: съ одной стороны, пробудившееся стремленіе народной массы къ книгѣ, къ знаніямъ, къ просвѣщенію, съ другой — созрѣвающая въ этой массѣ потребность въ организаціи своихъ силъ для достиженія своихъ жизненныхъ, экономическихъ и профессіональныхъ интересовъ. Эти двѣ настоятельныя потребности—умственная и общественная—не навязаны намъ извнѣ; онѣ коренятся въ современныхъ бытовыхъ условіяхъ, имѣютъ свою, по крайней мѣрѣ, полувѣковую исторію; онѣ иллюстрируются въ нашемъ быту многочисленными убѣдительными фактами и цыфрами. Уже нѣсколько десятилѣтій наши земства, города, просвѣтительныя общества, сельскія общины и частныя лица отвѣчаютъ на первую изъ этихъ потребностей, потребность въ просвѣщеніи народа, ежегодными, постепенно возрастающими затратами, измѣряемыми, въ общей сложности, многими милліонами рублей, и энергической, неутомимой работой надъ увеличеніемъ числа начальныхъ школъ и учрежденій для внѣшкольнаго образованія народа.

Въ послѣдніе годы, съ приближеніемъ пятидесятилѣтія со дня освобожденія отъ крѣпостного состоянія, эти просвѣтительныя стремленія замѣтно усиливаются: къ дѣлу организаціи новыхъ школъ обращаются и такіе уголки Россіи, которые оставались до сихъ поръ равнодушными къ общему теченію; и крестьянскія общества въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи ходатайствуютъ предъ органами самоуправленія объ открытіи школъ болѣе высокаго образовательнаго типа, нежели существующія; земства и правительство убѣждаются такимъ путемъ въ своевременности расширенія продолжительности курса начальной школы (на 1 годъ); наконецъ, мы видимъ, что всю земскую Россію постепенно охватываетъ одно стремленіе, въ кото-

ромъ интеллигенція сливается съ народомъ: осуществить въ близкомъ будущемъ тѣ условія доступности начальной школы, при которыхъ станетъ возможнымъ всеобщее обученіе. Не говорятъ ли всѣ эти факты, что теперь, какъ и прежде, мы видимъ въ народной школѣ „могучее и единственно вѣрное средство внести въ народную жизнь начала человѣчности, культуры, просвѣщенія? *)“ Если это такъ, то существенная задача школы состоитъ въ воспитаніи изъ молодыхъ силъ деревни не только земледѣльцевъ, но и людей, проникнутыхъ сознаніемъ нравственнаго и общественнаго долга, будущихъ сотрудниковъ въ общей работѣ всѣхъ слоевъ населенія.

Въ виду такой широкой задачи, ясно поставленной передъ обществомъ, возникаетъ вопросъ, каковы должны быть будущія школы— не по своей численности, но по содержанію своихъ учебныхъ плановъ и характеру господствующаго въ нихъ преподаванія. Вопросъ о доступности начальной школы мѣстному населенію едва-ли возможно отдѣлять отъ вопроса о ея качествѣ, о ея цѣлесообразности. Оба вопроса выдвигаются въ настоящее время въ первую очередь самою жизнью **). Вѣдь самая лучшая школа есть вмѣстѣ съ тѣмъ самая экономная, въ которой время, силы и деньги не тратятся даромъ, въ которой ученики охотнѣе учатся, въ большемъ числѣ остаются до окончанія курса и по выходѣ изъ школы не забываютъ усвоеннаго, не впадаютъ вновь въ безграмотность.

Еще въ 60-хъ годахъ, при самомъ рожденіи народной школы, нашими лучшими педагогами высказывалось убѣжденіе, что народная школа должна быть не только учебнымъ, но преимущественно воспитательнымъ учрежденіемъ. Съ тѣхъ поръ жизненный опытъ не только не поколебалъ правильности этого взгляда, но углубилъ его и расширилъ. Довѣріе и расположеніе мѣстнаго населенія къ школамъ завоевывалось именно тѣми изъ нихъ, которыя, обладая хорошими преподавателями, умѣли сообщать дѣтямъ развивающія и интересующія ихъ знанія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, распространять просвѣтительное вліяніе свое на окружающую взрослую среду. Подъ вліяніемъ такихъ неотразимыхъ жизненныхъ фактовъ, исчезаютъ иллюзіи о необходимости созданія для темной крестьянской среды особаго типа крайне упрощенныхъ и удешевленныхъ школъ съ какимъ-либо узкимъ профессіональнымъ направленіемъ. Напротивъ, наше общество, разрывая навсегда съ крѣпостническими предубѣжденіями и проникаясь истинно народнымъ чувствомъ, приходитъ къ убѣжденію, что сельскія, какъ и всякія другія начальныя школы,

*) Слова Н. Бунакова.

**) См. *Н. А. Куломзина*. Доступность начальныхъ школъ въ Россіи. Спб. 1904.

нуждаются, въ интересахъ молодого поколѣнія, не только въ хорошихъ учебныхъ планахъ и въ подготовленныхъ учителяхъ, но и въ цѣломъ рядѣ вспомогательныхъ, группирующихся вокругъ школы учрежденій, имѣющихъ своимъ назначеніемъ поддержать школу, углубить и расширить ея благотворное вліяніе на жизнь и помочь ей въ удовлетвореніи потребностей всесторонняго воспитанія учащихся. Сами учителя и учительницы, являясь въ начальную школу, вскорѣ ясно видятъ, что задача ихъ значительно выходитъ изъ предѣловъ преподаванія, въ узкомъ смыслѣ слова, что дѣти обращаются къ нимъ всѣми сторонами своего существованія и своей природы, что ихъ приходится не только учить читать, говорить, писать, но и заботиться объ ихъ питаніи, здоровьѣ, чистотѣ, умѣньѣ держать себя, словомъ о всестороннемъ первоначальномъ физическомъ, духовномъ и общественномъ ихъ воспитаніи, на которое ихъ домашняя малокультурная среда не въ состояніи оказать достаточнаго вліянія. Но школьные учительницы и учителя были бы прямо не въ состояніи выполнить этой сложной задачи сколько-нибудь удовлетворительно, если бы имъ на помощь не пришли необходимыя учрежденія какъ въ самой школѣ, такъ и вокругъ нея: таковы—педагогическіе совѣты, коллегіальныя и единоличныя школьныя попечительства и школьныя общества изъ бывшихъ учениковъ школы, школьныя библіотеки и библіотеки для взрослыхъ, окончившихъ курсъ школы, воскресные и вечерніе классы и народныя чтенія, организація завтраковъ, приварковъ, ночлежныхъ пріютовъ и школьныхъ общежитій, медицинскихъ и санитарныхъ осмотровъ, школьныхъ праздниковъ и образовательныхъ экскурсій и прогулокъ. Необходимость и неизбѣжность развитія подобнаго рода учрежденій вытекаетъ изъ самаго факта серьезныхъ общественныхъ затратъ и трудовъ, вложенныхъ въ основаніе школъ: понятно, что только этими вспомогательными мѣстными учрежденіями, съ участіемъ въ нихъ всѣхъ интересующихся школой, безъ различія сословій, можетъ быть сколько-нибудь обезпечена плодотворность сдѣланныхъ затратъ и только при этихъ условіяхъ возможно нормальное развитіе школьнаго дѣла. Послѣ первыхъ уже сдѣланныхъ у насъ шаговъ на этомъ пути, дальнѣйшій прогрессъ школы есть вмѣстѣ съ тѣмъ прогрессъ всей мѣстной общины.

Одни изъ поименованныхъ учрежденій, каковы школьныя и народныя библіотеки, вызванныя къ жизни лѣтъ 10 тому назадъ могучей общественной иниціативой, уже получили въ настоящее время благодаря содѣйствію земствъ, довольно широкое распространеніе: въ 1896 году 75% всѣхъ училищъ вѣдомства мин. нар. пр. и 61% всѣхъ начальныхъ училищъ уже имѣютъ свои библіотеки: остается

сдѣлать немного усилій, чтобы библіотека сдѣлалась принадлежностью всякой школы. Другія изъ этихъ учрежденій, какъ, напримѣръ, коллегіальныя школьныя попечительства, существуютъ пока лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, и ихъ организація составляетъ теперь предметъ подготовительнаго обсужденія въ печати и обществѣ. Наконецъ, третьи представляютъ собой не столько учрежденія, сколько пріемы школьнаго воспитанія, общественные школьные обычаи, начинающіе входить въ практику начальныхъ школъ: таковы школьные праздники и образовательныя экскурсіи и прогулки. Кромѣ умственныхъ и эстетическихъ элементовъ, заключающихся въ нихъ, особенно цѣнной стороной этихъ обычаевъ является воспитаніе при ихъ помощи чувства общественности, порядка, привычки къ организованнымъ культурнымъ удовольствіямъ въ праздничные дни. Уже въ періодъ школьной жизни должно начаться общественное воспитаніе народа.

Итакъ, мы видимъ, что необходимость подъема воспитательной роли народной школы вытекаетъ въ настоящее время не только изъ педагогическихъ началъ, требующихъ всесторонняго развитія личности учащихся, но и изъ соображеній бытового и общественнаго характера. Возвѣщенная недавно высшею правительственною властью близкая реформа школы, должна, конечно, коснуться и начальной школы. Но при какихъ условіяхъ возможно дѣйствительное обновленіе начальной школы? Едва ли такое обновленіе когда-либо начнется, если сами преподаватели и школьные дѣятели не подвергнутъ строгому разбору и критикѣ свои программы, свои собственные методы и пріемы преподаванія, свои понятія о задачахъ обученія.

Въ связи съ высказаннымъ взглядомъ, насъ особенно интересуетъ въ настоящую минуту вопросъ о томъ, какія измѣненія должны быть сдѣланы въ дѣйствующей программѣ начальныхъ школъ, чтобы согласовать важнѣйшую, именно внутреннюю, жизнь школы, опредѣляемую программой, съ ея воспитательными задачами, или, иначе,— какія препятствія должны быть устранены, чтобы открыть необходимый просторъ для воспитательныхъ и образовательныхъ занятій въ начальной школѣ.

Но прежде чѣмъ обратиться къ критикѣ дѣйствующей программы съ точки зрѣнія воспитательныхъ задачъ школы, мы должны высказаться принципіально по вопросу о томъ, возможна ли и желательна ли вообще у насъ одна общая для всей Россіи программа начальныхъ училищъ. Въ виду чрезвычайнаго разнообразія условій, мѣстныхъ, экономическихъ и общественныхъ, среди которыхъ приходится существовать и развиваться современной школѣ, въ виду

неизвѣстности, невыясненности этихъ условій, не подлежитъ сомнѣнію, что дѣйствительная, жизненная программа, вышедшая изъ родной почвы, могла бы быть выработана не иначе, какъ при содѣйствіи мѣстныхъ, спеціально для этой цѣли созванныхъ земскихъ и школьныхъ дѣятелей. Мы имѣемъ въ виду такую программу, которая, съ одной стороны, опредѣляетъ лишь минимальныя общія рамки требованій отъ оканчивающихъ курсъ начальной школы, съ другой, открываетъ возможность ея расширенія и усовершенствованія сообразно съ требованіями мѣстныхъ условій жизни, а также съ индивидуальными способностями преподавателя и учениковъ каждой отдѣльной школы. Мы не упускаемъ изъ виду, что настоящую, живую физіономію школѣ можетъ придать лишь личность учителя, а не программа. Но, во всякомъ случаѣ, общія рамки программы необходимы какъ для облегченія и направленія дѣятельности преподавателей, такъ и для огражденія школы отъ непомѣрныхъ требованій на экзаменѣ.

Программа 1897 года, въ которой нѣкоторые педагоги поторопились увидѣть эпоху въ жизни народной школы, ознаменованную тѣмъ, что она будто вполнѣ отвѣчаетъ „назрѣвшимъ требованіямъ педагогической теоріи и практики“, въ сущности, не имѣетъ никакого притязанія идти во главѣ школьнаго движенія или указывать ему прогрессивный путь. Характеръ дѣйствующей программы иной. Опредѣляя задачи преподаванія каждаго предмета и объемъ сообщаемыхъ свѣдѣній, даже входя въ детальныя указанія относительно практическихъ упражненій и пріемовъ обученія, программа совершенно умалчиваетъ о такихъ руководящихъ учебно-воспитательныхъ принципахъ, уже вошедшихъ у насъ въ жизнь и въ педагогическое сознаніе, какъ, напримѣръ, о необходимости возбужденія интереса дѣтей къ преподаванію, пользованія школьными библіотеками или примѣненія принципа наглядности къ обученію. Отсутствіе такихъ принципіальныхъ указаній въ программѣ не можетъ пройти безслѣдно въ жизни школы. При видѣ учителя, дающаго широкое примѣненіе принципу наглядности обученія и вслѣдствіе этого оставляющаго въ тѣни диктанты и другія формальныя упражненія, инспекторъ школъ будетъ поставленъ въ большое сомнѣніе, слѣдуетъ ли ему поощрять такого учителя, или противодѣйствовать его успѣху, такъ какъ въ дѣйствующей программѣ о принципѣ наглядности ничего не говорится, а о диктантахъ и правилахъ правописанія очень много. Поэтому, при разсмотрѣніи дѣйствующей программы, слѣдуетъ обратить самое серьезное вниманіе на тѣ элементы, которые могутъ задерживать естественный ростъ и развитіе нашей народной школы.

Обращаясь къ оцѣнкѣ общаго плана предметовъ, преподаваемыхъ въ начальныхъ училищахъ вѣдомства мин. нар. пр., слѣдуетъ замѣтить, что этотъ планъ разсчитанъ на неблагопріятныя условія преподаванія, какія представляетъ собою у насъ типъ трехгодичной одноклассной школы, съ 1 учителемъ, кромѣ законоучителя, и тремя отдѣленіями, типъ, къ которому принадлежитъ у насъ громадное большинство школъ, составляющихъ, по свѣдѣніямъ 1896 г., 93,6% общаго числа школъ этого вѣдомства. Понятно, что при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ обязательно соблюденіе принципа *строгой экономіи* силъ и времени какъ въ выборѣ предметовъ ихъ распредѣленія, такъ и въ установленіи пріемовъ и способовъ преподаванія. Въ распредѣленіи предметовъ по часамъ недѣли, предлагаемомъ дѣйствующимъ учебнымъ планомъ, обращаетъ на себя вниманіе та особенность, что тремъ предметамъ преподаванія, пре слѣдующимъ одну и ту же существенную цѣль, состоящую въ развитіи въ дѣтяхъ религіознаго чувства, именно, Закону Божію, церковно-славянской грамотѣ и церковному пѣнію отводится преобладающее мѣсто: 12 часовъ въ недѣлю; на всѣ же остальные предметы—русскій языкъ, чистописаніе и ариѳметику остается только 15 часовъ. Но такъ какъ изъ нихъ 8 часовъ, назначаемые на русскій (въ трехъ отдѣленіяхъ) должны вмѣстить въ себѣ и всѣ элементы естествознанія, географіи, исторіи и художественнаго чтенія, то ясно, что распредѣленіе воспитательнаго матеріала неравномѣрно: оно придаетъ учебной системѣ скорѣе профессіональный церковный, нежели общеобразовательный характеръ. По смыслу учебнаго плана, школа должна заниматься больше всего развитіемъ тѣхъ настроеній, которыя давно уже существуютъ въ народѣ, коренятся въ немъ слишкомъ глубоко, чтобы бояться соприкосновенія съ реальными знаніями, и могущественно поддерживаются, помимо школы, господствующей религіей и церковью, всѣми ея представителями, учрежденіями и обычаями. Этихъ цѣнныхъ воспитательныхъ элементовъ достаточно много въ окружающей жизни, и программа не въ состояніи была бы ни пошатнуть ихъ, ни преувеличить ихъ дѣйствительнаго значенія. Но на учебномъ планѣ односторонняя точка зрѣнія отражается неблагопріятно. Такъ, напримѣръ, въ немъ сказано, что при выборѣ учителя начальной школы, слѣдуетъ отдавать рѣшительное предпочтеніе лицу, умѣющему обучать именно церковному пѣнію. Вслѣдствіе этого отодвигается на второй планъ не менѣе жизненная народная потребность въ усвоеніи элементовъ реальныхъ знаній, художественной литературы и общественныхъ понятій. Особенно ярко проявляется эта профессіональная идея въ созданіи изъ церковно-славянской грамоты особаго, спеціальнаго

предмета изученія, независимаго отъ преподаванія Закона Божія, съ особыми 3 часами въ недѣлю. Въ этомъ случаѣ составитель программы, былъ исполненъ, несомнѣнно, самыхъ благихъ, въ воспитательномъ смыслѣ, намѣреній. Онъ возлагаетъ надежду на спеціальное обученіе церковно-славянской грамотѣ, на чтеніе, на этомъ языкѣ, не только Евангелія, но и Часослова, Псалтири „по изданіямъ *церковнаго* состава, т. е. съ раздѣленіемъ на каѳизмы и съ положенными послѣ каждой каѳизмы тропарями и молитвами“, а также церковнаго мѣсяцеслова,—какъ на орудіе развитія религіознаго чувства. Такимъ образомъ, въ программѣ начальныхъ школъ элементамъ церковно-славянской грамоты отводится гораздо болѣе обширный объемъ, нежели въ приготовительныхъ и первыхъ классахъ классическихъ гимназій и реальныхъ училищъ, гдѣ учатся дѣти одного возраста.

Но очевидно, что въ виду малаго возраста учениковъ начальной школы выполненіе этихъ усиленныхъ требованій по церковно-славянской грамотѣ неосуществимо. На практикѣ ими создаются лишь новыя техническія трудности, вводятся не интересныя и непосильныя для большинства объяснительныя толкованія словъ и формъ мало понятнаго языка, задерживающія обученіе русской грамотѣ. Не такимъ путемъ конечно, не созданіемъ техническихъ трудностей укрѣпляется у дѣтей религіозное чувство. Церковно-славянской грамматикѣ принадлежитъ въ начальной школѣ роль своего рода классицизма, отъ бремени котораго только-что освободились младшіе классы средней школы. Дѣйствительность показываетъ, къ сожалѣнію, что вышедшіе изъ трехгодичной школы молодые люди плохо знаютъ какъ церковно-славянскую, такъ и русскую грамоту. Не лучше ли было бы употреблять больше времени на усвоеніе хотя бы послѣдней? Такова одна изъ слабыхъ сторонъ дѣйствующаго учебнаго плана. Чтобы освободить въ немъ мѣсто необходимымъ общеобразовательнымъ элементамъ, слѣдовало бы, оставивъ неприкосновеннымъ преподаваніе Закона Божія въ существующемъ объемѣ, отнести церковно-славянскую грамоту къ дополнительнымъ занятіямъ по Закону Божію, обязательнымъ не для всякой школы, но лишь для тѣхъ, которыя находятся для этого въ особо-благопріятныхъ условіяхъ. Въ настоящее время эти элементы, безъ видимой надобности выдвигаемые впередъ въ учебныхъ планахъ, заслоняютъ собой громадное воспитательное значеніе правильно поставленнаго русскаго чтенія, въ связи съ обученіемъ родному языку. Въ бѣдной и временемъ и средствами начальной школѣ, какова наша, церковно-славянскій языкъ не можетъ имѣть значенія ни главнаго, ни отдѣльнаго предмета преподаванія, независимаго отъ обученія Закону Божію, для котораго онъ служитъ

естественнымъ подспорьемъ; занимая искусственно преувеличенное мѣсто въ программѣ, онъ на практикѣ обращается въ орудіе задержки общаго успѣха обученія. Тѣсно связанный съ обученіемъ Закону Божію, онъ и долженъ входить въ обычный кругъ занятій священника-законоучителя, которому принадлежитъ, съ одной стороны, право и компетентность въ толкованіи слова Божія, а съ другой—полная возможность углубить и осмыслить самый процессъ славянскаго чтенія. Воспитательныя задачи школы, какъ мы видимъ, не вполнѣ чужды нашей программѣ, но онѣ направлены односторонне. Въ объяснительной запискѣ по преподаванію Закона Божія встрѣчаются слѣдующія прекрасныя слова: „преподаватель долженъ главнымъ образомъ заботиться не о суммѣ сообщенныхъ знаній, а о томъ, чтобы учащійся изъ каждаго его урока вынесъ мысль, чувство, стремленіе, способныя служить ему сѣменемъ жизни нравственно-религіозной". Мы не беремся судить о томъ, въ какой мѣрѣ на практикѣ законоучителямъ удается придать своимъ урокамъ характеръ пастырскихъ бесѣдъ съ дѣтьми... По отзыву компетентнаго въ этомъ вопросѣ автора, „въ большинствѣ начальныхъ народныхъ школъ предметъ этотъ и теперь, какъ и прежде, не оказываетъ еще на дѣтей того воспитательнаго вліянія, какимъ должно по преимуществу сопровождаться преподаваніе этого предмета" *), и не удивительно, что вмѣсто положительнаго получается одинъ только отрицательный результатъ, такъ какъ, по наблюденіямъ того же автора, въ большинствѣ школъ текстъ молитвъ изучается „исключительно механически", путемъ назначенія уроковъ на домъ „отсюда досюда". Но едва ли можно допустить, чтобы программа начальной школы, такъ ясно опредѣляющая воспитательную задачу одного предмета, совершенно забывала о другомъ, стоящемъ съ нимъ рядомъ. Наша программа обходитъ молчаніемъ тотъ фактъ, что живое чтеніе самимъ учителемъ доступныхъ дѣтямъ книгъ, обставленное наглядными пособіями, представляетъ собою во всякомъ случаѣ не менѣе богатый источникъ воспитательнаго вліянія, достигающій съ неменьшимъ успѣхомъ тѣхъ же цѣлей, т. е. пробужденія живой мысли, благородныхъ чувствъ и возвышенныхъ стремленій, въ числѣ которыхъ находятся, конечно, и стремленія нравственно-религіозныя. Дѣйствующая программа родного языка не даетъ никакой опоры для практическаго проведенія воспитательныхъ задачъ преподаванія этого предмета. Въ объяснительной запискѣ говорится: „Задача начальной народной школы по русскому языку состоитъ въ томъ, чтобы дове-

*) Статья *А. Красева*: Къ вопросу о преподаваніи Закона Божія въ народныхъ училищахъ. „Рус. Школа" 1904 г. № 3.

сти учениковъ до бѣглаго, правильнаго и осмысленнаго чтенія, правильной и точной устной передачи видѣннаго и слышаннаго и вообще правильной разговорной рѣчи и правильнаго по возможности письма". Вотъ какая узко-техническая, чисто формальная задача ставится передъ нами при обученіи дѣтей родному языку. Сущность дѣла сводится къ достиженію различнаго рода внѣшнихъ навыковъ: правильнаго чтенія, правильной передачи, правильной рѣчи, правильнаго письма. Такая постановка дѣла, обходитъ существенный вопросъ: возможно ли достиженіе всѣхъ этихъ техническихъ „правильностей" безъ возбужденія въ дѣтяхъ внутренняго интереса къ самому предмету, къ матеріалу преподаванія?

Начнемъ съ откровеннаго признанія факта, что въ учебномъ курсѣ нашей школы совсѣмъ не существуетъ чтенія: его необходимо организовать, ввести, какъ безусловно нужный, основной элементъ преподаванія родного языка, имѣющій право занять центральное мѣсто въ курсѣ начальной школы. Правда, обычай раздачи книгъ для чтенія изъ школьной библіотеки начинаетъ входить въ жизнь. Но, къ сожалѣнію, эта важная сторона школьнаго дѣла остается мало развитою, главнымъ образомъ, потому, что не имѣетъ никакой живой связи съ учебнымъ курсомъ, словно второстепенное, неважное занятіе; и вотъ школьная библіотека, источникъ образовательнаго и воспитательнаго вліянія, остается учрежденіемъ, совершенно не использованнымъ въ педагогическомъ отношеніи. Естественно напрашивается вопросъ, для чего же общество затрачиваетъ столько средствъ и энергіи на снабженіе школъ ученическими библіотеками? *) У насъ существуютъ упражненія въ чтеніи механическомъ, хоровомъ, въ чтеніи объяснительномъ или словотолковательномъ, назначеніе котораго выяснять значеніе словъ, предложеній или отношеніе между ихъ частями. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Урокъ чтенія статьи „Бабушка Маланья" въ среднемъ отдѣленіи.—Читайзаглавіе статьи. Ученикъ читаетъ: Бабушка Маланья.—Кого это зовутъ бабушка?—Старуху.—Гдѣ это такъ зовутъ старыхъ женщинъ?—Такъ зовутъ въ деревнѣ.—А теткой въ деревняхъ кого зовутъ? — Не старую женщину.—Читай дальше. Ученикъ читаетъ:

На краю селенья
Хатка пошатнулась,
Къ хаткѣ дружелюбно
Ивушка нагнулась и т. д.

---

*) Въ 1896 году въ училищахъ вѣдомства м. н. п., имѣвшихъ ученическія библіотеки (61%), около половины книгъ были доставлены усиліями организованной частной инициативы. *Г. Фальборкъ и В. Чарнолускій*: Народное образованіе въ Россіи. С.-ПБ., стр. 142.

Прочитаемъ всѣ вмѣстѣ хоромъ.—Ученики читаютъ съ руководителемъ хоромъ.—Про кого мы прочитали.—Про хатку и про ивушку.—Что и при чемъ было,—ивушка при хаткѣ или хатка при ивушкѣ?—О чемъ же главнымъ образомъ здѣсь говорится? и т. д. *). Другой примѣръ. Въ средней группѣ объяснительное чтеніе стихотворенія „Мать“.—Слушайте, дѣти. Откройте 40 страницу въ книжкѣ. Прочитайте заглавіе стихотворенія.—Что еще написано рядомъ съ заглавіемъ?—Стихотвореніе Плещеева. — Кто же написалъ это стихотвореніе?—Читайте стихотвореніе. „Кротко озаряла комнату лампада, мать надъ колыбелью наклонясь стояла“ и т. д. Читаютъ нѣсколько разъ по одиночкѣ и хоромъ... „Дождь шумѣлъ, раскаты слышалися грома, и гремѣлъ, казалось, онъ надъ крышей дома“. — О чемъ мы здѣсь прочитали?—Что о дождѣ прочитали?—Что еще было слышно?—Гдѣ слышались раскаты грома? — Такъ каково же было слушать такіе раскаты грома? — Такъ про что же мы прочитали въ этомъ отрывкѣ? и т. д. **).

Итакъ, объяснительное чтеніе постоянно прерываетъ процессъ чтенія даже небольшихъ статей вопросами по поводу отдѣльныхъ словъ, предложеній, отрывковъ... совершенно такъ, какъ если бы чтеніе происходило не на русскомъ, а на латинскомъ языкѣ; такіе вопросы заставляютъ предполагать, что у русскихъ учащихся въ школѣ дѣтей даже такія слова, какъ „бабушка Маланья“ не вызываютъ въ сознаніи никакихъ соотвѣтствующихъ образовъ, и ихъ надо искусственно возбуждать вопросами (послѣ многократнаго чтенія), отнимающими у дѣтей возможность вынести изъ чтенія сколько-нибудь связное, цѣльное впечатлѣніе. Очевидно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ недоразумѣніемъ, съ остатками схоластическаго средневѣковаго способа обученія. Этотъ формализмъ преподаванія не только безплодно томитъ и сушитъ дѣтскія души, но вноситъ скуку и мертвенность въ преподаваніе, подтачиваетъ дисциплину и гонитъ изъ школы талантливыхъ и терпѣливыхъ учителей, не находящихъ наконецъ смысла въ такого рода просвѣтительныхъ упражненіяхъ.

---

*) Изъ приложенія *къ отчету* о краткосрочныхъ *педагогическихъ курсахъ* для земскихъ учителей и учительницъ, устроенныхъ Саратовскимъ Губернскимъ Земствомъ въ 1899 г. въ г. Саратовѣ, стр. 89.

**) *Дневникъ педагогическихъ курсовъ* для сельскихъ учителей и учительницъ земскихъ народныхъ училищъ Конотопскаго уѣзда. М. 1896 г. стр. 39—40. Въ статьѣ „Воспитательное чтеніе, какъ основа преподаванія родного языка, помѣщенной въ „Вѣстн. Восп“. 3 года тому назадъ, нами уже были высказаны замѣчанія о недостаткахъ объяснительнаго чтенія въ примѣненіи къ средней школѣ; тѣмъ не менѣе мы не считаемъ лишнимъ напомнить еще разъ объ этомъ въ статьѣ, спеціально касающейся начальной школы, гдѣ этого рода чтеніе особенно распространено.

Приведенные примѣры объяснительнаго чтенія взяты изъ многочисленныхъ „образцовыхъ“ уроковъ объяснительнаго чтенія, которые предлагались недавно учителямъ для усовершенствованія ихъ въ педагогическомъ искусствѣ на педагогическихъ курсахъ. Положимъ, что вопросы по поводу отрывковъ и басенъ бываютъ иногда болѣе содержательны. Дѣло отъ этого не мѣняется: объяснительное чтеніе, по своей сущности, остается чтеніемъ формальнымъ, словотолковательнымъ. Думали оправдать объяснительное чтеніе необходимостью развивать въ дѣтяхъ отвлеченное мышленіе. Но развивать въ дѣтяхъ, едва поступившихъ въ школу, отвлеченное мышленіе преждевременнно: это было бы насиліемъ надъ ихъ природой. Для развитія же въ нихъ отвлеченныхъ понятій, нѣтъ никакой надобности производить надъ ними особые маневры по поводу басенъ и отрывковъ: отвлеченныя понятія развиваются въ школѣ постепенно, сами собой: для этого служатъ правильно организованныя живыя чтенія и живыя бесѣды о прочитанномъ въ связи съ письменными изложеніями. Безъ сомнѣнія, объяснительное чтеніе не можетъ найти себѣ никакой опоры въ психологіи дѣтей, которыхъ интересуютъ не отдѣльныя слова, а цѣлое содержаніе; но оно находитъ ее въ дѣйствующей программѣ. Словотолкованіемъ въ извѣстной мѣрѣ осуществляется ея формальный характеръ. Ею рекомендуются только *упражненія въ чтеніи* сперва отдѣльныхъ словъ, потомъ статеекъ изъ хрестоматіи, наконецъ, разборчивыхъ рукописей, причемъ учителю предписывается требовать отъ учениковъ правильныхъ удареній, остановокъ, выразительности... Все это техника,—конечно, въ извѣстной мѣрѣ необходимая и неизбѣжная въ школьномъ обиходѣ Но гдѣ же тотъ внутренній двигатель, который возбуждалъ бы и поддерживалъ у дѣтей охоту читать, писать, излагать и дѣлалъ-бы уроки родного языка не только полезными, но интересными, оставляющими глубокія впечатлѣнія въ дѣтской душѣ? Въ основной части программы ни слова не говорится о воспитательномъ классномъ чтеніи, производимомъ самимъ учителемъ или учительницей,—не по хрестоматіи, но по книжкамъ изъ школьной библіотеки. Не потому-ли у насъ теперь считается самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, когда учитель или учительница въ теченіе трехъ лѣтъ своего преподаванія ни разу не прочли своимъ ученикамъ ни одного цѣльнаго дѣтскаго разсказа, ни одной интересной статьи образовательнаго, научнаго характера. А между тѣмъ въ нашей школѣ, дѣйствительно, надо дорожить каждымъ школьнымъ часомъ. Мы прибавили бы: надо дорожить имъ для того, чтобы оставить въ душахъ дѣтей, по выходѣ ихъ изъ школы, какъ можно больше глубокихъ воспитательныхъ впечатлѣній. Не надо быть уже грамотнымъ, чтобы интере-

соваться чтеніемъ. Восьмилѣтнія, еще неграмотныя дѣти, являющіяся въ школу, уже способны съ интересомъ слушать живое чтеніе, въ особенности если оно сопровождается показываніемъ картинъ, наглядныхъ пособій или простѣйшихъ опытовъ: надо пользоваться этимъ воспитательнымъ орудіемъ и читать имъ въ теченіе всѣхъ трехъ лѣтъ, посвящая этому, по крайней мѣрѣ, одинъ часъ въ недѣлю. Это не только не отвлечетъ отъ прямого дѣла, но, наоборотъ, это и есть настоящее дѣло школы, сущность всего дѣла; это не только не повредитъ ходу обученія механической грамотѣ и письму, но, напротивъ, облегчитъ, ускоритъ успѣхи всего обученія. Умѣніе хорошо читать дѣтямъ слѣдуетъ считать основною, важнѣйшею способностью учителя начальной школы.

Мы считаемъ пѣніе и церковное, и свѣтское—нашъ народъ любитъ и то и другое—очень важнымъ, желательнымъ элементомъ эстетическаго воспитанія въ начальной школѣ; но въ виду того, что оно не можетъ дать народу столько, сколько даетъ хорошее чтеніе, мы отдали бы рѣшительное предпочтеніе прежде всего учителю, умѣющему хорошо читать дѣтямъ и взрослымъ, а затѣмъ уже умѣющему обучать пѣнію, церковному и свѣтскому.

Дѣйствующая программа *въ своей основной части* нигдѣ не указываетъ иного матеріала для чтенія, кромѣ хрестоматіи. Это одна изъ сторонъ, въ которыхъ сказывается ея отсталость отъ требованій жизни.

Хрестоматія въ настоящее время уже не можетъ и не должна имѣть того значенія, какое принадлежало ей лѣтъ 30 тому назадъ, когда у насъ не существовало ни художественной дѣтской, ни научно-популярной литературы. Теперь хрестоматіи уже поневолѣ, въ виду всюду образующихся школьныхъ библіотекъ, должны отказаться отъ своей устарѣлой претензіи играть руководящую роль въ образованіи дѣтскаго міросозерцанія; наша школа переросла хрестоматію; въ библіотекахъ имѣются всѣ необходимые отдѣлы; систематическое же распредѣленіе чувствъ и понятій по отдѣламъ хрестоматіи всегда оставалось на страницахъ книги, не переходя въ головы и сердца дѣтей. Мы не будемъ говорить о тѣхъ беззастѣнчивыхъ злоупотребленіяхъ словами Богъ, семья, родина, которыхъ встрѣчается не мало въ этой отрасли книгоиздательства послѣдняго времени.

Сравнительно съ воспитательнымъ дѣйствіемъ и внутренней цѣнностью дѣтской и научно-популярной литературы, созданной у насъ усиліями многихъ высоко-талантливыхъ писателей и популяризаторовъ, всякая хрестоматія, какъ бы ни былъ талантливъ ея составитель, представляетъ собою крайне искусственную, всегда неудачную попытку замѣнить живую дѣтскую литературу разсказовъ, повѣстей

и очерковъ мертвой литературой отрывковъ, вырѣзанныхъ изъ большихъ произведеній и расположенныхъ по извѣстнымъ шаблонамъ.

Хрестоматія, при нѣкоторыхъ условіяхъ, можетъ принести пользу въ школѣ, какъ учебная книга; но она совершенно не удовлетворяетъ педагогическимъ требованіямъ, какъ матеріалъ для воспитательнаго чтенія.

Главный недостатокъ всякой хрестоматіи состоитъ въ томъ, что она не интересна, такъ какъ представляетъ собой пестрый сборникъ отрывковъ, не дающихъ возможности слѣдить сколько-нибудь продолжительное время за развитіемъ какого-нибудь сюжета или образа. Она не свободна, не можетъ сообразоваться съ потребностями дѣтей и ихъ развитіемъ, представляя собой компиляцію изъ сочиненій писателей, предназначавшихъ свои сочиненія для взрослыхъ читателей, а не для дѣтей 8—13 лѣтъ.

Какъ книга, постоянно находящаяся на глазахъ у учениковъ, она очень скоро перестаетъ возбуждать къ себѣ интересъ и не производитъ никакого впечатлѣнія.

Никто въ дѣйствительной жизни не читаетъ хрестоматій: почему же въ школѣ надо читать исключительно по хрестоматіи? Не слѣдуетъ ли, наоборотъ, именно въ школѣ учиться чтенію книгъ съ цѣльнымъ содержаніемъ? Потомъ будетъ поздно.

Наконецъ, хрестоматіи, употребляемыя во 2-мъ и 3-мъ отдѣленіи начальной школы, стоятъ дорого, въ сложности не менѣе рубля, а между тѣмъ удовольствія и пользы доставляютъ мало; многія же прекрасныя произведенія дѣтской и народной литературы въ объемѣ печатнаго листа стоятъ $1^1/_2$, 3—5 коп. уже теперь.

Задача современной школы по отношенію къ постановкѣ чтенія состоитъ въ томъ, чтобы перейти отъ системы средневѣковыхъ сборниковъ, утратившихъ всякій смыслъ, къ системѣ школьныхъ библіотекъ. Для этой цѣли должны быть, съ одной стороны, организованы и пополнены существующія библіотеки, а съ другой — преобразованы, сокращены и удешевлены существующія хрестоматіи. Дальнѣйшая же воспитательная задача школы должна состоять въ томъ, чтобы каждый ученикъ получалъ въ собственность одну за другою всѣ книжки и брошюры, которыя будутъ служить матеріаломъ класснаго воспитательнаго чтенія, изученія. Тогда, можно надѣяться, ученикъ унесетъ съ собою изъ школы небольшую библіотечку, которая будетъ приносить въ жизни удовольствіе и пользу не ему одному. Такимъ путемъ къ существующимъ способамъ проникновенія хорошей книжки въ народъ присоединится новый — чрезъ посредство школы.

Въ одинъ тонъ съ техническимъ направленіемъ чтенія поста-

вленъ у насъ и пересказъ прочитаннаго. У насъ господствуетъ лишь типъ пересказа, близкаго къ заучиванію наизусть; это пересказъ, рабски подчиненный тексту, ведущій только къ запоминанію словъ и выраженій, устраняющій возможность проявленія индивидуальности ученика; по этой формѣ пересказа трудно бываетъ отличить тупого ученика отъ болѣе разумнаго. Относительно этого въ объяснительной запискѣ сказано: „Статьи (изъ хрестоматіи) болѣе значительнаго объема могутъ прочитываться и пересказываться сначала по частямъ, а затѣмъ передаваться въ цѣломъ видѣ". Но почему большую статью рекомендуется пересказывать два раза: сначала по частямъ, потомъ въ цѣломъ видѣ? Не потому ли, что это скучная статья изъ хрестоматіи, прочитанная ученикомъ, а не учителемъ? Практика воспитательнаго чтенія показываетъ, что чѣмъ больше статья, чѣмъ лучше она прочитана учителемъ, тѣмъ она интереснѣе дѣтямъ, тѣмъ легче запоминаются и пересказываются отдѣльные эпизоды, и всегда съ одного раза. Но здѣсь пересказъ получается иного типа. Форма разсказа, буквальный текстъ отодвигаются на второй планъ, уступая главное мѣсто реальному содержанію: пересказъ принимаетъ форму болѣе свободнаго изложенія пережитыхъ впечатлѣній и мыслей. Пересказъ этого типа не имѣетъ цѣлью исчерпать непремѣнно все содержаніе прочитаннаго текста по частямъ, безъ пропусковъ: достаточно, если ученикъ отозвался на него оживленною, осмысленною рѣчью.

Трудно сказать, допускаются ли дѣйствующей программой бесѣды учителя съ учениками по поводу прочитаннаго, составляющія, конечно, необходимый элементъ воспитательнаго чтенія въ школѣ, его прямое и естественное дополненіе. Въ началѣ объяснительной записки одною изъ главныхъ задачъ начальной народной школы признается обученіе учениковъ „правильной разговорной рѣчи", въ другомъ же мѣстѣ по поводу бесѣдъ при чтеніи хрестоматіи, дѣлается слѣдующее предостереженіе: „При объясненіи статьи учителю не слѣдуетъ увлекаться желаніемъ дѣлиться съ дѣтьми всѣми свѣдѣніями, которыя онъ самъ имѣетъ о данномъ предметѣ; онъ долженъ сообщать, если это требуется въ видахъ лучшаго разъясненія статьи, только самое необходимое, избѣгая многословія и не удаляясь отъ читаемаго текста".

Если этими словами имѣется въ виду оградить школу отъ пустого и празднаго многословія, то къ такому предостереженію можно присоединиться. Къ сожалѣнію, первыя строки даютъ поводъ осудить учителя, способнаго увлекаться желаніемъ подѣлиться съ дѣтьми всѣми своими свѣдѣніями. Между тѣмъ это тотъ рѣдкій и цѣнный учитель, который любитъ свое дѣло, можетъ принести много

пользы учащимся и заслуживаетъ поддержки и благодарности общества...

Наши старанія разыскать какое-нибудь указаніе, открывающее дорогу воспитательному и образовательному чтенію, соотвѣтственно потребностямъ времени, не имѣли бы никакого успѣха, если бы, послѣ разсмотрѣнія основной части программы, мы не обратили вниманія на особый отдѣлъ, подъ заглавіемъ „Дополнительныя свѣдѣнія“. Онъ состоитъ изъ слѣдующихъ строкъ:

„Свѣдѣнія эти могутъ относиться или къ грамматикѣ, въ особенности же къ правописанію и синтаксису простого и сложнаго предложеній, или же къ болѣе обстоятельному ознакомленію учащихся по книгѣ для чтенія съ отечественной исторіей и съ отечественной географіей, при постоянномъ связномъ пересказѣ учениками прочитаннаго и упражненіи ихъ въ письменномъ изложеніи наиболѣе выдающихся разсказовъ. Вмѣсто книги для чтенія, могутъ служить для сей цѣли и книги или брошюры по русской исторіи и географіи изъ числа одобренныхъ м. н. пр. для низшихъ училищъ“.

Новымъ элементомъ въ этихъ дополнительныхъ свѣдѣніяхъ являются послѣднія строки о чтеніи книгъ или брошюръ по русской исторіи и географіи, вмѣсто книги для чтенія, т. е. классной хрестоматіи. Этимъ расширеніемъ тѣсныхъ рамокъ формальнаго преподаванія открывается, повидимому, нѣкоторая, хотя слабая возможность воспитательнаго чтенія. Интересно было бы узнать, отразилось ли это обстоятельство на постановкѣ чтенія въ школахъ въ теченіе послѣднихъ 6-ти лѣтъ. Судя по нѣкоторымъ наблюденіямъ, можно думать, что это прибавленіе никакого существеннаго вліянія на положеніе чтенія въ школѣ не оказало.

Прибавленіе къ курсу дополнительныхъ свѣдѣній поставлено учебнымъ планомъ въ крайне стѣснительныя условія: для того, чтобы взять изъ разрѣшенной школьной библіотеки нѣсколько брошюръ и прочитать ихъ на урокѣ ученикамъ, требуется „разрѣшеніе директора училищъ, которое дается отдѣльно для каждой школы съ доведеніемъ о семъ до свѣдѣнія Попечителя учебнаго округа“. Такимъ образомъ, для введенія въ курсъ родного языка одобренной брошюры по географіи или исторіи Россіи, находящейся въ школьной библіотекѣ, требуется почти столько же хлопотъ, сколько для устройства частнымъ лицомъ какой-нибудь публичной лекціи. Вслѣдствіе этого отъ прибавленія къ основнымъ программамъ дополнительныхъ свѣдѣній дѣло постановки чтенія въ начальныхъ школахъ не выигрываетъ, а, наоборотъ, теряетъ. Безъ этихъ дополненій, заглавіе *примѣрныя* программы могло бы быть иногда истолковано въ смыслѣ допущенія чтеній на урокахъ по мѣстнымъ условіямъ; при

данныхъ же ограниченіяхъ, для такого толкованія слова „примѣрная“ уже нѣтъ основанія.

Сдѣланная попытка введенія живого элемента въ программу должна быть признана неудачной и по одностороннему выбору матеріала. Ограниченіе этого выбора исторіей и географіей, съ исключеніемъ художественной литературы и естествознанія, ничѣмъ не можетъ быть оправдано, съ воспитательной точки зрѣнія. Но самый существенный недостатокъ этой прибавки о чтеніи тотъ, что она совершенно не вяжется съ духомъ основной программы, противорѣчитъ ей и въ такомъ видѣ можетъ долгое время оставаться безъ примѣненія въ школахъ.

При болѣе внимательномъ отношеніи къ потребностямъ современной школы, воспитательное и образовательное чтеніе должно будетъ занять мѣсто не гдѣ-то въ сторонѣ отъ программы, въ дополнительныхъ свѣдѣніяхъ, но пройти красною нитью черезъ всю программу преподаванія родного языка и этимъ открыть русскимъ дѣтямъ болѣе широкій горизонтъ для воспитанія ума и чувства.

Два факта, въ особенности, могутъ укрѣпить увѣренность въ неизбѣжности углубленія образовательной роли начальной школы съ одной стороны, развивающееся сознаніе самого народа, съ другой, мысль, сдѣлавшаяся въ послѣднее время достояніемъ какъ общественныхъ, такъ и государственныхъ дѣятелей *), состоящая въ томъ, что матеріальное благо, состояніе нашего народа не можетъ подняться,

	Германія.	Англія.	Франція.	Австрія.	Россія.	
I % грамотныхъ	98	90	85	52	16	Просвѣщеніе.
II Годовое потребленіе 1 жителя разной пищи въ пудахъ	47	40,1	42,3	34,3	18,6	Питаніе.
III Самъ отъ средняго сбора всѣхъ важнѣйшихъ хлѣбовъ	7,1	13,7	9,2	7,0	4,5	Умѣніе.
IV На 1.000 десятинъ приходится скота при переводѣ на рогатый	766	982	637	650	233	Благосостояніе.

*) См. выше указ. соч. Н. А. Куломзина.

безъ помощи образованія. Выше мы приводимъ таблицу изъ доклада М. В. Муравьева въ Новгородскій уѣздный комитетъ, наглядно показывающую связь между образованностью и матеріальнымъ благосостояніемъ въ разныхъ странахъ и у насъ.

„Приведенныя статистическія данныя,—говоритъ авторъ,—краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о тѣсной связи, существующей между образованіемъ и сельско-хозяйственной культурой... Другими словами, если бы Россія усвоила себѣ просвѣщеніе Европы, то каждая десятина ея пашни превратилась въ 2,7 десятины. Русскій крестьянинъ, жалуясь на малоземелье, не точно формулируетъ свою жалобу—онъ жалуется не на малоземелье, а на недостаточность своего просвѣщенія; но лексиконъ его бѣденъ, и онъ не познаетъ истинной причины своей бѣдности *)“.

II.

Прежде чѣмъ обратиться къ разсмотрѣнію остальныхъ элементовъ дѣйствующей программы, мы должны сдѣлать экскурсію въ область науки и опыта другихъ странъ.

Никогда наша отсталость въ научной разработкѣ педагогическихъ вопросовъ не чувствовалась такъ живо, какъ теперь, когда мы должны придти на помощь къ пробуждающемуся народу, удовлетворить его серьезнымъ требованіямъ отъ школы и книги,—когда пришла пора сбросить съ начальной школы все, что можно будетъ признать балластомъ, задерживающимъ ея внутреннее развитіе, улучшить въ ней методы преподаванія, словомъ, замѣнить окольные и поверхностные пути болѣе экономными и прямо ведущими къ цѣли.

Въ то время, какъ у насъ вскорѣ послѣ Ушинскаго и его благородныхъ сподвижниковъ наступилъ замѣтный періодъ упадка педагогической мысли, критики и литературы, — въ Западной Европѣ и другихъ странахъ послѣдняя четверть XIX вѣка ознаменовалась замѣчательнымъ прогрессивнымъ движеніемъ въ тѣхъ научныхъ областяхъ, которыя ближе всего касаются интересовъ воспитанія молодого поколѣнія: прогрессъ этотъ выразился сперва въ развитіи экспериментальной психологіи, значительно углубившей методы и пріемы психологическихъ изслѣдованій, обратившейся отъ простого самонаблюденія и наблюденія надъ проявленіями душевной жизни къ болѣе точнымъ психофизіологическимъ опытамъ, большею частью, въ спеціальныхъ лабораторіяхъ, не упускающимъ изъ виду участія физіологическихъ условій и органовъ въ дѣятельности сознанія и

---

*) *М. В. Муравьевъ:* Что нужно деревнѣ? М. 1903.

дающимъ точные результаты, выражаемые въ опредѣленныхъ величинахъ и числахъ. Затѣмъ дальнѣйшимъ, еще болѣе блестящимъ успѣхомъ въ развитіи этой науки было основаніе совершенно новой отрасли научныхъ знаній — экспериментальной педагогики, науки о явленіяхъ душевной жизни дѣтей, которая перенесла пріемы и методы научной психологіи въ эту спеціальную интересующую насъ область. Подъ вліяніемъ этой науки, въ педагогикѣ и методикѣ нашего времени произошелъ крутой поворотъ. Старыя, такъ сказать, голословныя, не основанныя на точныхъ наблюденіяхъ утвержденія педагогики и методики утратили свое прежнее значеніе, потеряли силу убѣдительности. Въ то время какъ прежде педагоги основывали свои мнѣнія на однихъ внушеніяхъ личной опытности или на общепринятыхъ традиціяхъ, въ настоящее время отъ педагога, желающаго доказать какую-нибудь педагогическую истину или обосновать какой-нибудь методъ, пріемъ преподаванія, уже требуется, чтобы онъ не ограничивался неопредѣленною, субъективною ссылкою на свою опытность, но представилъ опредѣленные, научно организованные опыты съ болѣе убѣдительными для всякаго и безпристрастными результатами, допускающими повѣрку. Нѣкоторые труды по экспериментальной педагогикѣ успѣли уже пролить новый свѣтъ на вопросы о дѣтской памяти, дѣятельности дѣтскаго воображенія и утомляемости дѣтей подъ вліяніемъ различныхъ занятій.

Позвольте мнѣ познакомить васъ, въ самыхъ сжатыхъ чертахъ, съ однимъ изъ (многихъ) вышедшихъ въ послѣднее время, въ этомъ направленіи, сочиненій, съ книгою нѣмецкаго преподавателя учительской семинаріи въ Карлсруэ Лайя: „Руководство къ обученію правописанію, основанное на психологическихъ опытахъ“. Многія руководства и пособія, изданныя Лайемъ и пользующіяся значительнымъ успѣхомъ въ начальныхъ школахъ его родины, обязаны своимъ успѣхомъ прежде всего тому, что принадлежатъ талантливому автору, съумѣвшему въ широкой степени воспользоваться результатами, добытыми современной физіологической психологіей, а также психо-патологіей, и оригинально, самостоятельно примѣнить ихъ къ потребностямъ не только начальной школы своей родины но и всякой другой школы. Обратимся къ предмету его экспериментальнаго изслѣдованія.

Конечная для каждаго цѣль обученія правописанію, во всякомъ языкѣ, состоитъ въ достиженіи той степени быстроты и автоматичности движеній пишущей руки, управляемыхъ волей и контролируемыхъ зрѣніемъ, при которой эти мышечныя движенія становятся вполнѣ послушными слугами нашей мысли, нашей внутренней рѣчи. Самымъ лучшимъ, совершеннымъ правописаніемъ считается то, при ко-

торомъ пишущій уже совершенно о немъ не думаетъ, сосредоточивая все вниманіе во время письма на выраженіи мысли, а между тѣмъ не дѣлаетъ ни одной орѳографической ошибки. Такое совершенство почти безсознательнаго процесса въ искусствѣ правописанія достигается далеко не всѣми образованными людьми; большинству удается его достигнуть лишь въ юношескомъ возрастѣ по окончаніи курса средней школы или даже позднѣе, во время обученія въ высшемъ учебномъ заведеніи, слѣдовательно, не ранѣе, какъ послѣ 12-ти или 13-ти лѣтней практики. Трудность обученія правописанію зависитъ не столько отъ того, что ни въ одномъ языкѣ не существуетъ точныхъ и легко примѣнимыхъ правилъ орѳографіи, исчерпывающихъ всѣ случаи, сколько отъ другой причины; главнымъ образомъ—отъ чрезвычайной сложности психо-физіологическаго процесса письма, въ которомъ принимаютъ участіе какъ психическая дѣятельность, такъ и тѣсно связанная съ нею дѣятельность многихъ органовъ чувствъ и органовъ нервной и мышечной системы. Нѣкоторые изъ этихъ органовъ еще только развиваются въ школьные годы и продолжаютъ свое развитіе до болѣе поздняго возраста (гортань, нервные центры письма). Надо знать, какіе факторы участвуютъ въ психофизіологическомъ процессѣ письма. Представимъ себѣ, что мы пишемъ письмо о какомъ-нибудь недавнемъ происшествіи Первое мѣсто въ актѣ письма занимаютъ внутренніе образы воспоминанія, иначе, представленія предметовъ воспоминанія и ихъ отношеній. Второе мѣсто принадлежитъ внутренней рѣчи, произносимой какъ бы шепотомъ, про себя, или воображаемой; кто не замѣчалъ этого за собою, пусть обратитъ вниманіе на пишущихъ дѣтей: большинство изъ нихъ, совершенно безотчетно, увлекаясь работой, помогаетъ себѣ и губами, и языкомъ, которые отъ этого находятся у нихъ во время письма въ постоянномъ движеніи. Какъ въ полномъ, такъ и въ зачаточномъ, только воображаемомъ произношеніи словъ участвуютъ нервные центры, управляющіе движеніями не только языка и губъ, но и мышечной работой грудной клѣтки, легкихъ, гортани, неба и рта: это органы произношенія, органы устной рѣчи. Третій моментъ въ изучаемомъ актѣ составляютъ слуховыя представленія рѣчи, или звуковые образы словъ; во время письма мы можемъ не только шептать звуки, но воображать звуки своего собственнаго или чужого голоса. Четвертымъ моментомъ въ процессѣ письма служатъ зрительныя представленія, представленія цвѣта и формы тѣхъ печатныхъ или письменныхъ буквъ или словъ, которыя мы должны изобразить на бумагѣ соотвѣтственно нашимъ мыслямъ. Наконецъ, пятымъ существеннымъ моментомъ письма являются опять двигательныя представленія необходимыхъ движеній руки и

пальцевъ и самыя ощущенія движеній руки съ перомъ по бумагѣ. Мы не будемъ пока говорить о дальнѣйшихъ моментахъ въ актѣ письма, контролирующихъ дѣятельность сознанія, состоящихъ въ обратныхъ осязательныхъ и зрительныхъ воспріятіяхъ, получаемыхъ отъ написаннаго текста.

Итакъ, въ сложномъ актѣ письменнаго изложенія мыслей, пять существенныхъ моментовъ: образы воспоминанія—движенія органовъ рѣчи—слуховыя представленія—зрительныя представленія—движенія руки.

Если, при оцѣнкѣ этой схемы, принять во вниманіе твердо установленные многими наблюдателями патологическіе факты, показывающіе, что при болѣзняхъ мозга, именно при размягченіи центровъ рѣчи, влекущимъ за собою полную потерю способностей произносить, читать, воспоминать и понимать слова, совершенно сохраняется способность мышленія, то слѣдуетъ заключить, что центры предметнаго мышленія, мышленія при помощи однихъ образовъ воспоминанія, безъ словъ, могутъ дѣйствовать совершенно независимо отъ центровъ устной и письменной рѣчи, имѣющихъ свою особую локализацію въ мозгу. Поэтому, въ схемѣ акта письма мы можемъ, отдѣливъ первый моментъ, обратить вниманіе на слѣдующіе четыре. Изъ этихъ моментовъ относительно слуховыхъ представленій можно замѣтить, что хотя они имѣютъ свое значеніе для письма, но ихъ роль не можетъ считаться существенной, въ чемъ убѣждаютъ насъ глухонѣмые отъ рожденія, вполнѣ усваивающіе правописаніе; слѣдовательно, можно думать, что не слухъ, а зрѣніе, движенія органовъ произношенія и руки играютъ существенную роль при обученіи правописанію. Вообще, уже изъ одного только ознакомленія съ сложной психофизіологической природой процесса письма, можно заключить, что этотъ процессъ долженъ имѣть свою самостоятельную организацію, организацію навыковъ движенія, независимую отъ абстрактнаго мышленія, слѣдовательно, отъ усвоенія правилъ, что если бы даже могли существовать простыя, примѣнимыя правила орѳографіи для каждаго момента письма, то имъ нечего было бы дѣлать въ этомъ процессѣ, въ виду его быстроты, автоматичности и независимости отъ процессовъ мышленія. Авторъ упомянутаго сочиненія, не ограничиваясь анализомъ психо-физіологическихъ факторовъ письма, задался цѣлью обстоятельно изслѣдовать вопросъ о наилучшемъ способѣ обученія правописанію и съ этой цѣлью организовалъ психологическіе опыты. Эти опыты должны были выяснить слѣдующіе важные вопросы для методики преподаванія:

1) Какую именно роль, поддающуюся точному измѣренію, играютъ при обученіи правописанію различныя орѳографическія упражненія:

диктантъ, складываніе по буквамъ, громкое чтеніе, чтеніе про себя и списываніе, т. е. какъ могутъ быть расположены эти упражненія по степени успѣшности своего примѣненія?

2) Какая доля участія въ правописаніи принадлежитъ звуковому образу, письменному образу, слуховому и зрительному представленіямъ и представленіямъ движеній рѣчи и движеній письма?

Для каждаго ряда опытовъ надо было приготовить рядъ словъ. Если бы Лай употребилъ для этого обыкновенныя слова нѣмецкаго языка, то не было бы увѣренности въ томъ, насколько избранныя нѣмецкія слова уже были знакомы заранѣе ученикамъ, и не вызоветъ ли то или другое изъ нихъ родственныхъ или тождественныхъ воспоминаній, которыя подкрѣпятъ собой память ихъ правописанія. Поэтому Лай, желая воспользоваться для предстоявшихъ опытовъ словами несомнѣнно одинаковой трудности для всѣхъ учениковъ, составилъ изъ нѣмецкихъ буквъ новыя двухсложныя слова, не имѣющія никакого значенія, по совершенно одинаковой, по своему фонетическому составу, трудности—всего 8 рядовъ по 4 слова, для каждаго новаго ряда опытовъ особыя. Таковы, напримѣръ, слова въ первомъ ряду: I. Слухъ: Libug, Bollis, Gohlin, Seufil. Въ четвертомъ ряду—IV зрѣніе: Ribog, Mallis, Kohlun, Teufor. Каждый рядъ повторялся въ опытахъ равное число разъ. Къ участію въ опытахъ ученики привлекались по-классно, въ 20 различныхъ классахъ начальныхъ школъ, начиная со 2 до 4 года обученія (въ нач. шк. Германіи учатся 6 л.), всего было привлечено 3.000 уч. нач. школъ и 1.800 воспитанниковъ 1 и 2 курсовъ 10-ти классовъ учительской семинаріи. При этихъ условіяхъ были произведены слѣдующія группы опытовъ:

I. Слухъ: диктантъ: а) слушаніе безъ движеній рѣчи; б) слушаніе съ тихимъ произношеніемъ, в) слушаніе съ громкимъ произношеніемъ.

II. Зрѣніе: чтеніе про себя, чтеніе громкое, а) зрѣніе безъ движеній рѣчи, б) зрѣніе съ тихимъ произношеніемъ, в) зрѣніе съ громкимъ произношеніемъ.

III. Складываніе по буквамъ.

IV. Списываніе (ст. 36 а).

Вотъ какіе получились общіе средніе выводы:

	Ошибокъ на каждаго ученика.
I. *Слухъ* (диктантъ) а) безъ движеній рѣчи	3,04
б) Слухъ съ тихимъ произношеніемъ . . .	2,69
в) Слухъ съ громкимъ произношеніемъ . .	2,25
II. *Зрѣніе* а) безъ движеній рѣчи (чтеніе про себя). .	1,22

б) съ съ тихимъ произношеніемъ	1,02
в) съ громкимъ произношеніемъ	0,95
III. *Складываніе по буквамъ* (громкое)	1,02
IV. *Списываніе* (тихое).	0,54

Упражненія эти производились въ каждомъ классѣ слѣдующимъ образомъ. Первая группа опытовъ. Рядъ словъ произносится громко учителемъ нѣсколько разъ—обыкновенно пять разъ; ученики выслушиваютъ молча, съ сомкнутымъ ртомъ; затѣмъ пишутъ эти слова на листахъ, которые у нихъ отбираются (I а). Другой рядъ словъ также произносится учителемъ, но выслушивается учениками съ тихимъ повтореніемъ ихъ, произнесеніемъ про себя, послѣ чего также пишется учениками наизусть (I б). Третій рядъ словъ выслушивается учениками нѣсколько разъ съ громкимъ ихъ повтореніемъ, произношеніемъ вслухъ и затѣмъ также пишется ими наизусть. (I в). Опыты второй группы состоятъ въ томъ, что ученики прочитываютъ нѣсколько разъ на вывѣшенной передъ ними печатной таблицѣ новый рядъ словъ сперва про себя, молча (II а), потомъ рядъ другихъ словъ съ тихимъ произношеніемъ (II б), наконецъ третій рядъ словъ съ громкимъ произношеніемъ (II в), послѣ чего каждый разъ, таблица удаляется, и ученики пишутъ слова наизусть. Третья группа опытовъ состоитъ въ томъ, что ученики, глядя на вывѣшенную печатную таблицу, складываютъ слова по буквамъ громко, нѣсколько разъ, послѣ чего текстъ удаляется, и слова пишутся наизусть. Четвертая группа опытовъ состоитъ въ списываніи нѣсколько разъ повторенномъ, съ лежащей передъ ученикомъ прописи новаго ряда словъ съ тихимъ произнесеніемъ ихъ; послѣ чего прописи удаляются, и ученики пишутъ тѣ же слова на листкахъ наизусть. Число повтореній для каждаго изъ этихъ 4 упражненій одинаково.

Главное научное достоинство опытовъ Лайя состоитъ въ удачномъ подборѣ различныхъ видовъ письменныхъ упражненій, дающихъ возможность въ извѣстной степени изолировать другъ отъ друга и прослѣдить вліяніе психо-физіологическихъ факторовъ на успѣшность обученія; измѣреніемъ успѣшности служитъ среднее число ошибокъ, приходящихся на долю каждаго ученика въ окончательной работѣ. Чѣмъ меньше число ошибокъ, тѣмъ болѣе успѣшнымъ должно считаться предшествовавшее упражненіе. Организація этихъ упражненій даетъ въ то-же время основаніе судить о психофизіологической причинѣ, обусловившей степень успѣшности. Такъ, первое изъ упражненій—диктантъ обнаруживаетъ главнымъ образомъ дѣйствіе слуха, слуховыхъ воспріятій и слухового вниманія, причемъ, къ этому фактору въ этой группѣ опытовъ, постепенно

присоединяется дѣйствіе другого фактора: вліяніе движеній рѣчи, произнесенія, сперва тихаго, потомъ громкаго; здѣсь мы видимъ, что съ присоединеніемъ этого элемента къ простому диктанту (3,04) и затѣмъ съ его усиленіемъ успѣшность обученія возрастаетъ (2,69) (2,25). При переходѣ отъ слуховыхъ къ зрительнымъ впечатлѣніямъ замѣчается не только болѣе сильное повышеніе успѣшности, нежели раньше (1,22), но вообще самое сильное относительное повышеніе во всемъ ряду опытовъ. Это можно объяснить вступленіемъ въ дѣйствіе сразу двухъ новыхъ факторовъ зрительныхъ цвѣтовыхъ воспріятій буквъ въ связи съ двигательными воспріятіями формы буквъ (движенія глазныхъ мышцъ). Это есть упражненіе, основанное на процессѣ чтенія. Далѣе, въ слѣдующемъ рядѣ опытовъ, къ этимъ двумъ факторамъ, цвѣтовому и двигательному, присоединяется третій: движеніе органовъ произношенія, сперва тихое (1,02), потомъ громкое (0,95): подъ вліяніемъ этихъ факторовъ успѣшность обученія возрастаетъ еще болѣе. Далѣе успѣшность нѣсколько понижается при громкомъ складываніи словъ по буквамъ (1,02) и, наконецъ, достигаетъ самой высокой степени во всемъ ряду опытовъ при списываніи (0,54). Участіемъ какихъ же неблагопріятныхъ факторовъ слѣдуетъ объяснить нѣкоторое пониженіе успѣшности при складываніи словъ по буквамъ? Лай объясняетъ это слѣдующимъ образомъ: ученики, глядя на доску, на которой выставлены слова и видя, напримѣръ, слово mellos сперва произносятъ громко ем, е, ель, ель, о, эсъ; этотъ процессъ обученія, самъ по себѣ крайне медленный, заключаетъ въ себѣ движенія при произношеніи названій каждой буквы, совсѣмъ не соотвѣтствующія конечному результату, сліянію звуковъ въ единое цѣлое, и потому не только не подкрѣпляющія окончательнаго движенія, но, наоборотъ, ослабляющія его своимъ противорѣчіемъ. Что касается, наконецъ, благопріятныхъ психо-физіологическихъ условій тихаго списыванія, которому принадлежитъ среди изученныхъ упражненій первое мѣсто по успѣшности результатовъ, то для его объясненія надо обратить вниманіе, что въ этотъ процессъ входятъ слѣдующіе факторы: 1) зрительныя цвѣтовыя впечатлѣнія; 2) зрительныя двигательныя воспріятія формы; 3) соотвѣтствующія имъ движенія органовъ рѣчи, произношеніе про себя; 4) движенія руки, контролируемыя зрительными впечатлѣніями. Въ этомъ упражненіи, сравнительно съ предыдущими, напримѣръ, съ чтеніемъ встрѣчается совершенно новый очень важный факторъ — *мышечныя движенія руки*. Кромѣ того, это упражненіе отличается вообще богатствомъ заключающихся въ немъ двигательныхъ элементовъ и полнотою своего состава; въ немъ совмѣщается дѣйствіе всѣхъ факторовъ при упражненіи въ правописаніи, кромѣ одного:

звуковыхъ впечатлѣній. Общій выводъ, къ которому приводятъ данныя, добытыя опытами Лайя, состоитъ въ томъ, что самое важное значеніе въ процессѣ обученія правописанію принадлежитъ двигательнымъ факторамъ, затѣмъ фактору зрительному; слуховой же элементъ играетъ слабую роль.

Опыты Лайя были провѣрены преподавателемъ Гагенмюллеромъ въ 3-мъ отдѣленіи (3-й годъ обученія) приготовительнаго класса гимназіи, при помощи нѣмецкихъ словъ со значеніемъ, и преподавателемъ Фуксомъ въ первомъ гимназическомъ классѣ (sexta), при помощи латинскихъ словъ, значеніе которыхъ не было еще извѣстно ученикамъ. Эти опыты, не отличающіеся такою полнотою и обстоятельностью постановки, какъ опыты Лайя, однако, дали блестящее подтвержденіе его выводовъ.

Данныя опытовъ Гагенмюллера и Фукса.

	Нѣмецк. слова.	Латинск. слова.
	Число ошибокъ на кажд. ученика (въ общемъ среднемъ выводѣ).	
Слушаніе съ закрытымъ ртомъ . . .	1,90	1,64
Зрѣніе „ „ „ . . .	0,76	0,90
Складываніе по буквамъ	0,35 (?)	0,82
Списываніе съ закрытымъ ртомъ . .	0,29	0,43

Такимъ образомъ, продолжительные споры между предшественниками Лайя,—Дистервегомъ, Борманомъ, Кельнеромъ и Керомъ о томъ, какому чувству принадлежитъ болѣе важная роль, при обученіи правописанію, слуху или зрѣнію, разрѣшился въ пользу признанія господствующаго значенія за новымъ элементомъ, на который раньше не было обращено вниманія, за элементомъ движенія, двигательныхъ представленій. Лай основательно объясняетъ безплодность существовавшихъ до сихъ поръ споровъ между педагогами на этотъ счетъ тѣмъ, что прежнимъ педагогамъ были неизвѣстны многіе психологическіе факты, а равно и психологическій экспериментъ, съ которыми насъ знакомитъ теперь физіологическая психологія и которыми самому Лайу удалось съ успѣхомъ воспользоваться. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что для современныхъ школьныхъ дѣятелей и учителей психологическія знанія составляютъ предметъ первой важности, что безъ этихъ знаній ни природный даръ, ни многолѣтняя опытность, ни высокое образованіе не могутъ спасти отъ крупныхъ ошибокъ.

Еще до организаціи своихъ главныхъ опытовъ Лай обратилъ вниманіе на вопросъ, съ какого текста слѣдуетъ упражнять учени-

ковъ въ списываніи—съ печатнаго или письменнаго. На этотъ вопросъ одни изъ опытныхъ преподавателей, къ которымъ онъ обратился, отвѣчали, что печатныя буквы яснѣе, виднѣе, проще, имѣютъ вертикальное положеніе и красивѣе располагаются на бумагѣ; поэтому образъ печатнаго слова лучше запечатлѣвается, нежели образъ, состоящій изъ письменныхъ буквъ. Противоположное этому мнѣніе было высказано очень немногими: по ихъ словамъ, письменными буквами обозначаются тѣ знаки, которые должны быть воспроизведены учениками, и потому письменный текстъ цѣлесообразнѣе печатнаго. Къ этому соображенію примкнулъ и психологическій анализъ процесса списыванія, сдѣланный Лайемъ. По его мнѣнію, здѣсь нужно обратить вниманіе на то, что послѣ воспріятія словъ въ печатномъ видѣ приходится дѣлать переводъ ихъ въ письменную форму: физіологическій процессъ усложняется, вслѣдствіе чего должно произойти больше ошибокъ. Кромѣ того, письменныя буквы проходятъ другъ за другомъ передъ глазами въ такой связи, въ какой они воспроизводятся, и вызванныя этими обстоятельствами движенія глазъ, при прослѣживаніи формы, оставляютъ слѣдъ въ двигательныхъ представленіяхъ, укрѣпляющихъ память письма; при списываніи съ печатныхъ буквъ, этого подкрѣпленія нѣтъ. Кромѣ того, можно допустить, что воспріятіями письменныхъ буквъ вызываются соотвѣтствующія представленія движеній руки. Для повѣрки организовано около 8 рядовъ опытовъ съ учениками начальныхъ школъ и съ юношами, учащимися въ учительской семинаріи; они были произведены въ разное время, при разныхъ настроеніяхъ пишущихъ и разнообразными способами переписыванія и дали слѣдующіе результаты, подтвердившіе правильность анализа Лайя.

Средніе выводы опытовъ списыванія:

	Съ печатнаго текста.	Съ письм. текста.
	Ошибокъ на каждаго ученика.	
Ученики начальн. школъ 1, 2, 3 года обученія	7,7	4,8
Слушатели учительской семинаріи 1 и 2 курса	0,88	0,43

Лай примѣнилъ какъ только что сообщенныя, такъ и многія другія экспериментальныя данныя къ потребностямъ начальнаго обученія въ изданныхъ имъ учебныхъ пособіяхъ, существенная идея которыхъ состоитъ въ тѣсномъ сліяніи между собою предметныхъ уроковъ съ уроками языка и правописанія. Пособія эти имѣютъ практическій успѣхъ. Психологическія изслѣдованія Лайя вызвали очень сочувствен-

ное отношеніе со стороны извѣстныхъ европейскихъ психологовъ: Вундта, Цигена, Мюнстерберга, Сёлли и др., къ которымъ присоединились и нѣкоторые изъ филологовъ и практическихъ школьныхъ дѣятелей.

Закончимъ отчетъ о книгѣ Лайя извлеченіемъ изъ нея нѣкоторыхъ положеній методики по интересующимъ насъ вопросамъ.

Слѣдуетъ считать доказаннымъ, говоритъ Лай, что письменный текстъ, какъ наглядное пособіе при обученіи правописанію, почти вдвое лучше печатнаго текста.

Если упражненіе въ списываніи ведется согласно съ выраженными нами методическими требованіями, то изъ него не только исчезаютъ свойственные ему недостатки, но оно оказывается наилучшимъ упражненіемъ въ правописаніи.

Усвоеніе правилъ (правописанія и грамматики) имѣетъ цѣлью примѣнить процессъ обобщенія, группировки къ явленіямъ языка, чтобы изощрить вниманіе и пробудить критическое чутье къ ороографическимъ формамъ; но для достиженія бѣглости правописанія, правила не имѣютъ никакого прямого значенія.

При обученіи правописанію, диктантъ долженъ примѣняться только, какъ способъ испытанія, и то съ большою осторожностью и умѣренностью; но, какъ способъ упражненія въ правописаніи, онъ долженъ быть устраненъ изъ школьнаго обихода, его слѣдуетъ запретить особымъ распоряженіемъ.

Опыты и изслѣдованія Лайя, обнимая всю область правописанія, не исчерпываютъ всѣхъ видовъ письменныхъ работъ, связанныхъ съ всесторонними воспитательными задачами школы; они не касаются самаго главнаго изъ этихъ видовъ: письменнаго изложенія мыслей и впечатлѣній, связаннаго съ воспитательнымъ и образовательнымъ чтеніемъ. Въ виду этого, разсмотримъ еще разъ наши психологическія схемы письма и сравнимъ между собою элементы, входящіе въ составъ процессовъ изложенія мыслей, диктанта и списыванія.

Первая схема (1) указываетъ на составъ полнаго нормальнаго процесса письма, не имѣя въ виду отклоненій, представляемыхъ субъектами слухового, зрительнаго или моторнаго типа. Этотъ процессъ раздѣляется на три части (отмѣченныя поперечными линіями). Первая заключаетъ въ себѣ активную дѣятельность предметнаго мышленія, относящагося къ предмету изложенія. Вторая часть процесса обнимаетъ собою четыре момента (2, 3, 4, 5 въ 1-мъ, 1, 2 3 и 4 во 2-мъ и 3-мъ). Это—та часть въ процессѣ изложенія мыслей, которая стремится принять автоматическій характеръ. Третья часть процесса (6 и 7 въ 1-мъ, 5 и 6 во 2-мъ и въ 3-мъ) соста-

Психологическія схемы процессовъ письма.

I. Письмен. изл. мыслей.	II. Диктантъ.	III. Списываніе съ письменнаго текста.
1. Мышленіе: образы воспоминанія.		
2. Движенія внутренней рѣчи (двигательныя ныя представленія).	1. Слухов. впечат.	1. Зрительныя воспріятія (цвѣтовыя и двигат.).
3. Слуховые образы.	2. Движенія вн. рѣчи (двиг. предс.).	2. Движеніе вн. рѣчи.
4. Зрительные образы (цвѣтовые и двигат).	3. Зрительные обр. (цвѣт. и двигат.).	3. Зрительныя и двигательн. представленія.
5. Движенія руки (двигательн. представ.).	4. Движеніе руки (дв. предст.).	4. Движенія руки.
6. Зрительн. и мышечно-осязательн. воспріятія.	5. Зрит. и мышечно-осязат. воспріятія.	5. Зрительн. и мускульн.-осяз. воспріятія.
7. Контрольное мышленіе: предметное и формальное.	6. Мышленіе формальное.	6. Мышленіе формальное.

вляетъ контрольную дѣятельность сознанія по отношенію къ полученнымъ результатамъ письма. Это типъ свободнаго процесса письма: остановка и выборъ словъ зависятъ отъ пишущаго.

Сравнивая съ этою схемою схему диктанта, мы замѣчаемъ, что въ диктантѣ, во-первыхъ, отсутствуетъ активная дѣятельность живого, предметнаго мышленія, письменнаго изложенія. Процессъ начинается прямо съ звуковыхъ впечатлѣній. Монотонные, растянутые до неузнаваемости звуки, издаваемые диктующимъ, падаютъ, какъ однообразныя капли воды съ крыши, гипнотизируя живую образную мысль и направляя все вниманіе пишущаго на уловленіе неинтересныхъ, лишенныхъ значенія, звуковъ. Это—типъ связаннаго, несвободнаго процесса письма. Во-вторыхъ, самая важная особенность процесса диктанта связана съ понятіемъ о сильныхъ и слабыхъ психическихъ элементахъ. Первый и второй моментъ этого процесса принадлежитъ къ числу сильныхъ психическихъ элементовъ у пи-

шущаго ученика, такъ какъ *слуховыя впечатлѣнія*, колеблющія барабанную перепонку и раздражающія слуховой нервъ, врываются въ сознаніе пишущаго съ неотразимой силой, какъ реальныя ощущенія. Второй моментъ процесса, именно, *внутренняя рѣчь*, на которую пишущій ученикъ переводитъ внѣшнюю рѣчь диктующаго, есть продуктъ пріобрѣтеннаго имъ подражательнаго произношенія словъ, утвердившагося въ его памяти съ 1 — 2 лѣтняго возраста, подъ вліяніемъ рѣчи окружающей среды; слѣдовательно этотъ элементъ есть также сильный психическій элементъ, какъ движеніе органовъ рѣчи, закрѣпленное довольно давней привычкой. Третій элементъ этого процесса — зрительные печатные и письменные образы буквъ и словъ представляетъ собою, напротивъ, слабый психическій элементъ у пишущаго ученика по двумъ причинамъ: потому что его зрительные письменные образы поздняго происхожденія; онъ воспринялъ ихъ недавно, въ началѣ обученія, слѣдовательно, лѣтъ шесть спустя послѣ того, какъ къ нему начали прививаться *индивидуальныя*, *семейныя*, *областныя* и другія особенности рѣчи;—слабый еще потому, что зрительные образы буквъ и словъ являются здѣсь *чистыми представленіями* (а не ощущеніями, какъ № 1), не подкрѣпляемыми никакими реальными элементами. Отъ чего же теперь зависитъ исходъ процесса, т. е. орѳографическая правильность движеній руки? Все зависитъ отъ силы сопротивленія, которую способенъ оказать этотъ слабый элементъ двумъ предыдущимъ сильнымъ психическимъ элементамъ. Слѣдовательно сущность диктанта состоитъ въ этой борьбѣ между вліяніемъ двухъ сильныхъ и одного слабаго элемента на окончательное движеніе руки. Обыкновенно эта борьба оканчивается большой побѣдой всѣхъ случайныхъ особенностей самихъ звуковъ, особенностей произношенія диктующаго и всѣхъ дѣтскихъ несовершенствъ внутренней рѣчи пишущаго. Только у дѣтей сильно развитого зрительнаго типа этотъ 3-й элементъ можетъ еще поспорить съ опасностью. Но въ языкахъ съ такой орѳографіей, какъ наша, при которой элементы произношенія постоянно противорѣчатъ зрительнымъ образамъ буквъ или допускаютъ двусмысленное и трехсмысленное толкованіе (ѣ и е, э), этотъ антагонизмъ элементовъ при диктантѣ усиливается еще болѣе. Теперь понятно, что всякій процессъ диктанта не есть актъ разумнаго обученія письму, но, скорѣе, крайне искусственное занятіе, сущность котораго состоитъ въ неблагопріятной, неравной борьбѣ психическихъ элементовъ письма. Вундтъ въ новомъ (5-мъ) изданіи своей физіологической психологіи, разсматривая процессы рѣчи и письма, обратилъ вниманіе на другую сторону диктанта: „письмо подъ диктантъ, замѣчаетъ

онъ, легче всѣхъ другихъ упражненій въ языкѣ, даже легче, чѣмъ повтореніе словъ, обращается въ безсмысленное занятіе“ (В. I, 317).

Мы не будемъ повторять сказаннаго объ особенностяхъ процесса списыванія. Прибавимъ только, что въ списываніи нѣтъ мѣста для такой непосильной борьбы элементовъ, какъ въ диктантѣ, въ особенности, если первый зрительный элементъ представляетъ собой письменный же текстъ: онъ даетъ спокойную и твердую опору всѣмъ остальнымъ.

Теперь, сравнивая контрольную часть трехъ процессовъ, отмѣтимъ ту разницу между ними, что въ процессѣ письменнаго изложенія мыслей контроль сознанія направленъ не только на формальную словесную, но и на реальную, т. е. на предметную сторону рѣчи, между тѣмъ какъ въ двухъ другихъ процессахъ, какъ чисто орѳографическихъ упражненіяхъ, онъ направленъ только на буквенную, словесную сторону рѣчи; другая разница та, что въ диктантѣ для контроля нѣтъ иной почвы, кромѣ болѣе или менѣе слабыхъ зрительныхъ воспоминаній, между тѣмъ какъ въ списываніи передъ глазами твердая опора въ зрительныхъ впечатлѣніяхъ.

Прежде чѣмъ Лай, книга котораго вышла въ 1896 году, идя по пути Коменскаго и Песталоцци, положилъ своими трудами основаніе психологической методики обученія и тѣмъ окончательно отнялъ почву у школьной рутины преподаванія, во Франціи, еще въ 1889 году, вопросъ о диктантѣ былъ поднятъ съ точки зрѣнія жизненныхъ практическихъ потребностей начальной народной школы. Вопросъ этотъ во Франціи былъ даже поставленъ практичнѣе, нежели его формулируетъ Лай въ своемъ послѣднемъ приведенномъ нами положеніи. Во Франціи министерство народнаго просвѣщенія поняло сразу, что для борьбы съ диктантомъ, которую оно задумало для блага народа, надо начать именно съ экзаменовъ, съ испытаній и что уничтоженіе его на экзаменахъ было бы гораздо болѣе вѣрнымъ средствомъ борьбы, нежели запрещеніе его путемъ особаго предписанія министерства. Вотъ, что говорилъ и писалъ тогда по этому вопросу главный инспекторъ начальныхъ народныхъ школъ Каррэ. Мы тѣмъ рѣшительнѣе сдѣлали нѣсколько извлеченій изъ его рѣчи, что она не носитъ на себѣ никакого особеннаго національнаго отпечатка, и его мнѣнія, такъ же, какъ и опыты Лайя, примѣнимы ко всякой школѣ.

„Я говорю объ устраненіи диктанта—но не испытанія въ правописаніи. Я не раздѣляю мнѣнія тѣхъ, которые думаютъ, что писать слѣдуетъ такъ, какъ говоришь, и что каждый имѣетъ право сочинять свою собственную орѳографію... Общеобязательная орѳографія должна быть твердо установлена, это необходимо. Но орѳографію

можно упростить, сдѣлать ее болѣе разумной; это совершенно иной вопросъ, котораго я здѣсь не касаюсь. Я замѣчу только одно, что всякая реформа нашей ороографіи, которая облегчила бы ея усвоеніе и изученіе, была бы громадной услугой какъ иностранцамъ, изучающимъ нашъ языкъ, такъ и въ особенности по отношенію къ учителямъ и ученикамъ нашихъ школъ, отдающимъ этому безполезному для умственнаго развитія изученію драгоцѣнное время, которое можно было бы употребить съ гораздо большею пользою. Я ставлю совершенно иной вопросъ. Когда ученики нашихъ начальныхъ школъ учатся ороографіи словъ имъ извѣстныхъ, которыя они употребляютъ въ своей собственной устной рѣчи, то достиженіе ихъ цѣли вполнѣ желательно и понятно мнѣ; но когда отъ нихъ требуютъ умѣнья писать слова, значенія которыхъ они не сознаютъ, когда пишутъ, которыми они сами не пользуются и, быть можетъ, никогда не воспользуются—этого я не могу понять. Вотъ почему я требую устраненія диктанта на выпускныхъ испытаніяхъ въ начальныхъ школахъ... Словомъ, я желалъ бы, чтобы изложеніе, уже имѣющее свое спеціальное примѣненіе на экзаменѣ, служило бы также испытаніемъ въ чистописаніи и ороографіи, и чтобы затѣмъ оно исправлялось съ этихъ трехъ различныхъ точекъ зрѣнія и оцѣнивалось тремя различными отмѣтками. Я предвижу возраженія. Мнѣ скажутъ, что испытуемые будутъ избѣгать употребленія въ своемъ изложеніи такихъ словъ, ороографія которыхъ имъ неизвѣстна. Дѣйствительно, это можетъ случиться; но въ этомъ случаѣ ученики сдѣлаютъ то, что дѣлаютъ всѣ, что долженъ сдѣлать, я полагаю, даже членъ академіи наукъ, когда онъ, колеблясь въ начертаніи слова, не желаетъ раскрывать словаря; онъ также воспользуется другимъ словомъ... Этой, повидимому, незначительной реформой не только облегчился бы экзаменъ, чѣмъ тоже нельзя пренебрегать, но были бы достигнуты послѣдствія чрезвычайной важности.

1) Прежде всего, такъ какъ сочиненіе на родномъ языкѣ сдѣлалось бы существенной частью экзамена, то учителя и ученики стали бы обращать на него больше вниманія. Оно составляетъ безспорно важнѣйшее школьное упражненіе, даже, можно сказать, единственно необходимое, потому что по выходѣ изъ школы никто не занимается ороографическими диктантами, между тѣмъ какъ всякому представляется въ жизни надобность написать письмо семейнаго или дѣлового содержанія.

2) Эта мѣра устранила бы натаскиваніе, спѣшное приготовленіе къ экзамену, противъ котораго раздаются нелишенныя основанія жалобы...

3) Тогда, быть можетъ, преподаватели прониклись бы убѣжденіемъ, что для того, чтобы научить дѣтей правильно писать, надо сперва научить ихъ правильно говорить, такъ какъ письменное изложеніе есть не что иное, какъ воплощеніе, изображеніе въ формѣ, доступной зрительнымъ ощущеніямъ, той самой рѣчи, которую каждый внутренно произноситъ про себя... Однимъ словомъ, это послужило бы толчкомъ къ окончательному и полному изгнанію изъ школы застарѣлыхъ, чисто словесныхъ упражненій, не приносящихъ дѣтямъ ни пользы, ни интереса, остатки которыхъ, къ сожалѣнію, угнетаютъ педагогическія понятія большинства преподавателей.

4) Наконецъ, постановка преподаванія и, въ связи съ нею, методъ обученія родному языку совершенно измѣнились бы. Говорятъ, будто грамматика есть наука, обучающая правильно читать и писать. На самомъ же дѣлѣ въ большинствѣ школъ она остается искусствомъ, обучающимъ только орѳографіи. Обыкновенно дѣтей учатъ прежде всего тому, какъ пишутся слова, затѣмъ имъ объясняютъ значеніе слова и въ третьихъ, наконецъ, но очень рѣдко, отъ слова обращаются къ идеѣ, имъ выражаемой. Слѣдовало бы поступать какъ разъ наоборотъ. Самъ разумъ и даже простой здравый смыслъ не говорятъ ли намъ, что сперва надо знакомить дѣтей съ предметами и фактами, на основаніи ихъ выяснять общія понятія и идеи, потомъ учить ихъ словамъ, наиболѣе точно выражающимъ эти идеи, наконецъ, обучить ихъ тому, какъ они пишутся".

Это предложеніе Каррэ вызвало, съ одной стороны, сочувствіе прессы и многихъ инспекторовъ начальныхъ школъ, съ другой—противодѣйствіе значительной группы педагоговъ, отстаивавшихъ диктанты. Инспектора начальныхъ школъ Франціи и въ настоящее время, пользуясь всякимъ случаемъ, напоминаютъ преподавателямъ, что чтеніе книгъ и сочиненіе болѣе важный предметъ обученія, нежели диктанты; но результаты, достигнутые этой борьбой прогрессивнаго министерства съ закоренѣлой рутиной, еще недостаточны; борьба осложняется тѣмъ, что половина французскихъ школъ еще въ рукахъ клерикаловъ.

У насъ вопросъ о диктантѣ былъ поднятъ еще въ 1885 году В. П. Шереметевскимъ въ его извѣстной статьѣ „Объ орѳографіи вообще и о письмѣ подъ диктантъ въ особенности", обращавшей вниманіе общества на своего рода знаменіе времени, которое онъ назвалъ „диктантоманіей". Утверждая, что правописаніе есть искусство зрительное, а не слуховое, онъ подробно останавливался на тѣхъ неблагопріятныхъ, во многихъ отношеніяхъ, условіяхъ, при которыхъ дѣтямъ приходится писать подъ диктантъ, и прослѣживая

тетрадки учениць женской гимназіи, приходилъ къ заключенію, что обученіе правописанію посредствомъ диктанта уподобляется безплодной Сизифовой работѣ. Послѣ В. П. Шереметевскаго двое извѣстныхъ у насъ опытныхъ дѣятелей по начальной школѣ Н. О. Бунаковъ и В. П. Вахтеровъ обращали вниманіе общества въ своихъ статьяхъ на существующее противорѣчіе между запросами народа и жизни и односторонними требованіями экзаменовъ, сводящихъ дѣло къ диктанту. Наконецъ, въ прошломъ году Отдѣленіемъ начальныхъ училищъ, при Московскомъ Педагогическомъ Обществѣ была выработана желательная минимальная программа требованій на экзаменахъ начальныхъ школъ, съ исключеніемъ диктанта и подробныхъ орѳографическихъ правилъ изъ числа этихъ требованій.

Послѣ нѣсколько продолжительнаго, однако необходимаго отступленія, вернемся къ разсмотрѣнію дѣйствующей программы начальныхъ школъ. Въ ней настоящимъ центромъ тяготѣнія, предметомъ которому отведено господствующее мѣсто, является, безспорно правописаніе съ грамматикой. Именно правописанію принадлежитъ здѣсь главная роль, грамматика же является ближайшимъ средствомъ осуществленія этой цѣли. Объ этомъ въ объяснительной запискѣ говорится въ слѣдующихъ опредѣленныхъ выраженіяхъ: „Введеніе въ учебный курсъ начальнаго народнаго училища свѣдѣній изъ грамматики имѣетъ главною цѣлью облегчить учителю объясненіе, а ученикамъ запоминаніе важнѣйшихъ правилъ правописанія“. Но, спрашивается, какимъ логическимъ путемъ для дѣтей нашего темнаго, почти совершенно невѣжественнаго еще народа, дѣтей, обучающихся въ школѣ всего три года, періодъ дѣтства, въ теченіе котораго они должны забрать съ собой, на всю жизнь, все, что можетъ быть удѣлено школой на ихъ долю изъ запасовъ современныхъ знаній и просвѣщенія, какимъ образомъ, спрашиваемъ мы, для нихъ важнѣйшей потребностью при обученіи родному языку могла оказаться именно техника орѳографіи? На этотъ вопросъ нѣтъ удовлетворительнаго отвѣта или, вѣрнѣе сказать, есть только одинъ отвѣтъ: программа начальныхъ школъ не была выработана изъ своей почвы; она была списана съ программъ русскаго языка нашихъ гимназій. При этомъ, конечно, было упущено изъ виду, что ученики средней школы, уже поступая въ приготовительный и первый классъ, приносятъ съ собой изъ дому много культурныхъ и образовательныхъ элементовъ и вліяній, что и ихъ здѣсь будутъ обучать не одному русскому языку, но и географіи, и исторіи отдѣльно, что ихъ ждетъ впереди еще много лѣтъ обученія, и потому та техника орѳографіи, которая по ихъ душамъ скользнетъ слегка, можетъ пасть тяжкимъ и безплоднымъ бременемъ на учениковъ начальныхъ школъ. Мы имѣемъ воз-

можность просматривать письменныя работы по литературѣ слушателей одной изъ московскихъ народныхъ аудиторій, вышедшихъ изъ трехгодичной начальной школы. Предъ нами уже люди взрослые, жаждущіе просвѣщенія. Въ ихъ работахъ почти не замѣтно вліянія правилъ орѳографіи, которой они когда-то обучались. Да не все ли равно, стоитъ у него ѣ или е? Эти письменныя работы обращаютъ на себя вниманіе тѣмъ, что въ нихъ шевелится и пробивается серьезная мысль; но слова, предложенія и порядокъ ихъ расположенія не повинуются автору, его мысль не находитъ себѣ естественнаго исхода, сколько-нибудь яснаго и законченнаго выраженія. Вотъ, въ чемъ его несчастье.

Обращаясь теперь къ методической сторонѣ программы, мы видимъ, что она считаетъ усвоеніе, запоминаніе учениками объясненныхъ учителемъ *правилъ* правописанія и *свѣдѣній* изъ грамматики ближайшимъ и самымъ цѣлесообразнымъ средствомъ научить учениковъ правильно писать и говорить. За это заблужденіе въ методикѣ, по крайней мѣрѣ, нельзя особенно упрекать нашу программу. Дѣйствительно, во многихъ написанныхъ нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ грамматикахъ на первой же страницѣ сообщалось, что грамматика учитъ говорить и писать. Если теперь въ эту истину никто уже не вѣритъ и даже не опровергаетъ ее, то виной этому не программы, которыя давно не обновлялись, а наука и жизнь, которыя ушли впередъ. Насколько идея, будто при обученіи письму вся сила—въ запоминаніи правилъ, овладѣла методической частью нашей программы, можно судить по тому безразличію, объясняемому отсутствіемъ психологической критики, съ которымъ рекомендуются въ нихъ всѣ упражненія когда-либо существовавшія: списываніе, письменное изложеніе по вопросамъ и безъ нихъ, письмо выученнаго наизусть, составленіе описаній, письменная передача прочитаннаго, чтеніе разборчивыхъ рукописей, письмо подъ диктовку словъ и предложеній, диктовка объяснительная, диктовка провѣрочная, диктовка повторительная. Диктовка проведена по всѣмъ тремъ годамъ обученія. Составитель программы, внесшій въ нее столько разнообразныхъ упражненій, могъ, конечно, предполагать, что какое-нибудь изъ нихъ приведетъ къ цѣли. Среди всѣхъ этихъ болѣе или менѣе формальныхъ упражненій, самое важное и необходимое, однако, отсутствуетъ: именно, письменное изложеніе впечатлѣній и мыслей въ связи съ воспитательнымъ и образовательнымъ чтеніемъ. То, что разумѣется въ нашей программѣ подъ письменнымъ изложеніемъ и передачею прочитаннаго сводится, въ большинствѣ случаевъ, къ такъ называемому переложенію небольшихъ статей и басенъ изъ одной формы въ другую, граничащее на прак-

тикѣ съ упражненіемъ въ искаженіи текста. Надо съ грустью отмѣтить, что въ теченіе мрачныхъ для педагогической мысли минувшихъ десятилѣтій нѣсколько вышедшихъ у насъ методикъ преподаванія родного языка, бравшихъ на себя смѣлость разъяснять, чему слѣдуетъ учить въ начальныхъ школахъ, рекомендовали съ полнымъ критическимъ безразличіемъ всѣ эти виды письменныхъ упражненій и такимъ путемъ поддерживали сгустившійся мракъ въ педагогической средѣ. Но теперь эта завѣса кое-гдѣ прорвалась. Мы получили возможность говорить откровенно о недостаткахъ дѣйствующей программы. И вотъ мы должны высказать мысль, которая уже ни для кого не покажется новой—ту мысль, что методическій отдѣлъ, какъ и всѣ другіе отдѣлы нашихъ программъ требуютъ серьезной, глубокой переработки, чтобы стать въ уровень съ требованіями современной методики и психологіи, съ авторитетными мнѣніями государственныхъ и практическихъ дѣятелей и въ особенности съ истинными интересами молодого поколѣнія, учащагося въ начальныхъ школахъ.

Ц. Балталонъ.

О начальномъ образованіи въ Прибалтійскомъ краѣ.

Отсталость Россіи въ дѣлѣ начальнаго образованія — для всѣхъ очевидный фактъ; настоятельная необходимость поднять его на надлежащую высоту—также для всѣхъ теперь безспорная истина. Но зато безконечное разнообразіе часто враждебныхъ между собою взглядовъ наблюдается въ вопросахъ о конечной цѣли и „направленіи“ начальной школы, о пріемахъ и средствахъ образованія, о значеніи тѣхъ или иныхъ факторовъ школьнаго дѣла и т. д. Здѣсь едва ли даже и возможны рѣшенія, претендующія на универсальное значеніе. Поэтому представляется чрезвычайно полезнымъ выяснить детальные вопросы образованія по отношенію къ отдѣльнымъ частямъ государства, и особенно интересны въ этомъ случаѣ спеціальные очерки по начальному образованію на нашихъ разноплеменныхъ окраинахъ, изъ которыхъ прибалтійская занимаетъ исключительное положеніе.

Въ противоположность южнымъ, восточнымъ и сѣвернымъ окраинамъ, наша западная окраина не была совершенно дикою страною передъ насажденіемъ русской школы. Здѣсь русское просвѣщеніе столкнулось не съ полною тьмой, а съ другимъ просвѣщеніемъ, и обстоятельства и послѣдствія такого столкновенія оказываются крайне поучительными.

Что касается въ частности Прибалтійскихъ губерній, то въ двухъ изъ нихъ—Лифляндской и Эстляндской начало народному образованію положено было преемниками Густава Адольфа. Для успѣшнаго распространенія низшаго школьнаго образованія оно было сдѣлано безплатнымъ, и даже всѣ учебныя пособія выдавались ученикамъ на средства волости. Языкомъ преподаванія былъ родной языкъ учащихся. Въ Курляндіи, тогда еще герцогствѣ, школьное дѣло поставлено было приблизительно на тѣхъ же началахъ. Съ присоединеніемъ прибалтійскаго края къ Россіи развитіе народнаго образованія замедлилось на первыхъ порахъ вслѣдствіе меньшей заботливости о немъ со стороны правительства и усиленія дворянскихъ привилегій на счетъ крестьянъ. Старый законъ, требовавшій, чтобы въ

каждой волости было училище, не соблюдался со всею строгостью. Но къ серединѣ XIX в. народное образованіе въ краѣ стало на твердую почву. Помѣщики чаще и чаще оказываютъ поддержку волостнымъ школамъ, а главное, сами крестьяне приходятъ къ ясному сознанію необходимости ученья, отчасти благодаря измѣнившимся къ лучшему юридическимъ нормамъ народной жизни, а отчасти и долгимъ, упорнымъ трудамъ пасторовъ, настойчиво боровшихся съ народнымъ невѣжествомъ—причина замѣчающагося и теперь громаднаго авторитета ихъ въ глазахъ народа.

Въ 70-хъ годахъ народное образованіе въ прибалтійскомъ краѣ подчинено было особымъ положеніямъ, сохранившимъ общій характеръ прежняго законодательства и традиціи въ дѣлѣ мѣстной школы. Надзоръ за училищами, за аккуратнымъ посѣщеніемъ ихъ учащимися былъ предоставленъ особымъ школьнымъ правленіямъ. Главное руководство въ губерніи принадлежало верховному комитету или высшей коммиссіи земскихъ школъ. Русскій языкъ преподавался факультативно, по желанію волости.

Все это время прибалтійскія губерніи идутъ далеко впереди остальной Россіи въ дѣлѣ образованія. Пространство, равняющееся приблизительно $^1/_{50}$ всей страны, располагаетъ приблизительно же $^1/_5$ всѣхъ начальныхъ училищъ. Школа тѣсно связана съ населеніемъ. Учитель не только наставникъ дѣтей, но и общественный дѣятель, учредитель и руководитель въ разныхъ пѣвческихъ и иныхъ обществахъ, совѣтникъ взрослыхъ, иногда писатель. Въ самомъ законѣ особыя статьи, какихъ мы не встрѣтимъ нигдѣ, кромѣ положенія о прибалтійской школѣ, устанавливаютъ близость населенія къ школьнымъ дѣламъ и упрочиваютъ высокій авторитетъ учителя. Въ краѣ развита любовь къ книгѣ и газетѣ. До сихъ поръ прибалтійскія губерніи занимаютъ самое видное мѣсто по количеству выходящихъ здѣсь періодическихъ изданій и въ связи съ этимъ по числу городовъ, имѣющихъ особыхъ цензоровъ.

Со второй половины 80-хъ годовъ начинается въ краѣ усиленная руссификація. Языкомъ преподаванія въ начальной школѣ въ третью зиму обученія становится обязательно русскій языкъ. Руководство школьнымъ дѣломъ постепенно стягивается въ управленіи учебнаго округа. Вмѣстѣ съ тѣмъ школьныя правленія, школьныя коллегіи и другія мѣстныя учрежденія по завѣдыванію школьнымъ дѣломъ, принудительно или добровольно, устраняются отъ своихъ прежнихъ правъ и обязанностей. Такъ, напр., школьныя правленія перестаютъ слѣдить за неукоснительнымъ посѣщеніемъ дѣтьми школы и предоставляютъ это инспекторамъ отъ правительства, которые несмотря на сравнительную многочисленность, не могутъ этого сдѣлать, имѣя въ

своемъ районѣ каждый до ста и больше школъ. По заявленію офиціальнаго отчета о состояніи прибалтійской начальной школы въ 1894 г. всѣ мѣстныя учрежденія по завѣдыванію школами перестали интересоваться дѣломъ со времени реформы. Въ 1897 г. по требованію Мин. Нар. Просв. верховный комитетъ земскихъ школъ Лифляндской губ. началъ ревизію этихъ школъ, но „такъ какъ г. попечитель Рижскаго учебнаго округа не согласился на допущеніе замѣстителей уѣздныхъ ревизоровъ школъ къ участію при ревизіи и также на употребленіе родного языка при испытаніяхъ учащихся, то названный комитетъ не призналъ возможнымъ произвести ревизію школъ и прекратилъ всѣ дѣйствія относительно таковой ревизіи“.

Вопросъ былъ поставленъ съ рѣзкой опредѣленностью: лучше никакой школы, чѣмъ школа съ нѣмецкимъ духомъ, т. е. школа на прежнихъ основаніяхъ. Старожилы хорошо помнятъ отдѣльныя перипетіи этой борьбы, значительно уменьшившей количество всѣхъ вообще учебныхъ заведеній (среднихъ и низшихъ) прибалтійскаго края.

Въ настоящее время острый періодъ отмѣченнаго процесса прошелъ, какъ это признано всѣми. Такъ, на съѣздѣ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ края въ концѣ 1902 года, констатировано, что многое сгладилось и урегулировалось во взаимныхъ отношеніяхъ администраціи и мѣстныхъ учрежденій, что совмѣстная дружная работа на поприщѣ народнаго образованія и вполнѣ возможна, и въ высокой степени желательна.

Но понятно, что отголоски предшествовавшаго періода все еще слышатся время отъ времени, хотя кажется, что въ иныхъ случаяхъ, и, можетъ быть, въ большинствѣ случаевъ дѣло заключается не въ „оппозиціонныхъ махинаціяхъ“ и не въ инородческомъ сепаратизмѣ, въ каковомъ смыслѣ пытается использовать эти случаи мѣстная обрусительная печать, а просто въ антагонизмѣ между бюрократіей и земщиной. Въ краѣ до послѣдняго времени повторяются случаи, когда, напр., волость отказывается отъ казеннаго пособія на постройку министерскаго училиша и предпочитаетъ старое неблагоустроенное волостное училище. Иногда такіе случаи по особымъ, сопровождающимъ ихъ обстоятельствамъ, вызываютъ извѣстную сенсацію въ печати, близкой къ офиціальнымъ кругамъ, объясняющей это нерасположеніе къ министерскимъ школамъ тѣмъ, что „въ нихъ преподаваніе на русскомъ языкѣ идетъ особенно успѣшно и что противники русской школы лишены возможности вмѣшиваться въ дѣятельность этихъ училищъ и тормозить ихъ развитіе“. Не лишнее изложить вкратцѣ одинъ изъ такихъ случаевъ.

Въ концѣ 1901 г. инспекторъ народныхъ училищъ, явившись

въ волость Цирау (Курл. г.) велѣлъ созвать экстренное собраніе сельскихъ выборныхъ и приказалъ ему голосовать проектъ о превращеніи мѣстнаго волостнаго училища въ министерское; несмотря на протестъ старшины, проектъ голосовался и прошелъ незначительнымъ большинствомъ. Затѣмъ инспекторъ пріѣхалъ съ комиссаромъ по крестьянскимъ дѣламъ, и предложеніе было вторично принято собраніемъ. Въ декабрѣ волостное правленіе получило бумагу о томъ, что съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа Цирауское волостное училище преобразовано въ министерское, и что назначенъ сюда новый завѣдующій и второй учитель. Волости, которая пользуется правомъ выбора учителя въ волостную школу, оставалось въ данномъ случаѣ только платить жалованье присланнымъ ей учителямъ. Число школьниковъ сразу упало ниже половины прежняго состава. Новый завѣдующій замедлилъ пріѣздомъ. Тогда нѣкоторые члены волости подали жалобу на рѣшеніе волостного собранія, состоявшагося съ нарушеніемъ установленныхъ правилъ (требованіе $^2/_3$ голосовъ). Въ мартѣ 1902 г. цирауское министерское училище было упразднено въ административномъ порядкѣ, и новое предложеніе инспекціи открыть министерское училище съ соблюденіемъ правила $^2/_3$ голосовъ, несмотря на обѣщанное пособіе въ 500 руб., было отвергнуто волостью большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ трехъ. Совсѣмъ недавно—въ ноябрѣ 1903 г. Зандерская волость Эстл. г. отклонила предложеніе министерства принять на постройку министерскаго училища 2.000 руб., 1.000 р. ежегоднаго пособія и 500 р. на первоначальное обзаведеніе. Опять можно было бы вопіять здѣсь о „сепаратизмѣ“ и пр. Но какъ разъ въ ноябрьскомъ № „Русской Школы“ можно найти сообщеніе о томъ, что Богородицкое земство (Тульск. г.) отклонило предложеніе министерства отпустить пособіе на жалованье учителямъ 36.000 ежегодно и 12.000 р. на постройку новыхъ школъ единовременно, но съ условіемъ, чтобы министерство раздѣляло права земства по отношенію къ школамъ. Подобные факты не рѣдки и въ другихъ чисто-русскихъ губерніяхъ, но въ Тульской они, можетъ быть, особенно характерны за послѣднее время. „Краткій отчетъ о состояніи земскихъ училищъ Тульской губ. въ 1900—901 г.“ позволяетъ установить какъ наличность коллизій между инспекціей и земствомъ, такъ и поразительное паденіе въ теченіе одного года и числа училищъ, и числа учащихся. Въ одномъ Богородицкомъ уѣздѣ въ 1899—1900 г. было 85 земскихъ училищъ съ 4.380 учащихся, а въ 1900—1901 г. 82 училища съ 3.917 учащимися. Мы и далѣе еще встрѣтимся съ цыфровымъ показателемъ этого факта. Бюрократическое отношеніе къ населенію вездѣ вообще сопровождается его охлажденіемъ къ

своимъ же духовнымъ потребностямъ. Въ прибалтійскомъ краѣ такое отношеніе тѣмъ менѣе понятно, что самыя мѣстныя законоположенія идутъ противъ него. Такъ, напр., въ томъ мѣстѣ Свода Законовъ (т. XI, ч. 1), гдѣ говорится о начальныхъ училищахъ Прибалтійскихъ губерній, есть между прочимъ такая статья (3609): „Если кому-либо изъ городскихъ жителей, особливо изъ чиновниковъ, заблагоразсудится сообщить директору народныхъ училищъ примѣчанія свои въ разсужденіи тамошнихъ училищъ, то директоръ народныхъ училищъ охотно принимаетъ оныя и старается исполнить его желаніе, ежели оно дѣльно и законно, или увѣрить его въ невозможности“. Такимъ образомъ, законъ обязываетъ директора училищъ охотно принимать даже бездѣльныя замѣчанія не только учрежденій, но и всякаго обывателя, между тѣмъ практика все болѣе и болѣе приравниваетъ положеніе прибалтійской окраины къ остальной Россіи, гдѣ бюрократія и мысли не допускаетъ, чтобы кому-нибудь „заблагоразсудилось“ сообщить ей примѣчанія по подвѣдомственнымъ ей дѣламъ.

На съѣздѣ народныхъ учителей въ іюнѣ 1900 г. въ Ригѣ, когда зашла рѣчь объ отношеніяхъ между учителемъ и населеніемъ, то *пожилые* учителя высказывались за необходимость тѣснаго общенія съ населеніемъ въ видахъ изученія его нуждъ и совмѣстнаго съ родителями воздѣйствія на дѣтей, а „*преимущественно молодые*“ отвергали такую необходимость, и подъ руководствомъ предсѣдательствовавшаго инспектора народныхъ училищъ, съѣздъ согласился на томъ, „что учителя не должны допускать со стороны родителей учащихся никакого вмѣшательства въ школьную жизнь“.

Перемѣна въ отношеніяхъ учителя къ волости, понятно, измѣнила и отношенія волости къ учителю. Факты, давно знакомые по практикѣ великорусскихъ областей, стали чаще и чаще повторяться и въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Волость то откажетъ учителю въ доставкѣ дровъ, то задержитъ жалованье, то допуститъ прямое издѣвательство въ отношеніяхъ къ нему. Недавно, напр., одна волость Гапсальскаго у. на просьбу учителя о покупкѣ ариѳметическихъ счетовъ для школы отвѣтила постановленіемъ доставить учителю цѣлый возъ розогъ. Другое волостное правленіе, въ Курляндіи, послѣ жалобъ учителя на задержаніе жалованья, черезъ ученицу школы послало ему повѣстку, съ приглашеніемъ явиться за недополученными 4 р. 7 коп. и угрозой въ случаѣ неявки штрафомъ или арестомъ.

Говоря о вредныхъ послѣдствіяхъ антагонизма между школьной администраціей и населеніемъ, необходимо коснуться антагонизма двухъ вѣдомствъ, который, по мнѣнію нѣкоторыхъ органовъ печати,

существуетъ въ управленіи церковно-приходскими школами прибалтійскаго края. Мы лично, зная отношенія земской и церковной школы въ русскихъ губерніяхъ, не сказали бы, что такой антагонизмъ существуетъ здѣсь на окраинѣ, но несомнѣнно то двоевластіе, которое дурно отражается на мѣстной церковно-приходской школѣ, находящейся одновременно въ вѣдомствѣ и Св. Синода, и Мин. Нар. Просв. По закону надзоръ за этой школой принадлежитъ Совѣту по дѣламъ православныхъ школъ прибалтійскихъ губерній. Совѣтъ состоитъ изъ представителей обоихъ вѣдомствъ, отъ такта которыхъ и зависитъ единство его дѣятельности. По установившейся практикѣ назначеніе и движеніе по службѣ учителей въ православной школѣ, которые одновременно являются и псаломщиками, зависитъ главнѣйшимъ образомъ отъ епархіальнаго начальства и обусловливается способностями даннаго лица къ исполненію псаломщическихъ обязанностей. Съ этимъ считаются и учительскія семинаріи, очень строго требующія отъ православныхъ воспитанниковъ знанія церковной службы и церковнаго пѣнія. Разумѣется это совмѣщеніе обязанностей псаломщика и учителя не безразлично для успѣховъ школьнаго дѣла.

Въ матеріальномъ положеніи православныхъ школъ указанное двоевластіе приводитъ къ тому, что самый ростъ православныхъ школъ отражается на нихъ пагубно. Въ 1884 г. православныхъ школъ было 382, а къ 1902 г. ихъ было уже 488. Между тѣмъ средства содержанія остались тѣ же 10.000 руб., отпускаемые съ 1870 г. Св. Синодомъ, и 32.000 съ небольшимъ отъ Мин. Нар. Просв. Въ среднемъ на каждую школу приходится 80 съ чѣмъ-то рублей— совершенно ничтожная сумма. Естественно ожидать, что, какъ это установлено и офиціальными отчетами, православныя школы не располагаютъ ни хорошими помѣщеніями, ни достаточнымъ количествомъ учебныхъ пособій, ни надлежаще подготовленными преподавателями. Естественно также, что наконецъ (въ 1900 г.) училищный совѣтъ православныхъ училищъ усмотрѣлъ, что пріемъ православныхъ дѣтей въ лютеранскія школы „сталъ обнаруживаться въ значительно большемъ противъ прежняго количествѣ и безъ всякихъ притомъ уважительныхъ причинъ“. Въ виду этого Совѣтъ, какъ было объявлено въ свое время въ „Епарх. Вѣд.“, постановилъ просить директоровъ народныхъ училищъ поставить въ извѣстность подвѣдомственныхъ имъ учителей, „что пріемъ православныхъ дѣтей въ лютеранскія школы можетъ быть допускаемъ только по особо уважительнымъ обстоятельствамъ и не иначе, какъ съ особаго каждый разъ согласія мѣстнаго приходскаго священника“.

По совокупности всѣхъ вообще условій въ 1900—1901 г. 2.200

православныхъ дѣтей въ прибалтійскихъ губерніяхъ не посѣщали школы, а въ 1901 --1902 г. это число уже поднялось до 2.470.

Опасеніе за правильность религіознаго воспитанія, сказавшееся въ отмѣченномъ постановленіи православнаго совѣта, имѣетъ мѣсто и по отношенію къ представителямъ другихъ вѣроисповѣданій. Извѣстны факты, когда пасторы не относились враждебно къ министерской школѣ, какъ разсаднику „русской вѣры“. Вообще пестрота прибалтійскаго населенія по вѣроисповѣданіямъ и національностямъ сопровождается глубокой рознью отдѣльныхъ группъ населенія и прежде всего отражается на интересахъ школы, страдающей отъ этой вражды.

Бывали случаи, доходившіе и до суда, когда помѣщики стараго закала отбирали уступленную ими для народной школы землю, если крестьяне изъявляли желаніе имѣть у себя министерскую школу.

Въ конечномъ итогѣ иныя весьма многолюдныя волости остаются въ краѣ безъ училищъ, и до сихъ поръ время отъ времени всплываютъ факты поразительнаго народнаго невѣжества, выражающагося въ почитаніи знахарей, амулетовъ, въ ожиданіи свѣтопреставленія и проч.

Жалобы на „тьму египетскую“ идутъ не только изъ селъ, но и изъ городовъ, изъ такихъ небольшихъ, какъ Перновъ, Гольдингенъ, Гробинъ, и изъ такихъ значительныхъ, какъ Либава, Ревель, Рига. Правда, подчасъ при такихъ жалобахъ примѣняется далеко не такой масштабъ, какъ въ остальной Россіи; напр., корреспондентъ мѣстной газеты жалуется на упадокъ грамотности въ такой мѣстности, гдѣ все-таки до 95% грамотныхъ новобранцевъ, или другой корреспондентъ сѣтуетъ, что крестьяне почти не знаютъ газетъ, такъ какъ въ волость получается *всего на всего 55 названій* періодическихъ изданій.

Но когда корреспондентъ сообщаетъ, что городъ съ 80 тысячнымъ населеніемъ изъ своего 600.000 бюджета тратитъ на элементарное образованіе 8.000 руб., то мы не можемъ не воскликнуть вмѣстѣ съ нимъ: „Слѣдуетъ ли удивляться, что безнравственность и преступность все увеличивается, тогда какъ на школы и образованіе обращается очень мало вниманія“. Даже сравнительно съ русскими городами нужно признать очень скромной ассигновку на образованіе по смѣтѣ г. Юрьева въ 1902 г., составляющую 4,8% всѣхъ городскихъ расходовъ. На одномъ изъ думскихъ засѣданій въ 1903 г. рижскій городской голова сообщилъ, что въ Ригѣ ежегодно отъ 10.000 до 12.000 дѣтей школьнаго возраста остаются безъ образованія за недостаткомъ училищъ. По смѣтѣ 1902 г. Рига могла однако ассигновать на нужды образованія всего 6,6% своего бюджета.

менѣе, чѣмъ въ предыдущемъ году. Здѣсь приходится замѣтить, что въ прибалтійскомъ краѣ, какъ и въ остальной Россіи, города обременены обязательными расходами на общегосударственныя нужды, чѣмъ и объясняется помимо выше указанныхъ общихъ причинъ недостаточная заботливость о школахъ.

Напр., Гробинъ изъ 4.397 р. своего бюджета ассигнуетъ въ 1902 г. 690 р. на полицію, а на школы ничего. Ревель въ томъ же году на содержаніе полиціи и войска далъ въ общей сложности болѣе 125 тысячъ руб., а на содержаніе училищъ нѣсколько болѣе 83 тысячъ. Въ Ригѣ по смѣтѣ 1902 г. расходъ на полицію опредѣленъ въ 297.200 руб., а на народное образованіе въ 278.400 руб.

Недостаточность школъ уже сама по себѣ дурно отражается на постановкѣ учебнаго дѣла, вызывая крайнюю переполненность ихъ. Какіе могутъ быть успѣхи въ такой, напр., школѣ, гдѣ при 230 ученикахъ работаютъ два учителя? А такихъ школъ не одна. Норма, установленная для Лифляндской губ. въ 50 человѣкъ учениковъ на одного учителя, оказывается трудно допустимой. Съѣздъ директоровъ и инспекторовъ призналъ возможнымъ поручать и 60 учениковъ одному *хорошему* учителю, но полагалъ, что свыше этого числа нельзя допустить безъ замѣтнаго ущерба для дѣла. Однако до 80—90 учениковъ на одного учителя это не рѣдкость въ школѣ.

Въ смыслѣ удобствъ помѣщенія прибалтійская начальная школа, можетъ быть, въ общемъ нѣсколько и выше школы центральной России, но во всякомъ случаѣ далека отъ идеала. Конечно, наиболѣе плачевно положеніе школы православной.

Вотъ нѣсколько доказательствъ, почерпнутыхъ отчасти изъ газетныхъ корреспонденцій 1900—1903 г., отчасти и изъ офиціальныхъ источниковъ.

Многія изъ школьныхъ помѣщеній православныхъ школъ построены еще въ 1870—1876 г. и требуютъ капитальнаго ремонта, на какой у Совѣта не имѣется средствъ.

Комната учителя въ одной такой школѣ (Лифл. г.) пристроена сбоку, по величинѣ похожа на какую то конуру и даже не имѣетъ плиты или печи, приспособленной для варки пищи. Стѣны другой школы того же прихода прогнили, потолокъ грозитъ обрушиться. Въ третьей школѣ страшная тѣснота, холодъ и сырость, такъ что школа является разсадникомъ болѣзней.

Въ другомъ мѣстѣ въ классномъ помѣщеніи и квартирѣ учителя свободно разгуливаетъ вѣтеръ и носится дымъ изъ печи, и учитель по болѣзни бросаетъ школу.

Тѣснота, холодъ, сырость это не рѣдкія принадлежности и свѣтскихъ школъ. Въ иной школѣ на партѣ, назначенной для двухъ

учениковъ, сидятъ четверо, пятеро, въ другой двое-трое дѣтей принуждены спать на одной кровати (въ прибалтійскомъ краѣ при школахъ очень часто существуютъ общежитія) и въ спальныхъ помѣщеніяхъ такъ грязно и душно, что дѣти постоянно болѣютъ; въ третьей школѣ въ часы письменныхъ работъ около 15 учениковъ по недостатку мѣста пишутъ, стоя на колѣняхъ около скамеекъ.

Какъ быть съ этими дефектами?

Для лучшей успѣшности нужно держаться установленной нормы и отказывать въ пріемѣ многимъ дѣтямъ, которыя могутъ такимъ образомъ совсѣмъ остаться за порогомъ школы. „У васъ не больше нормы"? спрашиваетъ при ревизіи инспекторъ народныхъ училищъ у завѣдующаго.

„Нѣтъ, я принялъ однимъ ученикомъ меньше нормы, чтобы какъ нибудь не ошибиться, но *какъ учитель я* никогда бы этого не сдѣлалъ по своему желанію". Характерный отвѣтъ! Можно, конечно, пожалѣвши дѣтское здоровье, и закрыть плохія въ гигіеническомъ отношеніи школы, но учебное вѣдомство при своемъ хроническомъ безденежьи не въ состояніи на смѣну плохимъ школамъ открыть столько же благоустроенныхъ, такъ что школьный районъ долженъ увеличиться, и вмѣстѣ съ тѣмъ число учащихся—упасть. Такъ напр., въ 1902 г. въ Лифляндіи вмѣсто закрывшихся по разнымъ причинамъ 9 волостныхъ училищъ, дававшихъ образованіе 423 дѣтямъ, открыто лишь 3 министерскихъ съ 270 учащихся.

Полагая, что не безынтересно провѣрить нѣкоторыя выше сказанныя положенія на статистическихъ данныхъ, мы приведемъ здѣсь нѣсколько таблицъ, рисующихъ послѣдовательный ходъ начальнаго образованія въ Прибалтійскомъ краѣ.

Годы.	Число начальн.шк.въ Прибалтійск. краѣ.	% отношеніе къ школамъ всей Россіи.	Число учащихся въ школахъ Прибалт. кр.	% отношеніе къ общему числу учащихся въ нач. шк. Россіи.
1856	1.753	21,3	—	—
1886	3.209	9,3	186.350	—
1894	3.070	—	141.544	—
1896	2.694	3,4	137.405	3,7
1898	2.855	3,6	144.631	3,4

Вполнѣ достовѣрными данными, относящимися къ болѣе позднему времени, мы, къ сожалѣнію, не располагаемъ.

Въ слѣдующей таблицѣ показаны измѣненія въ школьномъ районѣ по разнымъ губерніямъ за послѣднія 15 лѣтъ, при чемъ римскими цыфрами указано мѣсто, занимаемое губерніей среди другихъ губерній.

	1886 г.		1898 г.		1900 г	
	1 школа на число кв. в.	мѣсто губ.	1 школа на число кв. в.	мѣсто губ.	1 школа на число кв. в.	мѣсто губ.
Лифляндская . .	21	I	24	VIII	23	X
Эстляндская . . .	25	II	27	X	—	—
Московская . . .	28	III	18	III	15	II
Кіевская	29	IV	21	IV	20	VI
Подольская . . .	30	V	17	II	16	III
Петербургская .	34	VI	37	—	24	XIII
Курляндская . .	37	VII	41	—	—	—
Тульская	40	VIII	14	I	15	I
Калужская . . .	43	X	24	VII	24	XI
Курская	46	XII	25	IX	24	XII
Тверская	50	XIII	37	—	—	—
Полтавская . . .	50	XIV	21	VI	22	IX
Могилевская . .	165	XXIX	21	V	21	VIII

Такое же впечатлѣніе, какъ эта, могла бы произвести и другая таблица, показывающая отношеніе числа начальныхъ училищъ къ числу жителей.

До начала „реформы“ Лифляндская и Эстляндская губ. съ одной школой на 600 жителей занимали въ Россіи первыя мѣста, а Курляндская съ одной школой на 1.070 жителей, уступала лишь Тульской губ.

Въ 1898 г. Эстляндія съ 1 школой на 665 жителей занимала 2-ое мѣсто, Лифляндія съ одной школой на 790 жителей — 4-ое, а Курляндія съ одной школой на 1.176 жителей—9-ое мѣсто.

Но уже въ 1900 г. Эстляндія съ одной школой на 678 жителей занимала 3-е мѣсто, Лифляндія съ 1 школой на 789 жителей—5-ое, а Курляндія спустилась еще ниже.

Наконецъ, и по отношенію числа учащихся къ общему числу жителей, губерніи прибалтійскаго края измѣнились со времени реформы. Показатель образованія (общій по 3 губ.) понизился съ 8 до 6, а отдѣльныя губерніи представляютъ такую картину:

	1886 *)			1898 г.		1900 г.	
	Показ. обр.		Мѣсто	Показ. обр.	Мѣсто	Показ. обр.	Мѣсто
	м.	ж.		общій.		общій.	
Лифляндская .	10,5	9,2	I	6,4	I	6,3	I
Эстляндская .	7,6	6,2	II	5,8	III	6,0	II
Курляндская .	6,5	4,4	III	5,5	IV	5,5	III
Ярославская .	4,7	1,8	IV	5,1	VII	5,3	V
Таврическая .	4,3	1,7	V	5,2	VI	5,4	IV
Олонецкая . .	4,6	1,1	VI	5,3	V	5,0	VIII
Тульская . . .	4,6	0,8	VII	5,9	II	5,0	VII
Калужская . .	4,4	0,9	VIII	5,0	VIII	5,2	VI

Изъ всѣхъ приведенныхъ цыфровыхъ данныхъ мы видимъ, что всѣ прибалтійскія губерніи со времени реформы прогрессировали въ учебномъ дѣлѣ очень медленно, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже остались безъ движенія, а въ иныхъ и отстали, между тѣмъ какъ другія русскія губерніи, почти исключительно земскія, быстро

	1878 г.		1898 г.	
	Грамотн. новобранц.	Въ томъ числѣ имѣющ. свидѣт. объ оконч. шк.	Грамотн. новобранц.	Въ томъ числѣ имѣющ. свидѣт. объ оконч. шк.
Прибал. губ. .	84%	2,9%	92%	8%
Московск. г. . .	50%	3,8%	80%	21%
Петерб. г. . . .	57%	10%	73%	23%
Ярославск. г. .	60%	2,6%	87%	28,4%
Вся Россія . .	21,05%	1,3%	44,5%	10,8%

*) Для 1886 г. мы имѣли отдѣльныя данныя для мужского и женскаго населенія.

двигались впередъ и обгоняли когда-то далеко стоявшую впереди окраину.

Теперь разсмотримъ таблицу, которая помимо подтвержденія предыдущихъ выводовъ, имѣетъ еще и свое особое значеніе: это таблица грамотности новобранцевъ. Для краткости беремъ общія данныя по всѣмъ тремъ губерніямъ и лишь за два года — 1878 и 1898 г.

Данныя этой таблицы приводятъ къ тому заключенію, что въ Прибалтійскомъ краѣ вообще очень низокъ процентъ лицъ, получающихъ свидѣтельство объ окончаніи по крайней мѣрѣ низшей школы, что, повидимому, полученіе такого свидѣтельства оказывается очень труднымъ, и что главная масса грамотныхъ выходитъ не изъ тѣхъ школъ, которыя даютъ права на льготу по воинской повинности.

Съ послѣдней частью этого вывода нужно поставить въ связь развитіе въ краѣ частнаго обученія и такъ называемаго кружковаго обученія, при которомъ достигается возможность для нѣсколькихъ лицъ, берущихъ вмѣстѣ уроки у отдѣльныхъ спеціальныхъ по каждому предмету преподавателей, получать образованіе соотвѣтствующее средней школѣ.

Со времени реформы на это обученіе было обращено строгое вниманіе тѣмъ болѣе, что оно производилось не на русскомъ языкѣ, и его подводили подъ статью 1.049 улож. о наказ., карающую открытіе школы безъ надлежащаго разрѣшенія. Началось разыскиваніе по частнымъ квартирамъ „незаконныхъ школъ", при чемъ приходилось обращаться къ содѣйствію полиціи и преслѣдованіе по ст. 1.049 осложнялось еще нарушеніемъ ст. 29, когда лицо, обвиняемое въ незаконномъ обученіи, отказывалось пустить въ свою квартиру инспектора народныхъ училищъ для производства „ревизіи" (Дѣло Э. Рудольфа въ Ригѣ). Рвеніе ревизовавшихъ лицъ бывало такъ велико, что обыкновенно самая ст. 1.049 нарушалась ими въ той своей части, гдѣ говорится, это незаконно устроенное заведеніе закрывается въ назначенный для того *судомъ* срокъ: именно, по замѣчанію одного спеціальнаго органа („Юридическая газета"), судебное опредѣленіе срока закрытія школы оказывалось пустой формальностью, потому, что еще задолго до судебнаго разбирательства школа закрывалась административнымъ порядкомъ.

Нужно сказать, что самая ст. 1.049 должна бы быть выкинута изъ нашего законодательства: и безъ того мы страшно отстали въ образованіи, чтобы еще ставить преграды лицамъ, желающимъ передать свои знанія другимъ. Къ этому видимо склоняются и представители юридическаго міра; такъ, напр., дѣло Э. Рудольфа, у кото-

раго обучалось нѣсколько дѣтей, окончилось оправданіемъ его Петербургской судебной палатой. Почти одновременно съ этимъ (въ началѣ 1902 г.) дѣло пастора Зійльмана, имѣвшаго недозволенную школу въ Юрьевѣ, закончилось приговоромъ окружного суда, постановившаго взыскать съ г. Зійльмана штрафъ въ размѣрѣ *пяти рублей*. Объ общественномъ мнѣніи, разумѣется, нечего и говорить.

„Дѣти подрастаютъ, не получая никакого образованія“ скорбитъ бауській корреспондентъ одной латышской газеты; „въ прежнее время въ городѣ существовали разныя подпольныя школы: теперь даже и такихъ нѣтъ“. (1903 г.).

„Пускай учатъ хоть на цыганскомъ языкѣ“, пишетъ изъ Гольдингена одинъ русскій человѣкъ, жалующійся на отсутствіе русскихъ школъ, вслѣдствіе чего приходится пользоваться нѣмецкимъ „кружковымъ обученіемъ“, т. е. „тайными недозволенными школами“. Впрочемъ, редакція, куда было обращено это письмо, рѣзко обвинила корреспондента въ „цыганской логикѣ“, посвятивъ ему особую передовую статью (1898 г.). Кажется, теперь уже и въ Гольдингенѣ больше нѣтъ тайныхъ школъ, по крайней мѣрѣ, по газетнымъ извѣстіямъ 1902 г. менѣе состоятельному городскому населенію некуда посылать учиться своихъ дѣтей.

Съ одной только точки зрѣнія можно оправдать существованіе ст. 1.049, именно, если допустить, что она гарантируетъ надлежащую педагогическую подготовку тѣхъ лицъ, которые допущены къ преподаванію. Но какъ разъ къ прибалтійскому краю эта точка зрѣнія менѣе всего приложима: здѣсь вообще недостатокъ въ учителяхъ. имѣющихъ надлежащую подготовку.

Въ этомъ отношеніи Рижскій округъ занимаетъ послѣднее мѣсто въ ряду другихъ. По даннымъ Мин. Нар. Просв. 1898 г. здѣсь всего только 57% начальныхъ учителей окончили курсъ высшаго средняго или спеціально-педагогическаго заведенія (для всей Россіи среднее число 76%, и 20% не имѣли даже диплома на право преподаванія (для всей Россіи средняя цыфра—4%). За истекшіе годы положеніе дѣла не могло улучшиться. Въ 1900 г. въ одной Эстляндіи было 43,7% народныхъ учителей, не имѣвшихъ учительскаго званія. Въ Лифляндіи въ 1902 г. среди учителей министерскихъ, приходскихъ и волостныхъ училищъ 13% не имѣли учительскаго званія, Въ православныхъ школахъ дѣло обстоитъ особенно плохо. По отчету за 1901—1902 г. среди учителей этихъ школъ было только 40% съ законченнымъ высшимъ, среднимъ и спеціальнымъ образованіемъ. О затрудненіяхъ училищнаго совѣта при замѣщеніи учительскихъ вакансій могутъ свидѣтельствовать, напр., такія свѣдѣнія конца 1902 г. (окт. и ноябр.): назначены на учительскія должности

окончившій курсъ юрьевскаго городского училища, обучившійся въ черносельскомъ министерскомъ 2 кл. училищѣ, домашняя учительница, вышедшій изъ 3-го класса прибалтійской учительской семинаріи, уволенный изъ 2-го кл. феллинскаго городского училища, окончившій курсъ оллустферской приходской школы, окончившій курсъ аренсбургской приходской школы. За тотъ же срокъ назначены на учительскія должности только 2 лица съ болѣе соотвѣтствующей подготовкой, именно окончившій курсъ духовной семинаріи и окончившая курсъ духовнаго училища.

На почвѣ указаннаго явленія происходятъ въ прибалтійскомъ краѣ своеобразные факты. Такъ, напр., постоянно случается, что послѣ рекрутскаго набора закрывается нѣсколько школъ, учителя которыхъ, не имѣя учительскаго званія, не освобождены отъ воинской повинности. Въ 1903 г. только аренсбургское присутствіе взяло въ солдаты 10 сельскихъ учителей, изъ которыхъ 2 были освобождены по особому ходатайству учебнаго начальства.

Въ 1903 же году въ одной школѣ Перновскаго уѣзда занятій не было съ января мѣсяца. Инспекторъ народн. училищъ уволилъ учителя школы за слабое знаніе русскаго языка; но за неимѣніемъ другого кандидата оставилъ его на время. Однако уволенный учитель бросилъ школу, и родителямъ пришлось переводить своихъ дѣтей въ другое волостное училище. Увольненіе учителей и перемѣщенія ихъ, стоящія въ связи съ недостаточной подготовкой, это сущее зло для мѣстной школы въ Феллинскомъ уѣздѣ: съ 1892 г. по 1901 г. было уволено 51 учитель, и 62 учителя перемѣнили свои мѣста. Въ Лифляндіи за 1902 г. было уволено 36 учителей, разжаловано 2. 16 учителей были уволены за слабое знаніе русскаго языка.

Въ продолженіе 14 лѣтъ въ сѣверной части Лифляндіи три четверти учителей мѣняли свои мѣста.

Конечно, въ перемѣнѣ мѣстъ сказываются и иные факторы, хотя, впрочемъ, для школьнаго дѣла, во всякомъ случаѣ страдающаго отъ нея, это въ концѣ концовъ безразлично. Почему же въ Прибалтійскомъ краѣ такъ рѣзко ощущается недостатокъ въ учителяхъ? Отвѣтъ простой. Въ краѣ число начальныхъ школъ приближается къ 3.000, а между тѣмъ существуетъ всего три учительскихъ семинаріи, ежегодно выпускающихъ въ общей сложности 65—75 кандидатовъ на учительскую должность. Духовная семинарія выпускаетъ ежегодно до 20 человѣкъ, но они, если и занимаютъ учительскія мѣста, то лишь временно. Да и воспитанники учительскихъ семинарій не всегда идутъ въ учителя. Въ центральной Россіи на помощь учителямъ являются учительницы, составляющія въ общемъ 60—75% всѣхъ учащихъ въ русской начальной школѣ. Но по окраи-

намъ и въ частности въ прибалтійскомъ краѣ этотъ порядокъ не прививается, такъ что число начальныхъ учительницъ колеблется между 12%—16% общаго числа учащихъ (1900 г.). Учебное начальство, не открывая новыхъ учительскихъ семинарій, понижаетъ требованія, предъявляемыя къ учителю, и мирится съ учителями, прошедшими курсъ городского училища съ небольшой примѣсью педагогическихъ знаній въ педагогическомъ классѣ.

Попавъ въ деревню, такимъ образомъ подготовленные учителя очень скоро возвращаются къ первобытному состоянію, потому что практики для правильнаго русскаго языка у нихъ нѣтъ, книгъ выписать не на что, учительскихъ библіотекъ не имѣется. При такихъ условіяхъ даже учителя-семинаристы черезъ нѣсколько лѣтъ учительства могутъ быть уволены за незнаніе русскаго языка.

Въ центральной Россіи большой помѣхой дѣлу народнаго образованія является плохое матеріальное положеніе учителя. Въ прибалтійскомъ краѣ, вообще говоря, учителя поставлены въ этомъ отношеніи лучше, а иногда (особенно въ городахъ) и очень хорошо. Но недостаточность ихъ педагогической подготовки создало явленіе, все болѣе и болѣе дающее себя чувствовать. Именно крестьянскія общества, имѣя дѣло съ кандидатами, не получившими надлежащаго образованія, привыкаютъ замѣнять вопросъ о пригодности учителя вопросамъ о дешевизнѣ, и теперь—то тутъ, то тамъ — слышно объ уменьшеніи жалованья волостнымъ учителямъ.

„Мальчишкѣ достаточно и того, что ему даютъ", говорятъ крестьяне и, къ сожалѣнію, не безъ основанія. Въ Лифляндіи въ 1902 г. было 2 учителя моложе 17 лѣтъ, 96 учителей моложе 21 года!

Вотъ картинка съ натуры.

Волость объявляетъ, что ищетъ учителя не моложе 21 года съ надлежащей педагогической подготовкой за жалованье деньгами 100 руб. Изъ кандидатовъ, явившихся на выборы не оказалось ни одного, удовлетворявшаго поставленнымъ условіямъ. Тогда волость начала торговаться: „Вы всѣ молоды, и изъ васъ никто не кончилъ ни семинаріи, ни педагогическихъ курсовъ, значитъ 100 руб. вамъ много. Итакъ, кто дешевле, тому и достанется мѣсто". Началась уступка по 10 р., 4 рубля, по рублю. Наконецъ, одинъ изъ кандидатовъ со слезами на глазахъ закричалъ: „Я остаюсь за 74 рубля". Другой тутъ же перебилъ: „Я согласенъ за 70". Онъ и былъ избранъ.

Попавъ на мѣсто, иногда даже не безъ помощи „магарыча", дешевые учителя, если только ихъ не смететъ первая ревизія, приспособляются къ требованіямъ инспекціи, „натаскиваютъ" учениковъ для показной стороны, избираютъ себѣ помощника изъ старшихъ

учениковъ и ищутъ посторонняго заработка: они сельскіе хозяева, скотоводы, пасѣчники, охотники — что угодно, только не учителя. Существованіе такихъ случайныхъ педагоговъ естественно понижаетъ общій учительскій уровень. Среди подобныхъ товарищей и люди съ хорошими задатками не могутъ развиться въ настоящихъ учителей народа. Вотъ почему, къ стыду прибалтійской школы, въ ней очень прочно держатся еще тѣлесныя наказанія. Не говоря уже объ отдѣльныхъ толчкахъ, колотушкахъ и заушеніяхъ, на съѣздѣ учителей въ 1900 г. изъ 74 присутствовавшихъ четверо (въ отчетѣ о съѣздѣ сказано „только четверо"), совершенно опредѣленно высказались за необходимость тѣлесныхъ наказаній въ школѣ (розги, удары палочкой-указкой географическихъ картъ) и за предоставленіе учителю права практиковать таковыя по усмотрѣнію".

Вліяніе лицъ, недостойно занимающихъ учительскія должности, такъ же, какъ и вліяніе разныхъ ходячихъ педагогическихъ заблужденій, не было бы особенно опасно, если бы у насъ въ Россіи вообще и въ Прибалтійскомъ краѣ въ частности лучше были поставлены спеціальныя заведенія, подготовляющія начальныхъ учителей. Ближайшимъ образомъ такими заведеніями являются учительскія семинаріи. Извѣстную подготовку онѣ дѣйствительно и даютъ, но въ общемъ ихъ постановка у насъ не вполнѣ удовлетворительна. Мы не будемъ распространяться объ ихъ недостаткахъ изъ которыхъ крупнѣйшими представляются намъ:

1) Помѣщеніе ихъ въ захолустныхъ городахъ, гдѣ учащіе и учащіеся разобщены съ широкими научными и общественными интересами и лишены разумныхъ развлеченій.

2) Затхлая атмосфера закрытаго учебнаго заведенія, весьма неблагопріятная для всесторонняго развитія воспитанниковъ.

3) Недостаточное вниманіе учащихъ къ обще-образовательнымъ элементамъ учебнаго курса.

4) Рутина и шаблонность въ ознакомленіи воспитанниковъ съ теоріей и практикой начальнаго преподаванія.

Къ этимъ недостаткамъ, болѣе или менѣе присущимъ всякой учительской семинаріи, присоединяется на прибалтійской (и думается намъ—на всякой другой) окраинѣ малая приспособленность къ мѣстнымъ условіямъ.

Такъ, нельзя не отмѣтить, что родной языкъ учащихся и методика его первоначальнаго обученія находятся въ загонѣ, а это совершенно не педагогично, а если смотрѣть на дѣло пошире, то и не политично. Дѣло доходитъ до того, что образцовая школа при Вольмарской учительской семинаріи совершенно опустѣла, такъ какъ родители-латыши не хотѣли посылать дѣтей въ школу, гдѣ не учатъ

латышскому языку. Такъ какъ безъ образцовой школы и семинарія не семинарія, то теперь преподаваніе латышскаго языка вводится.

Еще примѣръ. Преподаватель методики русскаго языка знакомитъ семинаристовъ съ обученіемъ русской грамотѣ по звуковому методу, а это, можетъ быть, никому изъ нихъ и не понадобится. Имъ полезнѣе было бы знать, какъ и съ чего начинать обученіе русскому чтенію и письму уже грамотнаго латыша или эста, какъ бороться съ ошибками, происходящими отъ инородческаго акцента, какъ примѣнять къ частнымъ вопросамъ теорію натуральнаго метода и т. д.

Точно также и преподаватель методики ариѳметики, можетъ быть, очень хорошо покажетъ, какъ нужно дѣтямъ, свободно говорящимъ по-русски, сообщить то или другое ариѳметическое дѣйствіе. Но будущимъ учителямъ инородческой школы нужно знать, какъ имъ расположить курсъ ариѳметики, когда приходится одновременно увеличивать и лексическій запасъ учениковъ.

Ко всѣмъ указаннымъ вопросамъ наставникъ семинаріи, прошедшій курсъ учительскаго института или университета, совершенно не подготовленъ. Ему нужны годы, чтобы самому безъ руководствъ, личнымъ опытомъ пріобрѣсти необходимыя познанія. Ему нужно быть творцомъ въ своемъ родѣ—а на это способенъ не всякій. Мы знаемъ одно методическое руководство ариѳметики, приспособленное именно къ инородческой школѣ, принадлежащее преподавателю юрьевской учительской семинаріи г. Третьякову, но „одна ласточка не дѣлаетъ весны“.

А гдѣ у насъ, въ нашей разноплеменной Россіи хотя бы зачатки курса педагогики, принимающей въ расчетъ духовный міръ дѣтей въ связи съ ихъ національностью?

А между тѣмъ мальчикъ-латышъ не то, что мальчикъ-нѣмецъ или мальчикъ-татаринъ, или мальчикъ-армянинъ. Къ каждому изъ нихъ нужно умѣть подойти.

Словомъ, немало наберется вопросовъ, которыхъ инородческая учительская семинарія и не затрагиваетъ или рѣшаетъ практическимъ совѣтомъ: „Будете дѣлать, какъ велитъ инспекторъ“; но по выходѣ изъ нея на самостоятельное педагогическое поприще молодой учитель сталкивается тотчасъ же съ этими вопросами, и чѣмъ выше его представленіе объ идеалахъ учителя, тѣмъ тяжелѣе и больнѣе чувствовать ему свое безсиліе передъ ними, свою непричастность къ вѣяніямъ новѣйшей педагогіи.

Свободный и легкій доступъ къ „роскошной трапезѣ современнаго знанія“, возможность совмѣстнаго съ товарищами обсужденія спорныхъ вопросовъ, просторъ педагогической самодѣятельности—все это могло бы пополнить пробѣлы семинарской подготовки, под-

нять духъ учителя, поддержать его интересы на уровнѣ высокаго учительскаго званія—но все это закрытые пути для начальнаго учителя и для прибалтійскаго, можетъ быть, больше, чѣмъ для всякаго иного.

Ему приходится воздерживаться отъ выписыванія журналовъ по своему выбору, ему постоянно напоминаютъ о требованіяхъ программы и о воспрещеніи учительскихъ „сборищъ“ и просто „собраній“. На упоминавшемся неоднократно съѣздѣ директоровъ обращено было вниманіе на то, что нѣкоторые сельскіе учителя собираются, чтобы разъяснить себѣ объемъ требованій по Закону Божію и сдѣлать нѣкоторыя выписки изъ метрическихъ книгъ. Съѣздъ высказался по этому поводу, что всякія собранія учащихъ въ начальныхъ школахъ должны быть устраиваемы лишь съ предварительнаго разрѣшенія въ установленномъ порядкѣ, безъ чего никто не имѣетъ права созывать учителей.

Учебное начальство дѣлаетъ опыты учительскихъ собраній и на законномъ основаніи. Объ этихъ рижскихъ учительскихъ съѣздахъ можно только сказать, что они имѣютъ не большее и не меньшее значеніе, чѣмъ всякіе другіе учительскіе съѣзды, организованные на основаніи правилъ 26 ноября 1899 г.

То же самое можно замѣтить и объ учительскихъ курсахъ по правиламъ 5 августа 1875 г.

За послѣднее время округъ озабоченъ организаціей учительскихъ библіотекъ. О нихъ мы скажемъ только вслѣдъ за участниками съѣзда директоровъ, что на нихъ возлагались большія надежды, но развитіе ихъ въ разныхъ мѣстахъ идетъ не одинаково и категорически высказаться о нихъ пока еще будетъ преждевременнымъ.

Все въ тѣхъ же видахъ содѣйствовать самообразованію учителей, оживить ихъ дѣятельность и направить ее къ возможному единству съѣздъ директоровъ считалъ весьма полезнымъ изданіе педагогическаго листка, на первыхъ порахъ хотя бы въ видѣ приложенія къ циркулярамъ по округу, посвященнаго вопросамъ начальной прибалтійской школы.

Но пока что, въ распоряженіи прибалтійскаго начальнаго учителя только журналъ кн. Мещерскаго „Дружескія Рѣчи“, выписываніе котораго усиленно рекомендуется инспекціей для волостныхъ школъ, да собраніе нѣсколькихъ руководящихъ брошюръ, изданныхъ округомъ и многочисленныхъ циркуляровъ и предписаній, въ созиданіи каковыхъ учебное вѣдомство проявляетъ большую работоспособность.

Тутъ нужно на первомъ планѣ упомянуть объ общемъ педагогическомъ руководствѣ, изданномъ для учителей прибалтійской начальной школы правителемъ канцеляріи попечителя Рижскаго учеб-

наго округа, А. Вильевымъ въ 1897 г., въ приложеніи къ „Методическимъ указаніямъ“. Это „Катехизисъ молодого педагога“ (Сборникъ правилъ педагогическаго и отчасти дидактическаго характера; заимствованъ изъ отчетовъ прусскихъ директорскихъ конференцій).

Интересно ознакомиться съ этимъ „катехизисомъ“ или „заповѣдями“, какъ болѣе точно называютъ учителя этотъ плодъ, занесенный въ реформируемую школу изъ страны Дистервеговъ и... Флаксмановъ.

1. Никогда не ходи на урокъ безъ подготовки.

7. Старайся все новое, что ты хочешь объяснить ученикамъ, привести въ связь съ тѣмъ, что уже извѣстно ученикамъ, но не касайся того, что будетъ проходиться въ старшихъ классахъ.

11. Урокъ слѣдуетъ начинать и оканчивать точь въ точь по расписанію.

12. Не начинай урока, пока всѣ ученики не сядутъ прямо, положивъ руки на столъ, держа спокойно ноги; слѣди за этимъ также и при всякой перемѣнѣ, происходящей во время урока.

13. Никогда не спрашивай: что вамъ сегодня задано?

14. Если задано что-нибудь наизусть, то спрашивай это въ началѣ урока.

16. Если ты разбираешь письменную работу, то начинай исправленіе ея только тогда, когда всѣ ученики по командѣ достанутъ тетради.

20. Не слѣдуетъ повторять правильныхъ отвѣтовъ учениковъ или говорить: вѣрно, прекрасно, хорошо и т. п.

31. Никогда не спрашивай того, чего ученики еще не могутъ знать.

34. Никогда не спрашивай: „поняли?“ Если ты предложишь такой вопросъ, то кто-либо присутствующій на урокѣ (?) непремѣнно подумаетъ, что ты и самъ увѣренъ въ томъ, что тебя не поняли, но что ты только отказываешься въ данную минуту дать надлежащее разъясненіе.

36. Не расхаживай по классу, но выбери себѣ разъ навсегда опредѣленное мѣсто. Не стой однако, какъ прикованный, на одномъ и томъ же мѣстѣ: всякій ученикъ долженъ быть увѣренъ, что ты во всякую минуту, если захочешь, можешь очутиться около него.

37. Не говори ничего не идущаго къ дѣлу, пока ты не сталъ твердой ногой въ классѣ, да и тогда позволяй себѣ это лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Не пытайся говорить остроты, но когда вполнѣ установишь свою репутацію между учениками, не бойся простой безыскусственной шутки.

Не оставляютъ прибалтійскаго народнаго учителя своими указа-

ніями на каждый случай и инспектора народныхъ училищъ. Учителю напоминается, что всякія собранія учителей безъ разрѣшенія начальства строжайше воспрещаются подъ угрозой административнаго взысканія; предписывается устроить праздникъ древонасажденія по установленному порядку и о послѣдующемъ увѣдомить; указывается, что циркуляры и предписанія инспекціи должны храниться въ школьномъ архивѣ подшитыми по годамъ въ крышки изъ папки; разъясняется, что русскихъ пѣсенъ должно разучивать въ годъ не менѣе десяти, при чемъ пѣніе на русскомъ языкѣ народнаго гимна, „Коль славенъ", „Славься, славься" и другихъ пѣсенъ патріотическаго содержанія является обязательнымъ и т. д. и т. д.

Мы подошли къ щекотливому вопросу о служебномъ положеніи начальнаго учителя въ прибалтійскомъ краѣ. Положеніе его, избранника населенія, должно бы a priori признать сравнительно болѣе или менѣе самостоятельнымъ. Такъ оно выходитъ и по закону, который требуетъ отъ инспектора народныхъ училищъ, чтобы онъ никогда не дѣлалъ учителю замѣчаній и даже совѣтовъ въ присутствіи учениковъ, но во всемъ своемъ обращеніи оказывалъ ему уваженіе и всякимъ образомъ старался утверждать учениковъ въ почтеніи къ учителю. (Св. Зак. т. XI, ч. I, стр. 3597, 3601). Но само собой понятно, что на практикѣ отношеніе инспекціи къ начальному учителю опредѣляется не этимъ habeas corpus прибалтійскаго учителя, а личными качествами инспектора и установившимися для всей остальной Россіи традиціями.

Что же касается собственно вліянія инспекторовъ на постановку учебнаго дѣла въ школѣ, то о нихъ приходится повторить то же самое, что выше сказано о наставникахъ учительскихъ семинарій. Попадая въ роль руководителей начальной прибалтійской школы изъ центральныхъ губерній, съ мѣста гимназическаго учителя или какой-нибудь административно-канцелярской должности, они оказываются совершенно незнакомыми съ тѣми условіями, въ какихъ имъ назначено дѣйствовать, и потому только время, опытъ, добрая воля да упорный трудъ могутъ сдѣлать изъ нихъ мало по малу полезныхъ для школы людей.

До какой степени легко руководители инородческой школы забываютъ, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло, видно уже изъ того, что въ нѣкоторыхъ школахъ края, конечно, не по почину учителя, требованія, предъявленныя къ ученикамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ таблицы уроковъ оказываются совершенно такими же, какъ въ чисто русской школѣ, гдѣ дѣти хорошо понимаютъ рѣчь учителя. И это явленіе, по официальному признанію, чаще наблюдается въ городскихъ школахъ, гдѣ, казалось бы, близость инспекторскаго надзора должна

была умѣрять увлекающагося учителя. Но и вообще программы школъ Рижскаго округа признаются учебнымъ начальствомъ очень серьезными. О томъ же свидѣтельствуютъ и цыфры.

Разсматривая статистическія данныя о числѣ учениковъ, окончившихъ курсъ начальной школы и вышедшихъ до окончанія курса, сначала невольно поражаешься блестящимъ положеніемъ Рижскаго округа и начинаешь думать, ужъ не способствуетъ ли успѣшности учениковъ низкій образовательный цензъ учителей. Въ самомъ дѣлѣ, общее число окончившихъ курсъ и вышедшихъ до окончанія въ школахъ Рижскаго округа почти одинаково, между тѣмъ въ другихъ округахъ число неокончившихъ выше числа окончившихъ въ $1^1/_2$, 2, 3 раза и болѣе: вообще для всей Россіи отношеніе числа окончившихъ курсъ къ общему числу учащихся ровно 9,9%, а вышедшихъ до окончанія курса—21%. Но разсматривая отдѣльно данныя по разнымъ типамъ школъ (1 классныя сельскія, 1 классныя городскія, 2 классныя сельскія и т. д.), мы находимъ, что вообще въ школахъ низшаго типа меньшее число учащихся доходитъ до конца курса, а большинство оставляетъ ихъ. Между тѣмъ въ Рижскомъ округѣ школы низшаго типа (сельскія одноклассныя) и даютъ наиболѣе благопріятныя числа (для всей Россіи окончившіе въ нихъ составляютъ около 10%, а выбывшіе болѣе 22% числа учащихся; въ Рижскомъ округѣ эти отношенія=20% и 14%). Такъ какъ большинство учащихся принадлежатъ къ ученикамъ именно этого типа школъ, то и понятно, что указанныя числа отражаются на всей суммѣ. Но зато, если разсмотрѣть далѣе числа по всѣмъ другимъ типамъ школъ, то оказывается, что для Россіи среднія отношенія окончившихъ курсъ и выбывшихъ до окончанія ко всему составу учащихся въ городскихъ школахъ и 2 классныхъ сельскихъ равны—23% и 20%, а въ Рижскомъ округѣ тѣ же отношенія—9% и 24%. (Данныя 1898 г.).

Что же это значитъ? То, что въ одноклассныхъ сельскихъ школахъ Рижскаго округа учащіеся стараются добраться до окончанія курса, но усваиваютъ его съ трудомъ и механически. На первыхъ ступеняхъ обученія, въ особенности при преподаваніи не на родномъ языкѣ, слабое развитіе учащихся не такъ замѣтно, и потому процентъ оканчивающихъ курсъ очень высокъ. Но потомъ, по мѣрѣ того какъ для усвоенія курса требуется больше развитія, обнаруживаются пробѣлы въ самыхъ основаніяхъ, да и инспекторскій надзоръ въ городѣ дѣлаетъ свое дѣло, и вотъ почему быстро падаетъ процентъ оканчивающихъ курсъ и повышается процентъ уходящихъ изъ школы до окончанія курса, конечно, главнѣйшимъ образомъ по безуспѣшности занятій.

Въ настоящее время идетъ работа по пересмотру школьныхъ программъ въ Рижскомъ округѣ. Желательно, чтобы онѣ были сокращены и исправлены согласно указаніямъ учительской практики; желательно, чтобы поменьше простора дано было канцелярскимъ соображеніямъ, и прежде всего, чтобы русскій языкъ и родной языкъ учащихся заняли свое подобающее мѣсто.

Значеніе родного языка въ первоначальномъ развитіи дѣтей прекрасно разъяснено нашими педагогами, напр., Ушинскимъ, который не понималъ, какъ можно устранить изъ обученія родной языкъ, посягать на его права. „Нѣтъ насилія болѣе невыносимаго", пишетъ онъ, „какъ то, которое желаетъ отнять у народа наслѣдство, созданное безчисленными поколѣніями его отжившихъ предковъ: вымеръ языкъ въ устахъ народа, вымеръ и народъ".

Но авторитетный голосъ великаго русскаго педагога забытъ русской прибалтійской, кажется, и вообще инородческой окраинной школой, гдѣ учителя, еле говорящіе по-русски, дѣтямъ, не понимающимъ по-русски, задаютъ уроки по учебникамъ на отвратительномъ русскомъ языкѣ. Духовное развитіе дѣтей ставится ни во что будто бы во имя государственныхъ потребностей Россіи, тогда какъ первая государственная потребность Россіи на окраинѣ—внушить инородцамъ мысль о ненарушимости законовъ, дающихъ имъ тѣ или другія гарантіи.

По *закону*. въ начальныхъ школахъ прибалтійскаго края „преподаваніе всѣхъ предметовъ производится на русскомъ, эстонскомъ или латышскомъ языкѣ, смотря по удобству, съ тѣмъ, что въ послѣдній годъ обученія на русскомъ языкѣ должно производиться преподаваніе всѣхъ предметовъ, кромѣ Закона Божія и церковнаго пѣнія".

Мѣстные комментаторы нашли, что этотъ законъ въ ущербъ истиннымъ цѣлямъ всякой инородческой школы понимается иногда неправильно, и предложили такое „правильное" толкованіе его. Такъ какъ въ законѣ не содержится запрещенія назначать въ инородческія школы природныхъ русскихъ учителей, не знающихъ родного языка учащихся, то, очевидно, законъ тѣмъ самымъ допускаетъ начинать преподаваніе въ инородческой школѣ прямо на русскомъ языкѣ. Но представляется цѣлесообразнымъ вести преподаваніе на русскомъ же языкѣ и такому учителю, который владѣетъ мѣстными языками. Наоборотъ, употребленіе родного языка, судя по опыту германскихъ и французскихъ инородческихъ школъ, препятствуетъ скорому и прочному усвоенію языка государственнаго. Находящееся въ законѣ выраженіе „смотря по удобству", по толкованію комментатора, предоставляетъ учебному начальству рѣшать во-

просъ, на какомъ языкѣ удобнѣе вести преподаваніе. Отсюда уже легко сдѣлать выводъ о *законномъ требованіи* съ перваго дня обученія изгнать изъ начальной школы родной языкъ учащихся. Это требованіе распространяется даже на учителей „не вполнѣ владѣющихъ русскимъ языкомъ". Если же ученики не усвоятъ курса начальной школы, то все-таки „вся вина падаетъ на учителя, который по нерадѣнію не сообщилъ учащимся знаній и умѣнья объясняться по русски, необходимыхъ для *точнаго выполненія закона.* Не найдетъ учитель оправданія для себя въ краткости учебнаго времени въ волостной школѣ и продолжительности каникулъ: старательный учитель, заботящійся о томъ, чтобъ исполнить законъ, найдетъ возможность и лѣтомъ собрать учениковъ не разъ, чтобъ повторить съ ними пройденное, чему не мало и теперь имѣется примѣровъ" (О цѣли и способѣ обученія инородцевъ государственному языку. Приложеніе къ № 4 циркуляровъ по Рижск. учебн. окр. за 1897 г., стр. 24, 25, 26, 35).

Въ курсъ, напр., географіи въ начальной прибалтійской школѣ входятъ такіе вопросы, какъ кустарный промыселъ, значеніе торговли для людей, значеніе рѣкъ и озеръ, видимое движеніе солнца, осеннее и весеннее равноденствіе, времена года, причина и значеніе вѣтровъ, высота воздушнаго слоя и различная теплота воздуха по мѣрѣ удаленія отъ земли, климатъ и причины, его обусловливающія, составъ Россійской имперіи, понятіе о верховной власти и т. д. и т. д., и по словамъ указанной офиціальной брошюры, такія географическія бесѣды по доступности содержанія могутъ быть ведены безъ всякихъ затрудненій на русскомъ языкѣ" (стр. 33—34). Разумѣется, такъ можно думать только человѣку, мало знакомому съ дѣлами.

Понацеею всяческихъ затрудненій, возникающихъ при обученіи на чужомъ языкѣ, признается на окраинѣ такъ назыв. натуральный методъ. Въ двухъ словахъ сущность его состоитъ въ томъ, что каждое слово чужого языка сообщается одновременно съ показываніемъ соотвѣтствующаго предмета, дѣйствія, явленія, и учащіеся тотчасъ же начинаютъ упражняться въ употребленіи новаго слова. Въ наглядности преподаванія и въ обиліи практическихъ упражненій состоитъ несомнѣнная польза этого метода, иммитирующаго естественный процессъ обученія дитяти родному языку. Но не нужно забывать, что знанія, накопляемыя ребенкомъ при естественномъ изученіи родного языка въ теченіе нѣсколькихъ первыхъ лѣтъ его жизни, при „натуральномъ" изученіи чужого языка должны быть пріобрѣтены въ нѣсколько мѣсяцевъ и притомъ не въ обстановкѣ разнообразныхъ впечатлѣній семьи, товарищескихъ игръ, прогулокъ,

улицы и проч., а въ четырехъ стѣнахъ школы, скудно обставленной наглядными пособіями. Съ помощью однихъ и тѣхъ предметовъ, напр., длинной, узкой, черной шерстяной ленты и короткой, широкой, красной шелковой ленты, учитель долженъ начинать усвоеніе всѣхъ этихъ словъ: длинный, короткій, узкій, широкій и т. д. Лучшая часть метода—упражненіе въ живомъ разговорѣ, не пострадала бы, если-бы во избѣжаніе недоразумѣній передъ каждымъ упражненіемъ русское новое слово переводилось на родной языкъ, но ортодоксальными „натуралистами" это не допускается. Отсюда возникаетъ постоянная путаница. Учитель, хлопая, напр., рукой по стѣнѣ, говоритъ: это стѣна. Ученики повторяютъ. Начинается указываніе другихъ стѣнъ, хожденіе къ стѣнѣ—все это сопровождается одиночными и хоровыми упражненіями („я иду къ стѣнѣ", „мы видимъ стѣну" и т. д.), а по окончаніи урока, при провѣркѣ оказывается, что нѣкоторые ученики, обративъ вниманіе на существенное отличіе классной стѣны отъ своей домашней, приняли слово „стѣна" за обозначеніе „обоевъ". Также, вмѣсто „нога", ученики разумѣютъ то, что надѣто на ноги; иду скоро, иду медленно, понимаютъ: иду направо, иду налѣво и т. д. Конечно, учителя практики и воздерживаются отъ перевода только при ревизорѣ, иначе ученики произвели бы вавилонское столпотвореніе, вмѣсто русскаго языка. Но иногда уже и совсѣмъ безъ перевода нельзя обойтись. Какъ, напр., добиться безъ перевода, чтобы ученики поняли смыслъ и оттѣнки каждаго слова въ простомъ стихѣ: Сквозь волнистые туманы пробирается луна?

Иной разъ энергичный ревизоръ въ такомъ случаѣ самъ принимается за дѣло и... увеличиваетъ количество веселыхъ анекдотовъ, которыхъ терпѣть не могутъ сторонники чистаго натуральнаго метода.

Для нѣмецкой и французской инородческой школы, на которую они ссылаются, существуетъ цѣлая литература по методикѣ преподаванія государственнаго языка, существуютъ хорошо приспособленные для этой цѣли учебники. У насъ же ничего нѣтъ, кромѣ перваго и незаконченнаго опыта руководства по натуральному методу, составленнаго К. Шельцелемъ, примѣнительно къ нѣмецкимъ училищамъ на югѣ Россіи. Для прибалтійскихъ начальныхъ учителей упомянутая выше брошюра „о цѣли и способахъ" даетъ, пользуясь нѣмецкими и французскими руководствами, легкій набросокъ плана занятій по натуральному методу, но не даетъ главнаго—указанія, какъ выполнить этотъ планъ. По этому плану въ теченіе первыхъ же десяти уроковъ учитель безъ помощи переводовъ долженъ ознакомить учениковъ со словами: отецъ, мать и т. д., сегодня, завтра,

никогда, когда-нибудь и т. д.; прилежный, послушный; еще, также, очень; болтать, мѣшать, возвращаться, забывать и т. д. Съ 20-го урока предполагаются сложныя упражненія въ живой рѣчи по такому, напр., образцу:

А! (фамилія ученика). Надуй обѣ щеки! Сдѣлай складки на лбу! Сдѣлай гримасу! Еще! Какъ ты безобразенъ! Смѣйся! Улыбнись! Плачь! Будь веселъ! Довольно! Садись на мѣсто! (стр. 15). Послѣ объясненія словъ. бутылка, ложка, сахаръ, откупорить, мѣшать, таять—учитель, по совѣту Caré, которому преимущественно слѣдуетъ брошюра, спрашиваетъ: „Кто хочетъ сахарной воды?“ и изъ числа поднявшихъ руки выбираетъ давшаго лучшіе отвѣты въ теченіе урока и поитъ его сахарной водой въ то время, какъ остальные ученики говорятъ хоромъ: „А. пьетъ сахарную воду!“—совсѣмъ французское récompense.

Но еще не успѣетъ учитель покончить съ этими полезными занятіями, какъ приходится приступить къ чтенію классной христоматіи, составленной почти безъ всякаго отношенія къ требованіямъ натуральнаго метода, и рѣшенію задачъ по задачнику, составитель котораго и не помышлялъ о нихъ. Тутъ-то и начинается господство своеобразныхъ пособій, вызванныхъ къ жизни условіями прибалтійской начальной школы и совершенно не поддающихся всѣмъ усиліямъ начальства изгнать ихъ—это словари и подстрочные переводы къ русскимъ книгамъ для класснаго чтенія. Ученики заучиваютъ ихъ наизусть передъ уроками, а тамъ уже, какъ угодно учителю — онъ можетъ и надувать щеки, и дѣлать складки на лбу, плакать и смѣяться.

На урокахъ ариѳметики въ первое время обученія, когда рѣшаются задачи одного типа и съ однимъ—двумя дѣйствіями, дѣло обстоитъ еще проще. Послѣ первыхъ задачъ ученики улавливаютъ схему дѣйствій, и ни учителю, ни ревизору не видно, понимаютъ ли всѣ задачу или нѣтъ. Напр., рѣшается задача: „У одного мальчика 20 орѣховъ, у другого на 4 больше. Сколько орѣховъ у обоихъ?“ Тутъ всѣ слова понятны для учениковъ, а задача рѣшается сознательно: 20+4=24; 20+24=44. Эта схема и усваивается. Въ слѣдующей задачѣ: „Брату 15 лѣтъ отъ роду, а сестрѣ на 7 лѣтъ, больше. Сколько лѣтъ обоимъ?“—нѣкоторыя слова (отъ роду, лѣтъ-сестрѣ) многимъ ученикамъ неизвѣстны, но соображая, что всѣ задачи въ теченіе урока рѣшаются одинаково, ученики поднимаютъ руки и увѣренно говорятъ: 37 лѣтъ.

Мы сами занимались въ начальной школѣ прибалтійскаго края и видѣли, какъ занимаются другіе, и знаемъ, какъ часто ускользаетъ

отъ вниманія учащаго чисто механическій характеръ ученической работы...

Рижскій учебный округъ занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ, въ поучительномъ сосѣдствѣ съ Варшавскимъ и Кавказскимъ округами, по развитію народныхъ чтеній и школьныхъ библіотекъ, открытыхъ и для пользованія взрослаго населенія. Народная масса все еще не понимаетъ русской книги и потому не посѣщаетъ русскихъ чтеній и не можетъ пользоваться русской библіотекой, но нельзя сказать, что она забываетъ родной языкъ: нѣтъ, но только вмѣсто хорошихъ, полезныхъ книгъ, хотя бы переводовъ русскихъ классиковъ, она насыщается издѣліями издателей въ родѣ нашихъ Манухиныхъ, вмѣсто же народныхъ аудиторій, призванныхъ въ Россіи бороться съ праздничнымъ разгуломъ, для нея остается та же корчма.

Что же надо сдѣлать, чтобы поднять начальную прибалтійскую школу?

Прежде всего нужно озаботиться созданіемъ такихъ условій, при которыхъ возродится интересъ общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ къ школьному дѣлу. Необходимо улучшеніе матеріальныхъ условій существующихъ школъ и преподавателей, необходимо открытіе новыхъ учебныхъ заведеній и между прочимъ одной или двухъ учительскихъ семинарій, а для этого нужны средства, на которыя врядъ ли можно разсчитывать безъ поддержки со стороны общества.

Нужно озаботиться подготовкой учителей для всѣхъ вообще учебныхъ заведеній края. Едва ли скоро найдутся средства на учрежденіе учительскаго института, но, казалось, можно бы приспособить для этой цѣли Юрьевскій университетъ, учредивъ при немъ каѳедры мѣстныхъ языковъ, мѣстной исторіи, а также каѳедры педагогики и методики разныхъ предметовъ. Къ слушанію этихъ спеціальныхъ курсовъ слѣдовало бы допускать лицъ, окончившихъ курсъ учительскихъ семинарій. Практическая подготовка этихъ будущихъ учителей среднихъ учебныхъ заведеній, помимо уроковъ въ городскихъ школахъ, могла бы заключаться въ лѣтнихъ самостоятельныхъ занятіяхъ и въ преподаваніи, такъ какъ въ округѣ есть начальныя школы, гдѣ нѣкоторые ученики занимаются и лѣтомъ. Это было бы похоже на практическія занятія студентовъ-технологовъ. Нужно основаніе центральнаго педагогическаго музея, коллекціи котораго можно было бы по мѣрѣ надобности получать на условіяхъ абонемента отдѣльнымъ школамъ—какъ теперь у коммиссіи народныхъ чтеній есть въ разныхъ мѣстахъ абонементы на картины къ фонарю. Наиболѣе экономно и полно можно было бы обставить этотъ музей, если бы и на другихъ окраинахъ имѣлись такіе музеи. Тогда воз-

моженъ былъ бы обмѣнъ такими предметами, какъ модели мѣстныхъ жилищъ, принадлежности мѣстной домашней обстановки, промысловъ, образцы почвы, флоры, фауны и проч.

Нужно организовать музеи и при учительскихъ семинаріяхъ. Семинаристы, пользуясь уроками ручного труда, сами могли бы понадѣлать нужныя вещи и для семинарскаго и для центральнаго музея и для своего будущаго школьнаго музея. Научныя экскурсіи, занятія садоводствомъ и пр. также могли бы облегчить составленіе музея. Это принесло бы много пользы преподаванію, способствуя наглядности, необходимой вдвойнѣ въ инородческой школѣ.

Для борьбы съ рецидивомъ безграмотности и неминуемымъ забываніемъ русскаго языка нужно умноженіе библіотекъ. Для учителей нужны центральныя библіотеки съ условіями льготной доставки книгъ по мѣсту жительства учителей. При центральной библіотекѣ полезенъ былъ бы складъ учебныхъ пособій, учениковъ и т. п. Нужно позаботиться объ осуществленіи мысли о періодическомъ изданіи, посвященномъ прибалтійской школѣ.

Для того же подъема духовныхъ интересовъ народныхъ учителей нужно облегчить условія совмѣстнаго обсужденія школьныхъ вопросовъ.

Учительскіе съѣзды, конечно, при нѣсколько иныхъ условіяхъ, чѣмъ это происходитъ теперь, принесли бы громадную пользу дѣлу инородческой школы, дѣлу еще весьма неясному и по существу мѣняющемуся: вѣдь каждый новый годъ, принося новые успѣхи для русскаго языка, создаетъ и новыя условія преподаванія. На учительскомъ съѣздѣ представители администраціи могли бы знакомиться со вновь нарождающими вопросами школьной практики, съ удачными ихъ рѣшеніями, и официіальная санкція пріемовъ, указанныхъ и одобренныхъ на съѣздѣ, замѣнила бы сухіе и безпочвенные циркулярные наказы.

Учительскіе съѣзды оказали бы весьма важное вліяніе на благопріятное рѣшеніе жгучаго вопроса объ учебникахъ. Они съ большею компетентностью, чѣмъ кто-либо другой, расцѣнивали бы существующіе учебники и вырабатывали бы желательный типъ новыхъ. О появленіи такихъ новыхъ учебниковъ отнюдь не слѣдуетъ заботиться инспекторамъ народныхъ училищъ, а нужно предоставить самимъ учителямъ больше простора въ преподаваніи. Производя опыты въ иномъ распредѣленіи матеріала, расширяя и сокращая тѣ или другіе отдѣлы существующихъ руководствъ, учитель практикъ, при условіи надлежащей и теоретической подготовки, вѣрнѣе всего можетъ подобрать составъ новаго хорошаго учебнаго руководства.

Учебный матеріалъ начальной школы нужно измѣнить въ трехъ отношеніяхъ:

1) нужно его сократить, чтобы онъ усваивался съ большей сознательностью, и обезпечить пополненіе пробѣловъ школьнаго ученья хорошо составленными школьными библіотеками;

2) согласно съ прямымъ смысломъ закона, въ первые годы обученія выбирать языкъ преподаванія, смотря по удобству для учащихся:

3) при изученіи русскаго языка оставить отъ натуральнаго метода его цѣнныя качества: наглядность и примѣнимость сообщаемаго матеріала къ живому разговору, но допустить переводъ на родной языкъ для сокращенія времени, для точной передачи смысла словъ и во избѣжаніе механическаго зубренія непонятныхъ выраженій;

4) отбросить всѣ постороннія дѣлу развитія и обученія тенденціи въ подборѣ и освѣщеніи предлагаемаго въ школѣ учебнаго матеріала.

Нужно какъ въ школьномъ, такъ и внѣшкольномъ образованіи поставить на первый планъ подъемъ народнаго просвѣщенія и нравственности, а не узкую задачу замѣны родного языка русскимъ. Школа обязана выбрать легчайшія средства для развитія ребенка— такимъ средствомъ на первыхъ порахъ обученія является родной языкъ; но школа должна позаботиться и о томъ, чтобы ея воспитанникъ не былъ чужимъ въ любомъ уголкѣ Россіи: для этого нужно изученіе Россіи и русскаго языка.

Одна школа можетъ, конечно, только положить основаніе для этого. Но сама жизнь должна завершать правильно поставленныя школою задачи. Уже теперь старики-инородцы часто проявляютъ желаніе, чтобы ихъ дѣти хорошо знали русскій языкъ. Но были бы въ краѣ земскія учрежденія, былъ бы судъ съ присяжными, была бы независимая, серьезная русская пресса—и это оказалось бы могучимъ стимуломъ къ изученію государственнаго языка. Теперь такія не зазорныя для насъ русскихъ и не обидныя для инородцевъ завоеванія дѣлаетъ русское искусство и наука. Разноплеменная рижская публика на Верещагинской выставкѣ, та же смѣсь этнографическихъ типовъ и языковъ на интересной русской лекціи, на представленіи въ русскомъ театрѣ пьесъ Л. Толстого, А. Толстого, Чехова, Горькаго и др., все чаще и чаще появляющіяся въ витринахъ нѣмецкихъ, латышскихъ и др. магазиновъ переводы русскихъ классиковъ и учащающаяся постановка въ нѣмецкомъ и др. театрахъ переводныхъ русскихъ пьесъ и оперъ—вотъ здѣсь настоящее сближеніе прибалтійскаго края съ центральной Россіей, здѣсь нѣмцы, оставаясь нѣмцами, латыши, оставаясь латышами, привыкаютъ называть своимъ все то, что дорого намъ русскимъ, здѣсь торжество „русской идеи“.

С. Золотаревъ.

Внѣшкольное народное образованіе на областной выставкѣ Сѣвернаго края въ г. Ярославлѣ *).

I.

Ярославская областная выставка дала много интересныхъ и цѣнныхъ данныхъ о положеніи внѣшкольнаго народнаго образованія въ земскихъ губерніяхъ вообще и въ особенности въ земскихъ губерніяхъ Сѣвернаго края. Было представлено достаточное число діаграммъ, картограммъ и другихъ экспонатовъ, характеризующихъ постановку, а также развитіе внѣшкольнаго народнаго образованія въ земскихъ губерніяхъ.

Самые цѣнные и богатые экспонаты по внѣшкольному образованію представила ярославская школьная коммиссія губернскаго земства. Она экспонировала діаграммы и картограммы не только объ Ярославской губерніи, но и собрала нѣкоторыя свѣдѣнія о 34-хъ земскихъ губерній, которыя и были представлены въ видѣ діаграммъ.

Въ противоположность земствамъ, города Сѣвернаго края ничего не представили на выставкѣ не только о внѣшкольномъ народномъ образованіи, но и вообще о народномъ образованіи. Такой „печальный" недочетъ особенно рѣзко бросался въ глаза въ громадномъ павильонѣ Ярославскаго городскаго управленія. Въ немъ было выставлено значительное число различныхъ картограммъ, діаграммъ и другихъ экспонатовъ, но не было ни одного предмета, который бы говорилъ посѣтителю выставки о постановкѣ народнаго образованія въ г. Ярославлѣ. Даже не имѣлось діаграммы распредѣленія расходовъ по статьямъ. Обозрѣватель павильона не могъ также узнать, какую часть своего бюджета ассигнуетъ ярославское городское управленіе на народное образованіе.

---

*) Статья эта представляетъ изъ себя переработанный и дополненный докладъ, который я, какъ членъ экспертной коммиссіи по народному образованію, читалъ на областной выставкѣ Сѣвернаго края въ г. Ярославлѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года.

Помимо земствъ внѣшкольное народное образованіе экспонировали просвѣтительныя общества. Но разсмотрѣніе данныхъ о дѣятельности просвѣтительныхъ обществъ и оцѣнка ихъ дѣятельности можетъ быть только предметомъ особой статьи *), такъ какъ экспонаты, представленные обществами, слишкомъ разнообразны, и дать нѣчто цѣльное и обобщающее о ихъ дѣятельности въ немногихъ словахъ невозможно.

II.

Сначала мы обратимъ наше вниманіе на общія свѣдѣнія о внѣшкольномъ образованіи всей земской Россіи (34 земскихъ губерній), представляемыя ярославской школьной коммиссіей на выставку, а затѣмъ перейдемъ къ ознакомленію съ данными земскихъ губерній Сѣвернаго края.

Разсмотримъ очень цѣнную діаграмму: „Смѣтные расходы *уѣздныхъ* земствъ въ 1903 г. на внѣшкольное образованіе въ ихъ отношеніи къ общему бюджету земствъ по народному образованію". Оказывается, что уѣздныя земства Харьковской губ. по расходамъ на внѣшкольное образованіе занимаютъ первое мѣсто; расходъ ихъ на этотъ видъ народнаго образованія составляетъ 10,8% всего бюджета на народное образованіе. Рядомъ съ уѣздными земствами Харьковской губерніи стоятъ уѣздныя земства Полтавской губерніи (расходующія 9,6%), Херсонской губерніи (расходующія 9,3%) и т. д. Послѣднее мѣсто въ отношеніи расходовъ на внѣшкольное образованіе принадлежитъ уѣзднымъ земствамъ Калужской и Бессарабской губерніи. Затраты этихъ земствъ на внѣшкольное образованіе слишкомъ незначительны—только 0,2% въ Бессарабской губерніи, а въ Калужской губерніи — 0,4%. Въ абсолютныхъ цыфрахъ уѣздныя земства Полтавской губ. на внѣшкольное образованіе въ 1903 г. ассигновали 59.457 руб., Харьковской губ. — 56 т. руб., а уѣздныя земства Бессарабской губерніи—всего 400 руб.

Что касается затратъ па внѣшкольное образованіе уѣздныхъ земствъ тѣхъ губерній, которыя входили въ районъ выставки Сѣвернаго края, то мы видимъ слѣдующую картину. Уѣздныя земства сѣвернаго района не особенно много расходуютъ на внѣшкольное образованіе, нѣкоторыя же изъ нихъ стоятъ въ этомъ отношеніи совсѣмъ на заднемъ планѣ среди земствъ другихъ губерній. Уѣздныя земства Владимірской губерніи занимаютъ 31-ое мѣсто изъ всѣхъ 34-хъ земскихъ губерній, а расходъ ихъ равенъ только 1,0%,

*) Н. П. Бѣлоконскій въ своей статьѣ, помѣщенной во второй книгѣ „Рус. Шк." за текущій годъ, уже въ общихъ чертахъ далъ описаніе большинства просвѣтительныхъ обществъ, участвовавшихъ въ выставкѣ.

земства Нижегородской губерніи тратятъ 2,3%, Тверской губерніи—2,8%, Костромской губ.—4,4%, Ярославской губ.—4,5%, Вологодской губ.—4,8% (10-е мѣсто—среди другихъ земствъ) и, наконецъ, Курской губ.—5,2%.

Уѣздныя земства всѣхъ земскихъ губерній на 1903 г. сдѣлали ассигновку на внѣшкольное народное образованіе въ размѣрѣ 690 тысячъ рублей. Эта цыфра составитъ 4,5% общаго бюджета на народное образованіе всѣхъ уѣздныхъ земствъ, равнаго 15.544.252 рубля.

Кромѣ только что разобранной нами діаграммы, школьная коммиссія Ярославскаго губернскаго земства представила на выставку еще другую весьма интересную діаграмму: „Ассигнованіе 34-хъ *губернскихъ* земствъ на внѣшкольное образованіе въ 1903 г." (въ абсолютныхъ цыфрахъ). Смѣтные расходы губернскихъ земствъ въ 1903 г. выразились суммою 219.432 руб., т. е. 5,8% общаго бюджета на народное образованіе губернскихъ земствъ. Въ среднемъ на 1 земскую губернію расходъ этотъ равенъ 6.453,9 руб. Почти половину вышеназванной суммы (106 т. руб.) губернскія земства расходуютъ на народныя библіотеки (въ среднемъ на 1 земскую губернію приходится 3.128 руб.). Помимо устройства и содѣйствія къ развитію народныхъ библіотекъ, губернскія земства оказываютъ поддержку и другимъ видамъ внѣшкольнаго образованія народа. Въ 1903 г. земства ассигновали еще средства на слѣдующее: 1) воскресныя школы, вечерніе и повторительные курсы и классы (въ среднемъ на 1 земскую губернію — 749,9 руб.); 2) на благотворительныя общества, преслѣдующія просвѣтительныя цѣли (787,5 руб.); 3) на просвѣтительныя общества (737,4 руб.); 4) на народныя чтенія (623,2 руб.); 5) на музыкальные и артистическіе кружки (292,5 руб.); 6) на городскія и общественныя библіотеки (73,5 руб.).

Расходы каждаго губернскаго земства въ отдѣльности на внѣшкольное образованіе слишкомъ различны. Въ то время, какъ Вятское земство *) на внѣшкольное образованіе ассигновало на 1903 г. 33.575 руб., Московское—17.300 руб., Харьковское—17.300 руб. и т. д., затраты Смоленскаго земства на нужды внѣшкольнаго образованія должны быть равны 350 руб., или почти въ 100 разъ менѣе Вятскаго земства.

Губернскія земства сѣвернаго района въ отношеніи расходовъ на внѣшкольное народное образованіе стоятъ высоко. На этотъ

*) Это земство изъ всего бюджета ассигновало на народное образованіе въ 1903 году 23,3%, Воронежское — 20,7%, Харьковское—17,2%, Вологодское—17,0% и т. д. въ нисходящемъ порядкѣ.

предметъ всего менѣе ассигновали такія земства: Костромское—3.800 руб., Тверское—3.825 руб. — имъ принадлежитъ 19-е и 18-е мѣсто среди другихъ земствъ. Затѣмъ идутъ въ восходящемъ порядкѣ по размѣру ассигновокъ слѣдующія земства: Новгородское (4.825 руб.), Нижегородское (6.480 руб.), Владимірское (6.600 руб.), Ярославское (8.250 руб.), Курское (9.100 руб.) и Вологодское (13.184 руб.): послѣднее земство находится на 5-мъ мѣстѣ.

Для болѣе правильнаго представленія о размѣрахъ расходовъ на внѣшкольное народное образованіе губернскихъ земствъ, мы разсмотримъ третью діаграмму: „Расходы *губернскихъ* земствъ на внѣшкольное образованіе въ процентахъ къ общему бюджету на народное образованіе“. Оказывается—на основаніи этой діаграммы,—что въ процентномъ отношеніи всего болѣе даютъ на внѣшкольное образованіе слѣдующія земства: Таврическое (36,1%), Пензенское (30,3%), Саратовское (29,2%), Ярославское (20,2%) и т. д. Послѣднее мѣсто въ нисходящемъ порядкѣ занимаютъ Херсонское, Самарское и Бессарабскія губернскія земства; процентъ расходовъ на внѣшкольное образованіе падаетъ у послѣдняго земства до 0,5. Большинство губернскихъ земствъ, экспонировавшихъ на выставкѣ, имѣютъ высокій процентъ расходовъ на внѣшкольное образованіе и являются послѣ Ярославской губерніи первенствующими: Вологодская (13%), Нижегородская (11,8%), Костромская и Курская (6,8%), Новгородская (5,6%), Тверская (5,3%) и только Владимірская (4,7%) стоитъ на 19-мъ мѣстѣ.

Таковы общія свѣдѣнія, представленныя на выставкѣ, о расходахъ на внѣшкольное народное образованіе уѣздныхъ и губернскихъ земствъ. Приведенныя цыфры указываютъ намъ на то обстоятельство, что земства обратили свое вниманіе на внѣшкольное образованіе и ассигнуютъ на эту отрасль народнаго образованія значительныя суммы. Десять лѣтъ тому назадъ ассигновки земствъ, какъ уѣздныхъ, такъ и губернскихъ, были самыя ничтожныя. А нѣкоторыя уѣздныя, а также губернскія земства не расходовали средствъ на внѣшкольное образованіе. За послѣднее десятилѣтіе земства имѣли большое значеніе въ дѣлѣ развитія внѣшкольнаго народнаго образованія въ Россіи. Это подтверждаютъ цыфровыя данныя о количествѣ библіотекъ, находящихся въ *земскихъ* и *неземскихъ* губерніяхъ. По свѣдѣніямъ министерства народнаго просвѣщенія*) въ 1898 г.

*) „Статистическія свѣдѣнія по начальному образованію въ Россійской Имперіи“. Вып. I. (Данныя 1898 г.) СПБ. 1900 г. Къ сожалѣнію, эти свѣдѣнія не полны и не точны, напр., относительно Ярославской, Владимірской и др. губерній.

числилось въ земской Россіи, въ 34 губерніяхъ, 2.098 школьныхъ публичныхъ библіотекъ (при школахъ) и 3.002 народныхъ читаленъ, всего 5.100 библіотекъ, или на 1 библіотеку приходится 12.000 жителей обоего пола; въ 14 неземскихъ губерніяхъ Европейской Россіи насчитывалось въ томъ году 1.657 библіотекъ (873 школ.+784 читаленъ), или 1 библіотека приходится на 17.000 жителей, а въ Волынской губерніи на 1 народную библіотеку приходилось почти 500.000 жителей. Но эти цыфровыя данныя весьма устарѣли. Въ настоящее время разница въ количествѣ народныхъ библіотекъ въ земскихъ и неземскихъ губерніяхъ должна быть гораздо значительнѣе, потому что за послѣднія 5 лѣтъ открыто въ земскихъ губерніяхъ тысячи новыхъ народныхъ библіотекъ. Ниже мы приведемъ цыфровыя данныя о ростѣ народныхъ библіотекъ по годамъ въ сѣверныхъ губерніяхъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы остановимся на положеніи библіотечнаго дѣла и народныхъ чтеній по преимуществу въ земскихъ губерніяхъ Сѣвернаго края, земства которыхъ представили данныя на выставку по этому предмету. Относительно другихъ видовъ внѣшкольнаго народнаго образованія на выставкѣ въ „Земскомъ отдѣлѣ“ не было экспонатовъ.

III.

Въ этой главѣ мы охарактеризуемъ положеніе народныхъ библіотекъ въ 8 земскихъ губерніяхъ, которыя принимали участіе въ выставкѣ. Шесть изъ нихъ относятся къ району Сѣвернаго края, а двѣ (Курская и Нижегородская) выходятъ за его предѣлы. Всѣ названныя земства представили очень цѣнныя данныя о народныхъ библіотекахъ. Правда, представленные матеріалы собраны не по одному плану. Несмотря на это, мы можемъ и на основаніи такихъ данныхъ нарисовать болѣе или менѣе подробную картину положенія библіотечнаго дѣла въ 8 губерніяхъ. Но прежде чѣмъ переходить къ частностямъ, мы отмѣтимъ и подчеркнемъ одинъ весьма важный фактъ: число народныхъ библіотекъ за послѣднія 10 лѣтъ чрезвычайно возросло.

Въ дѣлѣ развитія народныхъ библіотекъ въ Россіи сыгралъ громадную роль петербургскій комитетъ грамотности. Онъ далъ сильный толчекъ развитію библіотечнаго дѣла. Въ 1893 году 52 члена комитета представили мотивированное заявленіе въ совѣтъ комитета о необходимости открыть сборъ пожертвованій на устройство безплатныхъ народныхъ читаленъ-библіотекъ. Они предлагали комитету внести въ смѣту 1894 года особую сумму въ 25.000 руб. на снабженіе книгами 100 безплатныхъ народныхъ библіотекъ-читаленъ.

Это заявленіе было прочитано 13-го декабря 1893 г. на общемъ собраніи членовъ комитета и было принято единогласно собраніемъ. Осенью 1894 года совѣтъ разослалъ разнымъ лицамъ и учрежденіямъ по необъятной Россіи въ 60.000 экземпляровъ особыя воззванія о сборѣ пожертвованій на устройство народныхъ читаленъ-библіотекъ. Въ отвѣтъ на эти воззванія стали поступать изъ разныхъ мѣстностей Россіи пожертвованія, хотя и небольшими суммами, но числомъ ихъ было много.

Ожиданія и надежды комитета вполнѣ оправдались. Къ концу 1895 г. на устройство народныхъ библіотекъ поступило пожертвованій въ распоряженіе комитета 34.640 руб.

Помимо сбора пожертвованій совѣтъ составилъ и издалъ уставъ для читаленъ-библіотекъ, открываемыхъ земствами, сельскими обществами и частными лицами. Эти уставы вмѣстѣ съ спискомъ книгъ для народныхъ библіотекъ на разныя суммы вошли въ брошюру, которая въ продолженіе года вышла тремя изданіями въ количествѣ 25.000 экземпляровъ. Этотъ фактъ указываетъ на громадную потребность, существовавшую тогда на подобнаго рода изданія.

Признавая, что *только земство можетъ организованно* содѣйствовать внѣшкольному образованію, комитетъ, въ лицѣ совѣта, обратился лѣтомъ 1894 г. ко всѣмъ земскимъ управамъ съ обстоятельнымъ докладомъ объ учрежденіи народныхъ читаленъ-библіотекъ. Земства внимательно и всесторонне обсудили вопросъ объ учрежденіи народныхъ библіотекъ-читаленъ при содѣйствіи комитета. По этому вопросу у совѣта съ земскими управами возникла большая переписка, происходившая въ продолженіе 1894 и 1895 годовъ. Болѣе $^2/_3$ земствъ изъявили согласіе получить книги на условіяхъ, предложенныхъ комитетомъ грамотности. Главное изъ этихъ условій таково: обезпеченіе библіотеки подходящимъ помѣщеніемъ и средствами для дальнѣйшаго ея существованія.

Зимой и лѣтомъ 1895 г. комитетъ разослалъ 110 комплектовъ книгъ (каждый стоимостью въ 250 руб.) въ *30 земскихъ губерній*. Въ томъ числѣ: въ Владимірскую (1 биб.), въ Вологодскую (1 биб.), въ Курскую (7 биб.), Нижегородскую (2 биб.), въ Новгородскую (7 биб.), въ Тверскую (5 биб.), Ярославскую (3 биб.).

Въ концѣ 1894 г. выяснилось, что иниціатива комитета поставила на очередь учрежденіе читаленъ-библіотекъ далеко въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ устройство тѣхъ 100 читаленъ, на которыя комитетъ производилъ сборы. Оказалось, что земства въ 1894 г. сдѣлали постановленія объ открытіи болѣе 500 библіотекъ. Въ то же время нѣкоторыя губернскія земства нашли возможность принять участіе въ организаціи народныхъ читаленъ-библіотекъ.

Такъ поступили земства: Саратовское, Смоленское, Новгородское (ассигновавшее на читальни 11.000 руб.), Пензенское (3.600 руб.), Костромское (3.000), Ярославское (3.000 руб.), Черниговское (60.000 руб.) и т. д.

Опытъ, произведенный комитетомъ, убѣдилъ его въ томъ, что естественно было-бы переложить роль, которую игралъ комитетъ (снабженіе книгами читаленъ, удовлетворяющихъ поставленнымъ комитетомъ требованіямъ), на губернскія земства. Дѣло комитета было дать первый толчокъ движенію; продолжать его на мѣстахъ было всего естественнѣе мѣстнымъ центральнымъ общественнымъ учрежденіямъ—губернскимъ земствамъ, среди которыхъ все болѣе и болѣе начинало признаваться необходимымъ принять участіе въ попеченіи о внѣшкольномъ образованіи народа *).

Не мало было сдѣлано также для развитія библіотечнаго дѣла московскимъ комитетомъ грамотности и тамбовскимъ обществомъ по устройству народныхъ чтеній; при содѣйствіи послѣднихъ было открыто въ теченіе 1895—1897 г. 436 библіотекъ.

Такимъ образомъ, значеніе и вліяніе петербургскаго комитета грамотности и губернскихъ земствъ въ развитіи библіотечнаго дѣла громадно. Этотъ выводъ вполнѣ опредѣленно и ярко подкрѣпляетъ библіотечная статистика.

Въ 50 губ. Европейской Россіи, по даннымъ статистическаго комитета **), число библіотекъ увеличивалось въ такомъ порядкѣ:

Въ	1886	году	было	библіотекъ	630
„	1890	„	„	„	673
„	1894	„	„	„	793
„	1896	„	„	„	3.073

Изъ приведенныхъ цыфръ видно, что до 1890 г. въ среднемъ въ годъ открывалось 11 библіотекъ, послѣ 1890 года по 30 библіотекъ въ годъ, а въ слѣдующіе 2 года, благодаря дѣятельности с.-петербургскаго комитета грамотности и главнымъ образомъ губернскихъ земствъ, было открыто въ среднемъ по 1.140 библіотекъ въ годъ.

Удѣливши достаточно мѣста характеристикѣ дѣятельности вышеназванныхъ общественныхъ учрежденій въ дѣлѣ развитія народныхъ библіотекъ-читаленъ, мы переходимъ къ описанію библіотечнаго дѣла въ Сѣверномъ краѣ, а также въ Нижегородской и Курской губерніяхъ, земства которыхъ представили на выставку экспонаты по этому вопросу.

*) „Вѣст. Восп.“ за 1898 г., № 3.

**) „Сборникъ статист. свѣдѣній по Россіи 1896 г.“ СПБ. 1897 г.

Изъ губернскихъ земствъ Сѣвернаго края самыя подробныя данныя. какъ мы сказали выше, представила на выставку школьная коммиссія ярославскаго губернскаго земства. Кромѣ того, нужно отмѣтить экспонаты о народныхъ библіотекахъ курскаго губернскаго земства.

Діаграммы о развитіи народныхъ библіотекъ въ земскихъ губерніяхъ Сѣвернаго края указываютъ на быстрое увеличеніе числа библіотекъ за послѣднія 10 лѣтъ. Въ Ярославской губерніи въ 1891 году не существовало ни одной библіотеки; десять лѣтъ тому назадъ насчитывалось 6 библіотекъ; черезъ 5 лѣтъ, т. е. въ 1898 г. ихъ было почти въ 10 разъ больше (59 биб.), а въ половинѣ 1903 года—100 библіотекъ *). Точно такой-же прогрессъ мы замѣчаемъ въ развитіи народныхъ библіотекъ и во Владимірской губерніи. Въ этой губерніи въ 1895 г. было только 7 библіотекъ, спустя 5 лѣтъ число ихъ увеличилось почти въ 15 разъ (104 биб.), а въ 1903 году населеніе Владимірской губерніи пользовалось книгами изъ 150 народныхъ библіотекъ. Особенно характерный примѣръ въ отношеніи развитія библіотечнаго дѣла представляетъ Вологодская и Новгородская губерніи. Въ первой къ началу 1903 года насчитывалось 219 народныхъ библіотекъ **), изъ коихъ большая половина открыта въ послѣдніе два года; во второй, только при посредствѣ книжнаго склада губернскаго земства было устроено за послѣднія 5 лѣтъ (1898—1902 г.) 150 народныхъ библіотекъ ***); изъ нихъ 79 библіотекъ открыты на средства комитета попечительства о народной трезвости. Быстро развиваются народныя библіотеки и въ Тверской губерніи, а также въ Костромской; въ началѣ 1903 г. въ Тверской губ. было 139 библіотекъ, а въ Костромской 98 библіотекъ. Число библіотекъ въ Нижегородской губерніи равно 80, въ Курской-же губерніи—114.

Такимъ образомъ, приведенныя цыфры намъ указываютъ на чрезвычайное, даже колоссальное развитіе библіотечнаго дѣла за послѣднія 10 лѣтъ въ вышеназванныхъ нами губерніяхъ. Въ 1893 г. въ 6 земскихъ губерніяхъ Сѣвернаго края (Тверской, Ярославской, Новгородской, Костромской, Владимірской, Вологодской) насчитывалось не болѣе *40 библіотекъ*, въ началѣ же 1903 года ихъ функ-

*) Въ концѣ 1903 г. въ Ярославской губ. было уже 108 библіотекъ, а въ началѣ текущаго года предположена къ открытію еще 21 библіотека.

**) Въ началѣ 1904 г. число существующихъ и предположенныхъ къ открытію библіотекъ въ Вологодской губерніи равняется *465*.

***) На выставкѣ была представлена „Схематическая карта народныхъ библіотекъ въ Новгородской губерніи, устроенныхъ при посредствѣ книжнаго склада губернскаго земства въ теченіе 5 лѣтъ (1898—1902 г.).

ціонировало не менѣе *856 библіотекъ* *), т. е. число библіотекъ увеличилось въ 21 разъ.

Такой громадный ростъ народныхъ библіотекъ главнымъ образомъ обязанъ дѣятельности въ этомъ направленіи губернскихъ земствъ и отчасти уѣздныхъ земствъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ за послѣдніе 2 года принимаютъ участіе въ устройствѣ и развитіи народныхъ безплатныхъ библіотекъ комитеты попечительства о народной трезвости. Всѣ губернскія земства Сѣвернаго края ассигнуютъ особыя средства на выдачу пособій для устройства народныхъ библіотекъ. При томъ пособія эти выдаются, въ большинствѣ случаевъ, условно, т. е. если уѣздное земство или частное лицо, или сельское общество, или какое-либо другое учрежденіе въ свою очередь дастъ библіотекѣ такое же пособіе. Вологодское губернское земство на 1903 годъ ассигновало на устройство народныхъ безплатныхъ библіотекъ 12.241 руб., столько же внесли въ смѣту всѣ уѣздныя земства губерніи. Губернское земство даетъ каждому уѣздному земству такую сумму на народныя библіотеки, какую послѣднее само ассигнуетъ. Слѣдовательно, вологодское губернское земство и уѣздныя земства на народныя библіотеки въ 1903 г. израсходуютъ около 25 тысячъ руб.

Новгородское губернское земство **) въ 1902 г. году затратило условно на устройство народныхъ библіотекъ 1.000 руб. (по 125 руб. на каждую), частныя лица—2.963 р. и уѣздныя земства 4.056 р.; всего израсходовано на содержаніе народныхъ библіотекъ 8.019 руб. съ копейками. На 1903 г. новгородское губернское земство уже ассигновало 2.375 руб.

Ассигновки на 1903 г. другихъ губернскихъ земствъ на народныя библіотеки достигаютъ слѣдующихъ цыфръ: тверское — 1.275 руб., костромское—2.200 руб., нижегородское—2.900 руб., владимірское—4.000 руб., ярославское—4.300 руб., курское — 5.205 руб. Уѣздныя земства первой губерніи внесли въ смѣту на народныя библіотеки-читальни 15.308 руб. Изъ 12 уѣздныхъ земствъ только 2 земства (зубцовское и кашинское) ничего не ассигновали на библіотеки ***).

Итакъ, земство дѣлаетъ очень много для развитія библіотечнаго дѣла. Народныя библіотеки появляются все въ новыхъ и новыхъ

*) Въ началѣ текущаго года число народныхъ библіотекъ въ 6 земскихъ губерніяхъ Сѣвернаго края должно *быть около 1.200.*

**) Докладъ Новгородской губернской земской управы Новгородскому губернскому земскому собранію очередной сессіи 1902 г. по внѣшкольному народному образованію.

***) Доклады Тверской губернской земской управы по народному образованію Тверскому губернскому земскому собранію 1902 года.

пунктахъ. Нѣкоторыя уѣздныя земства (Тверское, Бѣжецкое, Весьегонское) выработали даже библіотечныя сѣти, которыя и были представлены на выставкѣ въ видѣ картограммъ. Радіусъ библіотечнаго района взятъ въ 5 верстъ. Тверской уѣздъ располагалъ въ 1903 г. 35 библіотеками. Но для удовлетворенія нужды въ библіотекахъ всего населенія уѣзда, тверская уѣздная управа считаетъ необходимымъ открыть еще 21 библіотеку съ меньшимъ радіусомъ, въ 4 версты.

Что касается внѣшнихъ условій, тормозящихъ дѣло развитія народныхъ библіотекъ, то въ докладахъ управъ, представленныхъ на выставкѣ, можно найти много указаній на ограниченный выборъ книгъ въ безплатныхъ народныхъ библіотекахъ, обусловленный министерскимъ каталогомъ. Дѣйствительно, изъ 994 періодическихъ изданій, выходившихъ въ 1903 году, допущено въ безплатныя библіотеки 72 періодическихъ изданія (7,2 проц.). Изъ этого числа—9 (0,9 проц.) дѣтскихъ журналовъ, 19 журналовъ общелитературнаго содержанія (1,9 проц.) и 44 періодическихъ изданія (4,4 проц.) спеціальнаго содержанія. Небольшой процентъ вновь выходящихъ книгъ допускается въ народныя библіотеки. Приведемъ нѣкоторыя цыфры. Въ 1895 г. вышло въ свѣтъ 8.699 названій на русскомъ языкѣ (книгъ и брошюръ), въ 1898 г.—9.526 названій, въ 1901 г.—10.318 названій. Въ народныя библіотеки въ 1896 году допущено 301 названіе; въ 1897 г.—247 названій, въ 1898 г.—600 названій въ 1899 г.—282 названія, съ 1-го января по 1-е іюля 1900 г. —237 названій; съ 1-го іюля 1900 г. по 1-е іюля 1902 г.—1.825 названій. Въ среднемъ ежегодно за послѣдніе годы издавалось 9.514 названій, а допускалось 537, или около 6 проц. всѣхъ вновь выходящихъ на русскомъ языкѣ книгъ и брошюръ. Вполнѣ понятно, что благодаря такому незначительному проценту допущенныхъ книгъ въ народныя библіотеки, читатели этихъ библіотекъ скоро перечитываютъ находящіяся въ нихъ книги, а потому часто приходится слышать завѣдующимъ библіотеками жалобы на недостатокъ выбора книгъ въ народныхъ библіотекахъ-читальняхъ.

Мы не будемъ останавливаться на отдѣльныхъ діаграммахъ, характеризующихъ ту или другую сторону библіотечнаго дѣла. Эти діаграммы, представленныя нѣкоторыми земствами, заключаютъ интересныя данныя, но ихъ, къ сожалѣнію, нельзя обобщить по всѣмъ земствамъ сѣвернаго края: составлялись такія діаграммы по различнымъ программамъ. Даже такой важный показатель положенія библіотечнаго дѣла, какъ число жителей, приходящихся на 1 народную библіотеку, можно было найти только на діаграммахъ 3-хъ губернскихъ земствъ.—Оказывается, что въ Ярославской губерніи приходится

около 12.000 жителей на 1 биб., въ Владимірской губ.—10.000 жит. и въ Вологодской губ.—около 6.000 жит.

Въ виду этого экспертная коммиссія по отдѣлу народнаго образованія, засѣдавшая на выставкѣ въ Ярославлѣ 7—8 сентября прошлаго года, пришла къ заключенію, чтобы на слѣдующихъ выставкахъ по народному образованію данныя о народныхъ библіотекахъ представлялись по болѣе *однообразной программѣ*. Коммиссія приняла предложенную докладчикомъ програму наиболѣе важныхъ вопросовъ (съ нѣкоторыми дополненіями), по которымъ было бы желательно собирать свѣдѣнія о положеніи народныхъ библіотекъ и ихъ развитіи въ земскихъ губерніяхъ и представлять такія свѣдѣнія на выставкахъ по народному образованію. Въ эту програму входятъ слѣдующіе пункты:

1) Ростъ числа народныхъ библіотекъ по годамъ въ губерніи.

2) Сѣть народныхъ библіотекъ по уѣздамъ (какъ это было сдѣлано на картограммѣ по Тверскому уѣзду).

3) Сколько жителей обоего пола приходится на 1 народную библіотеку по уѣздамъ и по губерніи.

4) Сколько пространства, въ квадратныхъ верстахъ, приходится на 1 библіотеку.

5) Общее число книгъ (названій и томовъ) во всѣхъ библіотекахъ уѣзда, губерніи. Среднее число томовъ книгъ, приходящихся на 1 библіотеку, по уѣздамъ, по губерніи.

6) Общая стоимость книгъ, находящихся въ библіотекахъ, по уѣздамъ, по губерніи. Средняя стоимость книгъ въ 1 библіотекѣ по уѣздамъ, по губерніи.

7) Распредѣленіе книгъ въ библіотекахъ по отдѣламъ (въ %%-хъ), по уѣздамъ, по всей губерніи.

8) Общее число подписчиковъ—во всѣхъ библіотекахъ: мужчинъ, женщинъ, всего. Среднее количество подписчиковъ, приходящееся на 1 библіотеку, по уѣздамъ, по губерніи.

9) Общее число выданныхъ книгъ во всѣхъ библіотекахъ по уѣздамъ, по губерніи. Среднее число выданныхъ книгъ изъ 1 библіотеки по уѣздамъ, по губерніи. Среднее число выданныхъ книгъ на 1 подписчика по уѣзду, по губерніи.

10) Распредѣленіе читателей по полу (мужчинъ, женщинъ), по возрасту (малолѣтніе, подростки, взрослые), по образованію (учащіеся, кончившіе курсъ школы, некончившіе курсъ школы) и по занятіямъ (земледѣлецъ-крестьянинъ, фабричный рабочій и т. д.).

11) Процентъ участія въ матеріальномъ содержаніи народныхъ библіотекъ земствъ, сельскихъ обществъ, частныхъ лицъ, просвѣтительныхъ учрежденій и пр. по уѣздамъ, по губерніи. Распредѣ-

леніе библіотекъ по учрежденіямъ, которыя ихъ открыли и которыя даютъ средства на ихъ существованіе.

12) Средній годовой приходъ и расходъ на 1 библіотеку съ возможной ихъ детализацiей по уѣздамъ, по губерніи.

13) Статистика читаемости по отдѣламъ, по авторамъ въ уѣздахъ, во всей губерніи.

14) Кто завѣдуетъ библіотекой? Составъ завѣдующихъ — отвѣтственныхъ лицъ по уѣздамъ, по губерніи (въ %%-хъ).

15) Получаютъ ли жалованье библіотекари, а если получаютъ, то сколько? Средній размѣръ жалованья по уѣздамъ, по губерніи. Кто состоитъ библіотекаремъ.

16) Число читаленъ-библіотекъ и просто библіотекъ по уѣздамъ, по губерніи.

17) Имѣетъ ли библіотека свое собственное помѣщеніе, а если нѣтъ, то гдѣ она находится: при училищѣ, при волостномъ правленіи и т. д. Общія цыфровыя данныя относительно этого вопроса по уѣздамъ, по губерніи.

18) Число дней въ году, въ продолженіе которыхъ библіотеки открыты для выдачи книгъ по каждому уѣзду, по всей губерніи. Среднее число такихъ дней, приходящихся на 1 библіотеку въ каждомъ уѣздѣ во всей губерніи.

Помимо этого, экспертная коммиссія сдѣлала слѣдующее постановленіе.

Желательно, чтобы тѣ земства, которыя не ведутъ библіотечной статистики, производили хотя бы черезъ 5 лѣтъ обслѣдованія народныхъ библіотекъ.

Переходимъ теперь къ народнымъ чтеніямъ. Публичныя народныя чтенія—явленіе еще болѣе позднее, чѣмъ народныя библіотеки. Народныя чтенія въ Сѣверномъ краѣ, какъ и въ другихъ земскихъ губерніяхъ, развились исключительно за послѣднія 5 лѣтъ. Съ облегченіемъ условій устройства народныхъ чтеній, т. е. съ изданіемъ правилъ о народныхъ чтеніяхъ, утвержденныхъ 28-го января 1901 г., число народныхъ чтеній и аудиторій быстро растетъ. Дѣлу развитія народныхъ чтеній, главнымъ образомъ, содѣйствовали губернскія земства и отчасти уѣздныя земства. Впрочемъ, послѣдніе два года устраиваютъ народныя чтенія и попечительства о народной трезвости.

Расходы губернскихъ земствъ на народныя чтенія въ 1903 г. выражаются въ слѣдующихъ цыфрахъ: костромское земство ассигновало 300 руб., вологодское—500 руб., новгородское—1.100 руб., тверское—1.150 руб., владимірское—1.600 руб. Нижегородское земство тоже ассигновало значительную сумму—1.500 руб. Что касается яро-

славскаго губернскаго земства, то оно на народныя чтенія въ текущемъ году дало 2.100 руб. коммиссіи по устройству народныхъ чтеній общества содѣйствія народному образованію въ Ярославской губерніи.

Судя по тѣмъ даннымъ, которыя были представлены на выставку, наибольшее распространеніе народныя аудиторіи получили въ Ярославской губерніи. Къ началу 1903 г. насчитывалось 201 аудиторія, которыя пользовались услугами коммиссіи народныхъ чтеній названнаго общества *). Коммиссія эта организовалась и развила свою дѣятельность исключительно благодаря матеріальной поддержкѣ губернскаго земства. Во всѣхъ аудиторіяхъ въ 1902 году было прочитано 2.508 чтеній-брошюръ; на этихъ чтеніяхъ перебывало около 180.000 посѣтителей.

Въ Новгородской губерніи народныя чтенія становятся мало-помалу на твердую почву **). Начиная съ 1899 года, губернское земское собраніе ассигнуетъ ежегодно по 1.100 рублей. Губернская управа снабжаетъ аудиторіи безплатно свѣтовыми картинами. Народныя чтенія въ прошломъ году велись въ 116 пунктахъ. Лекторами въ народныхъ аудиторіяхъ являются, главнымъ образомъ, учителя—какъ и въ остальныхъ губерніяхъ сѣвернаго края. Чтенія происходятъ чаще всего подъ наблюденіемъ священниковъ. За годъ всего было прочитано во всѣхъ аудиторіяхъ 1.375 брошюръ при 1.160 чтеніяхъ. Изъ нихъ 15 проц. были брошюры религіозно-нравственнаго содержанія, 41 проц.—беллетристическаго, 21 проц.—историческаго и 23 проц.—научнаго. На всѣхъ чтеніяхъ было слушателей 136 тысячъ; взрослыхъ и дѣтей присутствовало поровну, съ преобладаніемъ мужчинъ надъ женщинами; послѣднихъ—40 проц. Новгородская губернская управа стремится къ тому, чтобы чтенія велись въ систематическомъ порядкѣ. Она предложила земскому собранію пригласить на службу земства лицъ, спеціально завѣдующихъ народными чтеніями.

Въ Тверской губерніи народныя чтенія ведутся, главнымъ образомъ, при помощи уѣздныхъ земствъ ***). На 1903 годъ ассигновка на народныя чтенія и на пріобрѣтеніе волшебныхъ фонарей была сдѣлана 6-ю уѣздными земствами, въ суммѣ 2.625 руб. Губернское

---

*) См. брошюру „Народныя аудиторіи въ Ярославской губ.“ Изданіе коммиссіи по устройству народныхъ чтеній общества для содѣйствія народному образованію въ Ярославской губ.

**) См. „Докладъ губернской управы новгородскому губерн. зем. собранію очередной сессіи 1902 г.“.

***) См. „Доклады управы по народному образованію тверскому губернскому земскому собранію 1902 года. Часть I.“

земство ассигновало указанную выше сумму (1.150 руб.) въ пособіе тверской городской читальнѣ.

По отчетамъ уѣздныхъ управъ видно, что народныя чтенія происходили болѣе, чѣмъ въ 80 пунктахъ Тверской губерніи. На чтеніяхъ перебывали за 1902 годъ десятки тысячъ слушателей.

Бѣжецкая уѣздная управа представила картограмму народныхъ аудиторій по уѣзду, изъ которой видно, что народныхъ аудиторій въ уѣздѣ насчитывается 18. Въ 12 пунктахъ имѣется свой фонарь у каждой аудиторіи.

Точно такую-же картограмму доставила на выставку Тверская уѣздная земская управа. Чтенія въ Тверскомъ уѣздѣ происходили въ 36 пунктахъ, при земскихъ школахъ, причемъ въ половинѣ аудиторій имѣлись собственные фонари.

Владимірская губернская земская управа въ своей губерніи сама организуетъ чтеніе, а кромѣ того туманными картинами губернскаго земства пользуются разныя народныя аудиторіи.

Вологодская губернская управа разсылала свѣтовыя картины во многіе пункты губерніи. Къ началу 1903 года у ней имѣлось 2.985 картинъ, къ 282 чтеніямъ.

Народныя чтенія въ Костромской губерніи ведутся коммиссіей народныхъ чтеній, существующей въ г. Костромѣ при читальнѣ имени Островскаго; губернское земство оказываетъ ей ежегодно матеріальную помощь въ размѣрѣ 300 р., а сама губернская управа непосредственнаго участія въ постановкѣ народныхъ чтеній не принимаетъ.

Читальня имени Островскаго за 1901—1902 годъ устраивала чтенія въ 58 пунктахъ губерніи. Въ этихъ аудиторіяхъ было за годъ 745 чтеній, на которыхъ присутствовало около 90 тысячъ слушателей.

Въ заключеніе укажемъ на организацію и положеніе народныхъ чтеній въ Нижегородской губерніи *). Нижегородское губернское земское собраніе въ 1896 г. ассигновало на устройство народныхъ чтеній 4.500 руб., въ слѣдующій годъ—2.000 руб., а потомъ по 1.500 руб. ежегодно. Такимъ образомъ, въ настоящее время управа располагаетъ коллекціей картинъ до 10.000 штукъ и 77 волшебными фонарями, въ общей сложности на сумму до 10.000 руб. Въ 1897 году въ 70 пунктовъ губернской управой было отпущено 221 чтеніе, а черезъ 4 года (въ 1901 г.) въ 345 пунктовъ—1.442 чтенія,

---

*) См. „Записку о дѣятельности Нижегородскаго губернскаго земства въ области народнаго образованія 12-го іюля 1903 г. Отдѣлъ народнаго образованія“.

т. е. число пунктовъ увеличилось болѣе, чѣмъ въ 3 раза, а число высланныхъ чтеній—болѣе, чѣмъ въ 4 раза.

Мы привели всѣ цыфровыя данныя о народныхъ чтеніяхъ; больше на выставкѣ никакихъ свѣдѣній о нихъ не было, заслуживающихъ вниманія.

Въ заключеніе укажемъ на слѣдующее. Нѣкоторыя губернскія земскія управы (Новгородская, Тверская, Вологодская) собираютъ свѣдѣнія о народныхъ чтеніяхъ по особымъ программамъ. Программы эти, главнымъ образомъ, заполняются учащими начальныхъ школъ, которые и ведутъ чтенія. Въ своихъ отчетахъ лектора народныхъ аудиторій указываютъ на то, что народныя чтенія содѣйствуютъ развитію среди крестьянъ интереса къ чтенію книгъ—разъ эти чтенія ведутся умѣло; кромѣ того, народныя чтенія способствуютъ пополненію знаній у слушателей путемъ систематическихъ чтеній по тѣмъ или другимъ отраслямъ знанія. Но, главное, народныя аудиторіи являются для неграмотной части населенія единственнымъ доступнымъ для нихъ образовательнымъ учрежденіемъ. „Чтенія посѣщались—пишутъ лекторы—весьма охотно крестьянами всѣхъ возрастовъ и обоего пола: аудиторіи были всегда переполнены“.

Развитіе народныхъ чтеній могло бы пойти быстрыми шагами и принесло бы самые благопріятные результаты, если бы не ограниченный выборъ чтеній. Число книгъ и брошюръ, допущенныхъ ученымъ комитетомъ мин. нар. просвѣщенія для народныхъ чтеній, страшно ограничено; оно въ нѣсколько разъ меньше числа книгъ, допущенныхъ въ народныя безплатныя библіотеки. Благодаря такимъ ограниченіямъ, часто нѣкоторыя народныя аудиторіи, давно существующія, попадаютъ въ безвыходное положеніе: нѣтъ новаго матеріала для чтенія. Приходится повторять то, что уже читалось ранѣе.

———————

Въ концѣ этой главы мы приведемъ постановленія экспертной коммиссіи по народному образованію относительно необходимыхъ свѣдѣній, которыя желательно представлять на будущихъ выставкахъ народнаго образованія о народныхъ аудиторіяхъ. Коммиссія признала необходимымъ собирать свѣдѣнія о народныхъ чтеніяхъ, хотя бы по такой программѣ:

1) Ростъ народныхъ чтеній по годамъ въ губерніи (число аудиторій, число пунктовъ).

2) Число народныхъ аудиторій по каждому уѣзду, по губерніи.

3) Сѣть народныхъ аудиторій по уѣздамъ (какъ это сдѣлано на картограммѣ Тверскаго уѣзда).

4) Сколько жителей приходится на 1 аудиторію по каждому уѣзду, по всей губерніи.

5) Сколько пространства (въ квадр. верстахъ) приходится на 1 аудиторію по каждому уѣзду, по всей губерніи.

6) Общее число слушателей по каждому уѣзду, по всей губерніи. Среднее число слушателей на 1 аудиторію по уѣздамъ, по губерніи.

7) Распредѣленіе слушателей по полу, возрасту (малолѣтніе, подростки, взрослые) и занятіямъ.

8) Распредѣленіе чтеній по отдѣламъ по каждому уѣзду, по всей губерніи.

9) Кто состоитъ лекторами аудиторій и кто — отвѣтственнымъ лицомъ, завѣдующимъ чтеніями.

10) Имѣютъ ли аудиторіи свои собственныя помѣщенія, а если нѣтъ, то гдѣ онѣ помѣщаются.

11) Сколько чтеній было за послѣдній годъ по каждому уѣзду, по губерніи. Сколько приходится чтеній на 1 аудиторію въ годъ по каждому уѣзду, по всей губерніи.

12) Распредѣленіе аудиторій по учрежденіямъ, которыя имъ оказываютъ матеріальную помощь.

А. Локтинъ.

О новой хрестоматіи.

Общественное значеніе языка, какъ орудія прогресса, огромно. Поэтому изученію языка всегда и вездѣ отводилось первое мѣсто въ ряду усваиваемыхъ въ семьѣ и преподаваемыхъ въ школѣ предметовъ. Въ дошкольные годы ребенокъ безъ уроковъ и программъ, путемъ лишь подражанія, научается говорить и, слѣдовательно, выражать языкомъ результаты своего духовнаго возбужденія, идущаго извнѣ; окружающій міръ полонъ чудесъ: что ни шагъ, то новое чудо — будь то предметъ или явленіе. И быстрое усвоеніе языка едва-едва поспѣваетъ за ускореннымъ движеніемъ мысли. Это, такъ сказать, пора субъективнаго отношенія къ языку, когда всякое новое слово завоевано пытливой мыслью, когда эта маленькая побѣда мысли вызвана дѣйствительнымъ возбужденіемъ вопрошающаго ума ребенка.

Но вотъ, съ лѣтами первобытная свѣжесть мысли увядаетъ, изсякаетъ живой источникъ непосредственнаго отношенія къ міру, и наступаетъ пора логическаго его изученія, пора сознательнаго познаванія. Въ этомъ фазисѣ жизни и воспитанія человѣка языкъ является уже не столько живой непосредственной связью міра и индивидуума, сколько мертвымъ объектомъ для дрессируемой въ школѣ мысли. Языкъ укладывается на анатомическій столъ школьной программы, и начинается обнаженіе его нервовъ и мускуловъ т.-е. обнаруженіе его законовъ и правилъ ихъ примѣненія.

Школьное изученіе родного языка, на протяженіи 8—9-лѣтняго курса, распадается на двѣ строго разграниченныя половины: изученію грамматическаго строя языка отводится 4—5 лѣтъ младшаго курса, изученію же собственно словесности — 4 года старшаго. Научившись грамотѣ, ребенокъ переходитъ на слѣдующую ступень— къ изученію законовъ грамотности, дабы, запасшись знаніемъ всѣхъ тайнъ ея, подняться на третью ступень изученія языка — ступень литературнаго развитія, т.-е. изученія исторіи и теоріи словесности.

Въ задачу настоящей статьи не входитъ подробная критика

учебной литературы. Но не могу не обмолвиться словомъ, что и при преподаваніи словесности школа, а за ней, конечно, и преподаватели, требуютъ больше знанія схемы литературныхъ произведеній, а не ихъ идейнаго и психологическаго содержанія. Это предпочтеніе плана содержанію, отвлеченной формулы движенію живого духа, планомѣрности въ ущербъ многообразію жизни, сказалось и на требованіяхъ, предъявляемыхъ школой къ ученикамъ младшихъ классовъ, и та же тенденція обусловливаетъ собой и теоретическіе учебники по русскому языку, равно и хрестоматіи, предназначенныя для практической провѣрки усвоенныхъ положеній теоріи языка.

Разъ изученіе родного языка замыкается въ предѣлахъ чисто научнаго интереса, разъ учащіяся дѣти цѣлый рядъ школьныхъ годовъ удѣляютъ грамматическому изученію языка, то можно поставить вопросъ, есть ли психологическое и *этическое* оправданіе такой постановки дѣла, при которой языкъ живого народа является лишь строительнымъ матеріаломъ, неизвѣстно для какой цѣли; естественно ли держать пробуждающуюся мысль дѣтей на строго научномъ содержаніи языка, минуя ту цѣль, которой языкъ служитъ лишь средствомъ?

Это собственно не вопросъ, а скорѣе недоумѣніе, вызываемое наличностью такого интеллектуальнаго предразсудка, который въ теченіе вѣковъ держится въ образованномъ обществѣ и въ руководящихъ народнымъ образованіемъ кругахъ.

Господство среди педагоговъ глубокой вѣры въ огромную, плодотворную силу формальнаго образованія, развивающаго нашъ умъ, большія надежды, возлагаемыя ими на значеніе логическаго, формирующаго начала въ жизни человѣка, эта, такъ сказать, раціоналистическая догма наложила свою властную руку на постановку всего педагогическаго дѣла въ средней школѣ, да и не только въ ней.

Педагогика, въ смыслѣ школьнаго дѣла, до сихъ поръ пребываетъ на незыблемомъ основаніи, выработанномъ умами весьма отдаленнаго прошлаго, представляющагося намъ теперь давнимъ тяжелымъ историческимъ воспоминаніемъ.

Я имѣю въ виду схоластику среднихъ вѣковъ. Это самый, повидимому, живучій наслѣдникъ того суроваго и сухого времени. Схоластика до сихъ поръ во всей своей, вѣками испытанной, силѣ царитъ въ нашей школѣ. Ея торжество состоитъ въ господствѣ плана надъ самимъ дѣломъ, схемы надъ сущностью, формы надъ духомъ.

Преподаваніе родного языка, родной словесности, въ нашей школѣ все еще сохраняетъ слѣды архаической, средневѣковой догмы, идетъ подъ сѣнью не духа, жизни, а духа схоластики, боящагося всякаго дуновенія бытія и скрывающагося въ туманахъ абстракціи.

Не психологическимъ ли заблужденіемъ объясняется то обстоятельство, что учащіяся дѣти прежде времени становятся спеціалистами-филологами, обогащая умъ, скорѣе память, терпѣливую и податливую, наблюденіями (и *не личными*) надъ языкомъ, какъ объектомъ знанія? И такое изученіе языка совпадаетъ съ тѣмъ періодомъ жизни, когда еще не зрѣетъ критическое сознаніе, провѣрка умомъ впечатлѣній, воспринятыхъ посредствомъ внѣшнихъ чувствъ, а, такъ сказать, душа, наливается: это—знаменательный періодъ психическаго роста.

Гдѣ же тотъ духъ языка, та живая матерія всего сущаго, которая разлита въ произведеніяхъ слова, которая подчиняетъ себѣ языкъ, какъ орудіе, служащее средствомъ возбужденія болѣе сложныхъ морально-психическихъ эмоцій?

Абстрактный методъ грамматическаго изученія и психическій подъемъ—двѣ вещи несовмѣстимыя. Формальный методъ предполагаетъ въ учащихся дѣтяхъ пустыя куклы, въ которыя всовываютъ механически какой угодно матеріалъ, лишь-бы заполнить пустоту. Этимъ раціоналистическимъ взглядомъ питается преувеличенное довѣріе къ авторитету педагога, и вполнѣ игнорируется та среда, на которую обольщенный самоувѣренностью педагогъ собирается воздѣйствовать.

Нельзя же забывать одного, что мы имѣемъ дѣло, правда, съ объектами, но они вмѣстѣ съ тѣмъ и индивидуумы, и благодаря индивидуальности среды, на которую мы хотимъ воздѣйствовать, на насъ лежитъ обязанность изслѣдовать эту среду, ея почву и тѣ условія, которыя содѣйствуютъ нашему благому намѣренію или же тормозятъ успѣхъ нашего дѣла. Будемъ помнить, что дѣти не пустыя головы, которыя можно начинять какимъ угодно научнымъ матеріаломъ, а живые люди, правда, маленькіе, но съ самостоятельной психической организаціей sui generis, свойство и особенности которыхъ необходимо *знать*, *уважать* и *любить*.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній скажемъ нѣсколько словъ о методѣ, который мы могли-бы предложить, при занятіяхъ русскимъ языкомъ.

Разъ мы отвергаемъ формальную задачу преподаванія, то и въ младшихъ классахъ необходимо отказаться отъ формально-схематическаго предразсудка, о которомъ была рѣчь выше. Изученіе языка мы думаемъ направить не въ сторону формальнаго интереса, а сосредоточить на матеріальномъ содержаніи языка. Это значитъ, что мы и въ младшихъ классахъ должны устремлять вниманіе дѣтей на все то, что есть мудрѣйшаго и прекраснѣйшаго въ твореніяхъ нашихъ писателей. А матеріалъ вѣдь черпали они изъ живой дѣйстви-

тельности и, возведши ее въ „перлъ созданія“, освѣщали картины жизни лучами своего личнаго участія.

Итакъ, сама задача преподаванія и содержаніе его естественно приводятъ къ единственно возможному методу, который мы назвали бы *реально-психологическимъ*.

Не касаясь пока примѣненія этого метода въ старшихъ классахъ, при изученіи словесности, мы нѣсколько остановимся подробнѣе на немъ при преподаваніи родного языка въ младшихъ классахъ.

Если мы отвергаемъ грамматическій методъ, то тѣмъ самымъ предрѣшается вопросъ о книгѣ для класснаго чтенія по русскому языку. Если прежде на первый планъ выдвигалась необходимость добиться во что-бы то ни стало точнаго, полнаго знанія всей грамматической мудрости, то понятно, что къ услугамъ школы и дѣтей являлись хрестоматіи, роль которыхъ не самостоятельная, а служебная. Перелистывая эти хрестоматіи, видишь ихъ пестрый составъ, и статьи и отрывки мелькаютъ, словно битыя стеклышки въ самодѣльномъ дѣтскомъ калейдоскопѣ. Подобный сборникъ статей случайнаго и пестраго состава не могъ, конечно, служить дѣйствительной книгой для чтенія. Въ большинствѣ случаевъ онъ оправдывалъ свою служебную роль—давать матеріалъ для всякихъ этимологическихъ и синтаксическихъ упражненій, безъ вниманія къ тому, кому, въ какомъ возрастѣ и при какихъ моральныхъ и педагогическихъ условіяхъ преподносится. Въ соотвѣтствіи съ указанной выше необходимостью вести преподаваніе по реально-психологическому методу, и книга для чтенія по русскому языку въ младшихъ классахъ должна измѣниться и по содержанію и по плану расположенія ея матеріала.

Переходимъ къ подробному выясненію основной задачи, плана и качества матеріала, который долженъ быть данъ *новой русской хрестоматіей*.

Въ основаніи такого труда мы положили бы этико-психологическую задачу, считая главной и конечной цѣлью преподаванія русскаго языка и словесности—возбужденіе въ дѣтяхъ болѣе сложныхъ морально-психическихъ эмоцій. Этимъ самымъ подчеркивается задача не столько образовательная, сколько воспитательная. По нашему глубокому убѣжденію, школа не мастерская, гдѣ учатъ только мастерству. Въ особенности преподаватель русскаго языка, языка Пушкина, Тургенева, Толстого, не вправѣ убивать въ дѣтяхъ, алчущихъ живого слова, „душу живу“. Если учитель умѣетъ читать въ ихъ взорахъ запросы сердца, первыя тревоги юной мысли, то неужели онъ изображеніе человѣческой души, раскрываемой въ какомъ-нибудь разсказѣ, заслонитъ требованіемъ знанія грамматической техники?

Жизнь духа одинаково интересна и поучительна и для взрослыхъ и для дѣтей. Нашимъ желаніемъ было бы, чтобы учащіяся дѣти видѣли въ предлагаемой имъ книгѣ не сборникъ отрывковъ, говорящихъ обо всемъ, что угодно, только не о томъ. что видятъ, слышатъ, чувствуютъ и понимаютъ подрастающія дѣти, чѣмъ живетъ всякій человѣкъ, что составляетъ внутреннее содержаніе каждой человѣческой личности. А содержаніе это складывается изъ отношеній религіозныхъ (къ Богу), родственныхъ (къ семьѣ), общественныхъ въ широкомъ смыслѣ (къ народу) и политическихъ (къ родинѣ).

Слѣдовательно, хрестоматія каждой своей статьей должна служить ознакомленію дѣтей съ проявленіемъ человѣческаго духа, конечно, въ формахъ, доступныхъ ихъ дѣтскому разумѣнію.

Весь матеріалъ, входящій въ составъ такой хрестоматіи, долженъ быть проникнутъ строгимъ единствомъ нравственныхъ и психическихъ воздѣйствій на дѣтскую душу Ея основной идеей должна быть любовь, проявляющаяся въ различныхъ сферахъ *дѣйствительной* жизни, куда, незримо для взрослыхъ, заглядываетъ жаждущая добра душа подростка.

Любовью къ людямъ озаряется закатъ жизни многодумнаго Фауста. Нашъ Пушкинъ провидитъ себѣ безсмертіе, потому что „*чувства добрыя* лирой пробуждалъ“. Тургеневъ по поводу *стихотвореній въ прозѣ* писалъ Краевскому, что сочтетъ себя удовлетвореннымъ, если хоть кое-что изъ его писаній западетъ въ чью-нибудь душу. Нечего и говорить о взглядѣ современнаго „властителя думъ“ на смыслъ и задачу литературной дѣятельности. Имѣя въ виду такое единодушіе во мнѣніяхъ великихъ представителей художественнаго слова, мы полагаемъ, что требованіе наше, чтобы школа и учитель будили любовь въ дѣтяхъ, не суживаетъ задачи школы, сокращая будто бы ея компетенцію, а наоборотъ,— возвышаетъ школу до самой почетной роли нравственной руководительницы подрастающихъ дѣтей.

Нѣтъ надобности дольше останавливаться на томъ, насколько цѣлесообразно было бы положить въ основаніе хрестоматіи *идею любви*.

Соотвѣтственно четыремъ родамъ отношеній, выше отмѣченныхъ, и планъ проектируемой хрестоматіи представляется намъ вотъ въ какомъ видѣ. Сперва идетъ отд. I. *Богъ*.

Въ виду того возраста, для котораго предназначается книга, матеріалъ для этого отдѣла необходимо брать, конечно, не изъ догматическаго богословія, а изъ художественныхъ произведеній, или трак-

тующихъ непосредственно евангельскіе сюжеты, или же напоминаніемъ о нихъ будящихъ аналогичное настроеніе души.

Противъ этого отдѣла возможно такого рода возраженіе, что и самыя темы, равно и желаніе чрезъ посредство нихъ вызвать извѣстное настроеніе, имѣютъ болѣе близкое, непосредственное отношеніе къ урокамъ Закона Божія. Это возраженіе не трудно устранить указаніемъ на то, во-первыхъ, что хрестоматія наша должна отражать на своихъ страницахъ дѣйствительную жизнь, окружающую дѣтей дома; во-вторыхъ, какъ то было выше отмѣчено, хрестоматія вообще должна служить отраженіемъ человѣческаго духа, поскольку онъ озаряется свѣтомъ любви къ Богу и людямъ.

Непростительно было-бы, приступая съ такой задачей къ составленію хрестоматіи, игнорировать столь видную, яркую полосу въ духовной жизни людей взрослыхъ и дѣтей.

Противники подобнаго отдѣла въ учебномъ пособіи по русскому языку опираются на мнѣніи, что незачѣмъ учителю родного языка дѣлать то же дѣло, что составляетъ содержаніе уроковъ Закона Божія.

Допустимъ даже, что у нихъ одна и та-же цѣль; но развѣ не бьетъ въ глаза та разница въ средствахъ, которыми располагаетъ законоучитель и преподаватель родной рѣчи? У того авторитетъ вѣры; этотъ взываетъ къ эстетической эмоціи, зажигая дѣтское сердце силой художественнаго образа.

За первой группой статей идетъ II-й отдѣлъ *Семья.* Эта часть должна отличаться своей законченностью и полнотой. Согласно основному требованію, которое мы предъявляемъ къ такому пособію, отдѣлъ *Семья* долженъ представлять собой рядъ послѣдовательно идущихъ статей, въ которыхъ посредствомъ конкретныхъ образовъ и художественнаго слова воплощаются элементарныя семейныя отношенія. Необходимо по возможности перебрать всю несложную гамму чувствъ, которыя испытываютъ главные члены семьи, съ точки зрѣнія, конечно, наблюдательнаго и чуткаго ребенка. Думаемъ, что ни дѣти сами, ни ихъ родители не посѣтуютъ на усиленное вниманіе къ такимъ статьямъ, въ которыхъ говорится о проявленіяхъ материнской любви и отраженіи ея въ дѣтяхъ.

Мы твердо вѣримъ, что любая мать, если заглянетъ въ этотъ отдѣлъ книги и вмѣстѣ съ своимъ маленькимъ любимцемъ прочтетъ заданную въ классѣ статью и, быть можетъ, еще узнаетъ отъ него, какъ живо, тепло учитель разъяснялъ ее дѣтямъ, то пойметъ и другимъ членамъ семьи втолкуетъ, что ребенокъ ходитъ въ школу не такъ, какъ идутъ въ гимнастическій залъ, для дрессировки памяти

и сообразительности, а посѣщаетъ дѣйствительно *eine moralische Anstalt.* Школа продолжаетъ то истинное, прекрасное, святое дѣло, надъ которымъ поздно ночью все еще тревожно бьется материнская мысль и сердце.

Хотѣлось-бы, чтобы учитель долѣе останавливался на статьяхъ этого отдѣла, чтобы онъ съ учениками проанализировалъ всѣ художественно воспроизведенныя въ книгѣ семейныя чувства. Изъ этихъ чувствъ куется та цѣпь, которая на всю жизнь потомъ держитъ цѣлую группу людей и не даетъ ей распасться. Заботливо беречь и старательно поддерживать эти чувства должны семья и школа, особенно въ томъ возрастѣ, для котораго вообще предназначается хрестоматія.

———

Третій отдѣлъ долженъ быть посвященъ *Народу.*

Всѣ статьи необходимо брать изъ художественной литературы, и всѣ онѣ должны говорить о народной жизни. Подъ словомъ „народъ" мы разумѣемъ не только крестьянскую массу, какъ то было принято въ эпоху чистаго народничества, а и представителей всевозможныхъ группъ, хотя и порвавшихъ съ землей, но не опредѣляемыхъ чертами интеллигентной профессіи. Такъ, подъ широкой сѣнью этого отдѣла слѣдуетъ помѣстить статьи, въ которыхъ изображаются и пахарь, и рыбакъ съ ихъ дѣтьми, и сапожникъ, и солдатъ, и лѣсникъ, и желѣзнодорожный сторожъ, и извозчикъ, и купецъ, и даже сельскій священникъ, стоящій ближе всѣхъ къ народной жизни.

Наши бытописатели-поэты въ идеальныхъ чертахъ воспроизводили все, что есть лучшаго, возвышеннаго, правдиваго въ народной душѣ, и сознательный наблюдатель нерѣдко стоитъ въ молчаливомъ восторгѣ, чувствуя на себѣ обаяніе душевной мощи народа. Хрестоматія, пытающаяся отразить на своихъ страницахъ реальныя условія жизни, въ которыхъ пребываютъ учащіяся дѣти, естественно, должна имѣть отдѣлъ *Народъ.*

Каждая статья въ этомъ отдѣлѣ, прочитанная дѣтьми, явится для нихъ одной изъ волнъ огромнаго житейскаго моря. Держа мысль и чувства класса на этой волнѣ, учитель тѣмъ самымъ раздвинетъ интересы каждой ввѣренной ему индивидуальности. Дѣти, чрезъ живое слово учителя, на примѣрѣ художественнаго образа, всѣмъ своимъ психическимъ составомъ почувствуютъ, что и помимо нихъ есть живой огромный міръ подобныхъ имъ. Непосредственный интересъ къ этому міру ихъ братьевъ должна поддерживать и воспитывать школа, особенно преподаватель отечественной литературы, такъ блестяще воспроизведшей трудъ, думы, скорби и радости народной массы.

Нашимъ желаніемъ было бы, чтобы преподаватель, чуткій къ запросамъ времени, понималъ свое призваніе шире своего профессіональнаго долга. Такой учитель русскаго языка въ отдѣлѣ *Народъ* найдетъ благодарный матеріалъ для того, чтобы вызвать въ своихъ ученикахъ и ученицахъ удивленіе, уваженіе и любовь къ подвигамъ народа. Школа не можетъ не отражать на себѣ вліянія эпохи: то будетъ ужъ ея грѣхъ, если жизнь станетъ ее игнорировать.

———

Послѣдній, четвертый отдѣлъ хрестоматіи долженъ быть отведенъ статьямъ, заимствованнымъ изъ художественной литературы и говорящимъ о любви къ родинѣ, какъ исторической идеѣ. И такъ какъ основной моральный принципъ всей книги—любовь, то понятно, почему при подборѣ матеріала для этого отдѣла, по возможности слѣдуетъ избѣгать всего мрачнаго, грубаго и жестокаго.

Вводя этотъ отдѣлъ въ систему хрестоматіи, мы, конечно, не думаемъ, что исключительно отсюда ученики будутъ питать свою историческую любознательность: на то имѣются особые уроки русской исторіи и учебники. Въ учебныя пособія по русскому языку могутъ входить такія историческія статьи, которыя представляютъ собой художественно-литературную обработку историческихъ сюжетовъ.

Не можемъ не замѣтить здѣсь, что смыслъ и задача этого отдѣла—одухотворить присущую всѣмъ любовь къ своей родинѣ. И въ соотвѣтствіи съ общимъ духомъ книги, при подборѣ статей для этого отдѣла, необходимо останавливаться болѣе на дѣятеляхъ мирнаго, культурнаго развитія. Что же касается исторіи войнъ, военныхъ подвиговъ и трофеевъ, то затрагивать эти темы вовсе не слѣдуетъ, такъ какъ думаемъ, что школѣ вовсе не пристало поэтизировать присущіе дѣтямъ воинскіе инстинкты, являющіеся, по мнѣнію авторитетныхъ антропологовъ, фактами переживанія первобытныхъ, хищническихъ наклонностей дикаря.

———

Что касается до выбора матеріала, то, по нашему мнѣнію, необходимо расширить тотъ ограниченный кругъ писателей, которыми обыкновенно пользуются составители хрестоматій. Первое мѣсто, можно сказать, даже исключительное, занимаютъ уже прославленные и историками литературы и общественнымъ мнѣніемъ писатели. Отъ этой школьной традиціи пора отказаться.

Во-первыхъ, въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ изъ этихъ писателей брали все тѣ же отрывки, такъ что они порядкомъ уже пріѣлись и школѣ, и учителю, и публикѣ. Во-вторыхъ, литература вѣдь не завершила своего развитія, она шла все дальше, захваты-

вая все большій кругъ явленій. Въ третьихъ, необходимо отмѣтить, что писатели, изъ сочиненій которыхъ преимущественно черпали матеріалъ составители хрестоматій, были представителями дворянской культурной традиціи. Для современныхъ поколѣній это пройденная ступень общественнаго развитія.

Да и самый составъ учащихся значительно измѣнился. Если въ силу историческихъ условій образованіе теперь не составляетъ ни церковной, ни дворянской монополіи, а вызывается общенародной потребностью, то и школа, захваченная тѣмъ же историческимъ теченіемъ, измѣнилась въ своемъ соціальномъ составѣ. То, что прежде такъ легко воспринималось утонченными нервами какого-нибудь Николеньки гр. Толстого или Сережи-Аксакова, въ настоящее время, при современныхъ культурно-соціальныхъ условіяхъ, уже воспринимается съ несравненно бо́льшимъ трудомъ. Та сумма чувствованій и впечатлѣній, которая давалась на страницахъ прежнихъ писателей, была для дворянскихъ благовоспитанныхъ дѣтей лишь напоминаніемъ о реально-испытанныхъ ощущеніяхъ: къ утонченности нервовъ и аппеллировала вся система воспитанія въ старинныхъ дворянскихъ гнѣздахъ.

Не то теперь. Одно изъ отраженныхъ послѣдствій паденія крѣпостного права—это перемѣна контингента учащихся въ современной школѣ. Тонъ и фонъ придаютъ ей дѣти новыхъ искателей просвѣщенія. Эти новые люди принесли съ собой и новый запасъ чувствъ, житейскаго опыта, быть можетъ, преждевременнаго, и смѣлыхъ, не стѣсняемыхъ традиціей привычекъ. Иныя птицы—иныя пѣсни. Этимъ дѣтямъ сентиментальность, разлитая въ *Семейной хроникѣ*, экзотичность отношеній и чувствъ, рисуемыхъ авторомъ *Дѣтства и отрочества*, настолько чужды, что является для нихъ историческимъ фактомъ, требующимъ поясненія, а не живымъ словомъ дѣйствительности. Въ виду этихъ соображеній, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что мы требуемъ расширенія того круга писателей, въ которомъ до сихъ поръ вращалась классная жизнь за уроками русскаго языка.

Рядомъ съ корифеями прежней эпохи въ хрестоматіи дѣти встрѣтятся съ именами позднѣйшихъ и даже современныхъ писателей, которые, если и не удостоились еще одобрительнаго ярлыка отъ историковъ литературы, то, по крайней мѣрѣ, пользуются живыми симпатіями въ широкихъ кругахъ общества, не исключая и дѣтей. Новая хрестоматія, претендующая на современность и правдивость, не можетъ скрывать отъ учащихся тѣхъ писателей, которые волнуютъ современное общество, въ которомъ вращаются наши дѣти. Старшіе дома вечеромъ читаютъ, долго и горячо спорятъ,

волнуются отъ того или другого пониманія прочитаннаго... а школа... можетъ ли оставаться глухой и нѣмой? Въ такой школѣ берутъ аттестаты, какъ въ ремесленной управѣ, но гражданскаго воспитанія она не дастъ и не добромъ вспомянутъ ее впослѣдствіи.

При выясненіи плана хрестоматіи мы довольно подробно остановились на третьемъ отдѣлѣ, который долженъ быть составленъ изъ статей, заимствованныхъ изъ художественной литературы, воспроизводящей народную жизнь. Въ этотъ отдѣлъ необходимо, по нашему мнѣнію, ввести цѣлую, законченную группу образцовъ народнаго творчества. Для первыхъ двухъ классовъ можно взять простѣйшіе образцы эпоса и лирики, для 3 и 4-го классовъ болѣе сложные эпическіе сюжеты и болѣе глубокія по психологическому содержанію пѣсни, подобранныя въ извѣстной системѣ.

Двоякаго рода соображенія можно привести въ пользу введенія и этой группы статей. Знакомясь по книгѣ съ народной жизнью, странно было бы обойти молчаніемъ духовную жизнь народа, проявляющуюся въ формахъ устнаго творчества. Очень естественно, что въ отдѣлѣ *Народъ* дѣти знакомятся съ доступными ихъ пониманію образцами народной словесности. Второе соображеніе практическое. Зачѣмъ относить къ 5-му классу матеріалъ, который можно преподать въ предыдущихъ классахъ? Постепенное въ теченіе 4 лѣтъ пріобрѣтенное знаніе этого матеріала дастъ возможность въ высшемъ классѣ использовать его болѣе цѣлесообразно. Вмѣсто того, чтобы большую часть времени тратить на ознакомленіе съ типичнѣйшими образцами народной поэзіи, учитель, на основаніи имѣющихся уже въ памяти учениковъ фактовъ, можетъ ввести ихъ въ болѣе научное трактованіе вопроса. При такомъ распредѣленіи матеріала, надѣемся, усвоеніе этого отдѣла словесности будетъ болѣе сознательнымъ и плодотворнымъ.

Л. О. Вейнбергъ.

Коллективное чтеніе въ начальныхъ школахъ.

Въ учебномъ планѣ каждой школы громадное значеніе имѣетъ отсутствіе разрозненности и сосредоточеніе учебнаго матеріала на нѣсколькихъ основныхъ предметахъ. Въ начальной школѣ такое сосредоточеніе возможнѣе, чѣмъ въ какой-либо иной—вслѣдствіе единоличнаго руководства учителя и отсутствія въ ней многопредметности. Такимъ основнымъ учебнымъ предметомъ безспорно является чтеніе. Обученіе сознательному чтенію—главная задача начальной школы.

Правда, въ послѣднее время въ нашей начальной школѣ наряду съ чтеніемъ стали выдвигать письменное изложеніе. Но для того, чтобы хорошо излагать свои мысли, нужно прежде всего имѣть ихъ, а чтобы передавать чужія—нужно понимать ихъ. Это же пониманіе, это пробужденіе мыслительной способности, однимъ словомъ, общее развитіе до сихъ поръ преимущественно дается книгой. Правда, при развитіи способности наблюдать, судить учащійся можетъ почерпать знанія и непосредственно изъ окружающаго міра, но оформить ихъ, освѣтить, сгруппировать можетъ только съ помощью учителя. А такъ какъ для большинства учащихся начальныхъ школъ эти школы являются и окончательными, то дальнѣйшимъ учителемъ явится для него только книга. Научить читать съ пониманіемъ и любовью, пріучить видѣть въ книгѣ учителя и друга—значитъ дать ученику по окончаніи школы средство къ дальнѣйшему самообразованію.

Для достиженія этой основной цѣли недостаточно правильной постановки класснаго чтенія, хотя при отсутствіи ея—цѣль эта недостижима. Хорошо веденное классное чтеніе возбуждаетъ въ дѣтяхъ любознательность, привычку искать удовлетворенія этой любознательности въ книгѣ, интересъ и любовь къ чтенію, пониманіе книжнаго языка. Тамъ, гдѣ классное чтеніе достигаетъ цѣли, дѣти охотно берутъ книги изъ библіотеки, и многіе читаютъ съ наслажденіемъ. Въ нашихъ петербургскихъ городскихъ начальныхъ школахъ имѣются богатыя библіотеки, въ которыхъ могутъ быть со-

браны лучшія дѣтскія книги. Выборъ этихъ книгъ зависитъ вполнѣ отъ учащихъ, которые, конечно, прилагаютъ всѣ старанія, чтобъ пополнять свои библіотеки лучшими изъ выходящихъ книгъ. Дѣти младшаго отдѣленія ждутъ не дождутся, когда и имъ выдадутъ книгу, и начиная со второго полугодія, уже получаютъ ихъ на домъ. Казалось бы, надо ожидать самыхъ лучшихъ результатовъ: желаніе, имѣть книгу—сильное, выборъ книгъ—хорошій. Однако, при ближайшей провѣркѣ оказывается, что многіе изъ учащихся не умѣютъ справиться съ книгой самостоятельно; случается, что книги возвращаются не дочитанными до конца, или, что книга, хотя и прочитана, но не оставила должнаго впечатлѣнія, или ребенокъ не вынесъ изъ нея тѣхъ знаній, которыя могъ бы почерпнуть при болѣе внимательномъ или сознательномъ отношеніи къ чтенію. Иногда это объясняется случайной неудачей—книга, пригодная для всей группы учениковъ въ общемъ, не подходила именно къ данному ученику—была выше его пониманія, или не заинтересовала его своимъ содержаніемъ. Онъ не дочиталъ одной, другой, и мало-по-малу интересъ къ чтенію уже ослабѣлъ. Или наоборотъ: внѣшній интересъ книги былъ такъ великъ, фабула такъ интересна, что поглощала все вниманіе маленькаго читателя, и всѣ подробности, все выясняющее идею книги, характеръ дѣйствующихъ лицъ было заслонено, отодвинуто на второй планъ.

Стремясь къ развязкѣ, онъ пропускалъ цѣлыя страницы. Нѣсколько такихъ книгъ, прочитанныхъ безъ контроля, создаютъ привычку къ невнимательному чтенію, создаютъ будущаго читателя сенсаціонныхъ романовъ, для котораго чтеніе будетъ только развлеченіемъ, для котораго книга никогда не будетъ учителемъ. Серьезный контроль надъ самостоятельнымъ чтеніемъ могъ бы съ самаго начала помѣшать развиться неправильному отношенію къ книгѣ и мало-по-малу научить дѣтей пользоваться ею. Но такой контроль, такая провѣрка домашняго чтенія очень затруднительны, въ особенности, если въ начальной школѣ нѣсколько отдѣленій съ однимъ учителемъ. Нѣтъ физической возможности провѣрить серьезно чтеніе; приходится ограничиваться двумя тремя вопросами, брошенными вскользь, дающими, правда, возможность узнать, прочитана ли книга до конца, но не научаютъ дѣтей пользоваться ею. Провѣрка прочитаннаго имѣетъ значеніе только тогда, когда мало-по-малу даетъ дѣтямъ руководящую нить въ ихъ самостоятельномъ чтеніи, указываетъ имъ, на что слѣдуетъ обратить вниманіе, какъ использовать весь матеріалъ, заключающійся въ книгѣ. Этотъ недостатокъ провѣрки пробовали устранить, давая дѣтямъ программку съ вопросами, которыми они должны руководствоваться при чтеніи каждой

книги. Такой способъ практикуется, напр., въ американскихъ школахъ. Тамъ предлагаются ученикамъ при чтеніи каждой книги слѣдующіе вопросы:

1) Кто главныя дѣйствующія лица въ этой книгѣ? 2) Кто изъ нихъ вамъ больше всѣхъ понравился и почему? 3) Кто не понравился и почему? 4) Кого бы вы хотѣли имѣть своимъ другомъ? 5) Кому бы вы хотѣли подражать? 6) Какія описанія природы вамъ больше всего понравились? 7) Что бы вы хотѣли выписать?

Въ нѣкоторыхъ школахъ кіевскаго округа отъ дѣтей требуются и письменные отвѣты на предложенные имъ вопросы. Такой пріемъ имѣетъ свои неудобства. Во-1-хъ, если письменные отвѣты не требуются обязательно, у учителя опять-таки не будетъ никакого средства для контролированія домашняго чтенія; требованіе же письменныхъ отвѣтовъ при прочтеніи каждой книги можетъ отбить у дѣтей охоту къ чтенію, такъ какъ очень многіе, даже изъ развитыхъ и толковыхъ учениковъ начальной школы, не сумѣютъ дать достаточно хорошій письменный отчетъ, и это слишкомъ серьезная и непосильная работа превратитъ домашнее чтеніе въ тяжелый и, можетъ быть, нелюбимый урокъ.

Во-2-хъ, подобный рядъ вопросовъ, прилагаемый къ каждой книгѣ, поневолѣ будетъ носить слишкомъ общій характеръ и не исчерпывать ни особенностей содержанія, ни тѣхъ оригинальныхъ мыслей, выводовъ и т. п., которыми именно и можетъ быть цѣнна данная книга.

Предлагаютъ еще съ цѣлью пріучить дѣтей къ самостоятельному, сознательному чтенію читать съ ними въ классѣ хорошо подобранныя книги, причемъ читаетъ вслухъ или самъ учащій, или кто-нибудь изъ дѣтей, остальныя слушаютъ. Такой пріемъ имѣетъ вообще большое значеніе какъ для общаго умственнаго развитія учениковъ, такъ и для пріохочиванія ихъ къ книгѣ. Въ особенности полезно чтеніе учащаго: обыкновенно, книга, прочитанная учащимъ, или только начатая имъ, берется потомъ дѣтьми на расхватъ; кромѣ того, тутъ дѣтямъ дается образецъ хорошаго чтенія; а бесѣды по поводу прочитанной книги, конечно, имѣютъ значеніе. Но такое чтеніе все же не даетъ дѣтямъ умѣнья самостоятельно справляться съ книгой: во-1-хъ, прочитать въ классѣ можно очень немного, въ особенности, если чтеніе сопровождается бесѣдой, а во 2-хъ, дѣти тутъ все время ведутся учащимъ, самостоятельной работы тутъ нѣтъ. Мало того, часто случается, что дѣти, съ охотой слушающія чтеніе другихъ, сами читаютъ очень неохотно; такое явленіе можно наблюдать, напр., въ семьяхъ, гдѣ взрослые—мать, гувернантка много читаютъ дѣтямъ,—имъ гораздо легче и пріятнѣе слушать хоро-

шее чтеніе и поясненіе его, чѣмъ читать и вдумываться самимъ. Кромѣ того, чтеніе вслухъ въ классѣ нисколько не помогаетъ контролированію внѣкласснаго чтенія.

Изъ всѣхъ испробованныхъ средствъ для провѣрки разумной постановки внѣкласснаго чтенія, по нашему мнѣнію, наилучшимъ является коллективное чтеніе, которое, давая просторъ для самостоятельности учащихся, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ учащему полную возможность убѣдиться, насколько книга усвоена всѣмъ классомъ, и указать учащимся, какъ слѣдуетъ пользоваться книгой и что можно вынести изъ нея; при правильной постановкѣ дѣла, коллективное чтеніе возбуждаетъ охоту къ болѣе серьезному чтенію даже въ тѣхъ дѣтяхъ, которыя при обыкновенныхъ условіяхъ довольствуются однимъ легкимъ чтеніемъ. Коллективное чтеніе начало распространяться у насъ очень недавно. Иниціатива дѣла принадлежитъ одному сельскому учителю г-ну Воронцову, который, испробовавъ веденіе коллективнаго чтенія въ своей школѣ, предложилъ Евграфу Петровичу Ковалевскому распространить эту идею и дать возможность провести опытъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Г-нъ Ковалевскій предложилъ принять участіе въ опытѣ учащимъ Московскихъ, нѣсколькихъ сельскихъ школъ и одной учительницѣ Петербургской начальной городской школы. Въ Москвѣ, кажется, отнеслись къ дѣлу не особенно сочувственно; что же касается до Петербурга, то опытъ далъ очень хорошіе результаты, и въ текущемъ учебномъ году среди учащихъ въ начальныхъ городскихъ училищахъ образовался цѣлый кружокъ, ведущій коллективное чтеніе по выработанному сообща плану. Суть дѣла состоитъ въ слѣдующемъ. Всѣмъ ученикамъ одного отдѣленія начальной школы раздается въ соотвѣтственномъ числѣ экземпляровъ одна и та же книга для прочтенія. Книга дается на опредѣленный срокъ, по прошествіи котораго со всѣми учениками на отдѣльномъ урокѣ ведется бесѣда по поводу прочитанной книги.

При организаціи коллективныхъ чтеній прежде всего возникаетъ вопросъ: какъ получить нужную книгу въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ? Даже въ богатыхъ библіотекахъ Петербургскихъ городскихъ школъ не имѣется настолько средствъ, чтобы покупать въ 15—20 экземплярахъ книги нѣсколькихъ названій; что же сказать о сельскихъ школахъ съ ихъ скудными средствами? Однако опытъ показалъ, что какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ при желаніи можно побороть и это затрудненіе. Въ кружкѣ петербургскихъ городскихъ учительницъ дѣло было организовано такъ. Прежде всего былъ составленъ списокъ книгъ, признанныхъ желательными для прочтенія: въ старшемъ отдѣленіи 20 названій книгъ, въ среднемъ 21 назв. книгъ, въ старшемъ всего на сумму 11 р. 84 к. Книги по этому

списку были, съ разрѣшенія попечителя, куплены всѣми членами кружка по одному экземпляру каждаго названія и занесены каждая въ инвентарь своей школы. Такъ какъ участницъ въ кружкѣ было 21 чел., то каждая книга была пріобрѣтена въ 21-мъ экземплярѣ. Разъ въ двѣ недѣли члены кружка собирались, и производился обмѣнъ книгъ. Каждая участница получала 21 экземпляръ книги, которая прочитывалась дѣтьми въ теченіе двухъ недѣль, и затѣмъ обмѣнивалась. Такимъ образомъ, въ теченіе года могли быть прочитаны всѣ книги, попавшія въ списокъ. На послѣднемъ собраніи книги были розданы по рукамъ, и у каждой образовался полный комплектъ выписанныхъ книгъ по 1-му экземпляру. Въ сельскихъ школахъ, гдѣ не возможны за дальностью разстоянія такія частыя собранія большого числа учащихъ, можно поступать иначе. На ту небольшую сумму, которая ассигнуется на школьную библіотеку, въ каждую изъ школъ, составившихъ кружокъ для коллективнаго чтенія, пріобрѣтается нѣсколько названій книгъ въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ, причемъ для каждой школы списокъ книгъ будетъ различный. Когда въ одной изъ школъ будутъ прочитаны всѣ книги, онѣ пересылаются въ сосѣднюю школу для обмѣна; и такъ, переходя изъ одной школы въ другую, серія книгъ, имѣющаяся въ каждой школѣ, совершаетъ въ учебный годъ полный кругъ и будетъ использована всѣми школами. Предположимъ, что 10 школъ составляютъ кружокъ и что на средства одной школы могутъ быть пріобрѣтены только 2—3 названія книгъ по 20 экземпляровъ въ каждой. За годъ книги обойдутъ всѣ школы, и всѣ ученики прочтутъ сознательно 20—30 книгъ. Предположимъ, что средняя цѣна книги будетъ 30 к.—это составитъ 6 р.—9 р. на школу, расходъ не особенно большой. Въ худшемъ случаѣ, даже 10 книгъ, прочитанныхъ за зиму съ толкомъ и пониманіемъ, уже дадутъ большіе результаты. Числомъ экземпляровъ не слѣдуетъ смущаться; не бѣда, если книгъ будетъ меньше числа учениковъ даннаго отдѣленія. Во-1-хъ, ученики могутъ мѣняться книгами, во-2-хъ, книга можетъ быть дана для прочтенія на дому нѣсколькимъ ученикамъ вмѣстѣ. Такой пріемъ не только не представляетъ неудобствъ, но имѣетъ много достоинствъ. При совмѣстномъ чтеніи возникаетъ иногда обмѣнъ мыслей, пробуждается большій интересъ къ книгѣ. Случалось иногда, что нѣсколько трудную для пониманія книгу читали вмѣстѣ сильный и слабый ученикъ. Такое чтеніе имѣло большое значеніе для обоихъ: слабый лучше справлялся съ книгой при помощи болѣе сильнаго товарища; этотъ послѣдній, помогая ему разобраться въ непонятномъ, лучше и яснѣе давалъ самъ себѣ отчетъ въ прочитанномъ. Для совмѣстнаго чтенія дѣти иногда пользовались помѣщеніемъ школы во внѣклассное время, гдѣ соби-

рались и читали безъ надзора учительницы. Въ сельской школѣ, гдѣ дѣти часто остаются въ общежитіяхъ на всю недѣлю, такія совмѣстныя чтенія особенно легко и удобно организовать. Случалось у насъ, что дѣти собирались у кого-либо изъ товарищей для совмѣстнаго чтенія. При совмѣстномъ чтеніи на дому, кто-нибудь изъ дѣтей, конечно, читаетъ вслухъ. Такое чтеніе имѣетъ большое значеніе не только для дѣтей, но и для родителей и для другихъ членовъ семьи. Слушая толковое чтеніе, вслушиваясь въ разсужденія дѣтей и разъясненія, дѣлаемыя хорошими учениками, родители заинтересовываются книгой, вступаютъ по поводу ея въ бесѣду съ дѣтьми, и такимъ образомъ книга имѣетъ вліяніе не только на учениковъ, но и на семью. Мало того, при удачномъ выборѣ книгѣ и подборѣ группы учащихся для совмѣстнаго чтенія родители наглядно убѣждаются въ результатахъ, достигнутыхъ школой, проникаются къ ней уваженіемъ. Бывали случаи, что отецъ приходилъ въ школу поблагодарить за данную дѣтямъ книгу. Конечно, и при обыкновенномъ домашнемъ чтеніи книгъ, взятыхъ изъ библіотеки, дѣти иногда читаютъ роднымъ вслухъ, но это не всегда бываетъ, а при совмѣстномъ чтеніи—чтеніе вслухъ обязательно, да еще сопровождается объясненіями и бесѣдами, что несомнѣнно производитъ большое впечатлѣніе.

При ограниченномъ количествѣ книгъ, которыя могутъ быть прочитаны за годъ, конечно, особенно важно озаботиться ихъ выборомъ. Не предлагая списка желательныхъ для коллективнаго чтенія книгъ, такъ какъ въ каждой данной школѣ въ силу особенныхъ ея условій— подбора учениковъ, взгляда на дѣло учителя, матеріальныхъ средствъ школы—списокъ этотъ необходимо будетъ нѣсколько измѣняться, скажемъ все-таки нѣсколько словъ о характерѣ матеріала для чтенія. Во-1-хъ, необходимо для коллективнаго чтенія давать книги и научнаго и беллетристическаго характера. Книги научныя съ серьезнымъ содержаніемъ, написанныя особымъ, хотя и не сухимъ (что было бы нежелательно), но дѣловымъ языкомъ, необходимо должны быть даны. Ученики начальныхъ школъ (да и они-ли одни только!) не особенно охотно читаютъ серьезныя книги, за исключеніемъ немногихъ отдѣльныхъ личностей. Они гораздо склоннѣе смотрятъ на книгу, какъ на средство для развлеченія, чѣмъ какъ на источникъ знаній. Тутъ-то особенно ясно проявляется значеніе коллективнаго чтенія—серьезныя книги охотно читаются дѣтьми, когда они знаютъ, что за чтеніемъ послѣдуетъ бесѣда, на которой будетъ выяснено все непонятное, трудное, иллюстрировано и оживлено все сухое. Что же отпугиваетъ дѣтей отъ книги научнаго содержанія? Иногда не вполнѣ понятный языкъ, иногда сухость изложенія (слишкомъ частый, увы! недоста-

токъ популярно-научныхъ книгъ), иногда неумѣнье и нелюбовь къ умственному напряженію, отсутствіе привычки вдумываться въ читаемое. При коллективномъ чтеніи со всѣми этими препятствіями легче бороться. Совмѣстными усиліями, при общей работѣ, выясняются непонятныя слова, отдѣльные, непонятные факты приводятся въ общую связь; непосильная въ одиночку умственная работа, направляемая учителемъ и раздѣляемая товарищами, пріобрѣтаетъ особый интересъ, и ученикъ съ удивленіемъ замѣчаетъ, что неинтересная на видъ книга можетъ увлечь его, что умственное напряженіе вознаграждается достигнутыми результатами.

Желательно, чтобы въ число книгъ для коллективнаго чтенія вошли книги историческаго, географическаго, естественно-научнаго содержанія, біографіи и путешествія. Важно прочитать хотя бы по одной книгѣ изъ каждаго отдѣла, такъ какъ форма изложенія, характеръ сообщаемыхъ фактовъ, методъ обращенія съ ними и языкъ каждаго рода книгъ совершенно особый. Желательно познакомить дѣтей съ этими особенностями, дать имъ толчекъ въ данномъ направленіи и возбудить интересъ къ разнымъ отраслямъ знанія, причемъ можетъ развиться вкусъ и склонность къ опредѣленной области.

Но одними научными книгами не слѣдуетъ ограничиваться; необходимо давать дѣтямъ и беллетристику. Тутъ большею частью не приходится пріохочивать дѣтей къ чтенію. Большинство читаетъ очень охотно всевозможные повѣсти, разсказы, сказки. Но умѣнье читать все-таки большею частью отсутствуетъ. Надо научить дѣтей серьезнѣе относиться къ книгамъ этого рода, научить ихъ слѣдить за развитіемъ идей книги, оцѣнивать поступки и характеры дѣйствующихъ лицъ, дѣлать выводы и сравненія. Надо пріучить ихъ останавливаться на характерныхъ подробностяхъ, красивыхъ описаніяхъ, оригинальныхъ выраженіяхъ, однимъ словомъ, пріучить ихъ внимательно относиться къ содержанію и формѣ. Кромѣ того, беллетристическія книги особенно цѣнны по тому впечатлѣнію, которое онѣ производятъ на нравственное чувство, по тѣмъ этическимъ вопросамъ, которые онѣ затрагиваютъ, и которые даютъ поводъ къ чрезвычайно важнымъ въ воспитательномъ отношеніи разговорамъ. При выборѣ книгъ научнаго содержанія необходимо обращать вниманіе на то, чтобы содержаніе книги само по себѣ представляло интересъ, чтобы языкъ былъ не слишкомъ сухъ и не слишкомъ серьезенъ, въ особенности на первыхъ порахъ, и чтобы книга не представляла слишкомъ большой трудности для пониманія. Нежелательны однако и слишкомъ легкія книги, съ которыми ученикъ можетъ легко справляться самъ; въ такомъ случаѣ ему не придется останавливать своего вниманія

и серьезно вдумываться въ читаемое. Хорошо, если книга служитъ дополненіемъ къ пройденному на урокахъ, или вообще затрагиваетъ уже знакомые вопросы; но нѣтъ необходимости, чтобы книги по исторіи или географіи, напр., составляли серію послѣдовательно подобранныхъ сочиненій, соотвѣтственно проходимому курсу. Очень полезно даже иногда дать дѣтямъ книгу, касающуюся совершенно еще неизвѣстной имъ области съ тѣмъ, чтобы они прямо изъ книги почерпнули знанія, которыя на бесѣдѣ группируются учителемъ. Такъ, намъ пришлось дать нашимъ дѣтямъ книги „Путешествіе двухъ кораблей", „Ильдіа" и „Зимовье на Студеной", прежде чѣмъ они познакомились на урокахъ географіи съ сѣверными странами. Вынесенныя дѣтьми изъ прочтенія этихъ книгъ свѣдѣнія оказались вполнѣ достаточными для того, чтобы при должной группировкѣ и освѣщеніи у нихъ получилась довольно полная картина сѣвернаго края и жизни его обитателей. Такъ же самостоятельно изъ книги Иванова „О землѣ и небѣ" почерпнули дѣти многія понятія изъ космографіи. Такое пользованіе книгой имѣетъ еще большее значеніе, чѣмъ чтеніе серьезныхъ статей иллюстрирующихъ и пополняющихъ пройденное на урокѣ. Оно важно для будущаго — дальнѣйшее самообразованіе возможно только въ томъ случаѣ, если учащійся научится извлекать изъ книги знанія и обобщать ихъ, или соединять въ цѣльную картину.

При выборѣ книгъ беллетристическаго содержанія нужно прежде всего избѣгать безразличныхъ въ нравственномъ отношеніи (не говоря, конечно, о вредныхъ), фальшивыхъ по тону, блѣдныхъ, не производящихъ впечатлѣнія, не будящихъ мысли.

Желательно, чтобы книги давали идеалы, рисовали личностей, своею жизнью учащихъ дѣтей добру и правдѣ, но не слѣдуетъ допускать излишняго прикрашиванія жизни, фальшивой идеализаціи. Не слѣдуетъ бояться показать правдивую печальную картину, не надо избѣгать отрицательныхъ типовъ. На фонѣ суровой дѣйствительности ярче выдѣлится идеальный образъ, отрицательные типы лучше помогутъ оцѣнить его, и борьба съ препятствіями внушитъ большее уваженіе къ герою, чѣмъ побѣдоносное безпрепятственное шествіе къ намѣченной цѣли. Желательно, конечно, чтобы вмѣстѣ съ цѣннымъ содержаніемъ книга отличалась и художественностью формы, но въ крайнемъ случаѣ, при подходящемъ содержаніи и желательномъ направленіи можно довольствоваться только правдивымъ, искреннимъ тономъ. Дѣти нѣсколько иначе относятся къ книгѣ, чѣмъ взрослые, и иногда ихъ мысли и чувства будитъ вещь, не отличающаяся художественностью формы. Такъ, напр., одной изъ произведшихъ самое глубокое впечатлѣніе и возбудившихъ самыя желательныя мысли нашихъ дѣтей была книга. „Маленькій гор-

бунъ", далеко не художественная по формѣ, но проникнутая искреннимъ чувствомъ. Во всякомъ случаѣ, форму изложенія все же слѣдуетъ принимать во вниманіе и особенно остерегаться искусственности, дѣланности, навязанныхъ нравоученій. И въ этомъ отдѣлѣ также желательна самостоятельная работа мысли у дѣтей.

Изложивъ главныя, на нашъ взглядъ, основанія коллективнаго чтенія, перейдемъ къ способу, какимъ мы вели его. Это былъ, какъ уже сказано, первый опытъ. Мы вели эти чтенія со старшими отдѣленіями двухъ школъ для мальчиковъ и для дѣвочекъ, причемъ учительницы этихъ школъ чередовались. Такое соединеніе имѣетъ многое за себя: оно очень интересно для наблюденія отношеній къ одной и той же книгѣ мальчиковъ и дѣвочекъ, причемъ оказалось, что отношеніе это далеко не одинаково.

Мальчики выказываютъ гораздо больше интереса къ книгамъ естественно-научнымъ и путешествіямъ, чѣмъ дѣвочки, которыя интересуются больше исторіей, но преимущественно все же беллетристикой. При этомъ и въ этой области замѣтно большое различіе вкусовъ: мальчики любятъ больше героическіе разсказы, или изобилующіе приключеніями, дѣвочки—трогательные, „жалостные", какъ онѣ выражаются. „Ужъ очень хорошая книга" говоритъ одна дѣвочка, возвращая „Зимовье на Студеной": „такъ мнѣ понравилась—весь вечеръ проплакала". Далѣе, отношеніе къ дѣйствующимъ лицамъ совсѣмъ иное у мальчиковъ и у дѣвочекъ. Такъ, напр., при разборѣ „Тараса Бульбы" всѣ, или почти всѣ, мальчики восхищаются Тарасомъ и Остапомъ; это ихъ любимыя дѣйствующія лица, тогда какъ многія дѣвочки находятъ ихъ слишкомъ грубыми, жестокими; привлекаетъ ихъ больше Андрій своей мягкостью, поэтичностью: онѣ не негодуютъ на его измѣну, а сожалѣютъ его.

Совмѣстныя бесѣды имѣютъ и нѣкоторые недостатки: дѣвочки, въ особенности первое время, стѣсняются говорить вполнѣ свободно и искренно передъ мальчиками; ихъ самолюбіе и застѣнчивость служатъ большой помѣхой, но мало-по-малу, въ особенности если бесѣда идетъ удачно, онѣ становятся бойчѣе. У насъ, впрочемъ, были особенно хорошія условія. Оба отдѣленія въ продолженіе всего года занимались совмѣстно исторіей и географіей и привыкли другъ къ другу; кромѣ того, при случайно хорошемъ составѣ класса, у дѣтей сложились очень хорошія дружественныя отношенія. Насколько эти отношенія были хороши и тонъ бесѣдъ былъ искренній, видно изъ слѣдующаго случая. При разборѣ одной очень заинтересовавшей дѣтей книги „Сара Кру" Бернета бесѣда приняла совершенно неожиданно для учительницы, очень задушевный характеръ. Дѣти отклонились отъ намѣченнаго учительницей пути и занялись вопро-

сомъ: „хорошо-ли быть скрытнымъ?“ Надо сказать, что героиня разсказа возбудила большое сочувствіе дѣтей, а однимъ изъ ея характеристическихъ свойствъ было умѣнье владѣть собой и скрывать отъ постороннихъ свои чувства, всю свою внутреннюю жизнь. Большинство дѣтей, конечно, стояло за полную откровенность, хотя ихъ, въ особенности дѣвочекъ, очень поражалъ характеръ героини и ея скрытность возбуждала уваженіе. Между прочимъ, во время оживленнаго разговора, одинъ изъ мальчиковъ, довольно уже большой, лѣтъ 11—12, милымъ, искреннимъ тономъ сказалъ: „Нѣтъ, я такъ не могу ничего скрывать. Если я сдѣлаю что-нибудь дурное, мнѣ такъ тяжело, пока мамѣ не разскажу все“. И такъ было мило выраженіе его открытаго лица, такъ задушевенъ тонъ голоса, такъ искренне признаніе, несмотря на присутствіе не только товарищей по классу, но и дѣвочекъ и двухъ учительницъ, что нельзя было сомнѣваться въ полной нестѣсненности бесѣды, въ простотѣ и искренности отношеній. Конечно, такое настроеніе было не всегда, и иногда, у дѣвочекъ въ особенности, замѣчалась нѣкоторая сдержанность, неувѣренность. Въ виду этого, тамъ, гдѣ школы не стоятъ въ такихъ хорошихъ условіяхъ для сближенія между собою, какъ это было у насъ, бесѣду лучше вести отдѣльно, не соединяясь съ другими школами. Она сохранитъ болѣе интимный семейный характеръ.

Дѣло велось у насъ такъ. Мы раздавали дѣтямъ книги на недѣльный срокъ. Болѣе длинныя или трудныя, требовавшія болѣе внимательнаго отношенія, давались и на двѣ недѣли. Одну книгу, а именно „Путешествіе двухъ кораблей“, мы дали, предупредивъ, что черезъ недѣлю будетъ бесѣда только по поводу первой части, описанія сѣверной природы, а вторую часть—описаніе экспедиціи къ сѣверному полюсу—разберемъ на слѣдующей недѣлѣ. Но такое раздѣленіе книги на части было исключительнымъ: большею частью недѣльнаго срока было вполнѣ достаточно. Мы предупредили дѣтей, что эти книги имъ даются съ иной цѣлью, чѣмъ всѣ остальныя, которыя они берутъ изъ библіотеки; что имъ придется дать отчетъ о прочитанномъ, и поэтому надо особенно внимательно прочесть и обдумать все. Дѣти сразу заинтересовались этимъ, какъ всегда каждой новинкой, и съ нетерпѣніемъ ожидали дня бесѣды. Чтобы придать еще болѣе интереса и вмѣстѣ съ тѣмъ устранить характеръ урока, а сдѣлать бесѣду болѣе домашней, мы собирали дѣтей во внѣклассное время, по вечерамъ. Ученики городскихъ школъ въ силу плохой домашней обстановки и семейнаго характера начальной школы, любятъ ее, и придти лишній разъ въ неурочный часъ для нихъ большое удовольствіе.

Желая сохранить какъ можно болѣе неофиціальный характеръ этихъ занятій, мы исключили всякую обязательность и заявили, что тѣ, кто почему нибудь не успѣетъ или не захочетъ прочитать незаинтересовавшую книгу, можетъ не читать ее; при этомъ и не читавшіе имѣютъ право придти на разборъ книги и слушать, если имъ захочется. Это наше заявленіе не было пустымъ словомъ; случалось, что кто-нибудь изъ дѣтей (чаще дѣвочки, какъ болѣе занятыя дома) не дочитывали книги—мы не ставили имъ этого въ вину. Былъ среди учениковъ очень лѣнивый и вмѣстѣ съ тѣмъ самостоятельный мальчикъ. Онъ не читалъ многихъ изъ предложенныхъ книгъ и на вопросъ учительницы о причинѣ прехладнокровно отвѣчалъ: „Не хотѣлось, лѣнь было". Несмотря на досаду, учительница не пыталась заставить его прочесть, такъ какъ этимъ былъ бы нарушенъ одинъ изъ главныхъ принциповъ, на которыхъ, по нашему мнѣнію, должно быть основано занятіе коллективнымъ чтеніемъ: оно не должно быть обязательно, дѣти сами должны сознать его интересъ и пользу; тогда только оно будетъ плодотворнымъ и возбудитъ охоту къ чтенію. Этотъ лѣнивый, но очень послушный мальчикъ, не читая многихъ книгъ, все же присутствовалъ на многихъ бесѣдахъ; иногда разговоръ по поводу книги возбуждалъ въ немъ интересъ къ ней, и онъ просилъ учительницу дать ему прочитать эту книгу уже послѣ того, какъ дѣти дали о ней отчетъ.

Такъ было между прочимъ съ книгой Красногорской „Докторъ Гаазъ", написанной блѣдно и сухо, но бесѣда по поводу которой была такъ удачна, личность святого доктора такъ обрисовалась и сдѣлалась понятна дѣтямъ, что нашъ лѣнивецъ усердно просилъ дать ему книжку и прочелъ ее.

Еще интереснѣе было дѣло съ одной изъ дѣвочекъ. Эта дѣвочка развивалась очень туго. Когда она поступила въ школу, она казалась намъ идіоткой. Только на третій годъ она выучилась читать. На четвертый стала нѣсколько сознательнѣе относиться къ читаемому, спрашивать объясненія непонятныхъ словъ и т. п. Съ первыми книгами, данными для коллективнаго чтенія, она совсѣмъ не могла справиться. Мы думали было устранить ее отъ участія въ этомъ чтеніи, но она, не дочитывая книгъ, убѣдительно просила пустить ее на бесѣду. Мы пустили. Она замѣчательно внимательно вслушивалась во все, что говорилось, и видно было, наглядно замѣтно было, какъ прояснялось ея сознаніе. Мало-по-малу она стала читать; болѣе трудныя книги она прочитывала вмѣстѣ съ самой умной ученицей въ классѣ, милой дѣвочкой, которая нисколько не тяготилась этимъ и не считала себя руководительницей. Дѣло выходило очень просто: книгъ было мало, приходилось выдавать одну

на двухъ, и мы всегда соединяли эту отсталую дѣвочку съ лучшей ученицей. Это даже сдружило и прекрасно повліяло на плохую ученицу; умница же не поглупѣла, правда, стала нѣсколько шаловливѣе и шумнѣе подъ вліяніемъ своей менѣе сдержанной сосѣдки, но это еще не большая бѣда. Какъ была счастлива неспособная дѣвочка, огда сама убѣдилась, что можетъ понимать, можетъ отвѣчать, какъ гордились ея удачными отвѣтами и она сама, и ея товарки, да и обѣ учительницы!

Если книга казалась намъ нѣсколько трудной или изложеніе ея запутаннымъ (въ первое время мы давали не выбранныя нами самими книги, но присланныя въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ для опыта), то мы давали дѣтямъ до прочтенія рядъ вопросовъ, руководствуясь которыми они могли лучше усвоить содержаніе и понять идею произведенія. Съ самаго начала мы роздали дѣтямъ особыя тетради и предложили выписывать въ нихъ во 1) всѣ непонятныя слова и выраженія, 2) все, что имъ особенно понравится, заинтересуетъ ихъ, 3), вообще все, что имъ захочется, что они хотѣли бы запомнить. Непонятныя слова мы рекомендовали записывать на полъ-страницѣ такъ, чтобы рядомъ можно было написать поясненіе.

Въ теченіе всей недѣли дѣти каждую свободную минуту подходили къ намъ со своими тетрадями и вписывали объясненіе непонятныхъ словъ. Такимъ образомъ къ концу года у нихъ составился маленькій словарь. Нѣкоторыя изъ дѣтей очень умѣло дѣлали эти выписки: если въ книгѣ, которую они читали, было поясненіе незнакомыхъ словъ—въ самомъ ли текстѣ или въ выноскѣ, или въ примѣчаніи, они выписывали рядомъ съ незнакомымъ словомъ и поясненіе его. Хорошо также пріучить дѣтей въ такихъ случаяхъ пользоваться словаремъ, который помѣщается въ концѣ очень многихъ хрестоматій. Что касается другихъ выписокъ, то не всѣ, въ особенности въ началѣ, умѣли толково справиться съ ними.

Нѣкоторыя ученицы выписывали что попало, понявъ эту работу, какъ упражненіе въ простомъ списываніи, другія же выписывали дѣйствительно произведшія на нихъ впечатлѣнія мѣста.

При этомъ интересно было наблюдать вкусъ дѣтей: такъ, у одной дѣвочки были вписаны исключительно описанія смерти, у другихъ описанія природы. У мальчиковъ какъ-то самъ собой установился обычай выписывать вкратцѣ все, что было сдѣлано замѣчательнаго героями разсказа; одна изъ дѣвочекъ—самая умная ученица, очень удачно въ самыхъ общихъ чертахъ передавала содержаніе книги.

Если въ текстѣ попадались стихотворенія цѣликомъ или въ отрывкахъ, они непремѣнно выписывались всѣми, безъ исключенія, безъ

всякаго понужденія. Очень часто стихотворенія заучивались наизусть. Многіе мальчики выписывали изъ историческихъ произведеній годы замѣчательныхъ событій и историческія имена. Если выписки были удачны или интересны, онѣ прочитывались иногда классу; но никакая работа не была обязательна, и, случалось, что нѣкоторыя дѣти совсѣмъ не дѣлали выписокъ. Намъ хотѣлось, чтобы эта работа была непохожа на обязательный урокъ. Съ учащимися болѣе взрослыми, конечно, дѣло можетъ быть поставлено иначе—и характеръ выписокъ иной и требованія другія. Во всякомъ случаѣ тутъ важно уже то, что дѣти привыкнутъ читать книгу съ карандашемъ въ рукахъ, останавливаться, обдумывать и перечитывать отдѣльныя мѣста, не пробѣгая небрежно страницу за страницей.

Мы сами, конечно, готовились къ разбору книги. Мы составляли себѣ планъ бесѣды, отмѣчали все, что могло остановить вниманіе дѣтей, что могло затруднить ихъ. Если книга была научнаго содержанія, подготовляли заранѣе тѣ картины, которыми слѣдовало иллюстрировать бесѣду, тѣ опыты, которые надо было продѣлать. Вести бесѣду безъ плана нежелательно, такъ какъ, нестѣсняемая опредѣленными рамками, она грозитъ превратиться въ случайный разговоръ о разныхъ, несвязанныхъ между собой предметахъ. Но строго, неуклонно держаться разъ избраннаго плана тоже нежелательно, даже, пожалуй, невозможно. Разъ книга увлекла дѣтей, разъ ходъ бесѣды удаченъ, и дѣти задѣты за живое, они заставляютъ совершенно уклониться отъ предварительнаго плана. Забудешь невольно всѣ намѣренія, всѣ поставленныя задачи и идешь, куда ведутъ дѣти, чувствуя, что никакая выработка, никакой самый удачный планъ не замѣнитъ той живой струи, которая просочилась такъ неожиданно, никакіе подготовительные выводы и поученія не принесутъ столько пользы, не сблизятъ такъ съ дѣтьми, какъ эта живая непринужденная бесѣда при особомъ размягченномъ настроеніи. Конечно, такія бесѣды очень рѣдки, такое настроеніе можно назвать исключительнымъ и разсчитывать на него нельзя, а безъ подходящаго настроенія отдавать дѣло въ руки дѣтей вовсе нежелательно—можетъ выйти одна болтовня. Поэтому-то и необходимо имѣть опредѣленный планъ, но не держаться его педантично. Иногда случается, что дѣло идетъ совсѣмъ вяло: или книга не заинтересовала дѣтей, или нѣсколько выше ихъ пониманія, или нѣтъ подходящаго настроенія. Тогда приходится прибѣгать къ разнымъ особымъ пріемамъ.

Такъ, напр., дѣти совсѣмъ не могли передать сколько-нибудь связно содержаніе книги „Приключенія двухъ кораблей.“ Это объясняется не трудностью содержанія, не малымъ интересомъ книги

а формой изложенія. Изложена книга просто, доступнымъ языкомъ, но въ этомъ изложеніи есть крупный недостатокъ: масса событій, приключеній, иногда довольно однообразныхъ, переданы очень однотонно, не выдѣлено болѣе крупное, важнѣйшее; поэтому дѣти невольно теряются въ подробностяхъ, упуская цѣлое.

Тогда учительница пришла на помощь дѣтямъ: она разработала съ ними одну или двѣ главы, составила конспектъ, въ которомъ обозначены были только главные факты и отброшены всѣ мелочи и предложила къ слѣдующему разу подготовить такъ весь дальнѣйшій разсказъ. Такая работа очень помогла дѣлу, а для одной изъ дѣвочекъ дала неожиданные результаты.

Съ этихъ поръ эта ученица, не очень развитая, но очень самолюбивая и старательная, при чтеніи каждой болѣе или менѣе серьезной книги составляла конспектъ по главамъ. Правда, она дѣлала это не одна, а съ помощью старшей сестры, окончившей 2-хъклассное училище, но это все же было очень полезно для нея. Интересно то, что никто не требовалъ отъ нея этой работы, но она неуклонно выполняла, видимо сознавая, что при такой разработкѣ книга становится для нея понятнѣе. Учительница одобряла ее, но не предложила никому слѣдовать ея примѣру, и, въ дѣйствительности, никто и не выполнялъ, кромѣ нея, такой работы.

Бесѣды велись очень различно. Полнаго пересказа прочитанной книги никогда не требовалось.

При чтеніи книги научнаго содержанія, хотя бы въ беллетристической формѣ, разрозненныя отдѣльныя свѣдѣнія, почерпнутыя дѣтьми изъ книги, группировали по отдѣламъ.

Такъ напр., послѣ чтенія книги „Ильдіа" Симоновой, рисующей бытъ самоѣдовъ, дѣтямъ предложено было разсказать, что они узнали изъ книги о природѣ тундры, о животныхъ, водящихся въ ней, о бытѣ самоѣдовъ, ихъ занятіяхъ, ихъ вѣрованіяхъ, ихъ свадебныхъ, похоронныхъ обрядахъ, ихъ характерѣ.

При чтеніи книгъ беллетристическихъ обращалось вниманіе на характеристику дѣйствующихъ лицъ, причемъ дѣти должны были подтвердить эту характеристику пересказомъ эпизодовъ изъ книги, рисующихъ характеръ даннаго лица. Затѣмъ дѣлались общіе выводы, и велась бесѣда по поводу примѣненія этихъ выводовъ къ жизни дѣтей.

Обыкновенно одна изъ учительницъ вела урокъ, другая записывала отвѣты дѣтей. Конечно, записи велись не стенографически; мы старались только уловить общій характеръ отвѣтовъ, но самые оригинальные иногда удавалось записывать дословно. Приведемъ для примѣра три бесѣды.

Прочитана была книга „*Печальникъ земли русской*“ Догановичъ. Мы получили эту книгу раньше, чѣмъ дѣти познакомились на урокахъ исторіи съ эпохой Грознаго, но это не помѣшало дѣлу. Пришлось только подробнѣе, чѣмъ обыкновенно, остановиться на содержаніи книги, предложить рядъ болѣе мелкихъ вопросовъ, исчерпывавшихъ это содержаніе. Приводимъ эти вопросы и болѣе интересные изъ отвѣтовъ

На сколько частей можно раздѣлить этотъ разсказъ? „На 2 части—Филиппъ въ Соловецкомъ монастырѣ и Филиппъ въ Москвѣ.“ Кто былъ Филиппъ? Когда родился? Къ чему его готовили? Какой былъ мальчикъ? „Не особенно способный, но очень прилежный и настойчивый“.

Что особенно любилъ читать? „Священныя книги“.—Житіе отшельниковъ—Чему хотѣлъ посвятить себя? Дѣти привели выдержки изъ стихотворенія: „Труду, молитвѣ, пѣснопѣнью“. Отчего ему было такъ „трудно при дворѣ“? „Не выносилъ лжи“. „Его чистая и правдивая душа страдала“. Что онъ искалъ въ церкви? Какія слова Евангелія его поразили? (Тексты по моему совѣту заранѣе были выписаны дѣтьми). „Никто не можетъ служить двумъ господамъ“.—Ищите прежде Царствія Божія и правды Его, и сія все приложится вамъ.—Что онъ сдѣлалъ? Когда ушелъ? Дальше было предложено дѣтямъ разсказать о жизни Филиппа съ момента ухода изъ Москвы до поступленія въ монастырь.

Что чувствовалъ Филиппъ на свободѣ въ пути? „На сердцѣ становилось легко, пріятно“.—Онъ любилъ природу и чувствовалъ, что тутъ нѣтъ соблазна. „Что ему служило храмомъ? „Вся природа“. Дѣти затѣмъ разсказали о томъ, какъ онъ утолялъ голодъ, жажду, какъ провелъ первую ночь, какъ обмѣнялся съ нищимъ одеждою, какъ поступилъ къ крестьянамъ въ услуженіе, какъ работалъ, на что употребилъ заработокъ. Какъ складывалась его жизнь осенью, зимою, какъ онъ заболѣлъ, какъ нанялся на лѣто въ пастухи, какъ любилъ свое занятіе и какъ, наконецъ, добрался до монастыря. На мой вопросъ „Почему онъ старался быть хорошимъ пастухомъ, такъ любилъ и заботился о своемъ стадѣ?“ дѣти отвѣтили: „Онъ готовился быть пастыремъ добрымъ“. Опишите Соловецкую обитель того времени. Кто былъ основателемъ? Гдѣ находится? Какъ Филиппъ себя готовилъ къ подвижнической жизни? „Выполнялъ самыя трудныя послушанія“. Какъ относились къ нему монахи? „Его принимали за простого человѣка“.—„Обращались съ нимъ дурно“.—„Взваливали на него всякія тяжелыя работы“.—Его бранили и даже били.—Чѣмъ онъ всѣхъ обезоружилъ? „Кротостью“.—„Смиреніемъ“.—„Любовью“. „Его, дѣйствительно, всѣ полюбили“. Затѣмъ дѣти разсказали о

подвижнической жизни святителя Филиппа въ пустынѣ. Какъ могло случиться, что его выбрали въ игумены? „Его всѣ уважали за его отшельническую жизнь". Что сдѣлалъ св. Филиппъ — игуменъ для Соловецкой обители? „Возвелъ каменныя зданія для общежитія".— „Построилъ каменную церковь".—„Успенскій соборъ."—„Устроилъ дороги".—„Выкопалъ канавы, чѣмъ высушилъ острова".—„Соединилъ острова мостами".—„Завелъ стада оленей, коровъ".

„Улучшилъ соленыя варницы".—„Построилъ больницы".—Откуда притекло богатство въ монастырь? „Слава о Соловкахъ разнеслась по всей Русской землѣ, и въ монастырь стала стекаться со всѣхъ концовъ отечества масса богомольцевъ, а съ ними и казна".—„Богатые и знатные вносили большіе вклады".—Нѣкоторыя изъ дѣтей выписали стихотвореніе, приведенное въ книгѣ, а одна дѣвочка наизусть сказала „Народъ богомольный, подвижники вѣры, туда свое горе несли, стекаясь въ обитель, на островъ пустынный, со всей православной земли".

Прежде чѣмъ приступить къ бесѣдѣ о дѣятельности Св. Филиппа въ Москвѣ, дѣти вкратцѣ передали историческія свѣдѣнія, которыя почерпнули изъ повѣсти (Дѣтство Іоанна Грознаго, Женитьба его. Правленіе бояръ — я сама передала дѣтямъ вкратцѣ). Пожаръ въ Москвѣ. 13 лѣтъ благополучнаго царствованія Іоанна Грознаго. Болѣзнь его. Смерть Анастасіи. Перемѣна въ характерѣ Іоанна Грознаго. Жизнь его въ Александровской слободѣ. Опричники. Затѣмъ приступили ко 2-й части и пересказали.—Призваніе св. Филиппа въ Москву. Прощаніе съ иноками, отъѣздъ и встрѣчи въ пути. Затѣмъ были предложены вопросы: Какъ встрѣтилъ царь Филиппа? „Онъ обласкалъ его и щедро одарилъ". Какъ отказывался Филиппъ отъ сана митрополита? „Онъ говорилъ:—это не по моимъ силамъ, я маленькая лодочка, и большой грузъ поглотитъ меня". Какое условіе онъ ставилъ царю? „Онъ требовалъ, чтобы царь уничтожилъ опричину". „Потомъ онъ сдѣлался митрополитомъ, но съ тѣмъ, что ему позволили заступаться за опальныхъ". Чего ожидалъ отъ него царь? народъ? бояре? „Царь, что м. Филиппъ будетъ благословлять его поступки". „Народъ и бояре ждали помощи". Какъ смотрѣли на него опричники? „Опричники не любили митр. Филиппа".—„Они его боялись".—„Они думали, что митр. Филиппъ повліяетъ на царя, и что они погибнутъ". На что разсчитывалъ самъ митр. Филиппъ? „Что онъ сдѣлаетъ царя добрымъ". „Что наступитъ на Руси правда". Какія бѣдствія скоро начались? „Начались страшныя казни". Дѣти привели различные примѣры о казняхъ, о жестокостяхъ Іоанна Грознаго, почерпнутые ими изъ книги. Далѣе дѣти разсказали подробно все содержаніе книги. Эпилогъ произвелъ на дѣтей громадное впе-

чатлѣніе: большинство изъ нихъ наизусть выучили отрывки изъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ этой главѣ и характеризующихъ митр. Филиппа и въ особенности Іоанна.

Въ концѣ бесѣды были предложены обобщающіе вопросы.

1. Какимъ вамъ кажется Филиппъ? Получились разнообразные отвѣты: „Терпѣливый". „Благочестивый". „Крѣпкій сердцемъ". „Всегда стоялъ за правду". „Смиренный и кроткій". „Сострадательный". За что же боролся великій святитель? Отвѣты получились слишкомъ общіе: „За вѣру".—„За правду".—Какъ боролся Филиппъ? „Однимъ словомъ".—„Упованіемъ на Бога".—„Терпѣніемъ".—„Сердцемъ".—Почему онъ названъ Печальникомъ земли русской? „Онъ печалился о народѣ".—„Заботился о несчастныхъ".—„Пекся о народѣ", сказалъ кто-то, видимо производя слово печальникъ отъ слова пещись. „Жалѣлъ, сострадалъ". Какое же значеніе имѣла жизнь Филиппа, вѣдь не измѣнилъ Іоанна, опричины не уничтожилъ? „Онъ утѣшалъ людей". „Онъ иногда вліялъ на Іоанна, строго обличалъ его всенародно. Все таки иногда стыдно станетъ". Имѣетъ ли для насъ значеніе примѣръ этого великаго человѣка? „И мы должны всегда стоять за правду". „И мы бы могли трудиться, хоть не такъ, какъ онъ", отвѣчали дѣти (Интересно, что въ нынѣшнемъ году, во время подобной бесѣды, получился слѣдующій неожиданный отвѣтъ: „Мы и теперь подражаемъ Филиппу. Японцы намъ сколько зла дѣлаютъ, а мы имъ никакого не дѣлаемъ". Мальчикъ, давшій этотъ неподходящій отвѣтъ, одинъ изъ самыхъ умныхъ въ школѣ, много читающій, развитой и очень впечатлительный. Дѣло было вскорѣ послѣ начала войны; неожиданное нападеніе японцевъ такъ поразило его, война такъ занимала всѣ мысли, что онъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ вспоминалъ ее). Читали-ли вы эту книгу родителямъ или кому-нибудь дома, и что они сказали про нее? Оказалось, что 3 дѣвочки и 5 мальчиковъ читали отцу и матери; у одного изъ дѣтей всѣ жильцы квартиры, сдаваемой по угламъ, слушали; у другого отецъ носилъ книгу на фабрику. Родители сказали: „Почаще-бы такія книги давали".

Что чувствовали вы, читая эту книгу? „Любовь къ Филиппу". „Жалость къ нему". „Жалость къ Іоанну", отвѣчали нѣкоторые. Почему же вы жалѣете Іоанна? „Онъ былъ невиноватъ, его научали", сказала одна дѣвочка. „Онъ могъ-бы и не хотѣлъ бы, да всѣхъ подозрѣвалъ, потому что бояре клеветали другъ на друга". Двумъ мальчикамъ жаль было и Скуратова. „Его лукавый наставлялъ". „Онъ несчастный, ему на томъ свѣтѣ худо будетъ", сказалъ другой. Одной дѣвочкѣ жаль было „народъ", какъ выразилась она. Одному мальчику Сильвестра. Относительно Филиппа явилось разногласіе—одинъ мальчикъ и одна дѣвочка говорили, что имъ не жаль его. Это

насъ очень удивило, и мы спросили, почему. „Потому что онъ, что хотѣлъ, то все-таки сдѣлалъ“.—„Онъ утѣшалъ себя молитвой“. „Ему на томъ свѣтѣ будетъ хорошо“. Къ сожалѣнію, мы не записали, который изъ этихъ отвѣтовъ принадлежалъ дѣвочкѣ, который мальчику, а это было-бы интересно знать.

Чѣмъ нравится вамъ митр. Филиппъ? „Онъ стоялъ за правду, не боялся смерти“. „Одинъ только говорилъ царю правду“. „У него было каменное сердце,—получился неудачный отвѣтъ. Оказалось, что подъ каменнымъ сердцемъ надо было подразумѣвать *твердый характеръ*. „Онъ всю жизнь стоялъ за правду“.

Наконецъ, былъ предложенъ послѣдній вопросъ.—Понравилась-ли вамъ книга? Всѣ очень оживленно выражали свое одобреніе, причемъ одна дѣвочка сказала: „Когда я читала, меня морозъ по кожѣ подиралъ“. А одинъ мальчикъ маленькій, худенькій, очень способный прибавилъ: „Мнѣ такъ Іоаннъ Грозный ночью чудился; я проснулся, а онъ ко мнѣ къ постели подходитъ“. Какимъ же онъ тебѣ чудился? закричали всѣ. „Такой истощенный, волоса дыбомъ, со сверкающими глазами, въ бѣлой рубахѣ (тутъ дѣвочка прервала: „а мнѣ такъ онъ кажется въ монашеской одеждѣ“), въ лѣвой рукѣ палка“, съ увлеченіемъ описываетъ мальчикъ. Его разсказъ такъ заинтересовалъ учительницу, что она предложила дѣтямъ разсказать, какимъ-бы они хотѣли нарисовать Филиппа. Желающіе нашлись, и получилось слѣдующее описаніе: „Филиппъ стоитъ въ церкви, въ монашеской одеждѣ, молится, поднявъ руки къ небу. Онъ средняго роста, худой, лицо жалостное, глаза кроткіе, смотрѣть на него хорошо“. Можетъ быть, дѣти и видѣли какую-нибудь подходящую картину, но во всякомъ случаѣ интересны были эти подробности, интересно знать, какими представляются дѣтямъ эти историческія личности. Въ общемъ книга произвела большое впечатлѣніе, и бесѣда была оживленная.

Приведемъ для примѣра другой разборъ книги, не передавая всего хода урока, а только окончательные выводы. Дѣтямъ была дана серія книгъ г-жи Сысоевой подъ общимъ заглавіемъ „Сказки природы“. Двѣ первыя касались жизни растеній и животныхъ и были разобраны ранѣе. Разборъ третьей, „Силы стихійныя“, наиболѣе трудной изъ всей серіи, я привожу здѣсь. Послѣ краткой передачи содержанія всѣхъ статей этого сборника и повторительной бесѣды о предыдущихъ книгахъ этой серіи, иллюстрированныхъ большимъ количествомъ картинъ, были предложены слѣдующіе выводные вопросы: О какихъ силахъ стихійныхъ говорится въ этой статьѣ? „Объ огнѣ и водѣ“. Почему они названы силами? „Потому что они наносятъ страшный вредъ и могутъ уничтожить совсѣмъ“. Есть-ли полное уничтоженіе въ природѣ? „Нѣтъ, всякая смерть даетъ новую

жизнь“ (это выраженіе дѣти привели изъ книги). Напримѣръ? „Послѣ пожара на моховомъ болотѣ образовалась хорошая почва, чудно росъ хлѣбъ, поселились люди“. Какую пользу приносятъ эти иногда грозныя стихійныя силы? „Вода смачиваетъ землю“. „Вода даетъ плодородіе“. „Вода даетъ жизнь людямъ и животнымъ“. „Безъ воды и огня земля бы пропадала“. Какъ человѣкъ заставляетъ работать воду? „Устраиваетъ водокачки“. „Водой заливаетъ пожары“. „Устраиваютъ водяныя мельницы“. „Посредствомъ пара движется паровозъ“. Что дало людямъ возможность запречь эту силу? „Разумъ и знаніе“. (Отвѣтъ можетъ показаться слишкомъ разумнымъ и возбудилъ мое удивленіе; ученикъ, давшій этотъ отвѣтъ, отличается умомъ и большими способностями). Какую пользу приноситъ огонь? „Огонь грѣетъ“. „Огонь свѣтитъ“. „Безъ огня мы ничего не могли бы сдѣлать“. Какъ во всѣхъ этихъ разсказахъ называется природа? „Волшебница“. Почему? „Потому что она дѣлаетъ чудеса, какъ волшебникъ въ сказкѣ“.

Приведемъ еще для примѣра бесѣду по прочтеніи книги „Жизнь и труды Гololя“. Эта книга дана была послѣ того, какъ дѣти познакомились съ нѣкоторыми произведеніями Гоголя. Намъ хотѣлось знать, могутъ ли дѣти, прочитавъ затѣмъ біографію писателя, составить себѣ нѣкоторое понятіе о его личности и характерѣ его произведеній. Надо сознаться, что условія для этого опыта были не очень благопріятныя. Личность Гоголя слишкомъ сложна и мало понятна и для взрослаго человѣка, не только для ребенка; произведенія его тоже не могутъ быть оцѣнены дѣтьми того возраста, съ которыми мы имѣемъ дѣло. Глубина юмора Гоголя совершенно непонятна дѣтямъ: они замѣчаютъ только смѣшную сторону его, а въ комизмѣ положеній и рѣчи обращаетъ на себя ихъ вниманіе грубость, которая забавляетъ иныхъ и не нравится другимъ, болѣе нѣжнымъ натурамъ. Почуять невидимыя слезы подъ видимымъ смѣхомъ дѣти обыкновенно не могутъ безъ помощи и разъясненія учителя. Не всѣмъ имъ и нравится Гоголь, хотя нѣкоторыя читаютъ съ увлеченіемъ. Въ немъ привлекаетъ дѣтей внѣшній интересъ разсказа, крупныя страшныя событія, какъ, напр., въ сказкахъ, героическіе подвиги—въ Тарасѣ Бульбѣ;—дѣти чувствуютъ красоту его описаній. Ихъ яркость, нѣкоторая напыщенность дѣлаетъ ихъ болѣе замѣтными дѣтямъ, чѣмъ болѣе тонко, нѣжно нарисованныя картины. Что касается пошлости житейской, которая нашла себѣ такого яркаго изобразителя въ Гоголѣ, она не интересуетъ дѣтей, они не негодуютъ на нее и не участвуютъ въ ней—до дѣтской души пошлость, которая овладѣетъ большей частью изъ нихъ въ недалекомъ будущемъ, еще не коснулась, и они смотрятъ на ея изображеніе равнодушно. Поэтому мы удовлетворились вполнѣ тѣмъ, что

удалось вынести дѣтямъ: они сумѣли, напр., несочувственно отнестись къ спокойной благодушной жизни Пульхеріи Ивановны, съумѣли по своему выяснить себѣ, что главная причина такой безцвѣтной пустой жизни—отсутствіе труда и какихъ-либо интересовъ. Но все же мы не взяли бы на другой разъ Гоголя для коллективнаго чтенія. Въ этотъ разъ намъ пришлось остановиться на немъ, такъ какъ у насъ не было еще своего списка книгъ, а мы довольствовались присланными намъ не по нашему выбору.

Передъ началомъ бесѣды пришлось выяснить значеніе біографій великихъ людей, вообще; въ немногихъ словахъ дѣтямъ было указано, во-1-хъ, что родина должна помнить своихъ великихъ людей и интересоваться ими, во 2-хъ, что, зная жизнь писателей съ дѣтства, можно лучше понять ихъ произведенія. Затѣмъ были предложены слѣдующіе вопросы: Гдѣ родился и провелъ дѣтство Гоголь? Кто были его родители? Каково ему жилось? Какова природа Малороссіи? (Къ этому времени дѣти пріобрѣли уже нѣкоторыя необходимыя географическія свѣдѣнія). Затѣмъ, указавъ, что жизнь среди красивой мѣстности научила Гоголя съ дѣтства любить природу и восхищаться ею, учительница спросила—въ чемъ выразилась любовь Гоголя къ родному краю и его природѣ, и получился отвѣтъ: „Во всѣхъ сочиненіяхъ онъ описываетъ красоту Малороссіи". Были приведены и примѣры. Почему Гоголь съ дѣтства любилъ все, что касалось родины, и хорошо зналъ все, что было въ старину? „Изъ разсказовъ дѣдушки". „Слышалъ разсказы про прадѣдовъ". „Слышалъ разсказы про славную жизнь запорожцевъ". Послѣ этого, напомнивъ, что содержаніе многихъ сказокъ прямо взято Гоголемъ изъ разсказовъ отца и бабушки, учительница спросила, не читали ли дѣти самостоятельно какія-нибудь сказки, кромѣ данныхъ и разобранныхъ въ школѣ. Оказалось, что 2 мальчика читали и другія; такъ, напр., ими былъ прочитанъ „Вій", который очень привлекаетъ ихъ тѣмъ, что „онъ страшный". Что еще разсказывалъ дѣдушка Гоголю? Дѣти затруднились отвѣтомъ. Пришлось напомнить имъ о повѣріяхъ, обычаяхъ, примѣтахъ, о которыхъ передавалъ ему дѣдъ. Дѣти безъ затрудненія приводили примѣры изъ прочитаннаго. Какимъ ребенкомъ росъ Гоголь? „Онъ былъ задумчивый, слабый, очень способный, лѣнивый, не любилъ учиться". Рано-ли онъ началъ сочинять? Гдѣ онъ учился? Любили-ли его товарищи? Чѣмъ онъ любилъ заниматься? Куда и зачѣмъ стремился? „Въ Петербургъ". Зачѣмъ? — дѣти не могли отвѣтить, и пришлось выяснить, что онъ разсчитывалъ тамъ скорѣе всего послужить родинѣ. Каково ему жилось въ Петербургѣ первое время? Какое первое его сочиненіе? Что вы читали изъ произведеній Гоголя помимо школы? Нѣкоторые изъ мальчиковъ чита-

ли „Шинель“. Всѣ дѣти видѣли „Ревизора“ на сценѣ Александринскаго театра на безплатномъ спектаклѣ, причемъ содержаніе пьесы было заранѣе разсказано имъ и нѣкоторыя сцены прочтены. Что изъ произведеній Гоголя нравится вамъ больше всего? Мальчикамъ „Тарасъ Бульба“ и „Ночь подъ Рождество“. Дѣвочкамъ „Майская ночь“. Какихъ людей Гоголь описывалъ чаще всего—хорошихъ или дурныхъ? Перечислите хорошихъ. Дѣти назвали Тараса, Остапа и Акакія Акакіевича, причемъ опять возобновился прежній споръ по поводу осужденія дѣвочками Тараса и Остапа за грубость. Пришлось выяснять, что и тотъ, и другой жили въ такое время, когда сила, удальство и грубость были качествами, необходимыми для успѣшной борьбы съ врагами родины. Въ какомъ произведеніи больше всего дурныхъ людей? Дѣти отвѣтили, что больше всего дурныхъ людей въ „Ревизорѣ“ „Они берутъ взятки и не дѣлаютъ своего долга“, прибавили они. Кто изъ дѣйствующихъ лицъ вамъ особенно не нравится? Большинство мальчиковъ сказало, что городничій хуже всѣхъ, потому что онъ злой и жестокій человѣкъ. Кто дурные люди въ „Шинели“? „Чиновники“. Хорошіе или дурные люди Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ? „Дурные, потому что сутяги“, отвѣтилъ мальчикъ. „Имъ нечего было дѣлать, оттого и ссорились“ отвѣтила дѣвочка. Нравятся-ли вамъ Пульхерія Ивановна и Аѳанасій Ивановичъ? 4 дѣвочки и 2 мальчика отвѣтили отрицательно. На вопросъ, чѣмъ же они дурны, дѣвочки сказали: „Пульхерія Ивановна даже передъ смертью не заботилась о своей душѣ“. Мальчики же отвѣтили: „Нѣтъ у нихъ дѣла, нѣтъ заботъ, какъ только о себѣ, плохіе люди“. На подобный отвѣтъ дѣти не были искусственно наведены; пониманіе отрицательной стороны характеровъ и жизни дѣйствующихъ лицъ объясняется тѣмъ, что на урокахъ въ началѣ учебнаго года въ классѣ читались отрывки изъ „Обломова“, и тогда указывалось на нежелательную обстановку, въ которой росъ Ильюша Обломовъ, и обсуждались тѣ же несимпатичныя черты, которыя дѣти безъ труда отыскали и у милыхъ старичковъ. Остальные, впрочемъ, признавали за ними достоинства, указывая на ихъ доброту, гостепріимство и любовь другъ къ другу. Дальше пришлось уже выяснить самой отношеніе Гоголя къ отрицательнымъ героямъ, указать на значеніе его смѣха и на состраданіе, которое возбуждаютъ его хотя смѣшные, но жалкіе герои. Вполнѣ понять истинный смыслъ и значеніе произведеній Гоголя дѣти, конечно, не могутъ. О „мертвыхъ душахъ“ и послѣднихъ годахъ жизни Гоголя въ бесѣдѣ не упоминалось, такъ какъ эти темы уже окончательно не доступны дѣтямъ школьнаго возраста.

Къ сожалѣнію, приводимыя нами бесѣды недостаточно характер-

ны и не подтверждаютъ вполнѣ всѣхъ выставленныхъ нами положеній: такъ, напр., въ нихъ не видна самостоятельная работа мысли дѣтей, нѣтъ оригинальныхъ вопросовъ дѣтей, нѣтъ тѣхъ уклоненій, иногда особенно цѣнныхъ, которыя вызываются затронутыми дѣтьми вопросами. Это объясняется тѣмъ, что мы пользуемся только записями перваго года, когда, во 1-хъ, дѣло было совсѣмъ ново и для насъ, и для дѣтей, а во 2-хъ, выборомъ книгъ руководили не мы сами. Мы могли бы представить болѣе яркіе примѣры изъ чтеній нынѣшняго года, но они войдутъ въ сборникъ, который предполагаетъ издать кружокъ учащихъ, организовавшій коллективныя чтенія.

Теперь попробуемъ дать себѣ отчетъ, какихъ же результатовъ достигли мы при занятіяхъ коллективнымъ чтеніемъ. Что дало оно для насъ, для дѣтей? Для насъ такое чтеніе дало очень много. Оно показало намъ яснѣе, чѣмъ прежде, что дѣти не умѣютъ читать книгъ, что навыкъ къ самостоятельному чтенію долженъ быть имъ привитъ, что путь къ пользованію книгой долженъ быть имъ указанъ учителемъ. Далѣе, бесѣды показали намъ, какъ разнообразно относятся къ одной и той же книгѣ отдѣльные ученики—одни почерпаютъ одно, другіе изъ той же книги другое. Наконецъ эти бесѣды сблизили насъ съ дѣтьми, дали возможность иногда заглянуть въ сокровенные уголки дѣтской души и понять тѣ ея черты, которыя были скрыты отъ насъ. Конечно, такіе случаи очень рѣдки и такой характеръ бесѣды принимаютъ только при особыхъ условіяхъ. Мы не привели здѣсь ни одной такой задушевной бесѣды. Кромѣ того, на этихъ чтеніяхъ выяснилось для насъ больше, чѣмъ прежде, относительное достоинство различныхъ книгъ какъ со стороны ихъ доступности для дѣтей, такъ и силы производимаго ими впечатлѣнія.

Что же касается до результатовъ коллективнаго чтенія по отношенію къ дѣтямъ, они превзошли наши ожиданія. Эти чтенія и бесѣды прежде всего очень повліяли на умственное развитіе дѣтей. И не мудрено. Книга, прочитанная въ одиночку, иногда бывала не вполнѣ понята дѣтьми и не оставляла никакого слѣда, не заставляла работать умственно; если и зарождались какіе-нибудь вопросы, они замирали неудовлетворенные. Дѣтямъ той среды, съ которыми мы имѣемъ дѣло въ нашихъ школахъ, не къ кому обратиться дома (за единичными исключеніями) за поясненіемъ, за отвѣтомъ; въ школѣ же во время уроковъ мысли заняты не тѣмъ, въ свободное время—свои интересы. Нужно, чтобы книга очень сильно затронула ребенка, чтобы онъ думалъ о ней не только во время чтенія, а и въ свободные часы. При бесѣдахъ же по поводу прочитаннаго, когда все повторяется и возстаетъ въ памяти, всплываютъ и зародившіеся

вопросы и промелькнувшія мысли. Мало того, дѣти готовятся къ бесѣдѣ, знаютъ, что имъ отвѣтятъ на всѣ ихъ вопросы, и обдумываютъ, что бы они могли сказать, спросить. Наконецъ, бываютъ такіе неподвижные, апатичные умы, которые не любятъ размышлять, въ которыхъ какъ будто не возникаетъ никакихъ вопросовъ. Ихъ будитъ толчокъ извнѣ. Болѣе живые, отзывчивые товарищи втягиваютъ ихъ въ работу, при удачной бесѣдѣ общее оживленіе отражается на нихъ. Наконецъ, они прислушиваются къ чужимъ вопросамъ и отвѣтамъ и съ удивленіемъ видятъ, что изъ книги можно было вынести многое, чего они не сумѣли и не могли вынести, и на слѣдующій разъ относятся къ дѣлу вдумчивѣе. Иногда такое обсужденіе книги заставляло мало развитыхъ дѣтей понять ее, они заинтересовывались книгой, получившей для нихъ совсѣмъ иное освѣщеніе, и просили перечитать еще разъ. Иногда, какъ мы уже говорили, бесѣды по поводу книги способствовали пробужденію казалось бы, совсѣмъ спящаго сознанія.

Затѣмъ главный результатъ, ради котораго собственно и вводилось коллективное чтеніе,—а именно серьезное отношеніе къ книгѣ былъ достигнутъ вполнѣ. Дѣти, зная, что имъ придется дать отчетъ, участвовать въ общей бесѣдѣ, внимательно и иногда не одинъ разъ перечитывали книгу, усердно выписывали все непонятное и вообще готовились очень серьезно и, надо сказать, очень охотно.

Если бесѣда почему-либо откладывалась, они были очень огорчены.

Противъ такого внимательнаго приготовленія къ отчету прочитанной книги возстаютъ нѣкоторые изъ противниковъ введенія коллективнаго чтенія. Они говорятъ, что требованіе отчета можетъ отбить охоту къ чтенію. Тутъ, какъ и во всемъ школьномъ дѣлѣ, необходимо чувство мѣры, тактъ воспитателя. Какъ мы уже неоднократно говорили, одно изъ главныхъ условій успѣха коллективнаго чтенія—его необязательность.

Если учащій сумѣлъ возбудить въ дѣтяхъ интересъ — дѣло выиграно. Если даже чувство соревнованія, можетъ быть, самолюбіе заставляютъ дѣтей вначалѣ усердно заниматься данной книгой — и то не бѣда. Мало-по-малу явится навыкъ къ умственной работѣ, и сама эта работа будетъ доставлять удовольствіе, независимо отъ стараній учителя и чувства удовлетвореннаго самолюбія при удачѣ. Дѣло именно въ отсутствіи принудительности. Если ученикъ сидитъ за книгой съ неудовольствіемъ, не умѣя съ ней справиться, но боясь бросить ее, потому что съ него взыщутъ за неприготовленный урокъ—все значеніе коллективнаго чтенія пропало. Вмѣсто любви къ серьезному чтенію—получится отвращеніе, и, какъ бы ни были

на видъ удачны результаты, цѣль недостигнута. Другое возраженіе противниковъ коллективнаго чтенія тоже легко опровергнуть: говорятъ, что дѣтямъ будутъ навязаны книги для чтенія, что ихъ иниціативѣ не будетъ простора, ихъ вкусы не будутъ приняты во вниманіе. Это возраженіе основано прямо на недоразумѣніи. Коллективное чтеніе не исключаетъ индивидуальнаго. Наши дѣти все время, кромѣ книгъ, данныхъ учительницей, брали изъ школьной библіотеки книги по своему вкусу; мало того, спросъ на книги даже увеличился, такъ какъ охота къ чтенію возросла, и пришлось даже ограничивать нѣкоторыхъ, бравшихъ на домъ 2, 3 книги въ недѣлю. Конечно, бываютъ такіе случаи, когда дѣтямъ нѣтъ времени прочесть книгу сверхъ данной для коллективнаго чтенія—по домашнимъ ли обстоятельствамъ, или потому что они съ трудомъ справляются съ уроками, задаваемыми на домъ, безъ которыхъ, къ сожалѣнію, не обходятся и наши начальныя школы. Въ такихъ случаяхъ легко придти дѣтямъ на помощь. Не говоря объ уменьшеніи уроковъ, что было бы лучше всего, можно только давать книги для коллективнаго чтенія на болѣе продолжительный срокъ, или дѣлать между ними перерывъ, чтобы дѣти могли во время его почитать по своему выбору, что крайне необходимо. У насъ, какъ уже было сказано, этого дѣлать не пришлось, дѣти успѣвали читать книги по своему и по нашему выбору. Но коллективное чтеніе оказало свое вліяніе и на выборъ книгъ: случалось, что дѣти, заинтересовавшись книгой, бесѣдой по поводу ея, или отдѣльнымъ вопросомъ, просили дать прочесть книгу по этому поводу. Такъ, напр., послѣ чтенія книги „О землѣ и небѣ“ нѣкоторые просили дать прочесть что-нибудь о звѣздахъ и т. п.

Коллективное чтеніе имѣло вліяніе и въ нравственномъ отношеніи. Оно вызвало хорошія товарищескія отношенія не только между учениками одного класса, но и между двумя школами. Особенно хорошо дѣйствовало совмѣстное чтеніе на дому группы учениковъ: общая и вмѣстѣ съ тѣмъ самостоятельная работа, товарищеская помощь — все это желательные способы нравственнаго воздѣйствія.

Какъ уже было указано, очень удачны были опыты совмѣстнаго чтенія слабой ученицы съ болѣе сильной — удачны не только въ умственномъ отношеніи, но и въ нравственномъ — тутъ была товарищеская поддержка, выражающаяся не въ обычномъ подсказываніи или переписываніи, а въ разумной помощи въ умственной работѣ. Такіе кружки домашняго чтенія могли бы продолжать свое существованіе и по окончаніи дѣтьми курса, но, къ сожалѣнію, наши ученики покидаютъ школу въ такомъ раннемъ возрастѣ, что трудно ожидать отъ нихъ продолженія самостоятельныхъ совмѣстныхъ за-

нятій чтеніемъ. Другое дѣло, если эти занятія ведутся подъ руководствомъ учителя нѣсколько лѣтъ и съ болѣе взрослыми дѣтьми. Тутъ невольно приходитъ въ голову мысль, какое громадное значеніе могли бы имѣть коллективныя чтенія въ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Тамъ они могли бы, конечно, быть поставлены гораздо шире—больше матеріальныхъ средствъ, больше возможности предложить ученикамъ пріобрѣтать книги, большая степень умственнаго развитія, большая продолжительность лѣтъ обученія. Съ годами матеріалъ для чтенія могъ бы все расширяться, характеръ бесѣдъ становиться серьезнѣе. Если же дѣло будетъ поставлено удачно, какъ усилилось бы вліяніе учителя, который въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ слѣдилъ-бы за постепеннымъ умственнымъ развитіемъ, за возникновеніемъ вкусовъ наклонностей, за образованіемъ идеаловъ. Кто знаетъ, можетъ быть „вода, которую учителя напрасно ждутъ на свои колеса", не просачивалась бы черезъ плотину, и вліяніе и руководство учителя не были бы пустыми словами. Съ годами, конечно, участіе учителя должно бы становиться все меньше и меньше, ограничиваясь только немногими указаніями относительно выбора книги, и затѣмъ могли бы образоваться вполнѣ самостоятельные кружки молодежи для серьезнаго хорошаго чтенія. Это пока еще утопія, но, вѣдь, случается, что и мечты сбываются. Какъ бы то ни было, мы увѣрены, что коллективное чтеніе ждетъ большое будущее.

О. Х. Павловичъ и Е. П. Рѣпина.

Народныя библіотеки въ Архангельской губ.

Въ Архангельской губерніи народныя библіотеки стали открываться за послѣднія пять лѣтъ. Раньше въ этой обширной губерніи народныя библіотеки почти отсутствовали,—можно было насчитать всего какихъ-либо 5 народныхъ библіотекъ. Населеніе, если и брало книгу, то только изъ училищныхъ библіотекъ начальныхъ школъ вѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія. Но эти училищныя библіотеки влачили и влачатъ жалкое существованіе. Онѣ совершенно не пополнялись новыми книгами. Потому мѣстное населеніе совершенно индифферентно относилось къ училищнымъ библіотекамъ, мало интересовалось ими, и почти не брало изъ нихъ книгъ для чтенія на домъ. Директоръ народныхъ училищъ въ отчетѣ *) за 1903 г. такъ отзывается о школьныхъ библіотекахъ: „Въ библіотекахъ училищъ, которыя существуютъ уже многіе годы, имѣется значительное количество книгъ за старые годы, даже 50-е и 60-е гг., не отвѣчающіе запросомъ какъ учащихъ и учащихся, такъ и посторонныхъ читателей. Вновь же выходящими книгами библіотеки мало пополняются за недостаткомъ средствъ на этотъ предметъ, такъ какъ отпускаемыя училищамъ суммы на пріобрѣтеніе книгъ и учебныхъ пособій (24—60 руб. въ годъ по одноклассным и до 100 руб. по двухклассным училищамъ) почти всецѣло расходуются на пополненіе недостатка учебниковъ и на пріобрѣтеніе писчебумажныхъ принадлежностей“.

Въ 1899 г. въ г. Архангельскѣ начало функціонировать Общество для содѣйствія распространенію народнаго образованія, главная цѣль котораго устраивать въ Архангельской губерніи народныя библіотеки. За пять лѣтъ своего существованія (1899—1903 г.г.) общество открыло 25 библіотекъ. Результаты эти не велики. За такой промежутокъ времени можно было бы сдѣлать больше. Но Общество совершенно не располагаетъ матеріальными средствами, его годовой расходный бюджетъ колеблется отъ 800 руб. до 1000 руб. А главное, въ этомъ Обществѣ нѣтъ интеллигентныхъ силъ, которыя бы могли оживить дѣятельность его, привлечь вниманіе къ нему мѣстныхъ обывателей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и матеріальныя средства на нужды Общества. Насколько индиферентно относятся члены Общества къ дѣламъ его, можно видѣть изъ слѣдующаго факта. 13-го іюня теку-

*) См. „Обзоръ Архангельской губерніи за 1903 г.“. Архангельскъ, 1903 г.

щаго года было общее годичное собраніе, на которое явилось только 9 членовъ Общества—большинство изъ нихъ члены правленія. И это послѣ вторичнаго назначенія собранія: первое, 6-го іюня, не состоялось, за неприбытіемъ законнаго числа членовъ Общества!..

Къ 1-му января 1904 г. во всѣхъ библіотекахъ Общества имѣлось 7.860 книгъ. Эти книги по отдѣламъ библіотеки распредѣляются такъ: по беллетристикѣ—44,4%, по религіозно-нравственному отдѣлу—17,6%, по исторіи—13,8%, по географіи и естествовѣдѣнію — 12,3%, по сельскому хозяйству — 5,2%, книги юридическаго содержанія—2,7%, по гигіенѣ и медицинѣ—2,3%, книги разнаго содержанія—1,7%.

Во всѣхъ библіотекахъ Общества за 1903 годъ было 2.565 подписчиковъ, въ среднемъ на 1 библіотеку приходится 102,6 подписчика. Подписчиками библіотеки являются мѣстные крестьяне, такъ какъ всѣ библіотеки Общества находятся въ селахъ. Дѣти (до 13 лѣтъ) составляютъ главную массу читателей, 55%; затѣмъ идутъ подростки—21,4%, взрослые (21—40 лѣтъ)—20,2% и лица старшаго и преклоннаго возраста (съ 41 года и старше)—3,4%. Въ прошломъ году всѣмъ подписчикамъ было выдано 16.653 тома. Больше всего требовались книги изъ отдѣловъ: словесность, исторія и религіозно-нравственный.

Обязанности библіотекарей исполняли безвозмездно учителя тѣхъ начальныхъ школъ, при которыхъ находятся народныя библіотеки Общества. Библіотеки существуютъ при школахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Правленіе Общества за труды учителей по библіотекамъ высылало и въ текущемъ году высылаетъ каждому учителю „Журналъ для всѣхъ". Въ этомъ году Общее собраніе постановило еще выписать для каждой библіотеки „Биржевыя Вѣдомости", съ тѣмъ условіемъ, чтобы эта газета выдавалась на домъ и подписчикамъ библіотеки.

Книги изъ библіотекъ Общества выдаются отъ одного до трехъ разъ въ недѣлю.

Кромѣ библіотекъ Общества въ Архангельской губерніи начали устраиваться библіотеки на средства Земскаго сбора. Въ прошломъ году въ распоряженіе директора народныхъ училищъ, предсѣдателя Общества для содѣйствія распространенію народнаго образованія, поступили отъ архангельскаго распорядительнаго комитета средства, изъ земскихъ сборовъ Архангельской губерніи смѣты 1902—1904 гг., на 29 народныхъ безплатныхъ библіотекъ, по 100 рублей на каждую. Кромѣ того, на пополненіе 18 открытыхъ библіотекъ было отпущено оттуда же 1.333 рубля. Всѣ эти деньги пошли на покупку книгъ,—всего куплено 8.760 книгъ на сумму 4.233 рубля. Библіотеки эти были организованы и разосланы по мѣстамъ назначенія правленіемъ Общества для содѣйствія распространенію народнаго образованія. Въ смѣту 1905—1907 гг. архангельскимъ распорядительнымъ комитетомъ тоже внесено нѣсколько тысячъ рублей на устройство народныхъ библіотекъ, а также на пополненіе книгами открытыхъ библіотекъ. Къ сожалѣнію, о библіотекахъ, открытыхъ на земскія суммы, пока нѣтъ никакихъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно

было бы составить хотя нѣкоторое представленіе объ ихъ дѣятельности.

Есть еще третья категорія народныхъ библіотекъ, открытыхъ Архангельскимъ Попечительствомъ о народной трезвости, возникшимъ въ 1901 году, но приступившимъ къ своей дѣятельности въ 1902 году. Попечительство располагаетъ большими матеріальными средствами: въ 1903 году было израсходовано на разныя нужды Попечительства 22½ тыс. рублей. Помимо этого, оно еще не израсходовало остатокъ къ началу 1904 г.—16 тыс. рублей. Такая экономія совершенно непонятна, когда въ губерніи ощущается страшная нужда въ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ для народа. За два года (1902—1903 гг.) существованія, Попечительство открыло только 22 народныя библіотеки (сверхъ того при 10 чайныхъ выписываются періодическія изданія). Попечительство составляетъ такіе *краткіе* отчеты, что въ нихъ, кромѣ голыхъ цыфръ, нельзя ничего найти. Между тѣмъ оно свободно можетъ составить болѣе подробные отчеты. Изъ послѣдняго отчета Попечительства (обзоръ Архангельской губерніи за 1903 г.) видно только слѣдующее: за 1903 г. въ библіотекахъ-читальняхъ перебывало 17.118 читателей, а абонентовъ—2.200 человѣкъ.

Остальныя народныя библіотеки, функціонирующія въ Архангельской губерніи, возникли или на средства сельскихъ обществъ, или на средства частныхъ лицъ, или по иниціативѣ кружковъ сельской интеллигенціи, или наконецъ при помощи архангельскаго Общества трезвости.

Всего безплатныхъ народныхъ библіотекъ числится къ началу 1904 г.—по отчету директора народныхъ училищъ за 1903 годъ—99 во всей губерніи. Такимъ образомъ, одна народная библіотека приходится на 7526 квадратныхъ верстъ и 400 жителей обоего пола.

Эти цыфры показываютъ, насколько незначительно число библіотекъ въ губерніи. Въ сосѣдней Вологодской губерніи, благодаря дѣятельности земствъ, существовало въ началѣ текущаго года 465 библіотекъ. Тамъ, несмотря на обширную площадь губерніи, въ среднемъ на 1 библіотеку приходится 759 кв. верстъ. Сравнительно съ Архангельской губ. пространства на 1 библіотеку падаетъ въ 10 разъ меньше.

Намъ думается, что только мѣстные общественные органы въ лицѣ будущихъ земствъ могутъ поставить библіотечное дѣло, какъ и вообще внѣшкольное образованіе народа, на должную высоту въ огромной по пространству Архангельской губерніи.

А. А. Локтинъ.

Критика и библіографія.

Ив. Ивановъ. Вопросы молодости. СПБ. 1904 г. Стр. 233. Ц. 90 коп.

Названная книга знаменуетъ весьма любопытное явленіе. Не очень давно воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній призывались лишь къ тщательному исполненію учебныхъ обязанностей, особенно по древнимъ языкамъ. Чѣмъ старше былъ классъ, тѣмъ тяжеле чувствовалась обязанность: въ близкомъ будущемъ виднѣлся страшный экзаменъ зрѣлости, исключенія малоуспѣвающихъ возрастали числомъ, долбня усиливалась, страхъ и трепетъ обнималъ порѣдѣвшіе ряды школьниковъ—какъ бы не провалиться на страшномъ судѣ. Тутъ было не до философіи, не до этики, ни до чего посторонняго, не касающагося прямо экзамена. Между тѣмъ превратить живого юношу исключительно въ прилежнаго долбителя грамматикъ, руководствъ и пособій невозможно; духъ человѣчности оставался все же и въ этихъ юношахъ, разные вопросы, не положенные учебными планами и программами, волновали ихъ и заставляли задумываться. Поэтому, какъ скоро та ужасная школьная повинность, которая была наложена на школьниковъ толстовско-деляновскимъ режимомъ, свалилась съ ихъ плечъ, высшіе запросы и потребности духа сейчасъ же обнаружились, требуя удовлетворенія.

Вотъ что говоритъ авторъ о возникновеніи своей книги: „Въ теченіе многихъ лѣтъ, пользуясь праздничными вечерами, я бесѣдовалъ съ молодежью старшихъ классовъ средней школы на весьма разнообразныя темы. Многолѣтнія наблюденія убѣдили меня въ томъ, что учащееся юношество, не имѣя возможности систематически изучать науку о нравственности, обнаруживаетъ очень сильное стремленіе къ уясненію вопросовъ этики: желаніе поддержать это стремленіе въ молодежи и своевременно помочь ей разобраться въ рѣшеніи основныхъ вопросовъ жизни—является главной причиной появленія въ печати предлагаемой книги“.

Итакъ, живъ курилка; какъ ни исчахла наша школа подъ гнетомъ толстовско-деляновскаго классицизма, какъ ни механизировалась циркулярами и формальными требованіями, все же запросы духа не угасли въ учащихся: разныя философскія проблемы продолжали назойливо представляться ихъ уму

Лучъ свѣта все же есть въ нашей средней школѣ; въ ней вѣетъ еще дыханіе жизни и побуждаетъ доброжелательныхъ людей на поддержку божественной искры любознательности въ учащихся. Поэтому мы не можемъ не привѣтствовать съ искреннимъ удовольствіемъ появленіе „Вопросовъ молодости".

Главною темою своей книги авторъ избралъ вопросъ о счастьѣ, потому что счастья ищутъ всѣ; для всѣхъ оно заманчиво и желанно, а потому споры и разсужденія о томъ, какъ вѣрнѣе всего возможно достигнуть счастья, должны интересовать пытливую молодежь. Выборъ сдѣланъ удачно; вопросъ о счастьѣ одинъ изъ самыхъ основныхъ и широкихъ вѣчныхъ вопросовъ. Рѣшаетъ его авторъ въ трезвомъ идеалистическомъ смыслѣ, можетъ быть, и не ново, но совершенно правильно. Онъ разъясняетъ, что слова нравственность, долгъ, добродѣтель не исключаютъ заботъ и попеченій о насъ самихъ, не уничтожаютъ законнаго эгоизма. „Несомнѣнно, каждый человѣкъ поступаетъ хорошо потому, что хорошіе поступки доставляютъ удовольствіе, прежде всего, ему самому... Лишите людей тѣхъ пріятныхъ эмоцій, которыми сопровождаются въ нихъ всякія проявленія благожелательности, и подвиги самопожертвованія исчезнутъ... Всякое нравственное правило непремѣнно вытекаетъ изъ нашей любви къ себѣ и изъ чувства самоуваженія... Отнимите у человѣка любовь къ себѣ, и онъ не будетъ любить никого и перестанетъ быть нравственнымъ" (стр. 86). Но человѣкъ—существо общественное: онъ по самой своей природѣ ищетъ сближенія и союза съ подобными себѣ. Внѣ общества человѣкъ немыслимъ ни физически, ни духовно: почти все, что есть въ мысляхъ и сердцѣ каждаго, а равно и все окружающее человѣка, является результатомъ работы всего человѣчества, въ которой каждый трудится для всѣхъ и всѣ для каждаго. Необходима связь отдѣльнаго „я" съ другими, необходимы жертвы для другихъ со стороны нашего „я". „Такимъ образомъ", заключаетъ авторъ, „не только религія, философія и наука, но и практика жизни одинаково заставляютъ насъ признать возможность счастья лишь тамъ, гдѣ устанавливается равновѣсіе между личными запросами и жертвами ради другихъ" (стр. 89).

Авторъ ссылками на животный міръ, именно на явленія симбіоза, на материнское чувство и вообще на заботы живыхъ существъ о потомствѣ доказываетъ необходимость жертвъ для другихъ. По нашему мнѣнію, эта мысль заслуживала бы болѣе широкаго и обстоятельнаго выясненія. Дѣло въ томъ, что пониманіе жизни, какъ борьбы за существованіе, слишкомъ сильно укоренилось въ современныхъ умахъ. Поэтому необходимо твердой рукой нарисовать широкую картину другой стороны жизни—содружества живыхъ существъ, ихъ взаимной помощи и жертвъ другъ для друга. Особенно это необходимо сдѣлать для юношей, въ цѣляхъ правильнаго склада ихъ міровоззрѣнія и нравственныхъ убѣжденій, такъ какъ борьбой за существованіе имъ прожужжали уши.

Раздѣляя по существу воззрѣнія автора на счастье, мы не можемъ со-

гласиться съ отдѣльными его мыслями, въ которыхъ онъ зашелъ слишкомъ далеко въ оправданіи нѣкоторыхъ существующихъ явленій. Такъ, авторъ утверждаетъ, что всякаго рода страданія тѣлесныя и духовныя, физическія боли и нравственныя терзанія не только нужны, но и необходимы. Физическія страданія и физическія наслажденія будто бы взаимно обусловлены самой огранизаціей нашего тѣла и другъ безъ друга немыслимы; безъ мученій голода, холода, ушибовъ, уколовъ люди калѣчились бы на каждомъ шагу и погибали, такъ что нужно признать „тѣлесныя страданія благотворнѣйшимъ и полезнѣйшимъ факторомъ жизни“. Духовныя страданія удерживаютъ отъ безнравственныхъ поступковъ и охраняютъ здоровье нашей души такъ же, какъ тѣлесныя содѣйствуютъ благополучію тѣла. Словомъ, авторъ, вмѣстѣ съ поэтомъ Козловымъ, много пострадавшимъ въ своей жизни, говоритъ: „терпи— въ страданьяхъ благодать!“

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что сильный и мудрый человѣкъ и въ страданіяхъ сохранитъ свою душу и даже извлечетъ изъ нихъ назиданіе; но на одного такого мудреца придутся цѣлые десятки такихъ обыкновенныхъ людей, которыхъ страданія измочалятъ, придавятъ, погубятъ свободу, цѣльность и независимость ихъ личности, или ожесточатъ, сдѣлаютъ озлобленными на весь міръ. Воспѣвая благодѣтельность страданій, авторъ забылъ то громадное, неисчислимое зло, которое они приносятъ. Главная тема автора—вопросъ о счастьѣ. Но какое же отношеніе къ счастью имѣютъ страданія? Неужели способствуютъ ему? Но какимъ образомъ страданіе можетъ содѣйствовать своей противоположности—счастью? Чѣмъ-то глубоко одностороннимъ и фанатичнымъ звучитъ утвержденіе, что тѣлесное страданіе полезно. Неужели нельзя быть вполнѣ нравственнымъ человѣкомъ и наслаждаться счастьемъ, не перенеся тифа, холеры, не подвергнувшись ампутаціи какого-либо члена, не терзаясь мученіями голода, холода, ожога и т. п.? Въ физической боли никакой благодати, никакой мудрости нѣтъ.

Можетъ быть, будетъ прѣсна и однообразна жизнь, составленная изъ однихъ удовольствій, безъ страданій? Можетъ быть, самое удовольствіе потеряетъ тогда свой вкусъ, свою пряность и сдѣлается чѣмъ-то безразличнымъ, лишится притягательности? Но мы и не говоримъ о жизни, какъ о сплошномъ удовольствіи, о счастьи, какъ безпрерывномъ безконечномъ наслажденіи. Жизнь заключаетъ въ себѣ разнообразный трудъ, борьбу съ препятствіями, напряженіе силъ, утомленіе, жертвы для другихъ. Все это далеко отъ того, чтобы быть наслажденіемъ; но включать сюда еще страданія, какъ якобы благотворнѣйшій и полезнѣйшій факторъ жизни, какъ какую-то благодать, нѣтъ достаточныхъ основаній: страданія—совершенно особая статья.

Съ своей стороны мы полагали бы, что юношеству нужно проповѣдывать не необходимость и неизбѣжность страданій, а необходимость борьбы съ ними и возможность избѣгать ихъ путемъ усовершенствованія своего организма и жизненныхъ порядковъ. Отъ сколькихъ страданій избавила человѣчество наша

несовершенная медицина, отъ сколькихъ мученій освободилось человѣчество, уничтоживъ рабство и крѣпостничество, пытки и всякія мучительства и издѣвательства сильнѣйшихъ надъ слабѣйшими! Отъ какого безмѣрнаго страха и духовнаго мученія избавились люди, замѣнивъ вѣрованіе въ грозныхъ карающихъ боговъ и злыхъ духовъ, наполняющихъ вселенную и готовыхъ каждую минуту причинить всякую бѣду и пакость человѣку, вѣрой въ единаго Бога любви, истины и справедливости! Вѣдь современное состояніе человѣчества въ культурномъ отношеніи весьма низкое, потому что большинство человѣчества не владѣетъ даже и элементарнымъ образованіемъ. Пройдутъ вѣка, наши отдаленные потомки будутъ смотрѣть на насъ, какъ на дикарей, а въ проповѣди о необходимости и благотворности страданія они признаютъ выраженіе такого нашего бѣдственнаго состоянія, такого неблагоустройства матеріальнаго и нравственнаго, что намъ казалось уже невозможнымъ освободиться отъ мукъ и терзаній, и мы, стремясь къ счастью, ставя его цѣлью жизни, въ то же время въ мученіяхъ и терзаніяхъ усматривали какую-то благодать, благотворнѣйшій и полезнѣйшій факторъ жизни. Богъ съ нимъ, съ этимъ благотворнѣйшимъ и полезнѣйшимъ факторомъ! Постараемся жить безъ него, бороться съ нимъ, уменьшать его, а потомъ, если не свести его совсѣмъ на нѣтъ, то довести до малѣйшаго минимума.

А симпатичной книгѣ автора желаемъ полнаго успѣха.

П. Каптеревъ

А. В. Бѣлецкій. Попечитель Виленскаго губернскаго округа Н. А. Сергіевскій (1869—1899 г.). г. Вильна. Оттискъ изъ „Виленскаго календаря" за 1904 годъ.

Брошюра А. В. Бѣлецкаго излагаетъ вкратцѣ исторію Виленскаго учебнаго округа конца XIX-го вѣка подъ управленіемъ бывшаго попечителя этого округа, нынѣ уже покойнаго, сенатора Н. А. Сергіевскаго.

Вступивъ въ управленіе округомъ въ 1869 году послѣ смерти Н. П. Батюшкова, Н. А. Сергіевскій прежде всего, по словамъ г. Бѣлецкаго, обратилъ вниманіе на низшія учебныя заведенія ввѣреннаго ему учебнаго округа. Во всемъ обширномъ Сѣверо-Западномъ краѣ, заключающемъ въ себѣ губерніи: Виленскую, Ковенскую, Гродненскую, Минскую, Витебскую, и Могилевскую, имѣлось въ 1869 году, — кромѣ 42 уѣздныхъ училищъ — 1.405 первоначальныхъ училищъ разнаго наименованія, 434 училищныхъ отдѣленія и 13 школокъ для взрослыхъ крестьянъ. Въ 1899 году, т. е. тридцать лѣтъ спустя, число начальныхъ училищъ всѣхъ наименованій дошло лишь до цыфры 1.605; зато количество учащихся въ нихъ дѣтей поднялось за это время съ 63 тысячъ до 121$^1/_2$ тысячи. Такое ничтожное увеличеніе числа начальныхъ народныхъ школъ въ округѣ г. Бѣлецкій объясняетъ тѣмъ, что въ рукахъ попечителя не было достаточныхъ для этого средствъ, вслѣдствіе затруд-

нительнаго положенія государственнаго казначейства съ начала войны 1877—78 гг. и до половины 90-хъ годовъ. До какой степени скудно отпускались государственныя средства на расширеніе и укрѣпленіе просвѣщенія въ краѣ, прекрасно можно видѣть изъ того, что за 16 лѣтъ (1880—1896 г.) кредитъ казны на начальныя училища увеличился только на 22.993 рубля. Новыя училища за все это время могли появляться лишь тамъ, гдѣ мѣстное крестьянское населеніе могло и построить училища, и припять на себя большую часть ихъ содержанія. Но такихъ сельскихъ обществъ было, разумѣется, немного, благодаря бѣдности крестьянской массы въ краѣ и тому недовѣрію, съ какимъ относилось на первыхъ порахъ его населеніе къ русской школѣ. Статистическія данныя о числѣ учениковъ римско-католическаго исповѣданія, посѣщавшихъ начальныя училища въ періодъ 1869—1899 гг., вполнѣ подтверждаетъ наличность этого недовѣрія въ населеніи. Въ 1869 г. посѣщало школы 14.114 дѣтей-католиковъ; въ 1879 г. ихъ было 20.381, въ 1889 году—20.902, т. е. всего на 521 больше, чѣмъ за десять лѣтъ передъ тѣмъ. Съ 90-хъ годовъ начинается, по словамъ г. Бѣлецкаго, постепенный, хотя и медленный подъемъ числа дѣтей римско-католическаго исповѣданія, посѣщающихъ школу, но, къ сожалѣнію, изъ приводимыхъ имъ цыфръ не видно, происходитъ-ли этотъ „подъемъ“ вслѣдствіе естественнаго прироста населенія, а въ томъ числѣ—и дѣтей школьнаго возраста, или въ силу какихъ-либо другихъ болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ...

Уѣздныхъ училищъ, въ которыхъ могли получать элементарное образованіе дѣти городскихъ классовъ С.-З. края, было, какъ мы уже видѣли, въ 1869 году всего 42. Съ преобразованіемъ нѣкоторыхъ уѣздныхъ училищъ въ городскія (по положенію 31 мая 1872 г.), въ 1899 году существовало въ краѣ 21 городское училище; не преобразованныхъ уѣздныхъ оставалось 24 училища. Такимъ образомъ, число училищъ для образованія дѣтей городского населенія увеличилось за 30 лѣтъ на три училища. Причина медленности прироста разсадниковъ городского просвѣщенія оказывается и въ данномъ случаѣ та же самая, на какую указываетъ г. Бѣлецкій относительно сельскихъ начальныхъ школъ. Когда введено было въ краѣ новое городское положеніе, мѣстныя городскія управленія, не сочувствуя развитію русской школы и не считая болѣе для себя обязательнымъ ранѣе дѣйствовавшее административное распоряженіе графа М. Н. Муравьева объ обязательномъ денежномъ пособіи русскимъ учебнымъ заведеніямъ, стали отказываться отъ взноса этихъ пособій. Тогда попечитель округа Н. А. Сергіевскій добился сперва административнаго распоряженія о взносѣ указанныхъ пособій непосредственно въ казначейство, а когда города стали послѣ этого совсѣмъ отказываться отъ такихъ взносовъ, испросилъ въ 1891 году Высочайшее повелѣніе относительно признанія обязательными для городовъ тѣхъ пособій на городскія училища, которыя нѣкогда отпускались ими въ силу распоряженія гр. Муравьева. Ничтожный ростъ городскихъ школъ показываетъ, что и эта

послѣдняя мѣра далеко не дала тѣхъ результатовъ, на которые она, повидимому, была разсчитана. Не подлежитъ сомнѣнію, что гораздо болѣе благопріятные результаты получились бы, если бъ вмѣсто всѣхъ отмѣченныхъ принудительныхъ мѣръ былъ просто увеличенъ кредитъ на содержаніе и развитіе городскихъ училищъ непосредственно изъ средствъ государственнаго казначейства.

Также печально обстоитъ въ краѣ и дѣло средняго образованія, судя по даннымъ, какія мы находимъ въ брошюрѣ г. Бѣлецкаго. Въ 1869 г. мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній въ Виленскомъ округѣ было 16; въ томъ числѣ: 9 классическихъ гимназій, 4 реальныхъ гимназіи и 3 классическія прогимназіи. За время управленія округомъ Н. А. Сергіевскаго число гимназій увеличилось на 1: была открыта въ Вильнѣ прогимназія, преобразованная впослѣдствіи во 2-ую гимназію. Реальныя гимназіи были замѣнены реальными училищами, число которыхъ увеличилось 3-мя вновь открытыми въ г. Минскѣ, Могилевѣ и Поневѣжѣ. Нѣсколько подвинулось впередъ лишь дѣло женскаго средняго образованія. Въ 1869 г. женскихъ среднихъ школъ (правительственныхъ) совсѣмъ не было въ краѣ; приготовлялось лишь къ открытію 6-тиклассное женское училище въ Вильнѣ, преобразованное впослѣдствіи въ 8-классное „Маріинское“ училище. Кромѣ того, были открыты при Н. А. Сергіевскомъ 3 женскія гимназіи: въ Двинскѣ, Бѣлостокѣ и Шавляхъ. Успѣшность учащихся въ мужскихъ среднихъ школахъ округа измѣнилась за разсматриваемый періодъ, повидимому, весьма незначительно. Изъ $3^1/_2$ тыс. учившихся въ 1869 г. выбыло въ теченіе года $20^1/_2$ % и окончило курсъ всего 4, 3%. Къ 1874 году число выбывшихъ изъ гимназій увеличилось до 21%, а число окончившихъ курсъ упало до 1, 4%. Въ 1899 году въ гимназіяхъ окончило курсъ 4, 9%, выбыло до окончанія курса 12%; въ реальныхъ училищахъ окончило курсъ 4, 24% и выбыло до окончанія его 14, 2%. Если прибавить ко всему вышеприведенному, что во всемъ Виленскомъ учебномъ округѣ, заключающемъ 6 губерній, нѣтъ до сихъ поръ ни одного высшаго учебнаго заведенія, то картину состоянія народнаго образованія въ С. З. краѣ можно будетъ считать законченной. Эти немногія цыфры, исходящія при томъ отъ лица, близко стоящаго къ дѣлу управленія Виленскимъ учебнымъ округомъ, до такой степени краснорѣчиво говорятъ сами за себя, что едва-ли нуждаются въ какихъ-либо комментаріяхъ...

Не менѣе любопытны и тѣ данныя, которыя мы находимъ въ трудѣ г. Бѣлецкаго относительно важнѣйшихъ историческихъ моментовъ, пережитыхъ округомъ за послѣднее 30-лѣтіе. По ходатайству Н. А. Сергіевскаго, 7-го февраля 1892 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе, которымъ русскій языкъ былъ признанъ, какъ обязательный, для преподаванія Закона Божія римско-католическаго исповѣданія во всѣхъ начальныхъ училищахъ. 3-го апрѣля того же года Высочайше утверждены временныя правила, въ силу которыхъ возбужденіе дѣлъ о тайномъ обученіи во всѣхъ губерніяхъ округа возложено

на мѣстныя дирекціи народныхъ училищъ, а наложеніе самыхъ взысканій предоставлено административной, а не судебной власти. Охраняя русскій характеръ низшихъ учебныхъ заведеній въ краѣ, попечитель округа энергично противодѣйствовалъ введенію тѣхъ мѣропріятій, которыя, по его убѣжденію, шли въ разрѣзъ съ основной тенденціей его учебно-административной программы. Такъ, когда въ 1881 году послѣдовало разрѣшеніе лицамъ польскаго происхожденія открывать въ краѣ частныя учебныя заведенія, а также и поступать своекоштными воспитанниками въ Виленскій учительскій институтъ, Н. А. Сергіевскій не только не нашелъ возможнымъ привести въ исполненіе это распоряженіе, но и добился въ слѣдующемъ 1882-мъ году разрѣшенія не приводить это распоряженіе въ дѣйствіе. Въ февралѣ 1882 года послѣдовало распоряженіе министра Нар. Просв. (бар. Николаи) „о покровительствѣ домашнему обученію среди сельскаго населенія лицами, не имѣющими установленныхъ для этого учительскихъ свидѣтельствъ“. Попечитель Виленскаго учеб. округа обратился къ министру Нар. Просв. съ просьбой не распространять на ввѣренный ему округъ указаннаго распоряженія, чего и достигъ въ Министерствѣ въ концѣ того же года...

Къ сожалѣнію, не такъ легко удовлетворялись въ Петербургѣ ходатайства покойнаго попечителя объ увеличеніи средствъ, отпускаемыхъ изъ государственнаго казначейства на нужды народнаго образованія въ С. З. краѣ. Можетъ быть, въ этихъ послѣднихъ ходатайствахъ Н. А. Сергіевскій не проявлялъ той энергіи и настойчивости, какую онъ обнаруживалъ въ другихъ случаяхъ; можетъ быть, тутъ дѣйствовали другія причины, говорить о которыхъ въ данный моментъ было бы еще преждевременнымъ. „Только лишь въ послѣдніе два года управленія округомъ онъ имѣлъ радость, по словамъ г. Бѣлецкаго, видѣть, что его ходатайства объ отпускѣ денежныхъ средствъ на устройство казенныхъ училищъ стали удовлетворяться“. „Будущее въ рукахъ Божіихъ“, такъ кончаетъ г. Бѣлецкій свой обзоръ, „но все совершающееся съ 25 іюня 1899 года (дата смерти Н. А. Сергіевскаго), даетъ крѣпкую надежду округу на то, что русская школа, уже пережившая опасный періодъ своего существованія, быстро пойдетъ впередъ по пути своего развитія“. Если это такъ, то нельзя искренно не порадоваться за будущее всего С. З. края, культурно-просвѣтительные интересы и нужды котораго столь долгое время не находили вполнѣ достаточныхъ средствъ для своего полнаго и всесторонняго удовлетворенія. Если вопросъ народнаго образованія—давно назрѣвшій вопросъ для нашей страны вообще, то тѣмъ болѣе важнымъ является его правильная постановка здѣсь—на этой важнѣйшей государственной окраинѣ, отдѣляющей Россію отъ Зап. Европы.

И. П—нъ.

Dr. O. Liermann. Reformschulen nach Frankfurter und Altonaer System. Berlin, 1903.

Если автору вышеприведенной книги приходится указывать на плохое знакомство нѣмецкой публики съ такъ называемыми „реформенными“ школами, то мы смѣло можемъ утверждать, что это интересное явленіе въ школьномъ мірѣ, принявшее столь внушительные размѣры въ Германіи, почти совершенно не обратило вниманія у насъ въ Россіи даже педагоговъ. Между тѣмъ, если я скажу, что характерными особенностями этихъ реформенныхъ школъ служатъ: 1) *позднее начало древнихъ яз.*; 2) *возможность создать общую программу для младшихъ классовъ всѣхъ типовъ среднихъ школъ*; 3) *болѣе легкій переходъ изъ одной школы въ другую иного типа*; 4) *изученіе древнихъ яз., основанное на новыхъ, а не наоборотъ*, то сразу станетъ яснымъ, что точное знакомство съ ними могло бы принести намъ какъ разъ теперь большую пользу, такъ какъ и въ нашей реформируемой школѣ замѣчаются аналогичные факты. Лѣтомъ минувшаго года я былъ командированъ Мин. Нар. Просв. въ Германію для ознакомленія съ постановкою новыхъ и древнихъ яз. въ новыхъ нѣмецкихъ школахъ, и, несмотря на то, что я принципіальный противникъ ихъ, я не могу не засвидѣтельствовать, что посѣщеніе Франкфуртскихъ учебныхъ заведеній новаго типа оставило во мнѣ самое отрадное впечатлѣніе. Въ двухъ статьяхъ въ Жур. Мин. Нар. Просв. (1903 г. августъ и ноябрь) „Реформа средней школы“ и „Реформенныя школы въ Германіи“ *) я объединилъ собранныя мною свѣдѣнія и указалъ на литературу, касающуюся предмета. Среди этой литературы самое важное мѣсто должна занять книга Лирмана. Она въ первой вышедшей пока части даетъ намъ стенографическій отчетъ преній и докладовъ, происходившихъ 18 и 19 ноября 1901 г. въ собраніи дѣятелей реформенной школы въ Касселѣ. Тутъ читатель встрѣтитъ и общія разсужденія и доклады по каждому отдѣльному предмету, наконецъ, точныя расписанія уроковъ въ новыхъ школахъ и статистическія данныя по распространенію реформенныхъ школъ. Вслѣдствіе безусловной объективности автора матеріалъ, собранный въ книгѣ, имѣетъ большую цѣнность.—Одно надо помнить, что реформенная школа ничего общаго не имѣетъ съ единой школой и отнюдь не всегда имѣетъ бифуркацію.

Г. Зоргенфрей.

Шохоръ-Троцкій, С. И. Наглядность и наглядныя пособія при обученіи ариѳметикѣ. Спб. 1904 г. Стр. VIII+128. Цѣна 25 коп.

Въ этой небольшой, сравнительно, книжечкѣ, главнымъ образомъ, трактуются наглядныя пособія и случаи ихъ употребленія при обученіи ариѳметикѣ.

Въ первой главѣ авторъ каждому пособію опредѣляетъ надлежащее мѣсто

*) Тоже на нѣмец. яз. „Die Reformanstalten“ въ отчетѣ о состояніи училища при Реформатскихъ Церквахъ за 1902—3 г.

въ курсѣ ариѳметики и освѣщаетъ цѣль большинства наглядныхъ пособій, мотивы для пользованія тѣмъ или инымъ пособіемъ и пр. Во второй и третьей главахъ г. Шохоръ-Троцкій показываетъ, какъ широко и многообразно въ „ариѳметикѣ первой сотни“ примѣняются почти всѣ наглядныя пособія и какія изъ наглядныхъ пособій играютъ наибольшую роль въ „ариѳметикѣ многозначныхъ чиселъ“. Въ послѣдней, четвертой, главѣ говорится о прямой линіи, какъ наглядномъ пособіи *). Этимъ главамъ вначалѣ предпослано авторомъ введеніе, въ которомъ освѣщается необходимость наглядныхъ пособій при обученіи вообще, какъ съ психологической точки зрѣнія, такъ и съ точекъ зрѣнія дидактической и педагогической. Надо отдать полную справедливость автору, что ему удалось научно и вполнѣ ясно освѣтить и изложить нѣкоторыя ученія психологіи, касающіяся наглядности вообще, и примѣнить выводы изъ нихъ къ разработкѣ наглядныхъ пособій при обученіи ариѳметикѣ. Эта книжечка безусловно полезный вкладъ въ нашу педагогическую литературу. Мы достаточно освѣдомлены, что въ нашихъ школахъ при обученіи, большею частью, господствуютъ слова, слова... и развѣ изрѣдка иллюстрируютъ наглядными пособіями то, чему учатъ. Можетъ быть, г. Шохоръ-Троцкому посчастливится этой обстоятельной работой убѣдить учащихъ, какъ необходимо, чтобы каждый ученикъ самодѣятельно и сознательно поработалъ надъ даннымъ вопросомъ, самъ прибѣгая въ этой работѣ къ помощи соотвѣтствующаго нагляднаго пособія, и что ключъ для поддержанія въ учащихся дѣйствительнаго интереса къ дѣлу лежитъ тутъ. Мы съ своей стороны очень желали бы этого.

Н. З.

А. Ѳ. Музыченко. Творчество учениковъ земскихъ школъ. Одесса, 1903.

Послѣ небольшого введенія, въ которомъ авторъ особенно подчеркиваетъ необходимость для русскаго школьнаго дѣла „подведенія, отъ времени до времени, итоговъ для выясненія достигнутыхъ результатовъ и новыхъ назрѣвшихъ нуждъ“, и маленькой статистической таблицы, касающейся относительной трудности и развивающаго вліянія предметовъ школьнаго обученія, онъ переходитъ къ главной своей темѣ: творчеству учениковъ земскихъ школъ. Зная, что къ робкимъ попыткамъ учениковъ нельзя предъявлять никакихъ требованій относительно художественности формы, авторъ занимается только содержаніемъ стихотвореній. Остановивъ не надолго вниманіе читателя на стихотвореніи „Буръ“, тема котораго является исключительной, авторъ разбираетъ тѣ пѣсни, сюжеты которыхъ „не переходятъ за предѣлы родной де-

*) Кстати, укажемъ на оригинальныя наглядныя пособія автора разбираемой книги: „Наглядная таблица соотношеній нѣк. мѣръ протяженія“, „Таблица для классныхъ упражненій въ изустныхъ вычисленіяхъ“ и „Школьные счеты“.

ревни". Пѣсни эти затрагиваютъ самыя обыкновенныя стороны крестьянской жизни: тутъ и отъѣздъ новобранца, и печальное положеніе сироты въ домѣ мачехи, и горе жены, у которой мужъ—пьяница, и деревенская пирушка, и думы объ урожаѣ, и тоска въ одиночествѣ, и вѣра въ загробное блаженство. Съ особеннымъ удовольствіемъ авторъ останавливается на тѣхъ произведеніяхъ, въ которыхъ выражается свѣтлое отношеніе крестьянскихъ дѣтей къ школѣ, къ ученію и къ учителю. Отношеніе это, теплое, полное уваженія, дѣйствительно, трогательно, и потому вполнѣ понятно, почему авторъ не удовольствовался выпиской стихотвореній, но привелъ еще цѣлый рядъ писемъ отъ дѣтей къ одной учительницѣ, въ которыхъ отражается то же прекрасное отношеніе, полное любви и довѣрія.

Радуясь всему доброму, что успѣло привиться въ ученикахъ, авторъ не закрываетъ глазъ и на существующіе недостатки. Онъ находитъ, что стихотворенія носятъ на себѣ слишкомъ большой слѣдъ книжнаго ученія, что темы трактуются по книжному, недостаточно близко къ жизни; печалитъ его также все еще существующая въ крестьянахъ слѣпая вѣра въ судьбу и надежда на авось. Больше мощи, больше сознанія собственныхъ силъ желалъ бы онъ видѣть. Но онъ твердо вѣритъ, что при совмѣстной *живой* работѣ все это придетъ.

Заканчиваетъ авторъ свою работу пожеланіемъ процвѣтанія тому земству, которое устраиваетъ такіе „праздники народнаго просвѣщенія", какъ минувшая выставка въ Курскѣ, подавшая ему поводъ написать разобранную нами статью.

В. Н. Рогожинъ. Матеріалъ для русской библіографіи XVIII и первой четверти XIX столѣтій. СПБ. 1903. Вып. I. Цѣна 1 р.

Несмотря на скромное заглавіе, книга имѣетъ и общій интересъ. Изданныя въ первомъ выпускѣ дѣла московской цензуры въ царствованіе Павла I В. Н. Рогожинъ называетъ „новыми матеріалами для русской библіографіи и словаря русскихъ читателей". Мы прибавили-бы къ этому: „и для исторіи русскаго просвѣщенія", такъ какъ послѣдній подзаголовокъ гораздо лучше опредѣлилъ бы то впечатлѣніе, которое получается при чтеніи документовъ, чѣмъ опредѣленіе самого редактора. Если припомнимъ, что первая „вольная" типографія была открыта въ 1771 году, что въ ней печатались книги только на иностранныхъ языкахъ и притомъ такія, „кои не предосудительны ни христіанскимъ законамъ, ни правительству, ниже добронравію",—то съ этого именно года и можно начинать исторію русской цензуры. Правительствующій сенатъ разрѣшалъ владѣльцу типографіи Гартунгу печатать только то, что будетъ снабжено свидѣтельствомъ Академіи Наукъ и полиціи. Такимъ образомъ, наша Академія должна была исполнять цензорскія обязанности.

Послѣ того, какъ въ 80 годахъ XVIII вѣка изъ типографій Новикова

Лопухина и извѣстной „Типографической Компаніи“ вышло нѣсколько масонскихъ изданій, „къ явнымъ соблазнамъ клонящихся“, 23 декабря 1785 г. послѣдовалъ указъ „объ опредѣленіи духовныхъ особъ вмѣстѣ съ свѣтскими, для освидѣтельствованія книгъ, выходящихъ изъ вольныхъ типографій“. При этомъ повелѣвалось не разрѣшать къ выпуску тѣхъ изданій, „въ коихъ какія-либо колобродства, нелѣпыя умствованія и расколъ скрываются“. Наконецъ, въ 1790 г. цензурой книгъ должна была завѣдывать Управа Благочинія, которая назначала цензора, хотя „и сама за все отвѣтствовать должна“.

Но всѣ эти мѣропріятія не могли, конечно, вести дѣло въ такомъ видѣ, въ какомъ это было желательно правительству, и въ 1796 году, для прекращенія „разныхъ неудобствъ“, изданъ былъ строгій указъ о закрытіи частныхъ типографій и учрежденіи цензуры, какъ института самостоятельнаго. На основаніи архивныхъ данныхъ, появляющихся въ печати впервые, г. Рогожинъ познакомилъ насъ съ дѣлами московской цензуры за первый годъ ея существованія. Выводы его необыкновенно интересны. Во-первыхъ, мы узнаемъ имена нѣсколькихъ авторовъ, напечатавшихъ книги или подъ псевдонимомъ, или безъ фамилій; представляемыя ими въ цензуру рукописи должны были быть подписанными полностью. Во-вторыхъ, при повѣркѣ зарегистрованныхъ секретаремъ цензуры книгъ и сравненіи ихъ съ вышедшими и извѣстными въ библіографіи, оказалось, что многія совсѣмъ не появлялись по разнымъ причинамъ. Въ-третьихъ, запрещеніе нѣкоторыхъ книгъ сопровождалось подробной мотивировкой. Изъ нея видно, чего именно боялась цензура въ 1797 г. и въ чемъ именно усматривала опасный элементъ. Наконецъ, иногда сочиненія возвращались авторамъ или переводчикамъ по разнымъ причинамъ; напримѣръ, „Забавныя и смѣшныя приключенія Антона Варнисга“ возвращены „для лучшей переписки“; „О человѣкѣ философическое изображеніе“ не могло быть принято, такъ какъ „не показано въ немъ имени переводчика“; „Безсмертіе души и молитва“ передано автору—для поправки нѣкоторыхъ словъ; наконецъ одна переводная повѣсть, имѣющая связь съ русской „Элоизой“, оставлена въ цензурѣ „до справки съ оригиналомъ“.

Въ первомъ выпускѣ г. Рогожинъ разсмотрѣлъ судьбу 113 книгъ и журналовъ. Въ приложеніи изданы тексты „Журналовъ и постановленій Моск. цензуры за 1797 годъ“ и „Указы и распоряженія правительства по цензурѣ за 1796—1797 годъ“ и приложены три тщательно составленныхъ указателя.

А. И. Яцимирскій.

А. Бургеръ, врачъ. Вредное вліяніе длинныхъ волосъ на дѣтской головѣ. Матерямъ и дѣтямъ посвящаетъ свой трудъ авторъ. Спб. 1904. 87 стр. въ 12 долю. Цѣна 30 коп.

„Я придерживаюсь разъ навсегда“, говоритъ авторъ, „принятаго мною для себя правила основывать свои сужденія и дѣйствія на здравомъ смыслѣ и научныхъ данныхъ“. И вотъ, вооружившись такими средствами, авторъ

рѣшился, для достиженія намѣченной имъ цѣли, а именно, борьбы съ длинными волосами на головѣ дѣтей, „отправиться въ походъ противъ всего, заключающагося въ назрѣвшихъ и категорически поставленныхъ (имъ) къ обсужденію и рѣшенію вопросахъ".

„Длинные волосы", по мнѣнію автора, „должны болѣе или менѣе вредно вліять на здоровье дѣтей, въ чемъ, кажется, не трудно убѣдиться всякой сколько-нибудь развитой и наблюдательной матери". „Мнѣ, напримѣръ", продолжаетъ онъ, „самому много разъ приводилось видѣть, какъ длинные волосы мѣшали дѣтямъ при занятіяхъ, играхъ, развлеченіяхъ, пріемахъ пищи и питья и пр. Если бы дѣти, теперь живущія и уже умершія, сообщили правдиво о своихъ горькихъ невинныхъ слезахъ, которыя имъ приводилось проливать ночью, лежа въ постели, и не будучи въ состояніи спокойно спать по той причинѣ, что имъ слишкомъ туго заплели или закрутили случайно или умышленно волосы, то это правдивое сообщеніе должно бы произвести очень грустное впечатлѣніе". Далѣе. „Если бы мнѣ", говоритъ авторъ, „привелось подарить куклу, то я выбралъ бы куклу съ короткими волосами, а если бы такой не оказалось, то, купивши куклу съ длинными волосами, постригъ бы ей волосы прежде, чѣмъ ее дарить, чтобы не прививать напрасно дѣтямъ любовь къ такимъ волосамъ".

Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ пока можно еще, пожалуй, ссылаться на здравый смыслъ, но о научныхъ данныхъ въ нихъ пока еще нѣтъ и помина. На научность или, точнѣе, на притязаніе на научность указываетъ слѣдующій своеобразный оригинальный взглядъ автора на происхожденіе нервности у дѣтей. „Много говорятъ"—таковы его слова—„о нервности у дѣтей; но относительно этого недостатка или недуга я придерживаюсь того мнѣнія, что нервность есть послѣдствіе дурного воспитанія; нервность указываетъ на избалованность, распущенность, испорченность дурнымъ воспитаніемъ; всякій нервный человѣкъ—дурно воспитанный человѣкъ. Иногда у взрослыхъ тоже развивается нервное состояніе, вслѣдствіе какихъ-либо обстоятельствъ, излишняго честолюбія, излишняго самолюбія, эгоизма, алчности, корыстолюбія и пр.; но въ этихъ случаяхъ, если бы личность была лучше воспитана, то нервность или вовсе не развилась бы или не достигла бы такой степени, въ какой она проявляется..... Я буду придерживаться того мнѣнія, что нервность есть доказательство дурного воспитанія".

„Мы безошибочно", настаиваетъ авторъ, „можемъ себѣ представить каждый длинный волосъ на головѣ какъ одну падающую на камень каплю воды, такъ что, чѣмъ чаще, продолжительнѣе и сильнѣе будетъ дѣйствіе каждаго длиннаго волоса на кожу головы, лица, шеи и верхней части груди и плечъ, а чрезъ покровы и на душевное, психическое состояніе, тѣмъ значительнѣе должно быть и вліяніе, и послѣдующее дѣйствіе такихъ волосъ на тѣло и душу". Положеніе это, подобно предыдущему, тоже отличается оригинальностью и притязаніемъ на научность, но отнюдь не подтверждается данными науки.

„Уже давно замѣтны мученія и страданія дѣтей отъ длинныхъ волосъ; никто не хочетъ обратить на это вниманіе, никто не хочетъ заступиться за дѣтей; я хочу попробовать помочь дѣтямъ избавиться отъ такихъ волосъ", повторяетъ авторъ, упорно держась на почвѣ ораторствованія и не подходя нисколько къ научному рѣшенію вопроса.

Посвящая свой трудъ матерямъ и дѣтямъ, авторъ не заботится дать имъ что-либо научно-обоснованное, но обращается къ нимъ же съ 36 вопросами, прямо разсчитанными на то, чтобы получить подтвержденіе своему личному мнѣнію о вредѣ для дѣтей длинныхъ волосъ и о пользѣ короткихъ. Вслѣдъ за постановкой этихъ вопросовъ и не дождавшись отвѣта, авторъ категорически заявляетъ, что „быть съ короткими волосами и удобнѣе, и спокойнѣе, и пріятнѣе, и полезнѣе, и красивѣе, и для здоровья и для успѣшности въ занятіяхъ болѣе необходимо, чѣмъ съ длинными волосами". Нѣсколько же страницъ далѣе онъ прямо говоритъ, что немыслимо, чтобы взгляды его не были признаны логичными и основанными на здравомъ смыслѣ и научныхъ данныхъ.

Матери, какъ видно, все-таки не раздѣляютъ мнѣнія автора. Онъ начинаетъ на нихъ сердиться и готовъ прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ. „Существующая у насъ пословица „у бабы волосъ дологъ, а умъ коротокъ" представляетъ дѣйствительно неопровержимую и вполнѣ непогрѣшимую истину, которою доказывается, что женщина еще такъ мало развита по вопросу относительно волосъ, что, хотя она нерѣдко и сознаетъ, что долгій волосъ причиняетъ ей не мало лишнихъ хлопотъ и подчасъ не мало лишнихъ непріятностей и при этомъ часто чувствуетъ еще и весь вредъ для здоровья отъ такого волоса, но, несмотря на это, она все-таки продолжаетъ мучить себя и нерѣдко безпокоитъ и причиняетъ непріятности другимъ, упорно продолжая придерживаться того ложнаго и вреднаго взгляда, что длинные волосы, во всѣхъ своихъ видахъ, составляютъ для нея украшеніе". Впрочемъ, далѣе оказывается, что въ пагубномъ обычаѣ носить длинные волосы женщина не при чемъ, а „виноватъ всецѣло мужчина". „Мужчина когда-то въ давно прошедшее время убѣждался, вѣроятно, много разъ, что ему, въ случаѣ надобности, гораздо удобнѣе держать женщину за долгій волосъ, нежели за короткій, и, объяснивъ женщинѣ, что ему, при его занятіяхъ, нельзя уже болѣе оставаться съ длиннымъ волосомъ и что вслѣдствіе этого ему непремѣнно нужно имѣть, въ ихъ-же обоюдныхъ интересахъ, короткій волосъ, но не желая, чтобы женщины тоже, слѣдуя его примѣру, укорачивали себѣ волосы и тѣмъ лишили его нѣкоторыхъ нужныхъ ему преимуществъ и выгодъ, убѣдилъ женщину, что она при долгомъ волосѣ имѣетъ для него болѣе красивый и привлекательный видъ, что такой волосъ идетъ ей болѣе къ лицу, чѣмъ короткій, и что этотъ волосъ составляетъ для нея очень хорошее украшеніе, а для него прекрасное явленіе". „Продѣваніе колецъ въ уши, носъ и губы придумано тоже для женщины мужчиною и съ тою же цѣлью, какъ

и долгій волосъ, т. е. чтобы ему было удобнѣе и успѣшнѣе, въ случаѣ надобности, при помощи этихъ колецъ, держать женщину въ повиновеніи. Но теперь, по давности времени, признаются эти кольца, какъ и долгій волосъ, уже не за средства, служившія раньше для укрощенія женщины, а за принадлежности ея украшенія". Вообще, „мужчина, снабдивъ женщину долгимъ волосомъ и поддерживая у нея короткій умъ и не давая ему развиваться, причиняетъ этимъ вредъ женщинѣ, себѣ, дѣтямъ, обществу, однимъ словомъ, причиняетъ всѣмъ вредъ. Если женщина, при вступленіи въ супружество, имѣетъ недостатки, то отъ нихъ н[illegible]но не трудно было бы ее избавить и привить ей вмѣсто нихъ хорошія качества; но, къ сожалѣнію, мужчина, при вступленіи съ женщиной въ супружескій союзъ имѣетъ почти всегда гораздо больше недостатковъ, чѣмъ женщина, такъ что онъ не только не въ состояніи избавить свою жену отъ существующихъ у нея недостатковъ и привить ей хорошія качества, но еще болѣе прививаетъ ей новые недостатки и доводитъ ее не рѣдко до болѣзненнаго состоянія и дѣлается причиною неудачной семейной жизни". „Затѣмъ женщинѣ слѣдовало бы еще попросить мужчину и, въ случаѣ надобности, напоминать ему, чтобы онъ заботливѣе относился къ себѣ, съ большимъ вниманіемъ и уваженіемъ относился также и къ женщинѣ и избѣгалъ появляться въ женскомъ обществѣ съ короткимъ волосомъ и короткимъ умомъ, какъ это, къ несчастію, бываетъ, и принялъ-бы себѣ за правило всегда быть въ ихъ обществѣ, а также, разумѣется, и въ кругу своей семьи, съ короткимъ волосомъ и долгимъ умомъ".

Итакъ, все ораторствованіе почтеннаго автора привело его лишь къ тому, что не слѣдуетъ носить дѣтямъ и женщинамъ длинныхъ волосъ, но, къ сожалѣнію, не представило главнаго: научныхъ доказательствъ пользы или вреда этого обычая для ихъ здоровья. А между тѣмъ доказательства такія имѣются, и при томъ идущія въ разрѣзъ съ доводами автора. Не далѣе какъ въ ноябрѣ прошлаго года на первомъ конгрессѣ, организованномъ французскою школьно-гигіеническою лигою врачей и родителей, былъ представленъ докладъ д-ра Мадефа, доказывавшаго необходимость ношенія длинныхъ волосъ какъ для дѣвочекъ, такъ и для мальчиковъ, да и для людей взрослыхъ. Докладъ представилъ цѣлый рядъ доводовъ въ пользу того, что длинные волосы, покрывая уши, предохраняютъ ихъ отъ всевозможныхъ вредныхъ внѣшнихъ вліяній и болѣзней и способствуетъ сохраненію нормальнаго слуха до позднихъ лѣтъ жизни.

По наблюденіямъ д-ра Мадефа, глухота рѣдко наблюдается у арабовъ и негровъ, и рѣже вообще у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ. Арабы стригутъ волосы, но за то носятъ роскошныя густыя головныя украшенія, защищающія оба уха отъ сырости, вѣтра и пр. Второй важный фактъ, сообщаемый Мадефомъ, тотъ, что еврейскія женщины въ Алжирѣ, носящія покрывающую уши прическу, крайне рѣдко страдаютъ ушными болѣзнями. Вообще, д-ръ Мадефъ говоритъ, что по наблюденіямъ его надъ многими паціентами и надъ своими родными, онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что для сохраненія и лѣченія

ушей лучше всего держать ихъ постоянно въ теплѣ, и днемъ и ночью, и что, если не беречь ихъ, то и самое тщательное лѣченіе не приводитъ къ благопріятнымъ результатамъ. Есть прически, предохраняющія уши отъ холода и простуды, напримѣръ, прическа Cléo de Mérode, напоминающая прическу евреекъ, или прическу à la Vierge. Кстати, прически эти предохраняютъ уши и отъ тягостнаго вліянія высокой температуры воздуха. Наконецъ, д-ръ Мадефъ замѣчаетъ что обычное облысѣніе головы у мужчинъ зависитъ отъ того, что у стриженныхъ волосъ корень подвергается вліянію то холода, то жара, нарушающихъ кровообращеніе и губящихъ волосную луковицу. Конечно, неудобство длинныхъ волосъ то, что они требуютъ тщательнаго ухода и крайней опрятности, но гигіеническія эти условія заслуживаютъ отнюдь не порицанія, а, напротивъ, похвалы и одобренія, какъ мѣры, содѣйствующія сохраненію и улучшенію общаго здоровья.

Вообще авторъ разсматриваемаго нами сочиненія, задавшись цѣлью доказать необходимость ношенія короткихъ волосъ, слишкомъ увлекся въ своихъ нападкахъ и упустилъ совершенно изъ виду достоинства волосъ длинныхъ, особенно для женщинъ, для которыхъ такіе именно волосы составляютъ и несомнѣнную красу, и природное приспособленіе для защиты головы и органа слуха отъ крайнихъ колебаній температуры воздуха и влаги и другихъ вредныхъ вліяній внѣшней среды.

Волосы представляютъ такое же произведеніе природы, какъ и всѣ другіе органы тѣла; ростъ и развитіе ихъ подлежатъ также строго-опредѣленнымъ законамъ, какъ и эти послѣдніе. Если же волосы представляютъ извѣстныя невыгодныя (resp. неполезныя или даже прямо вредныя) стороны для тѣла, человѣку остается только приспособляться къ этимъ невыгоднымъ сторонамъ, по возможности ослаблять, устранять ихъ, но отнюдь не избавляться отъ нихъ самовольно. Правда, благодаря закону приспособляемости организма человѣкъ можетъ обойтись и безъ волосъ, какъ и безъ многихъ вообще частей и органовъ тѣла; однако на удаленіе или уничтоженіе ихъ должны имѣться разумныя причины, а не капризъ или то или другое случайное соображеніе. До сихъ поръ у насъ нѣтъ еще строго-научныхъ данныхъ относительно вреда разростанія волосъ на тѣлѣ, между тѣмъ какъ полезное вліяніе этого разростанія доказывается индивидуумами, отличающимися хорошо развитой роговой тканью и весьма удовлетворительнымъ здоровьемъ. Что касается крайностей роста волосъ, то кто же не знаетъ, что рѣдкіе волосы на головѣ и бородѣ характеризуютъ тщедушныхъ, слабыхъ субъектовъ, а густые, частые волосы крѣпкихъ, здоровыхъ людей. Роскошной шевелюрой дорожатъ не только дамы, но и кавалеры,—и совершенно справедливо. Словомъ, съ обиліемъ волосъ у всѣхъ связывается понятіе о красѣ, здоровьѣ, энергіи, т. е. о завидныхъ качествахъ организаціи. Если обиліе волосъ служитъ непреодолимымъ препятствіемъ человѣку въ его движеніяхъ и дѣйствіяхъ, то, конечно, приходится отказаться отъ извѣстной доли этихъ волосъ, но усердно рѣзать, снимать съ

тѣла волосы до корня или сносить бритвой слѣдуетъ прямо признать варварствомъ, посягательствомъ на нарушеніе законовъ природы. Въ послѣднее время у многихъ спеціалистовъ вошло въ моду писать природѣ законы, учить ее уму-разуму: органъ кажется г. спеціалисту ненужнымъ, лишнимъ — сноси его долой безъ церемоніи и получай отъ природы благодарность за исправленіе ея ошибокъ и заблужденій. Д-ръ Бургеръ, повидимому, прельстился примѣромъ этихъ учителей природы и пожелалъ пойти походомъ на дамскія и дѣтскія шевелюры. Кстати. Какая вообще несообразность въ сужденіяхъ автора! Обвиняя мужчинъ въ злополучной страсти женщинъ носить длинные волосы, онъ не трогаетъ однако пальцемъ этихъ виновниковъ уродованія прекраснаго пола, когда они сами подражаютъ этому полу и носятъ усы, бакенбарды и бороду невѣроятныхъ размѣровъ и ужасающей пышности. А между тѣмъ сохраненіе женской косы и ухаживаніе за безобразной и грязной мужской бородой немогутъ быть и сравниваемы другъ съ другомъ. Борода служитъ прямо помѣхой любому мужчинѣ, возвращаетъ его къ прародителямъ его обезьянамъ (антропоидамъ) и уподобляетъ козлу или иному бородатому четвероногому, между тѣмъ какъ женская коса придаетъ слабому полу силу и энергію, оригинальность, женственность, т. е. то, что дорого и прекрасно, т. е. цѣлесообразно въ женщинѣ, что въ послѣдней zieht uns (die Männer) hinan.

А. Виреніусъ.

Дмитрій Вольфсонъ. Сибирскія воскресныя школы. Томскъ. 1903 г. Ц. 1 р.

Весьма полезная сводная работа г. Вольфсона носитъ по преимуществу статистическій, даже историко-статистическій характеръ. Въ книгѣ прежде всего даны очерки „Иностранныя воскресныя школы“ и „Воскресныя школы въ Россіи“ и приложены таблицы „Городскія воскресныя школы къ 10 іюню 1862 г.“, „Частныя городскія воскресныя школы къ 1 январю 1903 г.“ и т. п. Далѣе слѣдуетъ глава „Сибирскія воскресныя школы“. Нѣкогда страшная, дикая, столь отдаленная *Сибирь*, служившая почти нарицательнымъ непривлекательнымъ именемъ, видимо, все сближается съ другими частями нашей обширной родины. Впрочемъ, первыя воскресныя школы въ Сибири, о которыхъ сохранились данныя, относятся еще къ 1733 г., когда изданъ былъ указъ Иннокентія Иркутскаго. И въ знаменитые 60-е года сибирскія воскресныя школы возникли независимо отъ своихъ сестеръ Европейской Россіи. Въ наши дни—великаго просвѣтительнаго пожара не виднѣется, и въ Сибири „на территоріи въ 12 милліоновъ квадратныхъ верстъ съ населеніемъ въ 8 милліоновъ душъ есть всего 35 воскресныхъ школъ“. Цыфра, дѣйствительно, „очень и очень скромная“. Но дорога тутъ, конечно, незасыхающая струйка общественной инціативы, заставляющей лѣтописца школъ отмѣтить, напр., слѣдующее. „Исторія Барнаульскихъ воскресныхъ школъ (1897—1903 гг.) представляетъ собою отличный примѣръ удивительной энергіи и настойчивости, какія

приходится проявлять частной иниціативѣ въ дѣлѣ организаціи школъ этого типа". Зато тамъ и сямъ сказываются и плоды энергіи. Въ 1899 г. въ Томскѣ при воскресной школѣ открыты „дополнительные для окончившихъ курсъ въ начальныхъ училищахъ женскіе вечерніе классы по географіи, русской исторіи и естествовѣдѣнію". „Классы эти служатъ серьезнымъ подспорьемъ въ дѣлѣ женскаго народнаго образованія въ Томскѣ и послужили прототипомъ для открытія такихъ же классовъ въ Красноярскѣ и Иркутскѣ". „Въ 1901 г. воскресныя школы возбудили въ городской думѣ (въ Томскѣ-же) ходатайство о постройкѣ дома для воскресныхъ школъ совмѣстными усиліями и средствами. Ходатайство это было уважено, и въ мартѣ 1902 г. былъ организованъ комитетъ для постройки зданія изъ представителей народа и воскресныхъ школъ". „Чтобы оказать воскреснымъ школамъ хотя бы небольшое содѣйствіе—въ дѣлѣ правильной постановки отчетности", г. Вольфсонъ издалъ брошюру „Отчетность воскресной школы" (цѣною въ 15 коп.). Въ брошюрѣ имѣется предисловіе и глава „Веденіе отчетности" (по карточной системѣ). Въ заключеніе г. Вольфсонъ указываетъ даже на „литературу" этого спеціальнаго „предмета"—отчетности воскресныхъ школъ.

А. Налимовъ.

С. Гречушкинъ. Міръ Божій. Русская азбука для обученія чтенію и письму. Ц. 15 к. Москва 1903 г.

Первое, что поражаетъ въ азбукѣ г. Гречушкина, это несоотвѣтствіе картинокъ съ тѣмъ словомъ, которое предлагается ученикамъ при знакомствѣ съ новымъ звукомъ. Такое неудобство можетъ быть допустимо еще на первыхъ урокахъ, гдѣ ученики владѣютъ слишкомъ ничтожнымъ запасомъ звуковъ для образованія желательнаго слова. Но у г. Гречушкина это несоотвѣтствіе остается на протяженіи всего букваря. Страшной скукой вѣетъ отъ предлагаемыхъ авторомъ упражненій въ чтеніи, напримѣръ: Ты сытъ, и мы сыты. Рамы сыры. Врядъ ли ученики, дошедшіе въ своемъ ученіи только до буквы *ж*, поймутъ такія пословицы: „мала искра, а Москву зажгла", или дальше— „цыплятъ по осени считаютъ". Вообще матеріалу для чтенія г. Гречушкинъ даетъ много и довольно интереснаго, но онъ для многихъ школьниковъ будетъ труденъ и затруднитъ учителя. Распредѣленіе звуковъ въ обученіи правильно, только звукъ *ъі* дается слишкомъ рано. Чтеніе послѣ азбуки даетъ хорошо знакомые отрывки, наполняющіе всѣ дѣтскія азбуки, причемъ опять слишкомъ затруднятъ учениковъ такіе кусочки, какъ Левъ и Мышь, Зайцы и Лягушки, Лебедь, Ракъ и Щука. Безъ картинокъ они мало будутъ понятны дѣтямъ.

С. Русова.

С. Гречушкинъ. Міръ Божій. Первая послѣ букваря книга для чтенія въ начальныхъ училищахъ. Изд. 2. Москва. 30 к.

С. Гречушкинъ. Міръ Божій. Вторая послѣ букваря книга для чтенія въ начальныхъ училищахъ. Изд. Думнова. М. 1903. Ц. 50 к.

Школьныя хрестоматіи издаются въ большомъ количествѣ, между тѣмъ дѣтская литература какъ художественная, такъ и популярно-научная, далеко не прогрессируетъ въ соотвѣтствіи съ существующимъ на нее запросомъ. Этимъ, можетъ быть, и объясняется тотъ фактъ, что почти всѣ новыя классныя книги для чтенія являются перепечатками все тѣхъ же отрывковъ, какія были знакомы намъ и раньше. Но все же и для перепечатокъ можно найти въ художественной и популярной литературѣ достаточно образовательнаго матеріала, чтобы не искать его въ такихъ завѣдомо бѣдныхъ по содержанію изданіяхъ, какъ книга Баранова или „Троицкіе листы". Вотъ почему и взятые оттуда отрывки совершенно нежелательны. Вообще въ первой книгѣ для чтенія г. Гречушкина рядомъ съ очень хорошими по содержанію и изложенію статейками есть совершенно безсодержательныя, которымъ скорѣе мѣсто въ букварѣ, чѣмъ въ книгѣ, за нимъ слѣдующей, каковы, напр. №№ 56, 57, 61. 76, 109, 118, 187. Въ общемъ первая книга „Міръ Божій" даетъ много матеріала для чтенія вполнѣ доступнаго. Она раздѣлена на 12 главъ: 1-я двѣ посвящены школѣ и семьѣ и заключаютъ въ себѣ 45 статеекъ, изъ которыхъ многія могутъ быть прочитаны въ классѣ по 2—3 за одинъ урокъ. Третья, четвертая и пятая главы знакомятъ съ домашними и дикими животными и птицами, съ гадами, рыбами и насѣкомыми. Шестая глава посвящена растеніямъ, седьмая—минераламъ, восьмая—водѣ, девятая—времени, десятая—временамъ года, одиннадцатая—духовно-нравственнымъ разсказамъ, самая слабая во всей книгѣ,—и двѣнадцатая глава даетъ азбуку и матеріалъ для чтенія по церковнославянски. Лучше всего обработаны главы, посвященныя изученію животныхъ; въ нихъ многое взято у Толстого, Ушинскаго, изъ букваря Вахтерова и народныхъ сказокъ. Также интересны VIII, IX и X главы, если исключить безсодержательный № 170 „Чистое небо и тучи". Что можетъ дать школьнику такая статейка, гдѣ городской мальчикъ горюетъ, что тучи покрываютъ небо, а ему говорятъ, что сѣрыя „тучи для земледѣльца благодать Божія"; или № 182, гдѣ купецъ спасается отъ выстрѣла разбойника, потому что у послѣдняго отъ дождя отсырѣло ружье, что даетъ право купцу изрекать: „видно, Господь лучше знаетъ, когда нужно дождю идти и когда нѣтъ"!? Зачѣмъ такіе и не художественные, и слишкомъ ужъ глубокомысленные разсказы? Въ концѣ каждой главы предлагаются особыя упражненія подъ названіемъ: Повтореніе —мать ученія; при этомъ дается рядъ вопросовъ, отвѣчая на которые ученикъ возстановляетъ въ своей памяти все пройденное, обобщая предметы, съ которыми онъ познакомился. Но, къ сожалѣнію, вопросы поставлены такіе однородные, что это можетъ ввести излишнее утомляющее учениковъ однообразіе. Книга снабжена рисунками, но далеко не

изящными. Вообще, хотя по матеріалу, предлагаемому для чтенія, первая книга Міръ Божій и является удовлетворительной, но въ ней нѣтъ, если можно такъ выразиться, объединяющей всѣ ея статьи души, нѣтъ ясной точки зрѣнія на задачу классной книги для чтенія. Дается довольно послѣдовательно понятіе объ окружающемъ мірѣ все по хорошо знакомымъ перепечаткамъ, подведеннымъ подъ опредѣленныя рубрики главы.

Пользуясь ею, учителю придется самому выбирать статьи для чтенія изъ разныхъ главъ, чтобъ не держать классъ на однородномъ содержаніи слишкомъ долгое время.

Гораздо интереснѣе вторая книга Міръ Божій, которая, очевидно, могла бы служить чтеніемъ для третьей группы начальныхъ училищъ. Хотя въ ней тотъ же общій планъ, что и въ первой, и она также разбита на одиннадцать главъ (двѣнадцатой церковнославянской нѣтъ вовсе), но содержаніе ея гораздо интереснѣе подобрано. Противъ порядка распредѣленія матеріала можно возразить, что одиннадцатая глава—Времена года—и по содержанію своему, и по изложенію гораздо легче, чѣмъ многія предыдущія главы, и свободно могла бы стоять въ самомъ началѣ 2-го отдѣла книги, носящаго общее заглавіе „среди природы", т. е. между IV и V главой. Затѣмъ нельзя не замѣтить черезчуръ большого преобладанія зоологическихъ статеекъ для чтенія: изъ 225 всѣхъ № на долю животныхъ отведено 83 №. Но надо отдать справедливость, что всѣ они выбраны изъ лучшихъ книгъ Вагнера, Лункевича, Богданова, Водовозова и др. Растенія тоже описываются со словъ такихъ прекрасныхъ писателей, какъ Кайгородовъ, или такихъ выдающихся хрестоматій, какъ книга взрослыхъ Алчевской и книги для чтенія Вахтерова. Очень интересно составлена глава IV „передвиженія людей" и X-я о водѣ и воздухѣ, въ которой есть отрывки изъ Лункевича и Рубакина. Далеко не такъ удовлетворительны вторая и третья главы—„изъ сельской жизни" и „изъ городской жизни", гдѣ поставлены такія устарѣлыя вещи, какъ Флоръ Силинъ Жуковскаго и Подкова изъ книги Паульсона. Городская жизнь въ III-ей главѣ написана слишкомъ сухо, но по замыслу хороша. Вообще вторая книга Міръ Божій является очень желательнымъ сборникомъ въ каждой народной и школьной библіотекѣ; она можетъ служить хорошей классной книгой для чтенія въ городскихъ начальныхъ школахъ. Трудность языка врядъ ли сдѣлаетъ ее вполнѣ доступной ученикамъ сельскихъ народныхъ училищъ. Каждая глава и здѣсь, какъ и въ первой, снабжена вопросами для повторительныхъ бесѣдъ, устныхъ или письменныхъ, смотря по развитію ученика. Жаль, что въ книгѣ мало рисунковъ, да и тѣ, какіе есть, неотчетливы, какъ, напр., сѣверное сіяніе на стр. 230. Невысокая цѣна книги 50 к. при 257 стр. сдѣлаетъ 2-ю книгу Міръ Божій еще болѣе доступной для народно-школьныхъ библіотекъ и для школъ съ болѣе повышеннымъ развитіемъ учениковъ.

С. Русова.

Общедоступная географическая библіотека. Англія. Сост. Ю. А. Бѣляевская. Изданіе А. И. Лебедева. Нижній-Новгородъ. 1904 г. Стр. 84. Цѣна 25 коп.

Книжка эта является первымъ выпускомъ цѣлой серіи книжекъ „Общедоступной географической библіотеки", которую предполагаетъ издавать г. Лебедевъ. О задачахъ изданія г. Лебедевъ говоритъ слѣдующее: „изъ ознакомленія съ существующею элементарною географическою литературою я вынесъ убѣжденіе, что, за небольшими исключеніями, книжки по географіи мало доступны для огромнаго большинства неподготовленныхъ читателей и по содержанію своему не вполнѣ удовлетворяютъ существующимъ запросамъ.. Вотъ почему у меня явилась мысль восполнить хотя бы отчасти замѣченный мною пробѣлъ изданіемъ серіи недорогихъ иллюстрированныхъ изданій, разсчитанныхъ на мало подготовленныхъ читателей, подростковъ и взрослыхъ, съ цѣлью возбудить въ нихъ любознательность и самодѣятельность мысли и дать необходимыя для дальнѣйшаго самообразованія географическія свѣдѣнія... Всю серію предполагается разбить на три отдѣла: природовѣдѣніе, отечествовѣдѣніе и народовѣдѣніе".

Мы не совсѣмъ раздѣляемъ пессимистическій взглядъ издателя на современное состояніе нашей популярной географической литературы. Слѣдя за ней въ теченіе довольно продолжительнаго времени, мы имѣемъ возможность сказать что она не такъ ужъ бѣдна, какъ обыкновенно говорятъ,—гораздо богаче, напримѣръ, литературы исторической. Теперь уже есть возможность составить довольно популярную и свѣжую по содержанію географическую библіотечку для дѣтей и народа. Кромѣ того, значительное число дѣльныхъ и живыхъ географическихъ очерковъ и разсказовъ разбросано по разнымъ дѣтскимъ журналамъ. Разумѣется, мы не настолько богаты по этой части, да и географія предметъ такой обширный, что литературныя предпріятія съ тѣми цѣлями, какія ставитъ г. Лебедевъ, заслуживаютъ сочувствія.

Къ сожалѣнію, первая книжка (относящаяся къ отдѣлу народовѣдѣнія) наводитъ на мысль, что врядъ-ли задуманное изданіе находится въ рукахъ географовъ-спеціалистовъ. Названіе перваго отдѣла изданія—„природовѣдѣніе" не совсѣмъ понятно. Что тутъ предполагается дать: очерки изъ физической географіи или описанія природы отдѣльныхъ странъ? Въ томъ и другомъ случаѣ терминъ „природовѣдѣніе", имѣющій свое опредѣленное значеніе, не годится.

Обратимся къ содержанію книжки „Англія". Она состоитъ изъ шести главъ: „Положеніе Англіи среди европейскихъ державъ", Англійская деревня", „Лондонъ", „Торговля и промышленность", „Народное образованіе", „Государственное устройство". Изъ 16 сочиненій и статей, послужившихъ источниками автору, только три—„Британскіе о-ва" Э. Реклю, „Англичане" Е. Водовозовой и статья въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза даютъ спеціально географическій и этнографическій матеріалъ, а всѣ остальныя (сочин. Каблу-

жова, Гуга, Метена, Трайля, Туганъ-Барановской, Левассера, Залшупина и др.) касаются различныхъ сторонъ общественной и экономической жизни Англіи, преимущественно рабочаго вопроса. Такой подборъ источниковъ отразился и на содержаніи книги. Хотя издатель и имѣетъ въ виду дать необходимыя для дальнѣйшаго самообразованія географическія познанія, но, въ сущности говоря, свѣдѣній по географіи и этнографіи Англіи въ книжкѣ г-жи Бѣляевской почти нѣтъ. Кое-какія географическія свѣдѣнія содержатся въ первой главѣ—„Положеніе Англіи среди европейскихъ державъ“, но и содержаніе этой главы не вполнѣ соотвѣтствуетъ ея заглавію, да и географическія свѣдѣнія объ Англіи изложены довольно небрежно. Составительница почему-то говоритъ преимущественно о собственной Англіи, не касаясь Ирландіи, Шотландіи. Географическое положеніе и составъ Англіи опредѣляется такъ: „Государство это находится за 1.000 слишкомъ верстъ отъ Россіи, на двухъ большихъ островахъ, называемыхъ Британскими“. Цыфра 1.000 взята наобумъ, да острововъ въ Европейской Англіи не два, а очень много. На стр. 5: „Если взять нынѣшнюю Англію въ ея цѣломъ, со всѣми принадлежащими ей землями, то окажется, что по пространству она равняется Россійской Имперіи“. Пространствомъ Англія, какъ извѣстно, превосходитъ Россію на площадь, почти равную нашей Европейской Россіи. Остальныя главы книжки написаны живо, интересно и довольно популярно, но и здѣсь вмѣсто географіи большею частью даются свѣдѣнія, имѣющія къ географіи очень отдаленное отношеніе. Такъ, въ главѣ „Англійская деревня“ главный интересъ сосредоточивается на борьбѣ сельскихъ рабочихъ за улучшеніе своего положенія, на дѣятельности священника Гирдльстона и Іосифа Арча—основателя „союза сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ Англіи“; въ гл. „Торговля и промышленность“ удѣляется больше мѣста, чѣмъ слѣдуетъ, борьбѣ и взаимнымъ отношеніямъ рабочихъ съ фабрикантами; свѣдѣніямъ о народномъ образованіи и государственномъ устройствѣ Англіи отведена цѣлая треть книги. Такимъ образомъ, разбираемая книга является сборникомъ очерковъ общественной и экономической жизни Англіи, но не книгой географической. Такія книги имѣютъ самостоятельное значеніе и не слѣдуетъ пришпиливать ихъ къ географіи. Независимо отъ указаннаго обстоятельства трудъ г-жи Бѣляевской обладаетъ извѣстными литературными достоинствами и даетъ много интересныхъ свѣдѣній изъ указанной области, хотя съ нѣкоторыми выводами изъ сопоставленія фактовъ англійской жизни съ другими странами, въ томъ числѣ и съ Россіей, не всегда можно согласиться.

Къ книгѣ приложено объясненіе непонятныхъ словъ, но врядъ-ли оно много поможетъ тому кругу читателей, для котораго предназначается. Уразумѣніе всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которыхъ касается книга, требуетъ отъ читателя извѣстнаго уровня научныхъ свѣдѣній, а такому читателю нечего объяснять значеніе словъ „агентъ“, „ботаника“, „Старый свѣтъ“ и т. п.

Я. Р—въ.

А. Анастасіевъ. „Письменныя упражненія для учащихся дома и въ школѣ". Чистописаніе, правописаніе и письменное изложеніе. Вятка, 1904. Первый годъ обученія, ц. 15 к.; второй годъ обученія, ц. 20 к.; третій годъ обученія, ц. 25 коп.

Весьма почтенный и оригинальный трудъ г. А. Анастасіева, въ трехъ послѣдовательныхъ книгахъ, при помощи толково составленныхъ методическихъ указаній для учащихъ лицъ и съ пособіемъ приложенныхъ прописей и картинокъ, захватываетъ три года обученія родному языку. Начинаетъ онъ обученіе съ первыхъ элементовъ письма и чтенія, а кончаетъ систематическимъ начальнымъ курсомъ правописанія сознательнаго, основаннаго на практически усвоенныхъ грамматическихъ правилахъ. Путемъ послѣдовательныхъ упражненій вырабатывается у дѣтей навыкъ къ письменному изложенію мыслей по планамъ, на весьма разнообразныя темы: письма, описанія, разсказы, разсужденія и проч.—Двѣ отличительныя черты безотлучно проходятъ на всемъ пространствѣ этого симпатично составленнаго курса, оживляя его, придавая ему вездѣ практическую доступность и полезность. Первая черта — строго выдержанная методичность, при помощи которой шагъ за шагомъ, легко и сознательно, усваиваются преподаваемыя свѣдѣнія и тотчасъ же примѣняются къ дѣлу. Вторая черта—заботливое, доброжелательное и умѣлое отношеніе автора къ первымъ проявленіямъ дѣтскихъ способностей, осторожное и равномѣрное развитіе какъ памяти и воображенія, такъ и чувства, и разсужденія, при помощи посильныхъ послѣдовательныхъ работъ, вызывающихъ къ дѣятельности дѣтскія душевныя силы, подборъ такого матеріала для чтенія и разбора, который глубоко-воспитательно дѣйствуетъ на воспріимчивую дѣтскую душу и закладываетъ въ ней хорошія, благородныя основы для будущаго нравственнаго характера подростка. При такомъ настроеніи автора, при такомъ духѣ этихъ учебныхъ книгъ, эти послѣднія съ большой пользою послужатъ дѣтямъ не только въ школѣ, подъ руководствомъ даровитаго и чуткаго наставника, но даже и дома—просто при помощи собственнаго смысла и благодаря чрезвычайно умѣло составленному руководству.

При болѣе подробной оцѣнкѣ этого курса обозначаются слѣдующія ступени въ трехъ послѣдовательныхъ книжкахъ г. Анастасіева, составляющихъ вмѣстѣ одно стройно-задуманное и законченное цѣлое.

Первый годъ обученія. По чистописанію: первые пріемы письменнаго изображенія на бумагѣ, перомъ, какъ отдѣльныхъ элементовъ буквъ (линій прямыхъ, кривыхъ, оваловъ, палочекъ съ закругленіями и т. д.), такъ и связное письмо отдѣльныхъ словъ и даже выраженій. Рядъ упражненій оканчивается начертаніемъ, очень красивымъ почеркомъ, цѣлаго выраженія: „не такъ живи, какъ хочется, а такъ живи, какъ Богъ велитъ".—*По правописанію*: рядъ письменныхъ упражненій, въ которыхъ дѣти усваиваютъ звуковые элементы словъ, получаютъ понятіе о слоговомъ составѣ словъ, о значеніи ударенія въ словахъ, о буквахъ гласныхъ и согласныхъ, о про—

писныхъ и строчныхъ буквахъ, о переносѣ словъ, объ употребленіи буквъ *и* и *і*, о твердомъ и мягкомъ знакахъ.—*По письменному изложенію.* Въ началѣ работъ коротенькія диктовки, состоящія изъ простыхъ изложеній въ два, три слова; потомъ диктовки недоконченныхъ предложеній, которыя ученикъ долженъ докончить по собственному соображенію; наконецъ—самостоятельное изложеніе мыслей или впечатлѣній по данному образцу, нѣчто въ родѣ сочиненія, объемомъ въ три, четыре строчки.

Второй годъ обученія. По чистописанію: образцы письма—для выработки почерка четкаго, связнаго, красиваго; упражненія въ выписываніи сначала отдѣльныхъ буквъ, потомъ—словъ и выраженій; наконецъ—небольшихъ статеекъ весьма-разнообразнаго, занимательнаго и практически-полезнаго содержанія. *По правописанію*: сто восемь письменныхъ упражненій, расположенныхъ постепенно и послѣдовательно, начиная съ самыхъ доступныхъ дѣтскому пониманію и заключающихъ въ себѣ полный элементарный курсъ грамматики; въ началѣ отдѣльныя слова, понятія о предметѣ, качествѣ предмета, родѣ, числѣ предметовъ и проч., а въ концѣ—усвоеніе формъ склоненій и спряженій словъ, понятіе о предложеніи, составѣ его и о знакахъ препинанія.—*По письменному изложенію*: сто толково составленныхъ упражненій на заданные вопросы, затѣмъ—по даннымъ образцамъ составленіе описаній, разсказовъ и писемъ. Наконецъ, въ приложеніи, тринадцать разнообразныхъ маленькихъ разсказовъ, съ руководящими вопросами, очевидно—для подробнаго и сокращеннаго пересказа ихъ.

Третій годъ обученія. По чистописанію: образцы письма съ почеркомъ скорописнымъ, четкимъ и красивымъ. Образцы писемъ и дѣловыхъ бумагъ, въ ближайшемъ кругѣ сельскихъ нуждъ и отношеній. Напримѣръ: письмо къ родителямъ, къ мѣстному священнику, къ старшинѣ о высылкѣ паспорта, образецъ духовнаго завѣщанія, образецъ денежной заемной расписки, образецъ прошенія въ волостное правленіе о взысканіи долга, образецъ приговора сельскаго схода о принятіи въ общество новыхъ членовъ, образецъ условія о наймѣ работниковъ и т. п.— *По правописанію*: при помощи искусно придуманныхъ 85 упражненій предлагается дѣтямъ вполнѣ систематическій, хотя и элементарный, курсъ этимологіи и синтаксиса.—Наконецъ по *письменному изложенію мыслей*: уроки изложенія по вопросамъ, по готовымъ планамъ, уроки составленія плановъ статей, сокращенныя и распространенныя изложенія, письма, описанія, разсказы, разсужденія и опыты самостоятельныхъ сочиненій. Всѣхъ упражненій на эти разнообразныя темы работъ авторомъ составлено 120, да еще къ нимъ, въ концѣ книги, въ видѣ приложенія 43 статьи разнообразнаго содержанія, въ прозѣ и стихахъ, для упражненія въ разборѣ, пересказѣ, а также съ цѣлью содѣйствовать общему, умственному и нравственному развитію дѣтей, оканчивающихъ, такъ сказать, свой трехлѣтній курсъ ученія.

По пересказу содержанія этихъ трехъ книжекъ г. Анастасіева видно, съ

какой заботливостью онъ выдержалъ планъ трехлѣтняго, крайне производительнаго начальнаго общеобразовательнаго дѣтскаго курса. Остается прибавить, что какъ каждая книжка порознь выполняетъ свою отдѣльную, цѣльную задачу, такъ и всѣ три вмѣстѣ способны сослужить хорошую службу задачѣ начальнаго общаго образованія и заложить въ дѣтской душѣ основы правильнаго, нравственнаго воспитанія, какъ фундаментъ для будущаго привлекательнаго характера. **П. В. Евстафіевъ.**

Изданія Вятскаго Товарищества. Въ г. Вяткѣ въ началѣ прошлаго года организовалось книгоиздательское товарищество. Въ настоящее время оно издало слѣдующія двѣнадцать книжекъ: № 1. *Данилинъ И.* „Наслоенія". Разсказъ 47 стр., ц. 6 коп. № 2. „Несчастные". Сборникъ стихотвореній. 73 стр., 6 коп. № 3. „Сказки и легенды". Сборникъ стихотвореній. 139 стр. 12 коп. № 4. „Крестьянскія дѣти". Сборникъ стихотвореній. 56 стр., 7 коп. № 5. *Елпатьевскій С.* „Гекторъ. „Разсказъ. 36 стр. 5 коп. № 6. „Женская доля". Сборникъ стихотвореній. 88 стр., 10 коп. № 7. *В—въ І. А.* „Какъ защитить себя на судѣ, не имѣя повѣреннаго защитника". 52 стр., ц. 15 коп. № 8. *Барановъ А.* „Макарычъ". Разсказъ. 23 стр., 2 коп. № 9. *Дмитріева В.* „Баба-Иванъ и ея крестникъ". 137 стр., 15 коп. № 10. *Погорѣловъ А.* „Одинокій скиталецъ" *) 16 стр., 2 коп. № 11. *Гусевъ-Оренбургскій.* „Кахетинка". 16 стр., 2 коп. № 12. *Данилинъ И.* „Панкратьичъ". Разсказъ. 18 стр., 3 коп.

Изъ приведенныхъ именъ авторовъ и названій книгъ мы видимъ, что эти изданія предназначаются для читателя изъ народа. Перечисленныя книги доступны по цѣнѣ и для небогатыхъ людей нашего рабочаго люда.

Экспертная коммиссія по книгоиздательству на областной выставкѣ сѣвернаго края въ г. Ярославлѣ въ прошломъ году оцѣнила начинанія новой интеллигентной фирмы и постановила выдать ей похвальный отзывъ, хотя въ сентябрѣ прошлаго года было выпущено товариществомъ только 4 книги (№ 3, 4, 5 и 6), съ которыми экспертная коммиссія и имѣло дѣло.

Въ общемъ сборники избранныхъ стихотвореній русскихъ и иностранныхъ писателей составлены весьма удачно. Въ нихъ вошли стихотворенія Некрасова, Никитина, Надсона, Барыковой, Сурикова, Плещеева, Пушкина, Гаршина („Плѣнница"), Шевченко, А. Толстого, Лермонтова, Фруга, Дрожжина, В. Гюго, Гейне, Беранже, Томаса Гуда, Байрона, Гете, Шиллера и др. Сборникъ „Женская доля" содержитъ въ себѣ стихотворенія, изображающія положеніе женщины въ крестьянской семьѣ. Четвертый выпускъ „сборниковъ" посвященъ русскимъ „крестьянскимъ дѣтямъ". Въ второмъ выпускѣ „Несчастные" воспѣвается тяжелая жизнь крестьянина, рабочаго. У насъ въ Рос-

---

*) Эта книжка, хотя и отпечатана, но еще не поступила въ продажу, такъ какъ на нее еще не получено выпускного билета.

сіи „пѣвцами народнаго горя“ являются Некрасовъ и Никитинъ. Поэтому въ разбираемыхъ сборникахъ всего больше помѣщено стихотвореній этихъ поэтовъ.

Нашъ народъ еще мало знакомъ съ стихотвореніями Некрасова и Никитина, которые такъ правдиво воспѣли его страданія и горе. Сборники съ произведеніями этихъ писателей будутъ желанными книгами въ народной средѣ. Единственный недостатокъ „сборниковъ“, по нашему мнѣнію, тотъ, что они слишкомъ проникнуты грустнымъ настроеніемъ; въ нихъ нѣтъ стихотвореній (кромѣ „Пѣсни Еремушки“), которыя расширяли бы горизонты читателя, отвлекали бы его отъ обыденной окружающей тяжелой обстановки и звали бы къ другой, лучшей жизни.

Изъ другихъ изданныхъ товариществомъ книгъ наибольшого вниманія читателя заслуживаютъ два разсказа: „Гекторъ“ С. Елпатьевскаго и „Кахетинка“ Гусева-Оренбургскаго. Первый разсказъ, первоначально печатавшійся въ „Вѣстникѣ Европы“, написанъ замѣчательно талантливо, и онъ производитъ сильное впечатлѣніе. „Гекторъ“—это собака, умная собака. Она сначала привязалась къ юношѣ, который былъ невольно заброшенъ судьбою въ глухую сибирскую деревню, въ тайгу. Онъ не въ силахъ былъ вынести невольнаго одиночества и покончилъ жизнь самоубійствомъ. Собака была его другомъ; она долго скучала по своемъ другѣ. Она еще привязалась и полюбила двухъ дѣтей, которыя пріѣзжали не по своей волѣ съ родителями въ маленькій городишка далекой Сибири. Гекторъ страшно любилъ Зиночку (дѣвочку 9 лѣтъ), но она въ одинъ день покинула сибирскій городокъ и уѣхала на югъ въ Евр. Россію. Гекторъ тосковалъ и не ѣлъ два дня послѣ этого. „Онъ еще разъ полюбилъ и нашелъ себѣ новаго друга. Въ той же комнатѣ и на той же кроваткѣ, гдѣ спала дѣвочка, поселился новый жилецъ, бѣлокурый и блѣдный маленькій мальчикъ, тихій и кроткій, и по прежнему лежалъ у кровати Гекторъ, по прежнему ревниво берегъ своего друга и не пускалъ никого къ кровати его. Когда послѣ увезли и мальчика, старое сердце Гектора опустѣло и не могло уже больше никого полюбить. Какъ ни ухаживали за нимъ, онъ все тосковалъ, не принималъ никакой пищи и черезъ нѣсколько дней умеръ отъ голода и тоски“...

Разсказъ Елпатьевскаго настолько художественное произведеніе, что его прочтутъ съ большимъ интересомъ и дѣти, и взрослые.

Въ разсказѣ „Кахетинка“ авторъ не безъ таланта рисуетъ намъ картину изъ жизни духовенства и отношенія послѣдняго къ крестьянамъ. Разсказъ проникнутъ самымъ неподдѣльнымъ юморомъ.

Разсказы г. Данилина не отличаются талантливостью, но авторъ правдиво и вѣрно описываетъ жизнь рабочихъ.

Разсказъ „Макарычъ“ А. Баранова точно также не имѣетъ особенныхъ достоинствъ въ художественномъ отношеніи, но въ немъ авторъ вѣрно из-

ображаетъ деревенскую обстановку, безкорыстнаго „ходатая“ за „міръ“—„Макарыча“.

Въ своемъ большомъ разсказѣ „Баба-Иванъ и ея крестникъ“ В. І. Дмитріева развертываетъ передъ читателемъ картину жизни углекоповъ на югѣ Россіи. Нѣкоторыя мѣста ея разсказа написаны не безъ дарованія.

Книга І. А. В—ва написана популярно, просто и понятно. Авторъ говоритъ въ ней о томъ, какъ нужно защищать себя въ окружныхъ судахъ и судебныхъ палатахъ, не имѣя повѣреннаго защитника. Она является очень цѣнной книгой для всякаго грамотнаго крестьянина. Прочитавши ее, онъ можетъ сообразить, какъ ему поступить, разъ обстоятельства жизни заставляютъ его обращаться къ суду. Было бы хорошо, если бы авторъ въ слѣдующемъ изданіи сдѣлалъ *опредѣленныя* указанія на статьи законовъ, о которыхъ онъ говоритъ въ своей книгѣ.

Всѣ книги отпечатаны на хорошей бумагѣ, печать четкая и ясная. Цѣна на книжки не высока.

Въ заключеніе нашей замѣтки мы можемъ только пожелать дальнѣйшаго развитія полезной издательской дѣятельности новой интеллигентной фирмы.

А. Локтинъ.

Приключенія Тома. Сочиненіе Марка Твэна. Переводъ съ англ. З. Журавской. Изд. редакціи жур. „Всходы“. Цѣна 75 к.

Приключенія Финна. Сочин. Марка Твэна. Переводъ съ англійскаго А. Анненской. Изд. редакціи жур. „Всходы“. Цѣна 75 к.

Повѣсти М. Твэна несомнѣнно глубоко талантливы и читаются дѣтьми съ захватывающимъ интересомъ; но вопросъ о томъ, насколько полезно чтеніе такихъ „поразительно интересныхъ“ книгъ — остается вопросомъ открытымъ.

Содержаніе повѣстей составляютъ похожденія мальчиковъ Тома и Финна, которые убѣгаютъ изъ дома, живутъ нѣсколько дней на необитаемомъ островѣ, находятъ въ сталактитовой пещерѣ несмѣтныя богатства, оставленныя разбойниками, освобождаютъ изъ заточенія бѣлаго негра, изобличаютъ на судѣ убійцу и такъ далѣе.

Похожденія, ничѣмъ не уступаютъ похожденіямъ знаменитаго Монте-Кристо; герои выходятъ цѣлы и невредимы изъ самыхъ трагическихъ положеній и, несмотря на рядъ обмановъ, совершенныхъ ими, остаются милы читателю. Въ самомъ дѣлѣ, они оба въ глубинѣ души хорошіе мальчики съ любящей душей и даже съ рыцарскими понятіями о чести—въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Талантливость автора и сказывается въ необыкновенномъ умѣніи показать добрыя свойства характера и сердца маленькихъ сорванцовъ, которые по внѣшнимъ своимъ поступкамъ являются только лгунами и обманщиками.

Опасность чтенія книги для маленькихъ читателей состоитъ въ заманчивости разсказа о похожденіяхъ и плутняхъ хитрыхъ сорванцовъ: слишкомъ

удачны всѣ ихъ проказы, слишкомъ интересны всѣ ихъ похожденія, чтобы не пожелать и самимъ на себѣ испробовать ихъ, чтобы не восхищаться изворотливостью, хитростью и предпріимчивостью маленькихъ плутовъ. За такимъ восхищеніемъ можетъ послѣдовать и желаніе подражать имъ, а это ни въ какомъ случаѣ не желательно.

Въ глубинѣ души и Томъ и Финнъ дѣйствительно хорошіе мальчики: такъ, Финнъ ни за что не хочетъ выдать бѣглаго негра и для спасенія его готовъ подвергнуться какой угодно отвѣтственности, хотя ему въ воскресной школѣ, какъ догматъ, твердили, что тотъ, кто спасаетъ бѣглаго негра—идетъ прямо въ адъ. Томъ рыцарски принимаетъ на себя вину, чтобы спасти даму своего сердца отъ побоевъ и, „увлеченный величіемъ собственнаго подвига, безъ единаго крика перенесъ самую жестокую экзекуцію, какую когда-либо задавалъ учитель своимъ ученикамъ". Этотъ же Томъ не только открыто признается въ дружбѣ съ Финномъ, отъ котораго всѣ въ ихъ маленькомъ городкѣ бѣгутъ, какъ отъ чумы, но убѣждаетъ и другихъ признать и приласкать бѣднаго мальчика, терпящаго всякія обиды и побои отъ отца пьяницы. Но ложь составляетъ какъ бы вторую натуру этихъ мальчиковъ; они врутъ „такъ-себѣ", „ни для чего", какъ бы безсознательно, а когда придумываютъ средства „провести", „надуть", то дѣлаютъ это такъ, что и профессорамъ воровскихъ школъ впору.

Такъ, Финнъ, убѣгая отъ отца пьяницы и желая избавиться отъ погони обставляетъ свой побѣгъ такъ хитро, что всѣ приходятъ къ убѣжденію, что онъ убитъ разбойниками. Онъ пропилилъ въ стѣнѣ своей хижины отверстіе, вытащилъ черезъ него мѣшокъ муки, кофе, сахаръ, порохъ, дробь и ружье отца (т. е. попросту ограбилъ своего отца), потомъ тщательно задѣлалъ отверстіе топоромъ прорубилъ дверь хижины, поймалъ въ лѣсу дикаго поросенка, убилъ его топоромъ же, положилъ такъ, чтобы кровь его залила полъ хижины, потомъ наложилъ въ мѣшокъ камней и протащилъ его отъ двери черезъ кустарникъ къ рѣкѣ, для того чтобы видно было, что изъ хижины тащили къ рѣкѣ что-то тяжелое. Мало этого: онъ еще вырвалъ у себя изъ головы нѣсколько волосъ, обмазалъ кровью топоръ, прилѣпилъ къ топору свои волосы и бросилъ топоръ въ уголъ, все съ тою мыслью, чтобы вся обстановка хижины наводила на предположеніе, что онъ убитъ разбойниками.

Все это ужъ совершенно несвойственные дѣтямъ поступки; все это до крайности грубо, какъ грубы продѣлки всѣхъ школьниковъ, которые, желая отомстить дѣйствительно жестокому учителю, на торжественномъ актѣ срываютъ съ него парикъ при помощи кошки, которую черезъ люкъ спускаютъ на голову учителя. Также безконечно грубы и гадки продѣлки двухъ мошенниковъ, помѣстившихся на плоту Финна, который, убѣжавъ отъ отца, спускается на плоту по рѣкѣ Миссисипи.

Можетъ быть, эти грубыя сцены хорошо рисуютъ дѣйствительность, но не-

зачѣмъ рано знакомить дѣтей съ такими темными, а главное, грубыми сторонами жизни.

Главный же недостатокъ книги—интересъ повѣствованія, завлекательно-феерическая обстановка похожденій, благодаря чему ловкіе обманы и хитрости мальчиковъ могутъ казаться дѣтямъ геройскими подвигами.

Соловьевъ-Несмѣловъ. „Бѣднота да простота". Деревенскія картинки. Для дѣтей старшаго возраста и народа. Изданіе Т-ва И. Д. Сытина. Москва. 1903 г. Цѣна въ папкѣ 40 коп.

Трудно объяснить, отчего разсказы г. Соловьева-Несмѣлова предназначены для дѣтей старшаго возраста и народа: они написаны такъ просто, что совершенно доступны и маленькимъ дѣтямъ, а для народа они должны показаться скучными, такъ какъ въ нихъ слишкомъ блѣдными красками рисуются картины деревенской жизни, которая, конечно, хорошо знакома читателямъ изъ народа.

Въ книжкѣ 4 разсказа, которые всѣ проникнуты чувствомъ нѣжнаго сочувствія и участія къ „бѣднотѣ и простотѣ" обитателей деревни, но въ нихъ нѣтъ ни яркихъ характеристикъ, ни оживленнаго дѣйствія; ни опредѣленно выраженной мысли; все нарисовано какъ бы однимъ тономъ, въ общемъ, милымъ, но тусклымъ и довольно скучнымъ.

Данная въ руки дѣтямъ младшаго возраста (приблизительно ученикамъ средняго отдѣленія начальной школы) книга эта можетъ дать понятіе объ особенностяхъ деревенской жизни, а дѣтямъ старшаго возраста она должна показаться прямо скучной.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Изъ хроники народнаго образованія въ Западной Европѣ.

Нѣмецкій ферейнъ научной педагогики.—Центральная педагогическая библіотека въ Лейпцигѣ.—Допущеніе народныхъ учителей въ университеты Гессена.—Вопросъ объ улучшеніи экономическаго положенія народныхъ учителей въ Вюртембергѣ.

Нѣмецкіе педагоги, составляя многочисленныя и разнообразныя общества, союзы-ферейны, съ цѣлью самообразованія, взаимной матеріальной поддержки и т. п., не ограничиваются такими чисто практическими цѣлями, а работаютъ также на пользу развитія и обогащенія педагогики, какъ науки. Таковъ, напримѣръ, ферейнъ научной педагогики, членами котораго могутъ быть всѣ лица, занимающіяся педагогической дѣятельностью, отъ профессора до сельскаго учителя. Это общество основано въ 1868 г. сначала небольшимъ кружкомъ берлинскихъ учителей и семинаристовъ, изучавшихъ въ Лейпцигѣ теоретическую и практическую педагогику подъ руководствомъ профессора Циллера. Но мало-по-малу общество расширялось и въ настоящее время насчитываетъ до 700 членовъ.

Цѣль общества—разработка теоріи научной педагогики и распространеніе педагогическихъ идей устно и печатно. Для того, чтобы сохранить единство направленія, члены общества принимаютъ за основаніе для своихъ изслѣдованій педагогическія и философскія идеи Гербарта.

Средствами для достиженія цѣлей общества служатъ: во-1-хъ, ежегодно выходящій сборникъ педагогическихъ статей, во-2-хъ, ежегодное собраніе членовъ общества на которомъ обсуждаются сочиненія, помѣщенныя въ сборникѣ.

Въ нынѣшнемъ году вышелъ уже 36-й томъ сборника; онъ редактированъ вѣнскимъ профессоромъ Фогтомъ и содержитъ въ себѣ деветь статей по разнымъ вопросамъ общей педагогики и методики. Содержаніе сборника очень разнообразно: такъ, въ него входятъ статьи историческаго содержанія „Исторія піэтизма въ воспитаніи и обученіи“, статьи, обсуждающія программы и планы школъ—„Необходимо ли введеніе французскаго языка въ учебный планъ учительскихъ семинарій“ „Методика для вюртембергскихъ народныхъ школъ“ и статьи полемическаго характера, защищающія Гербартовскіе педагогическіе взгляды отъ нападокъ ихъ противниковъ. Всѣ эти статьи разсматривались и обсуждались на общемъ собраніи членовъ общества, происходившемъ въ Штуттгартѣ 23—25 мая нынѣшняго года.

Необходимость знакомства учителей съ педагогической литературой давно уже сознана нѣмцами. Что это признаніе значенія педагогическихъ теорій не

остается пустой фразой, доказываетъ уже одно существованіе Центральной Педагогической библіотеки Коменскаго. Эта библіотека, по словамъ „Pädagogische Reform, занимаетъ первое мѣсто между всѣми педагогическими библіотеками въ Европѣ, а во всемъ мірѣ превосходитъ ее по количеству книгъ только библіотека Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Мысль объ основаніи этой библіотеки возникла 16-го ноября 1871 г. въ день празднованія предполагаемаго 200-лѣтняго юбилея со дня Коменскаго. Иниціаторомъ этого дѣла былъ лейпцигскій учитель Юліусъ Беегеръ, избранный предсѣдателемъ образовавшагося тутъ же общества, которое должно было собирать средства для осуществленія идеи Беегера. Во всѣ концы Германіи обществомъ были разосланы воззванія, приглашавшія вносить пожертвованія на новое дѣло, устраивались концерты, подписки и т. п.

На двадцатомъ съѣздѣ общегерманскаго учительскаго союза Гуго Вебер прочелъ рефератъ, въ которомъ указывалъ на значеніе подобной центральной библіотеки для учителей и призывалъ всѣхъ германскихъ педагоговъ собственными силами создать „alma mater“ для педагогики, т. е. такую педагогическую библіотеку, которая заключала бы въ себѣ по возможности всѣ матеріалы этой науки, расположенные въ системѣ. „Она должна быть нашимъ арсеналомъ, должна хранить въ себѣ все наше литературное оружіе, которымъ мы завоевываемъ педагогикѣ право называться самостоятельной наукой. Намъ долго еще придется дожидаться, пока германское правительство создастъ для насъ высшую школу. Свободной собственной иниціативой должны создать ее нѣмецкіе учителя, создать памятникъ единенія нѣмецкихъ педагоговъ, памятникъ нашихъ общихъ стремленій и нашей дѣятельности“.

И памятникъ былъ созданъ. Черезъ три года послѣ своего открытія библіотека имѣла 10.017 книгъ; въ настоящее время число ихъ достигло 100.000. Съ тѣхъ поръ ежегодный приростъ исчисляется въ 4.000—5.000 экземпляровъ. Въ будущемъ 1905 году ожидается цѣнный вкладъ въ эту библіотеку: въ ея владѣніе поступитъ цѣнное, систематически составленное собраніе книгъ одного изъ членовъ Лейпцигскаго школьнаго совѣта. Затраты библіотеки до настоящаго времени составляли 100.000 марокъ, ежегодный бюджетъ отъ 8—10 тысячъ марокъ. Собственно говоря, этотъ бюджетъ не очень великъ: бюджетъ петербургскихъ городскихъ читаленъ составляетъ 4.000 рублей, а центральной учительской библіотеки, которой пользуются только петербургскіе городскіе учащіе, превышаетъ тысячу рублей. Но надо думать, что приливъ пожертвованій очень великъ.

Капиталъ библіотеки составился изъ взносовъ учителей, субсидій отъ города и правительства. Больше всего жертвуетъ корпорація лейпцигскихъ учителей: общая сумма ея взносовъ составляетъ 26.000 марокъ. Саксонское министерство народнаго просвѣщенія выдало 4.400 марокъ, прусское—2.300 м., союзъ саксонскихъ учителей—8.400 марокъ; пожертвованія другихъ учительскихъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ составляютъ 22.000 марокъ.

Богатства этой библіотеки не остаются мертвымъ капиталомъ. Такъ, до конца 1903 изъ библіотеки выдано 217.000 книгъ. Изъ этого числа 136.000, т. е. больше половины, были выданы учителямъ, не находящимся въ самомъ Лейпцигѣ. Особенность библіотеки Коменскаго состоитъ въ томъ, что ея книгами могутъ пользоваться и сельскіе учителя, и живущіе въ маленькихъ городкахъ. Получая небольшое жалованье, они не въ состояніи выписывать себѣ книги и особенно нуждаются въ подобной библіотекѣ. Число такихъ

иногородныхъ абонентовъ все увеличивается, такъ что въ 1902 году лейпцигскіе учителя пользовались только 31% всѣхъ выданныхъ изъ библіотеки книгъ. Книги выдаются безплатно, оплачиваются только расходы на пересылку. Каждый учитель имѣетъ право на безплатное пользованіе книгами изъ библіотеки Коменскаго; для полученія книгъ достаточно прислать письмо со штемпелемъ, удостовѣряющимъ принадлежность подписчика къ германскому или австрійскому ферейну учителей: никакихъ дальнѣйшихъ формальностей и хлопотъ не требуется.

Быстрый ростъ библіотеки вызывалъ необходимость постепеннаго расширенія помѣщенія. Сначала библіотека помѣщалась въ наемномъ домѣ; но уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ правленіе выработало планъ особаго, спеціально для библіотеки приспособленнаго зданія. Планъ этотъ послѣ долгихъ стараній удалось осуществить, и зданіе библіотеки будетъ окончено къ 1905 г. Зданіе помѣщается въ южной части Лейпцига на Schenkendorfstrasse. Это—обширное зданіе съ красивымъ фронтомъ, рисунокъ котораго помѣщенъ въ 38 номерѣ Pädagogische Reform, гдѣ напечатана статья, дающая сообщенныя нами свѣдѣнія о библіотекѣ Коменскаго. Зданіе имѣетъ 20,25 м. въ длину, 15,50 м. въ глубину и 16 метровъ высоты; залъ для книгъ въ два свѣта занимаетъ пространство въ 2.000 кв. метровъ.

Въ нижнемъ этажѣ зданія находятся зала для чтенія, бюро для выдачи и разсылки книгъ, помѣщеніе для работъ по составленію каталога и квартира для завѣдующаго. Помѣщеніе разсчитано на храненіе 300.000 томовъ и можетъ быть впослѣдствіи расширено, такъ какъ пространство земли, уступленной городомъ безплатно, достаточно велико.

Но нѣмецкій учитель поставленъ въ хорошія условія не только относительно пополненія профессіональныхъ знаній. Какъ мы уже не разъ говорили, онъ имѣетъ возможность расширять и свое образованіе, причемъ ему на помощь приходитъ и общество, и правительство.

Еще одинъ примѣръ этой заботливости о доставленіи возможности учителю пополнить свое образованіе находимъ въ недавнемъ постановленіи гессенскаго правительства, приведенномъ въ седьмомъ номерѣ журнала Volksschule.

Народные учителя и кандидаты на учительскія должности, которые получили на выпускномъ экзаменѣ изъ гессенской семинаріи высшія отмѣтки и занимаются преподаваніемъ, имѣютъ право послѣ трехлѣтнихъ занятій въ общественныхъ школахъ Гессена, получать отъ министерства внутреннихъ дѣлъ разрѣшеніе на посѣщеніе въ продолженіе трехъ лѣтъ мѣстнаго университета и зачисляться въ матрикулярные списки философскаго факультета подъ именемъ студентовъ педагогики. Свидѣтельство объ окончаніи курса университета выдается студентамъ педагогики послѣ особаго испытанія, къ которому они допускаются послѣ того, какъ прослушаютъ курсъ не менѣе, чѣмъ пять полугодій. Народные учителя и кандидаты, которымъ разрѣшается посѣщеніе университета, на это время освобождаются отъ своихъ служебныхъ обязанностей.

Что касается до матеріальнаго положенія нѣмецкихъ учителей, то имъ они не всегда довольны. Но недовольство ихъ не выражается только жалобами: они при посредствѣ своихъ союзовъ и органовъ педагогической печати усердно борются за улучшеніе своего экономическаго положенія и отстаиваютъ свое право на увеличеніе окладовъ содержанія, пенсій и т. п. Такъ, напр., органъ вюртембергскаго ферейна учителей „Volksschule“ постоянно

помѣщаетъ на своихъ столбцахъ цѣлыя таблицы сравнительнаго вознагражденія учителей разныхъ государствъ Германіи и требуетъ уравненія окладовъ съ окладами другихъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, занятія которыхъ требуютъ одинаковой степени подготовки и одинаковаго напряженія труда. Учителя представляютъ въ парламенты петиціи, черезъ представителей своихъ союзовъ стараются воздѣйствовать на кандидатовъ различныхъ парламентскихъ партій и мало-по-малу настойчивыми трудами и энергическимъ воздѣйствіемъ на общественное мнѣніе добиваются успѣха.

Но не вездѣ этотъ успѣхъ дается легко и быстро. Такъ, въ Вюртембергѣ по словамъ Volksschule агитація въ пользу увеличенія содержанія и пенсіи саксонскихъ учителей ведется съ 1901 г. и до сихъ поръ не достигла еще никакихъ результатовъ. Во время парламентской кампаніи 1901 г. представители Вюртембергскаго учительскаго союза обращались къ кандидатамъ всѣхъ партій, и всѣ кандидаты обѣщали имъ въ ближайшую парламентскую сессію поставить этотъ вопросъ на очередь и поддерживать требованія учителя. Однако защита эта была довольно слаба, а тогдашній министръ финансовъ горячо возставалъ противъ какого-либо увеличенія расходовъ на этотъ предметъ, указывая, что въ недавнемъ времени на улучшеніе положенія учителей былъ ассигнованъ добавочный ежегодный расходъ въ 500.000 марокъ.

Защитники интересовъ учителей доказывали, что эта добавочная сумма, распредѣленная между 5.000 учащими, не представитъ собой значительнаго улучшенія.

Сравнивая положеніе народнаго учителя съ другими лицами, состоящими на государственной службѣ, они доказывали, что каждый военный, образованіе котораго не требовало особыхъ затратъ на подготовку, а ограничивалось казармой, получаютъ больше, чѣмъ народный учитель получившій, кромѣ общаго образованія, спеціальную профессіональную подготовку. Вюртембергскій народный учитель получаетъ слѣдующее вознагражденіе (которое почему-то всегда высчитывается—по крайней мѣрѣ при всѣхъ преніяхъ и на сравнительныхъ таблицахъ—по возрасту, а не по годамъ службы): отъ 20 до 25 лѣтняго возраста онъ получаетъ 720 марокъ; отъ 25 до 30—отъ 820 до 920 марокъ; къ 32-лѣтнему возрасту—1.200 марокъ, до 36 лѣтъ—1.300 марокъ и т. д. Максимумъ, до котораго доходитъ народный учитель обыкновенно въ срединѣ пятаго десятка,—2.000 марокъ. По статистическимъ свѣдѣніямъ до этого вознагражденія дослуживаются 17% всѣхъ учителей. Сравнивая положеніе нашихъ сельскихъ учителей, мы не можемъ не признать положенія вюртембергцевъ блестящими; но они утверждаютъ, что при измѣнившихся условіяхъ жизни прожить на 700—800 марокъ совершенно невозможно.

Оставленный безъ вниманія вопросъ объ улучшеніи матеріальнаго положенія учителей былъ поднятъ снова въ парламентской сессіи 1903 года и, вновь отклоненный, возбужденъ и въ нынѣшнемъ году. Однако рѣшенія его еще не послѣдовало, хотя и организована особая коммиссія для разсмотрѣнія даннаго вопроса. Въ настоящее время ведутся переговоры между министерствомъ народнаго просвѣщенія и министерствомъ финансовъ, и педагоги надѣются, что ихъ требованія будутъ уважены. Такъ настойчиво и энергично добиваются своего нѣмецкіе учителя, сильные своимъ единствомъ и взаимной поддержкой.

Е. Р.

Хроника народнаго образованія.

Городскія управленія и ихъ отношенія къ учащимъ въ начальныхъ городскихъ школахъ: вопросъ объ удаленіи учительницы въ Херсонѣ и о переводѣ на новыя мѣста двухъ учительницъ въ г. Ставрополѣ-Кавказскомъ.—Несостоявшіеся общеобразовательные курсы для учителей и учительницъ въ г. Калугѣ.—Тверское общество взаимопомощи учащихъ и массовыя увольненія учителей.—Изъ дѣятельности учительскихъ обществъ—ярославскаго и тульскаго.—Вопросъ о всеобщемъ обученіи, возбужденный министерствомъ народнаго просвѣщенія: запросы по этому поводу дирекціямъ народныхъ училищъ, земскимъ и городскимъ управамъ.—Обслѣдованіе, произведенное по поводу такого запроса въ Ставрополѣ-Кавказскомъ.—Когда у насъ станетъ возможнымъ всеобщее обученіе.—Тормазы въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія: стѣсненія частной иниціативы; печальная судьба Томскаго общества попеченія о начальномъ образованіи; неудачи Ярославскаго общества распространенія начальнаго образованія; гибель Екатеринославской коммиссіи народныхъ чтеній; странная исторія съ „Вятской Газетой"; прекращеніе доступа въ школы для дѣтей штундистовъ: вопросъ объ отпускѣ лѣса для школьныхъ зданій изъ казенныхъ лѣсовъ; запрещеніе печатать программы предположенной Московскимъ губернскимъ земствомъ выставки по народному образованію.

По дѣйствующему закону, содержателямъ начальныхъ училищъ, будутъ-ли это частныя лица, земскія учрежденія или городскія управленія, предоставлено представлять на утвержденіе своихъ кандидатовъ въ учащіе въ этихъ училищахъ. Тамъ, гдѣ дѣйствуютъ училищные совѣты, такое утвержденіе принадлежитъ этимъ совѣтамъ, причемъ, однако, представленіе кандидатовъ на утвержденіе можетъ происходить только чрезъ инспекторовъ народныхъ училищъ, такъ что самое представленіе кандидатовъ можетъ имѣть мѣсто только въ случаѣ согласія инспектора на замѣщеніе даннымъ лицомъ учительской должности. Тамъ, гдѣ не имѣется училищныхъ совѣтовъ, представляемыхъ кандидатовъ утверждаетъ директоръ народныхъ училищъ.

Какъ ни скромно участіе земскихъ и городскихъ управленій въ замѣщеніи учительскихъ должностей въ содержимыхъ этими управленіями школахъ при указанныхъ условіяхъ, тѣмъ не менѣе, земство и городское управленіе могутъ въ извѣстной мѣрѣ оградить свои школы отъ проникновенія въ нихъ нежелательныхъ элементовъ. Иное дѣло, когда обнаружится, что представленные земскою или городскою управою кандидаты, будучи утверждены въ учительскихъ должностяхъ, окажутся затѣмъ недостойными этого званія: въ этихъ случаяхъ городская или земская управа совершенно безсильны сдѣлать что-либо для удаленія подобныхъ лицъ изъ школъ.

Единственно, что могутъ дѣлать въ такихъ случаяхъ городскія и земскія управленія—это просить инспекторовъ и директоровъ училищъ объ удаленіи лицъ, оказавшихся неподходящими къ возложеннымъ на нихъ обязанностямъ. Точно также земскія и городскія управленія могутъ только просить тѣхъ же должностныхъ лицъ о переводѣ того или иного учащаго изъ одной школы въ другую, если это оказывается нужнымъ въ интересахъ дѣла по той или иной причинѣ.

Конечно, тамъ, гдѣ между земскимъ или городскимъ управленіемъ и чинами дирекціи существуютъ нормальныя отношенія, тамъ, гдѣ послѣдніе цѣнятъ и дорожатъ хорошимъ отношеніемъ городского или земскаго управленія къ дѣлу народнаго образованія,—тамъ указанный порядокъ удаленія или перевода учащихъ можетъ и не вызывать особыхъ затрудненій. Но такъ какъ люди слабы и часто руководствуются въ своихъ поступкахъ не интересами

дѣла, а иными мотивами самаго разнообразнаго характера, то безсиліе городскихъ управленій и земскихъ учрежденій удалить изъ содержимыхъ ими школъ персоналъ, недостойный носить званіе учителя, часто приводитъ къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ.

Такая именно исторія была разсказана въ газетахъ послѣднимъ лѣтомъ относительно херсонскаго городского управленія. Среди персонала учащихъ въ городскихъ начальныхъ училищахъ оказалось лицо, недостойное, по мнѣнію городской управы, носить учительское званіе. Какъ сообщали „Одесскія Новости", „учительница, о которой идетъ рѣчь, научала подъ страхомъ наказаній учащихся школы завѣдомой лжи, противъ чего протестовали сами учащіеся". И вотъ, городскому управленію пришлось обратиться съ ходатайствомъ къ дирекціи народныхъ училищъ объ удаленіи означенной учительницы, а при неудовлетвореніи этого ходатайства—оставаться пассивнымъ зрителемъ пребыванія въ городской школѣ лица, которое явно не заслуживаетъ ни того содержанія, которое городское управленіе вынуждено ему выплачивать, ни той отвѣтственной и важной роли, которая возложена на это лицо, какъ на воспитателя подростающаго поколѣнія.

Аналогичная исторія имѣла мѣсто и въ Ставрополѣ-Кавказскомъ, и такъ какъ исторія эта очень характерно обрисовываетъ всю ненормальность нынѣшняго безправнаго положенія городскихъ и земскихъ управленій по отношенію къ содержимымъ ими школамъ, то мы разскажемъ ее съ нѣкоторыми подробностями.

Надо предварительно замѣтить, что ставропольское городское управленіе относится къ дѣлу народнаго просвѣщенія съ рѣдкою симпатіею. Состоя въ теченіе послѣднихъ одиннадцати лѣтъ довольно близко къ ставропольскому городскому управленію въ качествѣ гласнаго думы, пишущій эти строки не помнитъ случая, чтобы ставропольская городская дума отказывала хоть въ одной ассигновкѣ средствъ на народно-просвѣтительныя цѣли, отъ кого-бы ни шли предложенія о такихъ ассигнованіяхъ—отъ городской управы, городской исполнительной по училищнымъ дѣламъ коммиссіи, отдѣльныхъ гласныхъ, дирекціи народныхъ училищъ, совѣтовъ шестиклассного городского и ремесленнаго училищъ, попечительнаго совѣта женской гимназіи, директора мужской гимназіи, учительской семинаріи, мѣстнаго общества распространенія народнаго образованія и т. д. Особенно усиленно стало работать въ области народнаго просвѣщенія ставропольское городское управленіе въ послѣднее время. Такъ, въ настоящемъ учебномъ году оно открыло сразу три новыхъ начальныхъ училища и одинъ послѣобѣденный классъ, причемъ два изъ вновь открытыхъ училища помѣщены въ спеціально выстроенныхъ для нихъ превосходныхъ зданіяхъ (каждое стоимостью въ 9 тыс. рублей). Положительно въ настоящее время не бываетъ такого думскаго засѣданія, въ которомъ не трактовались-бы тѣ или иные вопросы, имѣющіе отношеніе къ дѣлу народнаго просвѣщенія, причемъ иной разъ почти все засѣданіе бываетъ посвящено именно такимъ вопросамъ. Напр., въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій думы сразу приняты слѣдующія постановленія: о займѣ въ 90 тыс. рублей на постройку десяти новыхъ школьныхъ зданій и 30 тыс. р. на постройку новаго зданія для шестиклассного городского училища, объ открытіи новаго училища въ ознаменованіе рожденія Наслѣдника, объ учрежденіи стипендій въ женскомъ медицинскомъ институтѣ и въ одномъ изъ среднихъ сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній, объ открытіи новой народной библіотеки въ память Чехова и о предоставленіи стипендіи въ теченіе трехъ лѣтъ од-

ному ученику мѣстнаго ремесленнаго училища для прохожденія курса на механическомъ отдѣленіи одесскаго училища торговаго мореплаванія.

Въ настоящее время ставропольское городское управленіе содержитъ 15 начальныхъ училищъ, въ томъ числѣ одно двухклассное и шесть послѣобѣденныхъ классовъ, а всего 22 класса, въ которыхъ учится болѣе 1.200 учащихся. Кромѣ того, городъ субсидируетъ мѣстную учительскую семинарію для содержанія при ней двухкласснаго начальнаго училища, казенное приходское училище, городское шестиклассное училище на содержаніе параллелей, училище при римско-католической церкви, училище въ Заташлянской группѣ, содержимое на средства жителей той группы, общество распространенія народнаго образованія въ г. Ставрополѣ, ставропольское отдѣленіе музыкальнаго общества на содержаніе музыкальнаго училища, содержитъ ремесленное училище и городскія публичную и народную библіотеки, даетъ средства на устройство народныхъ чтеній, выдаетъ квартирныя деньги учителямъ городского и ремесленнаго училища, имѣетъ стипендіи въ городскомъ шестиклассномъ училищѣ, въ мѣстныхъ женской и мужской гимназіяхъ, въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, оказываетъ поддержку одной изъ мѣстныхъ женскихъ гимназій и т. д., и т. п. Всего по смѣтѣ на 1904 г. на народное образованіе назначено 58.513 р., что къ общему городскому бюджету (266.504 р.) составляетъ 22%. Да кромѣ того, городомъ въ теченіе настоящаго года израсходовано 9.956 р. отложенныхъ въ предыдущіе годы для постройки школьныхъ зданій, а также произведено множество сверхсмѣтныхъ расходовъ все на тѣ-же нужды народнаго просвѣщенія по постановленіямъ, принимавшимся думою въ теченіе года.

Въ частности по отношенію къ учащимъ городское управленіе всегда проявляло исключительную заботливость. Учительницы городскихъ начальныхъ училищъ получаютъ по 360 р. содержанія съ квартирой, отопленіемъ, освѣщеніемъ, прислугой и производствомъ за счетъ города прочихъ хозяйственныхъ расходовъ. Находя такое содержаніе недостаточнымъ, городское управленіе установило прибавки въ 25% содержанія за каждыя пять лѣтъ службы въ городскихъ начальныхъ училищахъ. Такимъ образомъ, часть учительницъ получаетъ уже не по 360 р. содержанія, а по 450 и 540 р., а затѣмъ, съ дальнѣйшею службою будутъ получать и по 630 и 720 р. Ежегодно къ Пасхѣ учительницы получаютъ пособіе въ размѣрѣ мѣсячнаго содержанія. Когда въ 1902 году дума устанавливала нормальный типъ школьнаго зданія для своихъ школъ, она значительно расширила квартирныя помѣщенія учительницъ, хотя это потребовало увеличенія стоимости школьнаго зданія съ 7 до 9 тыс. р. для отдѣльной школы, и въ настоящее время городъ строитъ школьныя зданія только по этому типу. Главнымъ образомъ, заботы объ обезпеченіи именно учительскаго персонала городскихъ школъ побудили городское управленіе приступить къ организаціи особой кассы для служащихъ по городскому управленію, которая въ числѣ разныхъ своихъ функцій имѣетъ также и выдачу постоянныхъ пособій (т. е. фактически пенсій) этимъ служащимъ при оставленіи городской службы. Заботливость городского управленія объ учительскомъ персоналѣ распространяется даже и на учащихъ въ городскомъ шестиклассномъ и ремесленномъ училищахъ, которымъ въ 1903 году дума постановила выдавать квартирныя деньги, хотя на обязанности городского управленія отнюдь не лежитъ обязанность довольствовать и этотъ персоналъ квартирами. Ко всему этому нужно добавить, что за все время существованія городскихъ школъ, ставропольское городское управленіе ни

разу не обращалось къ дирекціи народныхъ училищъ съ ходатайствомъ объ увольненіи или даже перемѣщеніи кого-либо изъ учащихъ въ городскихъ школахъ, хотя, конечно, въ составѣ этихъ учащихъ не всегда были исключительно лица, достойныя своего званія.

Все изложенное, полагаемъ, ясно показываетъ, что ставропольское городское управленіе, возбудивъ предъ мѣстною дирекціею ходатайство о переводѣ двухъ учительницъ изъ однѣхъ школъ въ другія, городскія-же, всего менѣе могло въ этомъ шагѣ руководствоваться какими-либо иными мотивами, кромѣ заботъ о пользѣ дѣла,—объ интересахъ школы. Добавимъ, что такой переводъ ни малѣйшимъ образомъ не могъ бы являться какимъ-либо наказаніемъ для переводимыхъ учительницъ. Содержаніе учительницъ не зависитъ отъ той или иной школы, такъ какъ оно для всѣхъ учительницъ одинаковое, а квартиры въ тѣхъ школахъ, перевести въ которыя городское управленіе просило данныхъ учительницъ, лучше занимаемыхъ ими нынѣ.

Сущность дѣла въ слѣдующемъ. Городское управленіе сдѣлало опытъ постройки зданія на три школы подъ одною крышею. Здѣсь же устроены квартиры для трехъ учащихъ,—и это было серьезною ошибкою со стороны городского управленія. Въ будущемъ, строя зданія для двухъ или трехъ школъ, городское управленіе, всего вѣроятнѣе, будетъ устраивать въ этомъ зданіи квартиру только для одного учащаго, выдавая другимъ учащимъ квартирныя деньги, во избѣжаніе такихъ же печальныхъ результатовъ, какіе имѣли мѣсто въ данномъ случаѣ. До послѣдняго года до городского управленія не доходило свѣдѣній о какихъ либо неудобствахъ помѣщенія трехъ учительницъ въ одномъ зданіи. Но прошлый учебный годъ былъ наполненъ жалобами учительницъ другъ на друга. Эти жалобы учительницъ сдѣлались извѣстными всему городу; о нихъ говорили и надъ ними смѣялись положительно всѣ. Комическое положеніе, въ которомъ стали представляться населенію и учащимся учительницы, грозило неизбѣжно отразиться самымъ печальнымъ образомъ на школьномъ дѣлѣ. То, что передавалось изъ устъ въ уста, не могло не подрывать въ населеніи и учащихся уваженія къ школѣ и ея представителю, учителю.

Къ счастью, одна изъ учительницъ подала прошеніе о переводѣ ея въ одно изъ вновь открываемыхъ городскихъ училищъ. Городская исполнительная по училищнымъ дѣламъ коммиссія, разсматривая это прошеніе, не могла не придти къ мысли о желательности въ интересахъ дѣла перевода и двухъ другихъ учительницъ въ новыя школы, выстроенныя на одинъ классъ и съ одною квартирою для учащихъ, гдѣ онѣ могли бы быть полными хозяйками школы, и гдѣ, такимъ образомъ, исчезалъ бы поводъ къ столь соблазнительнымъ ссорамъ учащаго персонала. Казалось бы, что неудобоисполнимаго въ такомъ ходатайствѣ городского управленія, и не являлось ли оно естественнымъ разрѣшеніемъ крайне неудобнаго положенія вещей?

Однако, дирекція народныхъ училищъ, признавая фактическую сторону дѣла (да и какъ ее было не признать, когда она цѣлый годъ служила посмѣшищемъ для всего города?), не нашла возможнымъ удовлетворить ходатайство городского управленія.

Эпизодъ этотъ крайне смутилъ мѣстныхъ городскихъ дѣятелей. Для нихъ стало ясно, что роль города въ школьномъ дѣлѣ сводится къ отпуску средствъ; а затѣмъ его желанія, хотя бы самыя справедливыя, могутъ оставаться невыполненными—и городское управленіе ничего въ этомъ случаѣ подѣлать не можетъ.

Однако, ставропольское городское управленіе полагаетъ, что его отношеніе къ дѣлу народнаго просвѣщенія во всякомъ случаѣ заслуживаетъ того, чтобы его желанія, вытекающія притомъ изъ фактическихъ данныхъ, отнюдь не игнорировались съ такою безцеремонностью, какую въ данномъ эпизодѣ проявилъ мѣстный директоръ народныхъ училищъ, и потому оно принесло на его отказъ въ удовлетвореніи столь справедливаго и основательнаго ходатайства городского управленія жалобу попечителю Кавказскаго учебнаго округа, и въ настоящее время весь городъ Ставрополь ждетъ, какое дальнѣйшее направленіе получитъ данный вопросъ.

Можно уже заранѣе сказать, что какъ бы ни разрѣшился данный вопросъ окончательно, отношеніе ставропольскаго городского управленія къ дѣлу народнаго просвѣщенія не измѣнится. Дѣятели этого управленія будутъ помнить, что выше всего должны стоять интересы населенія и учащихся дѣтей, и если другіе не обращаютъ вниманія на эти интересы, то городскому управленію это не послужитъ примѣромъ. Что это будетъ именно такъ, это ставропольское городское управленіе доказало, принявъ рядъ симпатичныхъ мѣръ уже послѣ только что переданнаго эпизода (открытіе новой школы, увеличеніе содержанія учительницамъ послѣобѣденныхъ классовъ и др.).

Однако, вѣдь могло быть и иначе. Легко могло случиться, что, узнавъ по горькому опыту, что въ дѣлѣ народнаго образованія отъ городского управленія требуется только ассигнованіе средствъ, а затѣмъ даже въ дѣлѣ перевода учащаго изъ одной школы въ другую, когда такой переводъ явно требуется интересами дѣла, голосъ городского управленія рѣшительно ничего не значитъ, дѣятели иного городского управленія или какого-либо земства могли и значительно измѣнить къ худшему свое отношеніе къ дѣлу народнаго просвѣщенія. И за это нельзя было бы ихъ особенно строго и осуждать. Въ самомъ дѣлѣ, кому же пріятно играть роль лишь денежнаго мѣшка безъ возможности оказывать хотя бы малѣйшее вліяніе на то, чтобы отпускаемыя изъ этого мѣшка суммы получали дѣйствительно производительное употребленіе?

Полагаемъ, что эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ Ставрополѣ и разсказанный нами, при всей его кажущейся малозначительности, заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Казалось бы, что можетъ быть яснѣе необходимости удовлетворить желаніе городского управленія? Вмѣстѣ съ тѣмъ, казалось бы, что можетъ быть яснѣе права городского управленія, такъ много дѣлающаго для народнаго просвѣщенія, имѣть вліяніе на положеніе дѣлъ въ содержимыхъ имъ школахъ хотя бы въ предѣлахъ перевода учащихъ изъ одной школы въ другую? И тѣмъ не менѣе, какъ видимъ, даже въ такомъ случаѣ городское управленіе осталось не причемъ; даже столь скромное желаніе его осталось невыполненнымъ. Такая зависимость городского управленія отъ чьихъ-либо капризовъ уже ни съ какой точки зрѣнія, очевидно, не можетъ быть признаваема желательною, а такъ какъ она легко можетъ повести къ уменьшенію интереса и вниманія городского управленія къ дѣлу народнаго образованія, то, очевидно, эта зависимость не можетъ не быть признана въ высшей степени вредною.

Русская жизнь вообще полна контрастовъ. Казалось бы, существующій порядокъ увольненія и перемѣщенія народныхъ учителей имѣлъ въ виду охранить таковыхъ отъ произвольныхъ дѣйствій содержателей школъ, которые могли бы увольнять или переводить учителей (предполагается) по произволу. Между тѣмъ въ дѣйствительности нигдѣ и никогда личность учителя такъ мало не гарантирована отъ произвола, какъ именно при существующемъ

порядкѣ ихъ увольненія и перевода. Всѣмъ слишкомъ хорошо извѣстно, какъ въ дѣйствительности легко народному учителю потерять свое мѣсто. Лучшимъ доказательствомъ того могутъ служить массовыя увольненія, которыя время отъ времени эпидемически начинаютъ въ разныхъ мѣстахъ нашей родины косить направо и налѣво народныхъ учителей. Нигдѣ, ни въ какой другой отрасли общественной службы невозможны явленія этого рода и въ такихъ размѣрахъ, какъ это бываетъ въ области работы на нивѣ начальнаго образованія. Иногда эти массовыя увольненія принимаютъ такіе широкіе размѣры, что грозятъ подорвать существованіе учительскихъ обществъ взаимопомощи, которыя не могутъ не дѣлать все, что въ ихъ силахъ, для смягченія бѣдственнаго положенія жертвъ этой своеобразной „эпидеміи". Именно въ такомъ положеніи оказалось Тверское общество взаимопомощи учащихъ въ начальныхъ училищахъ, какъ видно изъ доклада его правленія общему собранію членовъ, состоявшемуся 14 сентября. Изъ доклада этого видно, что общество въ теченіе текущаго года выдало пособій на сумму 2.028 р., что для скромныхъ средствъ общества положительно непосильно. Причина, вызвавшая значительное увеличеніе выдачи ссудъ, состоитъ въ томъ, что обществу пришлось поддерживать своихъ членовъ, которые въ числѣ 27 были неожиданно и сразу уволены отъ службы въ Тверскомъ и Новоторжскомъ уѣздахъ. На собраніи выяснилось, что если массовыя увольненія будутъ продолжаться и впредъ въ такихъ же размѣрахъ, то общество скоро должно будетъ истощить всѣ свои запасы, такъ какъ отказывать въ пособіи увольняемымъ немыслимо, зная ихъ нужду и трудность для нихъ найти занятія въ будущемъ. Далѣе выяснилось, что эти массовыя увольненія дѣлаются не весною, по окончаніи учебнаго года, когда уволенный за лѣто могъ бы найти себѣ занятія, а среди лѣта или даже осенью, т. е. когда уже во всякомъ случаѣ уволенный не можетъ найти занятій по своей спеціальности. Само собою разумѣется, что общество взаимопомощи могло только констатировать фактъ, а помочь чѣмъ-либо своимъ уволеннымъ членамъ или принять какія-либо мѣры, которыя хотя бы уменьшили возможность дальнѣйшихъ массовыхъ увольненій, оно совершенно не въ силахъ.

Надо сказать, что и вообще дѣятельность учительскихъ обществъ взаимопомощи обставлена такими условіями, что она можетъ приносить только ничтожную долю той пользы, какую члены такихъ обществъ могли бы получать отъ ихъ существованія при болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Порою проходятъ цѣлые годы, прежде чѣмъ учительское общество окажется въ состояніи только приступить къ работѣ. Вотъ для примѣра какова трехлѣтняя исторія общества взаимнаго вспомоществованія учащимъ и учившимъ въ народныхъ училищахъ Ярославской губерніи, изложенная въ недавно составленномъ отчетѣ его правленія. Первое общее собраніе членовъ-учредителей общества состоялось 3 янв. 1901 года, но признано начальникомъ губерніи недѣйствительнымъ, почему почти черезъ годъ въ декабрѣ 1901 года во второмъ собраніи директоромъ народныхъ училищъ г. Мочульскимъ было предложено вновь избрать предсѣдателя общества и членовъ правленія, кандидатовъ къ нимъ и ревизіонную коммиссію, что и было исполнено. Послѣ выборовъ было приступлено къ пересмотру списковъ лицъ, внесшихъ деньги и изъявившихъ желаніе быть членами общества; но при этомъ снова возникло недоразумѣніе, повлекшее за собою исключеніе 15 членовъ изъ числа и безъ того незначительнаго количества лицъ, сдѣлавшихъ трехрублевые взносы. Вопросъ объ этомъ доходилъ до попечителя московскаго учебнаго округа, который разъяснилъ, что указан-

ное исключеніе являлось совершенно незаконнымъ. Все это, а также и нѣкоторыя другія неблагопріятныя условія привели къ тому, что и число членовъ общества и средства его росли крайне туго, и къ 1 янв. 1903 года общество имѣло только четыре тысячи рублей, образовавшихся изъ пожертвованій, членскихъ взносовъ и процентовъ на нихъ. Весь 1903 годъ положеніе дѣлъ общества также нисколько не улучшилось, и только съ началомъ 1904 года общество начинаетъ проявлять болѣе усиленную дѣятельность какъ по привлеченію средствъ и членовъ, такъ и по оказанію помощи послѣднимъ.

Въ общемъ пока учительскія общества принесли одну замѣтную пользу своимъ членамъ,—выяснили неприглядное положеніе народнаго учителя и, благодаря этому, вызвали хотя нѣкоторыя мѣропріятія со стороны нѣкоторыхъ земскихъ учрежденій къ улучшенію, по крайней мѣрѣ, матеріальнаго положенія учителей. Вотъ, напр., какіе любопытные факты были оглашены на состоявшемся лѣтомъ общемъ собраніи членовъ Тульскаго учительскаго общества относительно матеріальнаго положенія народныхъ учителей Тульской губерніи. Оказывается, что только въ трехъ уѣздахъ губерніи основное содержаніе учителей земскихъ школъ установлено въ 300 р. Средній же размѣръ учительскаго содержанія по губерніи много ниже—213 р. Есть уѣздъ, ефремовскій, гдѣ уплачиваемое учителямъ содержаніе представляетъ собою прямое издѣвательство надъ народнымъ учителемъ: здѣсь окладъ учительскаго жалованья исчисляется только по разсчету за шесть учебныхъ мѣсяцевъ; остальное время года учащимъ предоставляется питаться акридами и дикимъ медомъ. Неудивительно, что при обслѣдованіи положенія учителя въ Тульской губерніи, графа расходовъ „на пріобрѣтеніе книгъ и періодическихъ изданій“ чаще заполнялась нулемъ. „О книгахъ, журналахъ и газетахъ стараюсь не думать,—писалъ одинъ учитель въ отвѣтъ на обращенные къ нему вопросы,—чтобы не разстраивать себя, такъ какъ пріобрѣсти ихъ нѣтъ средствъ“. Къ этому надо присоединить крайне неудовлетворительныя учительскія квартиры. Дѣло доходитъ до того, что встрѣчаются квартиры учащихъ, совершенно лишенныя свѣта. Кажется, дальше по этому пути уже некуда идти. Эта неприглядная картина учительскаго житья вызвала постановленіе общаго собранія о возбужденіи ходатайства предъ всѣми уѣздными земствами относительно установленія основного жалованья для всѣхъ учащихъ, по крайней мѣрѣ, до 300 р. при прогрессивной прибавкѣ чрезъ каждыя пять лѣтъ службы съ тѣмъ, чтобы предѣльный окладъ за 25-лѣтнюю учительскую службу былъ равенъ 540 р. И эти скромныя желанія народнаго учителя оказываются въ настоящее время недосягаемымъ идеаломъ, отъ котораго дѣйствительность страшно удалена...

Кромѣ неудовлетворительнаго матеріальнаго положенія, нашъ народный учитель крайне страдаетъ и отъ отсутствія средствъ расширенія его знаній и подъема его умственнаго состоянія. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи наши земства пытаются сдѣлать, что могутъ, учрежденіемъ для народныхъ учителей общеобразовательныхъ и спеціальныхъ педагогическихъ курсовъ, но, къ сожалѣнію, встрѣчаютъ на этомъ пути цѣлый рядъ препятствій, о которыхъ можетъ дать представленіе длинный списокъ несостоявшихся курсовъ, проектированныхъ истекшимъ лѣтомъ разными губернскими земствами, приведенный въ нашей прошлой хроникѣ. Списокъ этотъ мы можемъ пополнить еще однимъ случаемъ, данныя относительно котораго нами были получены уже послѣ того, какъ указанный списокъ нами былъ составленъ. Приводимъ здѣсь и этотъ случай, касающійся Калужскаго земства.

Послѣднее очередное калужское губернское земское собраніе 1903 года

постановило устроить въ нынѣшнемъ 1904 году въ Калугѣ впервые лѣтніе общеобразовательные курсы для учителей и учительницъ земскихъ школъ Калужской губерніи, на что и ассигновало 3.900 р. Надо замѣтить, что калужское земство принадлежитъ къ числу далеко не передовыхъ въ области работы по народному просвѣщенію. Не мало труда стоило просвѣщенной части мѣстныхъ земцевъ добиться того, чтобы земское собраніе сочло себя обязаннымъ позаботиться о поднятіи умственнаго уровня и о расширеніи знаній народныхъ учителей и ассигновало средства для этой цѣли. И вотъ, когда эта нелегкая работа была выполнена, и отъ земскаго собранія удалось получить средства для устройства общеобразовательныхъ курсовъ для народныхъ учителей, на сцену выступили „независящія обстоятельства", которыя, быть можетъ, отобьютъ у калужскихъ земцевъ надолго охоту снова заботиться и хлопотать объ устройствѣ учительскихъ курсовъ.

Губернскою земскою управою заблаговременно все было подготовлено, представлены директору народныхъ училищъ списки слушателей, приглашены лекторы: по закону Божію мѣстный священникъ І. А. Остроглазовъ, по русской исторіи—оставленный при Московскомъ университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію А. И. Яковлевъ, по исторіи русской литературы—преподаватель московскихъ средне-учебныхъ заведеній Ц. П. Балталонъ, по міровѣдѣнію—приватъ-доцентъ Московскаго университета С. Г. Крапивинъ, по популярной, народной и дѣтской литературѣ—секретарь Калужской губернской земской управы А. А. Журавлевъ.

4 марта губернской управой были представлены губернатору подробныя программы курсовъ для разрѣшенія отпечатанія въ цѣляхъ разсылки всѣмъ учащимъ въ земскихъ школахъ. Но отвѣта на это представленіе управы такъ съ тѣхъ поръ и не послѣдовало и разрѣшенія на отпечатаніе программъ не получено. Въ виду этого управа должна была ограничиться лишь циркулярнымъ оповѣщеніемъ всѣхъ учащихъ о предстоящихъ курсахъ съ перечнемъ предметовъ и лекторовъ и съ указаніемъ порядка подачи заявленій о желаніи быть зачисленными въ слушатели курсовъ.

Въ концѣ концовъ выяснилось, что курсы совсѣмъ не разрѣшены.

Въ отказѣ попечителя Московскаго учебнаго округа приведены два мотива: 1) „выборъ слушателей, который могъ быть случайнымъ, такъ какъ лица, приглашавшіяся на курсы, своевременно не могли быть ознакомлены съ характеромъ курсовъ", и 2) „выборъ лекторовъ, въ число которыхъ вошли секретарь губернской земской управы Журавлевъ, не имѣющій никакого педагогическаго ценза, и преподаватель среднихъ учебныхъ заведеній Балталонъ, литературные взгляды котораго не соотвѣтствуютъ положительнымъ требованіямъ отъ литературнаго развитія русскаго народнаго учителя".

Особеннаго вниманія заслуживаетъ первый мотивъ отказа въ разрѣшеніи курсовъ. Программы курсовъ не могли быть разосланы учителямъ по той причинѣ, что онѣ не были разрѣшены къ отпечатанію, пока курсы не были разрѣшены, а курсы не были разрѣшены потому, что программы не были разосланы учителямъ, и, такимъ образомъ, они заблаговременно не были ознакомлены съ характеромъ курсовъ. Какъ выйти изъ этого заколдованнаго круга, мы не знаемъ.

Во всякомъ случаѣ первая попытка Калужскаго земства устроить общеобразовательные курсы для народныхъ учителей и тѣмъ поднять ихъ умственный уровень и расширить ихъ знанія окончилась полною неудачею и, быть

можетъ, надолго уничтожитъ возможность появленія такихъ курсовъ въ Калужской губерніи.

Тотъ же контрастъ, какой мы нашли въ области попеченія о народномъ учителѣ (съ одной стороны заботы о томъ, какъ бы его не обидѣли общественныя учрежденія, содержащія школы, и лишеніе въ этихъ видахъ какого либо участія этихъ учрежденій въ дѣлѣ увольненія и перевода учителей, а съ другой легкость потери учителемъ своего мѣста по желанію чуть не любого лица и препятствія, встрѣчаемыя какъ самими учителями въ дѣлѣ улучшенія своего положенія путемъ взаимопомощи, такъ и общественными учрежденіями путемъ попеченія о расширеніи знаній учителей и подъемѣ ихъ умственнаго развитія),—наблюдается и въ области попеченія о насажденіи всеобщаго обученія.

Съ одной стороны у насъ въ послѣднее время много говорятъ о всеобщемъ обученіи, и нынѣшнимъ лѣтомъ даже произведено цѣлое обслѣдованіе о томъ, въ какой мѣрѣ и какими путями оно достижимо. Именно отъ директоровъ народныхъ учителей, а чрезъ нихъ и отъ инспекторовъ, отъ городскихъ и земскихъ управъ потребованы свѣдѣнія: 1) о наличности образовательныхъ средствъ и источниковъ содержанія низшихъ учебныхъ заведеній; 2) о числѣ училищъ, подлежащихъ открытію въ видахъ достиженія общедоступности начальной школы въ каждомъ городѣ и уѣздѣ отдѣльно, и 3) соображенія о срокахъ, въ которые предложенныя къ открытію училища могли бы быть открыты, и какія для этого понадобятся средства.

Въ Ставрополѣ-Кавказскомъ этотъ запросъ министерства народнаго просвѣщенія вызвалъ особое обслѣдованіе со стороны городского управленія положенія дѣла народнаго образованія въ городѣ. Оказалось, что общее число дѣтей обоего пола, обучающихся въ настоящее время во всѣхъ начальныхъ школахъ г. Ставрополя (городскихъ, церковно-приходскихъ, общества грамотности, частныхъ и др.), а также въ азбучныхъ и приготовительныхъ классахъ имѣющихся въ городѣ двухъ женскихъ и одной мужской гимназій, составляетъ цыфру 2.340 чел. Принимая во вниманіе, что общее число жителей г. Ставрополя, по даннымъ статистическаго комитета, къ 1904 году составляло 49.600 чел., и, выдѣляя изъ нихъ 10% для дѣтей школьнаго возраста (отъ 8 до 12 лѣтъ) лѣтъ, находимъ, что школьный возрастъ представленъ въ Ставрополѣ 4.960 дѣтьми обоего пола, изъ которыхъ учится только 2.340, а остальные 2.620 остаются безъ обученія.

Чтобы представить и этимъ дѣтямъ возможность получить начальное образованіе, прежде всего является необходимость въ сооруженіи достаточнаго числа новыхъ училищныхъ зданій съ 50 классными комнатами, разсчитанными на 50—55 человѣкъ каждая. Для достиженія экономіи въ постройкѣ этихъ зданій, возможно въ болѣе населенныхъ частяхъ города устраивать многоклассныя помѣщенія—въ шесть и три класса каждое. Такимъ образомъ, пришлось бы построить четыре 6-тиклассныхъ училища, стоимостью въ 25 тыс. р. каждое, три трехклассныхъ по 15 тыс. руб. каждое и 17 одноклассныхъ по 9 тыс. р. каждое, съ затратой на всѣ зданія около 300 т. р. Стоимость содержанія вновь открытыхъ училищъ, считая по тысячѣ рублей въ годъ на каждое (именно въ такую сумму обходится содержаніе школъ ставропольскому городскому управленію), составитъ сумму въ 50 тыс. рублей ежегодно.

Если распредѣлить расходы по осуществленію всеобщаго обученія на восемь лѣтъ, то на сооруженіе новыхъ училищныхъ зданій потребовалось бы

въ продолженіе восьми лѣтъ по 35 — 40 тыс. ежегодно и на содержаніе новыхъ училищъ пришлось бы увеличивать ежегодно расходъ по 7—8 т. р., съ доведеніемъ его, противъ существующаго расхода города на народное образованіе (около 45 тыс. р. ежегодно), до 95 тыс. р.

Ожидать, чтобы городъ, имѣющій бюджетъ въ 250 тыс. р., могъ тратить на народное образованіе около ста тысячъ рублей, да еще затратилъ въ теченіе 8 лѣтъ до 300 тыс. рублей на постройку нужнаго числа школьныхъ зданій, совершенно невозможно. Надо еще замѣтить, что съ такими расходами, совершенно для города не посильными, онъ все-таки не достигъ бы всеобщаго обученія, такъ какъ за тѣ 8 лѣтъ, въ теченіе которыхъ осуществлялся бы изложенный планъ, населеніе города, конечно, значительно возрастетъ, и, такимъ образомъ, снова образуется значительный контингентъ дѣтей школьнаго возраста, которымъ все-таки не нашлось бы мѣста во вновь открытыхъ школахъ.

Очевидно, всеобщее обученіе, какъ это видно наглядно на примѣрѣ Ставрополя, гдѣ, какъ объяснено выше, городское управленіе уже и теперь тратитъ на нужды народнаго просвѣщенія 22% своего бюджета,—можетъ быть осуществлено только при дружномъ взаимодѣйствіи мѣстнаго самоуправленія, государства и всѣхъ общественныхъ элементовъ, заинтересованныхъ въ распространеніи народнаго образованія. Иначе говоря, всеобщее обученіе будетъ возможно только тогда, когда, кромѣ расходовъ на данный предметъ изъ средствъ мѣстныхъ общественныхъ учрежденій—городскихъ управленій и земствъ, будутъ ассигновываться на тотъ же предметъ достаточныя суммы и изъ государственныхъ средствъ и будетъ представленъ самый широкій просторъ частной и общественной иниціативѣ, такъ какъ только при этомъ условіи къ дѣлу народнаго просвѣщенія могутъ быть привлечены въ значительныхъ размѣрахъ средства разныхъ обществъ и частныхъ лицъ.

Между тѣмъ здѣсь-то и начинается „съ другой стороны". Съ одной стороны ставится на очередь вопросъ о всеобщемъ обученіи, а съ другой стороны всячески стѣсняется общественная и частная иниціатива въ области народнаго просвѣщенія, хотя безъ содѣйствія этой иниціативы ни въ какомъ случаѣ осуществить всеобщее обученіе немыслимо. Вотъ нѣсколько фактовъ изъ данной области, ярко свидѣтельствующихъ о томъ, въ какой мѣрѣ стѣснена у насъ частная и общественная иниціатива въ области народнаго просвѣщенія.

Едва ли есть въ Россіи интеллигентный человѣкъ, который не зналъ бы о дѣятельности Томскаго общества попеченія о начальномъ образованіи. Общество это выдѣлялось изъ всѣхъ подобныхъ обществъ своею широкою и полезною дѣятельностью. Оно создало рядъ начальныхъ школъ въ Томскѣ, устроило одну изъ первыхъ и самыхъ богатыхъ народныхъ библіотекъ, учредило первый въ Россіи народный музей, открыло профессіональныя школы, устраивало курсы для народныхъ учителей вообще Томской губерніи, организовало систематическія популярныя лекціи и т. д., и т. п. Общество привлекло симпатіи всего сибирскаго общества, которое охотно несло свои пожертвованія натурою и деньгами на нужды просвѣтительныхъ учрежденій, созданныхъ Томскимъ обществомъ попеченія о начальномъ образованіи. Примѣръ благотворной дѣятельности Томскаго общества подѣйствовалъ возбуждающимъ образомъ и на другіе сибирскіе города, и въ настоящее время въ Сибири почти нѣтъ города, гдѣ не работало бы общество попеченія о народномъ образованіи. И вотъ по отношенію къ этому почтенному обществу лѣтомъ нынѣшняго года были приняты самыя удивительныя мѣры. Именно, какъ

сообщали газеты, „совѣтомъ общества попеченія о начальномъ образованіи въ Томскѣ получена отъ полицеймейстера Аршаулова бумага, которую онъ поставляетъ совѣтъ въ извѣстность, что имъ, полицеймейстеромъ, возбуждено предъ начальникомъ губерніи ходатайство о принятіи слѣдующихъ мѣръ по отношенію названнаго общества: во-первыхъ, чтобы какія бы то ни было собранія и засѣданія членовъ общества производились только съ согласія директора или инспектора народныхъ училищъ; во-вторыхъ, чтобы совѣтомъ не допускались въ зданіи общества публичныя увеселительныя собранія, какъ танцовальные вечера, балы и проч., и, въ третьихъ, наконецъ, чтобы не допускались учащіеся безъ особаго на то разрѣшенія на устраиваемыя обществомъ празднества, гулянья и проч". („Русскія Вѣдомости", № 155). Не говоря уже о странности нѣкоторыхъ изъ указанныхъ требованій (возложеніе на совѣтъ общества полицейской обязанности слѣдить за тѣмъ, имѣетъ ли право лицо, покупающее билетъ на увеселеніе, посѣщать таковое, или оно лишено этого права), о противорѣчіи другихъ требованій нашимъ гражданскимъ законамъ (запрещеніе извлекать выгоды изъ зданія путемъ отдачи его подъ танцовальные вечера и проч.) или уставу общества (требованіе разрѣшенія директора или инспектора народныхъ училищъ для созыва собранія членовъ),—нельзя не удивиться особенно тому, что регулированіемъ дѣятельности просвѣтительнаго общества занятъ полицеймейстеръ. Причемъ онъ въ данномъ дѣлѣ? Сфера дѣятельности полицейскихъ должностныхъ лицъ точно указана въ подлежащихъ узаконеніяхъ, и ни въ одномъ изъ нихъ нельзя найти ни малѣйшаго указанія на право полицеймейстера возбуждать тѣ требованія, какія оказались возможнымъ предъявить къ Томскому просвѣтительному обществу. Всѣ общества этого рода въ настоящее время состоятъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, и органы послѣдняго, какъ это мы не разъ сообщали въ нашихъ хроникахъ, отнюдь не оставляютъ Томское просвѣтительное общество безъ своего вниманія, въ послѣднее время даже почти прекративъ совсѣмъ дѣятельность его. Зачѣмъ же понадобилось еще вмѣшательство полицеймейстера? Развѣ только для болѣе рѣзкаго подчеркиванія ненормальнаго положенія нашихъ просвѣтительныхъ обществъ?

Не менѣе грустное впечатлѣніе производитъ отчетъ о годичномъ собраніи членовъ Общества распространенія начальнаго образованія въ Ярославской губерніи. Вотъ что мы читаемъ по поводу этого собранія: „Чтеніе денежнаго отчета, отчета о дѣятельности Общества въ 1903 году прошло почти безъ преній. За исключеніемъ одного робкаго вопроса о причинахъ значительнаго для небольшихъ оборотовъ Общества остатка свободныхъ средствъ (7.500 р.), не было проронено ни одного слова. Безъ всякихъ обсужденій прошелъ и весьма важный для дѣятельности общества вопросъ о разрѣшеніи имѣть въ библіотекахъ Общества всѣ дозволенныя общею цензурою къ обращенію книги. Предсѣдатель собранія мѣстный губернаторъ заявилъ, что вопросъ этотъ касается измѣненія § 2-го устава Общества, которое, согласно этому параграфу, обязано въ своихъ библіотекахъ руководствоваться правилами о народныхъ библіотекахъ вообще. Попытки возразить, что ходатайства о непримѣненіи тѣхъ или другихъ общихъ правилъ о народныхъ библіотекахъ не есть ходатайство объ измѣненіи устава Общества, оказались одинокими, а для обсужденія измѣненій въ уставѣ собраніе не имѣло необходимаго числа членовъ (половина всѣхъ проживающихъ въ городѣ, т. е. 70 членовъ). Въ концѣ собранія остался недостаточно выясненнымъ такой безобидный, но важный для дѣятельности Общества вопросъ, какъ устройство дѣтскихъ прогулокъ въ

городѣ и за городъ и устройство дѣтскихъ площадокъ для игръ на воздухѣ. Не такъ давно,—очевидно, по какому-то недоразумѣнію,—полиція запретила Обществу устраивать для дѣтей майскую загородную прогулку. Въ прошломъ году такая прогулка собрала до 1.000 человѣкъ дѣтей, которыя остались ею весьма довольны. Встрѣчаются какія-то препятствія и въ устройствѣ дѣтскихъ площадокъ. Однако, и этотъ вопросъ не былъ въ достаточной мѣрѣ выясненъ на собраніи, такъ какъ предсѣдатель объявилъ вопросъ исчерпаннымъ и собраніе закрытымъ" („Русскія Вѣдомости", № 160).

Итакъ, просвѣтительное общество не можетъ устраивать даже площадокъ для дѣтскихъ игръ, и не только устраивать ихъ не можетъ, но не можетъ даже поговорить о данномъ предметѣ на собраніи. Что же послѣ этого возможно для просвѣтительныхъ обществъ, и можно ли удивляться тому, что наши просвѣтительныя общества въ настоящее время такъ захирѣли, что они теряютъ членовъ, такъ какъ зачѣмъ числиться членомъ общества, которое лишено возможности даже совершать столь, казалось бы, уже безобидныя дѣйствія, какъ устройство загородной прогулки для дѣтей или устройство дѣтскихъ игръ?

До какой степени частная и общественная иниціатива въ области народнаго просвѣщенія можетъ быть плодотворною и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ печально у насъ положеніе этой иниціативы, это всего нагляднѣе видно на исторіи екатеринославской коммиссіи народныхъ чтеній. Исторія эта весьма поучительна. Ровно 21 годъ тому назадъ при екатеринославскомъ Обществѣ попеченія о женскомъ образованіи возникла мысль объ организаціи народныхъ чтеній. Была образована особая коммиссія, которая и устраивала чтенія въ помѣщеніи женской школы Общества. Вскорѣ пришлось перейти въ болѣе просторное помѣщеніе, а затѣмъ начали устраиваться чтенія въ нѣсколькихъ пунктахъ на окраинахъ. Явилась потребность въ особой аудиторіи—и вотъ коммиссія, путемъ общественнаго содѣйствія, устраиваетъ свое собственное зданіе. Зданіе это было устроено усиліями всѣхъ слоевъ общества: заводы жертвовали кирпичъ, желѣзо, лѣсники—лѣсъ, подрядчики брали работы по пониженной цѣнѣ и т. д. Когда было выстроено зданіе, въ немъ, кромѣ аудиторіи народныхъ чтеній, была устроена безплатная библіотека-читальня. Къ 1902 году коммиссія, все развивавшая свою дѣятельность, насчитывала слѣдующія учрежденія: 1) чтенія для взрослыхъ и дѣтей; 2) систематическіе курсы (по астрономіи, геологіи, біологіи, минералогіи, металлургіи, химіи, физикѣ, ботаникѣ, физіологіи, зоологіи, русской исторіи, исторіи русской литературы и законовѣдѣнію); 3) публичныя лекціи; 4) публичную библіотеку; 5) двѣ народныя библіотеки и читальни; 6) кружокъ любителей, устраивающій дешевые спектакли, концерты, литературные вечера. Членовъ коммиссіи въ 1901 году было до тысячи человѣкъ. Коммиссія работала не только подъ надлежащимъ контролемъ и съ разрѣшенія властей, но и при постоянномъ участіи представителей мѣстной администраціи, входившихъ въ составъ коммиссіи на правахъ членовъ. Бывшій екатеринославскій губернаторъ В. К. Шлиппе принималъ очень близкое участіе въ дѣятельности коммиссіи и оказалъ ей большое содѣйствіе въ дѣлѣ устройства собственнаго зданія. Нынѣшній министръ внутреннихъ дѣлъ кн. Святополкъ-Мирскій сдѣлалъ коммиссіи пожертвованіе въ 500 р. И вотъ въ 1902 году коммиссія объявлена существующею незаконно. Для легализаціи своей коммиссіи пришлось выработать особый уставъ. Однако, этотъ уставъ былъ возвращенъ съ такими поправками, которыя коммиссія не могла принять. Тогда коммиссіи было предложено или

принять уставъ съ поправками или закрыться. Коммиссіи пришлось прекратить свою дѣятельность, причемъ въ послѣднемъ засѣданіи коммиссіи постановлено просить объ утвержденіи проекта устава, выработаннаго коммиссіею. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе двухъ лѣтъ, но отвѣта на эту просьбу до сихъ поръ не послѣдовало.

На этомъ мы и остановимся, хотя, конечно, аналогичныхъ фактовъ можно было бы привести еще великое множество. Будемъ надѣяться, что, наконецъ, въ настоящее время, когда съ столь высокаго мѣста раздались слова о довѣріи къ обществу, подобные факты отойдутъ въ прошлое, и то, что было сдѣлано въ предыдущій періодъ въ дѣлѣ стѣсненія и даже полнаго уничтоженія проявленій общественной иниціативы въ области народнаго просвѣщенія, будетъ исправлено. Пора, наконецъ, убѣдиться, что политика преслѣдованія общественной самодѣятельности въ области народнаго просвѣщенія— самая печальная политика, могущая только оставить наше отечество въ хвостѣ цивилизованныхъ народовъ и подорвать его силу и величіе.

Я. Абрамовъ.

Хроника народныхъ библіотекъ.

Народныя библіотеки имени Чехова, какъ способъ чествованія его памяти. Первая такая библіотека въ Ставрополѣ-Кавказскомъ.—Народная библіотека имени Г. И. Успенскаго. — Неразрѣшеніе народной библіотеки въ Новомъ Осколѣ. — „Отклоненіе“ выписки газетъ для крестьянъ. — Измѣненіе устава Таганрогскаго общества народныхъ библіотекъ.—Народныя библіотеки въ Саратовскомъ уѣздѣ. — Дѣятельность по открытію народныхъ библіотекъ Архангельскимъ обществомъ содѣйствія распространенію народнаго образованія.—Возможность обращенія суммъ попечительствъ о народной трезвости на народно-библіотечное дѣло.—Ходатайство кубанскаго областного комитета попечительства о народной трезвости о допущеніи въ книжные склады попечительства продажи всѣхъ книгъ, разрѣшенныхъ общею цензурою.

Среди многочисленныхъ выраженій симпатіи русскаго общества къ А. П. Чехову, вызванныхъ его преждевременною смертью, одно обращаетъ на себя наше особенное вниманіе и должно быть отмѣчено въ нашихъ хроникахъ, какъ имѣющее непосредственное отношеніе къ дѣлу народныхъ библіотекъ. Мы имѣемъ въ виду мысль редакціи изданій „Посредника“ и „Библіотеки Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества“ почтить память почившаго писателя учрежденіемъ народныхъ библіотекъ его имени. Въ интересахъ возбужденія этого вопроса, редакція названныхъ изданій прислала въ свое время въ редакцію „Русскихъ Вѣдомостей“ 50 р. въ основаніе фонда для указанной цѣли, выразила готовность содѣйствовать учрежденію такихъ библіотекъ безвозмезднымъ снабженіемъ ихъ своими изданіями и вмѣстѣ съ тѣмъ обратилась съ предложеніемъ послѣдовать этому примѣру ко всѣмъ издательскимъ фирмамъ, чтущимъ память дорогого всѣмъ писателя.

Трудно себѣ представить лучшую форму чествованія, которое наше общество могло бы проявить по отношенію къ памяти А. П. Чехова. Несомнѣнно, библіотеки и литература представляютъ собою нѣчто, тѣсно связанное между собою. Безъ библіотекъ литература никогда не можетъ сдѣлаться доступною массѣ населенія. Книга вообще, а въ Россіи въ особенности, еще долго будетъ составлять предметъ роскоши. Того времени, когда у каждого будетъ собственная библіотека, намъ придется ждать еще очень долго. И если даже на Западѣ, гдѣ и населеніе болѣе зажиточно, и пріобрѣтеніе книгъ уже въ

извѣстной мѣрѣ сдѣлалось потребностью населенія, — народныя библіотеки играютъ такую важную роль въ дѣлѣ ознакомленія населенія съ литературою, то тѣмъ большее значеніе въ указанномъ отношеніи могутъ имѣть эти библіотеки у насъ. И право, кажется, невозможно придумать другой, болѣе отвѣчающій спеціальному значенію дѣятельности писателя, способъ чествованія его памяти, какъ именно устройство народныхъ библіотекъ, посвященныхъ его имени.

Но по отношенію къ Чехову имѣется еще одно обстоятельство, которое дѣлаетъ устройство библіотекъ его имени наиболѣе желательною формою его чествованія. Дѣло въ томъ, что самъ Чеховъ придавалъ огромное значеніе вліянію библіотекъ на населеніе и не только придавалъ это значеніе библіотекамъ въ теоріи, но и старался практически поработать въ данной области. Доказательствомъ этому является его отношеніе къ городской общественной библіотекѣ его родины, Таганрога. Какъ теперь выяснилось, Чеховъ неоднократно жертвовалъ значительныя количества книгъ этой библіотекѣ. Сюда же онъ направлялъ тѣ многочисленныя книги, которыя онъ получалъ отъ авторовъ и издателей, какъ выраженіе уваженія къ нему. Наконецъ, въ одномъ изъ сентябрьскихъ засѣданій таганрогской думы членъ городской управы г. Іордановъ выяснилъ еще одно замѣчательное обстоятельство. Узнавъ, что при выпискѣ управою книгъ для библіотеки не разъ возникали разнаго рода недоразумѣнія, Чеховъ вызвался брать на себя порученія по этой выпискѣ. Оказалось затѣмъ, что умыселъ у него былъ совсѣмъ иного рода. Книги имъ высылались, а счета онъ оплачивалъ изъ собственныхъ средствъ. Когда же управа просила его выслать счета, чтобы возвратить ему истраченныя суммы, онъ отвѣчалъ, что объ этомъ не стоитъ безпокоиться, а лучше беречь отпускаемыя на содержаніе библіотеки средства на постройку зданія для нея. Таганрогская дума въ настоящее время и постановила построить такое зданіе, а самую библіотеку наименовать „Чеховскою“.

Такимъ образомъ, содѣйствуя устройству народныхъ библіотекъ, посвященныхъ имени А. П. Чехова, будемъ идти какъ разъ по тому пути, который былъ бы наиболѣе пріятенъ покойному, и, стало быть, данная форма чествованія памяти Чехова со стороны общества явится наиболѣе соотвѣтствующею особенностямъ не только положенія Чехова, какъ писателя, но и его личнаго взгляда на библіотечное дѣло.

Какъ только что упомянуто, таганрогская дума уже стала на указанный путь, принявъ на себя обязанность продолжать то попеченіе о мѣстной общественной библіотекѣ, которое проявлялъ Чеховъ, и назвавъ эту библіотеку „Чеховскою“. Но, само собою разумѣется, дѣло не должно ограничиваться Таганрогомъ. Чеховъ—достояніе всей Россіи. Его читаютъ и любятъ во всѣхъ ея концахъ, во всѣхъ углахъ, отъ Архангельска до Кушки и отъ западной границы до Дальняго Востока. Вотъ здѣсь-то и должно сказаться, насколько серьезно то почитаніе покойнаго со стороны нашего общества, которое пока выразилось въ помѣщеніи въ газетахъ столь многочисленныхъ сочувственныхъ телеграммъ и въ возложеніи на гробъ Чехова такого количества вѣнковъ, что ихъ въ погребальной процессіи едва везли четыре колесницы. Все это были, такъ сказать, пока одни слова, а теперь нашему обществу предстоитъ выразить свое сочувственное отношеніе къ покойному, свое пониманіе значенія происшедшей утраты, свое уваженіе къ произведеніямъ Чехова — дѣломъ. Собственно говоря, если принять въ серьезъ то, что содержалось въ телеграммахъ и надписяхъ на вѣнкахъ, положительно, по крайней мѣрѣ, въ каждомъ

большомъ городѣ, должно бы воздвигнуть по народной библіотекѣ имени Чехова. Инициативу въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ могли бы принять на себя просвѣтительныя общества и кружки, городскія управленія, земскія учрежденія, а также, конечно, и частныя лица,—тамъ, гдѣ оказался бы недостатокъ общественной иниціативы. И намъ думается, что если чего-либо подобнаго не произойдетъ, и все дѣло ограничится напечатанными телеграммами и возложенными на гробъ Чехова вѣнками, то это показное сочувствіе общества покойному писателю будетъ стоить немногаго.

Чеховъ далъ нашему обществу чрезвычайно много. Теперь очередь за обществомъ, которое и можетъ заплатить свой долгъ писателю, создавши народныя библіотеки имени Чехова и тѣмъ оказавъ содѣйствіе популяризаціи его имени среди массы населенія. Неужели мы не сумѣемъ выплатить этотъ долгъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ и дастъ въ непродолжительномъ времени то или иное отношеніе нашего общества къ столь удачной мысли „Посредника“ почтить память покойнаго писателя устройствомъ сѣти народныхъ библіотекъ его имени.

Пока, однако, на призывъ редакціи „Посредника“ отозвались только въ Ставрополѣ-Кавказскомъ. Здѣсь нѣсколько гласныхъ вошли въ думу съ предложеніемъ учредить на одной изъ окраинъ города, на Старомъ Форштадтѣ, народную библіотеку имени А. П. Чехова, и дума единогласно предложеніе это приняла. Такимъ образомъ, здѣсь въ самомъ непродолжительномъ времени должна возникнуть первая народная библіотека въ память симпатичнаго писателя.

Вообще учрежденіе народныхъ библіотекъ, посвященныхъ имени того или другого писателя, является, какъ это намъ не разъ приходилось выяснять въ нашихъ хроникахъ, наилучшимъ способомъ, посредствомъ котораго общество можетъ выразить свое уваженіе писателю, показать, что оно цѣнитъ его дѣятельность. И нельзя не порадоваться, что мысль эта получаетъ все большее и большее распространеніе среди нашего общества. Не въ мертвыхъ памятникахъ нуждаются наши писатели, всегда проповѣдывавшіе и проповѣдующіе живую, дѣятельную любовь. Только учрежденія, которыя продолжали бы ту же просвѣтительную дѣятельность, которою заняты писатели, могутъ являться дѣйствительно достойными ихъ памятниками. И, судя по всему, общество наше все болѣе и болѣе начинаетъ сознавать это. Намъ почти къ каждой хроникѣ приходится отмѣчать случаи учрежденія народныхъ библіотекъ въ память умершихъ или въ честь живыхъ писателей и вообще общественныхъ дѣятелей. И въ настоящей хроникѣ, кромѣ сказаннаго относительно народныхъ библіотекъ въ память Чехова, мы можемъ отмѣтить еще одинъ фактъ той же категоріи, имѣющій отношеніе къ покойному Г. И. Успенскому.

На родинѣ послѣдняго, въ Тулѣ, въ свое время, по случаю смерти Г. И. Успенскаго, въ средѣ ближайшихъ участниковъ существовавшей тамъ до конца прошлаго года общественной библіотеки возникла мысль почтить память покойнаго писателя устройствомъ какого-либо просвѣтительнаго учрежденія. Какъ сообщали въ свое время газеты, мысли этой помѣшали осуществиться какія-то „мѣстныя условія“. Тогда возникла другая мысль —устроить при библіотекѣ отдѣлъ имени Г. И. Успенскаго, посвященный крестьянскому вопросу, которымъ такъ много занимался покойный писатель. Приступивъ къ осуществленію этой мысли, участники дѣла прежде всего занялись составленіемъ указателя литературы по крестьянскому вопросу. Пока, однако, составлялся указатель, съ общественной библіотекой произошла метаморфоза: она была

передана въ вѣдѣніе городского управленія, и общественныя силы, которыя создали и поддерживали библіотеку, оказались отстраненными отъ нея. Желая все-таки, чтобы мысль о связи имени Успенскаго съ библіотечнымъ дѣломъ не погибла окончательно, составители указателя, напечатавъ его и пустивъ въ продажу, рѣшили употребить чистый сборъ съ него на устройство народной библіотеки имени Г. И. Успенскаго при одной изъ земскихъ школъ губерніи.

Отмѣчая факты приступа къ устройству народныхъ библіотекъ имени Чехова и Успенскаго, мы не сомнѣваемся въ томъ, что начатое въ обоихъ случаяхъ дѣло будетъ доведено до конца. Къ сожалѣнію, твердой увѣренности, оказывается, и въ этой области питать никогда нельзя, такъ какъ, хотя и рѣдко, но случаи неразрѣшенія открытія народныхъ библіотекъ все-таки бываютъ. Вотъ какое, напр., извѣстіе было напечатано недавно въ газетахъ: „На ходатайство мѣстнаго благотворительнаго общества помощи бѣднымъ о разрѣшеніи открыть безплатную народную библіотеку для бѣдныхъ г. Новаго Оскола полученъ отъ курскаго губернатора отрицательный отвѣтъ“. Факты этого рода способны вызвать большое недоумѣніе. Какъ извѣстно, ни одна отрасль народно-просвѣтительнаго дѣла не обставлена такими ограничительными условіями, какъ именно дѣло народныхъ библіотекъ. Въ библіотеки могутъ попадать только книги, указанныя въ особомъ каталогѣ, составляемомъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія. За дѣятельностью каждой библіотеки наблюдаетъ особый наблюдатель, назначаемый по соглашенію губернатора и епархіальной власти изъ лицъ учебнаго или духовнаго вѣдомствъ. Ни одна книга не можетъ быть пріобрѣтена для библіотеки безъ одобренія этого наблюдателя. Отвѣтственное лицо по библіотекѣ утверждается въ своихъ обязанностяхъ губернаторомъ. Такимъ образомъ, при возникновеніи вопроса объ открытіи народной библіотеки, казалось бы, можетъ идти рѣчь лишь объ утвержденіи того или другого отвѣтственнаго лица. Губернская власть, не находя возможнымъ утвердить представленное лицо, можетъ потребовать, чтобы было представлено другое, болѣе заслуживающее ея довѣрія. Но отказъ въ самомъ разрѣшеніи на открытіе библіотеки, при наличности указанныхъ гарантій неизбѣжной благонамѣренности ея дѣятельности, совершенно непонятенъ.

Нельзя понять также и слѣдующаго газетнаго извѣстія, относящагося все къ той же области народнаго чтенія: „Въ засѣданіи нижегородскаго уѣзднаго комитета попечительства о народной трезвости было заслушано ходатайство учителя безводинскаго училища Лубяпцева о выпискѣ для населенія с. Безводнаго одной изъ нижегородскихъ газетъ, мотивированное тѣмъ, что крестьяне осаждаютъ его просьбами о газетѣ. Постановлено отклонить“. Въ настоящее время война, затрогивающая кровнымъ образомъ такое множество семей непосредственно, такъ какъ члены ихъ участвуютъ въ войнѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ возбудила и огромный общій интересъ въ народной массѣ къ событіямъ, происходящимъ на Дальнемъ Востокѣ. Неудивительно, что вездѣ сельское населеніе стремится всѣми способами доставать газеты, чтобы ознакомиться съ извѣстіями, идущими съ театра военныхъ дѣйствій. Казалось бы, удовлетворить эту потребность населенія составляетъ такое благородное дѣло, тѣмъ болѣе, что этимъ путемъ можетъ укрѣпиться вообще потребность въ чтеніи. Въ особенности это дѣло соотвѣтствуетъ задачамъ комитетовъ попечительства о народной трезвости, такъ какъ, несомнѣнно, чтеніе является лучшимъ средствомъ, отвлекающимъ населеніе отъ пьянства. И тѣмъ не менѣе—„постановлено отклонить“!

Послѣ такихъ печальныхъ фактовъ, какъ только что приведенные два, бываетъ особенно пріятно встрѣчаться съ фактами иного рода, такъ или иначе благотворно отражающимися на дѣлѣ народныхъ библіотекъ и вообще на дѣлѣ распространенія въ народной средѣ книги. Такъ, съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ здѣсь ходатайство кубанскаго областного комитета попечительства о народной трезвости о допущеніи въ книжныхъ складахъ, открываемыхъ попечительствомъ, продажи всѣхъ книгъ, разрѣшенныхъ общею цензурою. Въ настоящее время продажа книгъ изъ этихъ складовъ ограничивается лишь тѣми сочиненіями, которыя допущены къ обращенію въ народныхъ библіотекахъ. Такимъ образомъ, та характеристика книжнаго богатства, доступнаго нашему народу, которая была сдѣлана въ засѣданіи кубанскаго комитета и вызвала его ходатайство, относится въ одинаковой мѣрѣ какъ къ помянутымъ складамъ, такъ и къ народнымъ библіотекамъ. Именно изъ доклада комитету его непремѣннаго члена выяснилось слѣдующее. Въ каталогѣ книгъ, разрѣшенныхъ для народныхъ библіотекъ по 1900 годъ, числится всего 4.733 сочиненія, да въ дополнительномъ каталогѣ за 1900, 1901 и 1902 гг. имѣются указанія на 2.298 сочиненій. Но оказывается, что въ дополнительный каталогъ вошло не менѣе трети повторяющихся изданій, которыя уже имѣлись въ главномъ каталогѣ. Да и въ послѣднемъ одни и тѣ же сочиненія повторяются по нѣсколько разъ. Такъ, „Фрегатъ Паллада" Гончарова встрѣчается въ каталогѣ три раза. То же самое повторяется съ книгами Гартвига, Грота, Филонова и многихъ другихъ авторовъ. „Апеннины и Анды" Амичиса фигурируютъ дважды въ главномъ каталогѣ и дважды въ дополнительномъ. „Гуттенбергъ" и „Ливингстонъ" обозначены по три раза, „Жизнь Магомета"—два раза, „Бернетъ"—два раза въ каталогѣ и три раза въ дополненіи. „Хижина дяди Тома" значится три раза въ главномъ каталогѣ и пять разъ въ дополнительномъ. Перечисленіемъ сочиненій Пушкина заняты двѣ страницы главнаго каталога и двѣ—дополнительнаго. Еще болѣе мѣста занимаютъ Гоголь, Жуковскій и нѣкоторые другіе классики. Затѣмъ такія изданія, какъ „Русская классная библіотека" Чудинова, „Русскіе писатели" Аскарханова, „Золотая библіотека" Вольфа и другія, представляющія собою только многократную перепечатку извѣстныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ авторовъ, только увеличиваютъ число номеровъ, разрѣшенныхъ ученымъ комитетомъ книгъ, но отнюдь не расширяютъ области доступнаго народу чтенія. Иногда въ каталогѣ, повидимому, для разнообразія, одна и та же книга обозначена два раза въ разномъ написаніи: напр., разъ „Дефо, Робинзонъ Крузо", а въ другой—„Фо-де, Робинзонъ Крузо". Въ каталогѣ фигурируютъ также изданія св. синода, министерства земледѣлія и другихъ правительственныхъ учрежденій, казалось бы, ни въ какомъ „разрѣшеніи" не нуждающихся и, очевидно, попавшихъ въ каталогъ для увеличенія его „номеровъ". Есть въ каталогѣ также и изданія, которыхъ всего меньше можно было ожидать въ каталогѣ книгъ, предназначенныхъ для народнаго чтенія, какъ, напр., „Элементарный курсъ электротехники" Постникова, „Филологическія разысканія" Грота, „Философская пропедевтика" Румпеля, „Гербы народовъ, губерній и посадовъ" Винклера (10 рублей цѣною!). Появленіе такихъ книгъ въ каталогѣ для народныхъ библіотекъ едва ли можетъ быть удовлетворительно объяснено. Исключивъ всѣ эти повторенія однихъ и тѣхъ же книгъ, а также книги, попавшія въ каталогъ по недоразумѣнію или по причинамъ, ничего общаго съ цѣлями содѣйствія народному чтенію не имѣющимъ, докладчикъ едва могъ насчитать тысячу такихъ книгъ, которыя можно было бы помѣ-

щать въ народныя библіотеки и продавать въ книжныхъ складахъ попечительства о народной трезвости. Да еще и изъ этой тысячи нужно исключить не малое количество книгъ, распроданныхъ и не имѣющихся на книжномъ рынкѣ. Что же въ концѣ концовъ можетъ дать народная библіотека или книжный складъ своимъ читателямъ и покупателямъ? Не удивительно, что по выслушаніи этого интереснаго доклада кубанскій областной комитетъ попечительства о народной трезвости постановилъ ходатайствовать въ установленномъ порядкѣ о допущеніи продажи въ книжныхъ складахъ попечительства всѣхъ книгъ, разрѣшенныхъ общею цензурою. При особомъ мнѣніи остался только директоръ народныхъ училищъ, который находилъ такое ходатайство излишнимъ и неумѣстнымъ.

Къ сожалѣнію, такое внимательное отношеніе къ вопросу о доступности народу книги проявляютъ комитеты попечительства о народной трезвости лишь крайне рѣдко. Гораздо чаще они, подобно нижегородскому уѣздному комитету, „отклоняютъ“ всѣ предложенія, клонящіяся къ предоставленію народу возможности имѣть матеріалъ для чтенія. Такое направленіе дѣятельности комитетовъ попечительства, какъ извѣстно, вызвало рядъ ходатайствъ земскихъ собраній и городскихъ думъ о передачѣ земскимъ и городскимъ учрежденіямъ на нужды внѣшкольнаго образованія, т. е. прежде всего именно на нужды народно-библіотечнаго дѣла, тѣхъ суммъ, которыя ассигнуются нынѣ комитетамъ попечительства о народной трезвости (болѣе четырехъ милліоновъ руб., т. е. гораздо болѣе того, что тратитъ государство на начальное образованіе). Между прочимъ, такое же ходатайство было возбуждено XXXIX очереднымъ казанскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ. На это ходатайство послѣдовалъ отвѣтъ со стороны главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства въ томъ смыслѣ, что ходатайство будетъ принято министерствомъ финансовъ въ соображеніе при внесеніи имъ въ государственный совѣтъ вопроса о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ устава попечительства о народной трезвости, въ смыслѣ передачи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, дѣлъ попечительства въ вѣдѣніе городскихъ и земскихъ учрежденій. Остается желать, чтобы такая передача была производима въ возможно большемъ числѣ случаевъ и чтобы, такимъ образомъ, расходуемыя нынѣ комитетами попечительства средства нашли производительное употребленіе на внѣшкольное просвѣщеніе,—преимущественно на народныя библіотеки.

Къ числу пріятныхъ фактовъ въ области народно-библіотечнаго дѣла нужно отнести также состоявшееся лѣтомъ нынѣшняго года измѣненіе устава таганрогскаго общества народныхъ библіотекъ. Проектомъ устава этого общества доступъ въ него открывался всѣмъ, желающимъ принять въ немъ участіе. Когда проектъ этотъ былъ представленъ на утвержденіе въ Петербургъ, тамъ, между прочимъ, внесли въ него слѣдующее примѣчаніе къ § 2-му: „Дѣйствительными членами общества могутъ быть только русскіе подданные христіанскаго исповѣданія“. Въ Таганрогѣ, какъ торговомъ городѣ, имѣющемъ постоянныя сношенія съ заграницей, имѣется не мало иностранноподданныхъ, живущихъ здѣсь десятилѣтіями и сроднившихся съ мѣстною жизнью. Точно также здѣсь имѣются и русскіе подданные, не принадлежащіе къ христіанскимъ исповѣданіямъ. Всѣ эти лица лишались права даже пятирублевыми членскими взносами оказывать содѣйствіе обществу въ его просвѣтительной дѣятельности. Находя такое положеніе вещей ненормальнымъ, правленіе общества въ первомъ же засѣданіи 19 февраля 1902 года постановило возбудить ходатайство объ исключеніи изъ устава общества указаннаго примѣчанія и о предоставленіи

права вступленія въ его составъ всѣмъ, сочувствующимъ его цѣлямъ. Это ходатайство черезъ два года увѣнчалось успѣхомъ, и въ настоящее время ни принадлежность къ подданнымъ иностранныхъ государствъ, ни принадлежность къ нехристіанскимъ исповѣданіямъ не могутъ служить препятствіемъ къ вступленію въ число членовъ общества.

Въ заключеніе приведемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о народныхъ библіотекахъ въ двухъ мѣстностяхъ, изъ которыхъ одна —Балашовскій уѣздъ, Саратов. губ., земская, а другая—Архангельская губернія —внѣземская. Свѣдѣнія эти между прочимъ, показываютъ, какъ успѣшно идутъ дѣла въ народныхъ библіотекахъ, какъ бы ни были скромны по размѣрамъ эти учрежденія и гдѣ бы они ни учреждались.

Свѣдѣнія о народныхъ библіотекахъ Балашовскаго уѣзда были доставлены на совѣщаніе библіотекарей земскихъ библіотекъ уѣзда, созванномъ по порученію земскаго собранія предсѣдателемъ управы. Оказалось, что въ уѣздѣ имѣется 36 земскихъ народныхъ библіотекъ, въ которыхъ къ 1 іюня 1904 г. было 22.234 книги стоимостью въ 12.609 р. Если принять во вниманіе недавнее сравнительно появленіе библіотекъ въ Балашовскомъ уѣздѣ, то придется признать, что здѣсь земство сдѣлало уже не мало въ области народно-библіотечнаго дѣла. На среднюю библіотеку приходится 620 книгъ стоимостью въ 350 р. Библіотеки дѣлятся на два типа: на „павленковскія“, возникшія лишь недавно съ содѣйствіемъ фонда, завѣщаннаго Ф. Ф. Павленковымъ, и на собственно земскія, возникшія сравнительно болѣе рано. Первыя пока болѣе бѣдны книгами, а потому и менѣе привлекаютъ читателей. Всего въ теченіе года книгами изъ 36 библіотекъ пользовались 6.160 чел., взявшихъ 48.133 книги. На среднюю библіотеку, такимъ образомъ, приходится 171 читатель и 1.337 взятыхъ ими книгъ. При этомъ на среднюю „павленковскую“ библіотеку падаетъ 112 читателей и 600 взятыхъ книгъ, а на среднюю земскую 238 читателей и 2.500 взятыхъ книгъ. Общее число читателей, пользовавшихся книгами изъ народныхъ библіотекъ уѣзда, составляетъ 5% его населенія. По возрастамъ читатели распредѣлялись такимъ образомъ: взрослыхъ 63%, подростковъ и дѣтей 37%. Здѣсь наблюдается явленіе прямо противоположное тому, какое имѣетъ мѣсто въ городахъ, гдѣ читатели народныхъ библіотекъ—преимущественно дѣти. Изъ общаго числа читателей 18% приходилось на долю учащихся, 47% составляли прошедшіе начальную школу и 35%—лица, не бывшія въ школѣ. По занятіямъ преобладали, конечно, земледѣльцы, составлявшіе 91% всѣхъ читателей.

Въ Архангельской губерніи, какъ до сихъ поръ лишенной земскихъ учрежденій, до послѣдняго времени совсѣмъ не было народныхъ библіотекъ. Лишь въ концѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія образовавшееся въ Архангельскѣ Общество для содѣйствія распространенію народнаго образованія стало открывать народныя библіотеки и въ этой губерніи. Однако, ограниченныя средства Общества (весь его расходный бюджетъ колеблется по годамъ въ предѣлахъ 800 — 1.000 руб.) не позволяли ему развить свою дѣятельность въ указанномъ направленіи въ замѣтныхъ размѣрахъ. Такимъ образомъ, за пять лѣтъ Общество могло открыть только 25 народныхъ библіотекъ. Библіотеки эти къ настоящему времени имѣютъ 7.860 книгъ, т. е. по 315 книгъ. Несмотря на такой скромный составъ, библіотеки успѣли привлечь въ прошломъ году 2.565 подписчиковъ, т. е. по 102 подписчика на среднюю библіотеку. Въ концѣ прошлаго года распорядительный по земскимъ повинностямъ комитетъ впервые ассигновалъ изъ земскихъ сборовъ Архангельской губерніи

2.900 рублей на образованіе 29 новыхъ народныхъ библіотекъ, т. е. по 100 р. на каждую, и на пополненіе 18 существующихъ библіотекъ 1.335 р., т. е. по 75 р. на библіотеку. Ассигнованныя деньги поступили чрезъ директора народныхъ училищъ въ распоряженіе Общества, которое пріобрѣло на нихъ 8.815 книгъ и оргинизовало въ разныхъ мѣстахъ губерніи 29 новыхъ библіотекъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время въ губерніи дѣйствуютъ уже 64 библіотеки, хотя и имѣющія крайне скудный книжный составъ. На слѣдующее трехлѣтіе 1905—7 гг. распорядительный комитетъ снова внесъ въ смѣту нѣсколько тысячъ на народныя библіотеки. Такимъ образомъ, наконецъ, и въ Архангельской, этой всѣми забытой, губерніи появляются народныя библіотеки и начинаютъ оказывать свое благотворное вліяніе на населеніе въ смыслѣ подъема его культурнаго развитія.

Я. Абрамовъ.

Хроника воскресныхъ школъ *).

Вѣрненская Воскресная школа.

(1900—1904 гг.).

Въ г. Вѣрномъ, Семирѣченской области, при населеніи почти въ 30 тысячъ, находятся только 4 школы для народа: двѣ приходскихъ свѣтскихъ и двѣ церковныхъ. Конечно, эти школы всегда переполнены учащимися, и масса школьниковъ остается безъ просвѣщенія. Взрослое же населеніе города было обречено на полное невѣжество. Что касается туземнаго населенія, преобладающаго элемента города, то и оно было не въ лучшемъ положеніи: одна русско-инородческая школа едва вмѣщала сотую часть желающихъ учиться.

Положеніе населенія, лишеннаго умственной пищи, становилось все болѣе тяжелымъ. Тогда на помощь пришла частная иниціатива. Въ 1899 году группа лицъ рѣшила учредить въ городѣ общество ревнителей просвѣщенія. Выработавъ проектъ устава, они послали его на утвержденіе подлежащимъ властямъ, а въ ожиданіи его утвержденія, съ разрѣшенія, конечно, мѣстнаго начальства, основали „Коммиссію по учрежденію въ Вѣрномъ общества ревнителей просвѣщенія".

Эта коммиссія въ продолженіе трехъ лѣтъ **), пока въ министерствѣ, разсматривался и перерабатывался проектъ устава, исполняла всѣ задачи намѣченныя уставомъ общества:—организовала безплатныя народныя чтенія, книжный складъ, воскресную школу...

Вопросъ объ организаціи воскресной школы (по иниціативѣ П. Е. Редько) впервые обсуждался коммиссіей 10 декабря 1899 г. На этомъ засѣданіи было рѣшено открыть школу весною 1900 г. Но къ этому времени желающихъ преподавать въ ней набралось всего 2—3 человѣка, и осуществленіе задуманнаго пришлось отложить. Только осенью того же года удалось создать кружокъ лицъ, который и принялъ на себя веденіе воскресной шко-

---

*) Всѣ статьи и матеріалы по вопросамъ воскресныхъ школъ редакція покорнѣйше проситъ направлять въ Харьковъ на имя Христины Даниловны Алчевской или Маріи Николаевны Салтыковой. *Ред.*

**) Уставъ общества былъ посланъ на утвержденіе въ декабрѣ 1899 г.; утвержденъ военнымъ министромъ 25 февраля 1903 года.

лы. Въ совмѣстномъ засѣданіи коммиссіи и кружка воскресниковъ—15 сентября 1900 г. завѣдующею школою была избрана Марія Ивановна Захарова, и черезъ городскую управу было направлено ходатайство о разрѣшеніи открыть воскресную школу.

Разрѣшеніе далъ инспекторъ народныхъ училищъ Семирѣченской области, и 24 сентября 1900 года въ г. Вѣрномъ была открыта первая и пока единственная на весь Туркестанскій край воскресная школа.

Объ открытіи школы мѣстное населеніе было оповѣщено особыми объявленіями на русскомъ и татарскомъ языкахъ черезъ мѣстныя Областныя Вѣдомости. Кромѣ того, объявленія были расклеены по городу и розданы вліятельнымъ инородцамъ для распространенія въ ихъ средѣ. Объявленія гласили объ открытіи школы, ея программѣ и условіяхъ пріема.

Программа школы и условія пріема, согласно постановленію собранія преподающихъ, были таковы:

1) Принимать въ школу неграмотныхъ мужского пола всѣхъ сословій, званій и вѣроисповѣданій не моложе 12 лѣтъ.

2) Обученіе вести безплатно; учебники и письменныя принадлежности выдавать ученикамъ на средства школы.

3) Занятія въ школѣ вести по предметамъ и производить ихъ во всѣ воскресные дни, а по желанію учащихъ и въ другіе праздничные дни съ 12 до $3^1/_2$ часовъ.

4) Время, предназначенное для занятій, распредѣлять такимъ образомъ: Законъ Божій (для магометанъ—коранъ, если окажется возможнымъ)—1 часъ, ариѳметика—55 мин., русскій яз.—1 часъ 25 мин., двѣ пятиминутныя перемѣны,—всего 3 часа 20 мин.

5) Каждый изъ учащихъ долженъ выработать планъ преподаванія на годъ, разсчитывая на 30—35 уроковъ.

6) Если учениковъ будетъ много —образовать изъ нихъ двѣ группы.

Но не успѣла еще школа открыться, какъ „учащимъ пришлось пережить новыя волненія, такъ какъ явилось опасеніе за самое существованіе школы. Городской управѣ былъ сдѣланъ запросъ, изъ котораго можно было видѣть, что законность открытія школы подвергается сомнѣнію; однако, соотвѣтствующими разъясненіями была установлена полная легальность ея существованія“ *).

Интересно было бы знать, какимъ образомъ воскресная школа, разрѣшенная офиціальнымъ лицомъ, оказалась „незаконно открытой“!

Помѣщеніемъ воскресной школы служитъ зданіе 2-го Вѣрненскаго приходскаго училища, которое находится въ части города, заселенной преимущественно мусульманами.

Помѣщеніе это, какъ свидѣтельствуетъ отчетъ, „неудобно; одна изъ группъ все учебное время помѣщалась въ корридорѣ, вниманіе учащихся постоянно отвлекалось проходившими мимо учениками другихъ группъ; въ концѣ учебнаго года приходилось заниматься въ одной комнатѣ двумъ группамъ, вслѣдствіе увеличенія числа послѣднихъ“.

Тѣмъ не менѣе, учащіеся нахлынули въ школу, и число ихъ все возрастало. Въ день открытія явилось 11 человѣкъ (изъ нихъ 6 туземцевъ), во второй учебный день—27 (туземцевъ—16). Въ теченіе года перебывало 92 человѣка. Въ слѣдующемъ учебномъ году—155. Всего за три года —390 человѣкъ. Кромѣ того, отказано въ пріемѣ было 115 челов. или 29.5% же-

*) Отчетъ Вѣрненской воскресной школы за 1900 –1901 уч. г., стр. 23.

лавшихъ поступить въ школу. Отказывали желавшимъ поступить въ школу за тѣснотою помѣщенія, за недостаткомъ учебныхъ пособій и по другимъ причинамъ. „Отказы въ пріемѣ, видимо, огорчали желавшихъ поступить. Приходилось выслушивать отъ нихъ, а иногда и отъ ихъ родителей, усиленныя просьбы о принятіи въ школу; нѣкоторые набавляли года до возраста, установленнаго для пріема; малограмотные говорили, что они совсѣмъ неграмот-

Распредѣленіе учащихся по разнымъ рубрикамъ видно изъ слѣдующей таблицы:

	1900-1901 уч. годъ.	1901—1902 уч. годъ.	1902—1903 уч. годъ.	ВСЕГО.
Перебывало	92	155	143	390
Выбыло	45	84	70	199
Оставалось къ концу года	47	71	73	191
Отказано въ пріемѣ	35	48	32	115
По возрасту:				
Подростковъ	62	113	107	282
Взрослыхъ	30	42	36	108
По національности:				
Русскихъ	37	70	57	164
Киргизъ	23	31	23	77
Татаръ	12	25	36	73
Дунганъ	4	9	14	27
Сартовъ	10	14	11	35
Таранчинцевъ	5	6	1	12
Цыганъ	1	—	—	1
Евреевъ	—	—	1	1
По сословію:				
Мѣщанъ	63	93	98	254
Крестьянъ	24	39	35	98
Казаковъ	1	19	6	26
Солдатскихъ дѣтей	4	4	4	12
По занятію:				
Ремесленниковъ	27	37	26	90
Фабричныхъ рабочихъ	4	8	17	29
Чернорабочихъ	4	7	8	19
Прислуги	4	3	4	11
Торгующихъ	17	10	23	50
Скотоводовъ, хлѣбопашцевъ и садоводовъ	14	50	12	76
Домашн. хозяйствъ.	22	40	50	112
Музыкантовъ	—	—	3	3
По вѣроисповѣданію:				
Православныхъ	38	70	57	165
Магометанъ	54	85	85	224
Іудеевъ	—	—	1	1

ны". (отч. 1900—1901 стр. 23). Процентъ выбывшихъ за три года достигъ 51. Выбываютъ обыкновенно съ конца февраля мѣсяца, т. е. съ началомъ полевыхъ работъ.

По возрасту учащихся численный перевѣсъ во всѣ годы былъ на сторонѣ подростковъ, составлявшихъ 72.3%. Главный элементъ учащихся—инородцы (57.9%). Занятія ихъ преимущественно—ремесла, многіе также занимаются домашнимъ хозяйствомъ. По сословіямъ—большинство мѣщане (65.1%), затѣмъ крестьяне (25.1%), казаки (6.7%) и дѣти солдатъ (3.1%).

Преобладающее количество инородцевъ среди учащихся объясняется тѣмъ огромнымъ сочувствіемъ, какимъ пользуется школа въ ихъ средѣ, и тѣми симпатіями, какія она сумѣла завоевать къ себѣ. „Дѣтей туземцевъ", читаемъ мы въ одномъ изъ отчетовъ школы, „приводили въ школу ихъ родители; нѣкоторые изъ нихъ присутствовали на урокахъ, на своемъ нарѣчіи побуждали стѣснявшихся дѣтей къ отвѣтамъ и тѣмъ способствовали сближенію ихъ съ учащими".

Туземныя духовныя лица такъ же, какъ и свѣтскія, съ довѣріемъ относятся къ школѣ, быть можетъ, инстинктивно чувствуя, что воскресная школа призвана сыграть видную роль въ дѣлѣ объединенія народностей на почвѣ взаимнаго уваженія, любви и братства, и что почву эту можетъ подготовить только просвѣщеніе...

„Въ одинъ изъ первыхъ учебныхъ дней въ школу зашелъ мѣстный почтенный мулла, который побывалъ на урокахъ во всѣхъ группахъ, разговаривалъ съ учащими, разспрашивалъ о постановкѣ учебнаго дѣла, средствахъ школы и т. д. и передъ уходомъ заявилъ, что будетъ посылать своихъ учениковъ въ воскресную школу. Къ сожалѣнію, родители русскихъ учениковъ далеко не обнаружили ни такого интереса, ни такого сочувствія къ школѣ" *).

Учащихъ въ школѣ перебывало 71 челов., изъ нихъ женщинъ 47 (66.2%), мужчинъ—24. Въ первый годъ основанія школы преподающихъ перебывало—21 челов., во второй—22, въ третій—28. Выбыло за все время 14 челов., т. е. 19.7%. По времени пребыванія въ школѣ: 1-й годъ 35 челов., 2-й—22 и 3-й—14 или 19.8%.

Въ дѣлѣ преподаванія явилось сильное осложненіе въ томъ отношеніи, что одни ученики-туземцы вовсе не знали русскаго языка, другіе знали его слабо. Преподаваніе совмѣстно съ русскими учениками вслѣдствіе этого сильно осложнилось.

Сначала ученики были раздѣлены на три группы:

1-я—неграмотные русскіе и туземцы, не понимавшіе по-русски.

2-я—русскіе, знавшіе буквы, и туземцы, хотя немного владѣвшіе русскимъ языкомъ.

3-я—малограмотные русскіе и туземцы.

Впослѣдствіи ученики 1-й и 2-й группъ были раздѣлены по національностямъ, такъ какъ „на урокахъ объяснительнаго чтенія туземцы почти совѣмъ не понимали содержанія прочитанныхъ статей; еще болѣе возникало затрудненій при сообщеніи грамматическихъ свѣдѣній вслѣдствіе неправильнаго произношенія русскихъ словъ, что замедляло прохожденіе курса... При совмѣстныхъ занятіяхъ русскихъ съ туземцами учащимъ приходилось останавливаться на объясненіяхъ послѣднимъ русскихъ словъ, и время, столь дорогое

*) Отчетъ 1900—1901 уч. г., стр. 22.

въ воскресной школѣ, проходило для русскихъ безъ пользы, чѣмъ и вызывалась нѣкоторая неудовлетворенность ихъ школой" *).

Тѣмъ не менѣе, учащіе старались, по возможности, составлять группы изъ разныхъ народностей, чтобы не разобщать ихъ хотя-бы въ школѣ, если они разъединены внѣ ея. На почвѣ такой группировки школа только и можетъ играть роль объединительницы.

Туземцы не могли служить помѣхой успѣшному веденію учебнаго дѣла, такъ какъ они проявляли и рвеніе, и усердіе къ занятіямъ. „По наблюденіямъ, произведеннымъ въ теченіе года, оказалось, что туземцы сравнительно съ русскими проявляли большій интересъ къ преподаваемому и обнаруживали большее прилежаніе: заданное читать и разсказывать — выучивалось наизусть; заданное писать — переписывали по нѣсколько разъ; они не удовлетворялись посѣщеніемъ школы разъ въ недѣлю и высказывали желаніе заниматься чаще" (отчетъ 1900—1901 уч. г. стр. 27). Другой отчетъ свидѣтельствуетъ, что „лучшая успѣшность отмѣчена въ туземныхъ группахъ, ученики которыхъ, какъ и въ прошломъ году, отличались большимъ вниманіемъ и прилежаніемъ, вслѣдствіе чего большинство учащихъ изъявляло желаніе заниматься въ инородческихъ группахъ, несмотря на то, что веденіе въ нихъ дѣла въ другихъ отношеніяхъ куда труднѣе, чѣмъ въ русскихъ".

Среди инородцевъ обращали на себя вниманіе ученики своими особенными способностями и развитіемъ. Были такіе, что, приходя въ воскресную школу безъ всякихъ знаній русскаго языка, къ концу года усваивали хорошо и его, и ариѳметику.

Что касается отношеній учащихся русскихъ и туземцевъ между собою, то они „шли въ общемъ хорошо; лишь въ началѣ было замѣчено нѣсколько столкновеній между ними на почвѣ различія народностей, но подъ вліяніемъ учащихъ эти явленія прекратились" **).

Чтобы показать, насколько успѣшно шли занятія въ школѣ и что пройдено, приведемъ выписку изъ отчета за 1902—1903 уч. годъ: „По русскому яз.—въ младшей русской группѣ прохожденіе алфавита закончено въ 15 уроковъ, по грамматикѣ сообщено: употребленіе ъ и ь въ концѣ словъ, употребленіе заглавныхъ буквъ, раздѣленіе звуковъ на гласные и согласные, употребленіе а, у, и вмѣсто я, ю, ы послѣ шипящихъ, употребленіе і. Въ 1-ой туземной группѣ прохожденіе алфавита по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, заняло довольно продолжительное время; къ занятіямъ грамматикой не приступали; въ средней русской группѣ по грамматикѣ пройдено: раздѣленіе словъ на слоги, главнѣйшія правила переноса словъ, сомнительные согласные звуки, ударенія, сомнительные гласные звуки, ъ и ь въ серединѣ слова, понятіе о предметѣ, качествѣ и дѣйствіи предмета, употребленіе ѣ въ окончаніяхъ словъ, означающихъ предметы, на вопросы: гдѣ? кому? чему? о комъ? о чемъ? окончаніе шь, ѣлъ въ словахъ, означающихъ дѣйствіе. Во 2 й туземной группѣ по грамматикѣ повторено сообщенное въ 1-й годъ обученія (раздѣленіе звуковъ, употребленіе ъ и ь въ концѣ словъ, сочетаніе гласныхъ съ шипящими, употребленіе і и т. д.) и вновь сообщено: понятіе о предметѣ и дѣйствіи предмета, употребленіе ѣ въ концѣ словъ на вопросы гдѣ? кому? чему? употребленіе ѣ въ окончаніи словъ, означающихъ дѣйствіе.

*) Отчетъ 1900—1901 уч. г, стр. 23 и 26.
**) Отчетъ 1900—1901 уч. г., стр. 27.

Въ старшей русской группѣ главныя части рѣчи примѣнительно къ правописанію, знаки препинанія въ простомъ, слитномъ и составномъ предложеніяхъ. Въ 3-й туземной группѣ—раздѣленіе словъ на слоги, главнѣйшія правила переноса словъ, сомнительные согласные и гласные звуки, понятіе о предметѣ, качествѣ и дѣйствіи предмета, употребленіе ѣ въ окончаніи словъ, означающихъ предметы и дѣйствія.

„Обученіе грамотѣ велось въ 1-й русской группѣ по букварю Тихомирова, въ 1-й туземной по первой книгѣ Граменицкаго; объяснительное чтеніе статей въ 2-й русской—по „Книгѣ взрослыхъ", ч. I, во 2-й туземной—первое полугодіе по первой книгѣ Граменицкаго, 2-е полугодіе по второй книгѣ Граменицкаго, въ 3 й русской—по „Книгѣ взрослыхъ", ч. III: въ 3-й туземной по Второй книгѣ Граменицкаго.

Классныя письменныя работы во всѣхъ группахъ состояли изъ диктантовъ объяснительныхъ и провѣрочныхъ, домашнія—изъ списыванія изъ книги съ подчеркиваніемъ буквъ и словъ на усвоенныя грамматическія правила; кромѣ того, въ средней русской группѣ давались отвѣты на вопросы изъ прочитанныхъ статей, составлялись примѣрные счета и дѣловыя письма, краткіе пересказы; въ старшей русской группѣ—изложеніе прочитанныхъ и разработанныхъ въ классѣ статей, сочиненія описательнаго характера по выработанному плану, автобіографіи. При исполненіи домашнихъ письменныхъ работъ по грамматикѣ ученики 3-й русской группы пользовались сборникомъ систематическихъ диктантовъ Архіереева.

„По ариѳметикѣ пройдено: въ 1-й русской группѣ—4 дѣйствія надъ многозначными числами (отвлеченными и простѣйшими именованными); во 2-й туземной—сложеніе, вычитаніе и умноженіе многозначныхъ чиселъ, дѣленіе многозначнаго числа на однозначное; въ 3-й русской—4 дѣйствія надъ простыми и десятичными дробями; въ 3-й туземной—4 дѣйствія надъ составными именованными числами. На домъ задавалось рѣшеніе численныхъ примѣровъ, въ старшихъ же русской и туземной группахъ—рѣшеніе задачъ по задачнику Вишневскаго".

Учебники Граменицкаго, „Книга взрослыхъ" были введены въ школьное обученіе по тѣмъ соображеніямъ, что „по подбору и расположенію матеріала книги Граменицкаго при занятіяхъ съ туземцами являются наиболѣе подходящими для школы. Систематичность расположенія матеріала и интересное содержаніе „Книги взрослыхъ" дѣлаютъ ее незамѣнимой для болѣе грамотныхъ учениковъ воскресной школы"*).

Кромѣ обычныхъ занятій въ школѣ, съ учениками велись бесѣды о явленіяхъ природы и другихъ предметахъ. „Бесѣды эти, видимо очень заинтересовали учениковъ, вызывали между ними, въ особенности между туземцами, оживленный обмѣнъ мыслей; послѣдніе по окончаніи бесѣды предлагали лектору разные вопросы и, видимо, съ удовольствіемъ отмѣтили, что сообщенныя имъ свѣдѣнія есть въ ихъ книгахъ".

Занятія въ школѣ начинаются обыкновенно въ послѣднихъ числахъ сентября, такъ какъ только къ этому времени заканчиваются полевыя работы.

Учебныхъ дней бываетъ отъ 32 до 35. За три года было ихъ 101. Учащіеся сдѣлали 5.896 посѣщеній, въ среднемъ отъ 54 до 62 на учебный день. Аккуратность посѣщеній въ 1900—1901 уч. г. была 71%.

По степени подготовки при поступленіи въ школу учащіеся за три года

*) Отчетъ 1901—1902 уч. годъ, стр. 8.

распредѣлялись такъ: неграмотныхъ—190, малограмотныхъ—109, грамотныхъ 39.

Для учащихся устраиваются школьные праздники. Вотъ программа одного изъ нихъ (25 дек. 1900 г.): елка, чтеніе литературныхъ произведеній, туманныя картины, музыка, танцы, раздача подарковъ. Прочитаны были: отрывокъ изъ прозы, нѣсколько стихотвореній и басенъ, сцена изъ комедіи „Недоросль". Басни и сцены были исполнены въ лицахъ. Картины сопровождались объясненіями, которыя одинъ изъ туземцевъ переводилъ на киргизскій языкъ.

Къ такимъ литературнымъ вечерамъ ученики относились съ большимъ интересомъ и всегда съ нетерпѣніемъ ожидали ихъ. Желавшихъ принять участіе въ чтеніи оказывалось много. „Ученики относились къ подготовкѣ съ большимъ увлеченіемъ; среди нихъ были даже такіе, которые по окончаніи работъ на фабрикѣ, т. е. около 8 ч. вечера, приходили репетировать и уходили домой съ большой неохотой. Многіе просили дать имъ возможность участвовать въ нѣсколькихъ нумерахъ; одинъ изъ взрослыхъ учениковъ сказалъ даже, что репетиціи и праздники отвлекаютъ ихъ отъ „разныхъ глупостей" *).

Въ другомъ мѣстѣ отчетъ школы отмѣчаетъ, что праздники оставляютъ прекрасное воспоминаніе какъ у учениковъ, такъ и у учащихъ и служатъ къ сближенію между ними. Репетиціи вліяютъ на выработку выразительности чтенія и вызываютъ у туземцевъ желаніе свободно говорить по русски. „Вообще, праздникъ показалъ ученикамъ, какъ можно порядочно и весело проводить время".

Въ чтеніяхъ на вечерахъ охотно принимаютъ участіе и туземцы, и эти вечера способствуютъ лучшему усвоенію ими русскаго языка и сближенію разноплеменныхъ народовъ. Ученики-воскресники принимаютъ участіе въ праздникахъ древонасажденія: для нихъ устраиваютъ прогулки за городъ съ музыкой...

На библіотеку было обращено должное вниманіе съ перваго же момента основанія школы. Въ 1900—1901 уч. году библіотека состояла изъ 93 книгъ, въ слѣдующемъ—изъ 227 и въ послѣдній отчетный годъ—изъ 274. Вмѣстѣ съ этимъ быстро поднимался процентъ учениковъ, бравшихъ книги. Такъ, въ 1900—1901 уч. г. брали книги изъ библіотеки только 58,7% всѣхъ учащихся школы, въ слѣдующемъ уч. г.—81.3%, въ послѣдній учеб. годъ—83.2%.

„Ученики брали книги очень охотно. Многіе брали по нѣсколько (до 5) маленькихъ книгъ на недѣлю. Очевидно, они дѣлились впечатлѣніями о прочитанныхъ книгахъ, а, можетъ быть, и самими книгами со своими товарищами, такъ какъ во второй половинѣ учебнаго года заявило желаніе поступить въ школу нѣсколько учениковъ нормальныхъ школъ, которые свое желаніе объясняли такъ: „Книжки у васъ хорошія". Часто ученики берутъ книги не только для себя, но и для родныхъ и знакомыхъ своихъ".

„Инородцы, какъ и русскіе, охотно брали книги изъ библіотеки, но большею частью переведенныя на сартовскій языкъ... Книги эти были постоянно разобраны, и ученики-туземцы, не имѣя иногда возможности обмѣнить книгу, просили оставить у себя прочитанную, говоря, что дома ее не всѣ слышали".

---

*) Отчетъ 1900—1901 уч. г., стр. 38.

Совѣты-засѣданія преподающихъ происходятъ нѣсколько разъ въ годъ. Важнѣйшіе вопросы, обсуждавшіеся въ совѣтѣ таковы: 1) о степени успѣшности занятій и о причинахъ, неблагопріятно на нее вліяющихъ, 2) о переводѣ учениковъ изъ одной группы въ другую, 3) о пріемѣ учениковъ въ теченіе года, 4) о допущеніи постороннихъ лицъ въ школу, 5) о ыбомъ учебниковъ и библіотекъ, 6) объ устройствѣ бесѣдъ для сообщенія ученикахъ свѣдѣній по различнымъ отраслямъ знанія, 7) объ устройствѣ школьныхъ праздниковъ и т. п.

Школа содержится на средства коммиссіи по учрежденію общества и на средства частныхъ лицъ. Первый источникъ далъ школѣ за три года 340 р. (61.6%), второй—212 р. 2 к. (38.4%).

Школьный бюджетъ выразился въ суммѣ 552 р. 2 к. Расходы школы: учебники и библіотека—242 р. 29 к., учебныя пособія—68 р. 68 к., канцелярскіе расходы—12 р. 5 к., мебель—15 р., устройство школьныхъ праздниковъ—145 р. 91 к., прислуга—30 р. 50 к. Всего было израсходовано—514 р. 43 к., т. е. 1 р. 32 к. на ученика въ среднемъ; причемъ, наименьшій расходъ былъ въ годъ основанія школы—1 р. 20 к. на ученика, наибольшій—1 р. 51 к. въ 1902—1903 уч. году.

Вѣрненская воскресная школа, говоря словами отчета, „для учащихся, особенно инородцевъ, является именно единственнымъ учебнымъ заведеніемъ, гдѣ они могутъ обучиться русской грамотѣ и русской разговорной рѣчи, единственнымъ же и для русскихъ, не имѣющихъ возможности учиться въ будніе дни или перешедшіе школьный возрастъ“ *).

Но это не единственное значеніе воскресной школы, не единственная заслуга. Объединяя всевозможныя народности, чуждыя другъ другу по языку вѣрѣ, обычаямъ и нравамъ, она учитъ и внушаетъ имъ любить, уважать и цѣнить одинъ другого, она нивеллируетъ ихъ взаимныя отношенія, сглаживаетъ непріязнь и вражду, созданныя внѣшними условіями.

Дмитрій Вольфсонъ.

Воскресная школа въ г. Торжкѣ

Воскресная школа существуетъ 5 лѣтъ. Она открыта 11 января 1898 г. и содержится на средства земства. Въ годъ открытія она привлекла сравнительно большое количество учащихся; всего мужчинъ и женщинъ въ ней числилось 102 человѣка (28 мужч. и 73 женщины). Преподавателями въ воскресную школу были приглашены учащіе повседневныхъ школъ г. Торжка. Казалось, что школа открыта во время, когда назрѣла у населенія города Торжка потребность въ образованіи; казалось, что въ школѣ закипитъ жизнь, и стѣны ея не вмѣстятъ всѣхъ желающихъ пользоваться сю. Но не то показала практика; въ слѣдующіе годы въ воскресную школу не только не прибывали ученики, но сильно и замѣтно убывали. На 3-й годъ существованія школы въ ней числилось около десятка учащихся. Школа, очевидно, падала. Передъ началомъ 4-го учебнаго года учащіе рѣшили устроить въ воскресной школѣ курсы кройки, чтобы этимъ средствомъ привлечь учащихся. Разсчетъ оказался вѣрнымъ: учениць набралось свыше 70 человѣкъ, но зато въ мужской школѣ числился одинъ ученикъ. Вскорѣ пришлось сознаться, что

---

*) Отчетъ школы за 1902—1903 уч. г. стр. 7.

школа поддерживается искусственно: не интересъ къ просвѣщенію привлекаетъ въ школу учащихся, а желаніе выучиться кройкѣ, такъ какъ ученицы очень неохотно оставались на другіе предметы. Такой результатъ сильно расхолодилъ рвеніе учащихъ, и они мало-по-малу стали оставлять воскресную школу. Въ началѣ прошлаго учебнаго года изъ первоначальныхъ 12 учащихъ, состоявшихъ преподавателями воскресной школы остались только 2. Вмѣсто ушедшихъ преподавателей вызвались заниматься новыя 5 лицъ, слѣдовательно, весь педагогическій персоналъ состоялъ изъ 2-хъ законоучителей и 7 учащихъ. Съ большимъ страхомъ за будущее школы, принялись учащіе за работу: передъ ними стоялъ роковой вопросъ—быть или не быть воскресной школѣ, такъ какъ гласные на послѣднемъ земскомъ собраніи высказались въ томъ смыслѣ, что истратить ассигновку па воскресную школу слѣдуетъ лишь въ томъ случаѣ, если школа будетъ выполнять свое назначеніе. Прежде всего учащіе на педагогическомъ совѣщаніи постарались отыскать причины такого индифферентизма населенія г. Торжка къ школѣ. Вѣдь въ первый годъ явилось-же въ школу 102 человѣка; значитъ, есть спросъ у населенія на подобное учрежденіе. Школа, слѣдовательно, не удовлетворила этому спросу, если нахлынувшая волна снова отхлынула назадъ. Учащіе прежде всего попробовали измѣнить систему преподаванія: вмѣсто предметной ввести групповую, признанную большинствомъ воскресныхъ школъ предпочтительною передъ предметной. При этомъ педагогическій совѣтъ руководствовался слѣдующими соображеніями: 1) При групповой системѣ учащіеся все время имѣютъ дѣло съ однимъ лицомъ, привыкаютъ къ нему; между этимъ лицомъ и учащимися образуется болѣе тѣсная нравственная связь, которая особенно важна въ воскресной школѣ: преподавателю нужно близко знать свою разнообразную по подготовкѣ и развитію аудиторію, чтобы своими уроками дать именно то, что для каждаго требуется; преподаватель-же, приходящій только на часъ, меньше имѣетъ шансовъ сдѣлать это. 2) При групповой системѣ учащій свободнѣе располагаетъ временемъ и распредѣляетъ занятія сообразно тому, какъ тотъ или иной предметъ усваивается учениками; иногда, напримѣръ, необходимо увеличить урокъ чтенія, отнявъ время у слѣдующаго предмета, что при предметной системѣ дѣлать неудобно. Кромѣ того, при групповой системѣ учащій можетъ связывать науки логической нитью, дѣлать ссылки на другіе предметы, такъ какъ онъ каждый предметъ преподавалъ самъ и знаетъ, на что онъ обращалъ вниманіе и какъ это усвоено учащимися.

Педагогическій совѣтъ сознавалъ, что для правильной постановки дѣла въ воскресной школѣ слѣдуетъ ввести болѣе широкія и систематичныя программы; но за недостаткомъ силъ и времени у учащихъ пришлось отказаться отъ самостоятельной выработки и проведенія этихъ программъ, а вести преподаваніе по „Книгѣ взрослыхъ", выбравъ оттуда нѣкоторые отдѣлы. Курсы кройки были исключены изъ программы воскресной школы.

Усилія преподающихъ увѣнчались успѣхомъ: при открытіи школы присутствовало только 3 ученицы и ни одного ученика. Но постепенно учащіеся стали прибывать, и набралось ихъ 68 человѣкъ—37 женщ. и 31 мужч. Почти всѣ ученики мужской школы 28 ч. были не городскіе жители, а крестьяне окружающихъ деревень, самая дальняя изъ коихъ въ 10 верстахъ отъ города. Всѣ учащіеся въ женской школѣ были раздѣлены на 5 группъ слѣдующимъ образомъ: 2 группы неграмотныхъ, въ одной группѣ взрослыя женщины, въ другой—дѣвочки. Первоначально онѣ составляли одну группу, но практика показала, что дѣти отстаютъ отъ взрослыхъ, и ихъ пришлось вы-

дѣлить въ особую группу. Дѣленіе на 5 группъ оказалось недостаточнымъ, и чтобы продуктивнѣе были занятія, слѣдовало-бы раздѣлить ученицъ на еще болѣе мелкія группы, такъ какъ подготовка учащихся была крайне разнообразна: но за недостаткомъ педагогическаго персонала пришлось отказать въ этой нуждѣ. Въ мужской школѣ со стороны группировки дѣло обстояло еще печальнѣе: за недостаткомъ учащихъ всѣхъ учениковъ пришлось разбить только на 2 группы: на грамотную и неграмотную. По степени подготовки составъ учениковъ былъ очень разнообразенъ; въ грамотной группѣ были окончившіе 4-хъ отдѣленную и 3-хъ отдѣленную земскую и церковно-приходскую школу и вышедшіе изъ 2-го отдѣленія. Въ неграмотной группѣ одни вовсе не знали грамоты, другіе знали буквы, но не умѣли ихъ складывать. Такая неодинаковость подготовки еще болѣе усиливалась неодновременностью поступленія учениковъ въ школу. Неодинаковый уровень подготовки учениковъ и неодновременность ихъ поступленія сильно тормозили занятія. Изъ 68 учащихся воскресной школы въ продолженіе года выбыло только 5 человѣкъ; оставалось къ концу года 63 человѣка.

Въ нынѣшній учебный 1901—1902 годъ на воскресную школу были произведены слѣдующіе расходы:

На жалованье учащимъ	. . . .	241 р.	90	к.
„ „ законоучителю	. . . .	14 „	50	„
„ „ сторожу	. . . .	8 „	—	„
„ „ учебники	. . . .	50 „	—	„
„ „ книги для чтенія	. . . .	52 „	54	„
„ „ переплетъ книгъ	. . . .	20 „	73	„
„ „ канцелярскія принадлежи	. . . .	6 „	49	„
На устройство 3 праздниковъ и чаепитія *)	. .	64 р.	70	к.
Итого	. .	459 р.	80	к.

Получился перерасходъ—109 р. 80 к. **). Перерасходъ этотъ покрытъ жалованьемъ учащихъ, которые рѣшили отдать свои деньги на библіотеку воскресной школы, на устройство праздниковъ для учащихся и на поѣздку 3-хъ учащихъ воскресной школы на Курскую выставку по народному образованію.

На нынѣшій годъ въ воскресную школу введены всѣ три книги взрослыхъ. Въ старшихъ группахъ мужской и женской школы, т. е. сильно-грамотныхъ, занимались по 3-й книгѣ взрослыхъ. Въ женской школѣ для этой группы были выбраны отдѣлы по географіи и химіи. Этимъ отдѣламъ было отдано предпочтеніе потому, что въ нихъ даются тѣ свѣдѣнія, которыя вскользь затрагиваются въ народной школѣ, а между тѣмъ возбуждаютъ вопросы у болѣе грамотнаго человѣка, какъ, напримѣръ, природа другихъ странъ и жизнь человѣка среди этой природы. А потому изъ географіи даны были свѣдѣнія о слѣдующихъ государствахъ: о Китаѣ, Японіи, Индіи, Египтѣ, Турціи, Италіи, Швейцаріи, Франціи, Швеціи и Норвегіи, Голландіи, Германіи и Англіи.

---

*) Такъ какъ учащіеся оставались въ школѣ до 4-хъ часовъ, приходя въ школу съ 10-ти, то имъ былъ устроенъ чай съ бѣлымъ хлѣбомъ.

**) Ассигновка земства въ этомъ году была сокращена съ 500 р. на 350 р.

Химія, какъ наука, объясняющая составъ и образованіе тѣлъ, кромѣ того, что даетъ знанія, способна развить у учащихся вдумчивость и наблюдательность. Изъ уроковъ химіи учащіеся видятъ, что всѣ окружающія ихъ тѣла и явленія, на которыя, въ силу привычки, они мало обращали вниманія, представляютъ массу комбинацій простыхъ тѣлъ и подчинены извѣстной закономѣрности Изъ химіи было сообщено о водѣ, воздухѣ, горѣніи, углекислотѣ, окиси углерода, сѣрной кислотѣ, водородѣ, простыхъ и сложныхъ тѣлахъ. Уроки химіи демонстрировались опытами, которые устраивались благодаря любезности провизора земской аптеки А. М. Петрова: онъ доставлялъ матеріалъ и приборы для опытовъ. Кромѣ того даны были свѣдѣнія объ электричествѣ и о предметахъ повседневной жизни: соли, чаѣ, сахарѣ и ихъ обработкѣ.

Въ мужской школѣ въ этой-же группѣ обращено было вниманіе на географію и исторію. Такое ихъ преимущественное положеніе зависѣло какъ отъ степени ихъ важности среди другихъ предметовъ, такъ и отъ техническихъ особенностей преподаванія въ школѣ съ такимъ непостояннымъ составомъ слушателей. Вслѣдствіе постояннаго измѣненія состава слушателей, нужно было дѣлать такъ, чтобы каждый урокъ представлялъ нѣчто цѣлое, законченное, а это удобнѣе сдѣлать при преподаваніи географіи и исторіи. Изъ географіи выбранъ отдѣлъ физической географіи, такъ какъ ученики мало были ознакомлены съ нимъ. Сообщено было о вращеніи земли, материкахъ, планѣ и картѣ, странахъ свѣта, горахъ и горныхъ странахъ, вулканахъ, землетрясеніяхъ, вѣтрѣ и смерчахъ, о работѣ воды.

Изъ исторіи даны свѣдѣнія о славянахъ и ихъ вѣрѣ, о Владимірѣ Святомъ, о крещеніи Руси, о Владимірѣ Мономахѣ, князѣ Даніилѣ Галицкомъ, возвышеніи Москвы, о Куликовской битвѣ, о донскомъ казачествѣ, объ Іоаннѣ Грозномъ, о завоеваніи Сибири, о заселеніи Сибири, о смутѣ на Руси, о происхожденіи крѣпостного права и отмѣнѣ его.

Чтобы развить у учащихся интересъ къ книгѣ, въ началѣ года предполагалось ввести въ школу чтенія съ туманными картинами, но за недостаткомъ подходящихъ картинъ къ чтенію пришлось ограничиться только двумя. А въ остальные уроки, предназначенные для чтенія съ туманными картинами, учащіе каждый въ своей группѣ читають избранныя сочиненія писателей, выбирая чтенія, соотвѣтственныя развитію учащихся въ группѣ. Ученицы старшей группы были ознакомлены съ біографіями и сочиненіями нѣкоторыхъ нашихъ писателей. Въ мужской школѣ по недостатку силъ чтеній не было.

По ариѳметикѣ въ старшей группѣ женской школы были пройдены простыя дроби по задачнику Гатлиха, приспособленному къ курсу воскресныхъ школъ. Въ мужской школѣ въ той-же группѣ были тоже сдѣланы попытки заниматься ариѳметикой. Напр., давались свѣдѣнія о томъ, какъ считать на счетахъ, давалось понятіе о десятичныхъ дробяхъ, какъ подготовкѣ къ прохожденію метрической системы, но эти занятія такъ и остались лишь попыткою, которую въ концѣ-концовъ пришлось бросить по причинѣ непостояннаго состава учениковъ.

Письменныя работы въ этихъ группахъ были въ видѣ переложеній прочитаннаго и на самостоятельныя темы. Въ классѣ письменныхъ работъ исполнялось немного, а большинство задавалось на домъ, но нужно замѣтить, что подобныя работы исполнялись учащимися неохотно: ученицы отговаривались недостаткомъ времени и тѣмъ, что имъ мѣшаютъ домашніе.

Въ 3-й грамотной группѣ женской школы даны были свѣдѣнія по описанію суши и космографіи. Обученіе велось по 2-й „Книгѣ взрослыхъ. Даны нѣкоторыя свѣдѣнія изъ грамматики и ариѳметики. Письменныя работы были преимущественно въ видѣ переложеній. Во 2-й малограмотной группѣ было обращено вниманіе на обученіе толковому чтенію и передачѣ прочитаннаго. Чтеніе велось по 1-й „Книгѣ взрослыхъ". Даны необходимыя свѣдѣнія изъ ариѳметики и грамматики. Письменныя работы были больше въ видѣ объяснительныхъ диктантовъ, такъ какъ ученицы писали съ пропускомъ буквъ и искаженіемъ словъ и переложеній не могли писать.

Въ неграмотныхъ группахъ учащіеся выучились читать и писать: группа взрослыхъ оказала большіе успѣхи, такъ что учащіеся изъ нихъ стали брать для прочтенія книжки изъ библіотеки. Внѣклассное чтеніе за недостаткомъ учащихъ не пришлось провести такъ, какъ намѣчалось въ началѣ года. Предполагалось, что учащіе будутъ бесѣдовать съ учащимися о прочитанномъ, развивая ихъ вкусъ, критическій взглядъ на книгу, и дѣлая тѣ или иные выводы изъ нея. Но практика показала другое: у учащихъ не оставалось ни силъ, ни времени на подобныя бесѣды; удавалось только кинуть вопросъ, понравилась-ли книга, или нѣтъ. Такая неправильная постановка внѣкласснаго чтенія объясняется тѣмъ, что за недостаткомъ педагогическаго персонала пришлось группы дѣлать слишкомъ крупныя. Нормальная группа на каждаго учащаго воскресной школы считается 8 человѣкъ; у насъ-же самыя грамотныя группы, которыя особенно нуждаются въ правильной постановкѣ внѣкласснаго чтенія, были въ мужской школѣ 25 чел., въ женской 15 чел. Такая крупная и разнообразная по развитію учащихся группа сильно утомляла учащаго, и онъ, прозанимавшись 3 часа, съ трудомъ посвящаетъ ей 4-й; а одного часа не хватало на выдачу и опросъ книгъ. Въ началѣ года предполагалось имѣть особую библіотекаршу, которая вела-бы отчетность и заботилась о пополненіи библіотеки; но намѣченной библіотекаршѣ пришлось взять группу.

Для развлеченія учащихся на Рождествѣ и масляницѣ были устроены спектакли. Ставили дѣтскія пьесы: „Веселые дни" Лукашевичъ и „Морозко" Яковлевой. Играли учащіеся воскресной школы. Спектакли были поставлены въ залѣ Общества трезвости; послѣ спектаклей были танцы и угощеніе учащихся чаемъ и сластями. Кромѣ развлеченія, эти праздники имѣютъ ту хорошую сторону, что отвлекаютъ учащихся отъ сѣрой будничной обстановки, развиваютъ въ учащихся чувство общественности, такъ какъ здѣсь имъ приходится сталкиваться на общемъ дѣлѣ, и даютъ возможность учащему ближе сойтись со своими учениками, такъ какъ здѣсь учащіеся держатъ себя проще. Кромѣ того, изображая дѣйствующихъ лицъ, выведенныхъ въ пьесѣ, учащіеся вдумываются въ ихъ характеры и лучше понимаютъ ихъ. Слѣдовательно, подобные праздники дѣйствуютъ развивающимъ образомъ. Въ маѣ мѣсяцѣ Земской Управой былъ устроенъ праздникъ древонасажденія, въ которомъ участвовали и воскресницы. Ученицамъ были выяснены правила посадки деревьевъ, послѣ чего нѣкоторыя посадили деревца. Праздникъ былъ устроенъ въ земскомъ саду, гдѣ учащіеся до вечера проводили время въ играхъ. Учащихся и здѣсь угощали чаемъ и сластями.

При всемъ желаніи работать на пользу воскресной школы учащіе должны сознаться, что они не въ силахъ выполнить взятую на себя задачу такъ, какъ она должна быть выполнена. Какъ показываютъ цыфры, главный процентъ (59%) падаетъ на учащихся, кончившихъ народную четырехъ-отдѣлен-

ную школу или вышедшихъ изъ 3-го отдѣленія. Только 20% въ школѣ неграмотныхъ и 21 слабограмотныхъ. Естественно думать, что эти 59% являются болѣе требовательнымъ элементомъ, и, чтобы удовлетворить ихъ, нужна усиленная подготовка учащаго къ урокамъ, иначе неудовлетворительные слушатели исчезнутъ. Преподавателями-же воскресной школы являются не свободные люди, а тѣ-же педагоги ежедневныхъ школъ, на отвѣтственности которыхъ лежитъ не менѣе серьезное дѣло. Правильная постановка воскресныхъ школъ требуетъ, чтобы занятія, кромѣ воскресеній, были еще среди недѣли, такъ какъ недѣльный срокъ слишкомъ великъ для того, чтобы хранить въ памяти все воспринятое въ предыдущее воскресенье; да въ 20—25 воскресеній и знаній дать можно слишкомъ мало. Но заниматься еще среди недѣли, когда у учащихъ такъ серьезна работа въ своей школѣ, положительно нѣтъ возможности: значитъ, отъ чего нибудь будетъ отнято время, отъ воскресной школы, или отъ ежедневной. Воскресныя школы тамъ только хорошо идутъ, гдѣ само общество заинтересовано ими, гдѣ отдается свободными людьми все свое свободное время, гдѣ школа является не бѣднымъ Лазаремъ, которому падаютъ крохи со столовъ богачей, а любимымъ дѣтищемъ, которому отдаютъ все свое достояніе. И пока школа будетъ исключительно на плечахъ педагоговъ, до тѣхъ поръ она не будетъ на высотѣ своего назначенія: одинъ человѣкъ можетъ хорошо дѣлать только одно дѣло.

Тѣмъ не менѣе, въ отчетномъ году дѣятельность значительно оживилась; энергичная и добросовѣстная работа преподающихъ привлекла симпатіи учащихся; въ слѣдующимъ году число ихъ увеличилось вдвое: но тутъ тормазомъ явились отношенія инспектора народныхъ училищъ, начавшаго препятствовать работѣ воскресной школы. На этихъ печальныхъ страницахъ, къ сожалѣнію, столь частыхъ въ жизни воскресныхъ школъ, мы и остановимся въ слѣдующей книгѣ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Хроника профессіональнаго образованія.

Статистическіе курсы.—Вопросъ о преобразованіи историко-филологическихъ институтовъ въ другія профессіональныя школы.—Студенческая выставка въ институтѣ гражданскихъ инженеровъ.—Среднія и низшія техническія школы.—Сельско-хозяйственное образованіе.—Коммерческая школа.—Вопросы ремесленнаго образованія на съѣздѣ окружныхъ попечителей.—Распространеніе ремесленныхъ знаній.—Профессіональныя школы для женщинъ.

При министерствѣ внутреннихъ дѣлъ открываются особые курсы для подготовки статистиковъ. По предложенію покойнаго министра В. К. Плеве, комитетомъ министровъ былъ установленъ двухлѣтній срокъ для выясненія на опытѣ степени цѣлесообразности статистическихъ курсовъ, а именно съ 1 сентября 1904 года по 1 января 1907 года. Обученіе на статистическихъ курсахъ безплатно, причемъ максимальное число слушателей на обоихъ курсахъ не должно превышать ста лицъ. Для поступленія въ это училище требуется окончаніе курса въ учебныхъ заведеніяхъ не ниже среднихъ; окончившимъ курсы предоставлено право на полученіе штатныхъ должностей по статистикѣ въ центральныхъ и мѣстныхъ учрежденіяхъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Крайне неудовлетворительное состояніе нашей административной статистики, замѣчаетъ по этому поводу „Нов. Вр.“, общеизвѣстно: на мѣстахъ

нѣтъ людей, спеціально изучившихъ статистическое дѣло, которымъ можно было бы поручить собираніе, оцѣнку и сводку статистическихъ данныхъ. До сихъ поръ „творцами“ административной статистики являются волостные писаря и полиція, персоналъ людей, въ большинствѣ случаевъ, малообразованныхъ и къ тому же обремененныхъ своими прямыми обязанностями. Что касается секретарей губернскихъ и областныхъ комитетовъ, то они въ подавляющемъ числѣ случаевъ люди, также занятые другимъ дѣломъ; это — правители канцелярій губернаторовъ, чиновники особыхъ порученій и пр., нисколько не интересующіеся статистикой и незнакомые съ ея сущностью и значеніемъ. Требованіе закона, чтобы секретари комитетовъ были лицами съ ученой степенью или, по крайней мѣрѣ, съ высшимъ образованіемъ, остается обыкновенно мертвой буквою: губернаторы, какъ общее правило, не стѣсняясь этимъ требованіемъ закона, назначаютъ на должность секретарей чиновниковъ, лично имъ извѣстныхъ по исполненію какихъ-либо другихъ должностей.. Словомъ, собираніе статистическаго матеріала является побочнымъ придаткомъ къ прямымъ обязанностямъ, главнымъ образомъ, волостныхъ писарей, полиціи и случайныхъ чиновниковъ. Еще Н. П. Вородиновъ въ своей „Исторіи министерства внутреннихъ дѣлъ“, останавливаясь на причинахъ малаго развитія статистическаго дѣла въ Россіи, сказалъ: „Здѣсь видно недовѣріе къ наукѣ въ примѣненіи ея къ жизни, недовѣріе общее, сохранившееся у насъ къ несчастію до настоящаго времени. Всякое дѣло, всякій рапортъ земскаго суда, волостного правленія имѣетъ больше значенія, чѣмъ добросовѣстный, основанный на строгихъ положеніяхъ науки выводъ ученаго. При такомъ воззрѣніи никакія мѣры правительства неспособны развить государственную статистику: она останется дѣломъ ученаго, предметомъ образованія, нужнымъ для экзамена ученика, студента, а чиновника статистическаго отдѣленія долго еще не будутъ считать дѣятелемъ въ сферѣ государственнаго управленія, предпочитая ему чиновника, составляющаго формулярные списки и вѣдомости о лицахъ, имѣющихъ право на полученіе ордена или производство въ чинъ“. Съ полнымъ основаніемъ и теперь можно повторить слова, сказанныя 50 лѣтъ назадъ: и доселѣ въ административныхъ сферахъ замѣчается отсутствіе признанія высокой важности для правильнаго управленія страною статистическихъ данныхъ, необходимости требованія отъ статистиковъ спеціальной научной подготовки и практической опытности. Образованіе перваго въ Россіи статистическаго училища является первой же рѣшительной мѣрой къ признанію необходимости спеціальной подготовки для дѣятельности на этомъ поприщѣ. Остается пожелать полнаго успѣха новому полезному дѣлу и скорѣйшаго устраненія изъ организаціи нашей офиціальной статистики въ началѣ XX в. многихъ ея существенныхъ недостатковъ.

Вмѣстѣ съ сокращеніемъ курса древнихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ на очередь выдвинулся вопросъ о перепроизводствѣ у насъ филологовъ, для подготовки которыхъ, помимо филологическихъ факультетовъ при университетахъ, имѣется еще два спеціальныхъ института—въ С.-Петербургѣ и Нѣжинѣ. Естественно, что при измѣнившихся обстоятельствахъ дальнѣйшее существованіе послѣднихъ представляется совершенно излишнимъ. Въ виду этого, какъ сообщаютъ газеты, въ ноябрѣ мѣсяцѣ начнутся занятія междувѣдомственной коммиссіи по вопросу о преобразованіи историко-филологическаго института въ г. Нѣжинѣ въ сельскохозяйственный институтъ. Вопросъ этотъ возбужденъ черниговскимъ земствомъ, которое, отмѣчая крайнюю необходи-

мость высшаго сельскохозяйственнаго учебнаго заведенія для юга Россіи, указываетъ, что нѣжинскій историко-филологическій институтъ въ теченіе 20 лѣтняго своего существованія доказалъ несоотвѣтствіе его съ требованіями жизни. Несмотря на то, что всѣ стипендіи изъ другихъ учебныхъ заведеній кіевскаго учебнаго округа переведены въ нѣжинскій институтъ, и на другія преимущества, предоставляемыя учащимся въ этомъ заведеніи,—институтъ привлекаетъ мало учащихся, и число оканчивающихъ въ немъ курсъ поразительно мало, а стоимость обученія каждаго оканчивающаго непомѣрно велика.

Вмѣстѣ съ тѣмъ періодически возбуждаются ходатайства объ учрежденіи высшихъ сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній и въ Казани, и въ Харьковѣ, и въ Екатеринославѣ, и нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Само собою разумѣется, что всѣ ходатайства эти не могутъ быть удовлетворены, хотя правительствомъ и сознается необходимость развитія высшаго сельскохозяйственнаго образованія. Для рѣшенія вопроса гдѣ слѣдуетъ въ первую очередь и при первой возможности открыть сельскохозяйственный институтъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года будетъ также образована особая коммиссія съ участіемъ представителей различныхъ вѣдомствъ.

Въ Петербургскомъ институтѣ гражданскихъ инженеровъ ежегодно устраиваются выставки студенческихъ работъ. Выставка настоящаго года, по словамъ „Бирж. Вѣд.“, въ отличіе отъ прошлыхъ лѣтъ, обняла не всѣ, а лишь лучшія студенческія работы, въ виду желанія дать публикѣ представленіе о достигнутыхъ студентами успѣхахъ, не обременяя въ то же время вниманія массою малохарактерныхъ работъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ возможность „попасть на выставку“ является далеко не послѣднимъ факторомъ въ дѣлѣ приданія энергіи въ работѣ будущихъ инженеровъ. Несмотря на реформу, работы студентовъ заняли двѣ большихъ аудиторіи. Всѣ работы расположены по курсамъ, начиная съ перваго. Такая постановка дѣла даетъ возможность последовательно и наглядно прослѣдить всю учебную программу института и сдѣланные учащимися успѣхи. Работы студентовъ 1-го курса, выполненныя исключительно карандашомъ и тростниковымъ перомъ, всецѣло посвящены классическому стилю. Получившій за послѣднее время и въ архитектурѣ право гражданства стиль „moderne“ на первомъ курсѣ не находитъ себѣ примѣненія. Античныя формы древней Эллады по прежнему служатъ базисомъ архитектурнаго воспитанія студентовъ института. Въ работахъ II курса появляются уже акварели, несложныя композиціи и т. п. Особенно много работъ представлено по теоріи тѣни и перспективы. Работы III курса представляютъ собою выполненіе уже самостоятельныхъ архитектурныхъ заданій. Особый интересъ въ работахъ III курса представляютъ такъ называемые клаузуры, т. е. архитектурныя заданія, выполненныя студентами при полной ихъ изоляціи отъ внѣшняго міра, въ помѣщеніи института, безъ пользованія какими-либо пособіями. Это ужъ вполнѣ самостоятельная работа, мыслимая при полномъ усвоеніи необходимыхъ познаній. Экраны IV курса даютъ полное и наглядное представленіе уже о болѣе сложныхъ гражданскихъ сооруженіяхъ. Особенно богато представлены здѣсь постройки всевозможныхъ мостовъ, сводовъ и стропилъ различныхъ системъ. Тутъ же попадаются и работы по нѣкоторымъ спеціальнымъ отраслямъ архитектурнаго дѣла, напримѣръ, сельскозяйственныя постройки. Работы, выполненныя студентами V курса, представляютъ, конечно, особенный интересъ, какъ summa summarum тѣхъ знаній, которыми вооружила ихъ alma mater. Въ этомъ отдѣлѣ

выставки совершенно законченныя и подробно разработанныя гражданскія сооруженія: церкви, дворцы, монастыри, желѣзнодорожные павильоны, устройство канализаціи какъ городской, такъ и дворовой. Наиболѣе бросаются въ глаза работы бывшихъ студентовъ института, нынѣ гражданскихъ инженеровъ, Алешкина, Конецкаго и Алексѣева. Тутъ же на экранахъ помѣщены тетради со смѣтами, разсчетами и т. п.

---

21 августа въ С.-Петербургѣ состоялась, какъ сообщаютъ „Бирж. Вѣд.", закладка вновь учреждаемаго думою городского училища дальнаго плаванія, имени Петра Великаго. Это училище, строящееся въ ознаменованіе 200-лѣтія со дня основанія Петербурга, будетъ помѣщаться на довольно большомъ участкѣ земли, отведенномъ городомъ по 22-й линіи Васильевскаго острова Все зданіе, имѣющее быть построеннымъ по плану архитектора г. Берзена, будетъ состоять изъ трехъ обширныхъ классовъ, съ такелажной, физическимъ отдѣленіемъ и квартирой завѣдующаго. На содержаніе училища думой будетъ отпускаться 77.000 рублей въ годъ. Въ училище дальняго плаванія будутъ приниматься молодые люди, въ возрастѣ отъ 17 лѣтъ, безъ различія сословія, но окончившіе курсъ 4-хклассныхъ городскихъ училищъ или 4-хъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. По окончаніи курса училища и при прохожденіи извѣстнаго, установленнаго морскимъ министерствомъ ценза— 24-хъ мѣсячнаго плаванія на морскихъ судахъ,—воспитанники получатъ званіе шкиперовъ дальнаго плаванія.

По словамъ „Нов", временно завѣдующій учебнымъ отдѣломъ главнаго управленія торговаго мореплаванія и портовъ препроводилъ на этихъ дняхъ всѣмъ предсѣдателямъ биржевыхъ комитетовъ особую записку объ учрежденіи училищъ по механической части съ просьбою представить свое заключеніе по этому вопросу не позже 20-го августа текущаго года. Къ этому времени будутъ собраны также мнѣнія и другихъ различныхъ компетентныхъ учрежденій и отдѣльныхъ лицъ.

Въ Петербургѣ учреждены, какъ передаютъ „Бирж. В.", вечерніе желѣзнодорожные курсы. Всѣ кандидаты, за исключеніемъ лицъ, представившихъ свидѣтельства объ окончаніи шести классовъ гимназіи или равнаго по программѣ учебнаго заведенія, при пріемѣ на курсы будутъ подвергаться повѣрочнымъ испытаніямъ. Что касается лицъ, окончившихъ среднюю и высшую школу, желающихъ поступить на курсы, то признано возможнымъ принимать ихъ на второй курсъ, но съ обязательствомъ выдержать установленные для перевода экзамены по спеціальнымъ и техническимъ предметамъ.

Въ нынѣшнемъ году, по словамъ „Н. Вр.", усиленный пріемъ въ Александровское техническое училище въ Череповцѣ, учрежденное И. А. Милютинымъ въ 1867 году. Это техническое училище издавна славилось выпускомъ удовлетворительныхъ и практически подготовленныхъ машинистовъ на рѣчные и морскіе пароходы и на заводы вообще. Такого рода машинисты въ Германіи называются механиками. У насъ постепенно стали интересоваться Череповскимъ учебнымъ заведеніемъ и теперь присылаютъ въ Череповское училище молодыхъ людей уже изъ 28 губерній. Окончившіе тамъ курсъ довольно быстро размѣщаются по мѣстамъ.

Въ школѣ десятниковъ по строительному дѣлу Императорскаго русскаго техническаго общества до сихъ поръ было 10 стипендій различныхъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ, которыми пользовались ученики перваго класса до того времени, какъ кончали школу и начинали свою строительную дѣятельность. За послѣднее время земства, очевидно, сознали всю пользу этого единственнаго въ Россіи учрежденія, выпускающаго вполнѣ подготовленныхъ строительныхъ рабочихъ, могущихъ служить помощниками архитекторовъ, и число земскихъ стипендіатовъ быстро увеличивается. Теперь, сообщаютъ „Нов.", при школѣ учреждены еще 3 земскія стипендіи: шуйской уѣздной земской управы и ставропольскаго и гродненскаго земскихъ распорядительныхъ комитетовъ.

---

1 сентября въ училищѣ печатнаго дѣла при типографіи „Новаго Времени" (А. С. Суворина) состоялся обычный передъ началомъ учебныхъ занятій молебенъ, отслуженный законоучителемъ въ присутствіи учениковъ и преподавателей училища и администраціи, рабочихъ и служащихъ типографіи. Училище это, какъ передаетъ „Н. Вр.", въ нынѣшнемъ году вступаетъ въ 21-й годъ своего существованія и до сихъ поръ въ своемъ родѣ пока единственное въ Россіи. Давая своимъ питомцамъ даровое образованіе, оно въ то же время выучиваетъ ихъ зарабатывать свой вѣрный хлѣбъ; въ виду этого становится понятнымъ, почему на 8—10 вакансій ежегодно является 40 и болѣе желающихъ занять ихъ (въ нынѣшнемъ году на 10 вакансій явился 41 конкурентъ). Училище имѣетъ четырехлѣтній общеобразовательно-профессіональный параллельный курсъ, въ который между прочимъ входятъ французскій и нѣмецкій языки, теорія систематическая и практика наборно-типографскаго дѣла. Принимаются въ него мальчики не моложе 12 лѣтъ (согласно фабричному уставу), со свидѣтельствами объ окончаніи курса начальнаго училища. Предпочтеніе отдается дѣтямъ служащихъ въ типографіи; остальныя вакансіи замѣщаются по конкурсу. Обученіе, учебныя пособія и форменныя блузы учащіеся получаютъ отъ владѣльца типографіи, а по истеченіи четырехъ испытательныхъ мѣсяцевъ получаютъ, кромѣ того, небольшое жалованье, постепенно съ годами и успѣхами увеличивающееся. Съ основанія училища полный курсъ его окончило 99 человѣкъ, изъ которыхъ большая часть работаетъ въ типографіи „Новаго Времени", зарабатывая отъ 30 до 130 руб. въ мѣсяцъ. Къ началу наступившаго учебнаго года составъ училища опредѣлился въ 43 ученика и 5 преподавателей.

Уже давно ощущалась живая потребность въ открытіи школъ иконописцевъ. Ее предлагали открыть при московскомъ Императорскомъ строгановскомъ художественно-промышленномъ училищѣ; но дѣло это все откладывалось, и лишь теперь только управляющій дѣлами Высочайше учрежденнаго комитета попечительства о русской иконописи академикъ Н. П. Кондаковъ, дѣятельно принялся за его осуществленіе. Н. П. Кондаковымъ вмѣстѣ съ директоромъ московскаго строгановскаго училища и на основаніи соображеній, высказанныхъ преподавателями этого училища въ спеціальномъ совѣщаніи, былъ составленъ проектъ временнаго положенія объ иконописной высшей школы-мастерской. Открыть школу иконописцевъ предположено, по словамъ „Бирж. В.", не позже осени текущаго года.

Та же газета сообщаетъ, что 9-го сентября въ Петербургскомъ центральномъ училищѣ техническаго рисованія барона Штиглица начались занятія въ двухъ, только что организованныхъ, спеціальныхъ классахъ: керамики и худо-

жественныхъ работъ на кожѣ. До настоящаго времени при техническихъ и художественно-промышленныхъ училищахъ столицы не было ни одного специальнаго класса по гончарнымъ издѣлiямъ, такъ какъ эта отрасль художественной промышленности требуетъ большихъ затратъ и специальныхъ сооруженiй. При училищѣ устроены муфельныя печи, новѣйшей конструкцiи, лабораторiя для испытанiя глины и т. п. Для начала въ классъ принято лишь 5 учениковъ, изъ числа получившихъ уже извѣстную художественную подготовку въ другихъ классахъ и, главнымъ образомъ, въ классѣ самостоятельной композицiи. Въ качествѣ руководителя мастерской и классовъ приглашенъ г. Келлеръ, изучавшiй керамическое искусство, на счетъ училища, за границей. Классъ работъ по кожѣ устроенъ специально для ученицъ въ виду того, что эта отрасль художественной промышленности находитъ себѣ все больше и больше примѣненiя. Въ качествѣ руководительницы класса приглашена художница Вестфаленъ, также долго изучавшая это искусство въ Германiи.

Высочайше утвержденнымъ мнѣнiемъ Государственнаго Совѣта положено учредить близъ города Новочеркасска, на участкѣ, общею площадью до 680 десятинъ, расположенномъ на землѣ войска донского, среднее сельско-хозяйственное училище на основанiи положенiя 1904 г. о сельско-хозяйственномъ образованiи. Въ училищѣ полагается сорокъ безплатныхъ стипендiй, изъ числа которыхъ двадцать стипендiй войска Донского замѣщаются уроженцами области съ предназначенiемъ десяти изъ этихъ стипендiй исключительно лицамъ войскового казачьяго сословiя. При замѣщенiи остальныхъ двадцати стипендiй преимущество отдается уроженцамъ Ставропольской губернiи. Кубанскому же и Терскому казачьимъ войскамъ предоставляется содержать въ училищѣ по двѣнадцати стипендiй отъ каждаго войска, съ платою изъ общихъ войсковыхъ капиталовъ по сто пятидесяти рублей въ годъ за каждаго стипендiата.

Въ с. Пруссахъ, Черкасскаго уѣзда, 12 сентября торжественно отпраздновали открытiе сельско-хозяйственныхъ классовъ, учрежденныхъ по ходатайству землевладѣльца г. Осадчаго, съ пособiемъ отъ Министерства Земледѣлiя въ 2.000 руб. ежегодно и одноклассн̣аго приходскаго училища съ вечерними классами для взрослыхъ, учрежденнаго за счетъ Кiевскаго губернскаго попечительства о народной трезвости. На торжествѣ, какъ сообщаетъ „Кiевл.“, присутствовали попечитель земледѣльческихъ классовъ губернскiй предводитель дворянства князь Н. В. Репнинъ, директоръ народныхъ училищъ Т. Г. Лубенецъ, П. В. Дашкевичъ, инженеръ Кондратьевъ, А. В. Палибинъ, сосѣднiе землевладѣльцы и мѣстные крестьяне, до тѣсноты переполнившiе помѣщенiе и дворъ училища. Послѣ молебствiя, совершеннаго приходскимъ священникомъ, князь Репнинъ объявилъ училище открытымъ, причемъ г. Осадчiй объяснилъ присутствующимъ значенiе и важность для крестьянъ знанiй по сельскому хозяйству, а директоръ народныхъ училищъ ознакомилъ присутствующихъ съ правилами приходскихъ училищъ и учрежденныхъ при нихъ классовъ для взрослыхъ. Учредитель училища г. Осадчiй предоставилъ въ пользованiе земледѣльческихъ классовъ 20 десятинъ земли вмѣстѣ съ усадьбою, на которой въ настоящее время уже разсаженъ питомникъ, садъ, огородъ и поля обсѣменены различными травами и хлѣбными растенiями. Въ училище принято 25 учениковъ, окончившихъ курсъ въ министерскихъ и церковно-приходскихъ школахъ, а въ приходское училище принято 60 дѣтей и почти столько-же записалось въ классы для взрослыхъ. Послѣ прочтенiя привѣтственныхъ телеграммъ и

поздравлений отъ директора департамента земледѣлія, начальника губерніи, начальника управленія государственными имуществами, редакціи журнала „Земледѣліе" и пр.; крестьяне, въ свою очередь, благодарили г. Осадчаго за его труды и хлопоты по открытію училищъ. Въ настоящее время въ с. Пруссахъ находится 4 школы, въ томъ числѣ два министерскихъ училища, а дѣтей школьнаго возраста насчитывается около 600. При дружной и спокойной работѣ можно надѣяться, что вопросъ о всеобщемъ обученіи въ с. Пруссахъ будетъ разрѣшенъ въ удовлетворительномъ смыслѣ.

Въ Харьковской губ. нѣкоторыми мѣстными пчеловодами въ настоящее время, какъ сообщаютъ „Харьк. В.", разрабатывается проектъ устройства школы пчеловодовъ. Въ послѣднее время пчеловодство въ губерніи начинаетъ все болѣе и болѣе развиваться, число пасѣкъ увеличивается. Съ развитіемъ пчеловодной отрасли хозяйства начала ощущаться потребность въ пчеловодахъ. Эту-то потребность и предполагаетъ удовлетворять проектируемая школа, которая должна будетъ выпускать опытныхъ пчеловодовъ.

Въ одномъ изъ залъ Стрѣльнинскаго дворца 15 августа, по словамъ „Н. Вр.", происходилъ актъ учебно-воспитательныхъ занятій дѣтей по сельскому хозяйству и природовѣдѣнію и лѣтнихъ педагогическихъ сельско-хозяйственныхъ курсовъ. На актѣ присутствовали всѣ организаторы занятій и курсовъ во главѣ съ Н. А. Бартошевичемъ, дѣти, ихъ родители и др. Послѣ молебствія былъ прочитанъ отчетъ по занятіямъ и курсамъ. На занятіяхъ было до 300 дѣтей, которыя распредѣлялись по тремъ курсамъ. Кромѣ бесѣдъ по природовѣдѣнію и сельскому хозяйству дѣти подъ руководствомъ курсистовъ совершали научныя экскурсіи, работали въ огородѣ и знакомились на дѣлѣ съ сельскимъ хозяйствомъ. На курсахъ состояло 52 лица, большинство которыхъ составляли учителя и учительницы сельскихъ школъ, прибывшіе изъ отдаленнѣйшихъ уголковъ Имперіи. Курсы въ объемѣ программы низшей сельско-хозяйственной школы продолжались два мѣсяца.

Какъ передаютъ „Бирж. Вѣд.", департаментъ земледѣлія препроводилъ въ губернскія земскія управы, выработанныя особою коммиссіей изъ спеціалистовъ по устройству народныхъ чтеній по сельскому хозяйству три записки: 1) примѣрный перечень темъ для народныхъ чтеній по сельскому хозяйству; 2) списокъ сочиненій, пригодныхъ для народныхъ чтеній по сельскому хозяйству и 3) о наглядныхъ пособіяхъ при народныхъ чтеніяхъ по сельскому хозяйству. Въ виду того, что чтенія по сельскому хозяйству начинаютъ все болѣе и болѣе распространяться, особенно среди крестьянъ, эти записки являются какъ нельзя болѣе своевременными.

Та же газета сообщаетъ, что осенью при министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ созывается совѣщаніе директоровъ сельско-хозяйственныхъ училищъ для обсужденія вопроса о раціональной постановкѣ воспитательной части въ учебныхъ заведеніяхъ, подвѣдомственныхъ министерству земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Совѣщаніе это уже собиралось годъ тому назадъ, и, на основаніи высказанныхъ тогда пожеланій, составленъ департаментомъ земледѣлія проектъ, окончательную редакцію котораго установитъ нынѣшнее совѣщаніе.

Въ С.-Петербургѣ, какъ передаетъ „Н. Вр.", состоялось открытіе торговой школы купеческаго общества. Настоящая школа является первой въ ряду подобныхъ ей школъ, которыя предполагаетъ петербургское купечество открыть въ будущемъ въ различныхъ пунктахъ С.-Петербурга, съ цѣлью содѣйствія развитію низшаго коммерческаго образованія въ столицѣ. На содержаніе вновь открытой школы ассигновано 6.000 руб. ежегодно и 2.000 р. единовременно. Кромѣ того ассигновано 3.000 руб. на учрежденіе стипендій при школѣ. Въ нынѣшнемъ году въ школу предположено принять 80 мальчиковъ, которые будутъ распредѣлены въ двухъ параллельныхъ приготовительныхъ и одномъ первомъ классахъ. На открытіи присутствовалъ товарищъ министра финансовъ В. И. Тимирязевъ, произнесшій рѣчь о необходимости коммерческаго образованія въ современной жизни и важности въ созданіи подобныхъ школъ. Затѣмъ предсѣдатель попечительнаго совѣта купеческій старшина И. С. Крючковъ прочелъ историческую записку о возникновеніи данной школы и ходатайство петербургскаго купечества передъ министромъ финансовъ о присвоеніи открытой школѣ наименованія „Алексѣевской" въ ознаменованіе рожденія Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича.

Близъ Петербурга же въ Лѣсномъ 14 сентября состоялось торжественное открытіе вновь учрежденнаго коммерческаго училища, принятаго въ вѣдѣніе министерства финансовъ. Зданіе училища, построенное на землѣ, отведенной министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, разсчитано на 350 учащихся. На торжествѣ, сообщаетъ та же газета, присутствовали: директоръ С.-Петербургскаго политехническаго института кн. А. Г. Гагаринъ, многіе профессора института, члены строительной коммиссіи, преподаватели училища во главѣ съ директоромъ Л. Н. Никоновымъ и мѣстные обыватели. На состоявшемся затѣмъ собраніи былъ прочитанъ отчетъ по постройкѣ зданія училища, стоимость котораго достигаетъ 21.000 р. Проф. Политехническаго института Ф. Н. Левенсонъ-Лессингъ изложилъ программу новаго училища, въ которомъ будутъ отсутствовать бальная система и награды. Въ заключеніе кн. Гагаринъ прочиталъ привѣтственныя телеграммы отъ товарища министра финансовъ В. И. Тимирязева и временно управляющаго министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ П. Х. Шванебаха. Въ нынѣшнемъ году въ училищѣ открыты только два отдѣленія приготовительнаго класса и два первыхъ класса. Принято 85 учениковъ. Занятія начинаются 15 сентября.

Какъ пишутъ въ „Южн. Кр.", въ Керчи 8-го сентября послѣдовало торжественное открытіе торговой школы въ присутствіи купцовъ и приглашенныхъ гостей. Послѣ молебствія состоялся обѣдъ. Священникъ о. Н. Кумпанъ по поводу открытія школы произнесъ очень содержательную и теплую рѣчь. Пастырь вспомнилъ дореформенное время, когда народное образованіе въ Керчи находилось въ зачаточномъ состояніи, и провелъ параллель между нимъ и настоящей эпохой. Благодаря общественной самодѣятельности, народное образованіе въ Керчи сдѣлало быстрые успѣхи, и градоначальство покрылось цѣлой сѣтью школъ. Въ древнія времена—говорилъ о. Кумпанъ—въ память событій возводились памятники и мавзолеи, никому не нужные, не приносившіе пользы. Въ наше время эти бездушные памятники замѣнены полезными культурными учрежденіями. Ораторъ коснулся, между прочимъ, и наболѣвшаго вопроса о процентныхъ нормахъ въ учебныхъ заведеніяхъ, установленныхъ для евреевъ, и выразилъ горячее желаніе, чтобы въ самомъ близкомъ буду-

щемъ это явленіе уступило мѣсто гуманному отношенію ко всѣмъ народностямъ, населяющимъ Россію. Въ этомъ же смыслѣ, высказался другой ораторъ—инспекторъ женскаго кушниковскаго института. На обѣдѣ была открыта подписка на учрежденіе фонда для пріобрѣтенія собственнаго школьнаго зданія. Нодписка дала 1.000 руб.

На бывшемъ въ августѣ совѣщаніи окружныхъ попечителей, какъ сообщаетъ „Нов. Вр.", былъ разсмотрѣнъ, между прочимъ, и рядъ вопросовъ по техническому и профессіональному образованію. Главное вниманіе обращается, повидимому, на развитіе ремесленныхъ отдѣленій и классовъ ручного труда при начальныхъ учебныхъ училищахъ и, вообще на возможно лучшую организацію промышленныхъ учебныхъ заведеній и приспособленій ихъ для цѣлей техническаго и профессіональнаго образованія. Вопросы, поставленные въ программу совѣщанія, далеко не новы: они не разъ поднимались и съ особенной настойчивостью обсуждались на съѣздахъ по техническому и профессіональному образованію. Еще недавно, на послѣднемъ съѣздѣ, указывалось, что современное состояніе ремесленныхъ классовъ при общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ за послѣдніе годы остается безъ тѣхъ необходимыхъ измѣненій, которыя могли бы содѣйствовать правильной постановкѣ дѣла обученія ремесламъ. Причинъ здѣсь много: прежде всего, конечно, недостатокъ средствъ для обуродованія хотя бы порядочныхъ мастерскихъ, затѣмъ неподготовленность руководителей къ веденію систематическихъ занятій, запутанность и непригодность заносныхъ, чуждыхъ нашей школѣ системъ. Преподаваемыя въ начальныхъ училищахъ ремесла не соотвѣтствуютъ ни цѣлямъ образованія, ни возрасту учащихся. Въ результатѣ въ значительномъ большинствѣ оканчивающіе подобныя учебныя заведенія и технически не подготовлены, и графически не грамотны. Подобная неправильная организація вызывала не разъ справедливыя нареканія и указанія на несовмѣстимость задачъ начальныхъ и ремесленныхъ школъ. Школа, дающая и, по крайней мѣрѣ, обѣщающая помимо общаго образованія еще и знаніе тѣхъ или другихъ ремеслъ для извѣстнаго контингента лицъ, болѣе привлекательна, нежели обыкновенная школа, обучающая только грамотѣ. При начальномъ образованіи полученіе кое-какихъ знаній для удовлетворенія собственныхъ нуждъ, конечно, особенно важно, но дѣйствительную пользу такое соединеніе принесетъ далеко не всегда. Другой вопросъ—классы ручного труда, вопросъ, вызвавшій совершенно разнорѣчивыя мнѣнія. На тѣхъ же съѣздахъ одни педагоги стояли за ручной трудъ, другіе—противъ. Изъ всѣхъ разнорѣчивыхъ мнѣній можно было сдѣлать только одно заключеніе, что польза отъ ручного труда зависитъ отъ системы преподаванія и обстановки, при которой они ведутся. У насъ занятія эти, какъ указывалъ, напримѣръ, на послѣднемъ съѣздѣ Н. Ф. Рудольфъ, ограничивались почти всегда узкими рамками шведскаго „слойда",—исполненіемъ образцовъ изъ дерева или металла, работами, не соотвѣтствующими ни мѣстнымъ условіямъ, ни общепедагогическимъ запросамъ: у этого рода занятій въ нашихъ школахъ не было связи съ общими предметами преподаванія, и сами онѣ не могли отвѣтить цѣлямъ практической подготовки учащихся. Для физическаго развитія учениковъ занятія эти имѣютъ значеніе только тогда, когда они ведутся въ вполнѣ гигіеническихъ помѣщеніяхъ или на свѣжемъ воздухѣ и непремѣнно при правильномъ положеніи всего тѣла. Иначе они могутъ иногда быть прямо вредны для здоровья.

По словамъ „Бирж. Вѣд.“, одинъ изъ гласныхъ С.-Петербургской гор. думы возбудилъ вопросъ объ устройствѣ городомъ собственныхъ профессіональныхъ школъ вмѣсто того, чтобы учреждать городскія стипендіи въ частныхъ школахъ. Вопросъ былъ переданъ на обсужденіе училищной коммиссіи, которая, въ виду уже бывшаго неудачнаго опыта открытія городомъ своихъ мастерскихъ, закрывшихся въ 1892 г., послѣ 10-лѣтняго существованія, затруднилась высказать свое мнѣніе, не выслушавъ о томъ отзывовъ компетентныхъ лицъ и учрежденій. Съ этою цѣлью коммиссіею сдѣланы запросы нѣкоторымъ учрежденіямъ съ просьбою о высылкѣ отчетовъ.

„Нов. Вр.“ передаетъ, что въ настоящемъ учебномъ году во многихъ начальныхъ школахъ С.-Петербургскаго уѣзднаго земства будетъ введено преподаваніе ремеслъ. Этой мѣрою земство надѣется улучшить положеніе кустарныхъ промысловъ въ уѣздѣ.

На запросъ попечителя одного изъ учебныхъ округовъ о томъ, слѣдуетъ-ли признавать мастеровъ-техниковъ низшихъ ремесленныхъ школъ состоящими на государственной службѣ, министерство народнаго просвѣщенія, по словамъ „Нов.“, разъяснило, что хотя въ утвержденныхъ штатахъ низшихъ ремесленныхъ школъ и не указано, что мастера-техники при этихъ школахъ пользуются правами государственной службы, но это слѣдуетъ заключить изъ того обстоятельства, что, согласно тѣмъ-же штатамъ, эти должностныя лица пользуются правомъ на пенсію.

Въ С.-Петербургѣ, 8-го сентября, въ Соляномъ городкѣ состоялось открытіе первыхъ постоянныхъ высшихъ женскихъ сельскохозяйственныхъ курсовъ. Какъ передаютъ „Нов.“, первымъ привѣтствовалъ поступающихъ слушательницъ, за отсутствіемъ министра земледѣлія А. С. Ермолова, управляющій министерствомъ г. Шванебахъ. Онъ выразилъ свое удовольствіе по поводу открытія новаго учрежденія, находя его вполнѣ своевременнымъ, въ виду постепеннаго перехода сельскаго хозяйства отъ экстенсивной системы къ интенсивной; научно-образованная женщина-хозяйка должна внести въ свое дѣло болѣе широкую точку зрѣнія и пониманія. Затѣмъ говорила Н. И. Долгова, товарищъ предсѣдателя женскаго сельскохозяйственнаго общества. Она познакомила присутствовавшихъ съ отчетомъ недавно закончившихся (съ большимъ успѣхомъ) временныхъ сельско-хозяйственныхъ курсовъ. Бывшія слушательницы устроили г-жѣ Долговой шумную овацію, благодаря ее за сердечное отношеніе къ нимъ и заботы во время занятія на курсахъ. Секретаремъ былъ прочитанъ проектъ вновь открывающихся курсовъ, на которые поступило 60 человѣкъ (3 съ высшимъ образованіемъ, 50 съ гимназическимъ).

Въ Казани, по словамъ корреспондента „Бирж. Вѣд.“, въ 1902 г. при женской Маріинской гимназіи, по предложенію казанскаго уѣзднаго предводителя дворянства А. Н. Баратынскаго, былъ открытъ восьмой сельско-хозяйственный и коммерческій классъ. Свое предложеніе г. Баратынскій мотивировалъ тѣмъ, что мѣстные помѣщики-землевладѣльцы нуждаются въ образованныхъ приказчикахъ, знакомыхъ съ коммерческими науками, и что гг. дворяне съ полной готовностью взяли бы на таковыя мѣста женщинъ, прослушавшихъ краткій спеціальный курсъ. Министерство народнаго просвѣщенія

разрѣшило открыть коммерческій классъ, съ однимъ, однако, условіемъ, чтобы содержаніе его не ложилось бременемъ на бюджетъ гимназіи, и чтобы классъ этотъ функціонировалъ въ томъ случаѣ, если будетъ окупать себя. Плата за право ученія была опредѣлена въ 60 рублей въ годъ, а лица, оканчивающія курсъ по коммерческому отдѣленію, ограничивались въ правахъ на педагогическомъ поприщѣ. Въ первый годъ дѣйствія коммерческаго класса, ученицъ, пожелавшихъ обучаться въ немъ, явилось 19. Изъ нихъ одиннадцать, по окончаніи курса, пошли практикантками въ экономіи, пробыли тамъ одно лишь лѣто, а затѣмъ разбрелись на мѣста кассиршъ. Въ слѣдующій годъ количество ученицъ упало до 9, и въ настоящее время число ихъ не подымается выше. Женщины-приказчицы съ краткимъ спеціальнымъ образованіемъ въ экономіяхъ не привились, а между тѣмъ классъ, приспособленный именно для этой цѣли, не даетъ достаточныхъ познаній для другого рода дѣятельности. Открытіе класса вызвало большія затраты на пособія по товаровѣдѣнію, сельскому хозяйству и, кромѣ того, текущіе расходы на наемъ преподавателей. Въ первый годъ плата за право ученія едва покрывала послѣдняго рода расходы, а съ уменьшеніемъ числа ученицъ доходовъ не хватало даже на жалованіе классной дамѣ, которая получаетъ 600 руб. въ годъ. Согласно министерскому уставу классъ долженъ быть закрытъ; но совѣтъ гимназіи, желая сохранять его, возбудилъ ходатайство о допущеніи въ коммерческій классъ вольнослушательницъ. Едва ли это, однако, обезпечитъ успѣхъ коммерческаго класса, такъ какъ недостаткомъ его является кратковременность курса. Въ одинъ годъ невозможно ознакомиться сносно съ цѣлымъ рядомъ новыхъ наукъ. Коммерческіе классы существуютъ при женскихъ гимназіяхъ въ Москвѣ, Самарѣ, но тамъ курсъ 4-хъ и 2-хъ годичный, такъ что ученицы выпускаются съ опредѣленнымъ запасомъ знаній.

Та же газета сообщаетъ, что съ начала настоящаго учебнаго года въ С.-Петербургѣ начинаетъ свою дѣятельность первое въ столицѣ частное коммерческое училище Е. С. Хворовой. Полный курсъ семилѣтній. Окончившія курсъ пользуются правами женскихъ гимназій. Программа училища вполнѣ соотвѣтствуетъ программамъ женскихъ гимназій съ дополненіями спеціальныхъ предметовъ, какъ: бухгалтерія, коммерческая экономія и др.

По словамъ „Нов.“, находящаяся въ С.-Петербургѣ первая женская профессіональная школа фонъ-Дервиза, служившая образцомъ для многихъ профессіональныхъ школъ, пережила въ прошломъ году одинъ довольно трудный моментъ. С. П. фонъ-Дервизъ, отпускавшій на ея содержаніе изъ своихъ средствъ по 12 тысячъ руб. ежегодно и предоставившій школѣ помѣщеніе на Б. Ружейной ул., увѣдомилъ общество поощренія женскаго профессіональнаго образованія (въ вѣдѣніи котораго состоитъ школа), что въ виду предполагаемой перестройки зданія школа должна искать себѣ новое помѣщеніе. Кромѣ того, С. П. фонъ Дервизъ, затратившій на эту школу до 300 тыс. руб., затруднялся оказывать ей дальнѣйшую матеріальную поддержку. Возникъ вопросъ о пріобрѣтеніи казной какъ зданія, такъ и участка земли, гдѣ помѣщается школа, а равно—о назначеніи со стороны министерства народнаго просвѣщенія соотвѣтственной субсидіи обществу на содержаніе школы. Назначеніе нужныхъ суммъ, однако, задержалось и теперь, и С. П. фонъ-Дервизъ рѣшилъ оставить за школой какъ зданіе, такъ и весь кредитъ, отпускавшійся имъ на ея содержаніе. Въ домъ съ квартирами для дохода будетъ

перестроено находящееся впереди школы зданіе бывшей народной столовой, гдѣ теперь помѣщаются мастерскія школы: для послѣднихъ-же будутъ устроены помѣщенія въ главномъ зданіи школы. Нельзя не привѣтствовать такого рода симпатичнаго рѣшенія со стороны С. П. фонъ-Дервиза, для котораго это составитъ расходу не менѣе 20 тыс. руб. въ годъ.

„Бирж. Вѣд." сообщаютъ, что въ Петербургѣ открываются первые въ Россіи курсы по изученію кройки и шитья гигіеническихъ и ортопедическихъ корсетовъ, бандажей, лифчиковъ, и новѣйшихъ усовершенствованій и приспособленій для горбатыхъ, искривленныхъ и слабыхъ. Преподаваніе на курсахъ распадается на два отдѣла; 1) практическій и 2) научно теоретическій. Слушательницы будутъ знакомиться съ основами общей анатоміи, строеніемъ женскаго тѣла и главнѣйшими болѣзнями внутреннихъ органовъ. Въ слушательницы принимаются лица съ среднимъ образованіемъ, и число ихъ ограничено. (№ 3 по Надеждинской улицѣ).

В. Б-чъ.

Дѣятельность Московскаго педагогическаго общества въ 1901—1902 уч. году.

Дѣятельность Московскаго педагогическаго общества настолько разнообразна и обширна, что въ короткой замѣткѣ нѣтъ никакой возможности дать вѣрное и точное представленіе о ея характерѣ и результатахъ. При обществѣ состояло 17 отдѣленій и постоянныхъ коммиссій, и они отнюдь не были фиктивными, а всѣ дѣятельно работали: одни изъ нихъ занимались теоретической разработкой вопросовъ учебно-воспитательнаго дѣла, другія практически выполняли задачи просвѣтительно-воспитательнаго характера.

Отдѣленіе преподавателей русскаго языка и словесности имѣло въ 1901—2 году 14 засѣданій, на которыхъ было доложено и обсуждалось 12 рефератовъ и сообщеній. Обсужденіе и разработка вопросовъ упрощенія русской орѳографіи вызвали образованіе особой коммиссіи при отдѣленіи. Эта коммиссія представила слѣдующіе доклады: „Итоги опыта изслѣдованія грамотности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ"—И. П. Казанскаго, „Объ упрощеніи русской орѳографіи"—П. Н. Сакулина, „О лженаучности русскаго правописанія"—проф. Р. Ѳ. Брандта и „Нѣсколько реформаторовъ русскаго письма"—его-же. Результатомъ совмѣстныхъ работъ коммиссіи отдѣленія преподавателей русскаго языка и отдѣленія преподавателей въ начальныхъ училищахъ явился извѣстный проектъ „упрощенной орѳографіи"; этотъ проектъ обсуждался въ четырехъ засѣданіяхъ общества; послѣднимъ онъ былъ препровожденъ въ Министерство народн. просв. съ ходатайствомъ образовать при министерствѣ особую коммиссію по этому вопросу изъ ученыхъ спеціалистовъ и педагоговъ.

Вопросу о литературныхъ бесѣдахъ и чтеніяхъ и вообще о внѣклассныхъ занятіяхъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ было посвящено 6 докладовъ: „Къ вопросу о литературныхъ бесѣдахъ въ 40-хъ годахъ"—С. Г. Смирнова, „Литературныя чтенія и бесѣды въ средне-учебныхъ заведеніяхъ за послѣднія 20 лѣтъ"—И. П. Казанскаго, „О методахъ веденія литературныхъ бесѣдъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ"—С. Г. Смирнова, „Слѣдуетъ-ли вводить художественный отдѣлъ въ литературныя бесѣды",—его-же, „Къ вопросу о литературныхъ бесѣдахъ"—Ц. П. Балталона, „Къ вопросу объ устройствѣ ученическихъ спектаклей"—Р. Р. Ржаницына, „По поводу новой программы рус-

скаго языка и литературы въ средн. школѣ"—П. Н. Сакулина и „Проектъ бумаги, въ которой будутъ изложены соображенія относительно достоинствъ и недостатковъ программы"—С. Г. Смирнова. По историко-литературнымъ вопросамъ въ отдѣленіи прочитаны доклады: „Обзоръ библіографическихъ трудовъ о Пушкинѣ"—В. В. Каллаша, „Жуковскій, какъ наставникъ императора Александра II"—А. Д. Алферова и др.

Отдѣленіе преподавателей исторіи имѣло 10 засѣданій. Практическая дѣятельность отдѣленія выразилась въ устройствѣ историческаго отдѣленія при музеѣ педагогическаго общества. Изъ рефератовъ, представленныхъ въ 1901—2 г., 2 реферата были посвящены вопросу о преподаваніи русской исторіи въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній и вопросу о преподаваніи законовѣдѣнія по проектировавшимся программамъ министерства. Остальные рефераты касались научныхъ вопросовъ, разбора новыхъ книгъ и учебниковъ исторіи. Были сдѣланы сообщенія о книгѣ Гревса „Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія"—Н. Н. Шамонина, „Капитализмъ и земледѣліе"—С. Н. Булгакова, о новой работѣ Олара „Histoire politique de la revolution française"—С. Ѳ. Фортунатова, о книгѣ Рожкова „Учебникъ русской исторіи"—М. Н. Покровскаго, „Разложеніе феодальнаго строя въ Англіи"—проф. Варшавскаго университета Д. М. Петрушевскаго и др.

Отдѣленіе преподавателей физико-химическихъ наукъ выслушало и обсудило слѣдующія сообщенія: „О классныхъ опытахъ"—А. А. Эйхенвальда, „Фотографическое воспроизведеніе диффракціонныхъ рѣшетокъ"—И. Ф. Усагина, „Стереоскопическій дальномѣръ Цейсса"—И. А. Умова, „Поющая вольтова дуга"—П. К. Мейера, „Приборъ для черченія пораболы"—А. Х. Репмана, „Испытаніе большой бобины Румкорфа"—его-же, „Приборъ для демонстраціи закона преломленія свѣта"—М. В. Пономаренко (изобрѣтеннаго докладчикомъ), „Способъ Манса для опредѣленія внутренняго сопротивленія гальваническихъ элементовъ"—П. К. Мейера, „Программа по космографіи"—П. К. Штернберга, „Измѣренія перемѣнныхъ токовъ"—И. Ф. Усагина и А. В. Цингера и др. Кромѣ перечисленныхъ сообщеній, въ засѣданіяхъ отдѣленія велись бесѣды по различнымъ вопросамъ педагогической практики. Проф. Н. А. Умовъ демонстрировалъ всѣ вновь пріобрѣтаемые приборы физическаго кабинета университета.

Отдѣленіе преподавателей естественныхъ наукъ поставило себѣ цѣлью: 1) разработку вопросовъ, относящихся къ преподаванію естествовѣдѣнія и 2) содѣйствіе лицамъ, посвящающимъ себя педагогической дѣятельности въ качествѣ преподавателей естествовѣдѣнія, въ ихъ подготовкѣ къ этой дѣятельности. Достиженіе второй цѣли выразилось въ организаціи практическихъ занятій по кристаллографіи и зоотоміи, въ организаціи экскурсій для учащихся и учащихъ и въ ихъ числѣ большой двухнедѣльной экскурсіи преподавателей въ Крымъ и въ продолженіи оборудованія подвижного музея педагогическаго общества по отдѣлу естествознанія.

Въ теченіе года въ 11 засѣданіяхъ отдѣленія было выслушано и обсуждено 14 докладовъ, которые по ихъ содержанію могутъ быть сгруппированы слѣдующимъ образомъ: a) три доклада, вызванныхъ посѣщеніемъ членами Отдѣленія различныхъ мѣстностей: острова Челекена, Киргизскихъ степей Семипалатинской области и Крыма; b) четыре доклада, посвященныхъ различнымъ сторонамъ преподаванія естествовѣдѣнія, а именно: два доклада объ экскурсіяхъ, одинъ—представляющій собою рядъ практическихъ указаній относительно собиранія, сохраненія и установки зоологическихъ коллекцій и одинъ

докладъ методическаго характера; c) два доклада, посвященныхъ разсмотрѣнію литературы по естествовѣдѣнію и d) пять докладовъ, вызванныхъ введеніемъ преподаванія естествовѣдѣнія въ младшихъ классахъ гимназій.

Отдѣленіе по вопросамъ религіозно-нравственнаго образованія и воспитанія заслушало и подвергло обсужденію доклады и сообщенія: „Неплюевскія школы" (о. Н. Г. Побѣдинскаго), „Начальная сельская школа по воззрѣніямъ С. А. Рачинскаго" (Н. Е. Румянцева), „Религіозный элементъ въ современномъ женскомъ образованіи" (стороннее сообщеніе). Впрочемъ,—это отдѣленіе „не отличалось надлежащей энергіей" (стр. 91 отчета).

Отдѣленіе преподавателей математики весьма усердно занималось разработкой вопросовъ, относящихся къ преподаванію математики, вело педагогическія бесѣды по отдѣльнымъ учебнымъ вопросамъ и выслушало и обсудило до 15 рефератовъ научнаго и педагогическаго содержанія.

Отдѣленіе преподавателей новыхъ языковъ обсуждало программу преподаванія новыхъ языковъ по новой министерской программѣ.

Отдѣленіе по начальнымъ училищамъ имѣло 6 закрытыхъ засѣданій, 1 открытое и 1 соединенное съ отдѣленіемъ по русскому языку. Въ этихъ засѣданіяхъ было выслушано и подвергнуто обсужденію 4 реферата и 6 различныхъ вопросовъ; кромѣ того, 3 засѣданія посвящены были детальному обсужденію тезисовъ реферата М. С. Семенова, „Къ вопросу объ упрощеніи орѳографіи". Слѣдуетъ отмѣтить рефераты „Естествовѣдѣніе, какъ предметъ преподаванія въ начальной школѣ"—В. М. Михайловскаго, „О занятіяхъ въ церк.-прих. и начал. народн. учил. по русскому языку, церк.-слав. грамотой, чистописаніемъ и славянск. письмомъ"—Ѳ. В. Грекова, „О школьныхъ попечительствахъ"—С. К. Говорова и „О желательныхъ измѣненіяхъ въ программѣ русскаго языка для начал. нар. шк."—особой коммиссіи.

При отдѣленіи работало 6 временныхъ коммиссій, а именно:

1) По устройству дѣтскаго праздника въ память К. Д. Ушинскаго.

2) По устройству Педагогическаго Музея по начальному образованію.

3) По разработкѣ вопросовъ, касающихся училищъ по положенію 1872 г.

4) По опредѣленію письменныхъ экзаменаціонныхъ требованій по русскому языку въ начальныхъ школахъ.

5) По пріему въ Москвѣ народныхъ учителей Курской губерніи.

6) По устройству дѣтскаго праздника въ память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго.

Отдѣленіе по вопросамъ семейнаго воспитанія (260 членовъ) имѣло 11 общихъ собраній, на которыхъ было сдѣлано 21 сообщеніе. При отдѣленіи дѣйствовали 4 постоянныя коммиссіи: по устройству дѣтскихъ собраній и экскурсій, по организаціи дѣтскаго чтенія, по вопросамъ нравственнаго и умственнаго воспитанія. Первая изъ этихъ коммиссій устроила 9 дѣтскихъ собраній и экскурсію за городъ. Коммиссія по организаціи дѣтскаго чтенія цензировала книги и продолжала организацію дѣтскаго отдѣла библіотеки педагогич. о-ва. Коммиссія по вопросамъ нравственнаго воспитанія выслушала и обсудила 9 сообщеній и подготовила къ изданію библіографическій указатель литературы по вопросамъ нравственнаго воспитанія.

Коммиссія по устройству образовательныхъ экскурсій устроила всего 56 экскурсій для учащихся, учащихъ и будущихъ руководителей экскурсіями.

Коммиссія по устройству чтеній для учащихся по характеру и результатамъ своей дѣятельности представляетъ большой интересъ. Съ 1 фев-

раля 1901 г. по 1 февраля 1902 г. Коммиссіей были организованы слѣдующія 9 чтеній (каждое изъ двухъ отдѣленій):

1) *А. А. Кизеветтеръ*: „Первый русскій общедоступный театръ въ Россіи“.

В. М. Лопатинъ: Изъ стихотвореній гр. А. Толстого.

2) *А. В. Цингеръ*: „Высокіе слои атмосферы“.

Л. П. Бѣльскій: Изъ повѣсти Достоевскаго: „Село Степанчиково и его обитатели“.

3) *К. Э. Линдеманъ*: „Прогрессъ и застой въ животномъ царствѣ“.

Я. А. Поляковъ: „Конецъ Чертопханова“.

4) *Я. А. Барковъ*: „Растенія скалъ и песковъ“.

Л. П. Бѣльскій: „Мальчики“ А. Чехова.

5) *А. Е. Грузинскій*: „М. И. Глинка“; музыкальныя произведенія Глинки были исполнены извѣстными пѣвцами и піанистами.

6) *А. П. Павловъ*: Землетрясенія.

7) *В. К. Церасскій*: Современные способы изученія звѣздъ.

Л. П. Бѣльскій: Изъ соч. Ч. Диккенса. „Записки Пикквикскаго клуба.

8) *С. П. Моравскій*: Гуманисты и обскуранты въ Германіи XVI вѣка.

Я. А. Поляковъ: Изъ „Пѣсни о Роландѣ“.

9) *Н. И. Романовъ*: „Рембрандтъ“; нѣкоторыя музыкальныя произведенія Чайковскаго были исполнены квартетомъ извѣстныхъ артистовъ.

Издательская дѣятельность коммиссіи выразилась въ изданіи слѣдующихъ чтеній:

1. *Ѳ. Ѳ. Нелидовъ*: „А. Н. Островскій и его дореформенные типы“. Цѣна 20 коп.
2. *Н. И. Романовъ*: „Донателло“ (изъ исторіи итальянскаго искусства XV в.). Цѣна 20 коп.
3. *А. А. Кизеветтеръ*: „Первый общедоступный театръ въ Россіи“. Цѣна 20 коп.
4. *С. П. Моравскій*: „Людовикъ IX Святой“. Цѣна 20 коп.
5. *П. Г. Виноградовъ*. „Наканунѣ новаго столѣтія“. Цѣна 20 коп.
6. *Л. П. Бѣльскій*: „И. С. Никитинъ“. Цѣна 15 коп.
7. *К. Э. Линдеманъ*: „О зависимости животнаго міра отъ человѣка“.
8. *Его же*: „О красотѣ въ царствѣ животныхъ“.
9. *А. Н. Реформатскій*: „Химія и жизнь природы“.
10. *Г. А. Кожевниковъ*: „Перелетныя птицы“.
11. *И. А. Каблуковъ*: „Какъ узнали составъ солнца“.

Печатаются слѣдующія чтенія:

1. *В. Д. Соколовъ*: „Пустыня“.
2. *Я. Л. Барсковъ*: „Россія въ 1801 году“.

Ко всѣмъ этимъ чтеніямъ имѣются діапозитивы иллюстрацій ихъ (адреса фирмъ, изготовляющихъ картины, указаны въ брошюрахъ), такъ что провинціальныя просвѣтительныя общества могли бы съ успѣхомъ повторить московскія чтенія для учащихся по готовымъ текстамъ и съ готовыми уже картинами. Чтенія пользовались большимъ успѣхомъ; въ среднемъ было 680 посѣтителей на каждое чтенье.

За недостаткомъ мѣста мы не можемъ дать свѣдѣній еще о многихъ сторанахъ дѣятельности Московскаго педагогическаго общества. Въ заключе-

ніе настоящей замѣтки упомянемъ лишь о томъ что на 1 февраля 1902 г. въ обществахъ числилось 1.122 дѣйствительныхъ членовъ и 334 члена—сотрудника. Приходъ общества равнялся 8.505 руб. 27 коп.

Слѣдуетъ также отмѣтить организацію обществомъ публичныхъ лекцій по разнымъ отдѣламъ знанія.

В. М. Михайловскій прочелъ лекцію „Изученіе души ребенка" (въ пользу отдѣленій семейнаго воспитанія и по начальнымъ училищамъ); *проф. В. П. Амалицкій*: „Объ ископаемыхъ ящерахъ, найденныхъ на сѣверѣ Россіи"; *проф. П. Г. Виноградовъ*: „Борьба за школу на Скандинавскомъ сѣверѣ": *проф. А. А. Эйхенвальдъ*: „О вольтовой дугѣ", и *проф. И. Ф. Огневъ*: „О современномъ состояніи ученія о строеніи нервной системы". Въ весеннемъ полугодіи сдѣланъ былъ опытъ небольшого курса изъ нѣсколькихъ лекцій: были прочитаны 6 лекцій *прив.-доц. С. Г. Крапивинымъ*: „Основные законы химіи".

Лекціи г. Крапивина имѣли огромный успѣхъ у московской публики. Въ виду удавшагося опыта, Педагогическое О-во рѣшило и въ будущемъ устраивать публичныя лекціи по разнымъ отраслямъ научнаго знанія.

К. Л—нъ.

Ходатайства въ дѣятельности Попечительствъ о народной трезвости за 1901 г.

Недавно вышло въ свѣтъ офиціальное изданіе,—сводная работа Статистическаго Отдѣленія Главнаго Управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей:

„*Попечительство о народной трезвости въ 1901 г.*"

Вопроса о ходатайствахъ, возникающихъ на пути дѣятельности Попечительствъ, эти офиціальныя изданія (ежегодно печатаемыя), какъ извѣстно, вовсе не затрагиваютъ,—а между тѣмъ вопросъ этотъ не лишенъ и спеціальнаго и общаго интереса.

Дореформенный кабакъ—такъ разсуждали при введеніи казенной винной монополіи и одновременно параллельно съ нею Попечительствъ—производилъ на народныя массы, очевидно, пагубное, вредное вліяніе: коренная русская рабочая и хозяйственная сила спаивалась безпрятственно и систематически и въ результатѣ деморализовалась духовно и физически, а вмѣстѣ съ тѣмъ подтачивалось въ основаніи и ея экономическое благосостояніе.

Само собою разумѣется, какъ этой деморализаціи, такъ и „оскудѣнію" винной былъ не одинъ исключительно кабакъ; но правы были и тѣ, кто остановилъ свое и общественное вниманіе „на мѣропріятіяхъ, спеціально и непосредственно направленныхъ противъ злоупотребленія спиртными напитками".

Попечительства о народной трезвости явились офиціальными проводниками этихъ мѣропріятій, и—должно признаться—горизонты, для нихъ открывшіеся, не безъ основанія кое-кому могли показаться широкими и заманчивыми.

Ничего особеннаго не было еще, конечно, въ томъ, что, упорядочивая продажу крѣпкихъ напитковъ, стали усиленно поощрять открытіе чайныхъ,—но, когда

офиціально принялись поощрять вещи, дотолѣ бывшія въ загонѣ или даже подъ сильнымъ подозрѣніемъ—когда народу начали совать въ руку хорошую книжку или зазывать его въ столь давно желанное учрежденіе, какъ „народный клубъ",—то это уже было чѣмъ-то новымъ и интереснымъ.

Казалось далѣе, что дѣлу попеченія хотѣли придать широкіе размѣры... Вполнѣ естественно поэтому—при новизнѣ такой и при такихъ горизонтахъ—дѣятели на первыхъ же порахъ встрѣтились съ массою нуждъ, вопросовъ и недоразумѣній: ихъ нужно было, не откладывая, удовлетворять, рѣшать и разъяснять,—и вотъ такимъ-то, вполнѣ понятнымъ, путемъ возникла первая группа ходатайствъ. „Значительная часть" ихъ—читаемъ въ отчетѣ, напр., Ковенскаго Попечительства—сводилась на „Запросы по разъясненіямъ руководящаго характера".

Столь же естественно возбуждались и остальныя категоріи ходатайствъ.

Отвлекаясь на минуту отъ болѣе или менѣе подробнаго анализа всѣхъ ихъ, сдѣлаемъ одно общее предварительное замѣчаніе.

Цѣлый рядъ Отчетовъ *) пестритъ ссылками на „недостатокъ" или „отсутствіе" денежныхъ средствъ, какъ на „главный" мотивъ, по которому ходатайства отклонялись или откладывались. Характерны при этомъ отвѣты, на ходатайства слѣдовавшіе, вродѣ того, какой данъ былъ однимъ изъ Губернскихъ Комитетовъ на просьбу объ отводѣ участка казенной земли для постройки на немъ зданія чайной: въ просьбѣ было отказано только потому, что на предшествованія аналогичныя ходатайства высшая власть (въ данномъ случаѣ министерство земледѣлія и Государственныхъ имуществъ, коему земля принадлежала), постоянно отвѣчала отказомъ.

Отсюда уже можно заключать многое и прежде всего то, что, по всему вѣроятію, подобная завѣдомая скудость денежныхъ средствъ, въ соединеніи съ завѣдомо, напередъ извѣстнымъ, характеромъ отвѣта на просьбу, мѣшала массѣ нуждъ не только быть удовлетворяемою, но и вступить въ самую фазу ходатайствованія о нихъ. По слабой надеждѣ на счастливый исходъ просьбы или вслѣдствіе прочной увѣренности, что ея не удовлетворятъ, многіе и просить не рѣшались...

Другими словами, даже при прочихъ благопріятныхъ условіяхъ, истинную дѣйствительность и наличность народныхъ и попечительскихъ нуждъ, ходатайствами раскрываемыхъ, съ помощью отчетныхъ данныхъ трудно констатировать.

Къ этому слѣдуетъ присоединить также неудовлетворительную постановку дѣла разработки въ Попечительскихъ отчетахъ вопроса о ходатайствахъ, самыми отчетами уже затрагиваемыхъ.

Видимо, главное управленіе Неокл. Сборовъ и Каз. Прод. Питей, откуда исходятъ руководительствующія Попечительствами нити, не такъ строго обязываетъ ихъ отчетностью по занимающему насъ вопросу, какъ по другимъ.

Въ другомъ мѣстѣ и по другому поводу **) мы указали, что даже и по

---

*) Кстати: Отчеты Попечительствъ въ большинствѣ случаевъ издаются въ печатномъ видѣ, при чемъ эта лишь часть и оказывается наиболѣе интересной, такъ какъ къ числу рукописныхъ (слѣд., публикѣ недоступныхъ) относятся (пока) по преимуществу, вѣроятно, Отчеты о тѣхъ губерніяхъ, гдѣ монополія и попечительства только что вводятся, а слѣд., послѣднія и не проявляютъ особой дѣятельности (они только организуются).

**) Въ замѣткѣ: „Библіотеки-читальни Попечительствъ о Нар. Трезвости въ 1902 г."—„Рус. Шк." 1903. (X—XI).

этимъ „другимъ“, болѣе важнымъ на взглядъ Главнаго Управленія, вопросамъ отчетныя данныя представляются Попечительствами въ такомъ видѣ, который разработку матеріаловъ отчетныхъ крайне осложняетъ и затрудняетъ. Относительно же ходатайствъ приходится оттѣнить то же самое, но оттѣнить еще рѣзче.

Лишь въ 53 отчетахъ прежде всего мы находимъ данныя, болѣе или менѣе опредѣленныя.

Къ сожалѣнію, однако и эти данныя лишь въ ничтожной долѣ опредѣленны въ такой мѣрѣ, которая допускаетъ ихъ точную сводку, анализъ и классификацію.

По всѣмъ другимъ отраслямъ и родамъ Попечительской дѣятельности мы располагаемъ не только текстомъ, но и цыфровыми „вѣдомостями“; здѣсь же, по вопросу о ходатайствахъ, мы лишь въ одномъ отчетѣ Бессарабскаго Попечительства встрѣчаемъ болѣе или менѣе сносную таблицу *).

Чаще всего Отчеты ограничиваются выноскою на цѣлыхъ страницахъ перечня ходатайствъ неудовлетворенныхъ,—и затѣмъ идетъ полнѣйшая разноголосица въ пріемахъ изложенія и расположенія матеріала: то дается общій перечень ходатайствъ всѣхъ категорій, то какой-либо одной; кто сопоставляетъ ходатайства уваженныя съ отвергнутыми, кто общее число ихъ съ числомъ или уваженныхъ или отвергнутыхъ, причемъ всякія другія категоріи обходятся молчаніемъ.

Все это также въ нѣкоторой мѣрѣ обезцѣниваетъ ходатайства, какъ темы. И тѣмъ не менѣе тема эта заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ потому, что до сихъ поръ она еще не получила литературнаго освѣщенія, такъ и потому, что при условіи кропотливыхъ раскопокъ, при тщательномъ перечитываніи отчетовъ Попечительства со страницы на страницу, все-таки представляется возможность извлечь изъ нихъ нѣкоторую положительную связную картину положенія вещей.

I.

Личный составъ дѣятелей по Попечительствамъ.

Меньше всего интереса представляютъ всѣ тѣ ходатайства, которыя мы объединили подъ этимъ заголовкомъ. Но здѣсь любопытно отмѣтить кое-что.

Изъ общаго числа разсмотрѣнныхъ нами 474 ходатайствъ, о которыхъ представлены болѣе или менѣе опредѣленныя данныя въ попечительскихъ отчетахъ (болѣе, чѣмъ въ полусотнѣ ихъ), ходатайства сейчасъ интересующей насъ категоріи составляютъ около 11% (52 ходатайства).

Однако, судя по отчетамъ, эти именно ходатайства во многихъ мѣстахъ преобладали: какъ разъ первое мѣсто по числу отводится нерѣдко „просьбамъ объ утвержденіи разныхъ лицъ въ званіяхъ членовъ-соревнователей, участковыхъ попечителей и въ должностяхъ, касающихся завѣдыванія и устройства театральныхъ представленій, библіотекъ, народныхъ чтеній“ и пр.

Такъ, по Отчету Бессарабскаго Попечительства, изъ 56 ходатайствъ,

---

*) Ходатайства сгруппированы по *Комитетамъ*, возбудившимъ ходатайства и по *предметамъ*, которыхъ ходатайства касались, съ подраздѣленіемъ обѣихъ группъ на 5 рубрикъ: 1) общее число ходатайствъ, 2) ходатайствъ удовлетворенныхъ, 3) отклоненныхъ условно, 4) отклоненныхъ окончательно, 5) переданныхъ на разсмотрѣніе въ другія инстанціи.

здѣсь возбужденныхъ, 32 относилось къ рубрикѣ „утвержденія" въ разныхъ званіяхъ и должностяхъ (числа же по другимъ рубрикамъ—1, 2 3 и не выше 6).

Въ предѣлахъ Пермскаго Попечительства это явленіе еще рѣзче было выражено: на 96 ходатайствъ, возбужденныхъ уѣздными комитетами предъ губернскимъ, цѣлыхъ 68, т. е. 70%, приходилось на „утвержденіе". Можетъ быть, здѣсь нагляднѣе всего отражается тотъ „официальный характеръ", который, дѣйствительно,—по толкованію свыше—присущъ Попечительствамъ.

И если вспомнить, какъ часта волокита съ этими утвержденіями и какой ущербъ наноситъ она живому дѣлу Попеченія о нуждахъ народныхъ, то специфическія черты канцелярщины придадутъ интересъ данной категоріи ходатайствъ.

Обращаясь къ болѣе подробному анализу этой категоріи, мы въ частности узнаемъ, что изъ 52 ходатайствъ, сюда относящихся, большинство касалось утвержденія членовъ-соревнователей и пр., а также просьбъ о включеніи въ число членовъ комитета разныхъ должностныхъ лицъ, какъ то: городскихъ судей, предводителей дворянства, мѣщанскихъ и городскихъ старостъ, представителей изъ духовенства, земства и т. д. Причемъ изъ 20 просьбъ удовлетворены были лишь 10...

Примѣръ, когда члену-соревнователю было отказано въ утвержденіи только потому, что онъ еврей,—приводитъ насъ къ другой подгруппѣ ходатайствъ: объ исключеніи изъ числа членовъ.

Стоитъ особо отмѣтить здѣсь фактъ просьбы объ исключеніи одного лица на томъ основаніи, что лицо это (и то лишь „по отзыву нѣкоторыхъ") принадлежало къ сектѣ штундистовъ. Къ счастью, въ данномъ случаѣ дѣло кончилось болѣе, чѣмъ благополучно: подлежащія власти „разъяснили", кому слѣдовало, излишество въ ходатайствѣ, ибо если виновный находится подъ слѣдствіемъ за совращеніе, онъ и по закону теряетъ право на какое-либо „званіе", если же этого нѣтъ, то его могутъ и не избирать въ ближайшемъ будущемъ.

Однако, какъ видно изъ отчетовъ, усердіе не въ мѣру находитъ себѣ выходъ у „попечителей" и по многимъ другимъ направленіямъ: 11 ходатайствъ состоялось между прочимъ по вопросу о награжденіи орденомъ и вообще о поощреніи за попеченіе, за „безкорыстный" трудъ. Кое-кого увѣнчивали Владиміромъ или Станиславомъ, но случались и неудачи,—и отказывая, ясно давали понять, что съ ходатайствомъ черезъ-чуръ поторопились (отказы „по кратковременности занятій" и т. п.) Затѣмъ, идутъ ходатайства: объ увеличеніи штатовъ, о пониженіи членскихъ взносовъ для крестьянъ. И, наконецъ,—ходатайства объ организаціи особыхъ комитетовъ—въ виду отсутствія на мѣстѣ развлеченій, особленности фабричнаго центра, скопленія рабочаго люда...

На слѣдующей стр. мы приводимъ табличку, наглядно рисующую исходъ всѣхъ этихъ ходатайствъ. Изъ таблички видно, что безусловно удовлетворено было меньше половины (42%) ходатайствъ *).

*) Нами разработаны также данныя по вопросу о томъ, кому принадлежала по каждой категоріи ходатайствъ иниціатива въ ихъ возбужденіи и въ какой степени, но—ради краткости—эти данныя мы представимъ въ одной заключительной сводной таблицѣ.

	Ходатайство о:	Удовлетворено.	Отказано.	Отклонено.	Неизвѣстно (не было отвѣта).	Всего.
1.	Утвержденіи въ званіи и пр. . .	10	9	—	1	20
2.	Награжденіи за дѣятельность . .	3	5	1	2	11
3.	Учрежденіи особыхъ комитетовъ и пр.	4	1	1	4	10
4.	Исключеніи изъ званія и пр. . .	3	2	—	—	5
5.	Разныя	2	4	—	—	6
	Итого	22	21	2	7	52

II.

О закрытіи казенныхъ винныхъ лавокъ.

Что касается собственно самой дѣятельности Попечительствъ, то она сводится къ противодѣйствію злоупотребленію спиртными напитками всѣми подходящими способами.

Этихъ способовъ, разумѣется, много: на злоупотребляющаго можно воздѣйствовать духовно и физически; можно предупреждать злоупотребленіе и карать его; можно взывать къ совѣсти и къ разсудку, и можно пригнетать „волю къ вину“ силами швейцара, оберегающаго входъ въ трактиръ или помощью пары дворниковъ и участка; можно смотрѣть на пьянство, какъ на болѣзнь, и помѣщать человѣка въ лѣчебницу и можно дѣйствовать широкими мѣрами упорядоченія производства и продажи крѣпкихъ напитковъ съ цѣлью отвлечь отъ соблазна передъ водкой и пр.

Конечно, прекращеніе торговли виномъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ „злоупотребленіе“ пустило глубокіе корни и въ тѣ дни года, часы дня, когда соблазнъ дѣйствуетъ всего сильнѣе—это было бы средствомъ, наиболѣе непосредственно рѣшающимъ задачу.

Такъ и посмотрѣли на дѣло Попечительства: ходатайства о закрытіи казенныхъ винныхъ лавокъ и т. п. мѣръ по количеству (66) уступаютъ лишь ходатайствамъ объ открытіи чайныхъ (103). Разбираясь въ этой части ходатайствъ и особенно въ тѣхъ соображеніяхъ, которыми ходатайства мотивировались, мы безъ труда возсоздаемъ себѣ печальную обстановку обывательской жизни бокъ-о-бокъ съ винной лавкой и частными питейными заведеніями.

Близость этихъ послѣднихъ—жалуются и обыватели и попечители—останавливаютъ процедуру судебнаго разбирательства въ волостномъ судѣ и у земскаго начальника; сцены составленія общественныхъ приговоровъ на сходахъ, завершаемыхъ распитіемъ, давно уже сдѣлались „притчею во языцѣхъ“;

здѣсь—говорятъ—немыслимо устраивать народныя чтенія, потому что крикъ, пѣсня и ругань висятъ въ воздухѣ; тамъ ставятъ альтернативу закрытія или питейнаго или учебнаго заведенія (въ виду „вреднаго вліянія на гимназистовъ“ —какъ указывали, напр., обыватели одного большого города) и т. д. вплоть до набора рекрутовъ, для котораго винная лавка пришлась такимъ же бѣльмомъ на глазу...

А въ праздничное время? Въ дни базаровъ и ярмарокъ?..

Безобразія, сопровождающія уличное распитіе, еще чаще и сильнѣе. Въ концѣ концовъ, народная нравственность падаетъ, какъ и во дни былыхъ кабаковъ; матеріальная обезпеченность—тоже: изъ одного мѣста заявляютъ, что благодаря „заведеніямъ“ крестьяне оказываются несостоятельными въ уплатѣ государственныхъ повинностей; изъ другого—что они, въ качествѣ погорѣльцевъ, пропиваютъ только что полученную страховую премію!

И вотъ комитеты, поддерживаемые иногда иниціативою самихъ крестьянъ, просятъ закрыть казенную винную лавку, или частное заведеніе (трактиръ, пивную, корчму, жел.-дор. буфетъ), сократить время торговли напитками и пр.

Новгородскій комитетъ между прочимъ даже хлопоталъ передъ Министерствомъ финансовъ о переводѣ или закрытіи казенной винной лавки, помѣщающейся въ домѣ чайной-читальни... Чѣмъ же разрѣшались всѣ эти ходатайства, громадное большинство которыхъ (53 изъ 66) были возбуждаемы самими комитетами *),—которые, не забудемъ, являются учрежденіями „офиціальными“?

Прежде всего, по подсчету, нами произведенному, оказалось,—что безусловно удовлетворено было лишь 20% всѣхъ ходатайствъ (13 изъ 66), безусловно же отказано 50% (33 изъ 66); остальныя были отложены или остались безъ отвѣта, въ неизвѣстности.

Общее содержаніе мотивировокъ, сопровождавшихъ отвѣты на ходатайства, также подтверждаетъ явно-неблагосклонное къ нимъ отношеніе со стороны лицъ и учрежденій, отъ которыхъ судьба ходатайствъ зависѣла.

Когда нѣкоторые комитеты, напр., ставили, какъ „общій вопросъ“—о закрытіи казенныхъ винныхъ лавокъ вездѣ, гдѣ ихъ раньше не было, или гдѣ населеніе района не желало имѣть ихъ,—комитетамъ было разъясняемо, что они въ данномъ случаѣ „вошли въ разсмотрѣніе предмета, не подлежащаго ихъ компетенціи“...

Въ остальныхъ случаяхъ мотивировка отказовъ сообразно конкретнымъ условіямъ и обстоятельствамъ видоизмѣнялась, но и въ нихъ сквозило какъ бы то же самое въ конечномъ счетѣ неблагосклонное къ существу всѣхъ подобныхъ ходатайствъ отношеніе: то категорически отказывали въ проведеніи извѣстнаго мѣропріятія (напр., пріема посуды изъ подъ вина—во избѣжаніе уличнаго распитія—въ опредѣленномъ мѣстѣ и въ опредѣленное время); то ставили на видъ, что у Попечительствъ въ распоряженіи имѣются и другія—помимо закрытія или неоткрытія казенной винной лавки—средства къ достиженію намѣченныхъ цѣлей; то говорили, что съ ходатайствомъ опоздали (ибо разрѣшеніе на открытіе заведенія уже состоялось, или контрактъ съ владѣльцемъ помѣщенія (подъ лавку) уже заключенъ; то, напротивъ, что ходатайство „преждевременно“; то ссылались на существующіе законы (торговля виномъ

*) 41 ходатайство—уѣздными (или городскими и др.) комитетами—передъ губернскими и 12 ходатайствъ—губернскими (или особыми) передъ высшими властями.

изъ нѣкоторыхъ шинковъ не подчинена общимъ правиламъ, до питейной торговли относящимся, и слѣд., не можетъ быть—по закону—прекращена или сокращена); то просто отказъ мотивировали—опасеніемъ усиленнаго развитія „тайной“ торговли или еще „болѣе неумѣреннаго“ потребленія водки...

Послѣ всего вышеизложеннаго понятны будутъ слѣдующія цыфровыя данныя:

	Ходатайство о:	Удовлетворено.	Отказано.	Отклонено.	Неизвѣстно.	Всего.
1	Закрытіи казен. (и частн.) вин. лавокъ	2	8	2	13	25
2	Сокращеніи времени торговли (или упорядоченіи)	6	7	—	1	14
3	Переводъ въ другой пунктъ . . .	2	7	—	1	10
4	Неоткрытіи (или непереводѣ) въ данномъ пунктѣ . . .	2	7	—	—	9
5	Воспрещеніи уличнаго распитія и пр. . . .	1	3	—	1	5
6	Разное: воспрещ. частн. содержателямъ торговли и пр. .	—	1	—	2	3
	Итого	13	33	2	18	66

III.

Чайныя (столовыя, ч.-столовыя, ч.-читальни).

„Пропустить“ двѣ-три рюмки и, „заморивши червяка“, напиться „до зеленаго змія“ нерѣдко заставляетъ человѣка, въ особенности рабочаго или „босяка“—прямая нужда: холодъ, голодъ, усталость и всевозможныя житейскія невзгоды. Слѣдовательно, обогрѣть и накормить во-время, предоставить возможность за стаканомъ чая, а—гдѣ есть—за граммофономъ, билліардомъ и газетнымъ листкомъ, отдохнуть и развлечься, обдѣлать дѣльце и поговорить съ другомъ, да, наконецъ, просто въ теплѣ и на людяхъ посидѣть,—все это столь же нерѣдко значитъ спасти человѣка отъ злоупотребленія спиртными напитками со всѣми его послѣдствіями.

Таковы, въ общемъ, соображенія, руководившія ходатаями за открытіе чайныхъ—наряду или взамѣнъ казенныхъ винныхъ лавокъ (постройку подъ чайныя зданія, покупку земельныхъ участковъ и пр.). Уже одинъ тотъ фактъ, что изъ 474 ходатайствъ цѣлыхъ 103 относилось къ чайнымъ, указываетъ,—какое важное значеніе чайнымъ придавали; но изъ тѣхъ же отчетныхъ данныхъ можно заключить, что это значеніе преувеличивалось и часто не соотвѣтствовало истиннымъ запросамъ дѣйствительности. Оказывается, чайныя устраивались „спустя рукава“ и на „авось“,—тамъ, напр., гдѣ на нихъ вовсе не

было спроса; другія, забывая всякую идею „попеченія“, вырождались въ простыя коммерческія предпріятія. Можно, словомъ, догадываться, что и въ это дѣло внесена была не малая доза чисто чиновничьяго отношенія: лишь бы отписаться, только бы выслужиться...

Отказы по ходатайствамъ въ подобныхъ случаяхъ—„безжизненности“ чайныхъ—конечно, можно лишь привѣтствовать. Однако этотъ „родъ дѣятельности“ тормозился въ своемъ развитіи и по многимъ другимъ причинамъ,—и прежде всего опять таки по недостатку или отсутствію средствъ на организацію или поддержку чайныхъ. Привѣтствовать это нѣтъ основанія; но сожалѣнія достойны всѣ тѣ случаи, когда упорядоченію чайнаго дѣла мѣшали по соображеніямъ, мало выдерживающимъ критику. Таковъ случай неразрѣшенія выписки въ чайную мѣстныхъ газетъ нѣкоторыми представителями власти (духовной): вѣдь въ этихъ „органахъ“, какъ и въ стаканѣ воды, бури немыслимо развести, а польза чтенія ихъ массою несомнѣнна,—особенно въ такія времена, какъ текущія событія на Дальнемъ Востокѣ или другія критическія эпохи въ національной исторіи, когда столь нужно сознательное отношеніе всей націи къ событіямъ и къ эпохамъ.

Подраздѣляя ходатайства разсматриваемой категоріи на три группы: о чайныхъ (77), о чайно-читальняхъ (16) и о чайно-столовыхъ (10), мы видимъ слѣд.:

Въ общемъ по чайнымъ и ч.-столовымъ:

	Ходатайство о:	Удовлетворено	Отказано.	Отклонено.	Неизвѣстно.	Всего.
1	Ассигн. (разрѣш.) на постр. (покупку) дома	3	7	—	2	12
2	Ассигн. (разрѣш.) на открытіе (устр.)	10	23	1	3	37
3	Ассигн. на содержаніе	1	9	—	1	11
4	Платѣ за помѣщеніе, покупкѣ земли	3	4	—	—	7
5	Инвентарѣ, ремонтѣ.	4	6	1	—	11
6	Разное (увелич. штатовъ и т. под.).	4	2	1	2	9
	Итого	25	51	3	8	87

Такимъ образомъ, видно, между прочимъ, что и въ дѣлѣ съ чайными, какъ и съ закрытіемъ казенныхъ винныхъ лавокъ, число ходатайствъ, безусловно отвергнутыхъ, много превышало число безусловно удовлетворенныхъ; разницу можно, повидимому, усматривать здѣсь лишь въ томъ, что подобный

По чайно-читальнямъ:

	Ходатайство о:	Удовлетворено.	Отказано.	Отклонено.	Неизвѣстно.	Всего.
1	Ассигн. на постр. (пок.) дома, мѣста	4	1	—	—	5
2	Открытіи	1	—	—	1	2
3	Содержаніи, инвентарѣ, помѣщеніи	6	2	—	—	8
4	Разное (выписки газетъ) . . .	—	1	—	—	1
	Итого	11	4	—	1	16
	Всего: 1) по чайнымъ и ч.-читальнямъ, 2) по ч.-читальнямъ .	36	55	3	9	103

исходъ ходатайствъ въ послѣднемъ случаѣ способенъ скорѣе найти себѣ обоснованіе и оправданіе въ жизни и въ теоретическихъ соображеніяхъ. Въ частности и превышеніе удовлетворенныхъ ходатайствъ по чайно-*читальнямъ* сравнительно съ отвергнутыми подтверждаетъ только-что сказанное, такъ какъ *эти* учрежденія, несомнѣнно, и симпатичнѣе и нужнѣе.

IV.

Увеселенія.

Организація здоровыхъ развлеченій, какъ одна изъ мѣръ—наряду съ упорядоченіемъ торговли виномъ и устройствомъ чайныхъ—напрашивается, такъ сказать, само собой. Какъ особая, самостоятельная форма отрезвляющей дѣятельности попечительствъ, увеселительный элементъ въ зародышевомъ видѣ уже находится на лицо въ стѣнахъ всякой благоустроенной чайной. Даже изъ былыхъ кабаковъ „навеселѣ“ выходили не только подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, но и потому, что разговоромъ душу тамъ отвели, просматривали юмористическій журнальчикъ и послушали „машину“; съ устройствомъ же казенныхъ винныхъ лавокъ, гдѣ распитія не полагается, чайныя во многихъ случаяхъ должны были замѣнить кабаки и взять на себя задачу не только поить или кормить, но и увеселять. По силѣ возможности чайныя и увеселяли; однако, впослѣдствіи должна была произойти нѣкоторая дифференціація: изъ подсобныхъ, побочныхъ аксессуаровъ чайной увеселительныя отдѣленія организовались въ-самостоятельныя предпріятія—случайно выписываемыя газеты организовались въ читальни, появились особые организаторы народныхъ хоровъ, оркестровъ, народныхъ гуляній (съ танцами и пр.).

Какъ видно, къ 1901 г. этотъ родъ дѣятельности только еще налаживался: изъ 474 ходатайствъ спеціально его касалось всего 21: по: 1) театральнымъ представленіямъ возбуждено было 11 ходатайствъ, по 2) гуляньямъ—5, по 3) хорамъ и оркестрамъ—3 и по 4) остальнымъ (лоттерея-аллегри и т. п.)—2.

Отказываемо было въ ходатайствѣ чаще всего по недостатку средствъ, по недостаточной увѣренности въ необходимости просимаго и пр.

Въ частности же имѣемъ слѣд.:

	Ходатайство о:	Удовлетворено.	Отказано.	Отклонено.	Неизвѣстно.	Всего.
1	Театрѣ (о безплатн. пользованіи чайными, ассигн. на постр. зданій и пр.)	7	4	—	—	11
2	Увеселеніи (о разрѣш. вечерн. собраній въ чайныхъ, объ устр. нар. гуляній и пр.)	4	1	—	—	5
3	Хорѣ и оркестрѣ (о субсидіи на нихъ организацію, на покупку инструментовъ)	3	—	—	—	3
4	Разное	—	2	—	—	2
	Итого	14	7	—	—	21

V.

Народныя чтенія.

Покойный Верещагинъ—по воспоминаніямъ г. Сизова*) — справедливо указывалъ, что „единственнымъ шагомъ къ смягченію дикаго пьянства, разгула и сопряженныхъ съ ними преступленій можетъ быть только „книжка“— другого средства не найдутъ“.

Повидимому, и попечительства придерживаются такого же взгляда, потому что ходатайствамъ, касающимся книжки (напр., чтенія, библіотеки-читальни и др.) посвящалось больше вниманія, чѣмъ увеселеніямъ и даже пресловутымъ „народнымъ“ домамъ (на 49 ходатайствъ по послѣднимъ приходится: 56 ходатайствъ по нар. чтеніямъ и 55—по библіотекамъ-читальнямъ).

Однако, анализъ разсматриваемой въ этой главѣ категоріи ходатайствъ наводитъ и на нѣкоторыя особыя размышленія.

Въ общемъ можно было бы, напр., считать, что повсюду самое главное для народныхъ чтеній—лекторы и помѣщенія—обезпечены: съ одной стороны, всѣ эти члены соревнователи и т. п., а съ другой—чайныя, народные дома и т. д. А между тѣмъ, на практикѣ оказывается, что для лекторовъ необходимо утвержденіе, на помѣщеніе—разрѣшеніе. То и дѣло, читаемъ, ходатайство допустить къ чтеніямъ лицъ, самимъ комитетомъ избранныхъ, или раз-

*) „Рус. Вѣд.“—1904 г. № 129.

рѣшить чтенія въ чайной попечительства!... Но даже и въ самыхъ ходатайствахъ отказывали.

Легко предвидѣть, во сколько разъ сильнѣе тормозилось дѣло народныхъ чтеній, когда къ нему привлекались лица и зданія „посторонnія" — учителя и духовенство, училища и волостныя правленія.

Бывали даже случаи, когда начальство не разрѣшало подчиненному духовенству принимать участіе въ качествѣ лекторовъ только потому, что въ чайныхъ (аудиторіяхъ) даются театральныя представленія".

Приходилось ходатайствовать о разрѣшеніи устраивать чтенія для эстовъ и латышей на ихъ родномъ языкѣ, потому что чтенія на русскомъ пустовали; объ отмѣнѣ (Выс. утв. 24 дек. 1876 г.) правилъ, запрещающихъ чтенія на фабрикахъ, хотя управленіе фабрики (о которой шла рѣчь) постоянно обращалось къ попечительству съ просьбами объ организаціи чтеній, для коихъ фабрика уступила и помѣщеніе...

Несмотря на всѣ эти помѣхи, чтенія устраивались; мало того, они совершенствовались: простыя чтенія преобразовывались въ „научно-популярные курсы"; темы для нихъ подбирались въ смыслѣ подбора полныхъ коллекцій какъ ихъ самихъ, такъ и картинъ къ нимъ.

Изъ таблицъ, ниже приводимыхъ, видно также, что въ отличіе отъ судьбы ходатайствъ по закрытію каз. винныхъ лавокъ и открытію чайныхъ, здѣсь (въ примѣненіи и къ чтеніямъ и къ библіотекамъ) число ходатайствъ безусловно удовлетворенныхъ превышало число безусловно отвергнутыхъ. Отказы при этомъ мотивировались или недостаткомъ средствъ, или за высотою смѣты, или по отсутствію достаточныхъ основаній (для принудительнаго, напр., отчужденія городской земли подъ аудиторію).

Судьба ходатайствъ видна изъ таблицы:

	Ходатайство о:	Удовлетворено.	Отказано.	Отклонено.	Неизвѣстно.	Всего.
1	Пособіи на организацію (поддержку) нар. чтеній	18	9	2	1	30
2	О разрѣшеніи нар. чтеній	4	8	1	3	16
3	Пособіи на постройку аудиторій	5	2	—	—	7
4	Разное	—	2	1	—	3
	Итого	27	21	4	4	56

VI.

Библіотеки-читальни.

Подъ эту категорію ходатайствъ, мы—кромѣ 45 ходатайствъ, состоявшихся собственно по библіотекамъ—отнесемъ еще: 1) 6 ходатайствъ относи-

тельно продажи книгъ изъ казенныхъ винныхъ лавокъ, 2) 2 ходатайства объ открытіи книжныхъ складовъ и 3) 2 ходатайства объ открытіи воскресно-вечернихъ классовъ для взрослыхъ.

Если народныя чтенія помогаютъ распространяться книжкѣ въ средѣ безграмотныхъ, то народныя библіотеки дѣлаютъ ее доступной для грамотныхъ. Развитая народными чтеніями жажда непосредственнаго познаванія вызываетъ желаніе поучиться грамотѣ и ведетъ къ школѣ; любовь же и уваженіе къ книжкѣ зарождаетъ потребность пріобрѣсти книжку въ собственность и удовлетворенію этой потребности служитъ организація книготорговли.

Все это вполнѣ естественно и понятно.

Въ общемъ, ходатайства, возникавшія на этой почвѣ, приводились къ удовлетворительному концу,—хотя и здѣсь не обходилось безъ препятствій и недоразумѣній: тамъ мѣшало отсутствіе книгъ на татарскомъ языкѣ, здѣсь стѣснительныя законоположенія, касающіяся каталога книгъ, дозволенныхъ къ обращенію въ библіотекахъ-читальняхъ и т. п. На одну просьбу о книжномъ складѣ отвѣтили разрѣшеніемъ именнымъ, что оказалось неудобнымъ, такъ какъ при всякой отлучкѣ завѣдующаго складомъ послѣдній долженъ былъ закрываться до избранія замѣстителя; а по ходатайствамъ о продажѣ книгъ изъ винныхъ лавокъ разъясняли, что это было бы обременительнымъ для сидѣльца лавки, что цѣлесообразнѣе устроить продажу при чайныхъ.

Въ концѣ концовъ:

	Ходатайство о:	Удовлетворено.	Отказано.	Отклонено.	Неизвѣстно.	Всего.
1	Библіотекахъ-читальняхъ	20	15	3	7	45
2	Продажѣ книгъ изъ каз. вин. лавокъ	3	2	—	1	6
3	Книжныхъ складахъ	2	—	—	—	2
4	Воскр.-вечерн. классахъ	—	2	—	—	2
	Итого	25	19	3	8	55

VII.

Народные дома.

По скольку „народный домъ“ является сложнымъ предпріятіемъ, комбинирующимъ въ своемъ составѣ предпріятія, выше описанныя, онъ не заключаетъ чего-либо особенно новаго съ той точки зрѣнія, съ которой мы разсматриваемъ здѣсь нашу тему. Однообразно повторяются просьбы о разрѣшеніи открыть домъ, о субсидіи на его постройку или о разрѣшеніи займа,

частной подписки въ этихъ послѣднихъ цѣляхъ и съ такимъ же однообразіемъ на ходатайства отвѣчаютъ—ссылкой на недостатокъ средствъ...

Ограничимся поэтому цыфровыми данными.

	Ходатайство о:	Удовлетворено.	Отказано.	Отклонено.	Неизвѣстно.	Всего.
1	Ассигн. на постр. дома, разрѣш. займа, учрежд. плановъ и смѣтъ	9	13	8	6	36
2	Пособіи частн. обществамъ и лицамъ	—	6	2	1	9
3	Отчужденіи земли	—	2	1	—	3
4	Учрежд. программы дѣятельности	1	—	—	—	1
	Итого	10	21	11	7	49

VIII.

Разное.

Обращаясь къ остальнымъ ходатайствамъ, трудно поддающимся объединенію и классификаціи, условно раздѣлимъ ихъ па три группы: 1) 5 ходатайствъ по предмету денежной отчетности, 2) 18 ходатайствъ по вопросамъ общаго характера и 3) 49—по предметамъ спеціальнымъ.

Что касается первой группы, то сюда относятся по преимуществу просьбы объ облегченіи разнообразныхъ, свыше установленныхъ, правилъ, формъ и обычаевъ. Многихъ лицъ, въ особенности безвозмездно несущихъ бремя попечительства, стѣсняетъ, напр., еженедѣльная сдача денегъ въ казначейство: За дальностью теряется масса времени и денегъ—и вотъ ходатайствуютъ объ облегченіи этихъ правилъ, и вообще правилъ отчетности, правила храненія и расходованія ассигновокъ и денежныхъ суммъ. Стѣсняетъ бухгалтерія, съ которой дѣятели часто не знакомы спеціально; мѣшаетъ дѣлу отказъ со стороны казначейства въ пріемѣ потертой монеты и т. д.

Къ ходатайствамъ „общаго характера относятъ прежде всего просьбы объ ассигновкѣ „на развитіе дѣятельности“ вообще, на „поддержаніе предпріятій“, на „покрытіе перерасходовъ“ и мн. др.

Наконецъ, изъ пестрой смѣси ходатайствъ частныхъ, спеціальныхъ—обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія. Какъ правило, попечительства съ особымъ рвеніемъ культивируютъ вышеуказанныя предпріятія: чайныя, библіотеки, „дома“ и пр. А между тѣмъ реальная будничная практика жизни показала необходимость и многихъ иныхъ формъ попечительной дѣятельности, требуется спеціальное лѣченіе алкоголика—и возникаетъ мысль просить: о пособіи на содержаніе въ земской больницѣ койки для него; здѣсь—въ виду скопленія рабочаго люда—просятъ о пособіи на устройство ночлежнаго пріюта, тамъ

объ отпускѣ безплатномъ лѣса на бани; въ одномъ мѣстѣ желали бы усилить обращеніе среди народа чая, сахара и кофе помощью разрѣшенія продавать ихъ въ чайныхъ; въ другомъ—черезъ пониженіе цѣнъ на эти продукты.

Къ сожалѣнію, не всѣ подобныя ходатайства удовлетворялись. Оказывалось, что отпуску лѣса на бани мѣшало „отсутствіе законныхъ основаній", что поддержка „дѣтскихъ пріютовъ" (сельскихъ)—„не соотвѣтствуетъ цѣлямъ попечительствъ", что продавать чай, сахаръ въ чайныхъ—„неудобно", а хлопотать о пониженіи цѣнъ на сахаръ также „не соотвѣтствуетъ цѣлямъ попечительствъ"...

Извѣстно далѣе, какіе убытки понесли сельскія общества отъ введенія монополіи: нерѣдко комитеты, ратуя за интересы сельчанъ, ходатайствовали о возмѣщеніи убытковъ; но комитетамъ разъяснили, что подобные вопросы уже совсѣмъ „не подлежатъ ихъ обсужденію"...

Выше упоминалось о хлопотахъ по разрѣшенію вести, напр., чтенія на мѣстныхъ языкахъ. Изъ группы ходатайствъ, близко касающихся самихъ попечительствъ (о снабженіи комитетовъ законоположеніями и пр.), невольно приходятъ на память просьбы о разрѣшеніи, напр., перевода устава и инструкцій для попечительствъ на латышскій языкъ.

Казалось бы, и настоятельность въ удовлетвореніи подобныхъ нуждъ очевидна, и опасности никакой,—но при всемъ томъ въ просьбѣ было отказано: было рекомендовано знакомиться попечителямъ всѣхъ званій и должностей съ законоположеніями „съ помощью прессы".

Зато благополучно проходило ходатайство о привлеченіи учрежденій попечительствъ къ посредничеству по продажѣ сберегательныхъ марокъ...

Приводимъ таблицу, хотя бы и блѣдно отражающую судьбу всей этой пестрой массы ходатайствъ.

	Ходатайства:	Удовлетворено.	Отказано.	Отклонено.	Неизвѣстно.	Всего.
1	О денежной отчетности	1	2	–	2	5
2	Общія	16	2	—	—	18
3	Спеціальныя	15	28	5	1	49
	Итого	32	32	5	3	72

Такимъ образомъ, сводя общіе итоги, получаемъ первую табл. на стр. 93.

Причемъ, изо всѣхъ этихъ ходатайствъ громадное большинство, а именно: 296 ход. (62%), было возбуждено уѣздными комитетами предъ губернскими. Вообще же, на второй таблицѣ (стр. 93) мы дѣлаемъ общую сводку разсмотрѣнныхъ данныхъ.

Въ дальнѣйшія подробности по темѣ замѣтки нашей мы не вдаемся. Составляя эту послѣднюю, мы старались только объ одномъ: въ возможно-

	Ходатайство о:	Удовлетворено.	Отказано.	Отклонено.	Неизвѣстно.	Всего.
I	Личномъ составѣ	22	21	2	7	52
II	О закрытіи каз. вин. лавокъ и пр.	13	33	2	18	66
III	О чайныхъ	36	55	3	9	103
IV	Объ увеселеніяхъ	14	7	—	—	21
V	О народныхъ чтеніяхъ	27	21	4	4	56
VI	О библіотекахъ-читальняхъ . .	25	19	3	8	55
VII	О народныхъ домахъ	10	21	11	7	49
VIII	Разныя	32	32	5	3	72
	Итого	179	209	30	56	474

Всего.	Возбуждены:	I Личн. сост.	II Закр. каз.вин. лав.	III Чайн.	IV Увесел.	V Нар. чтен.	VI Библ.-чит.	VII Нар. дома.	VIII Разн.
296	Уѣздн. Ком. передъ Губернск.	29	41	75	12	31	29	33	46
72	Разн. учрежд. передъ Уѣздн.ком.	—	3	14	6	14	14	6	15
67	Губ. Ком. передъ высш. властями.	21	12	5	—	4	5	9	11
17	Разн. лицами передъ Уѣздн.ком.	2	3	3	2	2	5	—	—
12	Уѣздн. ком. передъ разн. учр.	—	1	4	1	5	1	1	—
10	Сел. обществами передъ Уѣздн. ком.	—	6	2	—	—	2	—	—
474	Итого . . .	52	66	103	21	56	55	49	72

краткомъ видѣ и въ формѣ наиболѣе объективной дать представленіе о сущности и объ исходѣ ходатайствъ. Разработка цыфровыхъ данныхъ съ одной стороны, и—что касается текста—связное изложеніе всѣхъ тѣхъ отрывочныхъ данныхъ, какія только нашлись въ текстѣ отчетовъ попечительствъ по вопросу о содержаніи ходатайствъ, ихъ мотивировкѣ, а равно и характерѣ отвѣтовъ, на ходатайства послѣдовавшихъ (по возможности, съ точнымъ воспроизведеніемъ выраженій оригиналовъ),—только это выполнить и имѣли мы въ виду,—избѣгая какихъ-либо личныхъ толкованій и выводовъ.

К. Д—въ.

Открытіе лекцій и практическихъ занятій, организуемыхъ Педологическимъ Отдѣломъ имени К. Д. Ушинскаго.

Въ воскресенье, 3-го октября состоялся въ Педагогическомъ Музеѣ военно-учебнаго вѣдомства въ присутствіи Августѣйшаго Главнаго Начальника военно-учебныхъ заведеній, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича молебенъ по случаю открытія лекцій и практическихъ занятій, организуемыхъ Педологическимъ Отдѣломъ имени К. Д. Ушинскаго. На открытіи присутствовали г. попечитель учебнаго округа, ген. Анчутинъ, ген. Острогорскій, много гостей, принадлежащихъ къ педагогическому персоналу и просвѣтительнымъ обществамъ, члены Педологическаго Отдѣла и слушатели. Послѣ молебна предсѣдатель отдѣла, директоръ Педагогическаго Музея военно-учебнаго вѣдомства, генералъ Макаровъ, произнесъ вступительную рѣчь, въ которой отмѣтилъ причины особаго сочувствія Педагогическаго Музея Педологическому Отдѣлу. Причины эти: цѣли самого Музея и важность дѣла воспитанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ плохое современное его положеніе. До сихъ поръ большинство смотритъ на воспитаніе, какъ на искусство, которое безъ особаго ущерба можетъ обойтись безъ научныхъ данныхъ. Для выясненія этого вопроса интересно сопоставить медицину и дѣло воспитанія. Въ настоящее время всякій требуетъ отъ врача спеціальной, научной подготовки, тогда какъ воспитаніе, вопросъ болѣе тонкій и сложный, считается доступнымъ для лицъ, совершенно къ нему неподготовленныхъ. Цѣли врача—болѣе просты: вылѣчить паціента; цѣли же воспитанія—гораздо сложнѣй; а между тѣмъ лица, избирающія педагогическое поприще, обыкновенно не стараются даже выяснить цѣли воспитанія; иногда же, и сознавая ихъ, отступаютъ отъ нихъ или вслѣдствіе личныхъ разсчетовъ, или постороннихъ тенденцій. Улучшеніе въ медицинѣ способовъ лѣченія всегда обусловливалось новыми научными данными; въ воспитаніи же обыкновенно сообразуются не съ наукой, а личными взглядами; практическая медицина находится въ тѣсной связи съ наукой, тогда какъ практики-педагоги съ высокомѣріемъ смотрятъ на науку воспитанія.

Педагоги постоянно говорятъ о стѣсненіяхъ, о необходимости предоставить имъ большую самостоятельность. Это желаніе—безусловно справедливо, но при нѣкоторой оговоркѣ.

Медики пользуются при лѣченіи полной свободой, но они имѣютъ спеціальную подготовку; педагогомъ же практикомъ можетъ быть всякій, кто окончитъ курсъ извѣстныхъ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеній, куда обыкновенно поступаютъ вслѣдствіе кажущагося призванія или даже благодаря разнымъ житейскимъ условіямъ. Отъ нихъ не требуется никакихъ спеціальныхъ знаній—ни практическихъ, ни теоретическихъ.

Только тогда, когда педагоги будутъ съ опредѣленнымъ научнымъ и спе-

ціальнымъ образованіемъ, когда основы воспитанія будутъ разработаны научно, а не произвольными взглядами практиковъ, педагоги займутъ соотвѣтствующее ихъ высокому назначенію мѣсто; только тогда разрѣшится и трудный вопросъ объ установленіи единенія семьи и школы. Правда, на это сопоставленіе медицины и воспитанія могутъ возразить указаніемъ на меньшую разработанность и опредѣленность вопросовъ воспитанія. Это—совершенно вѣрно.

Но если бы врачи съ давнихъ поръ пользовались не провѣренными опытомъ средствами, могла ли бы медицина достигнуть того положенія, въ какомъ она находится въ настоящее время? Если бы педагоги-практики черпали данныя для воспитанія изъ науки, изучали бы опытъ прошлаго, если бы явились средства для устройства спеціальныхъ клиникъ и экспериментальныхъ школъ, если бы педагоги-практики и представители науки воспитанія имѣли между собой тѣсное единеніе, педагогическая наука сдѣлала бы большіе успѣхи и оказала дѣлу практическаго воспитанія серьезную помощь.

Всѣ эти положенія вовсе не обезцѣниваютъ значенія личныхъ качествъ воспитателя; одно близкое общеніе дѣтей съ хорошимъ человѣкомъ имѣетъ важное, благотворное значеніе, но высокіе результаты достижимы лишь при соединеніи таланта и научныхъ данныхъ. Послѣднія необходимы какъ для обыкновенныхъ педагоговъ, такъ и для даровитыхъ. Вотъ почему Музей, всегда стремившійся къ содѣйствію правильной постановки воспитанія, принимаетъ горячее участіе въ дѣятельности Педологическаго Отдѣла, цѣли котораго—изученіе человѣка, какъ предмета воспитанія. Въ дѣятельности Отдѣла можно будетъ, конечно, усмотрѣть недочеты, но онъ дѣлаетъ все, что въ его средствахъ, не смущаясь возможностью ошибокъ; онъ будетъ внимательно слѣдить за ходомъ дѣла, за его развитіемъ и вѣритъ, что достигнетъ посильнаго успѣха. Привѣтствуя, затѣмъ, слушателей, А. Н. Макаровъ выразилъ пожеланіе, чтобы они внесли въ будущую свою дѣятельность искреннюю и разумную любовь къ дѣлу и воспитанію поколѣнія.

Послѣ рѣчи г. предсѣдателя Отдѣла одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ его А. П. Нечаевъ изложилъ программу и характеръ предстоящей дѣятельности Педологическаго Отдѣла. Возникшій въ началѣ текущаго года П Отдѣлъ имени К. Д. Ушинскаго поставилъ своею цѣлью научное изслѣдованіе человѣка, какъ предмета воспитанія. Педагоги, врачи, психологи, гигіенисты, физіологи и антропологи соединились для общаго дѣла. Въ обсужденіи общаго плана предстоящей работы Отдѣла, кромѣ членовъ конференціи Педагогическихъ курсовъ при Пед. Музеѣ военно-учебнаго вѣдомства и совѣта коммиссіи имени К. Д. Ушинскаго при Педагогическомъ Обществѣ Взаимопомощи, принимали участіе: проф. Блуменау, ак. Бехтеревъ, генер. Будаевскій, проф. Вартановъ, д-ръ мед. Виреніусъ, врачъ Грибоѣдовъ, проф. Гундобинъ, Д. А. Дриль, П. Ф. Каптеревъ, д-ръ Крогіусъ, пр.-доц. Лазурскій и Левашевъ, П. Гр. Мижуевъ, П. А. Потѣхинъ, д-ръ Старковъ, генер. Сухинскій, акад. Фаминцинъ, Ек. Н. Янжулъ, акад. Янжулъ, проф. Яроцкій и д-ръ Щегловъ.

Намѣчены слѣдующія задачи, которыя будетъ преслѣдовать отдѣлъ: 1) распространеніе въ обществѣ знаній, освѣщающихъ психическія и физіологическія особенности дѣтскаго и юношескаго возраста, 2) подготовка изслѣдователей психофизіологической природы дѣтей дошкольнаго и школьнаго возраста, 3) созданіе необходимыхъ условій для работы лицъ, желающихъ самостоятельно производить научныя изслѣдованія въ области педологіи, 4) распространеніе среди педагоговъ свѣдѣній о пріемахъ изслѣдованія индивидуальныхъ особенностей душевнаго и физическаго развитія учащихся, которыми

обладаетъ физіологія и экспериментальная психологія и 5) собираніе фактическаго матеріала, который можетъ способствовать проведенію правильной школьной реформы.

Средства, которыми отдѣлъ предполагаетъ осуществить намѣченныя цѣли, организуемыя имъ при Педагогическомъ Музеѣ В. Уч. З.—лекціи и практическія занятія по педологіи. Новизна и сложность дѣла не даютъ возможности ввести его въ строго опредѣленныя рамки, да и помимо того успѣхъ дѣла требуетъ свободы направлять его на встрѣчу вновь обнаруживающимся потребностямъ. Открывая курсы, Педологическій Отдѣлъ считаетъ ихъ лишь пробнымъ камнемъ для своей будущей дѣятельности и признаетъ необходимымъ указать общія соображенія, которыми онъ при этомъ руководствовался. Всѣ предположенныя лекціи дѣлятся на общія и спеціальныя. Первыя имѣютъ своею цѣлью: ознакомить съ содержаніемъ наукъ, необходимыхъ для интересующихся педологіей; вторыя же — подробное изученіе частныхъ вопросовъ. Къ первымъ относятся: „Физіологія въ связи съ гигіеной“—курсъ ак. Тарханова (чит. въ оба полугодія), „Гигіена дѣтскаго возраста“ — проф. Гундобина, „Психологія въ связи съ исторіей философіи“—А. П. Нечаева (осенн. полуг.) и „Криминальная антропологія“ Д. А Дриля (вес. полуг.). Спеціальные курсы, обусловленные отчасти предполагающимися работами по психофизіологическимъ изслѣдованіямъ, слѣдующіе: „Психофизіологія органовъ чувствъ“—д-ръ Крогіусъ, „Нервная и душевная патологія дѣтскаго возраста съ анатомо-физіологическимъ введеніемъ“—пр. Блуменау“, „Основы статистическаго метода“—пр. Яроцкаго (осенн. полуг.) и „Физіологія дыханія и кровообращенія“—пр. Вартанова, „Ученіе о характерахъ“—пр.-доц. Лазурскаго, „Воспитаніе ненормальныхъ въ психическомъ отношеніи дѣтей“—вр. Грибоѣдова и „Техника психологическаго эксперимента“ — А. П. Нечаева (весен. полуг.). Что касается курсовъ Блуменау и Грибоѣдова, то назначеніе ихъ: во-первыхъ, удовлетворить лицъ, спеціально интересующихся вопросами воспитанія дѣтей, ненормальныхъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, какъ, напримѣръ, руководителей школъ для отсталыхъ дѣтей и колоній для малолѣтнихъ преступниковъ, а во-вторыхъ — ознакомить съ этимъ вопросомъ и другихъ лицъ, имѣющихъ дѣло съ нормальными школами, гдѣ нерѣдко попадаются дѣти, трудныя въ воспитательномъ отношеніи. Наконецъ, изученіе психическихъ ненормальностей весьма помогаетъ глубже понять особенности нормальнаго развитія.

Всѣ эти лекціи въ сущности явятся какъ бы введеніемъ къ особымъ практическимъ занятіямъ, которыя составятъ главный центръ курсовъ. Руководство практическими занятіями приняли на себя: по психологіи—А. А. Крогіусъ, А. Ф. Лазурскій, А. Л. Щегловъ и А. П. Нечаевъ; по физіологіи—И. Р. Тархановъ и В. И. Вартановъ, и по гигіенѣ—Н. М. Гундобинъ. Намѣченъ цѣлый рядъ изслѣдованій. Союзъ съ представителями живого школьнаго дѣла Педологическій Отдѣлъ особенно высоко цѣнитъ.

Общее начало, которымъ Отдѣлъ намѣренъ руководиться въ своей дѣятельности—призывъ къ свободному научному труду. Организуемые курсы дадутъ возможность желающимъ ознакомиться въ главномъ съ сложными вопросами изслѣдованія дѣтей природы, познакомиться съ пріемами этихъ изслѣдованій, войти въ общеніе съ представителями разныхъ спеціальностей, получить совѣтъ и средство для дальнѣйшей своей научной работы. Ни дипломовъ, ни экзаменовъ на курсахъ не будетъ. Лучшей провѣркой самого себя явится бесѣда съ профессорами и руководителями, лучшимъ дипломомъ—печатный трудъ, исполненный на курсахъ и отмѣченный въ наукѣ.

Послѣ А. П. Нечаева говорилъ предсѣдатель коммиссіи по народному образованію П. А. Потѣхинъ, выразившій сожалѣніе, что въ виду отсутствія собранія коммиссіи ему приходится говорить лично отъ себя, хотя онъ надѣется, что члены ея раздѣляютъ одинаковыя съ нимъ чувства, по случаю открытія курсовъ Педологическаго Отдѣла. „Мнѣ", сказалъ П. А. Потѣхинъ, „24 года приходится принимать участіе въ дѣлѣ образованія дѣтей Петербурга"; надо было заботиться не только объ обученіи, но и о воспитаніи. За послѣднія 27 лѣтъ число школъ увеличилось до 550. Въ нихъ воспитываются дѣти бѣдныхъ и необразованныхъ родителей. Это обстоятельство заставляло и заставляетъ обратить особенное вниманіе именно на сторону воспитанія. Насколько было возможно, коммиссія вводила въ школьное дѣло улучшенія, обращаясь къ Паульсону, Семенову и др., главнымъ образомъ въ отношеніи физическаго воспитанія въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Но есть другая сторона и еще болѣе важная—психика дѣтей. Практика показала, что, несмотря на всѣ усилія, въ классѣ изъ 50—60 человѣкъ оказываются до 5 учениковъ, съ которыми ничего нельзя сдѣлать,—отсталыя дѣти. Воспитывать такихъ дѣтей вмѣстѣ съ другими—дѣло крайне трудное и почти безполезное. Приходилось подумать о спеціальныхъ школахъ для отсталыхъ дѣтей. Благодаря содѣйствію многихъ лицъ, напр., проф. Гундобина, А. П. Нечаева и др., коммиссія выработала планъ для подобныхъ школъ, предложенный на утвержденіе думы. Въ виду всего этого коммиссія, по мнѣнію предсѣдателя ея, будетъ съ надеждой ожидать отъ курсовъ помощи въ ея трудномъ, новомъ дѣлѣ. Воспитаніе правильное—необходимо, а оно возможно лишь на научной основѣ, что и является цѣлью Педологическаго Отдѣла и организуемыхъ имъ курсовъ. Успѣхъ же ихъ обезпеченъ и участвующими въ нихъ силами и сочувствіемъ общества.

Затѣмъ, отъ имени „Общества охраненія народнаго здравія" привѣтствовалъ курсы В. В. Горыневскій. Дѣло воспитанія вызываетъ къ себѣ общее сочувствіе, но, къ сожалѣнію, весьма мало такихъ учрежденій, гдѣ примѣнялись бы научные методы изслѣдованій и педологическія работы. Особенно желательны такія работы для „Русскаго Общества охраненія народнаго здравія".

4-я секція его съ самаго начала интересовалась педологическими проблемами и изученіемъ главнѣйшихъ факторовъ въ дѣлѣ воспитанія. Вырабатывались программы обслѣдованій учащихся въ ихъ тѣлесной и душевной организаціи: изучалась ихъ школьная и домашняя обстановка, собирался матеріалъ для общихъ выводовъ и заключеній. Ясно сознавалось, что только точныя научныя изслѣдованія могутъ дать данныя для прочной будущей реформы. Сочувствуя улучшенію дѣтской жизни и начальному образованію, 4-я секція не была равнодушна и къ реформѣ средней школы: была выдѣлена особая коммиссія, были приглашены врачи и педагоги. Цѣль—научное отношеніе къ научно выработаннымъ мѣрамъ для народнаго оздоровленія. Коммиссія видѣла, какихъ въ данномъ отношеніи результатовъ достигла Америка, гдѣ имѣются спеціальныя лабораторіи для психо-физіологическихъ изслѣдованій; поэтому она не могла не привѣтствовать первыхъ такихъ же попытокъ въ Россіи; она привлекала піонеровъ этого дѣла, сознавая его важность. Рядъ докладовъ по вопросамъ воспитанія, освѣщенныхъ съ научной стороны, былъ принятъ ею съ чувствомъ благодарности. Результатомъ ихъ явилось нѣсколько постановленій; было возбуждено ходатайство о созданіи лабораторіи, высказано пожеланіе организовать курсы и экспериментальныя изслѣдованія,

Все это показываетъ, что между 4-й секціей и Педологическимъ Отдѣломъ существуетъ родственная духовная связь. Будемъ надѣяться, что общія цѣли создадутъ и общую работу на пользу наукъ и молодого поколѣнія.

Отъ имени „Фребелевскаго Общества“ обратился къ Отдѣлу съ привѣтствіемъ сенаторъ Г. А. Энденъ, указавшій на дѣятельность Общества въ вопросахъ, которые являются цѣлью и Педологическаго Отдѣла. Фребелевское Общество учредило курсы для подготовки воспитательницъ и дѣтскіе сады для первоначальнаго воспитанія дѣтей; оно посильно стремилось къ поднятію научной подготовки и теперь встрѣчаетъ могучаго союзника въ Педологическомъ Отдѣлѣ, вооруженнаго всѣми средствами науки. Организація имъ лекцій вызываетъ полное сочувствіе всѣхъ членовъ общества и горячія пожеланія, чтобы дѣло росло и крѣпло для воспитанія нашего общества.

А. Л. Липовскій привѣтствовалъ отъ Педагогическаго Общества взаимопомощи. Педологическій Отдѣлъ, по выраженію представителя Общества, примыкаетъ къ европейскому теченію и отвѣчаетъ идеаламъ общества и современнымъ потребностямъ. Общество надѣется, что молодое учрежденіе будетъ развиваться, окажетъ серьезную помощь и содѣйствіе преподавателямъ и будетъ содѣйствовать единенію семьи и школы.

Въ заключеніе была прочитана привѣтственная телеграмма отъ Педологической коммиссіи при Московскомъ Педагогическомъ Обществѣ „Педологическому Отдѣлу, какъ проводнику здравыхъ идей и научныхъ знаній“...

М. К—овъ.

Лиговскій Народный Домъ графини Паниной.

(Впечатлѣнія перваго года).

„Въ этомъ свѣтломъ домѣ, въ этотъ свѣтлый день, хочется думать только о свѣтломъ!“

Такъ началъ свою проповѣдь священникъ-идеалистъ въ день открытія Народнаго дома, и всѣмъ намъ присутствовавшимъ казалось, что никакими другими словами нельзя выразить общаго, охватившаго всѣхъ чувства. Все слилось въ общую гармонію свѣта. Цѣлыя волны весеннихъ, солнечныхъ лучей врывались въ огромныя окна большой залы; радостно разносилось по ней Пасхальное пѣніе (открытіе было 7 апрѣля 1903 г. на третій день Пасхи); радостью свѣтились глаза тѣхъ, для кого открытіе Дома было осуществленіемъ завѣтной мечты; заражались этимъ настроеніемъ и непричастные еще къ дѣлу люди. О чемъ же свѣтломъ думалъ священникъ и, вмѣстѣ съ нимъ, и его слушатели? Онъ убѣдительно и искренно утверждалъ, что, несмотря на мракъ, злобу и несправедливость, царящую среди насъ, мы, все-таки, двигаемся впередъ, по пути правды и свѣта, и ему хочется вѣрить, что Народный Домъ будетъ однимъ изъ яркихъ факеловъ, освѣщающихъ этотъ путь. Въ наше время, когда фраза такъ часто убиваетъ дѣло, всегда страшно отъ красивыхъ фразъ; но, въ приподнятомъ настроеніи, глядя въ серьезное, вдумчивое лицо говорящаго, такъ хотѣлось вѣрить въ красивое сравненіе, въ возможность превращенія фразы въ дѣло. Намъ, пришлымъ, это дѣло казалось совсѣмъ новымъ; для близкихъ же къ нему, работавшихъ раньше при другой обстановкѣ, это было только расширеніе начатой раньше работы. По бѣглымъ, случайнымъ разсказамъ такъ представляется постепенный ростъ учрежденія. Вначалѣ—дѣтская столовая въ маленькой квартиркѣ рядомъ со

школой на Лиговкѣ. Блѣдныя, полуголодныя приходили дѣти въ школу; близко знавшія ихъ семейную обстановку учительницы болѣли за нихъ душой, хотѣлось какъ-нибудь облегчить ихъ участь. Нашелся человѣкъ, такъ счастливо и гармонично соединившій въ себѣ большое сердце съ большими средствами, и началось дѣло. Въ столовой бѣднѣйшіе школьники получали горячій обѣдъ; дѣйствовала она только по буднямъ, по воскресеньямъ пустовала. Но дѣти такъ привыкли къ ежедневнымъ посѣщеніямъ, къ ласковымъ учительницамъ, къ хорошей обстановкѣ, имъ хотѣлось бы приходить и по воскресеньямъ. Тогда устраиваются воскресныя чтенія съ туманными картинами. На чтенія понемногу собираются и взрослые. Маленькое помѣщеніе даетъ возможность ближе подойти къ посѣтителямъ, узнать ихъ желанія и стремленія Устраивается библіотека; все больше и больше набирается народу въ маленькой квартирѣ, бывшей столовой. Приходится переѣхать въ другую, казавшуюся такой большой послѣ первой, а тамъ и въ третью, еще больше. Открывается чайная, расширяется библіотека, начинаются вечерніе классы для взрослыхъ рабочихъ, увеличивается число слушателей на чтеніяхъ. Среди учениковъ вечернихъ классовъ является мысль устроить спектакль, и подъ руководствомъ и съ участіемъ учительницъ ставится комедія Островскаго. Публика и участники въ полномъ восторгѣ; спектакль повторяется; нѣтъ возможности вмѣстить всѣхъ желающихъ посмотрѣть. Не хватаетъ мѣста и на чтеніяхъ, тѣсно и читателямъ, приходящимъ за книгами. И тогда возникаетъ грандіозный планъ: создать новое помѣщеніе, которое не только бы вмѣстило все существующее, но дало бы возможность устроить еще новыя учрежденія, соединить въ одно все, что можетъ дать удовлетвореніе, радость, интересъ всѣмъ прежнимъ посѣтителямъ и будущимъ.

За время существованія столовой, на глазахъ выросли дѣти: маленькіе школьники превратились во взрослыхъ работниковъ, дѣвочки — въ матерей; у многихъ не прекратилась связь съ учрежденіемъ, и можно было сказать навѣрно, что они ждутъ съ радостью открытія этого новаго большого дома. Да и не одни прежніе, многіе обитатели такого глухого, отдаленнаго отъ центра, уголка, какъ Лиговка за Обводнымъ каналомъ, съ удовольствіемъ и надеждами смотрѣли на сооруженіе этого высокаго, наряднаго зданія. „Народный домъ для насъ строится“, говорили они: „вотъ и у насъ, наконецъ, будетъ Народный домъ“.

„Гдѣ, согнувшись до разсвѣта, бѣднякъ борется съ нуждой, среди жизни, гдѣ нѣтъ свѣта, онъ явился, какъ герой!“ говорится про него въ стихотвореніи взрослаго ученика-рабочаго.

Кончилось торжество открытія, и начались будни. Впрочемъ, можно ли назвать буднями время, проходящее въ этомъ домѣ? И веселый гомонъ сотни дѣтскихъ голосовъ, и оживленные разговоры за чаепитіемъ, и дружный смѣхъ на представленіяхъ,—все это нѣчто праздничное. Подходишь вечеромъ къ Дому, и на всемъ пути по Лиговкѣ обгоняютъ васъ маленькія фигурки; радостныя улыбки, веселыя привѣтствія; иногда цѣлая команда дѣтворы провожаетъ васъ до воротъ. А въ Домѣ, словно рой пчелъ гудитъ, всюду толпятся ребята, одна группа смѣняетъ другую. Тамъ и маленькіе художники, съ такимъ рвеніемъ вцѣпляющіеся въ карандаши своими крошечными пальцами и изображающіе невиданныя произведенія искусства. Какое счастье, когда вдругъ беззубая семилѣтка Таня нарисуетъ съ натуры ложку, которую всѣ сразу признали за таковую; сколько увлеченія въ работѣ! Свѣтлыя и темныя головки уткнулись въ тетради; высунутые языки, очевидно, помогаютъ

успѣху и работаютъ заодно. Въ началѣ такъ трудно понять, что нужно рисовать то, что видишь. Черноглазая Маша серьезно распекаетъ сосѣдку за то, что та не нарисовала дна въ стоящей на столѣ кружкѣ. „Вѣдь знаешь, что есть кругъ, ну и рисуй, подними кружку и увидишь“.

Но къ концу года многое выясняется, всякіе обыденные предметы: кастрюли, утюги, подсвѣчники пріобрѣтаютъ должный видъ въ дѣтскихъ тетрадкахъ; даже гипсовые носы, уши и глаза не кажутся очень трудными. Выдѣляются уже болѣе способныя дѣти, рисующія недурно. „А теперь можно наизусть?“ спрашиваетъ кто-нибудь, и тогда настаетъ уже настоящее наслажденіе. Самые невиданные звѣри, птицы, пароходы и люди выростаютъ изъ-подъ карандашей артистовъ. Увлеченіе видно вездѣ. Вотъ спускается сверху толпа разгоряченныхъ дѣтей: это пѣвцы возвращаются съ урока; въ сторонѣ на столахъ цѣлые букеты бумажныхъ цвѣтовъ; дѣвочки наперерывъ показываютъ свою работу. Изъ сосѣдняго класса, какъ бомбы, вылетаютъ веселые мальчуганы; въ рукахъ каждаго по нѣсколько картонажей: это ихъ собственная работа. И что это за великолѣпныя произведенія! Тутъ и гитары, и домъ, и муфта, все склеено на диво; мальчики, кажется, даже сами не вѣрятъ, что это ихъ работа. А тамъ другія дѣти слушаютъ сказку, которую читаетъ учительница. Нѣкоторыя изъ нихъ само вниманіе, впились глазами въ читающую и только изрѣдка негодующе взглядываютъ на малышей, не хотящихъ проникнуться прелестью разсказа. Чтеніе прерывается воспоминаніями личнаго свойства, сравненіями со своей жизнью, разсказами о пережитомъ. Сказка понравилась, просятъ еще; но прошелъ часъ, да и не всѣ увлечены, маленькіе устали сидѣть смирно на одномъ мѣстѣ. Спускаются внизъ, гдѣ ждутъ другія занятія. На столахъ безконечное количество всякихъ игръ; два мальчика глубокомысленно играютъ въ шашки; цѣлая кучка дѣтей, вооружившись удочками, вылавливаютъ деревянныхъ рыбокъ со стола; на полу возятся маленькіе, кто съ волчкомъ, кто съ куклой; еле видный отъ земли карапузъ расхаживаетъ съ огромнымъ мячикомъ въ объятіяхъ. Мячикъ куда больше его маленькой головки и, того и гляди, перетянетъ. Тамъ строятъ домики изъ кубиковъ; болѣе взрослые играютъ въ загадки, въ гуськи. Вездѣ видишь склоненныя головы учительницъ, объясняющихъ игры и участвующихъ въ нихъ.

Въ залѣ слышенъ топотъ дѣтскихъ ногъ и возгласы—разъ, два—тамъ занимаются гимнастикой; въ классахъ идетъ дѣятельное приготовленіе уроковъ на слѣдующій день; въ дѣтской читальнѣ набралось много, много любителей чтенія. Какъ муравьи, разбрелись маленькіе люди по всему большому дому; вездѣ слышенъ веселый смѣхъ, вездѣ улыбающіяся лица. Это все такъ называемый „Дѣтскій Отдѣлъ“ Народнаго дома, цѣль котораго дать возможность дѣтямъ-школьникамъ провести все послѣшкольное время въ хорошей обстановкѣ, подъ присмотромъ старшихъ, до возвращенія ихъ родителей съ работы. Весь большой домъ предоставленъ имъ на эти нѣсколько часовъ (отъ 3-хъ до 7-ми). Приходящія сюда дѣти, кромѣ обязательнаго для школьниковъ приготовленія уроковъ, могли заниматься, сообразуясь со своими желаніями и временемъ: рисованіемъ, рукодѣліемъ, лѣпкой, пѣніемъ, гимнастикой, картонажами, выпиливаніемъ изъ дерева, плетеніемъ сѣтокъ и корзинъ, чтеніемъ и всевозможными играми. Кромѣ школьниковъ, понемногу стали приниматься и неучащіяся дѣти. Кто приведетъ сестренку, кто товарища, кого мать не отпускаетъ безъ младшихъ ребятъ, такъ какъ дома не на кого оставить. Такимъ образомъ, появились и маленькіе, принимавшіе участіе въ нѣкоторыхъ

занятіяхъ, а остальное время играющіе. Среднимъ числомъ ежедневно бывало около 100 дѣтей.

Дѣти льнутъ къ учительницамъ, разсказываютъ имъ свои дѣтскія огорченія, которыхъ не мало выпадаетъ на ихъ долю. Тѣсно и темно дома; за все попадаетъ, то подъ пьяную руку отца, то отъ измученной работою съ дѣтьми матери.

Жалко слушать ихъ простые разсказы. „Зачѣмъ домой торопиться?" удивляется блѣдная дѣвочка. „Чѣмъ меньше дома, тѣмъ меньше бьютъ. А то все гонятъ, все кричатъ, что подъ ногами болтаешься"... „Мама вчера сестренку такъ била", говоритъ другая, „даже тятя заступился, потому не за что было". „А мой папа опять запилъ, и зарокъ давалъ, и къ священнику ходилъ записываться, одного дня до мѣсяца не дотянулъ, не могъ, значитъ, силъ не хватило", совсѣмъ какъ взрослая разсуждаетъ девятилѣтняя дѣвочка, „и что только будетъ теперь, Господи!"

Понятно, что всѣхъ этихъ дѣтей притягиваетъ сюда тепло, ласка, свѣтъ, интересная работа; для нихъ дорогъ этотъ домъ, и они выражаютъ любовь къ нему по своему обѣщаютъ ходить „до самаго гроба", „пока домъ стоитъ, плачутъ, если ихъ не пускаютъ родители.

Достаточно посмотрѣть на жалкаго полуглухого мальчика идіота, который такъ прилѣпился къ дому, что какъ-то и дома то безъ него представить себѣ трудно. Видно, какъ пригрѣлся онъ здѣсь, какъ ласково и довѣрчиво смотритъ онъ на всѣхъ своими добрыми, глупыми глазами: какъ, очевидно, мало тянетъ его въ безотрадную домашнюю обстановку. Онъ не можетъ учиться, не даются ему, очевидно, и другія предлагаемыя здѣсь занятія; за то онъ усердно помогаетъ въ чайной, стараясь какъ бы этимъ пріобрѣсти право постояннаго жителя.

Говорю все про младшихъ, подростки-же болѣе самостоятельный народъ, болѣе приспособленный къ житейской борьбѣ. Они и шаловливѣе, и не такъ экспансивны.

Для нихъ этотъ домъ—просторъ, возможность встрѣтиться съ товарищами, пошалить; имъ хочется развернуться во всю ширь; имъ весело въ высокихъ свѣтлыхъ залахъ. Весело бѣгать, кататься съ горки, выкидывать всякіе фокусы на гимнастикѣ, проявлять свою иниціативу во всѣхъ работахъ, лѣпить, рисовать, клеить; интересно слушать понятныя лекціи, почитать занятныя книжки, поиграть въ игры. Весь избытокъ жизненной энергіи, значительно сдерживаемый въ школѣ, потратился бы по окончаніи занятій на улицѣ въ грустной формѣ дракъ, грубыхъ шутокъ, пожалуй, даже ножовщины. Чувствуется, что заброшенные на произволъ судьбы и на свою волю, безъ хорошаго вліянія, въ атмосферѣ развращенныхъ взрослыхъ товарищей, они легко поддадутся тѣмъ-же порокамъ. Потому-то особенно дорого ихъ расположеніе къ Народному дому, ихъ увлеченіе всѣмъ, что имъ тамъ дается. Интересная работа можетъ направить ихъ энергію въ лучшую сторону, пріучить къ порядку, отвлечь отъ грубыхъ развлеченій.

Лѣтомъ большая часть игръ происходитъ на воздухѣ. Дѣтей все такъ-же много; знакомыя лица обступаютъ васъ и съ жаромъ разсказываютъ о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ. Гдѣ только они не побывали? „Были въ Петергофѣ, въ Царскомъ, въ Поповкѣ, ѣздили на пароходѣ, и по машинѣ, на качеляхъ качались, цвѣты собирали, на лодкѣ катались!" Ходили иногда пѣшкомъ за городъ. Всѣхъ прогулокъ за лѣто было 15. Да и подлѣ Дома теперь много простора. Куплена еще земля рядомъ, сломаны постройки, образовался боль-

шой широкій дворъ; въ нашихъ мечтахъ уже тѣнистый садъ съ площадкой для игръ съ грядками для дѣтскихъ посадокъ. Но и на настоящемъ, еще не приведенномъ въ порядокъ, дворѣ весело играть: къ услугамъ дѣтей крокетъ, мячи, веревочки, песокъ для маленькихъ. Дѣти кажутся поздоровѣвшими, загорѣлыми; не узнать нѣкоторыхъ, зимой такихъ блѣдныхъ, почти прозрачныхъ.

Въ Дѣтскій Отдѣлъ входитъ, кромѣ дѣтскихъ собраній, столовая, библіотека и лекціи; можно-бы причислить къ нему и ремесленные классы, гдѣ работаютъ въ сущности тоже почти дѣти.

Съ 9-ти час. утра начинается жизнь дома. Въ нижнемъ этажѣ поднимается стукотня молотовъ, визгъ пилы: это принялись за дѣло ремесленники. Маленькая ремесленная школа, на первый годъ принявшая всего 30 мальчиковъ подростковъ (отъ 12—15 л.), имѣетъ цѣлью избавить ихъ отъ тяжелыхъ условій ученичества и подготовить изъ нихъ ученыхъ мастеровъ. Подъ руководствомъ опытнаго учителя занимаются двумя ремеслами: столярнымъ съ токарнымъ по дереву, и слесарнымъ съ токарнымъ по металлу и кузнечнымъ. Преподаваніе ведется исключительно на предметахъ, идущихъ въ дѣло. Много заказовъ даетъ подвижной музей учебныхъ пособій, помѣщающійся на томъ дворѣ. Ученики исполняютъ по его требованію простѣйшіе физическіе приборы. И то, что сработанныя мальчиками вещи идутъ прямо въ дѣло, и что въ ихъ пользу отчисляется 20% съ полученной за каждую вещь платы, уже придаетъ интересъ работѣ.

Деньги откладываются съ тѣмъ, чтобъ при окончаніи курса (курсъ трехлѣтній) выдавать на пріобрѣтеніе инструментовъ, или одежды, выходящимъ изъ школы мастерамъ. Рабочій день продолжается $6^1/_2$ часовъ: 4 часа употребляются на ремесло, а $2^1/_2$ на уроки. Проходится русскій языкъ, ариѳметика, исторія, географія, рисованіе, черченіе, и ведутся объясненія физическихъ приборовъ. Казалось бы, въ $2^1/_2$ часа такъ мало можно сдѣлать; но потому-ли, что большая часть мальчиковъ уже кончила школу, или подобрались исключительно способные, только отвѣты ихъ на экзаменахъ были необыкновенно толковы и сознательны.

Плата за ученіе 10 р. въ годъ, хотя больше половины учениковъ отъ платы избавлено. Всѣ инструменты и учебныя пособія даются даромъ. Большая часть мальчиковъ получаютъ и даровой обѣдъ въ дѣтской столовой. Болѣе состоятельные платятъ за себя сами (4 к. за обѣдъ).

Столовая открывается съ 12 ти часовъ, и по партіямъ собираются въ нее дѣти. Большая зала уставлена столами; сколько тутъ ребятъ, и не сосчитать сразу! Всѣхъ школъ, изъ которыхъ, по указаніямъ учительницъ, посылаются сюда бѣднѣйшія дѣти—18. За годъ отпущено 28.897 обѣдовъ. Обѣдъ состоитъ изъ двухъ сытныхъ блюдъ и, повидимому, вполнѣ удовлетворяетъ проголодавшихся дѣтей. Часть школьниковъ получаетъ обѣды на средства, ассигнованныя думой.

Во время дѣтскихъ собраній дѣйствуетъ чайная; дѣти передъ уходомъ домой получаютъ по кружкѣ.

Дѣтская библіотека открыта два раза въ недѣлю; записано было 140 дѣтей, среднимъ числомъ бывало 35.

Во время дѣтскихъ собраній Подвижнымъ Музеемъ устраивались лекціи по естествознанію и географіи. Желающихъ всегда было много; но допускались на нихъ только дѣти старшихъ классовъ школъ, имѣющія нѣкоторую подготовку. Понятность изложенія и обиліе интересныхъ опытовъ заинтересо-

бывало маленькихъ слушателей; сидятъ смирно, съ удовольствіемъ отвѣчаютъ на задаваемые вопросы. Многіе, по предложенію учительницъ, охотно писали, что поняли изъ лекціи, и изъ работъ видно, что сущность многимъ вполнѣ ясна.

Кончилась лекція, кончились и другія разнообразныя занятія дѣтскаго отдѣла. Изъ всѣхъ классовъ и залъ собираются дѣти въ чайную, пьютъ чай, весело болтаютъ, прощаются; захлопывается дверь за послѣдней маленькой фигуркой; сразу дѣлается пусто и тихо въ высокомъ домѣ. Но тишина эта минутная.

Снова раскрывается дверь, теперь уже съ другой стороны, и наступаетъ царство взрослыхъ. Въ 7 часовъ открывается чайная; ярко свѣтится она своими электрическими лампочками; на стѣнахъ развѣшены портреты писателей, карты, картины; на столахъ много газетъ и журналовъ; играетъ мелодичный органъ.

Одинъ за другимъ собираются ученики вечернихъ классовъ, слушатели лекцій, подписчики библіотеки, или просто посѣтители чайной. Читаютъ газеты, разговариваютъ; нѣсколько человѣкъ передъ картой Дальняго Востока: идутъ разсужденія и споры. Въ будни настроеніе чайной всегда особенно серьезное: все больше народъ ученый. Въ 8 час. расходятся по классамъ ученики. Приходитъ народъ на безплатную консультацію юристовъ. Собираются на уроки кройки взрослыя дѣвушки (изъ нихъ 9 выдержали экзаменъ весной и получили свидѣтельства на закройщицъ). Два раза въ недѣлю отъ 7 часовъ открыта библіотека для взрослыхъ; читателей было въ этомъ году 415 (316 мужчинъ и 99 женщинъ), въ день среднимъ числомъ 115.

Два раза въ недѣлю, по четвергамъ и воскресеньямъ читаются лекціи, при чемъ по буднямъ публика болѣе подготовленная, по воскресеньямъ—случайная. Объявленія о лекціяхъ посылаются на 16 заводовъ, 1 фабрику, въ 1 типографію, въ 5 школъ техническаго общества, въ 1 винный складъ и въ 1 школу десятниковъ. Охотно посѣщаютъ лекціи ученики вечернихъ классовъ. Старшіе рѣдко пропускаютъ; стремятся на нихъ даже и изъ подготовительныхъ группъ. Среднимъ числомъ посѣтителей бывало 82, въ воскресенье больше, чѣмъ въ четвергъ. Если судить объ интересѣ къ лекціи по количеству посѣтителей, то можно думать, что на первомъ планѣ стоитъ астрономія: на нихъ бывало въ среднемъ 124 человѣка. Затѣмъ идетъ химія, гигіена, физика, бактеріологія, физіологія, зоологія, ботаника и, наконецъ, химическая технологія, слушателей которой было всего 29.

Но по первому году судить такъ было бы опрометчиво. Самый составъ слушателей еще не установился; иногда приходятъ совсѣмъ новые, не знающіе заранѣе о темѣ лекціи; иногда обстоятельства лишаютъ возможности попасть именно на ту лекцію, которая интересуетъ; иногда лекція совпадаетъ съ уроками въ вечернихъ классахъ.

Во всякомъ случаѣ, стремленіе къ нимъ большое: за годъ перебывало 2.787 чел. Прослѣдить же, какія темы болѣе по вкусу, очень трудно; на вопросъ объ этомъ, большая часть лаконически отвѣчаетъ: „всѣ хороши". Другіе же высказываютъ самые разнообразные вкусы. „По моему", говоритъ одинъ, только химію и стоитъ слушать, она только и нужна для жизни"; другому больше всего понравилась астрономія. Повидимому, большой интересъ вызвали лекціи о человѣческомъ тѣлѣ и разныхъ болѣзняхъ: слушатели въ одинъ мигъ раскупили послѣ лекціи всѣ дешевыя книжки, касающіяся предмета. На лекціяхъ, которыя приходилось слушать, всегда видишь серьезныя, вдумчивыя

лица, поражаешься тишиною въ аудиторіи. Много желающихъ учиться: это все почти люди, серьезно относящіеся къ дѣлу, отдающіе ему все свободное время.

Работа на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ кончается между шестью, семью часами; для живущихъ далеко до восьми часовъ хватаетъ времени только на то, чтобы переодѣться и добѣжать до дома.

Вечерніе классы существуютъ уже 4-й годъ: въ маѣ 1903 г. былъ первый выпускъ. Кончившіе получили свидѣтельства, но не бросили занятій, ходятъ на уроки по тѣмъ предметамъ, которые въ ихъ время еще не входили въ програму.

Классы черченія Техническаго общества, собственно говоря, имѣютъ спеціальную программу. Обязательными предметами считаются: черченіе, ариѳметика и геометрія; по нимъ только и приходилось держать экзаменъ. Остальные же предметы, как русскій языкъ, алгебра, химія входятъ въ програму какъ дополненіе, и ими-то и занимались большей частью окончившіе ученики.

Такъ какъ въ числѣ желающихъ поступить въ классы черченія явилось много плохо подготовленныхъ, слабограмотныхъ, то пришлось выдѣлить ихъ въ отдѣльную подготовительную группу. Принято было всего больше ста человѣкъ, часть выбыла, около ста осталось. Тяжелый 1904 годъ отразился, конечно, и на нашихъ ученикахъ. Многихъ взяли въ солдаты, у многихъ увеличилась работа на заводахъ; нѣкоторымъ пришлось вернуться въ деревню, замѣнить братьевъ-солдатъ въ крестьянской работѣ.

Особенной аккуратности въ посѣщеніи уроковъ трудно было ожидать, принявъ во вниманіе огромный физическій ежедневный трудъ, частыя дежурства на фабрикахъ и желѣзной дорогѣ, домашнія дѣла. Волѣе же свободные не пропускали ни одного урока, и рвенію ихъ не было предѣловъ.

„Не помню, какъ это случилось“, разсказывалъ одинъ такой юноша, „что я вдругъ полюбилъ учиться. Кончилъ школу въ селѣ, свидѣтельство получилъ и думалъ, что ученѣе меня и на свѣтѣ нѣтъ, никогда къ книжкамъ не притронусь. Да пріѣхалъ въ Петербургъ, потерся между товарищами, понялъ, какой я глупый передъ ними: ни въ какой разговоръ вступиться не могу, и такъ захотѣлось побольше знать. Ну, а какъ началъ, такъ, что дальше, то больше, и теперь думаю: пока живъ буду, все буду учиться“. И это не рисовка: онъ дѣйствительно все свободное отъ работы время,—или въ Народномъ домѣ, или въ Обществѣ Маякъ, много читаетъ дома. Въ подготовительной группѣ слабограмотныхъ взрослые ученики писали на тему: „зачѣмъ пришли сюда и чему хотѣли научиться“? Отвѣты почти всѣ одинаковы:

„По бѣдности не пришлось въ дѣтствѣ учиться въ школѣ, а жажда была неутомимая“.

„Хоть и мѣшаютъ мнѣ жизненныя разсужденія, а всетаки охота побольше знать“.

„Когда приняли меня въ школу, очень мнѣ стало радостно и весело съ того времени“.

„Всѣмъ доволенъ, только хорошо бы каждый день такъ то“ (занятія у нихъ были 2 раза въ недѣлю по 2 часа).

„Разговаривали мы со старшимъ: онъ говоритъ, что ученье скорѣе надоѣстъ, чѣмъ работа; а я полагаю; что учиться очень даже пріятно“.

Несмотря на слабую подготовку, они силятся все понять, ходятъ на лекціи, въ которыхъ разбираются съ большимъ трудомъ, теряютъ часы, чтобы отвоевать себѣ хоть частицу знанія изъ тьмы непонятныхъ для нихъ объясненій.

Они такъ проникнуты стремленіемъ къ свѣту, что боятся пропустить всякій случай, помогающій имъ въ этомъ. Тщетно уговаривать ихъ вооружиться терпѣніемъ, прежде хорошенько поучиться, а потомъ ужъ слушать трудное. Они не согласны. „Прежде почти ничего не понималъ, а теперь подъ конецъ многое стало яснымъ, а дальше, вѣрно, еще лучше будетъ“, говоритъ ученикъ С., не пропустившій, кажется, ни одной лекціи.

Во время уроковъ, гдѣ главное вниманіе приходится направлять именно на подготовку къ будущему трудному, гдѣ главная цѣль—дать возможность сдѣлаться хорошо грамотнымъ, такъ трудно не отвлечься въ сторону. Каждая статья наталкиваетъ на тьму вопросовъ, на которые имъ хочется получить подробные отвѣты. Но мысль о краткости урока объ ихъ плохихъ еще познаніяхъ въ простой грамотѣ и ариѳметикѣ не позволяетъ распространяться, и отвѣты даются краткіе. „А жажда побольше знать неутомимая“—вотъ и рвутся они на лекціи, увѣренные, что сильное желаніе все превозможетъ. Много народу прошло передъ глазами въ этотъ первый годъ жизни Народнаго дома. Какое разнообразіе типовъ! И солидные серьезные люди, и франты въ крахмальныхъ воротничкахъ, съ преувеличенной изысканностью манеръ, и веселые любознательные подростки, и робкіе, неувѣренные въ себѣ юноши.

Вотъ только что пріѣхавшій изъ деревни парень: онъ застѣнчивъ и неуклюжъ, осторожно дергаетъ учительницу за рукавъ и называетъ „мамашей“. „Что я тебѣ, мамаша, скажу: видно, мнѣ ариѳметики низачто не понять“, говоритъ онъ безнадежно. Каждая удача въ вычисленіи, правильно написанное слово освѣщаетъ радостью угрюмое лицо; но случаи эти такъ рѣдки, больше неудачъ; трудно взрослому малоспособному человѣку одолѣть грамоту.

Пожилой М. весь проникнутъ желаніемъ во что бы то ни стало превозмочь всѣ трудности, и это ему удается. Почти всегда во время уроковъ видишь его склоненную надъ тетрадью сѣдѣющую голову; и домой онъ постоянно беретъ уроки, несмотря на то, что служба его утомительная, а дома семья, взрослые дѣти, можетъ быть и съ насмѣшкой относящіяся къ запоздалому ученію отца. Семья занимаетъ не малое мѣсто въ его мысляхъ: очевидно, это нѣжный отецъ и хорошій мужъ. Когда на урокахъ даются грамматическія упражненія у М. всегда готовыя предложенія изъ семейной жизни. „Моя дочь ушла на Петербургскую и до сихъ поръ не вернулась: я безпокоюсь“, или, „жена моя, слава Богу, поправилась“, и все въ такомъ родѣ. Мечтатель-идеалистъ, тоже ужъ не молодой, А. любитъ читать „только возвышенныя вещи“, мечтаетъ о времени, когда совсѣмъ не будетъ на землѣ водки и пьянства; онъ не пропускаетъ уроковъ, жалѣетъ, что нельзя учиться постоянно. Толстый, солидный лавочникъ П. могъ-бы дѣлать успѣхи, да губитъ его любовь къ витіеватымъ фразамъ. „Позвольте васъ попросить разрѣшить мое недоумѣніе: у меня случилось нѣкоторое недоразумѣніе съ вычитаніемъ“, заявляетъ онъ учительницѣ, и не знаешь, какъ, не обижая его, остановить потокъ его краснорѣчія, отнимающій такъ много времени.

Высокій безусый юноша С. съ какой-то особенной жадностью ловитъ всякое знаніе. Онъ-то ужъ вѣритъ въ себя и такъ сильно, что первое время казался даже самонадѣяннымъ. Огромная настойчивость и сильное желаніе побѣждали трудности. Все хотѣлось забѣжать впередъ, не потерять ни секунды свободнаго времени. Каждый урокъ у С. были на готовѣ вопросы изъ самыхъ разнообразныхъ отраслей знанія. Очевидно, голова работаетъ постоянно, и онъ торопится до всего дойти. „Это вамъ будетъ трудно: вы еще основныхъ правилъ не знаете“, скажешь ему. „Ужъ какъ-нибудь добьюсь, только дайте“,

самоувѣренно заявляетъ онъ, и через нѣсколько дней съ торжествомъ приноситъ работу. „До 3-хъ часовъ ночи сидѣлъ, а все таки добился!“

Рабочій П., уже изъ окончившихъ классы, поэтъ, влюбленный въ свою машину, о которой разсказываетъ, какъ о живомъ существѣ, съ гордостью говоритъ, что ни на какой вицмундиръ не промѣняетъ своей рабочей блузы, любитъ спорить о всякихъ предметахъ, часто увлекается такъ, что обращаетъ свое оружіе противъ себя-же и разбиваетъ всѣ свои прежніе доводы. Пишетъ стихи, иногда очень удачно. Народный домъ—изъ излюбленныхъ темъ его вдохновенія: онъ не устаетъ воспѣвать его. Въ торжественныхъ случаяхъ, когда пристанутъ товарищи и выдадутъ его намъ головой, послѣ долгихъ уговоровъ съ нашей стороны, у него, какъ изъ сюртука фокусника, постепенно появляются все новые и новые листки со стихами, и читаетъ онъ ихъ совсѣмъ своеобразно.

Розовый круглолицый Ч.—человѣкъ прозаическій, матеріалистъ, не понимаетъ никакихъ отклоненій отъ практическихъ цѣлей. „Читалъ я всякія книги“,—говоритъ онъ, да только толку въ нихъ мало: по моему, что Бова Королевичъ, что „Отцы и дѣти“, все одно—прочтешь, и въ головѣ ничего не останется, и никому отъ этого пользы нѣтъ; вотъ математика это другое дѣло“.

Преимущество математики передъ литературой это вѣчный споръ нашихъ учениковъ. Иногда, сидя гдѣ-нибудь въ чайной, прислушиваешься къ ихъ оживленнымъ разговорамъ. „Математика не обманетъ“;—„только у нея и есть твердые законы“;—„только она и нужна рабочему“;—„безъ нея и жизни не было-бы“;—„всѣ науки отъ нея“, градомъ сыплются фразы на голову защитниковъ литературы.

„Математика за то не объяснитъ, какъ жить надо, не покажетъ, какой ты есть человѣкъ, какое мѣсто въ обществѣ занимаешь, а литература покажетъ“;—„она расширяетъ умъ“;—„помогаетъ многое понять“, слышится въ отвѣтъ. Но математики сильнѣе: они придумываютъ все новые аргументы, не всегда, правда, логичные, но въ пылу спора этого не замѣчаютъ. И слушая ихъ, отчасти понимаешь ихъ. Жизнь рабочаго тяжела, сѣра, монотонна; пока не мучаютъ отвлеченные вопросы, еще можно съ ней мириться, а начнешь забираться въ дебри всякихъ противорѣчій, начнешь мыслить, и опустятся, пожалуй, руки, и покажется невыносимымъ то, что прежде дѣлалъ машинально безъ размышленій. И кажется, что именно страхъ за нарушеніе умственнаго покоя и сквозитъ въ этихъ яростныхъ нападкахъ на литературу. Но, конечно, защитники литературы стоятъ на своемъ, и въ одно изъ учительскихъ собраній прислано было заявленіе: „Очень просимъ прибавить къ урокамъ еще теорію словесности и литературу: хочется понимать и разбирать, что читаешь“. Мечты ихъ относительно новыхъ предметовъ въ вечернихъ классахъ не имѣютъ границъ: имъ хочется быть энциклопедистами, они забываютъ о томъ, что не по силамъ имъ, усталымъ отъ ежедневной машинной работы, такая масса новыхъ разнообразныхъ знаній; и свободнаго времени мало, и наконецъ, Народный Домъ, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, не въ состояніи удовлетворить ихъ вполнѣ. Но въ этихъ мечтахъ ясно просвѣчиваютъ два теченія. Практики мечтаютъ объ урокахъ по бухгалтеріи, по сельскому хозяйству, хотятъ научиться работать на пишущей машинѣ. Идеалисты стремятся къ знаніямъ по исторіи и литературѣ. „Когда поступалъ, самъ не зналъ, зачѣмъ иду: другіе записывались, и я за ними; а теперь ужъ знаю“, говоритъ, энергично ударяя на послѣднемъ словѣ,

одинъ изъ получившихъ въ этомъ году свидѣтельство, въ сущности не имѣющее никакого практическаго значенія, т. е. не дающее правъ ни на лучшее мѣсто, ни на лучшія условія жизни. Получивъ свидѣтельство, онъ не бросилъ занятій, интересъ къ нимъ разросся, ему хочется еще и еще знать. Почти всѣ, окончившіе курсъ, не порвали связи съ „Домомъ" (въ разговорахъ учениковъ слово „Народный" рѣдко употребляется), ходятъ на дополнительные предметы, лекціи, въ театръ. Они уже какъ бы члены Дома, помогаютъ въ чайной, въ театрѣ, на лекціяхъ смотрятъ за порядкомъ, контролируютъ билеты. „Нашъ Домъ", говорятъ они съ гордостью. „Кончишь работу, куда-идти, какъ не сюда: здѣсь, какъ дома". Ни одно самое маленькое торжество какъ экзамены, сдача свидѣтельствъ, годовщина открытія, не обходится, безъ нихъ: они непремѣнные члены. Окончившіе въ этомъ году, какъ дѣти, радовались, что теперь и ихъ будутъ приглашать на экзамены, и они сравнялись со старшими.

Для слушателей лекцій и учениковъ вечернихъ классовъ установлена плата (5 к. за входъ на лекцію, 30 въ мѣсяцъ за уроки). Среди учащихъ иногда слышались мнѣнія, что не слѣдуетъ брать денегъ за образованіе, что оно должно быть непремѣнно безплатнымъ. Вопросъ этотъ, не разъ поднимаемый пока остался открытымъ. Плата настолько ничтожна, что никого разорить не можетъ, тѣмъ болѣе, что неимущій, по первому заявленію, отъ нея освобождается; но за то она ограждаетъ самолюбіе многихъ взрослыхъ, которыхъ стѣсняетъ всякая благотворительность. Имъ пріятно учиться на свои заработанныя деньги, и объ этомъ заявляютъ многіе ученики.

Въ 10 часовъ вечера закрывается чайная, расходятся ученики съ уроковъ и лекцій, и съ этимъ заканчиваются обычные будни.

Въ воскресенье картина нѣсколько иная: больше народа, больше оживленія. Чайная съ двухъ часовъ полнымъ полна: всѣ столы заняты, всѣ газеты и журналы разобраны (по воскресеньямъ въ чайной бываетъ до 1.000 чел.). Приходятъ цѣлыми семьями, усаживаются за столы. Что ни столъ, то картина, просящаяся на полотно. Вотъ два, еле видные отъ земли, карапузика попросили себѣ порцію чая; одинъ немного больше другого, но надо видѣть, съ какой серьезной дѣловитостью онъ подсаживаетъ на стулъ маленькаго, наливаетъ ему чай изъ огромнаго чайника, закармливаетъ булками. Дальше степенное семейство: старикъ-мужъ читаетъ вслухъ газету, жена подпершись локоткомъ, устремивъ глаза въ пространство, забывъ о чаѣ, сосредоточенно слушаетъ. Тамъ мать, пожилая женщина съ грустнымъ лицомъ, угощаетъ своего сына, блѣднаго, высокаго мальчика. „Онъ въ ученье у живописца, и такой мальчикъ, что Бога благодарить нужно", разсказываетъ она намъ: „можетъ, и плохо ему тамъ, да такой терпѣливый, что ни за что не скажетъ, ну материнское сердце и спокойно. А побаловать-то его хочется: малый-то ужъ очень хорошій". Тутъ и рабочіе, и мастеровые, и веселые школьники, и Богъ знаетъ откуда забредшій сюда странникъ съ котомкой. Всюду оживленный говоръ. У стереоскоповъ всегда кучка ожидающихъ своей очереди, чтобы посмотрѣть.

Въ нижней залѣ въ это время ведутся чтенія съ туманными картинами для дѣтей, черезъ часъ такое же чтеніе для взрослыхъ. Слушателей всегда много. Выразительное чтеніе, хорошія картины, интересъ содержанія привлекаетъ многихъ; есть уже постоянные посѣтители, не пропускающіе ни одного. Читаются брошюры беллетристическія, географическія, историческія; были чтенія и на современныя темы: „о Сибирской желѣзной дорогѣ" объ Японіи, о

Кореѣ. Иногда, вмѣсто чтенія, бывала живая фотографія, привлекавшая всегда массу зрителей, особенно дѣтей. Интересно было наблюдать за лицами даже и взрослыхъ. Не разнообразна картина: вѣчная „улица Парижа“, „купающіеся негры“, „акробаты“, „волшебная комната“—все это видано перевидано, но всегда встрѣчается съ одинаковымъ восхищеніемъ, вызываетъ дружный хохотъ. А когда на полотнѣ появляется деревенскій дворъ, выходитъ баба кормить птицъ и постепенно передъ глазами проходитъ вся эта деревенская идиллія—куры, гуси, коровы, телята, то радости нѣтъ предѣловъ: даже на лицахъ стариковъ является дѣтская блаженная улыбка. Вѣроятно, вспоминается имъ родная деревня и все, что было близко и дорого когда-то. Смотрятъ это „Утро на деревенскомъ дворѣ“ по нѣсколько разъ и всегда одинаковый успѣхъ. Чтеній было всего 26, посѣтителей за годъ 14.700, среднимъ числомъ 565. По окончаніи чтенія бывало музыкальное отдѣленіе; прежде выступали любители, послѣднее же время, какъ по волшебству, создался дружный стройный хоръ балалаечниковъ—все настоящіе и бывшіе ученики вечернихъ классовъ. По вечерамъ послѣ уроковъ собирались они на репетиціи, увлечены ужасно, стремятся разучивать все новыя вещи и преисполнены счастливой гордостью, особенно когда какая-нибудь удачная пѣсня вызоветъ взрывъ аплодисментовъ. Кончилась музыка, публика спускается внизъ въ чайную, или домой. Въ 5 час. въ другой залѣ собираются слушатели лекцій. Не успѣла она еще кончиться, какъ по лѣстницѣ уже вереницей тянутся театралы. Въ театрѣ спектакли каждое воскресенье; дается преимущественно Островскій, были „Мертвыя души“ Гоголя, „Русалка“ Пушкина, „Плоды просвѣщенія“ Толстого. Игра очень хорошая.

Но все это время чайная не перестаетъ дѣйствовать, постоянно мѣняются посѣтители. Кончилось чтеніе—и нахлынула шумная толпа дѣтей, потомъ взрослые съ чтенія, съ лекцій, наконецъ, театральная публика въ антрактахъ. Каждый новый приливъ толпы приноситъ съ собой новые разговоры, впечатлѣнія о слышанномъ, обмѣнъ мнѣній. Гулъ стоитъ въ чайной, и столько въ немъ жизни, интереса и радости, что не хочется уходить. И это чувство не субъективное: испытываютъ его почти всѣ, работающіе въ Домѣ. Не говорю уже о работавшихъ давно, но и мы, новые пришлые, испытываемъ то-же. Для всѣхъ насъ этотъ домъ представляетъ свѣтлую точку, куда идешь всегда съ одинаковымъ чувствомъ подъема силъ и духа, гдѣ какъ-то разомъ отодвигается на второй планъ все, что тяготитъ душу, что мучаетъ и волнуетъ за стѣнами. „Когда попадешь сюда, такъ и уходить не хочется“. Да вѣдь жизнь то здѣсь какая, можно-ли думать объ усталости! Это говорятъ люди дѣйствительно уставшіе отъ обязательнаго ежедневнаго труда, но здѣсь они объ этомъ забываютъ.

Да правда, трудно устать, когда жизнь бьетъ ключемъ, когда чувствуешь себя хоть маленькимъ винтикомъ этой большой хорошей машины.

Всѣхъ сотрудниковъ было 75; изъ нихъ нѣкоторые бываютъ почти каждый день. Разнообразіе занятій требуетъ большого количества силъ; существуютъ кромѣ занятій еще дежурства въ театрѣ, на лекціяхъ, чтеніяхъ; многіе помогаютъ въ чайной. Цѣлый день смѣняются люди, всякій спѣшитъ къ своему дѣлу, которое кажется ему самымъ близкимъ и на которое отдаетъ частицу своей души.

Какъ живая, встаетъ передъ глазами Е. Н., бывшая завѣдующая дѣтской столовой. Худенькая, маленькая, хрупкая, съ тихимъ голосомъ и безконечно доброй улыбкой, одна изъ тѣхъ натуръ, которымъ всегда кажется, что онѣ

занимаютъ слишкомъ много мѣста на землѣ, и которыя въ своемъ смиреніи не подозрѣваютъ, какъ они нужны и дороги тѣмъ, кто съ ними сталкивается.

„Спи, намъ родная, намъ близкая ты! Въ радости ль, въ горѣ мы будемъ, ласки твоей и твоей доброты мы никогда не забудемъ", искренно вылилось въ стихотвореніи ученика рабочаго, посвященномъ ея памяти: „Намъ, горемыкамъ, была ты сестрой, добрымъ товарищемъ, другомъ. Спи, ты боролася всею душой съ тьмою—народнымъ недугомъ. Честно ты сѣяла, ближнихъ любя, сѣмя любви безконечной. Спи! Не крикливой хвалою тебя вспомнимъ, а съ грустью сердечной". Для нея народный домъ былъ и жизнью, и радостью; она служила дѣлу почти съ самаго его основанія 12 лѣтъ назадъ. Сколько дѣтей, обласканныхъ ею, выросло на ея глазахъ, сколько волненій и счастья пережила она съ ними! Совсѣмъ больная, слабая съ мучительными головными болями, почти не покидавшими ее въ послѣднее время, она долго и упорно отказывалась ѣхать отдыхать. „Вѣдь я такъ сжилась съ Домомъ: какой же будетъ отдыхъ, если я все время буду томиться и скучать безъ него. Не хочется и думать, что жизнь тамъ будетъ идти безъ меня". Но пришла смерть и разомъ успокоила; жизнь пошла безъ нея, но память о ней на долго останется въ этой жизни.

И она не единственная: для многихъ Народный домъ составляетъ радость и въ этой радости залогъ будущаго успѣха.

Мои замѣтки далеко не полны; многихъ сторонъ жизни въ Домѣ пришлось еле коснуться: слишкомъ мало одного года личныхъ впечатлѣній для изображенія полной картины. Бывали еще праздники на Рождествѣ и на Пасхѣ, елки для школьниковъ - посѣтителей дѣтскаго отдѣла, для дѣтей дошкольнаго возраста, для подростковъ - учениковъ и учеництъ мастерскихъ, фабричныхъ и торговыхъ заведеній. Елки съ играми, пѣніемъ, танцами, съ безконечнымъ дѣтскимъ весельемъ, съ подарками вызывающими столько радостныхъ воспоминаній у ребятъ. Было два спеціально дѣтскихъ спектакля; было нѣсколько баловъ для взрослыхъ. Весной по окончаніи спектаклей театральный залъ отданъ подъ народную выставку, которую, конечно, перевидали завсегдатаи Народнаго дома; для нѣкоторыхъ это было совершенно ново.

Присматриваясь къ посѣтителямъ, прислушиваясь къ ихъ замѣчаніямъ, чувствовалось, что многое понятно, многое нравится. Интересно письмо одного извощика подъ первымъ впечатлѣніемъ выставки. „Въ первый разъ въ жизни мнѣ пришлось видѣть такія талантливыя картины, какъ мальчикъ у дверей школы, которая мнѣ напомнила лѣта юности, желанія науки и познанія грамотности. Когда я вышелъ, то находился въ восторгѣ, но и на козлахъ меня безпокоятъ ваши картины", пишетъ онъ. Вѣроятно, когда онъ сидѣлъ на козлахъ, ему пришла мысль изобразить видѣнное въ стихахъ, которые и помѣщаетъ въ концѣ письма:

„Пришелъ въ школу сирота, юноша-бѣдняга. Въ двери смотритъ простота, въ рубищѣ сердяга. Вотъ учиться бы и мнѣ, про себя подумалъ... На кафтанъ свой посмотрѣлъ, весь въ дырахъ онъ рваный; отъ стыда онъ весь горѣлъ"... и т. д. Кончается оно такъ: „Кто наставитъ сироту доброму совѣту?

Любимъ міра суету, а любви въ насъ нѣту. Кто заблудшихъ пріютитъ и къ добру направитъ, тому Богъ грѣхи проститъ, вѣчныхъ мукъ избавитъ". Закрытіе выставки совпало съ окончаніемъ учебнаго года, потому и трудно было собрать о ней отзывы; но думается, что она должна занять не послѣднее мѣсто въ ряду народныхъ развлеченій.

Мои воспоминанія покажутся, можетъ быть, односторонними: отсутствуетъ

критика, не указано ошибокъ и недостатковъ. Вѣроятно, они и есть: только тотъ не ошибается, кто ничего не дѣлаетъ. Но какъ нельзя критиковать картину, не оконченную художникомъ, или литературное произведеніе, не доведенное до конца, такъ преждевременна была бы критика и здѣсь. Дѣло въ такихъ большихъ размѣрахъ еще только начинается, еще многое въ мечтахъ, чего еще нѣтъ, можетъ быть, да вѣроятно и будетъ. Не даромъ во главѣ дѣла стоитъ человѣкъ, обладающій широкимъ умомъ и живой отзывчивой душой, и помогаютъ ему увлеченные дѣломъ люди. Не даромъ народъ идетъ все съ большимъ удовольствіемъ въ гостепріимный домъ, не даромъ расположеніе къ нему выражается въ восторженныхъ стихахъ, сочиненныхъ ученикомъ на годовщину открытія.

Порвалъ смѣло мрака пологъ,
Глянулъ солнцемъ изъ за тучъ,
Онъ намъ близокъ, онъ намъ дорогъ,
Въ немъ есть къ жизни смыслъ и ключъ.
Домъ отрады, домъ привѣта,
Другъ безпомощныхъ, врагъ тьмы,
Годовщину ласки, свѣта
Здѣсь, друзья, справляемъ мы.

Это—поэзія развитого ученика, а вотъ проза слабограмотнаго человѣка: „А также побольше бы было учредителей такихъ домовъ въ Россіи, какъ этотъ народный домъ“, пишетъ онъ: „сколько приноситъ людямъ пользы и развлеченія, не теряя рабочаго времени, ни средства. А понятія и познанія можно зачерпнуть очень много. Если кто постремится къ нему, тотъ получитъ. Настолько я нахожу полезнымъ со своей стороны этотъ домъ, но только дѣло въ томъ, что по своей темнотѣ не могу правильно объяснить всего, сколько есть у меня чувства къ нему“.

Въ заключеніе хочется привести отрывокъ изъ письма ученика перваго выпуска вечернихъ классовъ. „Позвольте описать то, что я получилъ за эти поистинѣ свѣтлые три года. Предо мной столько открылось неизвѣстнаго, что мнѣ теперь кажется, я совсѣмъ другой человѣкъ сталъ. Насколько меня перемѣнили уроки, судите сами изъ слѣдующаго: я пришелъ къ Вамъ съ цѣлью быть хорошимъ спеціалистомъ, а теперь этимъ не довольствуюсь—хочу быть хорошимъ человѣкомъ и по возможности учиться, чтобы кому нибудь изъ своей среды что нибудь показать во имя знанія и свѣта“.

Хочется вѣрить, что искреннее желаніе ученика „быть хорошимъ человѣкомъ и помочь другимъ во имя знанія и свѣта“ не единолично, что мечта это дорога многимъ: не даромъ всѣмъ намъ думается только о свѣтломъ въ этомъ свѣтломъ домѣ.

С. К.

Пятнадцатилѣтіе „Женскихъ спеціальныхъ классовъ новыхъ языковъ“.

2 октября 1904 г. исполнилось пятнадцать лѣтъ съ основанія состоящихъ подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Е. И. В. Великой Княгини Ксеніи Александровны „*Женскихъ спеціальныхъ классовъ новыхъ языковъ*“ М. М. Бобрищевой-Пушкиной.

Классы новыхъ языковъ М. М. Бобрищевой-Пушкиной являются первымъ по времени учрежденіемъ такого типа и отвѣчаютъ настоятельной и давно

сознанной въ нашемъ обществѣ потребности въ болѣе основательномъ изученіи новыхъ языковъ и практической подготовкѣ къ ихъ преподаванію.

Наши среднія учебныя заведенія—будутъ ли то институты, гимназіи Вѣдомства Императрицы Маріи или частныя и казенныя гимназіи министерства народнаго просвѣщенія,—не даютъ да и не могутъ давать оканчивающимъ солидную теоретическую и практическую подготовку по новымъ языкамъ. При разнообразіи и многочисленности предметовъ, преподаваемыхъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, ученицы не имѣютъ возможности относиться ко всѣмъ урокамъ съ одинаковымъ вниманіемъ. Французскій и нѣмецкій языки, единственные входящіе въ програму среднихъ учебныхъ заведеній, вполнѣ естественно отступаютъ на второй планъ. Было бы даже странно и нераціонально задерживать въ классѣ ученицу, успѣвающую по болѣе важнымъ отраслямъ знанія, изъ-за недостаточныхъ познаній по новымъ языкамъ. Притомъ, и въ самыхъ программахъ (за исключеніемъ институтскихъ) обязательнымъ считается лишь одинъ изъ языковъ, и оба языка изучаютъ обыкновенно лишь тѣ, кто уже имѣетъ нѣкоторую подготовку хотя бы по одному изъ нихъ. Такимъ образомъ, болѣе основательное знаніе новыхъ языковъ встрѣчается лишь у тѣхъ болѣе счастливыхъ, которыя имѣли дополнительные уроки или практику дома; большинство же выносятъ изъ гимназіи смутное воспоминаніе о грамматическихъ правилахъ, докучливыхъ исключеніяхъ и безконечно повторяющихся ошибкахъ, да весьма небольшой запасъ словъ, который быстро исчезаетъ изъ памяти, если не подновлять и не закрѣплять его самостоятельнымъ чтеніемъ.

Между тѣмъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что новые языки—не только французскій и нѣмецкій, но и англійскій и даже итальянскій не только полезны, но даже прямо необходимы для всякаго интеллигентнаго человѣка, желающаго заниматься наукою или работать въ области литературы. Общій весьма низкій средній уровень нашей переводной литературы наглядно показываетъ, какъ необходимо намъ знаніе иностранныхъ языковъ, и какъ несовершенны еще въ нашемъ обществѣ познанія по этой части.

Интеллигентному взрослому человѣку не такъ ужъ трудно изучить иностранный языкъ, но ему нужно для этого: 1) хорошій руководитель, который бы сумѣлъ передать ему духъ изучаемаго языка, 2) истинно литературныя произведенія, по которымъ онъ могъ бы ознакомиться ближе съ особенностями этого языка и 3) практическій навыкъ. Всѣ эти задачи лучше всего могутъ быть выполнены спеціальными курсами или классами новыхъ языковъ.

М. М. Бобрищева-Пушкина, поставивъ своей цѣлью осуществленіе этихъ задачъ, ввела въ программу своихъ классовъ, кромѣ практическаго изученія новыхъ языковъ—французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, итальянскаго и шведскаго, а также и латинскаго—и преподаваніе литературы этихъ языковъ. А для того, чтобы повысить общій уровень развитія ученицъ, установленъ также рядъ курсовъ по общеобразовательнымъ предметамъ, какъ-то: логика, психологія, исторія Россіи, всеобщая исторія и литература, отечествовѣдѣніе, эстетика въ связи съ исторіей искусствъ и методика преподаванія. Полный курсъ „классовъ новыхъ языковъ“ трехгодичный и раздѣляется на отдѣлы; поступать же можно на любой отдѣлъ, по собственному выбору и степени знанія.

Кромѣ названныхъ общеобразовательныхъ и спеціальныхъ курсовъ, существуетъ для желающихъ особый художественный классъ, гдѣ преподаются: рисованіе, живопись по фарфору, выжиганіе по дереву, живопись масляными красками и акварелью по дереву, шелку, холсту и т. п.

Нужно отмѣтить, что программа „классовъ“—въ общемъ весьма обширная

и разнообразная,—не представляетъ одного неразрывнаго цѣлаго; программа того или другого отдѣла обязательна лишь для желающихъ получить свидѣтельство объ окончаніи курса „классовъ новыхъ языковъ“. Благодаря такой постановкѣ дѣла каждый можетъ за сравнительно небольшую плату выбрать лишь наиболѣе нужные и интересные для него предметы.

За курсъ одного какого-нибудь языка при 5 урокахъ въ недѣлю и съ правомъ слушать курсы общеобразовательныхъ предметовъ установлена плата въ 40 р. за полугодіе. Желающія имѣть большее количество уроковъ, а именно 7,—добавляютъ еще 15 р. въ полугодіе. Записавшіяся на одинъ изъ курсовъ литературы—при 2 урокахъ литературы и 3 урокахъ практики (стилистика и разговорный практическій классъ)—вносятъ также 40 р. за полугодіе, желающія же имѣть 7 уроковъ въ недѣлю доплачиваютъ еще 15 руб. въ полугодіе.Нужно прибавить, что эта весьма скромная плата еще понижается прогрессивно, если ученица желаетъ изучать не одинъ, а два, три или даже четыре языка или курса литературы. За занятія по литературному отдѣлу, по тремъ или четыремъ предметамъ, установлена особая плата — не менѣе 30 р. въ полугодіе.

Пріѣзжающія изъ провинціи, одинокія дѣвушки, не умѣющія устроиться въ столицѣ самостоятельно, могутъ за сравнительно невысокую плату жить на полномъ пансіонѣ при „классахъ“. Занятія на курсахъ новыхъ языковъ начинаются съ половины сентября и кончаются къ 18-му мая.

Среди преподавателей интересно отмѣтить прив.-доц. М. А. Поліевктова, начальницу курсовъ М. М. Бобрищеву-Пушкину, д-ра фил. В. И. Седжфильда, д-ра фил. Э. Шмидта, А. Ѳ. Мейеръ, А. Л. Липовскаго, В. М. Пушина, А. В. Крылова, Е. Мерсіо, г-жу Ternant, Э. Коталіота, Miss Paterson, М. П. Геймзотъ, г-жу Millenet, г-жу Mianton, В. И. Данилову и др.

Самое преподаваніе поставлено интеллигентно и не шаблонно. Курсы иностранныхъ литературъ читаются на соотвѣтственныхъ иностранныхъ языкахъ. Устраиваются рефераты и разборы выдающихся литературныхъ произведеній.

Въ практическихъ классахъ дѣлаются переводы классическихъ произведеній русской литературы—произведеній Пушкина, Тургенева, Толстого, Гончарова и др. Въ нѣмецкомъ практическомъ классѣ велись бесѣды и дѣлались разъясненія относительно картинныхъ галлерей Дрездена, Берлина, изучалась исторія искусствъ на нѣмецкомъ языкѣ. Въ курсѣ всеобщей литературы разбиралась литература испанская и итальянская. Для иллюстрацій къ курсу эстетики и исторіи искусствъ совершались экскурсіи въ Эрмитажъ и въ Музей Александра III.

Въ общемъ какъ программа, такъ и постановка преподаванія въ „классахъ“ М. М. Бобрищевой-Пушкиной предполагаетъ учащихся, уже окончившихъ какое нибудь среднее учебное заведеніе, но дипломъ не является обязательнымъ условіемъ для поступленія. Благодаря этому, лица, получившія лишь домашнее воспитаніе или неимѣвшія возможности окончить одно изъ среднихъ учебныхъ заведеній, могутъ безъ затрудненій пополнить свое образованіе, или же подготовиться для преподаванія одного изъ новыхъ языковъ, что дастъ имъ въ дальнѣйшемъ возможность имѣть самостоятельный заработокъ.

Постоянно возрастающее число ученицъ, нерѣдко пріѣзжающихъ на курсы изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ Европейской и Азіатской Россіи—съ Кавказа, изъ Ташкента, Томска, Харбина и т. п.—свидѣтельствуетъ о томъ, что „классы новыхъ языковъ“ отвѣчаютъ дѣйствительной потребности общества. Начавъ 15 лѣтъ тому назадъ съ 56 ученицъ за весь учебный годъ, классы

насчитываютъ теперь около ста ученицъ въ полугодіе, и М. М. Бобрищева-Пушкина могла съ чувствомъ истиннаго удовлетворенія видѣть, какъ разросталось и крѣпло ея дѣло, на которое она положила столько силъ и хлопотъ. Ко времени празднованія пятнадцатилѣтія черезъ курсы прошли 1.837 ученицъ, а на первое полугодіе настоящаго года на курсы записалось 86 ученицъ. Изъ нихъ 25 окончившихъ курсъ въ институтахъ, 23—въ гимназіяхъ Вѣдомства Императрицы Маріи, 32—въ гимназіяхъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, и 6—получившихъ домашнее воспитаніе. По учебнымъ занятіямъ ученицы распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 1) во французскомъ классѣ во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ—62 учен.; 2) въ нѣмецкомъ—26 учен.; 3) въ англійскомъ—25 учен.; 4) въ русскомъ литературн. по курсамъ психологіи, эстетики и русской исторіи—26 учен.; 5) въ итальянскомъ—3 учен.; 6) въ художественномъ классѣ 12 ученицъ.

На молебнѣ, состоявшемся 2 октября въ день пятнадцатилѣтія со дня основанія „спеціальныхъ классовъ новыхъ языковъ" собрались не только учащіе и учащіяся классовъ, но и многіе представители педагогическаго міра: директоръ С.-Петербурскихъ и Царскосельской женскихъ гимназій П. И. Степановъ, завѣдывавшій высшими врачебными курсами т. сов Н. А. Вильчковскій, инспекторъ пажескаго корпуса генералъ А. А. Даниловскій, директоръ гимназіи и реальнаго училища Гуревича Я. Г. Гуревичъ, начальница женской гимназіи Стоюниной М. Н. Стоюнина и нѣкорые другіе, а товарищъ Мин. Народн. Просв. С. М. Лукьяновъ и попечитель СПБ. учебнаго округа П. П. Извольскій прислали М. М. Бобрищевой-Пушкиной любезныя телеграммы. На молебствіи Протоіерей Н. М. Розановъ въ словѣ своемъ, указавъ на главныя основанія и педагогическія задачи „классовъ", отмѣтилъ, что труду основанія предшествовалъ долгій трудъ изученія заграницей постановки лучшихъ учебныхъ заведеній этого типа. Я. Г. Гуревичъ произнесъ привѣтственную рѣчь, пожелавъ, „чтобы такія спеціальныя учебныя заведенія множились и учреждались въ нашемъ отечествѣ, чтобы по образцу этихъ классовъ возникли курсы новыхъ языковъ во всѣхъ городахъ Россійской Имперіи".

Къ этому пожеланію присоединимся и мы.

Г. А. Я.

Рѣчь министра народнаго просвѣщенія.

19 сентября г. министру народнаго просвѣщенія В. Г. Глазову представлялись: директора правительственныхъ и частныхъ гимназій и реальныхъ училищъ гор. С.-Петербурга, спб. учительскаго института и инославныхъ церковныхъ училищъ, директоръ и инспектора народныхъ училищъ спб. губерніи, директора гимназій петергофской, кронштадской и царскосельской и реальныхъ училищъ кронштадтскаго, царскосельскаго и гатчинскаго, начальницы и предсѣдатели педагогическихъ совѣтовъ женскихъ учебныхъ заведеній С.-Петербурга, а также предсѣдатели совѣтовъ спб. низшаго химико-техническаго училища, охтенскаго низшаго механико-техническаго училища и ремесленной школы въ селеніи Пороховые заводы. Представлявшіеся собрались въ залѣ департамента общихъ дѣлъ министерства, во главѣ съ попечителемъ с.-петербургскаго учебнаго округа стат. сов. Извольскимъ. Министръ прибылъ въ 1 ч. 30 м. дня и, въ сопровожденіи попечителя, обошелъ всѣхъ собравшихся, разспрашивая ихъ о ходѣ учебныхъ занятій, о числѣ учащихся

и т. п. Въ заключеніе министръ обратился къ представлявшимся съ простою сердечною рѣчью, въ которой выразилъ приблизительно слѣдующее: „Считаю необходимымъ познакомиться лично со всѣми вами, господа, такъ какъ для дѣла, которому мы служимъ, отъ этого знакомства можетъ быть большая польза. Среди васъ имѣется много лицъ, получившихъ заслуженную извѣстность въ педагогическомъ мірѣ. Поэтому я желалъ-бы встрѣчаться съ вами не здѣсь только, но и у себя въ кабинетѣ, чтобы имѣть возможность знать дѣйствительность и выслушивать ваши компетентныя сужденія. Въ настоящее время со стороны общества къ школѣ предъявляются большіе запросы, но не всѣ еще они получили должное удовлетвореніе. Причина этого—настоящія тяжелыя экономическія условія. Но мы съ вами хорошо знаемъ, что успѣхъ учебнаго дѣла зиждется не на матеріальной только основѣ, а главнымъ образомъ, на духовной. Школа—непосредственная преемница родительской власти надъ дѣтьми, продолжательница дѣла воспитанія. Поэтому между школой и родителями необходима самая тѣсная связь, которой, однако, не существуетъ. Какъ со стороны газетной прессы, такъ и со стороны родителей учащихся раздается не мало нареканій противъ педагогическаго персонала, самый фактъ которыхъ говоритъ о существованіи розни между семьею и школой. Не со всѣми этими нареканіями можно, однако, согласиться. Часто въ нихъ обнаруживается незнаніе условій внутренней жизни школы. Такъ, напримѣръ, учителей нерѣдко обвиняютъ въ неровности характера, недостаточной сердечности, любви къ дѣлу и т. п. Говорящіе это не знаютъ, въ какомъ тяжеломъ матеріальномъ, а подчасъ и нравственномъ положеніи находятся преподаватели. Вамъ, конечно, тоже приходилось слышать не мало родительскихъ упрековъ и часто доказывать, что они не совсѣмъ справедливы. Вотъ эту-то рознь между семьею и школой и нужно постараться прекратить. Съ этою цѣлью я предполагаю образовать подъ руководствомъ попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа особую коммиссію, которая должна изыскать средства, чтобы уничтожить эту ненормальное средостѣніе. Нѣкоторый матеріалъ въ этомъ отношеніи могутъ дать школы вѣдомства министерства финансовъ. Въ Петербургѣ имѣется много учебныхъ заведеній нашего вѣдомства. Постараюсь, по мѣрѣ возможности, посѣтить ихъ и убѣдиться, что все хорошее, мною слышанное о нихъ, окажется таковымъ и на дѣлѣ“.

(„Нов.“).

Новые языки въ университетахъ.

Министерство народнаго просвѣщенія передало на обсужденіе совѣтовъ университетовъ вопросъ о болѣе раціональномъ изученіи новыхъ языковъ. Какъ извѣстно, на основаніи дѣйствующихъ правилъ о зачетѣ полугодовыхъ и о полукурсовыхъ испытаніяхъ на историко-филологическомъ факультетѣ, студенты обязаны выдерживать испытаніе по одному изъ новыхъ языковъ въ теченіе первыхъ 6 семестровъ. Между тѣмъ, въ практикѣ историко-филологическихъ факультетовъ за послѣднее время неудобство столь отдаленнаго срока для сдачи экзаменовъ по новымъ языкамъ стало обнаруживаться съ особою рѣзкостью при организаціи практическихъ занятій по всеобщей исторіи и другимъ наукамъ, преподаваемымъ на 5 и 6 семестрахъ. Такъ, профессорамъ приходится неоднократно встрѣчаться съ такими студентами, которые еще не были въ состояніи читать книги на иностранныхъ языкахъ, а лишь *учились читать*. Наряду съ этимъ, многіе студенты, при сдачѣ экзаменовъ по но-

вымъ языкамъ въ концѣ 6-го семестра, т. е., за годъ до окончанія курса, не могли выдержать этихъ экзаменовъ вслѣдствіе слабости познаній. Имѣя въ виду, что плодотворность университетскихъ занятій для студентовъ, въ особенности въ теченіе послѣднихъ 2-хъ лѣтъ ихъ пребыванія въ университетѣ, когда они приступаютъ къ спеціальному изученію наукъ и къ самостоянымъ научнымъ работамъ, въ значительной мѣрѣ связана съ достаточными свѣдѣніями по новымъ языкамъ, историко-филологическій факультетъ одного изъ университетовъ возбудилъ ходатайство о томъ, чтобы экзамены по новымъ языкамъ включались на историко-филологическихъ факультетахъ въ составъ полукурсовыхъ испытаній въ концѣ 2 и 4 семестровъ, съ тѣмъ, чтобы безъ удовлетворительныхъ познаній по этимъ языкамъ, студенты не были допускаемы къ слушанію лекцій на 5 семестрѣ. Передавъ этотъ вопросъ на обсужденіе историко-филологическихъ факультетовъ и совѣтовъ университетовъ, министерство поставило университеты въ извѣстность, что варшавскій университетъ обращался съ ходатайствомъ о введеніи на 1 курсѣ историко-филологическаго факультета особаго элементарнаго курса французскаго и нѣмецкаго языковъ, съ правомъ выбора того или другого для слушанія самими студентами. При переходѣ на 2 курсъ студенты, какъ ходатайствуетъ университетъ, должны обязательно сдать экзаменъ, изъ избраннаго курса, съ тѣмъ, чтобы полученныя отмѣтки были принимаемы во вниманіе, наравнѣ съ другими, при освобожденіи отъ платы, распредѣленіи пособій и стипендій, причемъ въ случаѣ полученія неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, студенты, не лишаясь права перехода на 2 курсъ, обязаны будутъ повторить экзамены по этому предмету на 2 курсѣ. Это ходатайство уважено министерствомъ.

(„Нов.“).

Переполненіе школъ.

Ежегодно осенью столичныя и мѣстныя газеты переполняются жалобами на недостатокъ мѣста въ школахъ, благодаря чему масса дѣтей остается за флагомъ. Такъ, во Владикавказѣ нѣтъ мѣста для желающихъ получить среднее образованіе. Такъ плохо, что дальше уже, кажется, идти некуда. Особый наплывъ учениковъ бываетъ обыкновенно во владикавказскую классическую гимназію, куда въ настоящемъ году поступило 220 прошеній, изъ которыхъ 101 осталось безъ удовлетворенія за неимѣніемъ мѣста. А между тѣмъ гимназія давно уже принимаетъ учениковъ сверхъ комплекта, постепенно открывая параллели, кои имѣются во всѣхъ классахъ, не исключая и 8-го. Всѣхъ параллелей въ гимназіи 17; въ нихъ учениковъ 684 вмѣсто полагающихся 400. Такое переполненіе вызвало со стороны директора гимназіи заявленіе, что съ будущаго года придется прекратить пріемъ во всѣ классы гимназіи за исключеніемъ приготовительнаго; кромѣ того является необходимымъ постепенно уменьшать число учениковъ въ классахъ въ видахъ соблюденія гигіеническихъ условій. Чрезмѣрная тѣснота не можетъ не отзываться на учащихся въ неблагопріятномъ смыслѣ. Директоръ гимназіи указываетъ на необходимость открытія мужской прогимназіи. По этому поводу онъ обратился къ городскому головѣ съ просьбой предоставить для будущей прогимназіи подходящее помѣщеніе и назначить на содержаніе ея ежегодное пособіе деньгами. Недостающія же суммы могутъ быть отнесены на спеціальныя средства, также на пособіе отъ казны. Надо надѣяться, что городъ откликнется на запросъ директора въ утвердительномъ смыслѣ. Насколько великъ спросъ на среднее

образованіе, видно между прочимъ изъ того, что при находящемся во Владикавказѣ же реальномъ училищѣ организованъ классъ, содержащійся на счетъ самихъ родителей. Въ гор. *Грозномъ* реальное училище только что открылось и оно уже переполнено. *Пятигорская* мужская прогимназія имѣетъ уже 7 классовъ и готова переименоваться въ гимназію. Въ женскихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ дѣло обстоитъ развѣ немногимъ лучше. Во владикавказской женской гимназіи два года назадъ были открыты двѣ новыя параллели, содержаніе которыхъ взяли на себя частныя лица. Владикавказская женская прогимназія принимаетъ только половину всѣхъ желающихъ поступить въ нее. Въ Пятигорскѣ въ женской гимназіи все полно. Во владикавказскомъ, женскомъ епархіальномъ училищѣ то же самое.

Въ Ковнѣ кончились пріемные экзамены во всѣ учебныя заведенія; переполнены всѣ классы, а сколько еще молодежи, желающей попасть въ эти „храмики“ науки, осталось за порогами школъ! Въ Ковнѣ два среднихъ учебныхъ заведенія для мальчиковъ—гимназія и коммерческое училище (пока еще съ четырьмя классами). Гимназія такъ переполнена, что надо еще удивляться, какъ въ такомъ убогомъ помѣщеніи размѣщается такъ много учащихся и помѣщаются 15 классовъ. Есть классы, въ которыхъ почти 60 человѣкъ учениковъ. Не меньше переполнено и коммерческое училище. Не мудрено, что, не попавъ въ гимназію, мальчики не попадаютъ и въ коммерческое училище. Весною этого года циркулировали слухи объ открытіи въ Ковнѣ реальнаго училища, въ которомъ ощущается настоятельная нужда: ассигновано даже 50.000 руб. на училище изъ разрѣшеннаго городу займа, но теперь объ этомъ замолкли слухи. А нужно, очень нужно открыть въ городѣ еще одну среднюю школу.

Въ Севастополѣ въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ только что окончены пріемные экзамены. Въ конечномъ результатѣ принято около пятой части выдержавшихъ испытаніе: остальнымъ за недостаткомъ свободныхъ мѣстъ отказано. Начало каждаго учебнаго года даетъ громадный сравнительно процентъ остающихся за порогомъ школы. И особенно рельефно въ этомъ отношеніи выдѣляются среднія учебныя заведенія, гдѣ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ наблюдается невѣроятно большой наплывъ учащихся. Въ женской гимназіи дошло до того, что пришлось всѣ свободныя помѣщенія и даже квартиру начальницы занять классами съ значительно увеличеннымъ контингентомъ учениц. Тѣснота, отсутствіе необходимыхъ удобствъ и достаточнаго количества воздуха порою дѣлаютъ пребываніе воспитанницъ въ такихъ помѣщеніяхъ крайне тяжелымъ. Въ такомъ или почти въ такомъ же состояніи находятся реальное училище и мужская прогимназія. Нужны средства для расширенія помѣщеній и этихъ учебныхъ заведеній, а въ городской кассѣ ихъ вовсе нѣтъ. Городское управленіе давно хлопочетъ о льготномъ займѣ такой суммы, которая дала бы возможность построить новое зданіе женской гимназіи, приспособить старое для мужской прогимназіи и расширить помѣщеніе реальнаго училища, но пока хлопоты эти остаются въ „мрачной неопредѣленности“. Очевидно городу безъ особой поддержки со стороны казны не выйти изъ затруднительнаго положенія, особенно при нынѣшней быстро растущей образовательной потребности населенія Севастополя.

Въ г. Минскѣ въ текущемъ году наблюдался необыкновенный наплывъ учащихся во всѣ учебныя заведенія города, начиная съ гимназіи и кончая народными школами. Наплывъ этотъ объясняется крайне недостаточнымъ числомъ учебныхъ заведеній въ нашемъ городѣ. До чего переполнены наши

учебныя заведенія можетъ служить доказательствомъ тотъ фактъ, что на одного учителя приходится въ среднихъ классахъ до 70-ти учениковъ, хотя полагается не болѣе 50-ти. Въ текущемъ году по выяснившимся уже результатамъ въ единственномъ городскомъ училищѣ остались непринятыми 230 дѣтей школьнаго возраста; въ женской министерской гимназіи — 100 дѣвочекъ; въ еврейскомъ народномъ училищѣ—139 мальчиковъ и 180 дѣвочекъ. Такіе же результаты ожидаются и въ остальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ экзамены еще не закончились. Трудно себѣ представить положеніе родителей, стремящихся къ предоставленію своимъ дѣтямъ начальнаго образованія; приходится быть свидѣтелемъ душураздирающихъ сценъ, происходящихъ у стѣнъ учебныхъ заведеній. Вопли населенія, однако, не доходятъ до городского общественнаго управленія. „Отцы" города въ текущемъ году предприняли разныя работы по устройству электричества, водопровода и не позаботились объ удовлетвореніи одной изъ самыхъ насущныхъ нуждъ нашего города—увеличеніи числа учебныхъ заведеній. Уже 2 года стоитъ на очереди вопросъ о второмъ городскомъ училищѣ, и онъ не можетъ разрѣшиться, единственно вслѣдствіе того, что требуется для этого ассигнованіе 2.400 р. Городъ, потратившій въ этомъ году болѣе ста тысячъ на улучшеніе электрическаго освѣщенія, почему-то отказываетъ въ этомъ, ссылаясь на недостаточность городскихъ средствъ. Между тѣмъ, налоги на обывателей доведены до максимальныхъ размѣровъ, и тратятся они на уличное *освѣщеніе*, а не народное *просвѣщеніе*. Наше коммерческое училище могло бы составить исключеніе въ этомъ отношеніи, но доступъ туда сопряженъ съ громадными трудностями. Для поступленія туда приходится прежде всего прибѣгать къ протекціи попечителей училища, а затѣмъ само поступленіе обусловливается крупнымъ пожертвованіемъ „для постройки собственнаго зданія для училища".

Въ Симферополѣ съ наступленіемъ академическаго года наблюдается переполненіе среднихъ учебныхъ заведеній. Въ мужской гимназіи и реальномъ училищѣ пріемъ въ младшіе классы очень ограниченный. Въ женской гимназіи также мало свободныхъ мѣстъ. Къ директорамъ мужской гимназіи и реальнаго училища поступаетъ много прошеній отъ родителей воспитанниковъ иногородныхъ учебныхъ заведеній о переводѣ ихъ въ мѣстныя учебныя заведенія, но ходатайства эти въ большинствѣ случаевъ отклоняются.

(„Н. Вр." и „Нов.").

Народные учителя.

Харьковская губернская земская управа, собирая статистическія свѣдѣнія о положеніи въ губерніи начальнаго народнаго образованія, коснулась весьма важнаго вопроса: состава преподавательскаго персонала и размѣра вознагражденія, получаемаго учителями и учительницами женскихъ начальныхъ народныхъ училищъ. Сводъ этихъ цыфръ даетъ слѣдующую малоутѣшительную картину. Общее число преподавателей въ народныхъ училищахъ составляетъ весьма солидную цифру—1.297 человѣкъ; среди нихъ преобладаютъ учительницы — 864, т. е. $^2/_3$ общаго числа: учителей немного — 433 человѣка. Каковъ образовательный цензъ учащихъ? Очень невысокій. Губернская управа разбила всѣхъ учащихъ на 2 группы: къ 1-й отнесены лица, получившія спеціально педагогическую подготовку или же окончившія курсъ среднихъ учебныхъ заведеній; такихъ насчитывается между учителями 70 про-

центовъ, а среди учительницъ—45%. Лицъ, не подготовленныхъ къ учительскому званію и не окончившихъ курса средняго учебнаго заведенія, между учителями насчитывается до 30, а между учительницами болѣе 54%. Теперь много говорятъ о необходимости поднять образовательное значеніе школы, о томъ, что курсъ начальной школы необходимо расширить, что она уже не удовлетворяетъ своему назначенію. И вотъ, статистика приходитъ въ этомъ случаѣ къ одному выводу—прежде чѣмъ взяться за расширеніе курса народной школы, необходимо подумать о положеніи образовательнаго ценза народныхъ учителей. Несомнѣнно, учительскія семинаріи даютъ хорошо подготовленныхъ съ достаточнымъ общимъ развитіемъ учителей, но вѣдь въ сущности народная школа сейчасъ находится въ рукахъ прогимназистовъ и разныхъ недоучекъ. Вознагражденіе учащихъ очень мизерно. Изъ данныхъ, собранныхъ губернской управой, видно, что для значительнаго числа школъ въ Харьковской губерніи высшимъ размѣромъ вознагражденія является окладъ въ 300 руб. въ годъ. Иногда же на первыхъ порахъ учащимъ приходится мириться и 200-рублевымъ жалованьемъ: 84% учащихъ получаютъ отъ 200 до 300 руб., 6%—отъ 150 до 200 р., 1%—отъ 100 до 150 р., 0,23%—менѣе 50 р., и 7% занимались безплатно. („Бирж. Вѣд.“).

Начальное образованіе въ Полтавскомъ у.

Въ полтавскомъ уѣздѣ, населеніе котораго достигаетъ почти 200 тысячъ душъ, насчитывается 154 народныя школы, въ томъ числѣ 3 министерскихъ, 67 земскихъ 32 церковно-приходскихъ и 52 школы грамоты. Общее количество учащихся нѣсколько превышаетъ 10 тысячъ. Очевидность недостатка школъ становится еще явственнѣе, если взглянуть въ отчеты земской управы, изъ которыхъ видно, что число отказовъ въ пріемѣ въ школы съ каждымъ годомъ возрастаетъ: въ 1900 году изъ нихъ было зарегистровано 1.240, въ 1901—1.336, въ 1902—1.372, въ 1903—1.461, а сколько тысячъ дѣтей совершенно не обращается въ школы за отдаленностью послѣднихъ?.. Чтобы удовлетворить одинъ лишь приростъ населенія, необходимо ежегодно открывать не менѣе четырехъ новыхъ школъ. Уѣздному земству, высоко ставящему задачи народнаго просвѣщенія, приходится напрягать всѣ свои силы, чтобы, какъ-нибудь поддержать существующую школьную сѣть; но оно старается, тѣмъ не менѣе, сколько возможно, подвинуться въ этомъ отношеніи нѣсколько впередъ. Главную трудность задачи составляетъ постройка школьнаго зданія, а разъ зданіе имѣется—школа такъ или иначе будетъ. Вообще, въ полтавской губ., какъ, впрочемъ, и во многихъ другихъ мѣстахъ, практикуется такой порядокъ: школьныя зданія сооружаются сельскими обществами, пользующимися для этого пособіями земства. Понятно, что общества болѣе или менѣе состоятельныя уже обзавелись такой роскошью, но гдѣ взять средства на постройку бѣднѣйшихъ изъ нихъ, когда земство выдаетъ въ пособіе всего лишь 400—500 р., какъ это имѣло мѣсто до сихъ поръ въ полтавскомъ уѣздѣ? Чтобы облегчить возможность строить школы и въ наименѣе зажиточныхъ мѣстностяхъ, земство теперь увеличило размѣръ своей субсидіи—для одноклассной школы до 1.000 р. и для двухклассной до 2.000 р. Такая мѣра не замедлила дать благопріятные результаты. Сразу-же со всѣхъ сторонъ поступили десятки заявленій, и за счетъ опредѣленнаго на это дѣло 30-ти тысячнаго фонда будетъ выстроено въ уѣздѣ, по меньшей мѣрѣ, 20 школъ. („Нов.“).

Начальное образованіе въ Минской губ.

Вопросы народнаго образованія въ послѣднемъ губернскомъ комитетѣ по дѣламъ земскаго хозяйства явились, такъ сказать, краеугольнымъ камнемъ. Дѣло въ томъ, что государственный совѣтъ, утверждая первую по минской губерніи земскую смѣту, высказался, что ассигнованіе на нужды народнаго образованія вообще, а на пособія церковно-приходскимъ школамъ въ частности не является для земства обязательнымъ. Тѣмъ не менѣе, уѣздные комитеты минской губерніи, сокращая смѣтныя статьи по разнымъ необязательнымъ расходамъ, признали справедливымъ продолжать развитіе дѣла народнаго образованія, на которомъ зиждется все благосостояніе сельскаго населенія. Соображаясь съ этимъ основнымъ принципомъ, уѣздные комитеты внесли соотвѣтствующіе кредиты на нужды просвѣщенія. Изъ всѣхъ мнѣній уѣздныхъ комитетовъ особеннаго вниманія заслуживаютъ предположенія минскаго и пинскаго уѣздовъ. Первый сдѣлалъ соотвѣтствующія вычисленія, что для достиженія общедоступности народнаго образованія требуется открытіе до 300 школъ; поэтому, открывая ежегодно по 20 школъ, можно будетъ достигнуть всеобщаго образованія чрезъ 15 лѣтъ. Такъ какъ половину школъ открываетъ министерство народнаго просвѣщенія, то земству, по мнѣнію уѣзда, надлежитъ открывать ежегодно по 10 школъ. Кромѣ того, минскій уѣздный комитетъ рѣшилъ построить 5 земскихъ училищныхъ зданій и открыть 5 народныхъ библіотекъ. Къ такимъ-же выводамъ пришелъ и пинскій комитетъ. Такъ какъ остальные уѣзды такихъ предположеній не сдѣлали, то ассигнованія губернской управы на уѣздныя нужды по народному образованію были весьма различны и достигли максимальной цыфры въ пинскомъ уѣздѣ—20.292 р., и минимальной—въ игуменскомъ уѣздѣ—5.500 р Въ губернскомъ комитетѣ по этому поводу возникли весьма оживленныя пренія. Представители уѣздовъ выставляли то неоспоримое мнѣніе, что всѣ уѣзды въ одинаковой степени нуждаются въ новыхъ источникахъ народнаго образованія и оказывать предпочтеніе одному въ ущербъ другимъ является крайне несправедливымъ. Въ прошломъ году этотъ-же вопросъ также служилъ предметомъ споровъ между представителями уѣздовъ, и комитетъ, не будучи въ состояніи привести всѣ мнѣнія къ одному знаменателю, рѣшилъ дать въ распоряженіе уѣздныхъ комитетовъ по 3.560 р. съ тѣмъ, чтобы деньги эти расходовались по усмотрѣнію самого уѣзда. Мѣра эта дала замѣтные результаты. Особенно важнымъ слѣдуетъ признать то, что уѣздные комитеты субсидировали тѣ крестьянскія общества, которыя составляли приговоры на открытіе школъ и, такимъ образомъ, сами являлись иниціаторами этого дѣла. Признавая первые шаги земскихъ дѣятелей въ этомъ направленіи весьма благопріятными, губернскій земскій комитетъ рѣшилъ ассигновать въ распоряженіе всѣхъ 9 уѣздныхъ комитетовъ по 8.000 р. на школьныя нужды съ тѣмъ, чтобы прежде всего удовлетворялись ходатайства крестьянскихъ обществъ о субсидіяхъ на открытіе школъ. („Нов.").

Начальное образованіе въ Симбирской губ.

Только 0,9% всего числа мужскаго и 0,5% женскаго населенія Симбирской губ. получили образованіе выше начальнаго: при этомъ лица съ среднимъ образованіемъ составляютъ 0,4% и съ высшимъ—0,04% всего населенія, а $^5/_6$ жителей совершенно не умѣютъ ни читать, ни писать; осо-

бенно низокъ показатель грамотности у лицъ женскаго пола, едва достигающій $^1/_{14}$ части общей ихъ численности въ губерніи. Наиболѣе высокимъ показателемъ грамотности выдѣляются нѣмцы (среди мужчинъ 83,6% и среди женщинъ 81,3%) и поляки (среди мужчинъ 65,3%, а среди женщинъ 81,2%), наиболѣе же низкимъ—чуваши (среди мужчинъ 15,6% и среди женщинъ 1,3%). („Сам. Газ.").

Всеобщее нач. обученіе въ Кіевской губ.

По порученію министерства народнаго просвѣщенія, попечитель кіевскаго учебнаго округа обратился къ директорамъ народныхъ училищъ съ предложеніемъ представить заключеніе по вопросу о введеніи въ губерніяхъ округа общедоступнаго начальнаго образованія. Отвѣты директоровъ уже получены попечителемъ и въ отношеніи Кіевской губерніи вопросъ о введеніи общедоступности начальнаго образованія представляется въ слѣдующемъ видѣ. Всѣхъ дѣтей школьнаго возраста въ губерніи насчитывается 317.598 человѣкъ (8 процентовъ всего населенія); изъ нихъ посѣщаютъ школы только 147.410 чел., а 170.188 остаются внѣ школъ. Чтобы сдѣлать начальное образованіе общедоступнымъ, необходимо открыть еще 2.835 школъ. На устройство такого числа школъ необходимо единовременно затратить 7.087.800 р. (отъ 2.000 до 3,000 р. на каждую школу) и ежегодно расходовать на ихъ содержаніе до 2.268.000 р. (отъ 700 до 1.000 р. на школу). Часть средствъ, идущихъ на содержаніе школъ въ Кіевской губерніи въ настоящее время, въ размѣрѣ $^3/_5$ общей суммы даетъ казна, $^1/_5$ часть—сельскія и городскія общества и столько же относится на счетъ земскихъ сборовъ. („Кіев. Газ.").

Ручной трудъ въ нач. школахъ.

Руководитель мѣстными земскими курсами ручного труда для народныхъ учителей Херсонской губ., г. Левченко обратился въ губернскую земскую управу съ докладной запиской по вопросу, не лишенному интереса. Ссылаясь на то, что ручной трудъ, несмотря на общее признаніе за нимъ извѣстной полезности, едва выходитъ изъ области теоретическихъ положеній къ чисто практическому примѣненію въ школѣ и въ жизни, и что многіе учителя, получившіе познанія на курсахъ, не могутъ приложить свои новыя знанія и умѣнья, авторъ записки подаетъ мысль о возможности для каждой школы особой программы ручного труда, въ которую входили бы предметы ручного производства, взятые изъ мѣстнаго сельскаго обихода. По мнѣнію г. Левченка, это связало бы ручной трудъ съ жизнью и привлекло бы въ пользу его мѣстныя средства. Для осуществленія этой идеи авторъ записки проситъ управу, списавшись съ учителями, усвоившими ручной трудъ, оказать имъ содѣйствіе по высылкѣ въ управу самихъ предметовъ мѣстной жизни или рисунковъ и чертежей съ нихъ, по которымъ въ управѣ при постоянномъ участіи г. Левченка могли бы изготовляться для разсылки по школамъ въ печатномъ видѣ рисунки и чертежи съ указаніемъ пріемовъ производства и той системы, въ какой эти предметы могли бы входить въ программу той или другой школы того или другого уѣзда. („Южн. Рос.").

Всеобщее начальное образованіе въ Херсонской губ.

Херсонское земство, ставя задачей своей дѣятельности по народному образованію постепенное введеніе всеобщаго обученія въ губерніи, постановило принять на счетъ губернскаго земства треть всѣхъ расходовъ уѣзднаго земства на школьное народное образованіе. Приступая, такимъ образомъ, къ болѣе активной дѣятельности въ указанномъ направленіи, херсонское губернское земство въ то же время ставитъ своей задачей изысканіе способовъ къ возможному безъ ущерба дѣлу удешевленію начальныхъ школъ въ цѣляхъ большей ихъ доступности населенію, а также изысканіе типовъ школъ высшаго порядка, соотвѣтственно нарождающемуся въ настоящее время спросу на школы съ болѣе широкой программой. Съ этою цѣлью губернская земская управа обратилась во всѣ губернскія земскія управы съ просьбою сообщить свѣдѣнія о постановкѣ народнаго образованія въ губерніи вообще и о ходѣ и успѣшности занятій въ земскихъ школахъ въ частности.

Нач. образованіе въ С.-Петербургѣ.

31-го августа, городская училищная коммиссія закончила подсчетъ дѣтей, принятыхъ въ городскія школы къ началу учебнаго года: изъ 10.238 прошеній, поданныхъ въ коммиссію, 1.460 лицъ получили отказъ, за неимѣніемъ мѣста; кромѣ того, 147 отказовъ приходится на долю дѣтей жителей Малой Охты, какъ не входящихъ въ составъ городского населенія. Въ виду столь огромнаго числа дѣтей, не попавшихъ въ школу, училищная коммиссія вошла въ управу съ ходатайствомъ объ открытіи 20 новыхъ городскихъ школъ на окраинахъ столицы, а также и о кредитѣ въ 15 тыс. руб. для ихъ оборудованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ городская училищная коммиссія въ засѣданіи 13-го сентября постановила — впредь до разрѣшенія думою вопроса объ открытіи новыхъ дополнительныхъ классовъ для дѣтей, получившихъ осенью этого года отказъ въ пріемѣ въ городскія училища,— дать возможность этимъ дѣтямъ теперь же проходить учебный курсъ, не отставая отъ общей программы, для чего и открыть при городскихъ школахъ параллельные вечерніе классы. Занятія въ этихъ классахъ будутъ происходить отъ 6 до 8 часовъ вечера. Дополнительныя начальныя городскія училища коммиссія по народному образованію рѣшила открыть въ слѣдующихъ пунктахъ: два училища около Московской заставы, три возлѣ Нарвской заставы, одно въ Александро-Невской части, за Обводнымъ каналомъ, три училища около Александро-Невской лавры, три училища на Васильевскомъ островѣ между 7-й и 17-й линіями и въ Галерной гавани, шесть училищъ на Петербургской сторонѣ на углу проспектовъ Большого и Каменноостровскаго, около Дворянской и Колтовской ул. и наконецъ два училища на Выборгской сторонѣ по Тимофеевской и Александровской улицамъ. („Нов. Вр.“).

Екатеринбургское общество попеченія о нар. образованіи.

Въ Екатеринбургѣ уже четвертый годъ дѣйствуетъ общество попеченія о начальномъ образованіи. Общество это имѣетъ цѣлью попеченіе объ учащихся въ народныхъ училищахъ и содѣйствіе открытію новыхъ школъ. Основа-

ніе обществу положено въ 1901 г. кружкомъ интелигентныхъ лицъ, во главѣ которыхъ сталъ молодой образованный купецъ. Общество начало свои дѣйствія съ совершенно ничтожными средствами и уже нынѣ владѣетъ капиталомъ въ 7.000 р., имѣетъ 11 почетныхъ, столько же пожизненныхъ, 400 дѣйствительныхъ и 15 членовъ-сотрудниковъ. Молодое общество оказало несомнѣнную помощь бѣднѣйшимъ учащимся въ народныхъ школахъ выдачею имъ главнымъ образомъ теплой одежды и обуви. Въ среднемъ такая помощь оказывалась въ теченіе года въ 310 случаяхъ, устраняя такимъ путемъ одну изъ главныхъ причинъ выхода учащихся изъ школъ до окончанія полнаго курса. Кромѣ того, были выданы пособія ученикамъ городскихъ училищъ на внесеніе платы за ученіе; ученики эти отличались хорошими способностями. Учащіеся въ этихъ училищахъ субсидировались также средствами на уплату за квартиры. Желая также по возможности содѣйствовать успѣху просвѣщенія среди взрослаго населенія города и уѣзда, правленіе устраивало въ теченіе великаго поста рядъ лекцій объ А. Н. Островскомъ и его произведеніяхъ. Читалъ преподаватель реальнаго училища П М. Гавриловъ. Кромѣ того, общество содержало два воскресныхъ класса для взрослыхъ при Каслинскомъ народномъ училищѣ и субсидировало два существующихъ класса для взрослыхъ въ Екатеринбургѣ, выдавая по 50 руб. на каждый классъ. Общее число посѣтителей въ воскресныхъ классахъ превысило 100 человѣкъ, причемъ большая часть поступавшихъ были неграмотны и женаты; возрастъ ихъ колебался отъ 12 до 60 лѣтъ. Наконецъ, общество открыло уѣздныя коммиссіи, назначеніе которыхъ оказывать помощь правленію въ наиболѣе скорѣйшемъ осуществленіи задачъ общества въ селахъ и заводахъ уѣзда; коммиссіи эти учреждаются въ составѣ трехъ лицъ и, руководствуясь особой для нихъ инструкціей, преслѣдуютъ тѣ же цѣли, что и общество. Согласно правамъ они вносятъ лишь 10% отъ получаемыхъ суммъ въ правленіе, а остальныя деньги расходуютъ на удовлетвореніе мѣстныхъ районныхъ нуждъ. Такихъ коммиссій имѣется пока двѣ—въ Каслинскомъ и Ржевскомъ заводахъ; надо предполагать, что дальнѣйшему развитію ихъ положено прочное основаніе. Общество также устроило общежитіе для дѣтей-сиротъ учителей и учительницъ народныхъ школъ Екатеринбургскаго уѣзда, воспитывающихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. По собраннымъ правленіемъ даннымъ лишь $^1/_{10}$ часть дѣтей школьнаго возраста, сыновей и дочерей учителей и учительницъ народныхъ школъ получаютъ среднее образованіе, остальные же, за неимѣніемъ никакихъ средствъ у родителей, остаются безъ всякаго образованія. Участь такихъ дѣтей поистинѣ трагична: они не могутъ принадлежать къ рабочему крестьянскому населенію и въ то же время не обучены ни грамотѣ, ни ремеслу. При собираніи этихъ свѣдѣній правленію пришлось натолкнуться на цѣлыя, скрытыя отъ взоровъ міра драмы, глубокія по внутреннему смыслу: оказалось напримѣръ, что одна учительница, вдова и мать троихъ дѣтей, получающая 45 руб. жалованья, воспитываетъ всѣхъ троихъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ путемъ буквальнаго отрѣшенія себя отъ пищи, кромѣ хлѣба и воды. И такіе примѣры были не единичны. Общежитіе было открыто при десяти пансіонеркахъ съ платою по 8 р. въ мѣсяцъ; уже на второй годъ наплывъ желающихъ поступить въ общежитіе былъ такъ великъ, что пришлось открыть отдѣленіе и для мальчиковъ. Нынѣ общежитіе пріютило 10 дѣвочекъ и 14 мальчиковъ. Содержаніе обходится въ суммѣ 1.500 р., съ каждаго воспитанника въ 12 р. 50 к. Существованіе общежитія вполнѣ обезпечено благодаря щедрой помощи мѣстной интеллигенціи. Въ заключеніе

остается сказать, что общество пробовало открыть въ одной изъ уѣздныхъ школъ классъ ручного труда. При субсидіи въ 50 р. дѣло это какъ будто наладилось, но къ сожалѣнію, въ виду неимѣнія иного помѣщенія, какъ школьныя комнаты, классы пришлось закрыть по распоряженію училищной инспекціи, не взирая даже на то, что обученіе ремесламъ происходило вечеромъ, и желающими учиться явились не только школьники, но и взрослые. („Н. Вр."),

Женскія учительскія семинаріи.

Министерство народнаго просвѣщенія увѣдомило попечителей учебныхъ округовъ, что въ непродолжительномъ времени предстоитъ постепенное открытіе ряда женскихъ учительскихъ семинарій въ различныхъ мѣстностяхъ Имперіи. Учрежденіе этихъ заведеній имѣетъ цѣлью привлеченіе къ педагогической дѣятельности въ начальныхъ народныхъ училищахъ женщинъ преимущественно изъ среды сельскаго населенія. Въ виду этого министерство признало желательнымъ, чтобы на воспитанницъ женскихъ двухклассныхъ сельскихъ училищъ было распространено правило, изданное по отношенію къ воспитанникамъ такихъ же училищъ, а именно: оставленіе окончившихъ курсъ лучшихъ учениць для подготовленія ихъ при мѣстныхъ двуклассныхъ училищахъ для поступленія въ учительскія семинаріи въ теченіе времени до достиженія ими 16 лѣтъ, съ назначеніемъ каждой изъ нихъ стипендіи: при этомъ министерство указываетъ, что занятія при двухклассныхъ училищахъ имѣютъ цѣлью не только подготовленіе дѣвицъ, окончившихъ курсъ, къ поступленію въ учительскія семинаріи, но и къ испытанію на учительское званіе. Въ виду этого подготовленіе можетъ быть начато теперь же, не ожидая открытія въ той или другой мѣстности женской учительской семинаріи. („Н. Вр.").

Еврейскія частныя школы.

Положеніемъ о еврейскихъ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ 13-го ноября 1844 года, какъ извѣстно, предусмотрѣны только „первоначальныя" и „второстепенныя" еврейскія училища; что касается училищъ I и II разрядовъ, то о нихъ въ положеніи не упомянуто вовсе. Однако, подъ напоромъ требованій жизни, въ практикѣ установился обычай разрѣшать открытіе такихъ училищъ, хотя ходатайствующимъ объ этомъ лицамъ и приходилось вооружаться большимъ терпѣніемъ, проходить много мытарствъ, такъ какъ разрѣшеніе всецѣло зависѣло отъ того или другого взгляда лицъ учебной администраціи. Покоясь на такомъ шаткомъ основаніи, этотъ вопросъ въ продолженіе сравнительно небольшого періода времени подвергался частымъ „перерѣшеніямъ". Въ предложеніи отъ 25-го мая 1897 года, министерство народнаго просвѣщенія указало, что если встрѣчается надобность въ еврейскихъ учебныхъ заведеніяхъ I или II разрядовъ, то учебно окружное начальство можетъ разрѣшать открытіе такихъ училищъ. Затѣмъ департаментъ народнаго просвѣщенія отъ 20-го октября 1900 года разъяснилъ, что учебныя заведенія I и II разрядовъ могутъ содержать лишь лица, имѣющія званіе домашнихъ учителей и учительницъ и притомъ христіанскаго исповѣданія. Но уже въ 1901 году, 27-го августа министерство вновь предложило руководствоваться разъясненіемъ 25-го мая 1897 года. Наконецъ, по дѣлу Каммера, ходатайствовавшаго о преобразованіи содержимаго имъ въ Одессѣ мужского еврейскаго училища 3-го

разряда въ таковое-же 2-го разряда, департаментъ народнаго просвѣщенія отъ 9-го октября 1903 года сообщилъ, что такъ какъ частныя еврейскія училища II разряда закономъ не предусмотрѣны, то министерство не считаетъ себя въ правѣ разрѣшать таковыя. Поэтому, для удовлетворенія ходатайства Каминера и Иглицкаго объ открытіи въ Одессѣ частнаго еврейскаго училища I разряда, было испрошено министерствомъ Высочайшее соизволеніе. Такимъ образомъ, министерство народнаго просвѣщенія отклонило отъ себя компетенцію разрѣшать открытіе училищъ I и II разрядовъ. Однако, жизнь продолжала брать свое. Къ попечителямъ учебныхъ округовъ продолжали поступать ходатайства о разрѣшеніи открыть въ томъ или другомъ мѣстѣ учебное заведеніе вышеуказаннаго типа. Большинство такихъ ходатайствъ были основательно мотивированы. По провѣркѣ оказывалось, что, дѣйствительно, потребность въ открытіи училища въ данномъ районѣ была настоятельная, вслѣдствіе чего попечители учебныхъ округовъ въ свою очередь, направляли означенныя ходатайства въ министерство. Для всесторонняго выясненія этого вопроса, онъ былъ подвергнутъ коллективному обсужденію на съѣздѣ учителей учебныхъ округовъ, и есть надежда предполагать, что въ этомъ отношеніи будутъ сдѣланы значительныя облегченія. („Нов.“).

Что читать въ школахъ.

На послѣднемъ засѣданіи закрывшагося учительскаго съѣзда въ Одессѣ обсуждался вопросъ: „Какого содержанія требуются учащимися и населеніемъ книги для чтенія“. На эту тему читалъ докладъ учитель г. Рудницкій. Онъ отмѣтилъ фактъ, что взрослыхъ сельчанъ не удовлетворяютъ тѣ книги, какими располагаютъ школьныя библіотеки въ деревнѣ, и на ихъ просьбы дать имъ болѣе интересныя книги, „такія, какъ въ городѣ“, учителю приходится отвѣчать: „такихъ у насъ нѣтъ“. Задачу—отвлечь подростка отъ улицы,—наличный составъ книгъ школьной библіотеки ужъ никакъ не можетъ выполнить. Необходимо этотъ составъ увеличить полными собраніями произведеній образцовыхъ писателей и книгами популярно-научнаго содержанія. Съѣздъ, согласившись съ докладчикомъ, высказалъ пожеланіе о пополненіи школьныхъ библіотекъ, помимо спеціально одобренныхъ, также и книгами, дозволенными общею цензурой, а также драматическими произведеніями Пушкина, Гоголя, Фонвизина, Островскаго и т. п. По вопросу о внѣшкольномъ чтеніи учащихся, признанномъ весьма важнымъ средствомъ, способствующимъ выполненію высокихъ задачъ школы,—съѣздъ нашелъ, что такое чтеніе должно быть коллективнымъ, вызывающимъ среди читающихъ соревнованіе. („Од. Лист.“).

Къ открытію новаго женскаго семиклассснаго Коммерческаго училища М. Е. Хворовой въ С.-Петербургѣ.

10 октября, въ 1 часъ дня, состоялось торжественное открытіе новаго женскаго семиклассснаго коммерческаго училища М. Е. Хворовой въ С.-Петербургѣ (Эртелевъ пер., д. 9).

Училищу г-жи Хворовой предоставлены всѣ права коммерческихъ училищъ: окончившія полный курсъ ученицы могутъ поступить въ высшія учебныя за-

веденія безъ экзаменовъ; лучшія по наукамъ и поведенію награждаются золотыми и серебряными медалями.

Въ настоящее время училище состоитъ изъ приготовительныхъ 1, 2 и 3 классовъ. Классы вполнѣ благоустроены и оборудованы всѣми нужными учебными пособіями. Особое вниманіе обращаютъ на себя картины для практическихъ уроковъ по новымъ языкамъ, цѣлый рядъ картинъ по географіи и т. п. Достойны упоминанія также подъемныя классныя доски, электрическая вентиляція—нововведенія, существующія далеко не во всѣхъ даже среднихъ школахъ.

Торжество открытія училища носило чисто семейный характеръ. Послѣ рѣчи законоучителя свящ. В. В. Плотникова, который въ краткихъ, но образныхъ выраженіяхъ, обрисовалъ идеалъ женщины по библіи, и послѣ молебствія, и. д. директора новаго коммерческаго училища Н. П. Сперанскій произнесъ рѣчь, въ которой выразилъ ту мысль, что идеалъ женщины, столь высоко представляемый библіею, не менѣе высоко изображается и въ міровомъ искусствѣ: мадонна Рафаэля и Татьяна Пушкина служатъ одной цѣли—выразить мечты поэта о женщинѣ, установить ея идеалъ въ современной поэту жизни. Воспитаніе есть приближеніе къ идеалу. Оно есть главное; общее образованіе—лишь средство къ достиженію идеала благовоспитанности; образованіе специальное даетъ женщинѣ больше простора и свободы и помогаетъ ей совершенствоваться. Изъ видовъ спеціальнаго образованія предпочтительнѣе другихъ—коммерческое, такъ какъ его требуетъ нынѣ сама жизнь.

Затѣмъ съ каѳедры обратился къ присутствующимъ съ рѣчью удостоившій училище своимъ посѣщеніемъ г. товарищъ министра финансовъ тайный совѣтникъ В. И. Тимирязевъ. Поздравивъ новое училище отъ имени министра финансовъ, отъ своего, и отъ имени всего министерства, г. товарищъ министра выразилъ надежду, что новое училище, задавшись такими цѣлями, должно соотвѣтствовать потребностямъ жизни, и потому его будущее можно считать обезпеченнымъ. Министерство финансовъ, поручивъ новое училище лицамъ, въ коихъ оно увѣрено, расчитываетъ на успѣхъ въ немъ новаго въ Россіи дѣла—развитіе коммерческаго *женскаго* образованія. Но заботясь о сообщеніи спеціальныхъ коммерческихъ знаній и дарованіи соотвѣтствующихъ правъ женщинѣ, министерство финансовъ желаетъ, чтобы идеалъ русской женщины, любящей матери, сестры, дочери—вообще хорошой семьянинки—не сглаживался чрезмѣрными крайностями такъ называемаго „феминизма". Поэтому необходимо высокое значеніе придавать воспитательной части въ дѣлѣ и спеціальнаго образованія. Желая отъ всего сердца полныхъ успѣховъ новому училищу и его питомцамъ, г. товарищъ министра выразилъ надежду, что ученицы его никогда не будутъ забывать своего прямого назначенія—быть женщиной, хранящей основы русской семьи.

По окончаніи рѣчи, г. товарищъ министра В. И. Тимирязевъ, управляющій учебнымъ отдѣломъ тайный совѣтникъ И. А. Аноповъ, главный инспекторъ по учебной части д. с. с. А. В. Малининъ, д. с. с. М. И. Антоновскій, тайный совѣтникъ и заслуженный професссоръ А. Я. Данилевскій, д. с. с. И. Д. Гопфенгаузенъ и другіе почетные гости осматривали классы и медицинскій кабинетъ. По окончаніи офиціальной части торжества присутствовавшимъ почетнымъ гостямъ и лицамъ педагогическаго комитета былъ учредительницей предложенъ завтракъ.

Въ этотъ день было получено много поздравительныхъ телеграммъ и писемъ съ пожеланіемъ успѣха новому училищу.

———————

Сочиненія абитуріентовъ въ Германіи и императоръ Вильгельмъ *)

Въ издаваемыхъ Патцигомъ, депутатомъ рейхстага, „Германскихъ Голосахъ" (Deutsche Stimmen) разсказывается слѣдующій анекдотъ. Въ одной изъ гимназій въ западной части Берлина преподаваніе нѣмецкаго языка въ первомъ классѣ находится въ рукахъ старшаго учителя, проявляющаго нѣкоторую склонность къ шуточнымъ темамъ для сочиненій. Весной нынѣшняго года онъ задалъ разработать въ сочиненіи вопросъ: какое можно вывести заключеніе изъ положенія ногъ Гогенцоллерновъ въ Аллеѣ побѣдъ о характерѣ изображаемыхъ лицъ. Въ потѣ лица трудились господа абитуріенты надъ разрѣшеніемъ необычайчой задачи. Этимъ, казалось, дѣло могло считаться оконченнымъ. Но о немъ случайно узналъ императоръ. Во время плаванія въ Сѣверномъ морѣ за столомъ до тонкаго слуха государя дошелъ разговоръ двухъ сидящихъ близъ него лицъ свиты, выражавшихъ свое удивленіе по поводу такой темы для сочиненія, о которой они узнали отъ отца одного изъ мучившихся абитуріентовъ. „Что вы такое разсказываете, X?" спросилъ вдругъ императоръ одного изъ собесѣдниковъ Господину фонъ X, конечно, не оставалось ничего другого, какъ изложить все происшедшее во всѣхъ подробностяхъ. Императоръ сдѣлался оченъ серьезенъ и нажалъ кнопку электрическаго звонка, находящагося около него. Появился дежурный. Телеграмма министру народнаго просвѣщенія (Cultuminister), приказывающая немедленно переслать тетради съ сочиненіями на императорскую яхту „Гогенцоллернъ". Господинъ докторъ Штудъ былъ страшно перепуганъ такимъ нарушеніемъ его лѣтняго отдыха, но немедленно вошелъ въ сношеніе съ указаннымъ директоромъ гимназіи. Но тотъ заявилъ растерявшемуся „превосходительству", что на время каникулъ ученики выпускного класса разсѣялись по всей странѣ и что нѣтъ никакой возможности собрать тетради: министръ всетаки приказываетъ сдѣлать всевозможное, чтобы исполнить императорское повелѣніе. Сильно испуганный директоръ телеграфируетъ по всѣмъ направленіямъ, повсюду, гдѣ ему только удалось раздобыть адреса учениковъ, находящихся со своими родителями на морскихъ купаньяхъ или въ горахъ. Успѣхъ оказался ничтожнымъ. Несмотря на истраченныя 90 марокъ на почтовые расходы, можно было достать только—три тетради съ сочиненіями, которыя и были экстренно доставлены на яхту „Гогенцоллернъ". Между тѣмъ господинъ фонъ X. сильно мучился за свою опрометчивость и, по полученіи тетрадей, онъ, улучивъ удобную минуту, обратился съ просьбою къ императору милостиво обойтись съ подсудимымъ. Онъ, X., вовсе не имѣлъ намѣренія довести этотъ случай до свѣдѣнія его величества и его очень тяготитъ предположеніе, что по его винѣ означенной гимназіи предстоятъ большія непріятности. „Не безпокойтесь, любезный X, съ этими людьми ничего худого не будетъ", отвѣчалъ государь. Послѣ этого императоръ занялся чтеніемъ самихъ сочиненій. Черты его лица понемногу разъяснялись и окон-

*) Замѣтка эта представляетъ переводъ небольшой статейки, напечатанной въ 546 нумерѣ издаваемой въ Берлинѣ газеты „Berliner Tagblatt" 24 октября 1904 года, Первое приложеніе, подъ заглавіемъ „Первоклассники и Аллея побѣдъ". Первоклассники это ученики перваго, т. е. выпускного класса, или абитуріенты. Аллея побѣдъ, ведущая въ Thiergarten къ памятнику, символизирующему побѣду нѣмцевъ надъ французами въ 1871 году, представляетъ рядъ статуй, изображающихъ прусскихъ королей изъ дома Гогенцолерновъ. *Ред.*

чательно разъяснились, когда онъ въ концѣ третьяго сочиненія встрѣтилъ мысль одного изъ абитуріентовъ, выраженную въ слѣдующихъ словахъ: „по настоящему, казалось бы, легче вывести заключеніе о характерѣ Гогенцоллерновъ въ Аллеѣ побѣдъ изъ чертъ ихъ лицъ, чѣмъ изъ положенія ихъ ногъ“. „Это лучшее осужденіе темы для сочиненія. В.“, такъ гласила императорская замѣтка на поляхъ тетради, которую счастливый обладатель ея пусть хранитъ, какъ драгоцѣнное воспоминаніе школьной жизни. Преподаватель же, виновникъ всей этой бѣды, былъ несказанно радъ, что все обошлось такъ благополучно.

Инструкція лицамъ, желающимъ принять участіе въ составленіи списка (канона) нѣмецкихъ, французскихъ и англійскихъ книгъ, пригодныхъ для класснаго и для домашняго чтенія.

Измѣненія, происшедшія вслѣдствіе реформы въ преподаваніи новыхъ языковъ въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, требуютъ, если быть послѣдовательнымъ, и новаго выбора сочиненій, которыя были бы пригодны для класснаго и домашняго чтенія. Предпринявъ составленіе списка (канона) такихъ сочиненій, Педагогическое Отдѣленіе Неофилологическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ считаетъ въ высшей степени желательнымъ, чтобы къ этой работѣ было привлечено возможно большее число преподавателей и преподавательницъ новыхъ языковъ. Съ этою цѣлью оно выработало предлагаемую „Инструкцію“ въ надеждѣ, что коллеги не откажутся принять участіе въ этой работѣ присылкою отзывовъ о возможно большемъ количествѣ текстовъ. На основаніи одобрительныхъ отзывовъ особая Коммиссія изъ членовъ Неофилологическаго общества составитъ, напечатаетъ и разошлетъ всѣмъ интересующимся лицамъ списокъ рекомендуемыхъ сочиненій *). Особенно желателенъ просмотръ возможно большаго числа *новыхъ* (т.-е. современныхъ и до сихъ поръ еще не читавшихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ) произведеній и при томъ разнообразнѣйшихъ **), не исключая белетристическихъ, чтобы можно было получше удовлетворить потребностямъ учебныхъ заведеній различныхъ типовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, разъ сочиненія будутъ занесены въ канонъ, то въ Россіи найдутся лица, готовыя издать ихъ для школы. Отзывы должны быть по возможности краткими и точными, но непремѣнно *мотивированными* Безусловно необходимо отвѣтить на *всѣ* ниже перечисленные вопросы. А для облегченія труда Коммиссіи слѣдуетъ въ отвѣтахъ придерживаться намѣченнаго порядка съ сохраненіемъ предлагаемой нумераціи.

Вопросы.

А. Общіе вопросы, касающіеся всѣхъ произведеній, какъ уже существующихъ въ русскихъ школьныхъ изданіяхъ, такъ и еще не имѣющихся въ таковыхъ:

точное заглавіе сочиненія?

имя и фамилія лица, обработавшаго текстъ (комментатора)?

I. 1. Имя и фамилія автора сочиненія?

---

*) Такая организація дѣла была проведена коммиссіей по разработкѣ канона франц. и англ. книгъ, пригодныхъ для чтенія въ Германіи.

**) Но не переводныхъ, а оригинальныхъ.

имя и фамилія издателя?
городъ?
годъ?
цѣна?

2. Имѣетъ ли содержаніе даннаго произведенія образовательное и воспитательное значеніе?

Примѣчаніе. Если окажется, что содержаніе имѣющагося въ русскомъ школьномъ изданіи произведенія превышаетъ умственный кругозоръ ученика, то на это надо вкратцѣ указать. Если произведеніе, не имѣющееся въ русскомъ школьномъ изданіи, въ одномъ какомъ-нибудь отношеніи не пригодно для школьнаго чтенія *спеціально* въ Россіи, то это нужно отмѣтить.

3. Знакомитъ-ли данное сочиненіе съ культурой (матеріальной и духовной), или съ національнымъ характеромъ того народа, на языкѣ котораго оно написано, или съ выдающимися умами этого народа?

4. Можетъ-ли языкъ даннаго произведенія считаться образцовымъ?

Примѣчанія: а) На младшей и средней *ступеняхъ* (см. ниже) должны читаться лишь произведенія, написанныя *современнымъ* образцовымъ языкомъ. А для старшей ступени не слѣдуетъ рекомендовать сочиненій, написанныхъ раньше самаго конца XVI столѣтія для англ. литер., конца XVII в. для франц. и середины XVIII в. для нѣм.

б) Въ канонъ могутъ войти и беллетристическія произведенія, если они написаны образцовымъ языкомъ.

II. 1. Для какого типа учебныхъ заведеній годится произведеніе?
   а) для мужскихъ уч. зав.:
      α) класс. гимн.?
      β) реальн. уч.?
      γ) комм. уч.?
      δ) технич. уч.?
      ε) кад. корп.?
   б) для женскихъ уч. зав.:
      α) институтовъ?
      β) гимназій?
      γ) профессіональныхъ уч.?

2. Для какой ступени годится произведеніе?
   а) для младшей (= 1-ый и 2-ой годы преподаванія даннаго иностраннаго языка)?
   б) для средней (= 3-ій, 4-ый и 5-ый годы преподаванія даннаго иностраннаго языка)?
   в) для старшей (= 6-ой, 7-ой и 8-ой годы преподаванія даннаго иностраннаго языка)?

3. Для какого рода чтенія годится произведеніе?
   а) класснаго?
      α) статарнаго?
      β) курсорнаго?
      γ) или и того и другого вмѣстѣ?
   б) домашняго?

Б. Спеціальные вопросы, касающіеся *только* уже существующихъ школьныхъ изданій:

I. 1. Не утратило-ли произведеніе своихъ первоначальныхъ достоинствъ

вслѣдствіе измѣненій въ текстѣ (передѣлокъ, сокращеній, перестановокъ, неискусной или недостаточно внимательной переработки) настолько, что оно не можетъ считаться цѣннымъ матеріаломъ для чтенія?

2. Имѣются-ли примѣчанія?
Правильны-ли они съ точки зрѣнія языка?
Сообщаютъ-ли они вѣрныя фактическія свѣдѣнія?
На какомъ языкѣ они написаны?
3. Соотвѣтствуютъ-ли примѣчанія дидактическимъ требованіямъ?

Примѣчаніе: Не соотвѣтствующими признаются такія примѣчанія, которыя слишкомъ облегчаютъ трудъ ученика, пріучая его къ умственной лѣни и къ невниманію.

4. Снабжены-ли эти изданія вокабуляріями?
какими:
алфавитными?
постатейными?
подстрочными?
съ переводомъ словъ на русскій языкъ?
или съ объясненіемъ ихъ на иностранномъ же языкѣ?
Составлены ли эти вокабуляріи съ надлежащимъ знаніемъ и желательной тщательностью?

II. Соотвѣтствуетъ-ли внѣшность изданія въ отношеніи бумаги, формата, печати, иллюстрацій (рисунковъ, картинъ) и т. д. требованіямъ школьной гигіены?

Примѣчаніе: Чтобы быть признаннымъ пригоднымъ въ этомъ отношеніи, изданіе должно удовлетворять слѣдующимъ требованіямъ (см. сочин. проф. Германа Кона, Гигіена глаза. Вѣна. 1892. Гл. XI):

1. Вышина самаго малаго n (лат. шрифта) не должна быть меньше 1,5 mm.
2. Минимальное разстояніе между двумя строчками 2,5 mm.
3. Минимальная толщина основной черты буквъ не должна быть меньше 0,25 mm.
4. Максимальная длина строки 100 mm.
5. Максимальное число буквъ въ строкѣ 60.
6. Печать должна быть совсѣмъ черной, а бумага не должна ни просвѣчивать ни блестѣть. Вычурный шрифтъ не долженъ быть допускаемъ.

В. Особыя примѣчанія:

Отзывы просятъ присылать по возможности не позже декабря 1904 г. товарищу предсѣдателя Педагогическаго отдѣленія Неофилологическаго общества Евгенію Августовичу Лёве по слѣдующему адресу: С.-Петербургъ, В. О., Средній пр., д. 42.

Предсѣдатель Педагогическаго Отдѣленія
Неофилологическаго Общества при Спб. Университетѣ
Проф. *Ѳ. Браунъ*.

С.-Петербургъ.
Май 1904 г.

Заявленіе Организаціонной Коммиссіи Перваго Русскаго Женскаго съѣзда по просвѣщенію и благотворительности при Русскомъ Женскомъ взаимноблаготворительномъ Обществѣ.

Милостивый Государь,

Организаціонная Коммиссія перваго Съѣзда русскихъ дѣятельницъ по благотворительности и просвѣщенію, вполнѣ надѣясь на сочувствіе уважаемой Редакціи этому общественному дѣлу, проситъ Васъ не отказать напечатать это заявленіе и прилагаемую программу вопросовъ, подлежащихъ обсужденію Съѣзда.

1-ый Съѣздъ дѣятельницъ по благотворительности и просвѣщенію состоится при Женскомъ взаимно-благотворительномъ Обществѣ въ Петербургѣ и созывается Совѣтомъ Общества. Съѣздъ состоится въ іюнѣ 1905 г.

Членами Съѣзда могутъ быть только женщины:

1) Члены женскаго вз.-бл. Общества.

2) Члены Совѣтовъ и Правленій другихъ Обществъ, преслѣдующихъ цѣли, указанныя въ программѣ.

Членскій взносъ не менѣе пяти рублей. Желающимъ записаться въ члены Съѣзда можно обращаться: въ Помѣщеніе Женскаго Общества, Спасская ул. 18 и къ должностнымъ лицамъ Организаціонной Коммиссіи. Предсѣдательница: *А. Н. Шабанова, ул. Жуковскаго 38.* Вицепредсѣдательницы: *М. Н. Бубнова, В. О. 4-я линія д. 5 и О. А. Шапиръ, Басейная 29.* Секретари: *Е. Д. Андреева, Лиговская, 3 и Д-ръ И. Д. Познанская, Невскій, 79.* Казначей: *А. Н. Засодимская, Сергіевская, 79.*

Доклады на Съѣздѣ допускаются съ разрѣшенія Редакціоннаго Бюро при Организаціонной Коммиссіи.

Предполагаемый Съѣздъ, по примѣру давно уже созываемыхъ въ Европѣ женскихъ Съѣздовъ и международныхъ конгрессовъ, будетъ первымъ въ Россіи, но является вполнѣ созрѣвшей потребностью, въ виду широкаго участія русскихъ женщинъ въ благотворительной и просвѣтительной дѣятельности въ городахъ и селахъ. Здѣсь не мѣсто выяснять принципіальное значеніе Съѣздовъ; но для каждаго и безъ того ясно, что, даже оставляя въ сторонѣ все его общественное значеніе, всероссійскій съѣздъ долженъ быть плодотворнымъ шагомъ къ объединенію и подсчету силъ, работающихъ въ одномъ направленіи. А тѣмъ самымъ онъ не можетъ не способствовать также и выясненію по существу многихъ спорныхъ вопросовъ общественной самопомощи, давая возможность сдѣлать болѣе правильную и всестороннюю оцѣнку существующаго и, быть можетъ, намѣтить кое какіе новые пути для будущаго.

Обращаясь съ этой вѣстью къ нашимъ дѣятельницамъ во всѣхъ концахъ обширной родины, Организаціонная Коммиссія надѣется встрѣтить горячій и дѣятельный откликъ. Широкая программа Съѣзда даетъ обширное поле выбора. Но при этомъ не надо забывать, что каждая отдѣльная разработка вопроса, какъ теоретическая, такъ и фактическая—получитъ иное и несравненно болѣе широкое значеніе въ общихъ итогахъ работъ Съѣзда.

Коммиссія считаетъ долгомъ своевременно обратить вниманіе будущихъ докладчицъ на то, что необходимымъ условіемъ въ ихъ собственныхъ интересахъ, является возможная сжатость и ясность изложенія, такъ какъ на каждый докладъ можетъ быть удѣлено не много времени.

Срокъ для представленія докладовъ—1-ое марта 1905 г. Однако крайне

желательно, чтобы притокъ докладовъ начался какъ можно раньше. Въ полученіи доклада будетъ выдаваема расписка.

Доклады должны быть направляемы (а также обращенія за разъясненіями, свѣдѣніями, программами и т. д.) *Спасская 18, Помѣщеніе Женскаго Общества* на имя завѣдующей Редакціоннымъ Бюро, вицепредсѣдательницы Съѣзда О. А. Шапиръ; лично: суббота, съ 4—6 часовъ.

Предсѣдательница *А. Шабанова.*

Секретарь *Е. Андреева.*

На подлинномъ написано: „Утверждаю“. За Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Товарищъ Министра,
Сенаторъ *П. Дурново.*

8 іюня 1904 года.

Вѣрно: За Директора, Вице-Директоръ *В. Л. Владиміровъ.*

ПРОГРАММА

1-го съѣзда русскихъ дѣятельницъ по благотворительности и просвѣщенію въ С.-Петербургѣ въ 1905 году при Русскомъ женскомъ взаимно-благотворительномъ Обществѣ.

1-й Отдѣлъ: Благотворительность.

1. Способы благотворительности частной и общей, доступные для женщинъ въ Россіи.
2. Попеченіе о женщинахъ.
3. Попеченіе о дѣтяхъ.
4. Пути къ объединенію благотворительной дѣятельности женщинъ.
5. Этика благотворительности, вліяніе ея на развитіе самодѣятельности.
6. Участіе женщинъ въ борьбѣ съ алкоголизмомъ.
7. Участіе женщинъ въ борьбѣ съ проституціей и съ заразными болѣзнями.
8. Охраненіе здоровья женщинъ.
9. Борьба съ заболѣваемостью и смертностью дѣтей (ясли въ городахъ и селахъ, ихъ значеніе, вліяніе вербовки кормилицъ на населеніе).
10. Дѣятельность женщинъ въ Домахъ Трудолюбія. Результаты.
11. Участіе женщинъ въ Трудовой Помощи. Результаты.
12. Помощь учащимся женщинамъ.

2-й Отдѣлъ: Просвѣтительная дѣятельность.

1. Роль женщины въ воспитаніи дѣтей: домашнемъ и школьномъ.
2. Дѣятельность женщинъ въ школахъ городскихъ, сельскихъ, воскресныхъ и частныхъ.
3. Дѣятельность женщинъ въ распространеніи грамотности.
4. Сельско-хозяйственная дѣятельность женщинъ, сельско-хозяйственныя школы, фермы, питомники и пр.
5. Профессіональныя школы для женщинъ и кустарный промыселъ. Значеніе и результаты.
6. Участіе женщинъ въ преподаваніи гигіены, домоводства и подачѣ первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ.

7. Дѣятельность женщинъ въ исправительныхъ колоніяхъ и тюрьмахъ.
8. Роль женщины въ проведеніи принциповъ мира.
9. Дѣятельность русскихъ женщинъ въ наукѣ, литературѣ и искусствѣ.
10. Дѣятельность женщинъ врачей въ Россіи.

Подписалъ: За Директора, Вице-Директоръ *В. Л. Владиміровъ*.

Скрѣпилъ: И. д. Начальника Отдѣленія *Н. Граве*.

Вѣрно: За Столоначальника *Кн. Апанидъ*.

Николай Александровичъ Артемьевъ.

(Некрологъ).

14 октября смерть унесла одного изъ лучшихъ дѣятелей средней школы въ С.-Петербургѣ: скончался директоръ первой гимназіи Николай Александровичъ Артемьевъ. Этотъ неутомимый труженикъ родился 8 мая 1855 г. въ СПБ. По окончаніи курса въ первой гимназіи (съ золотою медалью) и въ здѣшнемъ университетѣ, онъ былъ оставленъ при послѣднемъ для подготовленія къ профессурѣ. Но чтеніе лекцій на высшихъ женскихъ курсахъ, а затѣмъ преподаваніе въ первой гимназіи (съ 1881 г.), на педагогическихъ женскихъ курсахъ, въ Петровскомъ училищѣ купеческаго общества и въ земской учительской школѣ по-немногу заняли все его время и заставили отказаться отъ мысли о профессорской дѣятельности.

Въ 1900 г. Н. А. былъ назначенъ директоромъ Вологодскаго реальнаго училища, а затѣмъ занималъ должность директора Спб. гимназій: съ 1901 г. —10-й, а съ 1902—1-й. Въ прошломъ году онъ былъ приглашенъ для чтенія лекцій въ женскій педагогическій институтъ.

Въ теченіе многихъ лѣтъ покойный состоялъ членомъ общества вспомоществованія студентамъ Спб. университета и принималъ непосредственное участіе въ дѣлахъ этого общества, исполняя обязанности его казначея.

Рѣдкія качества ума и сердца покойнаго выше всякихъ похвалъ. Глубокое сознаніе долга, свѣтлое религіозное чувство, ясная, теплая любовь къ ученикамъ и сослуживцамъ, изумительное трудолюбіе, отзывчивость на всякое доброе дѣло, замѣчательная аккуратность и добросовѣстность—вотъ наиболѣе характерныя его свойства: за что онъ ни брался, все въ его рукахъ принимало отпечатокъ присущаго ему спокойнаго благообразія. Такъ, напр., имъ была приведена въ образцовый порядокъ библіотека первой гимназіи. Съ этимъ учебнымъ заведеніемъ была связана вся его жизнь: здѣсь онъ учился и въ продолженіе долгихъ лѣтъ училъ, тутъ же начальствовалъ и умеръ.

До прошлаго года Н. А. считался на-рѣдкость здоровымъ человѣкомъ. Случайная простуда подорвала его жизненныя силы. Обнаружилось ожиреніе сердца, лѣтомъ появились отеки ногъ, болѣзнь почекъ. Скончался онъ въ нѣсколько секундъ — тотчасъ вслѣдъ за принятіемъ Св. Тайнъ. Молитвы во время обряда онъ прочиталъ самъ, стоя.

Немногимъ суждены были такая жизнь и такая кончина...

Н. Р.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И СООБЩЕНІЯ.

Въ Кіевскомъ Университетѣ. Въ нынѣшнемъ году подано было 800 прошеній о поступленіи въ университетъ Св. Владиміра лицами, окончившими въ нынѣшнемъ году гимназіи, въ томъ числѣ христіанъ 567, евреевъ 233. Изъ числа христіанъ по 16 августа зачислено было въ студенты 431. Вопросъ о зачисленіи лицъ іудейскаго вѣроисповѣданія будетъ разрѣшенъ на дняхъ правленіемъ университета. Въ числѣ евреевъ 52 окончившіе курсъ гимназій съ медалями, въ томъ числѣ 38 съ золотыми и 14 съ серебряными. Подлежитъ пріему 10 проц. евреевъ на все число зачисленныхъ въ студенты. Кромѣ того, поданы прошенія о зачисленіи въ студенты университета св. Владиміра 45 студентами другихъ университетовъ и 149 прошеній отъ бывшихъ студентовъ кіевскаго университета. Прошеній отъ лицъ, желающихъ прослушать фармацевтическій курсъ подано 45, въ томъ числѣ 35 евреевъ и 10 христіанъ. Въ нынѣшнемъ году норма подлежащихъ пріему на первые курсы университета св. Владиміра слѣдующая: математическій факультетъ—150, естественный—100, юридическій—300 и медицинскій—200. Норма студентовъ историко-филологическаго факультета не опредѣлена. („Кіевл.").

Столѣтіе Казанскаго Университета. Ректоръ Казанскаго университета проситъ насъ сообщить, что празднованіе столѣтняго юбилея университета (5 ноября 1904 года) отложено на неопредѣленное время, въ виду продолжающихся военныхъ дѣйствій на Востокѣ.

Приватъ-доценты въ Воен.-Мед. Академіи. Для того, чтобы получить званіе приватъ-доцента Императорской военно-медицинской академіи, требуется, какъ извѣстно, прочесть въ присутствіи конференціи академіи (совѣта профессоровъ ея) двѣ пробныя лекціи по избранной спеціальности: одну—на тему, взятую самимъ лекторомъ, а другую—на тему по назначенію конференціи, причемъ лекторъ, желающій достичь званія приватъ-доцента по клинической каѳедрѣ, долженъ подвергнуться еще, кромѣ того, особому испытанію у постели больного. Въ виду значительнаго наплыва лицъ, стремящихся пріобрѣсти званіе приватъ-доцента, конференція академіи признала необходимымъ установить для подачи заявленій о допущеніи къ соисканію этого званія предѣльный срокъ, назначивъ имъ 15-е декабря. Въ связи съ этимъ конференція опредѣлила также срокъ и для разбора ученыхъ трудовъ лицъ, ищущихъ званія приватъ-доцента, ограничивъ продолжительность времени, въ теченіе

котораго назначенная конференціею коммиссія можетъ разсматривать труды,—только однимъ мѣсяцемъ. („Нов.).

Общежитіе для студентовъ. Закончено постройкой общежитіе для студентовъ Императорскаго с.-петербургскаго университета. Когда возникла мысль устроить это общежитіе, вблизи университета нельзя было найти подходящій участокъ земли, а потому пришлось помириться на нѣсколько удаленномъ пунктѣ,—16-я линія Васильевскаго острова, между Большимъ и Среднимъ проспектами. Общежитіе занимаетъ огромный участокъ, мѣрою около 1.500 кв. саж., и состоитъ изъ трехъ-четырехъ-этажныхъ корпусовъ. Первый этажъ занятъ вестибюлемъ, конторой, кухней и помѣщеніями для служащихъ, а всѣ остальные три этажа раздѣлены на рядъ отдѣльныхъ комнатъ, причемъ каждый корридоръ снабженъ особой пріемной, общими умывальными, комнатой для занятій музыкой. Во второмъ этажѣ устроенъ общій библіотечный залъ, а въ третьемъ обширная столовая. Общежитіе расчитано на 150 человѣкъ. Ординарныхъ комнатъ устроено всего 10 и 7 для двухъ жильцовъ. Всѣ помѣщенія освѣщаются электричествомъ, отопляются водянымъ паромъ. Комнаты обставлены просто, но изящно и удобно, достаточно свѣтлы, снабжены вентиляторами. Плата за комнату для одного опредѣлена въ 21 р. 50 к., для двоихъ въ 29 р. Столъ будетъ отпускаться только въ томъ случаѣ, если наберется достаточное число студентовъ, желающихъ пользоваться обѣдомъ въ общежитіи. За обѣдъ и утренній и вечерній чай съ булками предположено взимать 14 р. 50 к. въ мѣсяцъ. Привѣтствуя возниковеніе общежитія, нельзя не указать на нѣкоторую дороговизну помѣщеній и стола. Даже при цѣнахъ, существующихъ въ столицѣ, не трудно найти комнату съ полнымъ пансіономъ за 35—40 р., а жизнь въ общежитіи, при пользованіи полукомнатой и однимъ обѣдомъ, будетъ обходиться въ 27 р. Такимъ образомъ, новое общежитіе, являясь учрежденіемъ отчасти вспомогательно-благотворительнаго характера, лишено своей основной сущности,—дешевизны, которую, главнымъ образомъ, и должно имѣть въ виду при стремленіи облегчить участь учащейся молодежи („Бирж. Вѣд.").

Студенты евреи. 9 іюля министерство народнаго просвѣщенія предписало попечителямъ учебныхъ округовъ, чтобы при зачисленіи въ студенты университетовъ лицъ іудейскаго вѣроисповѣданія въ счетъ установленной нормы давалось преимущество лицамъ, безуспѣшно обращавшимся съ просьбою о пріемѣ въ университетъ въ предшествующіе годы. Предложеніе министерства на практикѣ вызвало нѣкоторыя недоразумѣнія. Такъ, попечителемъ одного изъ учебныхъ округовъ возбуждено ходатайство о разъясненіи вопроса: слѣдуетъ-ли при зачисленіи въ студенты университетовъ лицъ іудейскаго вѣроисповѣданія въ счетъ установленной нормы безусловно давать предпочтеніе лицамъ, обращавшимся съ ходатайствомъ о пріемѣ ихъ въ университетъ въ предшествующіе годы, передъ тѣми евреями, которые въ нынѣшній срокъ подали и подаютъ прошенія о пріемѣ въ университетъ, или только при равенствѣ балловъ ихъ съ баллами подавшихъ прошеніе въ первый разъ. По этому вопросу министерствомъ народнаго просвѣщенія недавно было разъяснено, что слѣдуетъ давать предпочтеніе евреямъ, ранѣе ходатайствовавшимъ о пріемѣ, лишь при равенствѣ ихъ балловъ съ баллами подавшихъ прошенія позднѣе („Нов.").

Евреи въ Харьковскомъ университетѣ. 13 сентября состоялось за-

сѣданіе правленія для разсмотрѣнія прошеній лицъ іудейскаго исповѣданія, просившихъ о пріемѣ въ университетъ. До 13 сентября было принято православныхъ всего 475 человѣкъ. Пятипроцентная норма, установленная для пріема евреевъ въ университетъ, давала возможность принять изъ нихъ только 24 человѣка. Правленіе и приняло всего 24 человѣка, причемъ постановило ходатайствовать предъ министерствомъ народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи принять еще, сверхъ установленной 5%-ной нормы, 24 человѣка, т.-е. повысить норму до 10% („Южн. Кр.“).

Ходатайство женщинъ о пріемѣ въ университетъ повторяются: окончившая 2-ю харьковскую гимназію А. Н. Домбровская обратилась къ попечителю харьковскаго учебнаго округа съ просьбой, не найдетъ-ли онъ возможнымъ ходатайствовать передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія о допущеніи ея къ слушанію лекцій на юридическомъ факультетѣ харьковскаго университета („Южн. Кр.“).

Въ Демидовскомъ лицеѣ. 30-го августа въ Демидовскомъ юридическомъ лицеѣ въ Ярославлѣ состоялся годичный академическій праздникъ. Директоръ лицея Н. Э. Берендтсъ отмѣтилъ крайнюю матеріальную необезпеченность студентовъ-лицеистовъ и указалъ на Монаршую милость, по которой на улучшеніе питанія студентовъ ежегодно будетъ отпускаться изъ государственнаго казначейства по 5.000 р. Съ наступающаго года въ лицеѣ открываются каѳедры нѣмецкаго и французскаго языковъ. Актовую рѣчь читалъ проф. Н. И. Паліенко, избравшій темою „Идеи естественнаго права въ современной юриспруденціи“. Къ концу истекшаго академическаго года въ лицеѣ состояло 598 студентовъ“. („Нов.“)

Женскіе педагог. курсы въ Одессѣ. Министръ народнаго просвѣщенія утвердилъ рядъ новыхъ правилъ для слушательницъ одесскихъ женскихъ педагогическихъ курсовъ. Въ слушательницы курсовъ допускаются дѣвицы въ возрастѣ отъ 17 до 23 л., имѣющія аттестаты или свидѣтельства объ окончаніи курса женской гимназіи или равноправнаго съ ней учебнаго заведенія. Отъ всѣхъ поступающихъ въ слушательницы требуется знаніе одного новаго языка, въ размѣрѣ программъ женскихъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія. Въ вольнослушательницы, которыхъ полагается не свыше 20 проц. общаго числа слушательницъ, допускаются также лица, независимо отъ полученнаго ими образованія, по преимуществу изъ занимавшихся педагогической дѣятельностью въ учебныхъ и учебно-воспитательныхъ учрежденіяхъ, но съ особаго каждый разъ разрѣшенія попечителя одесскаго учебнаго округа, по ходатайству совѣта курсовъ. Для вольнослушательницъ курсовъ не обязательна педагогическая практика въ теченіе третьяго года ученія. Число слушательницъ изъ лицъ іудейскаго вѣроисповѣданія не должно быть болѣе двадцати процентовъ общаго числа слушательницъ. Съ каждой слушательницы и вольнослушательницы взимается за годичный курсъ плата по 150 р. Дочери преподавателей курсовъ освобождаются отъ платы за слушаніе лекцій и принимаются сверхъ установленнаго комплекта учащихся. Директоромъ курсовъ могутъ налагаться слѣдующія взысканія: замѣчаніе, выговоръ, временное запрещеніе посѣщать курсы и предложеніе подать прошеніе объ увольненіи изъ учебнаго заведенія, а въ экстренныхъ случаяхъ — и самое

увольненіе. Замѣчаніе можетъ быть дѣлаемо не только директоромъ курсовъ, но и инспектрисою. („Од. Л.“)

Преподаватели. Въ числѣ вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію происходившаго въ недавнее время въ С.-Петербургѣ совѣщанія попечителей учебныхъ округовъ, особенное вниманіе обращено на составъ преподавателей нашихъ учебныхъ заведеній. Вопросъ этотъ былъ детально разработанъ въ одной изъ прежнихъ коммиссій, работавшихъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, и въ распоряженіи членовъ совѣщанія имѣется обильный по этому поводу матеріалъ. Есть много данныхъ за осуществленіе еще въ прошлые годы выработаннаго проекта о томъ, чтобы лица, посвятившія себя педагогической дѣятельности, уже со 2-го или 3-го курса университета давали-бы пробные уроки по избранной спеціальности, подъ наблюденіемъ опытныхъ педагоговъ и ежегодно представляли отчеты о своей дѣятельности. Въ отчетахъ этихъ должны быть сдѣланы систематическія указанія на способы, примѣняемые къ преподаванію данныхъ предметовъ, на мѣры, примѣняемыя преподавателемъ къ развитію среди учащихся любви къ читаемому курсу, а также на мѣры чисто воспитательнаго характера. („Нов.“)

Педагогическія общества въ Курскѣ. Въ Курскѣ къ числу симпатичныхъ обществъ, нужно отнести вновь народившееся „педагогическое общество“. Мысль объ учрежденіи этого новаго кружка впервые зародилась въ средѣ мѣстныхъ педагоговъ и была очень сочувственно встрѣчена и поддержана мѣстною интеллигенціею и родителями учащихся. Согласно уже утвержденному министерствомъ уставу этого общества, педагогическое общество можетъ оказывать нравственную и матеріальную помощь педагогамъ, устраивать съѣзды, выставки, публичныя лекціи и т. д., причемъ въ среду общества могутъ входить лица и не педагогической корпораціи. Нельзя не пожелать лучшихъ успѣховъ этому симпатичному обществу. („Нов.“).

Воспитатели для кадетскихъ корпусовъ. Опубликовано новое положеніе о курсахъ для подготовленія офицеровъ къ воспитательной дѣятельности въ кадетскихъ корпусахъ. Курсы учреждаются при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній. На курсахъ изучаются слѣдующіе предметы: а) основы анатоміи и физіологіи человѣка, при чемъ обращается вниманіе на особенности физіологіи дѣтскаго и юношескаго возрастовъ; б) школьная гигіена, въ связи съ гигіеною тѣлесныхъ упражненій; в) начала логики и психологіи, въ примѣненіи къ дѣлу воспитанія; г) историческій очеркъ развитія педагогическихъ идей и современное ученіе о воспитаніи. Общее число слушателей курсовъ не должны превышать 30. Занятія на курсахъ продолжаются 9 мѣсяцевъ: съ 1 сентября по 1 іюля. („Рус. Инв.“),

---

Школьныя коммиссіи и совѣты. Въ прошломъ году нижегородское уѣздное земское собраніе признало необходимымъ учредить при управѣ совѣщательную коммиссію по школьно-хозяйственнымъ и учебно-педагогическимъ вопросамъ. Особенностью этой коммиссіи является участіе въ ней въ качествѣ членовъ 12 лицъ изъ учащихъ въ школахъ уѣзда. Въ числѣ возбужденныхъ на съѣздѣ вопросовъ особенно оживленный обмѣнъ мыслей воз-

будило предложеніе объ учрежденіи при школахъ для завѣдыванія школьнымъ хозяйствомъ особыхъ совѣтовъ съ участіемъ въ нихъ выборныхъ отъ сельскихъ обществъ, чтобы ближе заинтересовать населеніе въ благоустройствѣ школъ. Бывшій земскій начальникъ К. Н. Скуридинъ заявилъ, что такое предложеніе имѣетъ въ своей основѣ излишнюю идеализацію крестьянъ. „Имъ давно предоставлено право участія въ школьныхъ вопросахъ выборомъ попечителей въ школы, заявлялъ онъ,—а выбирать-то ихъ приходится намъ, въ земскомъ собраніи —Вы говорите про школьную смѣту. Да попросите у нихъ двугривенный на школу—не дадутъ добровольно: они лучше пропьютъ его". Очевидно, г. Скуридинъ знаетъ только пропойцевъ и разгильдяевъ изъ крестьянъ, со степенными же и домовитыми мужиками не ведетъ знакомства. А жаль! Понятно, что его огульное обвиненіе встрѣтило энергичный отпоръ со стороны другихъ членовъ коммиссіи, которою учрежденіе совѣтовъ было признано полезнымъ и желательнымъ. („Н. Вр".).

Недостатокъ въ преподавателяхъ въ Сибири. Къ началу текущаго академическаго года въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ восточной и западной Сибири замѣчается бошое количество свободныхъ учительскихъ вакансій, о чемъ свидѣтельствуетъ масса заявленій, поступившихъ и продолжающихъ поступать въ канцелярію Императорскаго с.-петербургскаго университета, съ просьбой рекомендовать окончившихъ курсъ студентовъ на преподавательскія должности, преимущественно по русскому языку и математикѣ, съ окладами отъ одной до трехъ тысячъ рублей. („Нов.").

Недостатокъ въ математикахъ. Въ одесскомъ учебномъ округѣ продолжаетъ чувствоваться недостатокъ въ преподавателяхъ математики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Кромѣ ранѣе опубликованнаго списка вакантны должности преподавателей математики: въ вознесенской мужской прогимназіи и женской гимназіи, въ мелитопольскомъ реальномъ училищѣ, въ мужскихъ гимназіяхъ Бахмута и Измаила и въ Александровской женской гимназіи. Вакантны также должности преподавателей русскаго языка въ мужскихъ гимназіяхъ Павлограда и Вознесенска. Въ послѣднемъ и въ женской гимназіи не замѣщена еще должность преподавателя русскаго языка („Од. Лист.").

Курсы для подготовки нар. учителей. Министерство народнаго просвѣщенія разъяснило, что учреждаемые по правиламъ 1900 г. курсы для приготовленія учителей и учительницъ начальныхъ училищъ имѣютъ цѣлью не усовершенствованіе наличнаго персонала учителей, а увеличеніе контингента лицъ, ищущихъ права на занятіе учительскихъ должностей, и что достиженіе этой цѣли было-бы затруднено допущеніемъ на курсы лицъ, обладающихъ уже учительскими дипломами, такъ какъ при этомъ естественно сокращалось-бы число слушателей, приготовляющихся къ учительскому экзамену. Кромѣ того, министерство признаетъ, что совмѣстное обученіе лицъ, выдержавшихъ учительское испытаніе, съ лицами, приготовляющимися къ нему, представляло бы существенныя затрудненія и вызывало-бы значительныя неудобства воспитательнаго значенія. („Нов.").

Пенсіи для нар. учителей. Симферопольское уѣздное земство вспомнило, наконецъ, о народныхъ учителяхъ: на предстоящемъ земскомъ собраніи будетъ разсмотрѣнъ докладъ объ увеличеніи содержанія народнымъ учителямъ. Въ настоящее время земскіе учителя симферопольскаго уѣзда получаютъ 360 рублей первоначально, и затѣмъ, черезъ каждые два года, окладъ этотъ увеличивается до удвоенія. По выслугѣ 21 года, учитель можетъ при настоящихъ условіяхъ разсчитывать на пенсію въ размѣрѣ всего 333 руб. въ годъ, тогда какъ окладъ въ 800 руб. даетъ право на полную пенсію. Поэтому земская управа проситъ собраніе назначить учителямъ первоначальный окладъ жалованія въ 400 рублей. („Югъ")

Несостоявшійся учительскій съѣздъ. Въ нынѣшнемъ году съѣздъ учащихъ земско-общественныхъ школъ царицынскаго уѣзда былъ разрѣшенъ попечителемъ казанскаго учебнаго округа, но не могъ состояться. По полож. объ учительскихъ съѣздахъ, таковые разрѣшаются подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ, который составляетъ и программу подлежащихъ обсужденію съѣзда вопросовъ, а также списокъ лицъ, имѣющихъ право принимать участіе въ занятіяхъ съѣзда. Въ числѣ этихъ лицъ, кромѣ учащихъ, упомянуты: предсѣдатель земской управы, члены училищнаго совѣта и представители учрежденій, на средства которыхъ устраивается съѣздъ. Здѣсь учительскій съѣздъ устраивался на счетъ уѣзднаго земства при пособіи со стороны губернскаго. Уѣздная управа и просила инспектора внести въ списокъ лицъ, имѣющихъ право принимать участіе въ занятіяхъ съѣзда, всѣхъ уѣздныхъ гласныхъ, заявившихъ о томъ свое желаніе. Но всѣ эти лица были исключены изъ числа имѣющихъ право участвовать на учительскомъ съѣздѣ... Въ виду именно этого, земская управа не признала возможнымъ отпустить ассигнованныя земствомъ средства на устройство съѣзда и таковой не могъ состояться, несмотря на то, что всѣ подготовительныя работы своевременно были закончены. Обо всемъ этомъ подробно будетъ доложено очередному царицынскому земскому собранію. („Цар. Лист.").

Тверское Общество взаимопомощи. Въ Твери 14 сентября состоялось общее собраніе тверского Общества взаимопомощи учащихъ. Изъ доклада правленія Общества видно, что дѣятельность Общества въ прошедшемъ году сильно сузилась: ни лекцій, ни спектаклей Общество въ послѣднее время не устраивало; разныя коммиссіи, работавшія прежде довольно энергично, въ этомъ году не собирались вовсе; составъ правленія Общества постоянно мѣнялся, и число членовъ Общества сократилось. Дѣятельность Общества направилась на выдачу ссудъ и пособій, которыхъ было выдано больше, чѣмъ позволяли обычныя средства Общества. Всего пособій было выдано на сумму 2.028 р., изъ нихъ 1.226 р. выдано 27-ми лицамъ, случайно лишившимся заработка. Такой большой расходъ, какъ 1.226 р., произведенный на выдачу пособій 27-ми лицамъ, лишившимся заработковъ (14 лицъ Тверскаго у. и 13—Новоторжскаго у.), не могъ не обратить вниманія собравшихся. Было указано, что если и впредь будутъ производиться такія массовыя увольненія, какъ въ этомъ году, то Общество вскорѣ должно будетъ истощить всѣ свои запасы, такъ какъ отказывать увольняемымъ совершенно немыслимо, зная ихъ нужду и трудность для нихъ найти занятія въ будущемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было высказано пожеланіе, чтобы училищные совѣты увольняли учителей по окончаніи года—весной, а не осенью или среди лѣта, какъ это дѣлается

теперь. За лѣтнее время увольняемый могъ бы найти какое-нибудь занятіе, и такимъ образомъ помощь Общества потребовалась бы въ меньшихъ размѣрахъ. Другіе находили мѣру эту мало дѣйствительной и указывали на то, что въ земствѣ вообще становится очень трудно работать. Окончательно резолюціи по данному вопросу собраніе не могло принять, и вопросъ былъ оставленъ открытымъ до будущаго собранія („Рус. Вѣд.“).

Музыкальныя школы. Вопросъ объ упорядоченіи состава педагогическаго персонала въ музыкальныхъ училищахъ Императорскаго музыкальнаго общества, какъ мы узнали, близокъ къ скорому и благопріятному разрѣшенію. Имѣется въ виду, главнымъ образомъ, обратить серьезное вниманіе на составъ директоровъ и инспекторовъ этихъ учебныхъ заведеній. Дѣло въ томъ, что въ названныхъ училищахъ за послѣдніе 3—4 года съ невѣроятной быстротой растетъ количество учащихся. А между тѣмъ, управленіе этими училищами поручается лицамъ, хотя и съ спеціальнымъ музыкальнымъ образованіемъ, но безъ общаго образованія. Въ виду этого предположено, чтобы директорами и инспекторами музыкальныхъ училищъ назначались лица, окончившія консерваторію и владѣющія при этомъ дипломами объ окончаніи одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній Имперіи. Въ выборѣ такихъ лицъ недостатка не будетъ, такъ какъ наши консерваторіи уже въ настоящее время насчитываютъ большое количество учащихся, предварительно закончившихъ курсъ образованія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. („Нов.“).

Училищные Совѣты и врачи. Нѣсколько времени тому назадъ с.-петербургскимъ губернскимъ земствомъ было возбуждено ходатайство передъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ о допущеніи земскихъ санитарныхъ врачей къ участію въ засѣданіяхъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ. Мѣра эта не замедлила-бы благотворно отразиться на здоровьѣ учащихся, живущихъ въ большинствѣ случаевъ въ тяжелыхъ антисанитарныхъ условіяхъ. Какъ намъ передаютъ, министерство нашло возможнымъ удовлетворить это ходатайство, благодаря чему врачи уже теперь, съ начала новаго учебнаго года, будутъ въ состояніи провести необходимыя въ этомъ отношеніи реформы („Нов.“).

Поучительное изслѣдованіе. Нѣсколько времени тому назадъ небольшая группа учителей и учительницъ задалась мыслью провѣрить справедливость тѣхъ нападокъ, съ которыми многіе обрушиваются на нашу среднюю школу за большой процентъ выпускаемыхъ ею въ послѣдніе годы лицъ, не вполнѣ осилившихъ русскую грамоту и, не смотря на аттестатъ, грѣшащихъ противъ русской орѳографіи. Въ распоряженіе педагоговъ былъ предоставленъ архивъ студенческой канцеляріи одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Остановивъ свой выборъ на дѣлахъ за послѣдніе 3 года, добровольная коммиссія пересмотрѣла свыше 10.000 прошеній, заявленій, запросовъ, претензій, автобіографическихъ записокъ и т. п. бумагъ, писанныхъ воспитанниками выпускныхъ классовъ столичныхъ и провинціальныхъ среднихъ школъ. Насколько неинтересно большинство изъ этихъ „писаній“ по своему содержанію, настолько въ то же время любопытны должны быть выводы, къ которымъ пришла коммиссія. Вотъ нѣкоторыя изъ цыфръ, полученныхъ ею. Молодые люди, наканунѣ полученія аттестатовъ, пишутъ: прилогая, концеля-

рія, стрѣмленіе, инжинерной, увѣдомлѣніе, натаріусъ, зайдти, врачь, ризультатъ... Такія грубыя орѳографическія ошибки найдены въ 2.785 бумагахъ, составляющихъ около 27% всего числа просмотрѣнныхъ педагогами документовъ. 12% всего числа бумагъ содержали въ себѣ подобныя же ошибки въ числѣ не менѣе двухъ каждая. Около половины (48%) авторовъ грѣшатъ противъ элементарныхъ правилъ разстановки знаковъ препинанія. Еще менѣе утѣшительны результаты оцѣнки этихъ „произведеній“ съ точки зрѣнія стилистики. Просто не вѣрится, что авторъ жизнеописанія въ нынѣшнемъ году оканчиваетъ курсъ N-скаго реальнаго училища или N-ской гимназіи, въ которой благополучно пребываетъ уже 9-й годъ. Болѣе 50% всѣхъ корреспондентовъ (принимались во вниманіе тѣ же документы, кромѣ прошеній) обнаруживаютъ непростительное неумѣніе выражать свои несложныя мысли съ достаточной ясностью и опредѣленностью („Бирж. Вѣд.“).

Столѣтіе черниговской гимназіи. Въ январѣ 1905 года исполняется сто лѣтъ со дня основанія черниговской гимназіи. По случаю юбилея,—начальство обратилось къ служащимъ въ гимназіи бывшимъ ея питомцамъ съ просьбой доставить свои записки, воспоминанія, свѣдѣнія о своемъ служебномъ и общественномъ положеніи и прочіе матеріалы, которые могутъ послужить къ составленію исторіи гимназіи. („Южн. Кр.“).

Столѣтіе рижской гимназіи. 16 сентября рижская гимназія Императора Николая I празднуетъ столѣтіе со времени ея преобразованія изъ Императорскаго лицея. Первоначально средне-учебное заведеніе подъ названіемъ „Schola Carolina“ было основано въ 1675 г. Вскорѣ оно стало именоваться лицеемъ. Послѣ своего преобразованія, касающагося, главнымъ образомъ, учебныхъ программъ, по окончаніи великой сѣверной войны и по введеніи въ краѣ новаго управленія съ 1733 г., лицей сталъ именоваться Императорскимъ, Подъ такимъ названіемъ съ нѣкоторыми послѣдовавшими затѣмъ, въ разное время, преобразованіями, особенно Императрицы Екатерины II, лицей существовалъ до 1804 г. Въ этомъ году по вновь утвержденному Императоромъ Александромъ I уставу учебныхъ заведеній Императорскій лицей былъ преобразованъ въ губернскую гимназію. Въ 1890 году гимназія, будучи преобразована по уставу 1871 года, получила нынѣшнее свое наименованіе. Въ ознаменованіе столѣтія существованія учебнаго заведенія подъ именемъ гимназіи нынѣ устраивается въ зданіи ея православная церковь во имя святителя и чудотворца Николая. („Риж. В.“).

Столѣтіе Юрьевской гимназіи. 15 сентября исполнилось 100 лѣтъ со дня основанія юрьевской гимназіи. Въ этотъ день въ часъ дня въ актовомъ залѣ гимназіи состоялся торжественный актъ, на который прибылъ изъ Риги попечитель учебнаго округа д. с. с. Ульяновъ. Торжественное празднованіе юбилея началось благодарственнымъ молебствіемъ, послѣ чего исполнена была юбилейная кантата. Затѣмъ директоръ гимназіи А. Ѳ. Гроссетъ произнесъ привѣтственную рѣчь. Послѣ рѣчи директора состоялось чтеніе поздравительныхъ адресовъ и телеграммъ, присланныхъ ко дню юбилея различными учрежденіями и лицами. Когда чтеніе адресовъ окончилось, на каѳедру взошелъ преподаватель исторіи Н. А. Скрябинъ и прочелъ извлеченія изъ исто-

рической записки о юрьевской гимназіи. По прочтеніи краткаго годового отчета и раздачи наградъ ученикамъ, оказавшимъ отличные успѣхи, учениками гимназіи исполненъ былъ народный гимнъ. По случаю юбилея ученики гимназіи были освобождены попечителемъ округа отъ занятій на два дня („Нов.“)

Новая женская гимназія въ Царскомъ Селѣ. 1-го октября въ Царскомъ Селѣ открывается новая женская гимназія министерства народнаго просвѣщенія, въ составѣ первыхъ шести классовъ и приготовительнаго. Прошенія подаются предсѣдателю педагогическаго совѣта открываемой гимназіи—директору царскосельскаго реальнаго училища Императора Николая II.

(„Бирж. В.“).

Учительская женская семинарія въ Борисовѣ. Вопросъ объ открытіи въ Борисовѣ первой въ Сѣверо-Западномъ краѣ женской учительской семинаріи переходитъ въ область возможнаго осуществленія. Мѣстное общественное управленіе ассигновало на семинарію 3 тысячи руб. единовременно и 1.000 руб. ежегодно, предложивъ также участокъ удобной земли въ 3 дес. подъ постройку семинаріи. Кромѣ того, 500 р. ассигновалъ ежегодно мѣстный помѣщикъ Колодѣевъ. Предполагается также получить половинную стоимость содержанія семинаріи отъ губернскаго земства. Въ общемъ, дѣло открытія семинаріи за послѣднее время значительно подвинулось впередъ. Недавно предположенное подъ семинарію мѣсто было осмотрѣно попечителемъ виленскаго учебнаго округа и директоромъ народныхъ училищъ Минской губ. и было признано вполнѣ удовлетворительнымъ. Дешевыя условія жизни, здоровый чистый воздухъ и удобное мѣстоположеніе семинаріи вблизи желѣзной дороги и судоходной рѣки Березины, а также и мѣстныя средства дали городу Борисову преимущество предъ другими, претендовавшими на это учебное заведеніе, мѣстами. Въ настоящее время изготовлены предварительныя смѣты, причемъ постройка зданія семинаріи предположена въ 35.000 руб., а содержаніе въ 20.000 р. ежегодно. („С. Зап. Кр.“).

Школа для больничной прислуги. Совѣтъ главныхъ врачей городскихъ больницъ Петербурга обратился въ городскую управу съ представленіемъ, въ которомъ указываетъ на ненормальное положеніе городскихъ больницъ по отношенію найма больничной прислуги. Служащіе въ городскихъ больницахъ, какъ извѣстно, набираются, главнымъ образомъ, изъ являющихся на заработки въ Петербургъ крестьянъ, изъ случайнаго пришлаго люда и, конечно, не имѣютъ никакого понятія объ обязанностяхъ по отношенію къ больнымъ. Исполненіе этихъ тяжелыхъ обязанностей, требующихъ ловкости, умѣнья и, главнымъ образомъ, терпѣнія, становятся, на первыхъ-же порахъ, не подъ силу для человѣка неграмотнаго и не привыкшаго къ регулярному больничному обиходу. Въ виду этихъ соображеній, совѣтъ главныхъ врачей и рекомендуетъ петербургской думѣ учрежденіе въ Петербургѣ новой школы для подготовки больничной прислуги. Организація школы, по проекту совѣта врачей, такова: школа должна быть учреждена въ видѣ опыта при одной изъ городскихъ больницъ, и расчитана на 100 ученицъ. Продолжительность обученія сидѣлокъ-ученицъ, въ зависимости отъ степени ихъ грамотности, способностей и успѣховъ, продолжается отъ 6 мѣсяцевъ до года. Необходимый на содержаніе школы кредитъ опредѣляется въ 25.000 руб. въ годъ, изъ разсчета по 250 руб. въ годъ на ученицу. Изъ этой суммы каждой ученицѣ будетъ выдаваться жалованье по 5 руб. въ мѣсяцъ, при полномъ содержаніи

учениц. Управленіе школы ввѣряется старшему врачу больницы, преподавательницами будутъ сестры милосердія изъ больничнаго персонала. Проектируя эту школу, совѣтъ врачей находитъ необходимымъ возможно улучшить матеріальное положеніе сидѣлокъ, которое теперь, кстати сказать, ужасно. Нѣтъ помѣщенія, нѣтъ отдыха и полная необезпеченность подъ старость.

(„Бирж. Вѣд").

Новая должность. По новымъ штатамъ центральнаго управленія министерства народнаго просвѣщенія, въ составъ новаго департамента народнаго просвѣщенія входитъ завѣдующій врачебно-санитарной частью учебныхъ заведеній. Окладъ по этой новой должности опредѣленъ въ 3.750 р. Помощнику завѣдующаго врачебно-санитарной частью опредѣлено содержаніе въ 2.800 р. Обѣ эти вновь учрежденныя должности замѣщаются лицами съ высшимъ медицинскимъ образованіемъ („Нов.").

Зубоврачебная школа. Могутъ-ли быть принимаемы въ зубоврачебныя школы лица, имѣющія свидѣтельство объ окончаніи курса шести и восьми классовъ гимназіи безъ древнихъ языковъ? Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, на обсужденіе котораго этотъ вопросъ былъ переданъ, высказался въ томъ смыслѣ, что весьма желательно, чтобы поступающіе въ зубоврачебныя школы имѣли нѣкоторыя познанія въ латинскомъ яз., по крайней мѣрѣ, въ объемѣ IV классовъ гимназіи, что такія познанія требуются даже для поступленія въ аптекарскіе ученики, что въ этомъ смыслѣ необходимо восполнить существующій въ законѣ пробѣлъ относительно условій допущенія въ зубоврачебныя школы воспитанниковъ такихъ среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, каковы реальныя училища и кадетскіе корпуса. Такъ какъ по закону (св. зак. т. XIII, изд. 1892 года прим. къ ст. 103 п. 7 уст. врач.) для поступленія въ зубоврачебную школу „требуется представленіе свидѣтельства объ окончаніи курса, по крайней мѣрѣ, шести классовъ средняго общеобразовательнаго учебнаго заведенія", то, очевидно, вопросъ о допущенія въ эти школы лицъ, имѣющихъ вышеупомянутыя свидѣтельства, долженъ быть рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ. Указанное мнѣніе ученаго комитета министромъ народнаго просвѣщенія утверждено.

(„Нов").

Школа быкобойцевъ. Въ Харьковѣ открывается едва-ли не первая въ Россіи школа бойцовъ, предназначаемыхъ для нормальнаго убоя скота. Замѣчательно, что ни на одной изъ скотобоенъ, даже богато обставленныхъ, снабженныхъ разнородными приспособленіями для этого дѣла, нѣтъ правильнаго убоя скота. Если бы общество покровительства животнымъ имѣло свободный доступъ на скотобойни, особенно уѣздныя и сельскія, оно засыпало бы мировыхъ и городскихъ судей обиліемъ протоколовъ о безчеловѣчно-жестокомъ обращеніи бойцовъ съ несчастными животными. („Южн. Кр.").

С.-Петербургская школа гимнастики. По иниціативѣ шт.-кап. Алексѣева, два года тому назадъ въ Петербургѣ организована школа гимнастики, которая за это короткое время дала блестящіе результаты и разрослась въ организацію съ чрезвычайно обширной программой. 8-го сентября школа и

рядъ другихъ образовавшихся при ней учрежденій открыла зимній сезонъ въ гимнастическомъ городкѣ, имѣющемъ уже три отдѣленія: на Петербургской сторонѣ (Б. Спасская, 18), на Инженерной ул., № 10, и на Шлиссельбургскомъ шоссе, № 25 (у Фарфороваго завода). Въ программу занятій школы и ея отдѣленій входятъ: педагогика, анатомія, физіологія, гигіена, свѣдѣнія относительно подачи первой медицинской помощи въ несчастныхъ случаяхъ, обзоръ ученій по вопросамъ физическаго образованія, психологія и антропологія—все это по отдѣлу теоріи; что же касается до практическихъ занятій, то въ программу ихъ входитъ: пѣніе, игры, строй, движенія—свободныя и на снарядахъ съ приборами, танцы, фехтованіе, верховая ѣзда, метаніе копья и диска, стрѣльба изъ лука и ружья, работы столярныя, землекопныя, примѣры спасанія въ несчастныхъ случаяхъ, прогулки, поѣздки и т. п. При гимнастическомъ городкѣ учреждается музей „Дѣтскій міръ“, гдѣ будетъ собранъ весь матеріалъ, относящійся къ дѣлу воспитанія дѣтей. Послѣ занятій состоялось третье общее собраніе членовъ общества „Богатырь“, на обсужденіе котораго поставлены слѣдующіе вопросы: Объ ознаменованіи дня рожденія Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича, о заготовленіи сумокъ съ подарками для отправленія ихъ нижнимъ чинамъ на Дальнемъ Востокѣ, объ утвержденіи инструкціи для отдѣленій общества „Богатырь“, а также объ организаціи на время праздниковъ Рождества Христова съѣзда лицъ, руководящихъ дѣломъ физическаго развитія молодежи въ школѣ и внѣ ея и выставки предметовъ гимнастики, атлетики и спорта.

(„Бирж. В.“).

Новое образовательное общество. Въ Петербургѣ возникаетъ общество развитія грамотности и элементарныхъ практическихъ знаній среди дѣтей фабричныхъ и неимущихъ лицъ столицы. Проектъ названнаго общества уже разработанъ и въ непродолжительномъ времени будетъ представленъ на усмотрѣніе надлежащихъ властей. Средства общества, главнымъ образомъ,—членскіе взносы, а также обѣщана матеріальная поддержка со стороны заводчиковъ и фабрикантовъ. („Нов.“).

Орѳографическая реформа. По предложенію учебнаго начальства педагогическіе совѣты с. петербургскихъ городскихъ, по положенію 1872 года, училищъ, занялись разсмотрѣніемъ брошюры „Предварительное сообщеніе орѳографической подкомиссіи“, составленной подкомиссіей, избранной въ засѣданіи 12-го апрѣля 1904 года коммиссіею при академіи наукъ по вопросу о русскомъ правописаніи. Заключенія отдѣльныхъ совѣтовъ городскихъ училищъ будутъ затѣмъ разсмотрѣны въ общемъ собраніи преподавателей с. петербургскихъ городскихъ училищъ. („Нов.“).

Новые курсы. 1-го сентября состоялось открытіе въ Петербургѣ новыхъ курсовъ, имѣющихъ два совершенно самостоятельныхъ отдѣла —подготовительный и курсы обиходныхъ знаній. Нѣсколько необычнымъ является то, что учащійся можетъ комбинировать для себя программу по своему усмотрѣнію, слушать курсъ даннаго предмета только въ одной части. Для этого плата взимается полекціонно,—по 50 к. за одну лекцію, за 20 лекцій—9 руб., 50—20 руб., 100—45 руб., причемъ предоставляется слушать одну пробную лекцію для опредѣленія полезности курсовъ или интереса даннаго предмета. Въ программу подготовительныхъ курсовъ входятъ общеобразовательные

предметы, нужные готовящимся поступить въ различныя учебныя заведенія, для полученія диплома на званіе начальнаго училища и т. п. Программа школы обиходныхъ знаній заключаетъ въ себѣ 14 курсовъ, изъ нихъ приводимъ нѣкоторые: ознакомленіе съ мѣрами и способами измѣренія у насъ и за границей, необходимыя торгово-промышленныя свѣдѣнія, простѣйшіе инструменты при всякомъ ручномъ трудѣ; основныя свѣдѣнія о правахъ и обязанностяхъ; понятія объ электричествѣ, фотографіи, золоченіи, серебреніи, никкелированіи и т. п. Слушателямъ выдаются краткіе конспекты прочитанныхъ лекцій. Читать въ новой школѣ, между прочимъ, будутъ Н. И. Березинъ, Е. И. Кипріановичъ и г-жа Т. Я. Ганжулевичъ („Бирж. Вѣд.“).

Школьный домъ въ Москвѣ. 16-го сентября происходило освященіе и открытіе городского училищнаго дома имени Ѳ. А. Серебрякова, сооруженнаго на Средней Прѣснѣ, въ Предтеченскомъ переулкѣ. На постройку и содержаніе училищнаго дома по духовному завѣщанію Ѳ. А. Серебрякова пожертвовано было 250 т. руб. Изъ этой суммы около 100 т. израсходовано на постройку школьнаго зданія и 150 т. р. предназначено на содержаніе двухъ расположенныхъ въ немъ начальныхъ училищъ, мужского и женскаго. Каменное трехэтажное съ жилымъ подваломъ, училищное зданіе возведено по проекту городского архитектора Н. Н. Благовѣщенскаго на обширномъ участкѣ, изъ котораго половина пріобрѣтена городскою управой у бывшаго владѣльца Финогенова, а другая половина досталась городу какъ выморочное имущество. Подвальный этажъ зданія занятъ раздѣвальнями для учащихся, квартирами служителей, кухнями для преподавательскаго персонала и калориферами для центральнаго водяного отопленія. Въ первомъ этажѣ размѣщены 12 квартиръ для учащихъ. Второй этажъ занимаетъ женское училище, а третій—мужское. Каждое училище имѣетъ отдѣльный ходъ. Устройство обоихъ училищъ совершенно одинаково: центральная часть школы занимаетъ обширная рекреаціонная зала съ большими окнами съ одной стороны, а около нея съ трехъ сторонъ расположены классы и учительскія комнаты. Полы во всѣхъ трехъ этажахъ паркетные; залы, классы и квартиры отличаются обиліемъ свѣта и чистотой. Какъ мужское, такъ и женское училище, кромѣ трехъ нормальныхъ классовъ, имѣютъ по три параллельныхъ, а всего въ училищномъ домѣ 12 классовъ. Зданіе и классовая мебель построены соотвѣтственно современнымъ требованіямъ школьной гигіены. Училищный домъ устроенъ на 500 учащихся,—250 въ мужскомъ училищѣ и 250 учащихся въ женскомъ. Открываются пока по два отдѣленія (первое и второе) въ каждомъ училищѣ, и принято уже около 200 дѣтей въ мужское и около 200 въ женское училище. Пріемъ учащихся продолжается. Предъ открытіемъ училищнаго дома въ одной изъ рекреаціонныхъ залъ совершено было молебствіе въ присутствіи товарища городского головы И. А. Лебедева, директора народныхъ училищъ Московской губерніи В. С. Новицкаго, инспектора Н. А. Покорскаго, члена городской управы, завѣдующаго школами, Г. А. Пузыревскаго, члена управы М. И. Приклонскаго, предсѣдателя училищной коммиссіи Л. Л. Катуара, членовъ городскаго училищнаго совѣта и попечителей училищъ, преподавательскаго персонала и учащихся дѣтей. („Рус. В.).

Школьный питомникъ. Энергія и настойчивость, проявляемыя народными учителями въ содѣйствіи населенію въ дѣлѣ веденіи плодоводства, иногда

даютъ прекрасные результаты, какъ видно изъ слѣдующаго примѣра. Три года назадъ земскимъ учителемъ с. Коммиссаровки Даніиломъ Настенкомъ на участкѣ земли при училищѣ былъ заложенъ питомникъ лѣсныхъ и плодовыхъ деревьевъ. Теперь въ питомникѣ имѣется плодовыхъ привитыхъ деревьевъ—1.483 и лѣсныхъ—795, всего—2.288 экземпляровъ. Въ текущемъ году изъ этого питомника отпущено безплатно, преимущественно ученикамъ своего же училища, деревьевъ плодовыхъ привитыхъ: яблонь—79, грушъ—65, вишень и черешенъ—30 штукъ; лѣсныхъ: дуба—280, ясеня—185 штукъ и барбариса—8 кустовъ; взято для посадки въ училищномъ саду и дворѣ: плодовыхъ деревьевъ—43 и лѣсныхъ—60 штукъ. Всего вынуто изъ питомника 750 деревьевъ. Въ виду достигнутыхъ уже успѣховъ, г. Настенко ходатайствуетъ предъ губернской земской управой о выдачѣ ему денежнаго вознагражденія за веденіе практическаго садоводства при училищѣ. Ходатайство это заслуживаетъ тѣмъ большаго уваженія, что осенью предстоятъ по этому дѣлу довольно значительные расходы. („Придн. Кр.").

Доброе дѣло. 16 августа состоялось освященіе новаго зданія министерскаго двухкласснаго училища имени Симеона и Евдокіи Крючковыхъ въ селѣ Александрова Пустынь Рыбинскаго уѣзда. Зданіе двухкласснаго училища построено петербургскимъ 1-й гильдіи купцомъ, комерціи совѣтникомъ И. С. Крючковымъ въ память своихъ родителей. Училище представляетъ очень красивое двухэтажное каменное зданіе, въ которомъ устроены классы, безплатная народная библіотека, учительская, залъ для народныхъ чтеній, квартиры преподавателямъ, общежитіе для учащихся, столовая, кухни и др. Обиліе свѣта и воздуха, чистота, изящество и удобство въ помѣщеніяхъ привлекаютъ вниманіе посѣтителей. Училищу отведено десять десятинъ земли, изъ которыхъ двѣ назначены для сада, питомника, огорода и пчельника, а восемь десятинъ заняты лѣсомъ, который предположено расчистить и превратить въ паркъ. При училищѣ предполагается также устроить слесарныя и столярныя мастерскія, для которыхъ И. С. Крючковымъ будетъ выстроено особое зданіе. Училище имѣетъ прекрасную и удобную мебель для учащихъ и учащихся. Мѣстные крестьяне, получившіе прекрасное зданіе двухкласснаго училища, обезпеченное содержаніемъ, выразили И. С. Крючкову свою горячую благодарность за оказанное благодѣяніе и поднесли икону, адресъ и хлѣбъ-соль. Ярославская губернія, занимающая третье мѣсто по числу грамотныхъ въ Россіи, представляетъ ту счастливую особенность, что лица, вышедшія изъ крестьянъ и получившія образованіе и средства, жертвуютъ значительныя суммы на просвѣтительныя учрежденія. Такъ, въ Ярославской губерніи на пожертвованныя средства существуютъ два прекрасно устроенныя техническія училища: въ Ярославлѣ—Пастухова и въ Рыбинскѣ—Комарова, четыре двухклассныхъ училища, городское училище, нѣсколько богадѣленъ, больницъ и друг. („Н. Вр.")

Вечерніе классы для взрослыхъ въ Ц. Селѣ. Мѣстный уѣздный училищный совѣтъ занятъ въ настоящее время организаціей вечернихъ классовъ со взрослыми въ начальныхъ классахъ. Правильное распространеніе такого рода классовъ давно уже признано одною изъ важнѣйшихъ мѣръ къ развитію и особенно поддержанію грамотности въ сельскомъ насе-

леніи. Пока училищный совѣтъ, съ цѣлью привести въ извѣстность условія успѣшнаго осуществленія задачи, обратился съ запросомъ ко всѣмъ сельскимъ учителямъ о томъ, согласны ли они принять на себя веденіе вечернихъ классовъ, сколько времени могутъ удѣлять для нихъ и какое вознагражденіе желали бы получить. Матеріальныя средства совѣта очень незначительны; предполагается просить земское собраніе объ ассигнованіи на этотъ предметъ 1.000 руб., но этого, конечно, мало. Поэтому совѣтъ намѣренъ попытаться привлечь къ участію въ дѣлѣ попечителей училищъ и мѣстныхъ жителей. Въ числѣ предположеній совѣта намѣчено и взиманіе, если будетъ возможно, хотя бы незначительной платы за обученіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не ограничиваясь устройствомъ учебныхъ вечернихъ занятій, училищный совѣтъ имѣетъ въ виду и развитіе въ каждой мѣстности какой-нибудь наиболѣе подходящей къ мѣстнымъ условіямъ отрасли ремесленнаго труда путемъ посылки соотвѣтствующихъ инструкторовъ. Въ подробности всѣ эти мѣры будутъ разсматриваться въ предстоящемъ уѣздномъ земскомъ собраніи Царскосельскаго уѣзда. („Нов. Вр.“).

Вечерніе курсы. Съ цѣлью предоставить молодымъ людямъ возможность пополнить пробѣлы образованія, съ разрѣшенія г. попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа при рождественскомъ четырехклассномъ городскомъ училищѣ (уголъ 6-й Рождественской ул. и Суворовскаго пр., д. 16—13) открываются вечерніе курсы. На курсахъ этихъ будутъ подготовляться также лица къ экзамену на званіе домашняго или сельскаго учителя, на первый классный чинъ, на вольноопредѣляющагося и на аттестатъ объ окончаніи курса городского училища. Чтеніе лекцій на курсахъ производится по вечерамъ. („Нов.“)

Екатерининское воспитательное заведеніе с.-петербургскаго дворянства праздновало 19 августа 25-лѣтіе своего существованія. На торжествѣ по этому случаю присутствовали с.-петербургскій губернаторъ Зиновьевъ, губернскій предводитель дворянства графъ Гудовичъ, гофмейстеръ Ю. С. Нечаевъ-Мальцовъ, уѣздный предводитель Шубинъ-Поздѣевъ и др. Празднованіе носило семейный характеръ. По окончаніи молебна бывшіе воспитанники поднесли адресъ предводителямъ дворянства и своимъ бывшимъ наставникамъ. Затѣмъ состоялся завтракъ, а вечеромъ въ саду былъ сожженъ фейерверкъ.

Пополненіе каталога городскхъ читаленъ. Статистическія данныя о посѣщеніи народныхъ читаленъ показываютъ, что около 40 проц. посѣтителей—ремесленники, фабричные рабочіе. Эти читатели являются въ читальни не только съ запросами на развлеченіе, но и съ запросами самообразованія. Отчеты читаленъ показываютъ, что большинство посѣтителей этого рода требуютъ книги техническаго содержанія, сочиненія по бухгалтеріи, по сельскому хозяйству и по естественнымъ наукамъ. Читальни, снабженныя книгами по каталогу министерства народнаго просвѣщенія, не имѣютъ требуемыхъ сочиненій и не могутъ удовлетворить запросамъ. Въ виду этого возбужденъ вопросъ о пересмотрѣ каталога народныхъ читаленъ, съ тѣмъ, чтобы въ этомъ пересмотрѣ приняли участіе, кромѣ чиновъ министерства народнаго просвѣщенія, представители духовнаго вѣдомства, министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, юстиціи, финансовъ и военнаго.

Училище для дѣтей ремесленниковъ. Нѣсколько ремесленныхъ обществъ различныхъ городовъ возбудили въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ ходатайство объ учрежденіи, хотя бы, въ видѣ опыта на первое время, на сѣверѣ, западѣ и югѣ Россіи трехъ такихъ низшихъ школъ, которыя давали бы небольшое, но вполнѣ законченное образованіе дѣтямъ ремесленниковъ. Говоря о типѣ этихъ школъ, ходатайство указываетъ на американскія школы, въ которыхъ обучаются дѣти ремесленниковъ. („Бирж. В.“)

Въ виду войны. Въ Курской губ. съ наступленіемъ войны на Дальнемъ Востокѣ крестьяне стали разспрашивать своихъ дѣтей, посѣщающихъ сельскую школу, о Кореѣ, Японіи и Манчжуріи и были удивлены, что ихъ дѣти знаютъ объ этомъ столько же, сколько и они. Тогда родители начали обращаться къ учителямъ этихъ школъ съ просьбою объяснить имъ, почему не научили ихъ дѣтей столь интереснымъ въ настоящее время вещамъ. Узнавъ, что ни программа училищъ, ни задача ихъ, ни время обученія не даютъ возможности давать необходимыя знанія, они возбудили на нѣсколькихъ сельскихъ сходахъ вопросы о расширеніи земскихъ школъ въ такой мѣрѣ, чтобы оканчивающіе въ нихъ курсъ имѣли свѣдѣнія о Сибири и Дальнемъ Востокѣ. Богатыя сельскія общества намѣрены взять на себя необходимые расходы по расширенію зданій училищъ и по увеличенію въ нихъ числа классовъ. Нѣкоторые учителя, не желая подвергаться нареканіямъ на ихъ школы, прилагаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы ознакомить учащихся дѣтей съ событіями на Дальнемъ Востокѣ; они открыли также для взрослыхъ воскресныя и вечернія бесѣды. („Н. Вр.“)

Новыя изданія постоянной комиссіи народныхъ чтеній. Постоянная коммиссія народныхъ чтеній выпустила рядъ изданій въ связи съ событіями на Дальнемъ Востокѣ. Къ каждому изданію набраны серіи картинъ, которыя будутъ исполнены на стеклѣ для волшебныхъ фонарей, при народныхъ чтеніяхъ. Въ самомъ близкомъ будущемъ коммиссіей будетъ выпущена брошюра о жизни и литературной дѣятельности А. П. Чехова, къ которой изготовляются картины, изображающія портреты покойнаго писателя, въ обществѣ Толстого, Горькаго, домъ Чехова въ Таганрогѣ и Ялтѣ, изображенія важнѣйшихъ типовъ, выведенныхъ Чеховымъ, и нѣкоторые эпизоды изъ его произведеній. Большое количество изданій коммиссіи народныхъ чтеній пріобрѣтено комитетомъ грамотности для отсылки на Дальній востокъ въ дѣйствующую армію. („Бирж. В.“)

Неблагополучныя по эпидеміямъ школы. Министерствомъ народнаго просвѣщенія издано новое постановленіе, въ отмѣну прежнихъ распоряженій относительно закрытія школъ и пріютовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они становятся гнѣздами заразныхъ болѣзней. Отнынѣ закрытіе школъ и пріютовъ, въ случаѣ появленія въ нихъ заразныхъ болѣзней, должно производиться по распоряженію мѣстнаго участковаго врача, который доводитъ объ этомъ до свѣдѣнія инспектора народныхъ училищъ. Училищнымъ совѣтамъ предоставляется право издавать особыя инструкціи, въ выработкѣ которыхъ долженъ принимать обязательное участіе врачъ. („Нов.“)

Дѣти павшихъ воиновъ. Въ Орлѣ городскою управою получено отношеніе отъ попечителя московскаго учебнаго округа съ запросомъ о томъ, можетъ-ли городъ принять на себя содержаніе въ учебныхъ заведеніяхъ дѣтей воиновъ, павшихъ на театрѣ войны на Дальнемъ Востокѣ. Думскою комиссіей, по народному образованію постановлено предложить думѣ: 1) освободить отъ платы за ученіе учащихся въ городскихъ училищахъ дѣтей умершихъ на войнѣ съ Японіей воинскихъ чиновъ; 2) бѣднѣйшимъ изъ этихъ дѣтей выдавать безплатно учебныя пособія; 3) сыновьямъ названныхъ чиновъ изъ мѣщанъ гор. Орла предоставить пятнадцать мѣстъ въ городскомъ дѣтскомъ пріютѣ, по мѣрѣ освобожденія въ немъ вакансій, и 4) вслѣдствіе отсутствія городскихъ женскихъ пріютовъ ассигновать по 300 р. въ годъ на содержаніе десяти дѣвочекъ изъ дочерей умершихъ воинскихъ чиновъ въ существующихъ въ Орлѣ пріютахъ для дѣвочекъ вѣдомства Императрицы Маріи или благотворительнаго общества, съ тѣмъ, чтобы на содержаніе каждой такой дѣвочки изъ городскихъ суммъ шло по 30 рублей, а остальное добавлялось отъ казны, и чтобы выборъ кандидатовъ принадлежалъ городу.

Литературно-музыкальное собраніе въ Нарвской мужской гимназіи. Въ воскресенье, 24-го октября, въ Нарвской мужской гимназіи состоялось второе литературно-музыкальное собраніе, программа котораго была составлена еще разнообразнѣе и интереснѣе, чѣмъ перваго собранія.

Въ литературный отдѣлъ вошли рефераты, составленные и прочитанные учениками VIII класса: Козловымъ—„Периклъ, какъ общественный и политическій дѣятель, по Плутарху", Вѣжаницкимъ—„Сущность новаго взгляда на опричнину" и Геймбергомъ—„Борисъ Годуновъ" Пушкина и „Царь Борисъ" графа А. Толстого и ученикомъ VII класса Игнатьевымъ—„Капитанская дочка" и „Юрій Милославскій". Далѣе были продекламированы учениками стихотворенія „Емшанъ" (Майкова), „Подъ Краснымъ Крестомъ" (Полонскаго) и „Внимая ужасамъ войны" (Некрасова). Затѣмъ были поставлены двѣ сцены изъ „Бориса Годунова" — „Сцена въ корчмѣ у Литовской границы" и „Сцена у фонтана", исполнителями въ которыхъ выступили ученики старшихъ классовъ, ученица VI кл. женской гимназіи (въ роли Марины Мнишекъ) и бывшая воспитанница той же гимназіи (въ роли хозяйки корчмы).

Въ концѣ перваго отдѣленія г директоръ познакомилъ слушателей съ краткой біографіей нашего писателя Ѳ. Миллера, пріобрѣвшаго извѣстность весьма удачными переводами нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ,—и затѣмъ прочелъ одно изъ его произведеній „старинную англійскую легенду изъ эпохи царствованія Іоанна Безземельнаго"—„Королъ и аббатъ".

Въ музыкальный отдѣлъ вошли: нѣсколько вокальныхъ нумеровъ, исполненныхъ ученическимъ хоромъ нѣсколько пьесъ, сыгранныхъ учениками на двухъ балалайкахъ и гитарѣ, романсъ, исполненный подъ аккомпанементъ рояля ученицей VII класса женской гимназіи Е. Шпицбергъ, вальсъ Шопена, исполненный на роялѣ преподавателемъ К. А. Тамомъ, и нѣсколько пьесъ, сыгранныхъ ученическимъ оркестромъ.

Собраніе закончилось народнымъ гимномъ, троекратно исполненнымъ ученическимъ хоромъ.

На собраніи присутствовали почетный попечитель гимназіи А. Ѳ. Ганъ, учебно-воспитательный персоналъ мужской гимназіи, начальница и нѣкоторыя изъ учительницъ и классныхъ дамъ женской гимназіи и воспитанники и воспитанницы старшихъ классовъ обѣихъ гимназій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для семьи и школы

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

Въ годъ 4 р. 50 к. безъ пересылки 5 р. съ пересылкой

Тридцать седьмой годъ изданія.

Особымъ Отдѣломъ Ученаго Комитета Мин. Нар. Просв. журналъ допущенъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. (Отношеніе № 32542, отъ 21 ноября 1902 года).

Редакція журнала **„Дѣтское Чтеніе“** ставитъ себѣ задачею давать семьѣ и школѣ тщательно избранный матеріалъ для чтенія какъ художественный, такъ и популярно-научный матеріалъ, не только легкій и занимательный, но вмѣстѣ съ этимъ и воспитательный, развивающій духовную природу человѣка, укрѣпляющій высокія стремленія человѣка осуществлять въ жизни „разумное, доброе, вѣчное“.

Въ 1905 г. журналъ „Дѣтское Чтеніе“ дастъ всѣмъ подписчикамъ:

12 книжекъ журнала, въ составъ которыхъ входятъ: а) повѣсти, разсказы и сказки; б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи; г) популярно-научныя статьи; д) снимки съ портретовъ замѣчательныхъ людей и съ картинъ.

7 томиковъ безплатныхъ приложеній: I. **Картинки изъ японской жизни** (со многими рисунками въ текстѣ), составила по Пьеру-Лоти, Шредеру и другимъ источникамъ *Е. Н. Тихомирова.* II. **Сочиненія Шиллера** въ изложеніи и объясненіи *И. И. Иванова.* 1) Шиллеръ — біографія; 2) Орлеанская Дѣва; 3) Марія Стюартъ; 4) Донъ-Карлосъ.—III. Сборникъ разсказовъ **Генрика Сенкевича и Элизы Ожешковой**, въ переводѣ *В. М. Лаврова.* IV. Избранныя сочиненія **Лермонтова**, подъ редакціей *Д. И. Тихомирова.*

Подписная цѣна на „Дѣтское Чтеніе“. Безъ доставки на годъ 4 р. 50 к. Съ доставк. и перес. на годъ 5 р. **Подписная цѣна „Дѣтское Чтеніе“ съ „Педагогическимъ Листкомъ“** (8 кн.). Безъ доставки на годъ 5 р. 50 к. Съ доставк. и перес. на годъ 6 р. За-границу **„Дѣтское Чтеніе“** съ **„Педагогическимъ Листкомъ“**—8 руб.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА.

Подписка принимается въ редакціи: **Москва, Б. Молчановка, д. № 24. Д. И. Тихомирова** и у книгопродавцевъ. Книгопродавцамъ уступка 5%.

Плата за объявленія въ журналѣ „Дѣтское Чтеніе“ за цѣлую страницу 40 р. За полстраницы 15 р.

Оставшіеся комплекты журнала *„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“* за прежніе годы съ 1897—1904 гг. по **4 р. 50 к.** безъ пересылки.

Постановленіемъ Международной Экспертной Коммиссіи при выставкѣ „Дѣтскій Міръ“ въ Петербургѣ 1904 г. присуждено Д. И. Тихомирову „за изданіе журнала **„Дѣтское Чтеніе“** и **„Педагогическій Листокъ“**, за изданіе цѣлаго ряда прекрасныхъ книгъ и за составленіе многочисленныхъ весьма полезныхъ руководствъ для низшихъ училищъ и младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній“,—Золотая медаль. Кромѣ того, литературно-педагогическіе труды Д. И. Тихомирова удостоены слѣдующихъ наградъ: золотыхъ медалей отъ Петербургскаго и Московскаго Комитетовъ Грамотности; почетнаго отзыва отъ съѣзда дѣятелей по технич. и профессіональному образованію; золотой медали отъ Всемірной выставки въ Парижѣ 1900 г.

Издательница **Е. Н. Тихомирова.** Издатель **Д. И. Тихомировъ.**

При журналѣ **„Дѣтское Чтеніе“** и **„Педагогическій Листокъ“** организованъ **книжный складъ** изданій Д. И. Тихомирова: 1) Библіотека для семьи и школы; 2) Учительская библіотека.

Каталогъ высылается безплатно по первому требованію.

При каждомъ № „НИВЫ“, независимо отъ другихъ приложеній, **подписчики получатъ по одной книгѣ,** а новые подписчики, выписывающіе также (за 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.) первыя 20 книгъ Шеллера-Михайлова за 1904 г., получатъ ихъ при первомъ № „Нивы“ 1905 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1905 ГОДЪ

(36-й годъ изданія)

на еженедѣльн. иллюстрирован.

ЖУРНАЛЪ

со многими приложеніями

СПЕЦІАЛЬНЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ НА ТЕАТРѢ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ: академ. **Н. С. Самокишъ,** художн. **В. А. Табуринъ,** фотографъ **В. К. Булла.**

Гг. подписчики „НИВЫ“ получатъ въ теченіе 1905 года:

52 №№ художественно-литературнаго журнала „НИВА“, заключающаго въ себѣ въ теченіе года до 2000 столбцовъ текста и 1200 гравюръ, рисунковъ и художественныхъ снимковъ.

40 КНИГЪ „Сборника Нивы“ (каждая отъ 10—15 листовъ, а въ общемъ около 8.000 страницъ), отпечатанныхъ четкимъ шрифтомъ, на хорошо глазированной бумагѣ и содержащихъ:

ПЕРВЫЯ **10** КНИГЪ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

(„Губернскіе очерки“, „Помпадуры и помпадурши“, „Господа Головлевы“ и друг.). Съ портретомъ автора и „Матеріалами для біографіи“, **К. К. Арсеньева.**

(Цѣна полн. собр. въ отдѣльной продажѣ съ перес. 21 руб.).

ОСТАЛЬНЫЯ **30** КНИГЪ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА

Подъ редакціею и со вступительною статьею **А. М. Скабичевскаго.**

(Цѣна полн. собр. въ отдѣльной продажѣ съ перес. 27 руб.).

12 КНИГЪ **„Ежемѣсячныхъ литературныхъ и популярно-научныхъ Приложеній“,** содержащихъ романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя и критическія статьи современныхъ авторовъ и отдѣлы библіографіи, смѣси, шахматовъ и шашекъ, задачъ и разн. игръ. До 2000 столбц. текста съ рисунк.

12 №№ „Парижскихъ Модъ“. До 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ. Съ почтовымъ ящикомъ для отвѣтовъ на разнообразные вопросы подписчиковъ.

12 ЛИСТОВЪ рисунковъ (около 300) для рукодѣльныхъ, выпильныхъ работъ и для выжиганія и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину.

1 „СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1905 годъ, отпечатанный въ 10 красокъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложеніями на годъ:

въ С.-Петербургѣ: безъ доставки—**6 р. 50 к.** съ доставкой — **7 р. 50 к.** Безъ доставки: 1) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской—7 р. 25 к.; 2) въ Одессѣ, въ книжн. магаз. „Образованіе“—7 р. 50 к.

Съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи . . . . 8 р. За границу—**12 р.**

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА ВЪ 2, 3 и 4 СРОКА.

Новые подписчики, желающіе получить, кромѣ „Нивы“ 1905 г. со всѣми ея приложеніями, еще **ПЕРВЫЯ 20 книгъ А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА за 1904 г.,** доплачиваютъ единовременно при подпискѣ: безъ доставки въ С.-Петербургѣ—2 р. 50 к., безъ дост. въ Москвѣ и Одессѣ 2 р. 75 коп.; съ дост. въ СПБ. и съ пересылкой иногороднымъ и за границу—3 руб.

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается безплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Контору журнала „НИВА“, улица Гоголя, № 22.